

ОБРАЗОВАНИЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

УЛУС ДЖУЧИ
ВЕЛИКОЙ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ
(1207–1266).
ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ:
ОТ ВЫДЕЛЕНИЯ УДЕЛА ДЖУЧИ ДО НАЧАЛА ПРАВЛЕНИЯ
ПЕРВОГО СУВЕРЕННОГО ХАНА

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2008

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)43
О 23

Рекомендовано Ученым советом факультета татарской филологии и истории
Казанского государственного университета
в качестве учебного пособия

Научный редактор:
доктор исторических наук, профессор,
действительный член Академии наук Республики Татарстан *М.А.Усманов*

Рецензент:
кандидат исторических наук *А.А.Арсланова*

Авторы-составители:
М.С.Гатин
Л.Ф.Абзалов
А.Г.Юрченко

Образование Золотой Орды. Улус Джучи Великой Монгольской империи (1207—1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения удела Джучи до начала правления первого суверенного хана / Сост., вступ. ст., комм., указатели, подбор иллюстраций и карт М.С.Гатина, Л.Ф.Абзалова, А.Г.Юрченко. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. — 480 с. — ISBN 978-5-298-01610-0

Вот уже 800 лет исполнилось с момента зарождения Улуса Джучи, более известного как Золотая Орда, государства, сыгравшего колоссальную роль в истории многих народов Евразии. Впервые широкому кругу читателей представляются свидетельства современников всего Старого Света этого любопытного явления.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)43

ISBN 978-5-298-01610-0

© Татарское книжное издательство, 2008
© Абзалов Л.Ф., 2008
© Гатин М.С., 2008
© Юрченко А.Г., 2008

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Монгольские завоевания времен Чингиз-хана, его сыновей и внуков оставили глубокий, временами и местами неизгладимый след в исторической судьбе многих покоренных стран, сотен народов и племен Евразии. Возникшая сверхдержава, простиравшаяся от Тихого океана почти до Атлантического, как единое государственное образование просуществовало недолго. В результате его распада в 60-х гг. XIII столетия образовались четыре новых государства, являвшиеся фактически также крупными империями. Одной из них был Улус Джучи, ставший позднее известным под образным названием Золотая Орда.

История Золотой Орды у нас изучена неравномерно, она не осмыслена в необходимом объеме. Освещалась она, как правило, в связи с изложением истории (иногда предыстории) других государств, преимущественно при освещении их внешних контактов. Особенно не везло ей в советские времена, когда «в свете» известного постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. нормальное освещение ее сложной истории подменялось фактически народофобскими штампами, особенно отличались в этом плане различные учебники, учебные пособия с их многомиллионными тиражами и всевозможные средства массовой информации, в бурном, нечистоплотном потоке которых тонули более или менее объективные, но в основном малотиражные научные публикации. (Труды зарубежных исследователей были еще менее доступными для отечественных читателей.)

Ситуация несколько изменилась в последнее время, начиная с 90-х гг. XX в. Наравне с переизданием более содержательных корпусов археологических материалов, стали появляться и новые труды, призванные объективнее освещать проблему. Разумеется, рядом с такими достойными внимания изданиями стали появляться и дилетантские публикации, в которых прежние «черные» становятся «белыми», а «белые», наоборот, — «черными».

Появлению таких искажающих прошлую сложную действительность публикаций и вообще легковесных изданий способствует, прежде всего, то, что большинство письменных первоисточников является малодоступным широкой общественности. То есть сказывается недостаточность своеобразного «контрольного» материала. Потому что значительное большинство источниковых текстов представлено лишь на страницах изданий, часто являющихся библиографической редкостью.

Последняя особенность, т.е. отсутствие широкодоступных источниковых текстов сильно ощущается и в учебном процессе, когда студенты и аспиранты не могут оперировать достаточным по количеству и качеству источниковым материалом, поэтому вынуждены ограничиваться сведениями, полученными «из вторых рук», то есть из других позднейших публикаций, допускающих иногда чересчур вольные и однобокие толкования. Поэтому вполне закономерно то, что за создание специального хрестоматийного пособия по одной проблеме из истории Золотой Орды взялись вузовские работники — педагоги — составители данного сборника.

Вместе с тем предлагаемые вниманию широкой общественности издания под названием «Образование Золотой Орды», как видно из подзаглавия, не является обычной вузовской хрестоматией, включающее в себя краткие извлечения или лишь образцы их, относящиеся ко всем периодам истории названного государств. В сборнике, являющимся вполне научным изданием, собраны материалы по одному конкретному вопросу: от зарождения предпосылок и идеи образования автономного улуса будущей империи до становления этой части сверхдержавы суверенным государством северо-западной части Евразии под названием Джучиев Улус или Золотая Орда. Причем представлены не выборочные сведения, а по возможности весь комплекс материалов, что способствует всестороннему осмыслению проблемы.

Следующей особенностью сборника, охватывающего материалы с начала монгольских завоеваний до конца 60-х гг. XIII века, является четкая определенность хронологических рамок отобранных источников. В него включены тексты только тех источников, которые принадлежали перу современников события, а не поздних компиляторов (хотя и в таковых могут содержаться относящиеся к проблеме сведения, но это объект последующего этапа изучения всего комплекса материалов). Такой подход оправдывается тем, что подобный целеустремленный отбор источников, определения их специального корпуса дает возможность получить более четкое представление о степени осведомленности разноязычных современников о природе, значении происходивших событий и, наконец, об отношении свидетелей к ним.

Следует также отметить правомерное расширение корпуса источников по избранной теме, например, в отечественной историографии изложение событий сводилось в основном к покорению Руси и основывалось преимущественно на сведениях восточных и русских (позднего происхождения) источников. В сборнике же широко представлены материалы и на западных языках, что, безусловно, является закономерным, ибо завоевания продолжались и после покорения отдельных русских княжеств.

Группировка, т.е. «классификация» текстов, осуществлена не по предметно-тематическому принципу, а по лингво-этническому, что, на мой взгляд, дает возможность сравнивать качество их информации и шире осмысливать результаты завоеваний как в восточной, так и западной частях Евразии.

Сборник, включающий в себя большое количество разноязычных источников в переводе на русский язык (переводы выполнены прежними публикаторами, поэтому они качественно неравнозначны) снабжены краткими библиографическими справками, указателями и минимальными комментариями в подстрочных примечаниях. Такая особенность публикации предполагает самостоятельное осмысление читателем информации источников. Иначе говоря, публикаторы не навязывают ему свое видение проблемы.

Считаю, что этим сборником начато большое дело по систематическому изданию источникового материала по истории Золотой Орды. Вторым сборником (томом) надеюсь, будет издание, включающее в себя источники по

истории периода становления, развития суверенного Улуса Джучи, то есть эпохи его могущества. В этом томе, уверен, наравне с другими материалами займут свое достойное место ценнейшие источники на русском языке, в том числе сведения летописей, тексты которых до нас дошли, как правило, в изложениях, то есть переработке XV–XVI вв. Следовательно, они больше отражают особенности взаимоотношений русских князей и правителей Сарая.

Особого внимания, на мой взгляд, заслуживает и заключительный период истории Золотой Орды — период кризиса и распада, далее фактической гибели державы Джучидов. То есть напрашивается и третий том по публикации источников по данной проблеме.

Надеюсь, что составители доведут до логического конца начатое ими полезное дело, в котором заинтересованы как широкие круги читателей, так и действующие, и будущие ученики самих составителей.

М.А. Усманов
профессор Казанского университета
май-июнь 2008 г.

Знание — столь драгоценная вещь,
что его не зазорно добывать из любого источника.

Абу-л-Фарадж. XIII век

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Наряду с изданием научных статей, монографий и других работ в изучении истории первостепенное место занимает исследование и публикация источников.

Сборников источников, которые представляли бы весь период образования Улуса Джучи, до сих пор не издано ни в Татарстане, ни в России, ни за рубежом. Между тем потребность в такого рода издании велика. В нем нуждаются как студенты и преподаватели вузов, так и все интересующиеся историей Золотой Орды, круг которых непрерывно расширяется, особенно в последние десятилетия. Данный Сборник является попыткой в какой-то мере удовлетворить эту потребность.

Составители настоящего Сборника видели своей главной задачей создание свода источников XIII—XIV вв., отражающих наиболее важные события и процессы рождения нового государства на евразийском пространстве — Улуса Джучи (Золотой Орды). При выборе источников и материалов, которых достаточно много, мы исходили из следующих критериев: автор документа должен был быть очевидцем или по крайней мере современником процесса образования Золотой Орды (1207—1266). При этом мы стремились представить наиболее широкий спектр стран происхождения источников.

Основное содержание Сборника представляют собой опубликованные документы и материалы на русском языке в различных редких, а для многих недоступных изданиях. В Сборнике представлены материалы различного происхождения, это извлечения из сочинений монгольских, китайских, персидских, армянских, сирийских, арабских, византийских, латинских и французских авторов. Тексты исторических сочинений приводятся либо полностью, либо в извлечениях. Исторические источники предваряются краткими введениями. Комментарии к источникам выполнены составителями. В конце книги читатель может обнаружить список опубликованных источников и основной литературы, касающейся проблемы образования Золотой Орды. Для более глубокого понимания информации средневековых авторов нами было уделено большое внимание составлению указателей: терминов и непереведенных слов (они выделены в тексте курсивом), имен, географических мест, этнических названий, династий, сект.

В определении даты образования Улуса Джучи между последователями разных научных школ и концепций существуют расхождения, иногда значительные. Но не нужно забывать того, что образование государства — это длительный и сложный процесс. В этом отношении не стала исключением и Золотая Орда. Процесс формирования независимого государства затянулся с 1207 до 1269 года.

В Сборнике начальным рубежом принят 1207 год — год покорения «лесных народов», когда Чингиз-хан выделил своему старшему сыну Джучи удел. Заканчивается же изложение до начала правления Менгу-Тимура — первого золотоордынского хана, открыто заявившего о своем суверенитете чеканкой монет с собственным именем.

В определении географических рамок составители исходили из того, что, по крайней мере, до смерти Бату Улус Джучи включал в себя или считал своими огромные территории на западе Монгольской империи, в том числе Закавказье и Малую Азию, о чем есть достаточное количество свидетельств современников.

Поскольку Сборник является первой попыткой собрания источников по заявленной теме, то он не может быть свободным от упущений и недостатков — как в отношении полноты приводимых сведений, так и в самом их выборе. Тем не менее составители надеются, что издание это будет полезно для всех, кто интересуется этим периодом истории многочисленных народов Евразии и татарского народа в том числе.

ИЗ «ТАЙНОЙ ИСТОРИИ МОНГОЛОВ»

«Монгол-ун ниуча тобчан» в русских переводах названный «Сокровенным сказанием» или «Тайной историей монголов» является важнейшим источником по истории Монгольской империи. Возможно, что первоначально «Тайная история монголов» была написана уйгурским алфавитом, но до наших дней дошла в транскрипции китайскими иероглифами с точным подстрочным переводом каждого монгольского слова. В сохранившихся списках китайское название источника «Юань-чао би-ши» («Тайная история династии Юань») вынесено в заглавие, но многие исследователи полагают, что заглавием оригинала была первая строка текста «Чингис каган-у худжаур» («Происхождение (или Родословие) Чингис-хана»).

В историографии существуют разные предположения об авторстве «Тайной истории». Например, японский исследователь Канаи Ясудзо в 1911 г. предполагал, что автором памятника мог быть Тататунга, тамгачи найманского правителя, плененный Чингиз-ханом в 1204 г. Немецкий исследователь Э.Хэниш приписывает авторство татарину Шиги-Хутуху, сподвижнику Чингиз-хана. В последующем эта гипотеза была подвергнута критике исследователем У.Хуном. Монголист Ш.Бира выдвигал предположение о коллективном авторстве «Тайной истории монголов». Неизвестной остается и дата написания этого памятника. Наиболее вероятной и принятой большинством является дата 1240 г. Существуют также и другие версии относительно времени создания «Тайной истории монголов» (1228 г., 1252 г., 1264 г.).

Ниже предлагаются выдержки из «Тайной истории монголов» в переводе С.А.Козина, который, по мнению современных исследователей, не лишен определенных недостатков, в первую очередь связанных с литературным характером перевода. Следует также отметить, что в научной литературе имеется другой лингвистически более точный перевод «Тайной истории монголов» Б.И.Панкратова, но в отличие от полного перевода С.А.Козина, известна лишь часть его переводов.

Текст воспроизведен по изданию: Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mong \square ol-un nic \square uca tobic \square jan. Юань Чао би ши. Монгольский обыденный сборник. М.; Л., 1941. С. 96, 97, 103, 104, 109–111, 127, 144, 158–161, 163, 173–176, 183–185, 187–189, 191–198.

«[...]

II. Юность Чингиса

[...]

§ 98. Однажды, во время кочевки у Бурги-эрги, в истоках реки Келурена, чуть свет, в ту пору, когда начинает только желтеть воздух, поднялась Хоахчин-эмген, служанка в *юрте* матери Оэлун, поднялась и говорит:

«Поскорее вставай, мать. Слышен топот конский, земля дрожит. Уж не едут ли опять эти неотвязные Тайчиудцы? Тотчас вставай, мать!»

§ 99. Тотчас же встала и мать Оэлун, встала и велит поскорей разбудить ребят. Темучжин и другие ребята тоже не замедлили встать. Поймали лошадей и сели верхом: на одной лошади — Темучжин, на другой — Оэлун-эке, на третьей — Хасар, на четвертой — Хачиун, на пятой — Темуге-отчигин, на шестой — Бельгутаи, на седьмой — Боорчу и на восьмой — Чжелме. Темулуну же мать Оэлун держала у себя на руках, у груди. Одну лошадь приспособили в качестве заводной, так что для Борте-учжины не оставалось лошади.

§ 100. Темучжин с братьями тронулись и еще до зари поднялись на Бурхан. Спасая Борте-учжину, Хоахчин-эмген усадила ее в крытый возок, запрягла рябую в почках корову и тронулась вверх по речке Тенгели. Еще темнел бор по северным склонам. Светало. Вдруг навстречу им скажут, озираясь кругом, ратные люди. Подъехали к старухе и спрашивают: «Ты кто такая?» — «Я темучжиновская!» — говорит старуха Хоахчин. — «Езжу в большую *юрту* стричь овец. А сейчас еду домой». — «А Темучжин-то дома? Далеко ль до его *юрты*?» — спрашивают те. — «*Юрта*-то его близко, — говорит Хоахчин, — а дома ли он, нет ли, — того не знаю: я выехала с заднего двора».

§ 101. Ратники тотчас ускакали. Тут старуха Хоахчин принялась хлестать, подгонять свою рябокожую корову, да от спешки-то ось тележная и сломалась. Оставшись со сломанной осью, давай они уговариваться пешком пробраться в лес. Как вдруг подлетают к ним вскачь те самые, что и давеча ратники, а с ними Бельгутаева мать, которую вдвоем с одним из них посадили за седло: ноги ее свисали без опоры в стремянах. Подлетают: «А в телеге у тебя что?» — спрашивают. — «Везу овечью шерсть!» — отвечает старуха Хоахчин. Тогда военные начальники говорят: «Слезай-ка, ребята, да посмотри!» Ребята слезли и приоткрыли дверцу крытого возка: «Да тут сама госпожа!» — говорят они и выволокли ее. Они посадили ее на коня сундиатом, вдвоем с Хоахчин, и поднялись на Бурхан, идя по следу Темучжина, по примятой траве.

§ 102. По следам Темучжина трижды они обошли Бурхан-халдун, но не могли его поймать. Метались туда и сюда, шли по его следу по таким болотам, по такой чаще, что сытому змею и не проползти. Однако изловить его все же не смогли. Оказывается, то были люди из трех Меркитских родов: Тохтоа из Удууд-Меркитского рода, Даир-Усун из Увас-Меркитского рода и Хаатай-Дармала из Хаат-Меркитского рода. За то, что когда-то у Чиледу была отнята Оэлун-эке, теперь они, в свою очередь, пришли отомстить. «Ну, теперь мы взяли пенью за Оэлун, забрали у них жен. Взяли-таки мы свое!» — сказали Меркиты и, спустившись с Бурхан-халдуна, тронулись по направлению к своим домам. [...]

III. Разгром Меркитов. Наречение Темучжина Чингис-ханом

[...]

§ 110. Тою же ночью и весь Меркитский улус в панике бросился бежать вниз по течению реки Селенги, а наши войска [Тоорил-хана, Чжамухи и Темучжина] ночью же гнали, губили и забирали в плен беглецов. Темучжин же, забегая навстречу бежавшим, все время громко окликал: «Борте, Борте!» А Борте как раз и оказалась среди этих беглецов. Прислушавшись, она узнала голос Темучжина, соскочила с возка и подбегает. Обе женщины, Борте и няня Хоахчин, сразу ухватились за знакомые оброть и поводья Темучжинова коня. Было мясечно. Взглянул он на Борте-учжину и узнал. Обняли они друг друга. В ту же ночь Темучжин послал сказать Тоорил-хану и *анде* Чжамухе: «Я нашел, что искал. Прекратим же ночное преследование и остановимся здесь». А относительно Меркитских беглецов надобно добавить, что и заночевали они на тех же местах, где ночь застигла их беспорядочное бегство. Вот как произошла встреча Темучжина с Борте-учжин и освобождение ее из Меркитского плена.

§ 111. Как перед тем было рассказано, Меркитский Тохтоа, Увас-Меркитский Даир-Усун и Хаатайский Дармала, эти трое Меркитских вождей, с тремястами людей совершили поход с целью отомстить за то, что некогда Есугай-Баатур отбил Оэлун-эке у Еке-Чиледу, который доводился младшим братом Тохтоа-беки. Тогда они трижды облагали гору Бурхан-халдун для поимки Темучжина и тогда же захватили в плен Борте-учжин. Ее они передали на волю младшего брата Чиледую, по имени Чильгир-Боко. В его-то воле она все время и находилась. [...]

[...]
§ 124. По воцарении Чингис-хана приняли обязанность носить колчан: Оголай-черби, младший брат Боорчу, и братья Чжетаи и Дохолху-черби. Онгур же, Сюйкету-черби и Хадаан-Далдурхан были поставлены кравчими-*бавурчинами*, так как они говорили:

«Что утром пить — не заставим ждать,
Что в обед испить — не будем зевать!»

[«Утреннего питья не заставим ждать, об обеденном питье не позабудем!»]

Дегай же сказал:

«Жирного барашка
Супу наварить
Утром не замедлю,
В ужин не забуду.
Не вместить в загоне —
Пестрого барана столько разведу.
Не вместить в хотоне —
Желтого барана столько распложу. На еду не горд я!
Требухую сыт!»

[«Поутру не упущу я сварить супу из отборного барана, к ужину (с едой) не опоздаю. Так буду пасти пестрых овец, что все промежутки заполню, так буду пасти бело-желтых овец, что весь загон переполню. Я ведь плохой обжора (лакомка): на попасе овец буду кормиться и требухой!».]

Поэтому Дегай он поручил заведовать овечьим хозяйством. Младший его брат Гучугур сказал:

«У коляски с замком
И чеке потеряться не дам я.
Я коляску искусной работы
На шляху проведу без изъяна».

[«У замочной телеги-чеки ее не запропащу; телегу с осью на большой дороге (на шляху) не растрясусь».]

Ему и было поручено заведовать кочевыми колясками. Додай-черби получил в свое ведение всех домочадцев и слуг. Мечниками, под командой Хасара, были назначены Хубилай, Чилгутаи и Харгай-Тохураун. И сказал им *хан*:

«Тем, кто на шею другому садится,
Шею наотмашь рубите!
Тем, кто не в меру кичлив,
Напрочь ключицу смахните!»

[«Облегчайте шею тем, кто будет насильничать, рубите ключицы тем, кто будет зазнаваться!».]

Бельгугею и Харалдай-Тохурауну было повелено:

«Вы меринов принимайте,
Актачинами ханскими будьте!»

[«Пусть эти двое примут меринов, пусть будут конюшими-*актачинами*!».]

Тайчиудцев Хуту, Моричи и Мулхалху он назначил заведовать табуном. Архай-Хасару, Тахаю, Сукегаю и Чаурхану повелел:

«Вы же будьте моими разведчиками,
будьте моими
Дальними стрелами-*хоорцах*,
Ближними стрелами-*одора*!»

[«Вы будьте дальними стрелами-*хоорцах* да ближними-*одора*!»]

А Субеетай-Баатур сказал так:
«Для тебя обернуся я мышкой —
Буду в дом собирать-запасать.
Обернувшись черной вороной —

Все, что под руку, в дом загребать.
Обернуся я теплой попоной —
Буду тело твоё согревать.
Обернусь я покровной кошмою —
Буду *юрту* твою покрывать».

[«Обернувшись мышью, буду собирать-запасать вместе с тобою. Обернувшись черным вороном, буду вместе с тобою подчищать все, что снаружи. Обернувшись войлоком-нембе, попробую вместе с тобой укрываться им; обернувшись *юртовым* войлоком-герисге, попробую вместе с тобой им укрыться».]

[...]

V. Разгром татар. Разрыв с Ван-ханом

[...]

§ 165. Чингис-хан же задумал еще усугубить их взаимную приязнь. Для этого он решил попросить для Чжочи руки Сангумовой младшей сестры, Чаур-беки, и в свою очередь, выдать нашу Хочжин-беки за Тусаху, сына Сангума. С этим предложением он и обратился. Тут Сангум, вздумав повеличаться своею знатностью, сказал такие слова: «Ведь нашей-то родне придется, пожалуй, сидеть у вас около порога, да только невзначай поглядывать в передний угол. А ваша родня должна у нас сидеть в переднем углу да глядеть в сторону порога». Эти слова говорил он с явным умыслом почваниться собой и унизить нас. Видимо, вовсе не соглашаясь на брак Чаур-беки, они не хотели связать себя словом. Во время этих переговоров Чингис-хан внутренне охладел и к Ван-хану и к Нилха-Сангуму.

[...]

VII. Керенты и их монгольские союзники во главе с Чжамухой передаются найманам. Смерть Ван-хана. Разгром найманов и меркитов

[...]

§ 191. Понравилось это слово Бельгутаю Чингис-хану. Остановив охоту, он выступил из Абчжиха-кодегера и расположился лагерем по Халхе, в урочище Орноуйн-кельтегай-хада. Произвели подсчет своих сил. Тут он составил тысячи и поставил *нойонов*, командующих тысячами, сотнями и десятками. Тут же поставил он *чербиев*. Всего поставил шесть *чербиев*, а именно: Додай-черби, Дохолху-черби, Оголе-черби, Толун-черби, Бучаран-черби и Сюйкету-черби. Закончив составление тысяч, сотен и десятков, тут же стал он отбирать для себя, в дежурную стражу, *кешиктенов*: 80 человек *кебтеулов*, — ночной охраны, и 70 человек *турхаудов*, — дневной гвардейской стражи. В этот отряд по выбору зачислялись самые способные и видные наружностью сыновья и младшие братья *нойонов*, тысячников и сотников, а также сыновья людей свободного состояния (*уту-дурайн*). Затем была отобрана тысяча богатырей, которыми он милостивейше повелел командовать Архай-Хасару и в дни битв сражаться пред его очами, а в обычное время состоять при нем *турхах-кешиктенами*. Семьюдесятью *турхаудами* поведено управлять Оголе-чербию, по общему совету с Худус-Халчаном.

§ 192. Кроме того, Чингис-хан издал такое повеление: «Стрельцы, *турхауты*, *кешиктены*, кравчие, вратари, конюшие, вступая в дежурство утром, сдают должность *кебтеулам* перед закатом солнца и отправляются на ночлег к своим коням. *Кебтеулы*, расставив кого следует на дежурство при вратах, несут ночную *караульную* службу вокруг дома. Наутро, в ту пору, когда мы сидим за столом, вкушая суп-*шулен*, стрельцы, *турхауты*, кравчие и вратари, сказавшись *кебтеулам*, вступают каждый в свою должность и располагаются по своим постам. По окончании своего трехдневного и трехнощного дежурства, они сменяются указанным порядком и, по истечении трех ночей, вступают ночными *кебтеулами* и несут *караульную* службу вокруг». Итак, покончив с составлением тысяч, поставив *чербиев*, учредив отряд *кешиктенов* в 80 *кебтеулов* и 70 *турхаудов*, отобрав богатырей для Архай-Хасара, он выступил в поход на Найманский народ с урочища Орноуйн-кельтегай-хада на Халхе. [...]

VIII. Кучулук бежит к гур-хану хара-китадскому на реку Чуй, а Тохтоа — к кипчакам. Чжебе послан преследовать Кучулук-хана, а Субеетай — Тохтоая. Смерть Чжамухи. Воцарение Чингиса. Награды и пожалования сподвижникам.

[...]

§ 202. Когда он направил на путь истинный народы, живущие за войлочными стенами, то в год *Барса* (1206) составил сейм, и собрались у истоков реки Онона. Здесь воздвигли девятибунчужное белое знамя и нарекли *ханом* — Чингис-хана. Тут же и Мухалия нарекли *Го-вано*. И тут же повелел он Чжебею выступить в поход для преследования Найманского Кучулук-хана. По завершении устройства Монгольского государства Чингис-хан соизволил сказать: «Я хочу высказать свое благоволение и пожаловать *нойонами*-тысячниками над составляемыми тысячами тех людей, которые потрудились вместе со мною в созидании государства». И нарек он и поставил *нойонами*-тысячниками нижепоименованных девяносто и пять *нойонов*-тысячников: 1) Мунлик-эциге; 2) Боорчу; 3) Мухали-Го-ван; 4) Хорчи; 5) Илугай; 6) Чжурчедай; 7) Хунан; 8) Хубилай; 9) Чжельме; 10) Туге; 11) Дегай; 12) Толоан; 13) Онгур; 14) Чулгетай; 15) Борохул; 16) Шиги-Хутуху; 17) Гучу; 18) Кокочу; 19) Хоргосун; 20) Хуилдар; 21) Шилугай; 22) Чжетай; 23) Тахай; 24) Цаган-Гова; 25) Алак; 26) Сорхан-Шира; 27) Булган; 28) Харачар; 29) Коко-Цос; 30) Суйкету; 31) Наая; 32) Чжунсу; 33) Гучугур; 34) Бала; 35) Оронартай; 36) Дайр; 37) Муге; 38) Бучжир; 39) Мунгуур; 40) Долоадай; 41) Боген; 42) Худус; 43) Марал; 44) Чжебке; 45) Юрухан; 46) Коко; 47) Чжебе; 48) Удутай;

49) Бала-черби; 50) Кете; 51) Субеетай; 52) Мунко; 53) Халчжа; 54) Хурчакхус; 55) Гоуги; 56) Бадай; 57) Кишлык; 58) Кетай; 59) Чаурхай; 60) Унгиран; 61) Тогон-Темур; 62) Мегету; 63) Хадаан; 64) Мороха; 65) Дори-Буха; 66) Идухадай; 67) Ширахул; 68) Давун; 69) Тамачи; 70) Хауран; 71) Алчи; 72) Тобсаха; 73) Тунгуйдай; 74) Тобуха; 75) Ачжинай; 76) Туйгегер; 77) Сечавур; 78) Чжедер; 79) Олар-гурген; 80) Кинкиядай; 81) Буха-гурген; 82) Курил; 83) Аших-гурген; 84) Хадай-гурген; 85) Чигу-гурген; 86) Алчи-гурген; 87–89, (три тысячника на) три тысячи икиресов; 90) Онгудский Алахуш-дигитхури-гурген и 91–95) (пять тысячников на) пять тысяч Онгудцев. Всего, таким образом, Чингис-хан назначил девяносто пять (95) *нойонов*-тысячников из Монгольского народа, не считая в этом числе таковых же из Лесных народов.

§ 203. Однако в этом числе полагаются и *ханские* зятья. Учредив тысячи и назначив *нойонов*-тысячников, тут же Чингис-хан повелеть соизволил: «Пусть позовут ко мне *нойонов* Боорчи, Мухали и других, которых я намерен пожаловать за особые заслуги!» В *юрте* же оказался при этом случае один Шиги-Хутуху. Чингис-хан и говорит ему: «Сходи, позови!» Тогда Шиги-Хутуху ответил: «А эти Боорчу с Мухалием и прочие

Больше кого потрудились,
Больше кого заслужили они?
Чем же я не достоин награды,
В чем недостаточно я послужил.

* * *

Кажется, я с колыбели
Вот до такой бороды,
Рос у тебя за порогом высоким
И своего никогда не помыслил.

* * *

Помню в штаны еще крошкой пускал,
Но уж стоял у тебя за порогом златым.
Вот и усами закрылись уста —
Разве роптал на усталость когда?

* * *

Ведь на коленях баюкая,
Сыном растили меня.
Рядом постель постилали,
Братом считая родным

[«Больше кого же они потрудились? А у меня разве не хватает заслуг для снискания милости? Разве я в чем-либо не довольно потрудился.

С колыбели я возрастал у высокого порога твоего до тех пор, пока бородой не покрылся подбородок, и никогда, кажется я не мыслил иначе с тобой.

С той поры еще, как я пускал в штаны, состоял я у золотого порога твоего, рос, пока рот не закрыли усы, и никогда, кажется, я не тяготился трудами (заботами).

На коленях качивая, вырастили ведь меня здесь, как сына. Рядом спать постилали; вырастили ведь здесь меня как брата...».]

Итак скажи, какую же награду пожелаешь ты мне?» На эти слова Чингис-хан ответил Шиги-Хутуху: «Не шестой ли ты брат у меня? Получай в удел долю младших братьев. А за службу твою да не вменяются тебе в вину девять проступков!» — сказал он и продолжал. «Когда же с помощью Вечного Неба будем преобразовывать всенародное государство, будь ты оком смотрения и ухом слышания! Произведи ты мне такое распределение разноплеменного населения государства: родительнице нашей, младшим братьям и сыновьям выдели их долю, состоящую из людей, живущих за войлочными стенами, так называемых подданных (*ирген*); а затем выдели и разверстай по районам население, пользующееся деревянными дверьми. Никто да не посмеет переиначивать твоего определения!» Кроме того, он возложил на Шиги-Хутуху заведование Верховным общегосударственным судом — Гурдерейн-Дзаргу, указав при этом: «Искореняй воровство, уничтожай обман во всех пределах государства. Повинных смерти — предавай смерти, повинных наказанию или штрафу — наказуй». И затем повелел: «Пусть записывают в Синюю роспись «Коко Дефтер-Бичик», связывая затем в книги, росписи по разверстанию на части всеязычных подданных «гур-ирген», а равным образом и судебные решения. И на вечные времена да не подлежит никакому изменению то, что узаконено мною по представлению Шиги-Хутуху и заключено в связанные (прошнурованные) книги с синим письмом по белой бумаге. Всякий виновный в изменении таковых подлежит ответственности». Говорил ему Шиги-Хутуху: «Как же может приемный брат, как, например, я сам, получать наследственную долю наравне с единокровными младшими братьями? Не благоугодно ли будет *кагану* выделить мне долю из городов с населением, пользующимся глинобитными стенами?» — «Сам будешь производить исчисление, сам и сделай это по своему усмотрению!» — ответил на это государь. Добившись для себя таких милостей, Шиги-Хутуху вышел, позвал и ввел *нойонов* Боорчи, Мухали и прочих.

[...]

§ 207. Сказал Чингис-хан Хорчию: «Ты предсказал мне будущее, с юности моей и по сей день в мокроту мок со мною, в стужу — коченел. Ты, Хорчи, помнишь, говорил: „Когда сбудется мое предсказание, когда Небо осуществит твои мечты, дай мне тридцать жен. А так как ныне все сбылось, то я и жалую тебя: выбирай себе тридцать жен среди первых красавиц этих покорившихся народов». И он повелел: «Пусть Хорчи ведает не только тремя тысячами Бааринцев, но также и пополненными до тьмы Адаркинцами, Чиносцами, Тоолесами и Теленгутами, совместно, однако, с (тысячниками) Тахаем и Ашихом. Пусть он невозбранно кочует по всем кочевьям вплоть до приэрдыхских Лесных народов, пусть он также начальствует над тьмою Лесных народов. Без разрешения Хорчи Лесные народы не должны иметь права свободных передвижений. По поводу самовольных переходов — нечего задумываться!»

[...]

IX. Продолжение предыдущей. Преобразование гвардии

[...]

§ 210. Генигесскому же Хунану Чингис-хан сказал так: «Я скажу, чем был для вас этот Хунан. Для вас Боорчу с Мухалием и прочими *нойонами*, как и для вас Додай с Дохолху и прочими *чербиями*:

В черную ночь обернется он волком,
Белым же днем — черным вороном станет.
Коли стоянка — не тронется с места,
Коли поход — остановок не знает.
Перед высоким — не знал лицемерья,
Как откровенности — перед врагом.

[«Черною ночью — черным вороном: белым днем — волчьим кобелем оборачивался. Кочевать — так не отдыхал; отдыхать — так не кочевал. С гордым (знатным) человеком — в другую личину не рядился (не менял лица). С человеком-врагом — лица не ронял...».]

А потому ничего не предпринимайте, не посоветовавшись с Хунаном и Коко-Цосом!» — сказал он и продолжал: «Чжочи — мой старший сын, а потому тебе, Хунан, надлежит, оставаясь во главе своих Генигесцев в должности *нойона-темника*, быть в непосредственном подчинении у Чжочи». Так повелел он и сказал: «Эти четверо — Хунан с Коко-Цосом да Дегай с Усун-Евгеном — из таких людей они, которые виденного не скроют, слышанного не утаят».

[...]

X. Гвардия Чингис-хана. Похвала гвардии. Покорение уйгуров и лесных народов. Распределение уделов. Расправа с волхвом Теб-Тенгрием

[...]

§ 232. Еще говорил Чингис-хан: «В ведении *кебтеулов* состоят придворные дамы-*чербин* и девушки, домочадцы, верблюжьи пастухи — *темечины* и коровьи пастухи — *хукерчины*; на попечении тех же *кебтеулов* находятся и дворцовые *юрты*-телеги. Знамена, барабаны и копейные древка также хранят *кебтеулы*. Они же имеют наблюдение и за нашим столом. Равным образом *кебтеулы* имеют наблюдение за тем жертвенным мясом и пищей, которые предназначаются для тризны на могильниках. Всякие растраты продовольственных припасов взыскиваются с заведывающих таковыми *кебтеулов*. При раздаче питья и кушаний стрельцы-*хорчины* обязаны начинать раздачу с *кебтеулов*, самую же раздачу производить не иначе, как по разрешению *кебтеулов*. *Кебтеулы* имеют наблюдение за всеми входящими и выходящими из дворца. При дверях должен постоянно дежурить дверник-*кебтеул*, около самой *юрты*. Двое из *кебтеулов* состоят при Великой виннице. От *кебтеулов* же назначается кочевщик-*нунтуучин*, который устраивает на стоянку и дворцовые *юрты*. Когда мы отбываем на соколиную охоту или звериную облаву, в таковых наших занятиях принимают участие и *кебтеулы*, оставляя, однако, известную часть *кебтеулов*, соображаясь с обстоятельствами и временем, при *юртовых* телегах».

§ 233. И еще говорил Чингис-хан: «Если мы самолично не выступаем на войну, то и *кебтеулы* без нас да не выступают на войну. При таковом нашем ясном повелении будем привлекать к строжайшей ответственности тех ведающих военными делами *чербиев*, которые пошлют *кебтеулов* на войну, злонамеренно нарушив наше повеление. Вы спросите, почему же не подлежат посылке на войну *кебтеулы*? Прежде всего потому, что именно *кебтеулы* пекутся о нашей золотой жизни. А легко ли проводить ночи, охраняя нашу особу? Легко ли попечение о Великом *Аурухе* и во время ночевок и на стоянках? Итак, без нас самих не отправлять на войну людей, обремененных столь сложными и многообразными обязанностями. Быть по сему!»

§ 234. И еще повелеть соизволил государь Чингис-хан: «*Кебтеулы* принимают участие в разрешении судебных дел в Зарго, совместно с Шиги-Хутуху. Под наблюдением *кебтеулов* производится раздача сайдаков, луков, панцирей и пик. Они же состоят при уборке меринов и погрузке вьючной клади. Совместно с *чербиями* *кебтеулы* распределяют ткани. При назначении стоянки для стрельцов-*хорчинов* и дневной стражи *турхаутов*, с правой стороны от дворца надлежит располагать Есунтеевых и Букидаевых стрельцов и Алчидаеву, Оголееву и Ахутаеву дневную стражу. С левой стороны от дворца располагаются *турхауты* Буха, Додай-чербия, Дохолху-чербия и Чаная. Архаевы богатыри должны занимать пост перед дворцом. *Кебтеулы*, на попечении которых находятся дворцовые *юрты*-телеги, держатся возле самого дворца, с левой стороны от него. Додай-черби, управляя дворцовыми делами, заведует также и

всеми окружающими дворец *кешиктенами-турхаутами*, дворцовыми домочадцами, конюхами, овчарами, верблюжьими и коровьими пастухами. Заведуя всем этим, Додай-черби располагается в тылу. Он, как говорится, «отбросом питается, конским пометом отепляется». [...]

[...]

§ 239. В год Зайца (1207) Чжочи был послан с войском правой руки к Лесным народам. Проводником отбыл Буха. Прежде всех явился с выражением покорности Ойратский Худуха-беки, со своими Тумен-Ойратами. Явившись, он стал провожатым у Чжочия. Проводил его к своим Тумен-Ойратам и ввел в Шихшит. Подчинив Ойратов, Бурятов, Бархунов, Урсутов, Хабханасов, Ханхасов и Тубасов, Чжочи подступил к Тумен-Киргизам. Тогда к Чжочи явились Киргизские *нойоны* Еди, Инал, Алдиер и Олебек-дигин. Они выразили покорность и били государю челом белыми кречетами-*шинхот*, белыми же меринами да белыми же соболями. Чжочи принял под власть Монгольскую все Лесные народы, начиная отсюда по направлению к нам, а именно народы: Шибир, Кесдин, Байт, Тухас, Тенлек, Тоелес, Тас и Бачжиги. Взял он с собою Киргизских *нойонов-темников* и тысячников, а также *нойонов* Лесных народов и, представив Чингис-хану, велел бить государю челом своими белыми кречетами да белыми ж меринами, да белыми ж соболями. За то, что Ойратский Худуха-беки первый вышел навстречу Чжочия с выражением покорности, вместе со своими Ойратами, государь пожаловал его и выдал за сына его, Инальчи, царевну Чечейген, Царевну же Олуйхан выдал за Инальчиева брата — Торельчи, а царевну Адаха-беки отдал в замужество к Онгудцам. Милостиво обратившись к Чжочи, Чингис-хан соизволил сказать: «Ты старший из моих сыновей. Не успели выйти из дому, как в добром здравии благополучно воротился, покоров без потерь людьми и лошадьми Лесные народы. Жалую их тебе в подданство». И повелел так.

[...]

§ 241. Тут же, у Ботохой-Толстой, в плену у Туматов находились и Хорчи-нойон с Худуха-беки. Пленение же Хорчи произошло при следующих обстоятельствах. Чингис-хан разрешил ему взять себе в жены тридцать самых красивых Туматских девушек. Он и поехал за Туматскими девушками. Тогда покоровшиеся было перед тем Туматы восстали и захватили *нойона* Хорчи в плен. Узнав о пленении Хорчи, Чингис-хан послал к Туматам Худуху как хорошего знатока Лесных народов. Но и Худуха-беки был также схвачен. Замирив окончательно Туматский народ, Дорбо отдал сотню Туматов семейству Борохула в возмещение за смерть его. Хорчи набрал себе тридцать девиц, а Ботохой-Толстую он отдал Худуха-беки.

§ 242. Порешив выделить уделы для матери, сыновей и младших братьев, Чингис-хан произвел такое распределение. Он сказал: «Матушка больше всех потрудилась над созданием государства. Чжочи — мой старший наследник, а Отчигин — самый младший из отцовых братьев». В виду этого он, выделяя уделы, дал 10000 *юрт* матери совместно с Отчигином. Мать обиделась, но смолчала. Чжочию выделил 9000 *юрт*, Чаадаю — 8000, Огодаю — 5000, Толую — 5000, Хасару — 4000, Алчидаю — 2000 и Бельгутаю — 1500 *юрт*. [...]

§ 243. Чингис-хан продолжал: «Отдавая в удел матери с Отчигином 10000 *юрт*, я приставляю к ним четырех *нойонов*: Гучу, Кокочу, Чжунсяя и Аргасуна. К Чжочию приставляю троих: Хунана, Мункеура и Кете. К Чаадаю — троих: Харачара, Мунке и Идохудая». И еще говорил Чингис-хан: «Чаадай крут и скрытен характером. Пусть же Коко-Цос вместе с ним обсуждает задуманное, состоя при нем и навещая его и утром и вечером». К Огодаю он приставил двоих: Илугея и Дегея. К Толую — Чжедая и Бала и к Алчидаю — Чаурхана.

[...]

XI. Покорение Северного Китая, Си-Ся, Туркестана, Багдадского халифата и Руси

[...]

§ 254. Затем, когда Сартаульцы задержали и перебили сто человек наших посольских людей, отправленных к ним во главе с Чингис-хановым послом Ухуна, государь Чингис-хан сказал: «Пойду войною на Сартаульский народ и законною мстью отомщу за сотню своих посольских людей во главе с Ухуна. Можно ли позволить Сартаульскому народу безнаказанно обрывать украшения моих златоцарственных поводов? Перед тем как ему выступить в поход, *ханиша* Есуй обратилась к нему с таким словом:

«Государь, *каган!*

О благе народном все мысли твои:

Проходишь ли ты перевалом высоким,

Широкие ль реки ты вплавь переходишь

Иль в дальний поход ты, как ныне, идешь.

Но в мире не вечно ведь все, что родилось.

Как семя, народ твой развееется,

Когда упадешь ты, владыко,

Как падает в бурю высокое древо.

Кому же ты царство свое завещаешь?

Как стая испуганных птиц, разлетится

Народ твой, когда, пошатнувшись,

Падет его царственный столп и опора.

Кому же ты царство свое завещаешь?

[«Высокие перевалы переваливая, широкие реки переходя, долгие походы исхаживая, помышляя ты заботливо о многолюдном царстве своем. Кто рождался, тот не был вечным среди живых. Когда же и ты станешь падать, как увядающее дерево, кому прикажешь народ свой, уподобившийся развеваемой конопле? Когда покачнешься и ты, подобный столпу, кому прикажешь народ свой, уподобившийся стае птиц ?..»]

Чье имя назовешь ты из четверых твоих витязями родившихся сыновей? Просим мы о вразумлении твоём для всех нас: и сыновей твоих и младших братьев, да и нас недостойных. Да будет на то твое царское изволение!» Когда она так представила государю, Чингис-хан соизволил сказать: «Даром что Есуй — женщина, а слово ее справедливее справедливого. И никто-то ведь, ни братья, ни сыновья, ни вы, Боорчу с Мухалием, подобного мне не доложили!

Сам же я видно забылся.

Будто за предками мне не итти!

Сам же я видно заспался.

Будто бы смерть и меня не возьмет!

[«А я-то забылся: будто бы мне не последовать вскоре за праотцами. А я-то заспался: будто бы никогда не похитит меня смерть!»]

Итак, — продолжал он, — итак, старший мой сын — это Чжочи. Что скажешь ты? Отвечай!» Не успел Чжочи открыть рта, как его предупредил Чаадай: «Ты повелеваешь первому говорить Чжочию. Уж не хочешь ли ты этим сказать, что нарекаешь Чжочия? Как можем мы повиноваться этому наследнику Меркитского плена?» При этих словах Чжочи вскочил и, взяв Чаадаю за ворот, говорит: «Родитель государь еще пока не нарек тебя. Что же ты судишь меня? Какими заслугами ты отличаешься? Разве только одной лишь свирепостью ты превосходишь всех. Даю на отсечение свой большой палец, если только ты победишь меня даже в пустой стрельбе вверх. И не встать мне с места, если только ты повалишь меня, победив в борьбе. Но будет на то воля родителя и государя!» И Чжочи с Чаадаем ухватились за ворота, изготовясь к борьбе. Тут Боорчи берет за руку Чжочия, а Мухали — Чаадаю, и разнимают. А Чингис-хан — ни слова. Тогда заговорил Коко-Цос, который стоял с левой руки: «Куда ты спешишь, Чаадай? Ведь государь, твой родитель, на тебя возлагал надежды из всех своих сыновей. Я скажу тебе, какая жизнь была, когда вас еще на свете не было [...].

§ 255. Тогда обратился к сыновьям Чингис-хан: «Как смеете вы подобным образом отзываться о Чжочи! Не Чжочи ли старший из моих царевичей? Впредь не смейте произносить подобных слов!» Улыбнулся при этих словах Чаадай и говорит: «Никто не оспаривает ведь ни заслуг Чжочиевых, ни его достоинств, но ведь и то сказать: за убийство на словах не полагается тяжкого наказания, точно так же как за причинение смерти языком с живого человека кожи не дерут. Ведь оба мы с Чжочием старшие сыновья. Вот и будем мы парюю служить батюшке-государю. И пусть каждый из нас руку по самое плечо отхватит тому, кто будет фальшивить, пусть ногу по жилам отхватит по самую голень тому, кто отставать станет. Огодай у нас великодушен, Огодая бы и наречь. Добро быть Огодаю при особе батюшки-государя, добро государю и батюшке преподать ему наставление о Великой темной шапке!» На эти слова Чингис-хан заметил:

«А ты, Чжочи, что скажешь?» Чжочи, говорит: «Чаадай уж сказал. Будем служить парюю с Чаадаем. Высказываемся за Огодаю!» — «К чему же, — говорит Чингис-хан, — к чему же непременно парюю? Мать-земля велика. Много на ней рек и вод. Скажите лучше — будем отдельно друг от друга править иноземными народами, широко раздвинув отдельные кочевья. Да смотрите же вы оба, Чжочи с Чаадаем, крепко держитесь только что данного друг другу слова! Не давайте подданным своим поводов для насмешек или холопам — для пересудов. Помните, как некогда было поступлено с Алтаном и Хучаром, которые точно так же давали крепкое слово, а потом его не сдержали! Что с ними случилось тогда, помните? Теперь же вместе с вами будут выделены в ваши уделы и некоторые из потомков Алтана и Хучара. Авось не сойдете с пути правого, постоянно имея их перед глазами!» Так сказав, он обратился к Огодаю: «А ты, Огодай, что скажешь? Говори-ка!» Огодай сказал: «Как мне ответить, что я не в силах? Про себя-то я могу сказать, что постараюсь осилить. Но после меня. А что как после меня народятся такие потомки, что, как говорится «хоть ты их травушкой-муравушкой оберни — коровы есть не станут, хоть салом обложи — собаки есть не станут!» Не выйдет ли тогда дело по пословице: «Лося-сохатого пропустил, а за мышью погнался!» Что еще мне сказать? Да только всего я и могу сказать!» «Вот это дело говорит Огодай, — сказал Чингис-хан. — Ну, а ты, Толуй, что скажешь? Говори!» Толуй отвечал: «А я, я пребуду возле того из старших братьев, которого наречет царь-батюшка. Я буду напоминать ему то, что он позабыл, буду будить его, если он заспится. Буду эхом его, буду плетью для его рыжего коня. Повиновением не замедлю, порядка не нарушу. В дальних ли походах, в коротких ли стычках, а послужу!» Чингис-хан одобрил его слова и так повелеть соизволил: «Хасаровым наследием да ведает один из его наследников. Один же да ведает наследием Алчидая, один — и наследием Отчигина, один же — и наследием Бельгута. В таком-то разумении я и мое наследие поручаю одному. Мое повеление — неизменно. И если оно не станете как-нибудь перекраивать, то ни в чем не ошибетесь и ничего никогда не потеряете. Ну, а уж если у Огодая народятся такие потомки, что хоть травушкой-муравушкой оберни — коровы есть не станут, хоть салом окрути — собаки есть не станут, то среди моих-то потомков ужели так-таки ни одного доброго и не родится?» Так он соизволил повелеть.

[...]

§ 257. Вслед затем, в год Зайца (1219), Чингис-хан через Арайский перевал пошел войною на Сартаульский народ. С собою в этот поход он взял из ханы Хулан-хатуну, а управление Великим Аурухом возложил на младшего брата,

Отчигин-нойона. Чжебе был послан во главе передового отряда, вслед за ним — отряд Субеетая, а за Субеетаем — отряд Тохучара. Отправляя этих трех полководцев, он дал им такой наказ: «Идите стороною, в обход, минуя пределы Солтана, так чтобы по прибытии нашем вы вышли к нам на соединение». Чжебе так и пошел. Он обошел стороною, никак не задевая города Хан-Мелика. Вслед за ним точно так же прошел и Субеетай, никого не затронув. Но следовавший за ними Тохучар разорил пограничные Хан-Меликовы города и полонил его земляпашцев. Вследствие разорения его городов Хан-Мелик открыл военные действия и двинулся на соединение с Чжалалдин-солтаном. Соединенными силами Чжалалдин-солтан и Хан-Мелик двинулись навстречу Чингис-хану. В передовом отряде Чингис-хана шел Шиги-Хутуху. Вступив с ним в бой, Чжалалдин-Солтан и Хан-Мелик потеснили отряд Шиги-Хутуху и, преследуя его, уже подошли к Чингис-хану, когда Чжебе, Субеетай и Тохучар общими силами ударили на Чжалалдин-солтана и Хан-Мелика с тыла и в свою очередь нанесли им полное поражение, гоня их и не давая им соединиться ни в городе Бухаре, ни в Несгябе или Отраре; по пятам преследуемые до самой реки Шин, те стремительно бросились в реку, и тут в реке Шин погибло множество Сартаульцев. Спасая свою жизнь, Чжалалдин-солтан и Хан-Мелик бежали вверх по течению реки Шин. Чингис-хан же, пройдя вверх по течению реки Шин и разорив Баткесен, ушел. Достигнув речек Эке-горохан и Геун-горохан, он раскинул стан в степи Баруан-кеер. Преследовать Чжалалдин-солтана и Хан-Мелика он послал Чжалаирского Бала. Всемиловнейше он похвалил Чжебе с Субеетаем и сказал: «Помнишь, Чжебе, ты именовался когда-то Чжирхоадаем. Но, перейдя ко мне от Тайчиудцев, ты стал ведь Чжебе-Пикой!» Тохучара же за то, что он самочинным разорением городов втянул в войну Хан-Мелика, Чингис-хан совсем уж было приговорил к смертной казни, но потом, сделав ему строжайший выговор, отставил от командных должностей и тем ограничил его наказание.

§ 258. Затем, на обратном пути из степи Баруан-кеер Чингис-хан отправил Чжочи, Чаадаю и Огодая, приказав им переправиться через реку Амуй и, расположившись лагерем у города Урунгечи, осадить его. Толуя же он послал осаждать города Иру, Исебур и многие другие города. Когда Чжочи, Чаадай и Огодай, донося Чингис-хану о том, что наши войска сосредоточены у города Урунгечи, просили указаний, под чьей командою им состоять, Чингис-хан ответил им, что следует им состоять под командой Огодая.

[...]

§ 260. Царевичи Чжочи, Чаадай и Огодай, взяв город Орунгечи, поделили между собою, на троих, и поселения и людей, причем не выделили доли для Чингис-хана. Когда эти царевичи явились в ставку, Чингис-хан, будучи очень недоволен ими, не принял на аудиенцию ни Чжочи, ни Чаадаю, ни Огодая. Тогда Боорчу, Мухали и Шиги-Хутуху стали ему докладывать: «Мы ниспровергли не покорствовавшего тебе Сартаульского Солтана и взяли его города и народ. И все это ведь Чингис-ханово: и взятый город Орунгечи и взявшие его и делившие его царевичи. Все мы, и люди твои и кони, радуемся и ликуем, ибо небеса и земля умножили силы наши, и вот мы сокрушили Сартаульский народ. Зачем же и тебе, государь, пребывать во гневе? Царевичи ведь сознали свою вину и убоялись. Пусть будет им впредь наука. Но как бы тебе не расслабить воли царевичей. Не признаешь ли ты за благо, государь, принять теперь царевичей!» Когда они так доложили, Чингис-хан смягчился и повелел Чжочию с Чаадаем и Огодаем явиться и принялся их отчитывать. Он приводил им древние изречения и толковал старину. Они же, готовые провалиться сквозь землю, не успевали вытирать пота со лбов своих. До того он гневно стыдил их и увещевал. Тут обратились к Чингис-хану стрельцы Хонхай, Хонтохор и Сормаган: «Государь! Царевичи еще ведь только обучаются бранному житью наподобие тех серых соколов, которых только еще начинают напускать на хватку. Добро ли смущать их подобным образом? Не впали бы они со страху в нерадение. А ведь у нас — всюду враг от заката солнца и до восхода его. Натравил бы ты лучше нас, Тибетских псов своих, направил бы на вражеский народ, и мы, умножаемые в силах небесами и землей, мы доставили б тебе и вражеского золота с серебром и тканей с товарами, и людей с жилищами их. Ты спросишь, что это за народ такой? А есть говорят, в западной стороне Халибо-Солтан Багдадского народа. На него бы мы и пошли!» Когда они так докладывали, государь все возражал, но при этих последних словах смягчился Чингис-хан и стал отдавать им приказания. Он милостиво обошелся со всеми троими и повелел Адаркидаю Хонхаю и Долунгирду Хонтохору оставаться при нем; а Сормахона отправил в поход на Багдадский народ, на Халибо-Солтана. [...]

§ 262. А Субеетай-Баатура он отправил в поход на север, повелевая дойти до одиннадцати стран и народов, как-то: Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, Мачжарат, Асут, Сасут, Серкесут, Кешимир, Болар, Рарал, перейти через многоводные реки Идил и Аях, а также дойти и до самого города Кивамен-кермен. С таким повелением он отправил в поход Субеетай-Баатура.

§ 263. После окончательного покорения Сартаульского народа Чингис-хан стал ставить по всем городам охранных воевод, *даругачинов*. В это время явились к нему из города Урунгечи двое Сартаульцев, по фамилии Хурумши, по именам Ялавачи и Масхут, отец с сыном. Они беседовали с Чингис-ханом о городских законах и обычаях, и он убедился в их сходстве с Законом-Йосун. Посему он и поручил сыну его, Масхут Харумшию, совместно с нашими *даругачинами*, ведать городами Бухар, Семисген, Урунгечи, Удан, Кисхар, Уриан, Гусендарил и прочими. А Ялавачия увез с собою и поручил ему ведать Китадским столичным городом Чжунду. Из Сартаульских же людей он поставил советников-соправителей при Монгольских *даругачинах* в Китае, так как они имели возможность получить указания о городских законах и установлениях у Ялавачия с Масхутом.

ХII. Смерть Чингис-хана. Царствование Огодая

[...]

§ 269. В год Мыши (1228) в Келуренском Кодеу-арале собрались все полностью: Чаадай, Бату и прочие царевичи Правой руки; Отчигин-нойон, Есунге и прочие царевичилевой руки; Толуй и прочие царевичи Центра; царевны, зятья, *нойоны-темники* и тысячники. Они подняли на *ханство* Огодай-хана, которого нарек Чингис-хан. [...]

§ 270. Будучи, в качестве младшего брата, возведен на престол и поставлен государем над тьмою императорской гвардии *кешиктенов* и центральной частью государства, Огодай, по предварительному соглашению со своим старшим братом Чаадаем, отправил Оготура и Мункету в помощь Чормахану, который продолжал военные действия против Халибо-Солтана, не законченные еще при его родителе, Чингис-хане. Точно также он отправил в поход Бату, Бури, Мунке и многих других царевичей на помощь Субеетая, так как Субеетай-Баатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено еще при Чингис-хане, а именно народов Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Орусут, Асут, Сесут, Мачжар, Кешимир, Сергесут, Булар, Келет, а также и городов за многоводными реками Адил и Чжаях, как то: Мекетмен, Кермен-кейбе и прочих. При этом на царевича Бури было возложено начальствование над всеми этими царевичами, отправленными в поход, а на Гуюка — начальствование над выступившими в поход частями из Центрального улуса. В отношении всех посылаемых в настоящий поход было повелено: «Старшего сына обязаны послать на войну как те великие князья-царевичи, которые управляют уделами, так и те, которые таковых в своем ведении не имеют. *Нойоны-темники*, тысячники, сотники и десятники, а также и люди всех состояний, обязаны точно так же выслать на войну старшего из своих сыновей. Равным образом старших сыновей отправят на войну и царевны и зятья». При этом Огодай-хан присовокупил: «Точно так же и настоящее положение, о посылке на войну старшего из сыновей, исходит от старшего брата, Чаадая. Старший брат, Чаадай, сообщал мне: царевича Бури должно поставить во главе отрядов из старших сыновей, посылаемых в помощь Субеетая. По отправке в поход старших сыновей получится изрядное войско. Когда же войско будет многочисленно, все воспрянут и будут ходить с высоко поднятой головой. Вражеских же стран там много, и народ там свирепый. Это — такие люди, которые в ярости принимают смерть, бросаясь на собственные мечи. Мечи же у них, сказывают, остры. Вот почему я, Огодай-хан, повсеместно оповещаю о том; чтобы нам, со всею ревностью к слову нашего старшего брата Чаадая, неукоснительно выслать на войну, старших сыновей. И вот на основании чего отправляются в поход царевичи Бату, Бури, Гуюк, Мунке и все прочие».

[...]

§ 274. Между тем Чормахан-хорчи привел к покорности Багдадский народ. Получив известия, что тамошняя земля хороша и славится хорошими товарами, Огодай-хан повелел Чормахан-хорчину оставаться там в должности *баскака-танмачи* и ежегодно поставлять ему следующие местные произведения: желтое и литое золото, златотканые парчи и штофы с золотыми вышивками, жемчуга, перламутры, длинношеих и длинноногих западных коней, темногных верблюдов-элеут, павлинов, верблюдов-кичидут, вьючных мулов-хачидут и обыкновенных мулов-луусут. Посланные в помощь Субеетая царевичи Бату, Бури, Гуюк, Мунке и все другие царевичи, покорив народы Канлин, Кипчаут и Бачжигит, разрушили города Эчжил, Чжаях и Мегет, а также совершенно разгромили и полонили Орусутов. Они полностью покорили Асуты и Сесутов, а также население городов Белерман, Керман-кива и прочих городов, поставили *даругачинов* и *танмачинов* и возвратились на родину. Относительно Есудер-хорчина, который был послан в помощь Чжалаиртай-хорчину, уже давно находившемуся в походе против Чжурчжетских Солонгосцев, относительно Есудер-хорчина последовало повеление о назначении его тамошним *баскаком танма*.

§ 275. Из Кипчакского похода Батый прислал Огодай-хану следующее секретное донесение: «Силою Вечного Неба и величием государя и дяди мы разрушили город Мегет и подчинили твоей праведной власти одиннадцать стран и народов и, собираясь повернуть к дому золотые поводы, порешили устроить прощальный пир. Воздвигнув большой шатер, мы собрались пировать, и я, как старший среди находившихся здесь царевичей, первый поднял и выпил провозглашенную чару. За это на меня прогневались Бури с Гуюком и, не желая больше оставаться на пиршестве, стали собираться уезжать, причем Бури выразился так: «Как смеет пить чару раньше всех Бату, который лезет равняться с нами? Следовало бы протурить пяткой да притоптать ступнею этих бородатых баб, которые лезут равняться!» А Гуюк говорил: «Давай-ка мы поколем дров на грудях у этих баб, вооруженных луками! Задать бы им!» Эльжжигдаев сын Аргасун добавил: «Давайте-ка мы вправим им деревянные хвосты!» Что же касается нас, то мы стали приводить им всякие доводы об общем нашем деле среди чуждых и враждебных народов, но так все и разошлись непримиренные под влиянием подобных речей Бури с Гуюком. Об изложенном докладываю на усмотрение государя и дяди».

§ 276. Из-за этого Батыева доклада государь до того сильно разгневался, что не допустил (старшего своего сына) Гуюка к себе на прием. Он говорил: «У кого научился этот наглец дерзко говорить со старшими? Пусть бы лучше сгнило это единственное яйцо. Осмелился даже восстать на старшего брата. Вот поставлю-ка тебя разведчиком-алгинчином, да велю тебе карабкаться на городские стены, словно на горы, пока ты не облупишь себе ногтей на всех десяти пальцах! Вот возьму да поставлю тебя *танмачином*-воеводой, да велю взбираться на стены крепко кованые, пока ты под корень не ссучишь себе ногтей со всей пятерни! Наглый ты негодяй! А Аргасун у кого выучился дерзить нашему родственнику и оскорблять его? Сошлю обоих: и Гуюка и Аргасуна. Хотя Аргасуна просто следовало бы предать смертной казни. Да, скажете вы, что я не ко всем одинаков в суде своем. Что касается до Бури, то сообщить Батю, что он отправится объясняться к (своему отцу) Чаадаю, нашему старшему брату. Пусть его рассудит брат Чаадай!»

§ 277. Тогда приступили к нему с докладом царевич Мангай, *нойон* Алчидай-Хонхортай-цзанги и другие *нойоны*, и сказали: «По указу твоего родителя, государя Чингис-хана, полагалось: полевые дела решать в поле, а домашние дела дома решать. С вашего *ханского* дозволения сказать, *хан* изволил прогнаться на Гуюка. А между тем дело это

полевое. Так не благоугодно ли будет и передать его Батыю? Выслушав этот доклад, государь одобрил его и, несколько смягчившись, позвал Гуюка и принялся его отчитывать: «Говорят про тебя, что ты в походе не оставлял у людей и задней части, у кого только она была в целости, что ты драл у солдат кожу с лица. Уж не ты ли и Русских привел к покорности этою своею свирепостью? По всему видно, что ты возмнил себя единственным и непобедимым покорителем Русских, раз ты позволяешь себе восставать на старшего брата. Не сказано ли в поучениях нашего родителя, государя Чингис-хана, что множество — страшно, а глубина — смертоносна. То-то вы всем своим множеством и ходили под крылышком у Субеетая с Бучжеком, представляя из себя единственных вершителей судеб. Что же ты чванишься и раньше всех дерешь глотку, как единый вершитель, который в первый раз из дому-то вышел, а при покорении Русских, и Кипчаков не только не взял ни одного Русского или Кипчака, но даже и козлиного копытца не добыл. Благодарю ближних друзей моих Мангая да Алчидай-Хонхотай-цзангина с товарищами за то, что они уняли трепетавшее сердце, как дорогие друзья мои, и, словно большой ковш, поуспокоили бурливший котел. Довольно! Дело это, как полевое дело, я возлагаю на Батыя. Пусть Гуюка с Аргасуном судит Батый!» И с этими словами он отослал его, а Бури передал в распоряжение старшего брата Чаадаю.

§ 278. Затем, Огодай-хан изволил повелеть: «Подтверждаем к неуклонному исполнению все опубликованные ранее указы и распоряжения нашего родителя и государя Чингис-хана относительно состоявших при его особе *кебтеулах*, *хорчинах*, *турхаутах* и всей гвардии *кешиктенов*, а именно: *хорчины* и *турхауты* по-прежнему несут свою дневную службу на установленных постах, каковые передают еще засветло *кебтеулам* и ночуют вне дворца. Ночью *кебтеулы* занимают посты вокруг нашего дворца. После заката солнца *кебтеулы* задерживают на всю ночь всех прохожих. *Кебтеулы*, которые остановят человека, пытающегося проникнуть самовольно за ограду дворца в то время, когда все люди уже разошлись по домам, обязаны срубить тому человеку голову по самые плечи. Если кто придет ночью по спешному делу, то обязан, сказавшись предварительно *кебтеулам*, говорить свое дело в присутствии их, стоя с задней стороны *юрты*. За входом и выходом из дворца наблюдают, совместно с *кебтеулами*, *ясаулы* Хонхотай и Ширахан с товарищами. Надежен только тот *кебтеул*, который ни на шаг не отступает от слов приказа. Как ни был верен Эльчжигидай, но все же был схвачен *кебтеулами* за то, что вечером проходил мимо *кебтеулов*. Не дозволяется расспрашивать о числе *кебтеулов*. Не дозволяется проходить мимо *кебтеулов* или между ними. Подлежит задержанию всякий, кто попытается пройти мимо или через *кебтеулов*. У того, кто будет расспрашивать о числе *кебтеулов*, отбирается *кебтеулами* лошадь с седлом и обротью, а также и платье. Никто не смеет помещаться выше *кебтеульских* постов. *Кебтеулы* заведуют хранением знамен, барабанов, пик, посуды и утвари, а также распоряжаются мясом для поминальных тризн. Они же хранят дворцовые *юрты*-телеги. Когда мы не выступаем в поход, то без нас не должны выступать и *кебтеулы*. Когда мы отправляемся на соколиную охоту или звериную облаву, с нами отправляется и известная часть *кебтеулов*, оставляя при дворцовых *юртах*-телегах потребное количество *кебтеулов*, смотря по обстоятельствам. Распорядители кочевьями, из числа *кебтеулов*, отводят места для стоянки Двора государева. У дверей дворца дежурят *кебтеулы*-дверники. Все *кебтеулы* находятся под ведением Хадаана-тысячника. Порядок *кебтеульских* очередей устанавливается следующий: в первую очередь вступают на дежурство и располагаются равными частями, справа и слева от дворца, Хадаан с Булхадаром, во вторую очередь — Амал с Чанаром, которые располагаются также, в третью — Хадай с Хори-Хачаром, располагаясь в том же порядке, в четвертую — Ялбах с Хариударом — в том же порядке. Первые две очереди — Хадаана с Булхадаром и Амала с Чанаром — выступают на дежурство со своих квартир, находящихся слева от дворца, а вторые две очереди — Хадаю с Хори-Хачаром и Ялбаха с Хариударом — выступают на дежурство со своих квартир, находящихся справа от дворца. Всеми этими четырьмя очередями *кебтеулов* ведает Хадаан. Располагаясь постами вокруг дворца, *кебтеулы* имеют особое наблюдение за дверьми. *Хорчины*-стрельцы Есунтея, Бугидая, Хорхудаха и Лаблаха, также составляя четыре очереди, вступают в дежурство совместно с подлежащими четырьяма командами *турхаудов* для ношения сайдаков. Точно так же по-прежнему распределяются и очереди назначенных на прежних основаниях из принцев крови старейшин *турхаудских* дежурств, а именно: в первую очередь вступают в дежурство со своими *турхаудами* старые командиры Алчидай с Хонгор-Тахаем, по взаимному соглашению; во вторую очередь, в таком же порядке, — Темудер с Гучжеем. Мангутай, имея в своем подчинении запасную команду, вступает со своими *турхаудами* в третью очередь. Во главе всех *нойонов* стоит Эльчжигидай, распоряжениям которого подчиняются все. Дежурный, пропустивший дежурство, согласно прежнему указу, наказуется тремя палочными ударами. Тот же дежурный, пропустивший дежурство во второй раз, наказуется семью палочными ударами. Тот же дежурный, в третий раз пропустивший дежурство без разрешения старейшины или не по болезни, а по другим не заслуживающим уважения причинам, признается не желающим служить у нас и, по отбытии наказания в тридцать и семь палочных ударов, подлежит высылке в места отдаленные, с глаз долой. Если пропуск дежурства произошел вследствие несоблюдения дежурными старейшинами правила об обязательной перекличке, то ответственность падает на старейшину. Старейшины обязаны в каждую третью очередь, при смене, объявлять *кешиктенам* настоящий приказ. Законному взысканию подлежат лишь те провинившиеся *кешиктены*, которые слушали приказ. За необъявление же приказа несут ответственность старейшины. Старейшины дежурств, невзирая на свое высокое положение, не имеют права чинить каких-либо самоуправств по отношению к ровесникам нашим *кешиктенам*, не доложив нам. О привлечении виновных к ответственности они обязаны представлять нам. Мы сами покарим смертною казнью тех, кто повинен смерти, и подвергнем должному наказанию тех, кто его заслужил. Но те лица, которые, уповая на свое высокое положение, вместо доклада нам, будут прибегать к рукоприкладству, те получают должное возмездие: за кулак — кулак, и за палки — палки. Мой *кешиктен* по положению своему выше армейского *нойона*-тысячника, а котчин-

оруженосец *кешиктена* — выше армейских *нойонов*-сотников и десятников. Поэтому подлежит ответственности всякий тысячник, который вздумает тягаться с моим *кешиктеном*».

§ 279. Затем Огодай-хан сообщил на одобрение брата Чаадая о нижеследующем: «Не будем обременять государство, с такими трудами созданное родителем нашим и государем Чингис-ханом. Возрадуем народ тихим благоденствием, при котором, как говорится, ноги покоятся на полу, а руки — на земле. Получив все готовое от государя родителя, введем порядки необременительные для народа. Пусть взнос в государственную продовольственную повинность — *шулен* — будет отныне в размере одного двухгодовалого барана со стада. Равным образом по одной овце от каждой сотни овец пусть взыскивают в налог в пользу неимущих и бедных. Затем, как можно допускать такой порядок, когда с народа же в каждом отдельном случае, взимается и питьевая натуральная повинность — *ундан* — при сборах с него очередных нарядов людьми и лошадьми. В устранение этого необходимо повсюду от каждой тысячи выделить кобыл и установить их подои; поставить при табунах доильщиков, выставить постоянно сменяемых распорядителей кочевьями, *нунтукчинов*, которые одновременно будут и *унгучинами*, заведующими конским молодняком. Далее, при каждом созыве сейма князей надлежит раздавать подарки. Для этой цели мы учредим охраняемые городища с магазинами, наполненными тканями серебряными слитками, сайдаками, луками, латами и прочим оружием. Для несения охраны выделим отовсюду городничих — *балагачинов* и интендантских смотрителей — *амучинов*. В дальнейшем необходимо произвести по всему государству раздел земельно-кочевых и водных угодий. Для этого дела представлялось бы необходимым избрать от каждой тысячи особых *нунтуучинов* — землестроителей по отводу кочевий. Затем, в нашем гобийском районе — Цоль гачжар — ныне никто, кроме диких зверей, не обитает. Между тем там, на широком просторе, могли бы селиться и люди. Посему следовало бы, по надлежащем изыскании, устроить в гобийском районе колодцы, обложенные кирпичом, возложив это дело на *нунтуучинов*, во главе с Чанаем и Уйгуртаем. Далее, при настоящих способах передвижения наших послов, и послы едут медленно и народ терпит немалое обременение. Не будет ли поэтому целесообразнее раз и навсегда установить в этом отношении твердый порядок: повсюду от тысяч выделяются смотрители почтовых станций — *ямчины* и верховые почтари — *улаачины*; в определенных местах устанавливаются станции — *ямы*, и послы впредь обязуются, за исключением чрезвычайных обстоятельств, следовать непременно по станциям, а не разъезжать по *улусу*. Я полагал бы правильным возложить доклады нам по этому делу на Чаяна и Болхадара, как на людей, понимающих это дело, представляя об изложенном на усмотрение старшего брата Чаадая и на его одобрение в случае признания им предложенных мероприятий целесообразными». Все эти предложения [по организации *ямских* учреждений] брат Чаадай, после надлежащих вопросов, одобрил и ответил: «Так именно и сделайте». При этом он присовокупив со своей стороны: «Я тоже озабочусь учреждением *ямов*, поведя их отсюда навстречу вашим. Кроме того, попрошу Батгя провести *ямы* от него навстречу моим. Из доложенных мне мероприятий я считаю самым правильным учреждение *ямов*».

§ 280. Тогда Огодай-хан издал следующий указ: «Нижеследующее полностью одобрили: старший брат Чаадай, Батый и прочие братья, князья Правой руки; Отчигин-нойон, Егу и прочие братья, князьялевой руки; царевны и зятья Центра, а также *нойоны-темники*, тысячники, сотники и десятники. Слушали и полностью одобрили вопросы: относительно целесообразности выдела по одной двухлетней овце с каждого стада в год в натуральную повинность — *шулен* — для государя, Далай-хагана; о желательности сбора по одной годовалой овце с каждой сотни овец в качестве налога в пользу неимущих и бедных; об ускорении движения послов, а вместе с тем и облегчении тягот для населения государства посредством установления *ямов* и выдела *ямчинов* и *улаачинов*. Ввиду этого, высочайшим указом моим, по соглашению с братом Чаадаем и с его одобрения, вводится ежегодная натуральная повинность со всего народа, со всех тысяч, по одному двухлетнему барану со стада на царское продовольствие и по одной годовалой овце с каждой сотни овец в пользу неимущих и бедных [...]

ИЗ «ПОЛНОГО ОПИСАНИЯ МОНГОЛО-ТАТАР» («МЭН-ДА БЭЙ-ЛУ»)

Сочинение Чжао Хуна представляет собой небольшую записку, но озаглавлено «Мэн-да бэй-лу» — «Полное описание монголо-татар». По-видимому, это объясняется тем, что в нем кратко представлены все стороны жизни монголо-татар и в этом смысле описание является «полным». Что касается даты написания «Мэн-да бэй-лу», то она упоминается в самом тексте и не вызывает сомнений (25.I.1221—12.II.1222). Чжао Хун в 1221 г. побывал в Яньцзине (современном Пекине) у наместника Чингис-хана — Мухали и написал о том, что он видел и слышал, общаясь с монголо-татарами.

Источник цитируется по изданию: Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). Пер. с кит., введение, комментарий и приложения Н.Ц.Мункуева. М., 1975. С.56.

«[...] У Чингиса весьма много сыновей. Старший сын Би-инь был убит в бою при штурме западной столицы [цзиньцев] Юньчжуна во время разгрома государства Цзинь. Ныне второй сын является старшим царевичем и зовут [его] Йоджи. Третьего царевича зовут Ыдэй. Четвертого царевича зовут Тянь-лоу и пятого царевича зовут Лун-сунь. Все они рождены от главной императрицы. Ниже их есть еще несколько человек, рожденных от наложниц. [...]».

«КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЧЕРНЫХ ТАТАРАХ» ПЭН ДА-Я И СЮЙ ТИНА

«Краткие сведения о черных татарах» («Хэй да ши люе») представляют собой, записки южносунских дипломатов Пэн Да-я и Сюй Тина, совершивших свое путешествие по Северному Китаю и монгольским степям в составе миссий, возглавляемых Цзоу Шэнь-чжи. По мнению известного китайского ученого Ван Го-вэя (1877—1927), Пэн Да-я совершил свое путешествие в 1233 г., Сюй Тин — в 1235—1236 гг.

«Краткие сведения о черных татарах» состоят из заметок Пэн Да-я и дополнений к ним Сюй Тина, причем в тексте заметок Пэн Да-я содержатся небольшие примечания, напечатанные более мелким шрифтом. По мнению Ван Го-вэя, они являются примечаниями самого Пэн Да-я. Дополнения Сюй Тина следуют непосредственно за сообщениями Пэн Да-я и начинаются словами «[Я, Сюй] Тин...». Время составления «Кратких сведений» Пэн Да-я определяется датированной заметкой Сюй Тина, придавшего сочинению окончательный вид, в конце работы: «1-го Дня первой летней луны года дин-ю периода правления Цзяси» (27 апреля 1237 г.).

Текст воспроизведен по изданию: «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина. Пер. Линь Кюн-и и Н.Ц.Мункуева, комм. Н.Ц.Мункуева // Проблемы востоковедения. 1960. № 5. С.137–145.

«Государство черных татар (т.е. северного шаньюя) называется Великой Монголией. В пустыне имеется гора Мэнгушань, а в татарском языке серебро называется мэngu. Чжурчжэни называли свое государство «Великой золотой династией», а потому и татары называют свое государство «Великой серебряной династией».

Тот их правитель, который первым узурпировал титул императора, звался детским именем Тэмочжэнь, а по узурпированному им титулу императором Чэньцисы. Нынешний их правитель зовется детским именем Укудай. Вместе с ним узурпировали титулы всего восемь человек.

Его сыновей зовут Кодуань, Кочу, Хэсидай поставлен незаконным наследником престола, изучает китайский язык, и его учителем является секретарь Ма и Хэлачжи.

У него четыре министра: Аньчжидай ([по национальности] черный татарин, умен и решителен), Ила Чу-цай (по прозвищу Цзинь-циу, [по национальности] киданец; иные называют его чжун-шу ши-лан) и Няньхэ Чун-шань ([по национальности] чжурчжэнь, некоторые называют его цзян-цзюнь), которые совместно ведают делами [относящимися к] китайцам, [а также] Чжэньхай (мусульманин), который специально ведает делами, [относящимися к мусульманским странам].

Когда [Я, Сюй] Тин прибыл в степи, Аньчжидай уже не являлся [министром]. [К этому времени] Няньхэ Чун-шань уехал с незаконным царевичем Цюйчжу для вторжения на юг. Когда в следующем году Цюйчжу умер, Аньчжидай заменил его [на посту командующего экспедиционными войсками], а Няньхэ Чун-шань помогал ему, как и раньше [царевичу Кучу]. Ила Чу-цай и Чжэньхай, которые сами называют себя титулами чжун-шу сян гун, вместе управляют государственными делами; Чжэньхай управляет не только мусульманами. У татар нет названия сян и называют их [т.е. вышеуказанных лиц] только бичэчэ, а бичэчэ на китайском языке означает линши. Им приказано вестать только официальными бумагами.

Местность у них за Цзюйюн (в 100 с лишним ли к северо-западу от Янь) постепенно становится возвышеннее и шире, а за Шацзин (в 80 ли от уездного города Тяньпаньсянь) кругом ровная и просторная, пустынная и бескрайняя.

[Здесь] изредка встречаются дальние горы — на первый взгляд как будто высокие и крутые, [но] когда подъезжаешь [к ним] ближе, [они] оказываются только покатыми холмами. Эта местность вообще покрыта сплошь песком и камешками.

Песок и камешки, которые [Я, Сюй] Тин видел, также не были крупные: лишь мелкий песок и маленькие камешки.

У них климат холодный. [Здесь] не различаются четыре времени и восемь сезонов года (например, в «Пробуждении насекомых» не было гроз). В четвертую луну и в восьмую луну часто идет снег. Погода меняется мало [в зависимости от времен года]. За последнее время к северу от заставы Цзюйюньгуань, например, в Гуаньшань, Цзиньяньчуань и других местах падает снег даже и в шестую луну.

Когда [я, Сюй] Тин ночевал под горой Ехулин на обратном пути из степей, был как раз пятый день седьмой луны, и когда [я] встал утром, было крайне холодно, [так что] замерзли руки и ноги.

Дикие травы, которые у них растут, начинают зеленеть в четвертую луну и в шестую луну начинают расцветать, а в восьмую луну высыхают. [Там] ничего не растет, кроме травы.

Их домашние животные: коровы, лошади, собаки, овцы и верблюды. У овец северных племен шерсть пышная и веерообразный курдюк. Китайские овцы называются [у них] «гулюй». [У них] есть верблюды двугорбые, одногорбые и совсем без горба.

Как [я, Сюй] Тин видел, в степях коровы все только желтые, ростом с южнокитайского буйвола и самые выносливые. Так как [татары] не пащут, то [быки] используются только в упряжку. У большинства быков не продето [кольцо] через нос.

Они (черные татары) живут в куполообразных хижинах (т.е. в войлочных шатрах). У них не строятся города со стенами и [каменные] здания. [Они] кочуют с места на место в зависимости от [наличия] воды и травы [для скота] без постоянных [маршрутов].

Татарский правитель перевозит [свои] шатры вслед за ними и занимается охотой, устраивая загоны. Когда вслед за ним отправляются все незаконные чиновники, то [это] называется «поднять лагерь». Их повозки тащат быки, лошади и верблюды. На повозках [устраиваются] комнаты, в которых можно сидеть и лежать. Их называют «повозками-шатрами». В повозке по четырем углам втыкаются либо палки, либо же доски и соединяются накрест вверху. Этим выражается почтение к Небу. Это называется [знаком моления о] пище.

[При перекочевках] повозки передвигаются по пять в одном ряду. [При сборах для перекочевки они], как вереницы муравьев, как нити при плетении веревки, тянутся [к одному месту] справа и слева на [протяжении] пятнадцати ли. Когда [колонна из съехавшихся повозок] выпрямляется и половина [их] достигает воды, то [колонна] останавливается. Это называется «установкой лагеря».

Шатер правителя располагается один впереди всех, [входом] к югу, за ним — [шатры его] жен и наложниц, а за ними — [шатры] незаконных [членов] свиты и телохранителей, а также незаконных чиновников.

Вообще место расположения охотничьего шатра татарского правителя всегда называется «волисто».

Что касается его золотого шатра, стойки [внутри] сделаны из золота. Поэтому [шатер] называется золотым и когда [вместе с ним] ставятся шатры всех незаконных императриц вместе со стойбищем [других подданных], то [это] называется «большой ордой».

У них [для стойкой выбирается] местность, изрезанная большими и малыми холмами, для того чтобы [возвышенности] уменьшали силу ветра.

[Перекочевки у них происходят] подобно [выбору] стоянок [во время] перемещения императорского поезда у китайцев [при путешествиях императора]: также не существует определенных [мест] остановок, и переселение производится то через месяц, то через квартал.

Когда [я, Сюй] Тин прибыл в степи, [черные татары] поставили золотой шатер. [Я] думаю, что они поставили его, чтобы показать [свое] великолешие, потому что прибыл [к ним] посол, лично посланный императором нашей династии. Когда перед [нами] прибыл [к ним] Цзоу с миссией, [золотой, шатер] не ставился, а когда после [нас] посол Чэн и вслед за ним Чжоу прибыли [к ним] с миссиями, [также] никогда не ставился [золотой шатер].

Его (золотой шатер) сделали из больших [кусков] войлока, которые [катают] в степях. [Этот] шатер покрыт войлоком сверху донизу. Посередине [купола сверху] в связанных ивовых прутьях [на которых держится войлок] оставлено отверстие для света.

[Войлок на каркасе из ивы] затягивается более чем тысячью веревок. [У шатра только] одна дверь. Порог и стойки все облицованы золотом, поэтому-то [шатер] и называется [золотым]. Внутри [этого шатра] вмещается несколько сот человек. Кресло, в котором восседает татарский правитель в [этом] шатре, — как сидение проповедника в буддийском монастыре и так же украшено золотом. Жены императора восседают в порядке, в зависимости от степеней, [ровно] как у барьера.

Однако [у татар] куполообразные хижины бывают двух видов. В тех, которые изготавливаются в Яньцзине, каркас, сделанный из ивовых прутьев, совершенно похож на [дно] бамбукового сита, [которое делается из плетеного бамбука] на юге [Китая] и сворачивается и разворачивается. Дверь выходит вперед (т.е. в южную сторону). Верх [изнутри] похож на каркас зонтика. На самой верхушке каркаса [посередине] прodelывается отверстие, которое называется верхним окном. Весь [каркас] снаружи покрывается войлоком. [Такой шатер] можно перевозить на лошадях вьюком.

В тех [шатрах], которые изготавливаются в степях, круглые стены сплетаются из ивовых прутьев и закрепляются волосяными веревками. [Они] не сворачиваются и не разворачиваются, а перевозятся на повозках.

Когда вода и травы иссякают [в данном кочевье], то [черные татары] перекочевывают в другое место. Определенных дней, [перекочевки, которые были бы установлены] с самого начала, не существует.

Они питаются мясом, а не хлебом. Они добывают на охоте зайцев, оленей, кабанов, сурков, диких баранов (из костей их позвоночника можно делать ложки), дзеренов (спины у них желтые, а хвост величиной с веер), диких лошадей (по виду они похожи на ослов) и рыбу из рек (ее можно ловить после наступления морозов). [Татары] больше всего разводят овец и употребляют [их мясо] в пищу. За ними следует крупный рогатый скот.

[Татары] не забивают лошадей, если не [устраивается] большой пир. [Мясо они] жарят на огне в девяти [случаях] из десяти, а в двух-трех [случаях] из десяти варят его в чане о трех ногах.

[Когда садятся за еду], режут мясо на куски и сперва отведывают [его сами], а затем дают есть другим.

[Я, Сюй] Тин, прожив в степях более месяца, никогда не видел, чтобы татары резали крупный рогатый скот на мясо.

Они пьют кобылье молоко и простоквашу из овечьего и коровьего молока. Например, [человек] А, первый наливший [кобылье молоко], непременно пьет его сам, и только после этого дает пить лицу Б [из этой же чашки]. Б, прежде чем пить, подает чашку А. [В это время] В и Г чмокают губами. Это называется «вкушанием». [Лицо] А [в свою очередь] не пьет и тотчас же передает [чашку] В, чтобы тот выпил. В выпивает и, зачерпнув [кобылье молоко], угощает [им лицо] Б. Б снова отказывается пить и дает пить [лицу] Г. Г совершает такой же обряд, как и В, и только теперь [лицо] Б выпивает и, зачерпнув [молоко], угощает [им] А. А снова в таком же порядке наливает [им кобылье молоко] и дает пить [лицам] В и Г. Это называется «обменом кубками». Первоначально это делалось для того, чтобы предостеречься от отравления, но в дальнейшем превратилось в постоянный обычай.

Из приправ у них только одна соль.

Когда [я, Сюй] Тин, выехав из Цзюйонгуаня и проехав еще тысячу с лишним ли за Ехулин, прибыл в степи к озеру под названием Цзелипо, то [оказалось, что] вода в нем к вечеру сгущается и ночью образуется соль. [Сюда] приезжают купцы с крупами и обменивают [их на соль]. [Сбыт соли] достигает нескольких тысяч даней в год. Проехав еще дальше в глубь [степей], [я] увидел, что соль, которую употребляют в пищу черные татары, называется «доу-янь». Она по цвету, как снег, а по виду и размеру [кристаллов], как зуб и снизу [кристалла] ровная, как [дно меры сыпучих тел] доу. Поэтому-то [она] и называется «доу-янь». Ибо это самая отборная соль.

Еще более к северу земли у них в большинстве случаев солончаковые. Здесь травы подходят для лошадей.

Они готовят пищу на травяном угле (коровий и конский помет).

В их светильниках травяной уголь используется как фитиль, а бараний жир — как масло.

Их обычай — стрельба из лука и охота. Когда их правитель устраивает облавную охоту, всегда непременно собираются большие массы людей. [Они] выкапывают ямы и втыкают [в них] колья. [Последние] соединяются между собой волосяными веревками, а [к веревкам] привязываются [лоскутки] войлока и птичьи перья. [Это] как при ловле зайцев при помощи сети у китайцев.

[Веревки] тянутся [кругом] до 100—200 ли. Так как на ветру колышутся перья [и лоскутки войлока], то перепуганные звери не осмеливаются перебежать. После этого [люди] окружают [огороженный участок, постепенно] прижимая [зверей к середине круга], ловят и бьют [их]. [Я, Сюй] Тин в пути видел, что татары считают [для себя] довольно большой тяжестью добычу волосяных веревоч и войлока. У большинства стационарных лошадей, на которых [я, Сюй] Тин ехал, были срезаны гривы. Когда [я] спрашивал татар [о причине этого], то [они] отвечали, что [они] сделали из них веревки и сдали их в волито для использования на охоте.

Облавные охоты [у черных татар] начинаются с девятой луны и прекращаются во вторую луну. Так как во время охоты [люди] все время едят мясо, добытое ими на охоте, то [в это время] мало режут овец.

[Что касается] их головных уборов, [то они] распускают волосы и завязывают [их] в узлы. Зимой они носят шапки, а летом — шляпы из бамбуковой щепы. Женщины носят на голове гу-гу.

[Я, Сюй] Тин видел, что у них при изготовлении гу-гу каркас делается из раскрашенного дерева и обертывается красным шелком или золоченой шелковой материей, а к самой макушке прикрепляется ветка ивы или [сделанная] из железа длиной 4—5 чи и обертывается темно-синим войлоком, [причем] у людей из верхов [общества] она украшается цветами из зеленых перьев зимородка или [кусками] разноцветных шелковых тканей из нашего государства, а у людей из низов [общества] — фазаными перьями. Красивые женщины мажут лицо волчьим пометом.

У их верхнего платья пола запахивается направо, а борт квадратный. Раньше [оно шилось] из грубого сукна и кожи, а теперь из полотна, шелковых тканей и вышитого золотом шелка. Цвет выбирается красный, фиолетовый, пурпуровый и зеленый. Рисунки [на тканях — изображения] Солнца, Луны, дракона и феникса. [И это] без различий между благородными и подлыми.

[Я, Сюй] Тин в свое время также изучал его (верхнее платье черных татар). [Оно] шито точно как по образцу древнего шэнь-и. Один только борт, как у верхнего платья даоского монаха в нашем государстве. Борт назван квадратным, потому что [он] по виду как четырехугольник. Что касается воротничка, то китайцы [на своих халатах] делают такой же. Татарский правитель, а также чжун-шу [лин] и другие люди из высшего круга не носят [таких халатов]. На указанном [платье] по поясу сделано бесчисленное множество мелких складок. Например, на шэнь-и было только 12 полос, а у татар больше складок. Кроме того, [татары] скручивают [полоску] красного или фиолетового шелка и [перевязывают платье] поперек по талии. Эту [полоску шелка] называют поясом. Вероятно, [они] хотят, чтобы [у них] при езде верхом пояс был туго обтянут, ярко выделялся и выглядел красиво.

Что касается их языка, то [они] пользуются только устным языком и не имеют письменности. [Слова] в большинстве случаев по происхождению заимствованы [из других языков] и [только] обозначены [своими] звуками. Когда толкуют их для понимания [другими лицами], то это называется переводом.

Что касается их имен, то [у них] существуют [только] детские имена, но нет фамилий и прозвищ [как у китайцев]. Когда в душе возникает подозрение, [что имя не предвещает благополучия], то меняют его.

[Я, Сюй] Тин [также] видел, что у них от высших и до низших всех зовут только детскими именами, т.е. никогда [у них] не было фамилий. [У них] также не существует названий должностей. Например, если [человек] ведает документами, то [он] называется бичэчэ; если [человек] управляет народом, то [он] называется далухуачи, а если [человек] состоит в императорской охране, то [он] называется холучи. Что касается министров, т.е. [Елюй] Чуцяя и других, то [они] только сами называли себя чжуншу сянгун, а что касается Ван Цзи, то [он] назвал себя инь цин

гуан лу дайфу, юйши дайфу, сюаньфу ши и жуго ши. [Эти должности и титулы] первоначально не были пожалованы [им] татарским правителем.

Что касается их обрядов, то [они] обнимают друг друга вместо [приветствия] соединением рук со сжатыми кулаками и опускаются на левое колено вместо того, чтобы опускаться на оба колена [как у китайцев].

[Я, Сюй] Тин видел, что они обнимают друг друга [в знак приветствия], как будто обхватывают [один другого].

Что касается [различия между] местами у них [по почетности], то самым почетным считается центр, за ним идет правая [сторона], а левая [сторона] считается еще ниже.

Что касается их календаря, то [они] раньше пользовались знаками двенадцатилетнего цикла [например, [год] цзы назывался годом мыши, и т.д.], а ныне пользуются чередованием шести цзя (например, говорят: 1-й или 30-й день 1-й луны года цзя-цзы). Всему [этому] научили их китайцы, кидани и чжурчжэни. Что касается коренного обычая татар, то [они] не понимали [что такое календарь]. [У них] существовал только [обычай]: когда зеленела трава, то считалось, что прошел целый год, а когда впервые появлялся новый месяц, то считалось, что прошел месяц. Когда люди спрашивают их, сколько им лет, то [татары] подсчитывают на пальцах, сколько раз зеленела трава [за всю их жизнь].

[Я, Сюй] Тин [в городе] Сюаньдэчжоу [провинции] Яньцзин видел, что [у них] имеются календари, уже отпечатанные и сброшюрованные в книги. Когда [я] спросил о них, то оказалось, что Ила Чу-цай сам высчитал, сам отпечатал и сам же обнаружил [этот календарь]. О нем татарский правитель даже не знал. [Елюй] Чу-цай силен в астрономии, стихосложении, игре на цине и в учении буддизма — [у него] много способностей. У него борода очень черная и отвисает до колен. Обычно [он] свивает [ее] в узел. [Он] личность весьма представительная.

Когда они выбирают день для совершения [какого-либо] дела, то [прежде всего] смотрят, полна или ущербна луна, для того чтобы совершить или прекратить [данное дело] (они избегают [совершения дела] как до [достижения] молодым месяцем [первой четверти], так и после [появления] полумесяца [в последней четверти]). Видя новую луну, [они] непременно кланяются.

Что касается их дел, то они записывают их при помощи деревянной палочки. [Письменность их] похожа на вспугнутого змея и скрючившегося земляного червя; похожа на [почерк] фу-чжуань в «Небесной книге», похожа на [знаки] у, фань, гун и чи из музыкальных нот. Уйгурские буквы, вероятно, являются братьями (т.е. сродни) [монгольской письменности].

[Я, Сюй] Тин исследовал ее (монгольскую письменность). У татар первоначально не было письменности. Однако ныне [они] пользуются письменностью трех видов.

Что касается тех [документов], которые имеют распространение в собственном государстве татар, то [они] пользуются только маленькими дощечками длиной 3—4 цунь. [Они] надрезают их по четырем углам. Например, если посылается [куда-либо] десять лошадей, то делается десять нарезок. В общем, вырезается только число их (предметов). Их обычаи просты, а мысли сосредоточены [на тех делах, о которых речь идет в данном случае]. Поэтому-то в [их] словах не бывает ошибок. По их закону тот, кто солгал, наказывается смертью. Поэтому-то никто не осмеливается обманывать. Хотя [у них] нет письменности, но они смогли сами основать государство.

Указанные маленькие дощечки есть не что иное, как бирки древних [китайцев].

Что касается тех [документов], которые имеют распространение среди мусульман, то они пользуются уйгурскими буквами. Ведает ими Чжэньхай. Уйгурская письменность насчитывает только 21 букву. Что касается остальных [знаков], то [они] лишь добавляются с боков, для того чтобы составились [слова].

Что касается [документов], имеющих распространение в погибших государствах — среди северных китайцев, киданей и чжурчжэней, — то применяется только китайская письменность. Ведает ими Ила Чу-цай. Однако еще в конце документа перед датой Чжэньхай собственноручно пишет уйгурские буквы, которые гласят: «Передать тому-то и тому-то». Это, вероятно, является специальной мерой предосторожности против Чу-цай и поэтому непременно производится засвидетельствование [документа] при помощи уйгурских букв. Если этого нет, то [он] не является документом (т.е. не имеет законной силы). То, что хотят, чтобы он проходил через руки Чжэньхай, также является, вероятно, противодействием.

В яньцзинских городских школах в большинстве случаев преподают уйгурскую письменность, а также перевод с языка татар. Как только [ученик] выучивается переводить [с этого] языка, он становится переводчиком. Затем [он] вместе с татарами ходит кругом [по дворам], запугивает людей, требует и получает са-хуа, требует и получает продукты питания для еды.

Кидане и чжурчжэни первоначально имели свою письменность, но теперь ни те, ни другие [ею] не пользуются.

Что касается их печати, то [она] называется «императорской печатью для обнаружения указов». Текст на ней похож на повторяющиеся иероглифы чжуань, и [она] квадратная. Ширина [квадрата] составляет три с лишним цуня. Ведает ею Чжэньхай. [Он] не запирает ее [как он должен был бы делать] в целях предосторожности.

Все дела — малые и большие — решаются обязательно самим незаконным вождем. У татар [Елюй] Чу-цай, [Няньхэ] Чун-шань и Чжэньхай вместе держат в руках кормило управления.

В делах [управления] всеми краями [государства] право полностью распоряжаться жизнью и имуществом [населения] при отсутствии [изданных] указов татарского правителя переходит уже в руки того, кто распоряжается [ханской] печатью.

[Я, Сюй] Тин исследовал это. Только когда дело воспроизводится в документе, то [Елюй] Чу-цай и Чжэньхай могут проводить в нем личные идеи. Ибо татарский правитель не знает грамоты. Что касается таких важных дел, как походы, война и другие, то [они] решаются только самим татарским правителем. Однако он еще обдумывает

их вместе со своей родней. Китайцы и другие люди не участвуют [в этих обсуждениях]. [Татарский правитель] обычно называет татар «своей костью».

В делах тяжбы, даже при самой тесной дружбе [с тем, кто решает дело], нужно [дать ему] са-хуа. [В противном случае человек] дойдет даже вплоть до самого татарского правителя, но в конечном счете не дадут [ему положительного] решения и [он] уйдет [ни с чем].

Что касается их гадания, то [они] обжигают баранью лопатку и определяют счастье или несчастье, смотря по тому, проходят ли трещины на ней [по направлению] туда или обратно. Этим [гаданием] решается все — откажет небо [в желаемом] или даст [его]. [Татары] сильно верят в это [гадание]. Оно называется «обжиганием пи-па». Не существует никаких грубых или тонких дел, о которых не производилось бы гадание. Гадание [по какому-либо случаю] непременно повторяется неоднократно.

Когда [я, Сюй] Тин вместе со всей партией прибыл в степи с миссией, то татарский правитель несколько раз обжигал пи-па, чтобы погадать, отправлять [ему] обратно или задержать [нашу] миссию. Надо полагать, что [показания] пи-па говорили о том, что следует возвратить [нас] домой, и поэтому [он] должен был отправить [нас] на родину. «Обжигание пи-па» — не что иное, как «сверление черепаховых щитков» [у китайцев].

В повседневных разговорах они непременно говорят: «Силой Вечного неба и покровительством счастья императора!». Когда они хотят сделать [какое-либо] дело, то говорят: «Небо учит так!». Когда же они уже сделали [какое-либо] дело, то говорят: «[Это] знает небо!» [У них] не бывает ни одного дела, которое не приписывалось бы небу. Так поступают все, без исключения, начиная с татарского правителя и кончая его народом.

Сбор налогов у них называется чай-фа. [Они] пьют кобылье молоко и едят баранину. Во всех случаях [они] взимают их (кумыс и овец) в зависимости от количества домашнего скота у народа. [Это] похоже на [практику] шан-гун китайской налоговой системы.

Что касается системы учреждения почтовых станций [на дорогах], то разрешается [местным] вождям и начальникам самим определять длительность обслуживания [станций].

В последнее время с китайского населения, независимо от того, мужчины [это] или женщины, за исключением ремесленников и мастеров, взимается в год: в городах с [каждого] совершеннолетнего 25 лян шелковой пряжи и с быка или овцы 50 лян шелковой пряжи ([это] составляет сумму, на которую [местное население] уже заняло серебро у мусульман на покупку продовольствия для проезжающих послов [монгольского хана]); с сельских земледельцев 100 лян шелковой пряжи с каждого; что касается очищенного риса, то независимо от размеров посевов и урожая, [взимается] четыре даня с [каждого] двора в год.

Партии по перевозке серебра в год [отвозят ко двору монгольского хана] 20 000 слитков серебра из всех провинций [Северного Китая] вместе взятых.

Не поддается описанию, [какие у них существуют] разнообразные пути для обложения [населения дополнительными] поборами!

В этих пустынных землях, через которые [я, Сюй] Тин проезжал, все, начиная с [самого] татарского правителя, незаконных императриц, царевичей, царевен, [их] родственников и ниже, имеют [свои] владения. Все их люди [живущие в этих владениях] отдают [им] как чай-фа быков, лошадей, повозки, оружие, работников, баранину и кобылье молоко. Ибо в степях, которыми управляют татары, поделившие [их на уделы], все отдают чай-фа [каждый своему владельцу]. Среди благородных и подлых не бывает ни одного человека, который мог бы быть освобожден [от уплаты податей].

Кроме того [у татар] существует еще один вид [обложения]: все отдают чай-фа на нужды местных почтовых станций в каждом владении. [Это] также одинаково [обязательно] для высших и низших. Это чай-фа в степях.

Что касается чай-фа в китайских землях, то, помимо того, что [там] с каждого совершеннолетнего во всех семьях [взимается] шелковая пряжа и шелковая вата в пересчете на серебро, при расходах на продовольствие и снаряжение, каждый раз для проезжающих послов и перебрасываемых войск, а также при всех [других] казенных расходах, еще через определенное время подсчитывают их общие суммы и раскладывают [их] на население. Во всех погибших государствах люди очень страдают от этого и [их] проклятья доходят до неба, но они в конечном счете ничего не могут сделать.

Татарский правитель часто присылает из степей [своих] чиновников в китайские земли для определения [общей суммы] чай-фа. [Я, Сюй] Тин, будучи в Яньзине, видел, что [татарский правитель] прислал туда чэнсяна Ху, и вымогательство богатств приняло еще более страшные [размеры]. Даже [самые] низшие [из слов населения] — гильдии учителей и нищих — и те отдавали [татарам] серебро в качестве чай-фа. [По этому случаю] среди учителей Яньзина распространилось [следующее] стихотворение: «От гильдии учителей требуют вносить серебро! [Но у нас] мало учеников и [мы] слишком бедны! У имеющего роскошный дом Лу обстановка [слишком] хороша [для нас], а у Фаня, имеющего гуманного сына, нет ни кола, ни двора! Только дом Ли может позволить себе содержать ученого, объясняющего добродетели, а семья Чжана — принять к себе учителя танцев! Пожалуемся вместе министру Ху! Когда [он] освободит [нас от уплаты налогов], устранятся причины для казней [за неуплату налогов]». По этим [стихам] видна их [татар] система [обложения] податями.

У них торгуют овцами, лошадьми, золотом, серебром и шелками.

Что касается их торговли, то все, начиная от татарского правителя и вплоть до незаконных князей, незаконных царевичей, незаконных царевен и т.д., передают [свое] серебро мусульманам. [Последние] либо отдают [это серебро] в рост народу и наращивают проценты с него — [при этом] процент с капитала в один дин через десять лет составляет

1024 дин, — либо покупают [на это серебро] различные товары и перепродают [их] в других местах, либо же принуждают народ возместить [им данную сумму] на том основании, что [эта сумма у них] якобы украдена в ночное время. [Я, Сюй] Тин видел, что татары только и делают, что берут са-хуа и никто не понимает в торговле. [Все], начиная с татарского правителя и ниже, только передают серебро мусульманам и заставляют их самих отправляться для торговли, с тем чтобы они уплатили проценты [сверх взятой ими суммы татарскому правителю или другому лицу из знати]. Мусульмане либо передают [полученное ими серебро] в рост другим лицам, либо сами торгуют в различных районах, либо же ложно заявляют, что [они] якобы ограблены, и заставляют население уездов и округов возместить [данную сумму].

В общем татары хотят [покупать] лишь холст, шелк, железо, котлы-треножки и цветное дерево только для нужд, [чтобы] одеваться и питаться.

Когда китайцы, мусульмане и другие прибывают в степи с товарами, обменивают [своих] овец и лошадей [на их товары].

Обычай татар, поистине, таков, что [они] не подымут на дороге утерянных [чужих] вещей. Однако неизбежно случаются грабежи. Но только совершают их люди из погибших государств. Кроме того, мусульмане кладут вещи [где-либо] в безлюдном месте, но наблюдают [за ними] издали и, как только кто-либо дотронется [до них], прибегают нахально сваливать [на него ответственность за похищение вещей]!. Коварство у мусульман самое страшное! К тому же в большинстве случаев [они] ловки и понимают языки многих стран! Просто диво!».

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ СОЧИНЕНИЯ ДЖУЗДЖАНИ «НАСИРОВЫ РАЗРЯДЫ»

Абу-Омар Минхадж ад-Дин Осман ибн Сирадж ад-Дин ал-Джудджани родился в Джудджане (в современном Афганистане) около 1193 г. и находился при дворе султанов области Гур, в центральной части современного Афганистана. В 1226 г. он бежал в Индию, где находился при дворе нескольких султанов и занимал должность главного кади в Дели; год смерти его не известен. Сочинение Джудджани «Насиравы разряды» — «Табакат-и-Насири», названное в честь султана Насир ад-Дина Махмуд-шаха I (прав. 1246—1265) и составленное 1259—1261 гг., принадлежит к обычному для персидских исторических сочинений типу всеобщей истории.

Представленный источник цитируется по изданию: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л., 1941. С. 13—19.

«[...]

Чингиз-хан...

Заслуживающие доверия люди рассказывали, что у Чингиз-хана было 4 сына; имя старшего было Туши, имя младшего за ним — Чагатай, третьего — Угетай и четвертого, младшего из всех, — Тули. Когда Чингиз-хан двинулся из Мавераннахра в Хорасан, то он отправил Туши и Чагатая с огромным войском в Хорезм, Кипчак и Туркестан, Тули с большой армией отрядил в города хорасанские, а Угетая оставил при себе...

Туши, сын Чингиз-хана

Туши был старший сын Чингиз-хана. Он был чрезвычайно храбр, отважен, мужествен и воинствен. Мощь его доходила до того, что [сам] отец боялся его. В 615 г. [30 марта 1218—18 марта 1219 г.], когда *хорезмшах* Мухаммед отправился истреблять племена Кадыр-хана Туркестанского, сына Иакафтана (?) йемекского, Туши из страны Тамгач также пришел в тот край, и в течение суток у него происходил бой с войском *хорезмшаха*, как об этом было изложено выше в рассказе о *хорезмшахе*. В то время как *султан* Мухаммед бежал с берегов Джейхуна, из окрестностей Балха, Чингиз-хан отправил Туши с Чагатаем и огромным войском в Хорезм. Войско монголов прибыло к воротам Хорезма и начался бой. В продолжение 4 месяцев жители Хорезма сражались с ними [монголами] и отражали неверных, которые, наконец, взяли город, предали весь народ мученической смерти и разрушили все строения, за исключением двух мест: 1) Кушк-и-Ахчека и 2) гробницы *султана* Мухаммеда Текеша. Некоторые рассказывают, что когда город Хорезм взяли и народ из города вывели в степь, то он [Туши] приказал отделить женщин от мужчин и удержать всех тех женщин, которые им [монголам] понравятся, остальным же сказать, чтобы они составили два отряда, раздеть их догола расставить вокруг них тюрков-монголов с обнаженными мечами. Затем он сказал обоим отрядам: «В вашем городе хорошо дерутся на кулаках, так приказывается женщинам обоих отрядов вступить между собою в кулачный бой». Те мусульманские женщины с таким позором дрались между собою на кулаках и часть дня избивали друг друга. Наконец [монголы] накинулись на них с мечами и всех умертвили, — да будет доволен ими [убитыми женщинами] бог.

Туши и Чагатай, управившись с делами хорезмскими, обратились на Кипчак и Туркестан, покорили и заволокли одно за другим войска и племена кипчакские и подчинили все [эти] племена своей власти. Когда Туши, старший сын Чингиз-хана, увидел воздух и воду Кипчакской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих. В ум его стало проникать желание восстать против своего отца; он сказал своим приближенным: «Чингиз-хан сошел с ума, что губит столько народа и разрушает столько царств. Мне кажется наиболее целесообразным умертвить отца на охоте, сблизиться с *султаном* Мухаммедом, привести это государство в цветущее состояние и оказать помощь мусульманам». Проведал о таком замысле брат его Чагатай и известил отца об этом изменническом плане и намерении брата. Узнав [это], Чингиз-хан послал доверенных лиц своих отравить и убить Туши. Было у него [Туши] 4 сына: старший по имени Бату, второй Чагатай, третий Шибан, четвертый Берка. Люди, заслуживающие доверия, рассказывали, что этот Берка родился во время завоевания [монголами] земель мусульманских. Когда мать родила Берка, то Туши, отец его, сказал: «Сына этого отдайте [кормить] мусульманской кормилице; пусть мусульманин обрежет пуповину его, пусть он [Берка] сосет молоко мусульманское, чтобы сделаться [настоящим] мусульманином, ибо я [этого] сына своего сделал мусульманином». Если этот рассказ верен, то да облегчит Аллах ему [Туши] страдания в аду. Нет сомнения, что по благодати этого [отцовского] намерения Берка, выросши, утвердился в мусульманской вере. До этого самого времени, которое является датой этих «Разрядов», то есть до 658 г. [18 декабря 1259—5 декабря 1260 г.], из сыновей Туши остался один только этот государь-мусульманин.

Бату, сын Туши, сына Чингиз-хана

Выше [уже] объяснено, что Туши был старший сын Чингиз-хана. Когда он, вследствие замысла против отца, переселился из мира сего, то после него осталось много сыновей; старше всех их был Бату; его Чингиз-хан посадил [на престол] на место его отца. Под его власть подпали все земли племен Туркестана, [начиная] от Хорезма, булгар, буртасов и саклабов до пределов Рума; он покорила в этих краях все племена кипчак, канглы, йемек, ильбари (?), рус,

черкес и ас до моря Мраков, и они все подчинились ему. Он [Бату] был человек весьма справедливый и друг мусульман; под его покровительством мусульмане проводили жизнь привольно. В лагере и у племен его были устроены мечети с общиной молящихся, *имамом* и *муэдзином*. В продолжение его царствования и в течение его жизни странам ислама не приключилось ни одной беды, ни по его [собственной] воле, ни от подчиненных его, ни от войска его. Мусульмане туркестанские под сенью его защиты пользовались большим спокойствием и чрезвычайною безопасностью. В каждой иранской области, подпавшей под власть монголов, ему [Бату] принадлежала определенная часть ее, и над тем округом, который составлял его удел, были поставлены его управители. Все главари и военачальники монгольские были подчинены ему [Бату] и смотрели [на него], как на его отца Туши.

Когда Гуюк переселился из мира сего и сошел в ад, то все, кроме сыновей Чагатая, согласились возвести на царство Бату. Они обратились к Бату с просьбой принять престол монгольский и сесть на царство; все они подчинятся его велению. Бату не согласился. [Тогда] они возвели [на царство] Менгу-хана, сына Тули, сына Чингиз-хана, как об этом будет сказано ниже. Некоторые заслуживающие доверия люди рассказывали следующее: Бату втайне сделался мусульманином, но не обнаруживал [этого] и оказывал последователям ислама полное доверие. Процарствовав около 28 лет над этим краем, он скончался. Да помилует его Аллах, если он [Бату] был правоверный, и да облегчит ему Аллах мучения [адские], если он был неверный. Похоронили его по обряду монгольскому. У этого народа принято, что если кто из них умирает, то под землей устраивают место вроде дома или ниши, сообразно сану того проклятого, который отправился в преисподнюю. Место это украшают ложе, ковром, сосудами и множеством вещей; там же хоронят его с оружием его и со всем его имуществом. Хоронят с ним в этом месте и некоторых жен и слуг его, да [того] человека, которого он любил более всех. Затем ночью зарывают это место и до тех пор гоняют лошадей над поверхностью могилы, пока не останется ни малейшего признака того места [погребения]. Этот обычай их известен всем народам мусульманским.

Берка-хан, сын Туши, сына Чингиз-хана

Заслуживающие доверия люди говорят, что Берка-хан, сын Туши-хана, сына Чингиз-хана, родился в земле Чина или Кипчака, или Туркестана в то время, как отец его Туши-хан взял Хорезм, и войско его [Туши] находилось в землях саксинских, булгарских и саклабских. Когда мать родила Берка-хана, отец его сказал: «Этого сына я делаю мусульманином, добудьте ему мусульманскую кормилицу, чтобы она его пуповину обрезала по-мусульмански и чтобы он пил мусульманское молоко, ибо этот сын мой будет мусульманином». Согласно этому указанию, пуповину его обрезала кормилица по мусульманскому обряду, и он [Берка] пил мусульманское молоко. По достижении им срока обучения и наставления собрали несколько мусульманских *имамов* и выбрали одного из них для обучения его [Берка] Корану. Некоторые заслуживающие доверия люди рассказывали, что обучение его Корану происходило в Ходженде, у одного из ученых благочестивцев этого города. По наступлении срока обрезания над ним [Берка] совершили этот обряд, а по достижении им возмужалости в войско его были назначены все мусульмане, находившиеся в стане Туши-хана. Когда войска монгольского обратились к Бату [с таким предложением]: «Тебе следует быть царем нашим, так как и отец его, Туши-хан, будучи отравлен Чингиз-ханом, покинул мир, и брат его [Берки] Бату-хан сел [на престол] на место отца, то он [Бату] также отнесся к Берка-хану с большим уважением и утвердил за ним командование [армией], свиту (*атба*) и уделы (*икта*).

В 631 г. [7 октября 1233—25 сентября 1234 г.] несколько послов Берка-хана прибыло ко двору его величества Шемс-ад-дунья-ва-д-дина, и они привезли с собою подарки. Так как этот царь ни под каким видом не открывал монгольским *ханам* ворот знакомства и приязни и послов их не допускал к себе, а удалял под удобным предлогом, то он отправил этих послов Берка-хана в богохрамимый [город] Каливар. Они [послы] были мусульмане, каждую пятницу присутствовали в соборной мечети Каливарской и совершали свои молитвы позади *наибов* автора этих «Разрядов» Минхадж-и-Сираджа; наконец, в царствование *султаниши* Разин, когда автор этот, Минхадж-и-Сирадж, по прошествии шести лет прибыл из богохрамимого Каливара в блестящую столицу Дели и был почтен милостью этой царицы, тех послов Берка-хана также приказано было отправить из богохрамимого Каливара в Каннудж и [там] оставить безвыездно, там они и умерли.

Выросши, Берка-хан, чтобы посетить оставшихся в живых и умерших мусульманских святых и ученых, поехал из земли Кипчакской в город Бухару, посетил их, вернулся восвояси и отправил доверенных людей к *халифу*. Некоторые заслуживающие доверия люди рассказывают, что он дважды или более облачался в почетные одежды, [присланные ему от] *халифа* еще при жизни брата его Бату-хана. Все войско его состояло из 30 000 мусульман и в войске его была установлена пятничная молитва. Люди, заслуживающие доверия, говорят, что во всем войске его такой порядок: каждый всадник должен иметь при себе молитвенный коврик с тем, чтобы при наступлении времени *намаза* заняться совершением его [*намаза*]. Во всем войске его никто не пьет вина и при нем [Берка] постоянно находятся великие ученые из [числа] толкователей [Корана], изъяснителей *хадисов*, законоведов и догматиков. У него много богословских книг, и большая часть его собраний и беседований происходит с учеными. Во дворце его постоянно происходят диспуты относительно науки *шариата*. В делах мусульманства он чрезвычайно тверд и усерден.

Рассказ о мусульманском благочестии Берка

В один из месяцев 657 г. [29 декабря 1258—17 декабря 1259 г.] один благородный почтенный *сейид* прибыл по торговым делам из Самарканда в славную столицу Дели. Со стороны двора царя ислама и *султана* семи климатов он

встретил радушный прием и ласку и удостоился [особого] почета и милостей царских-султанских. Вельможи этой славной столицы, из которых каждый — блестящее светило на небосклоне мусульманского царства и светозарная звезда на небесной сфере религии, сочли все необходимым явиться с разными услугами к вратам такого знатного *сейида*. Великий *сейид* этот Ашраф-ад-дин был сын [того] *сейида* Джелаль-ад-дина Суфи, да сохранит его Аллах, которому в городе Самарканде принадлежит скит (*ханака*) Нур-ад-дина слепого. Этот знатный *сейид* сообщил два рассказа о строгом соблюдении Берка-ханом мусульманской веры, да сохранит его Аллах всевышний и да умножит ему [свой] благодеяния:

Первый рассказ. Говорят так: по словам этого знаменитого *сейида*, один из самаркандских христиан перешел в ислам, и самаркандские мусульмане, твердо держащиеся мусульманской религии, прославляли его и оказывали ему много благодеяний. Вдруг, в Самарканд прибыл один из заносчивых монголов и неверных чинов [китайцев], пользовавшийся силою и властью; этот проклятый питал расположение к христианской религии. Самаркандские христиане пришли к этому монголу и пожаловались [говоря]: «Мусульмане обращают наших детей из веры христианской и учения Иисуса — да будет над ним мир — в религию мусульманскую и приказывают следовать вере избранника [Мухаммада]. Если эта дверь будет открыта, то все последователи наши будут совращены из веры христианской. Силою и властью [своей] устрой наше дело!» Означенный монгол приказал привести того юношу, который сделался мусульманином, и довести его лаской, обходительностью, подарками и милостями до отречения от религии мусульманской, он не отпал [от нее] и с сердца и тела своего не совлек покрова, украшенного мусульманскою религией. Тогда этот монгол отдал [новое] приказание, перевернув лист нрава [своего], стал произносить слова угрозы и подверг этого юношу всем наказаниям, которые находились в распоряжении власти и силы его [монгола], но он [юноша], по крайнему усердию, ни под каким видом не покидал мусульманской религии, несмотря на удары злобы неверных, не выпускал из рук напитка веры. Так как юноша твердо стоял за веру истинную и не обращал внимания на посулы и обещания этого беспутного народа, то тот проклятый [монгол] отдал приказание казнить означенного юношу. Благодаря силе веры своей он [спокойно] переселился из мира сего, да будет им бог доволен и да сделает его довольным! Все мусульмане Самарканда были поражены этим. Составлен был акт (*махзар*) — так рассказывал Ашраф-ад-дин, — подтвержденный свидетельством людей, заслуживающих доверия, и старшин мусульманских, живших в Самарканде. С этим актом мы отправились в лагерь Берка-хана, доложили ему положение и численность самаркандских христиан и тут же представили акт. В характере этого правоверного царя проявилось усердие к вере мухаммедовой и нравом его овладело желание защищать истину. Через несколько дней он оказал почесть этому *сейиду* [Ашраф-ад-дину], отрядил в Самарканд множество тюрок и доверенных мусульманских старшин и отдал [им] приказание умертвить и отправить в геенну сборище христиан, учинившее то нечестивое беззаконие. Получив такой указ, выждали время, когда эти злосчастные люди собрались в [своей] церкви. Там их разом захватили и всех отправили в преисподнюю, а церковь эту обратили в кирпичи. Это возмездие произошло по благосклонности того царя [Берка] к вере Мухаммеда и к исповеданию *ханефитскому* — да воздаст ему Аллах за это по заслугам.

Второй рассказ. Тот же *сейид* Ашраф-ад-дин рассказывал, что по смерти Бату-хана остался сын его Сартак, чрезвычайно жестоко и несправедливо обращавшийся с мусульманами. Сартак [этот] из страны Кипчакской и Саксинской отправился ко двору Менгу-хана, чтобы по милости Менгу-хана сесть на место отца [своего] Бату. Когда он дошел до тамгачских земель Менгу-хана, [то последний] принял его, отпустил его с почетом восвояси. Приближаясь к своему дяде Берка-хану, он [Сартак] отказался [от посещения его], свернул с дороги и не пошел к своему дяде. Тогда Берка-хан отправил людей к Сартаку [сказать ему]: «Я заступаю тебе место отца; зачем же ты проходишь точно чужой и ко мне не заходишь?» Когда посланные доставили Сартаку весть Берка-хана, то проклятый Сартак ответил: «Ты мусульманин, я же держусь веры христианской; видеть лицо мусульманское [для меня] несчастье». Да проклянет его Аллах многократно! Когда такая неподобающая весть дошла до того мусульманского царя Берка-хана, то он вошел один в шатер, обмотал шею свою веревкой, прикрепил цепь к шатру и, стоя, с величайшею покорностью и полнейшим смирением плакал и вздыхал, говоря: «Господи, если вера Мухаммедова и закон мусульманский истинны, то докажи мою правоту относительно Сартака». Три ночи и три дня он таким образом рыдал и стонал, совершая обычные обряды, пока [наконец] на четвертый день проклятый Сартак прибыл в это место и умер. Всевышний наслал на него болезнь желудка, и он [Сартак] отправился в преисподнюю. Некоторые рассказывали так: заметив на челе Сартака признаки возмущения, Менгу-хан тайком подослал доверенных людей, которые отравили проклятого Сартака, и он сошел в ад. Берка-хан женился на жене Бату; из рода Туши-хана было всего 15 сыновей и внуков, [но] все они отошли в геенну и [потом] все царство поступило в распоряжение Берка-хана. По благодати мусульманства перешли во власть его земли кипчакские, саксинские, болгарские, саклабские и русские, до северо-восточных пределов Рума, Дженда и Хорезма.

В 658 г. [18 декабря 1259 — 5 декабря 1260 г.], в котором окончены были эти «Разряды», некоторые лица, прибывшие из стран хорасанских, сообщили, что Менгу отправился в ад, что во всех городах Востока и Запада, равно как в землях Ирана [Аджем], в Мавераннахре и Хорасане, в *хутбе* произносили имя Берка-хана и что *султану* этому дали прозвище Джемаль-ад-дин Ибрахим, а богу лучше известна суть дела».

**ИЗ СОЧИНЕНИЯ АЛА АД-ДИНА АТА-МАЛИКА ДЖУВАЙНИ
«ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАТЕЛЯ МИРА»**

Ала ад-Дин Ата-Малик Джувайни, из округа Джувайн в Хорасане, родился в 1226 г. и с молодых лет находился на службе у монгольских правителей Хорасана, которым служил уже его отец; несколько раз он ездил в Монголию, Уйгурию и Мавераннахр. С 1256 г. находился на службе у Хулагу, который назначил его в 1259 г. правителем Багдада, Ирака и Хузистана; в этой должности он находился и при ильхане Абаге до 1282 г. Умер Джувайни 5 марта 1283 г. Его сочинение «История завоевателя мира» — «Тарих-и джехангушай» — начато около 1252/3 г. и закончено в 1260 г. Оно состоит из трех частей: 1) истории монголов от первых походов Чингиз-хана до смерти Гуюк-хана (1248 г.); 2) истории хорезмшахов и монгольских наместников Хорасана до 1258 г.; 3) продолжения истории монголов до 1257 г. и истории исмаилитов в Иране. Для истории монгольских завоеваний Джувайни пользовался устными рассказами участников, многие события второй четверти XIII в. были ему известны по официальным документам, а во многих он участвовал лично. Сочинение Джувайни было использовано Рашид ад-Дином и Вассафом и через посредство последних или непосредственно почти всеми последующими историками: персидскими, арабскими и турецкими, которые часто буквально повторяют рассказы Джувайни.

Настоящие извлечения сделаны по изданию: Джувейни Ата-Мелик История завоевателя мира. Пер. на англ. Дж.Э.Бойла, с предисл. и библиограф. Дэвида О.Моргана. Пер. на рус. Е.Е.Харитоновой. М., 2004. С.29, 30, 44, 45, 49, 50, 83–87, 94–99, 122–127, 133, 172, 183–186, 350, 356, 383, 399, 400, 403–407.

«[...]

Часть I. Глава 4. О сыновьях Чингисхана

У Чингисхана было много потомков как мужского, так и женского пола, от его жен и наложниц. Его старшую жену звали Есунджин-беки. А монгольский обычай таков, что положение детей, рожденных от одного отца, зависит от положения их матерей, поэтому сын, рожденный от старшей жены, имел преимущество и пользовался предпочтением. От этой жены у Чингисхана было четыре сына, которые подвергали опасности свои жизни, свершая для него подвиги и великие дела, и были четырьмя опорами трона царства и четырьмя колоннами *ханского* дворца. Каждому из них Чингисхан выбрал особую должность. Туши, самому старшему, он поручил надзирать за охотой и ловлей зверя, которые у монголов были важными занятиями и высоко ими почитались; Чагатаю, следовавшему за ним по старшинству, досталось следить за соблюдением *Ясы* и закона, насаждая их и взыскивая и наказывая за их нарушение. Угэдэя он выбрал для всего, что требовало разума и совета и для управления государством; Толи он назначил командовать войсками, их устройством и снаряжением. Когда с Онг-ханом было покончено и племена монголов — одни по доброй воле, другие по принуждению — были приведены под его начало и стали покорны и послушны его приказам, он разделил между этими сыновьями племена и народы монголов и найманов, а также все войска; и каждому из других своих сыновей и своим братьям и родственникам он выделил часть войска. И после он всегда призывал к укреплению согласия и упрочению привязанности между сыновьями и братьями; и всегда сеял семена гармонии и согласия в сердцах своих сыновей, братьев и родственников и рисовал в них картины помощи друг другу и поддержки. [...]

Когда во времена правления Чингисхана размеры царства стали огромны, он дал каждому удел для его местопребывания, которое они называют *юрт*. Так, своему брату Отегин-нойону и нескольким своим внукам он выделил земли в пределах государства Китаев. Своему старшему сыну Туши он отдал область, простирающуюся от Кайялыка и Хорезма до крайних пределов Саксина и Булгара дальше, где только касалось земли копыто татарского коня. Чагатай получил территорию, простирающуюся от земель уйгуров до Самарканда и Бухары, а местом его резиденции стал Куяш, расположенный неподалеку от Алмалыка. Столица Угэдэя, предполагаемого наследника, во время правления его отца находилась в его *юрте*, в окрестностях Эмиля и Кобака; но когда он вззошел на трон *ханства*, перенес ее на их исконные земли между государством Китаев и страной уйгуров, а тот другой удел отдал своему сыну Гуюку; описание различных мест, в которых он жил, дано особо. Земли Толи также лежали по соседству и располагались в середине империи, как центр в круге. [...]

[...]

Часть I. Глава 8. О Кучлуке и Ток-Тогане

[...] А что до Ток-Тогана, то он покинул Кучлука во времена его могущества и ушел в область Кам-Кемчик. Чингисхан отправил в погоню за ним своего старшего сына Туши с большим войском, чтобы разбить его, и тот стер следы его злых деяний и не оставил от него ничего.

Когда они вернулись, их стал преследовать *султан*; и хотя они не ввязывались в битву, *султан* не мог сдержаться и устремился в пустыню заблуждений и миражей. Так как предостережения его не удержали, они стали готовиться к бою. Обе стороны начали наступление, и правые фланги обеих армий наголову разбили противников. Уцелевшая часть монгольской армии воодушевилась успехом; они нанесли удар по центру, где находился сам *султан*, и он чуть не попал в плен, но Джелал ад-Дин отразил удары нападающих и спас его.

Что может быть прекрасней молодого льва, что пред своим отцом предстал, перепоясав чресла?

И битва продолжалась в течение всего того дня, и сражение длилось до самой вечерней молитвы, когда великое светило исчезло и лицо мира стало черно, как лица грешников, а обратная часть земли темна, как ее чрево.

[...]

После этого они вложили боевые мечи в ножны, и каждое войско отдыхало в своем лагере. Затем монгольская армия удалилась.

И когда они явились к Чингисхану и он оценил их храбрость и узнал пределы и размер армии *султана*, а также что у него не осталось никаких преград и ни одного врага, способного оказать сопротивление, он собрал свои войска и выдвинулся против *султана*. [...]

[...]

Часть I. Глава 10. О завоевании земель Алмалыка, Кайялыка и Фулада, а также об их правителях

[...] Несколько раз гурхан выступал против него и каждый раз терпел поражение; и тогда он послал гонца к Чингисхану с сообщением о Кучлуке и с объявлением о том, что он вступает в ряды слуг и вассалов Завоеывающего Мир Императора. Ответом ему были ободряющие слова благосклонности и внимания; и по повелению Чингисхана он породнился с семьей Туши. [...]

После смерти Озара его сын Сугнак-тегин пользовался монаршим благоволением: ему была дарована должность его отца, и он получил в жены одну из дочерей Туши. [...]

Часть I. Глава 12. О наступлении завоеывающего мир хана на страны *султана* и о захвате Отрара

[...] Армия [Чингисхана] окружила крепость, образовав несколько колец; и когда все войска собрались там, Чингисхан направил всех полководцев в разные стороны. Своего старшего сына [Джучи] он послал в Дженд и Барджлык-Кент с несколькими *туменами* храбрых и энергичных воинов; а нескольких своих военачальников он отправил к Ходженту и Фанакату. Сам он двинулся к Бухаре, оставив Угэдэя и Чагатая командовать армией, которой была поручена осада Отрара.

[...]

Часть I. Глава 19. О судьбе, постигшей Хорезм

[...] Когда Чингисхан завершил завоевание Самарканда, были покорены все страны Трансоксании, и его враги раздавлены мельничными жерновами несчастий, но с другой стороны уцелели области Дженда и Барджлык-Кента; так что Хорезм остался посредине, как палатка, у которой обрезали поддерживающие ее веревки. Поскольку он [Чингисхан] желал лично преследовать *султана* и очистить страны Хорасана от своих врагов, он направил против Хорезма своих старших сыновей, Чагатая и Угэдэя, с армией бесконечной, как ход времени, и такой, что она заполнила собою горы и пустыни. Он также приказал Туши послать туда в виде подкрепления войско из пленников, захваченных в Дженде. Царевичи проследовали через Бухару, послав вперед авангард, который мчался, как злой рок, и летел, подобно молнии.

Хорезм к тому времени был покинут [обоими] *султанами*, но в нем все еще находился Хумар-тегин, один из военачальников и родственник Теркен-хатун; оставались в нем также и некоторые из главных *эмиров*, а именно Моغل-Хаджиб, Эр-Бука Пахлаван, *ситахсалар* Али Дуругуни и несколько других им подобных, перечислять имена которых — долгое и бесполезное занятие. Кроме этого, в городе оставалось так много вельмож и ученейших людей своего века, что их число невозможно было сосчитать и измерить; а жители превосходили численность крупинки песка или гальку. А так как во всем этом множестве и собрании людей не было назначено предводителя, к которому бы они могли обратиться, если совершались неподобающие поступки, который бы решал вопросы государственного управления и занимался делами всего общества, с чьей помощью они могли бы противостоять ударам судьбы, Хумар, по причине его близости к царской семье, был единогласно выбран *султаном* и назначен наврузом.

И они не обращали внимания на беспокойство и беспорядок, царящие в мире, и удары и напасти, которым подвергала Судьба свои творения, великие и малые; пока вдруг не увидели небольшой отряд всадников, подобный облаку дыма, который прибыл к воротам города и начал угонять скот. В результате восторжествовали некоторые из тех слепцов, которые решили, что они пришли в таком малом количестве из хвастовства и осмелились на такую дерзость ради забавы. Они не уразумели, что за этим последуют бедствия, что после вершины этого бедствия будут другие вершины, а за ними — адские муки. Весь народ, пеший и конный, безрассудно хлынул из ворот и напал на небольшой отряд. Монголы, будто играя в какую-то дикую игру, то бросались на них, то уносились прочь. Наконец, когда они достигли Багги-Хуррама, который лежал на расстоянии *фарсаха* от города, из засады выскочили татарские конники, богатыри и удалыцы, внушавшие страх воины, прятавшиеся за городскими стенами. Они преградили им путь и назад, и вперед и напали на них, как волки на оставшееся без пастуха стадо овец. Они пускали в этих людей стрелы и, умело работая копытами и саблями, гнали их перед собой и к наступлению ночи уложили на землю почти сто тысяч воинов. И в таком лихорадочном возбуждении, с воплями и криками они ворвались вслед за ними в город через Кабиланские ворота и набросились как огонь на место, называвшееся Танура.

Когда солнце стало садиться, неприятельское войско из предосторожности удалилось; но на следующий день, когда тюркский сабельщик поднял голову, скрывавшуюся за горизонтом, бесстрашные и отважные воины вскочили на коней и устремились к городу. Некий Фаридун Гурии, один из главных полководцев *султана*, ожидая их у ворот с

пятьюстами воинами и приготовившись отразить атаку, лишил этих проклятых возможности сражаться до конца того дня.

Вскоре прибыли Чагатай и Угэдэй с войсками, натиск которых был подобен водному потоку, и ряды которых следовали один за другим, как порывы ветра. Они объехали город вокруг и отправили к его жителям посольство с предложением покориться и сдаться.

Все войско затем охватило город, как круг охватывает свою середину, и расположилось у его стен, словно воплощение Судьбы. Они занялись приготовлением орудий войны — дерева, *баллист* и снарядов к ним. И так как в окрестностях Хорасана не было камней, они изготавливали эти снаряды из древесины тутовых деревьев. Как было у них заведено, в течение дня они осыпали жителей города обещаниями и угрозами, посулами и проклятиями; и время от времени те и другие посылали друг в друга по нескольку стрел.

Наконец, когда приготовления к бою были окончены и все необходимые орудия приготовлены, когда прибыло к тому же подкрепление из Дженда и других мест, они со всех сторон тотчас бросились штурмовать город и с пронзительным криком, подобным грому и молнии, выпустили на него град стрел и снарядов. Они приказали собирать всякий мусор и засыпать им ров; а после этого вперед погнали пленных, образовавших круг, которым велено было разрушить основание внешних укреплений и бросить землю в глаза неба.

Когда фальшивый *султан* и предводитель войска Хумар, опьяневший от вина несчастий (Всемогущий Аллах сказал: «Клянусь твоей жизнью, о Мухаммед! Ведь они в своем опьянении скитаются слепо»), увидел резню, которую они устроили, его сердце разорвалось надвое от страха унижения, а знаки победы татарского войска совпали с его тайными догадками; он лишился разума, и перед лицом Провидения советы и наставления оказались сокрыты от него. Он сошел с ворот и тем самым посеял еще большее замешательство и беспорядок между людьми.

Татарская армия установила на стене свое знамя, воины взбирались наверх, и земля гудела от их воплей, криков, рева и шума. Горожане сражались с ними за каждую улицу и каждый дом, в каждом переулке они вступали в бой и в каждом тупике отчаянно сопротивлялись. Монголы тем временем поджигали их дома и кварталы горшками с горячей нефтью и убивали жителей одного за другим при помощи стрел и *баллист*. И когда неумолимая вечерняя тьма начала сворачивать мантию солнечного света, они стали возвращаться в свой лагерь. Утром горожане некоторое время продолжали сражаться, и когти войны обнажились, когда они пускали в ход мечи, стрелы и знамена. Но к тому времени большая часть города была разрушена; дома с находившимися в них имуществом и сокровищами превратились в кучи земли; и монголы уже не надеялись поживиться накопленным ими добром. Тогда они договорились между собой прекратить использовать огонь и вместо этого лишить жителей города доступа к воде из реки Окс, через которую в центре города был построен мост. Три тысячи воинов монгольского войска приготовились и бросились на середину моста; но горожане устроили и там ловушку, и ни один из них не вернулся назад.

После этого случая горожане воодушевились и усилили сопротивление. За стенами города орудия войны также работали с удвоенной яростью, море битвы еще больше разбушевалось, а буйные ветры смятения еще сильнее задули на земле и на небе. Квартал за кварталом, дом за домом монголы захватывали город, разрушая его здания и убивая его жителей, пока наконец весь город не оказался в их руках. Потом они выгнали жителей на равнину; тех кто были ремесленниками и мастерами, а таких набралось более ста тысяч, отделили от прочих; детей и молодых женщин обратили в рабов и угнали в плен; оставшиеся же мужчины были поделены между монгольскими воинами, каждому из которых выпало казнить двадцать четыре человека. Всевышний сказал: «И обратили Мы их в повествование и разорвали на клочки. Поистине, в этом — знамение для всякого терпеливого, благодарного!». После этого войско занялось грабежом и разорением и разрушило то, что осталось от домов и жилищ.

[...]

Если быть кратким. То когда монголы завершили завоевание Хорезма, угнали пленников, прекратили грабежи, убийства и кровопролитие, то они тех из жителей, которые были ремесленниками, разделили и отправили в восточные страны. И сегодня там много мест, обустроенных и населенных жителями Хорезма.

Царевичи Чагатай и Угэдэй возвращались через Калиф, который они присоединили к Хорезму через два дня.

А что касается сражений и убийств, то я услышал о таком количестве погибших, что, несмотря на поговорку «Делай так, как делалось прежде» не поверил этому рассказу, а потому не записал его. [...]

Часть I. Глава 23. О возвращении Чингисхана

[...] Ту зиму он [Чингисхан] провел в окрестностях Самарканда, откуда послал гонца к старшему своему сыну Туши с приглашением покинуть Кифчакскую степь и приехать позабавиться с ним охотой (главным образом на диких ослов).

Чагатай же и Угэдэй отправились в Кара-Кол развлечься охотой на лебедей; и каждую неделю как доказательство успешной охоты, они отсылали Чингисхану пятьдесят верблюжьих выюков лебедей.

Наконец, когда дичи уже не осталось, и зима подошла к концу, мир превратился в розовый бутон, свидетельствующий о приходе весны, а весна нарядилась в платье, украшенное цветами, Чингисхан решил отправиться в путь и уехать домой; царевичи встретились с отцом у реки Фенакет и устроили *курлтай*, откуда они выступили и шли, пока не достигли Кулан-баши, где их нагнал Туши, прибывший с другой стороны и также присоединившийся к отцу. В числе привезенных им даров была тысяча серых лошадей. По приказу отца он пригнал из Кипчакской степи стада диких ослов, подобно множеству овец. Рассказывали, что в пути копыта диких ослов истерлись, и их подковали лошадиными подковами. Когда они подошли к городу, называвшемуся Утука (?),

Чингисхан, его сыновья и солдаты сели верхом на коней и, чтобы развлечься, погнали диких ослов перед собой. Они начали их преследовать, но ослы были так измождены, что их можно было взять голыми руками. Когда охота их утомила и остались только тощие животные, каждый заклеил пойманных им ослов собственным тавром и отпустил на волю.

[...]

Часть I. Глава 25. Об экспедиции Джеме и Субутая для поимки султана Мухаммада

Когда Чингисхан прибыл к Самарканду и окружил город, его разведка донесла, что *султан* [Мухаммад] переправился через реку возле Тирмиза и распустил большую часть своего войска и офицеров своей гвардии по деревням, что при нем осталось лишь несколько человек и что он переправлялся через реку, объятый ужасом и смущением. И он [Чингисхан] воскликнул: «Нужно покончить с ним и навсегда избавиться от него, пока не собрались люди вокруг него и не прибыли к нему вельможи со всех сторон».

Посему он выбрал из своих военачальников Джеме и Субутая и отправил их в погоню за *султаном*; и из войска, что находилось с ним, он отобрал тридцать тысяч человек — поровну от каждого *тумена* [...].

После этого монголы покинули Ирак и подчинили себе Тебриз, Марагху и Нахичеван, убив жителей всех этих стран. *Атабек* Хамуш явился с изъявлением покорности, и ему были даны письмо и алая *тамга*.

Оттуда они [армии Джеме и Субутая] направились в Арран, взяли Байлакан и прошли через Ширван. Потом они подошли к Дербенту, про который никто уже не помнил, чтобы армия когда-то проходила через него или шла этим путем на войну, но они прибегли к хитрости и так прошли через него.

Армия Туши располагалась в Кипчакской степи и рядом с ней; они соединились с нею и оттуда отправились к Чингисхану.

[...]

Часть I. Глава 29. О восшествии императора мира *каана* на трон *ханства* и о могуществе мировой империи

[...] Состояние Чингисхана ухудшилось, и так как его нельзя было трогать с места, то он скончался там, где был, четвертого дня месяца рамадана 624 года [18 августа 1227 года].

После этого все царевичи отправились в свои земли, намереваясь в следующем году созвать собор, который на монгольском языке называется *курултай*. Они прибыли в свои *орды* и занялись приготовлениями к этому *курултаю*.

Как только холодность воздуха и свирепость мороза уменьшились и земля повеселела и возрадовалась от дуновения ласкового зефира —

Зефир украсил земную обитель зеленью, и этот мир

Стал подобен Миру Грядущему.

Зефир, явивший чудо возвращения земли к жизни, похитил славу Иисуса, —

— вышеназванные сыновья и их родственники послали нарочных, чтобы сообщить о смерти Чингисхана, а также о том, что во избежание причинения какого-либо вреда государству необходимо созвать собор и решить вопрос об избрании нового *хана*. После этого каждый оставил свою *орду* и отправился на *курултай*. Из земель кифчакских прибыли сыновья Туши, Хорду, Бату, Сибакан, Тангут, Берке, Беркечер и Тога-Темур, из Куяса Чагатай, из Эмиля и Кобака — Угэдэй [...]. Все вышеназванные люди собрались в области Келурена [...].

В Хорасане и Ираке еще не унялся огонь вражды и беспорядков, да и *султан* Джелал ад-Дин там все еще не унимался. Он направил туда Чормагуна с несколькими *эмирами* и тридцатью тысячами воинов. В землю кифчаков, саксинов и болгар он послал Кокетей и Субутая-бахадур с таким же войском. И в Тибет и Солангай он подобным образом послал большие или меньшие силы; в земли Китаев же он решил отправиться лично в сопровождении своих братьев.

[...]

Часть I. Глава 31. О втором *курултае*

[...] После того каждый принц и *нойон* был приставлен к особому войску, и они были направлены на восток и на запад, на юг и на север. И поскольку племена кифчаков и келеров не были еще окончательно уничтожены, главное внимание было направлено на завоевание и истребление этих народов. Из царевичей возглавлять этот поход были назначены Бату, Менгу-каан и Гуюк, и каждый из них отбыл в собственный лагерь с большим войском таджиков и тюрков, намереваясь отправиться в путь в начале будущей весны. Они приготовились к путешествию и выступили в назначенное время.

[...]

Часть I. Глава 36. О восшествии на трон *ханства* Гуюк-хана

[...] Соркотани-беки и ее сыновья прибыли первыми [на *курултай*] [...]. Из *орды* Чагатая прибыли Кара, Есу, Бури, Байдар, Есун-Тока и другие внуки и правнуки. Из земель Саксина и Булгара Бату, который не явился лично, прислал своего старшего брата Хорду и младших братьев Сибана, Берке, Беркечера и Тока-Темур. [...]

Часть I. Глава 38. О Туши и о вступлении на престол вместо него Бату

Когда Туши, который был старшим сыном, отправился в Куланбаши соединиться с Чингисханом, и вернулся оттуда, пробил назначенный час. И из всех его сыновей возраста достигли семеро: Богал, Хорду, Бату, Сибакан, Тангут, Берке и Беркечер, и Бату наследовал своему отцу и стал править царством и своими братьями. И когда Каан взошел на трон Империи, Бату подчинил и покорил себе все края, прилегающие к его территории, включая остатки кифчакских земель, аланов, ясов и русов, а также такие земли, как Булгар, Магас и др. И Бату жил в своем собственном лагере, который он разбил в районе Итиля; и он построил там город, который называется Сарай; и его слово стало законом во всех странах. Он был не склоняющимся ни к какой вере или религии: он признавал только веру в Бога и не был слепо предан какой-либо секте или учению. Его щедрость была безмерна, а его терпимость безгранична. Правители всех стран и монархи со всех сторон света и все остальные приходили к нему; и до того как их подношения, которые копились веками, успевали убрать в казну, он раздавал их монголам и мусульманам и всем присутствующим, и не смотрел, много это было или мало. И купцы из разных стран приносили ему всевозможные товары, и он брал все, и увеличивал цену в несколько раз против начальной. И он дал денег *султанам* Рума и Сирии и вручил им *ярлыки*; и ни один из тех, кто приходил к нему, не ушел, не достигнув своей цели.

Когда *ханство* унаследовал Гуюк-хан, Бату, по его просьбе и приглашению, отправился навестить его. Когда он достиг Алакамака, Гуюк-хан скончался. Он остался в этом месте, и отовсюду к нему прибыли царевичи; и они передали *ханство* Менгу-каану, о чем будет рассказано в главе о Менгу-каане. И оттуда он отправился назад, и пришел в свою собственную *орду*, и предался удовольствиям и развлечениям. И всякий раз, когда готовился поход, он, соответственно необходимости, посылал войска, которые возглавляли члены его семьи, его родственники и ратоводцы. Когда в 653 году (1255–1256) Менгу-каан проводил очередной *курултай*, он послал к нему Сартака, который был приверженцем христианской веры. Не успел Сартак прибыть, как исполнился приказ Господа, и неизбежное свершилось в году... И когда Сартак прибыл, Менгу-каан принял его с величайшей добротой, выделив его среди равных; и он отпустил его с такими богатствами и сокровищами, которые подобали такому великому царю. Не успел он достичь своей *орды*, доехав лишь до..., как отправился вслед за своим отцом. Каан послал своих *эмиров* утешить его жен и братьев; и он приказал, чтобы Боракчин-хатун, которая была старшей женой Бату, издавала бы приказы и занималась воспитанием Улагчи, сына Сартака, пока он не станет взрослым и не займет место своего отца. Но судьба распорядилась иначе, и Улагчи скончался в тот же год.

Часть I. Глава 39. О завоевании Булгара и земель ясов и русов

Когда Каан во второй раз собрал великий *курултай*, они все вместе думали, как истребить и подчинить себе всех непокорных, которые еще оставались; и было решено захватить земли булгар, и ясов, и русов, которые граничили с владениями Бату; ибо, вводимые в заблуждение обширности своей территории, они не покорились окончательно. Тогда он назначил нескольких царевичей помогать и оказывать содействие Бату, а именно Менгу-каана и его брата Бочека; своих собственных сыновей Гуюк-хана и Кадагана; из других царевичей — Колгена, Бури и Байдара; братьев Бату Хорду и Тангута; и еще несколько царевичей, а также Субутай-бахадур из числа высших военачальников. Царевичи разъехались каждый в свою ставку, чтобы подготовить свои войска и армии; и весной каждый из них выступил из своей собственной земли и поспешил завершить это дело. Они сошлись все вместе в землях булгар. От множества их войск земля стонала и гудела, и даже дикие звери столбенели от шума их полчищ. Прежде всего они захватили штурмом город Булгар, который на весь мир славился крепостью своих стен и обилием запасов; и как предостережение другим они убили жителей или увели их в плен. А оттуда они направились в землю русов и захватили всю ту страну до самого города Магаса, жители которого были так же многочисленны, как муравьи или саранча, и вокруг которого росли такие леса и чащи, что сквозь них не могла проползти даже змея. Все царевичи остановились в окрестностях города, и с каждой стороны они проложили дороги, такие широкие, что по ним могли проехать в ряд три или четыре телеги. И напротив городских стен они установили катапульты и через несколько дней не оставили от города ничего, кроме его тезок, и захватили богатую добычу. И они приказали отрезать у каждого из жителей правое ухо, и набралось двести семьдесят тысяч ушей. И оттуда царевичи повернули домой.

Часть I. Глава 40. О конниках келеров и башгирдов

Когда русы, кифчаки и аланы были уничтожены, Бату решил приступить к истреблению келеров и башгирдов, которые есть многочисленные народы, исповедующие христианство и, как говорят, граничат с землей франков. С этим намерением он собрал свои войска и выступил на следующий год. А те люди были самонадеянны от своей многочисленности, мощи своей власти и силы своего оружия; и когда они услышали о приближении Бату, они также выступили ему навстречу с четырьмястами тысячами конников, каждый из которых был знаменитым воином и считал побег позором. Бату послал вперед своего брата Сибакана с десятитысячным отрядом, чтобы разведать их

численность и сообщить о степени их силы и могущества. Сибакан выступил вперед, повинувшись его приказу, и к концу недели вернулся и доложил, что их число вдвое превышало численность монгольского войска, и все они были превосходными воинами. Когда две армии подошли ближе друг к другу, Бату поднялся на вершину холма и весь день и всю ночь он ни с кем не говорил, а только молился и причитал; и он велел мусульманам также собраться и возносить молитвы. На следующий день они приготовились к битве. Широкая река разделяла две армии: Бату отправил ночью один отряд, а потом переправилось и его [главное] войско. Брат Бату лично участвовал в сражении и предпринимал одно наступление за другим; но неприятельская армия была сильна и не отступила ни на шаг. И тогда сзади подошло [главное] войско; и одновременно Сибакан перешел в наступление со всеми своими полками; и они бросились на их *королевские шатры* и перерезали веревки своими саблями. И когда монголы опрокинули их шатры, войско келеров дрогнуло и обратилось в бегство. И никто из того войска не уцелел, и те земли тоже были покорены. Это было одним из их величайших подвигов и одной из самых их жестоких битв.

[...]

Часть II. Глава 28. О Коргузе

[...] И когда он находился в таком бедственном положении, его двоюродный брат со стороны отца по имени Бешкулак поручился за него перед одним землепашцем, у которого Коргуз взял в долг денег на покупку коня, оставив ему в залог этого двоюродного брата. Он купил коня и отправился в *орду* Бату. Прибыв туда, он поступил на службу к одному из *эмиров* двора и был назначен табунщиком. Через некоторое время Коргуз проявил свои способности, и был взят *эмиром* служить ему лично. Прошло еще некоторое время, и он стал фаворитом. Как-то раз, когда он вместе с тем *эмиром* сопровождал на охоту Туши, был получен *ярлык* от двора Чингисхана, содержание которого должно было вызвать радость и ликование. Поскольку в тот момент среди них не было секретарей, которые могли бы прочесть *ярлык*, стали искать человека, знающего [уйгурское] письмо. Было указано на Коргуза, его доставили к Туши. Он прочитал *ярлык* и держался при этом с такой учтивостью, которую трудно было ожидать от какого-то стремянного или дворового слуги. Его манеры и чтение понравились Туши, который велел зачислить его секретарем. Выказывая почтение *эмиру* и соблюдая правила приличия и требования службы, он увеличивал [свое влияние], и с каждым днем его дела шли все лучше. Он приобрел известность благодаря своему письму и хорошим манерам, и ему стали поручать обучение монгольских детей. [...]

И в каждой земле, которую он облагал налогами или в которой собирал их, он делал записи на обрывках бумаги, которые попадались под руку, например на тех, что использовали торговцы зеленью, а затем передавал их чиновникам Хорасана, которые заносили эти сведения в отчеты и счетные книги. И так продолжалось, пока Чин-Тимур не умер и его не сменил Нозал. И этот дурной человек отправился ко двору Бату и получил *ярлык*, утверждавший его в должности, на которую он был назначен. Когда к власти пришел Коргуз, он был назначен на ту же должность, и ему были поручены те же самые обязанности. А Коргуз был известен своей мудростью и опытом, и при нем Шараф ад-Дин не мог без его указаний не то что издавать приказы, а даже вздохнуть; он не мог никого притеснять и не мог выносить несправедливые обвинения беззащитным. По этой причине он постоянно подговаривал Эдгу-Тимура, сына Чин-Тимура, добиваться должности. [...]

После этого он [Менгу-каан] рассудил их дело и призвал Эдгу-Тимура и его сторонников виновными. Самому же Эдгу-Тимуру он сказал: «Поскольку ты человек Бату, я направлю твое дело ему. Он решит, как с ним поступить». Однако несмотря на полное отсутствие сочувствия к Эдгу-Тимуру, Чинкай сумел проявить по отношению к нему некоторую доброту. Научив его, что ему говорить, он передал Каану его заявление: «Каан стоит выше Бату. Кто я такой, что мое дело требует обсуждения? Во власти Императора Лица Земли, Каана, рассудить его». И тогда Каан помиловал его, а если бы дело было отдано на рассмотрение Бату, будь он даже его лучшим другом, какую милость оказал бы он ему?

[...]

Часть III. Глава 2. О Бачмане и его гибели

Когда Каан направил Менгу-каана, Бату и других царевичей завоевать земли Булгара, Аса и Руса, кифчаков, аланов и других племен, все эти земли были освобождены от смутьянов, и те, кому удалось избежать меча, склонили свои головы в повиновении. Тем не менее одному из вождей поверженных кифчаков, человеку по имени Бачман, удалось уйти от преследования с отрядом кифчакских воинов, и к нему присоединились другие беглецы. Не имея никакого убежища или укрытия, он каждый день и каждую ночь отправлялся на новое место. И из-за своей собачьей натуры он, подобно волку, нападал на всех и каждого и уходил с награбленным. Со временем зло, причиняемое им, росло, и наносимый им вред увеличивался; и каждый раз, когда войско преследовало его, его нельзя было отыскать, поскольку он уходил на новое место и запутывал следы.

Большая часть его укрытий и убежищ находилась на берегах Итиля. Здесь он прятался в лесах, откуда выскакивал, подобно шакалу, хватал что-нибудь и вновь скрывался. Князь Менгу-каан приказал построить двести кораблей и в каждый из них посадить сто монголов в полном вооружении. После этого со своим братом Бочеком он устроил нерге на обоих берегах реки. Пройдя вдоль Итиля, они подошли к лесу и увидели в нем следы лагеря, который был покинут лишь утром: разбитые повозки и лежащие повсюду испражнения людей и животных. Посреди всего этого они заметили старую больную женщину. Они спросили у нее, что произошло, кто были эти всадники и откуда, и как они

выглядели. Они узнали, что Бачман только что покинул свой лагерь и укрылся на острове посреди реки и что все животные и все награбленное им добро также находились на том острове. У них с собой не было лодок, а река бушевала подобно морю, и по ней нельзя было плыть, не говоря уж о том, чтобы ехать верхом. Неожиданно налетел ветер и отогнал всю воду от подступов к острову, так что показалось дно. Менгу-каан приказал войску не медля войти в реку. Не успел Бачман опомниться, как был захвачен, и его войско было уничтожено всего за час: одних сбросили в воду, других перебили на месте. Монголы захватили в плен их жен и детей, а также забрали множество ценной добычи. После этого они отправились назад. Вода начала прибывать, и когда они достигли берега, она вновь поднялась, не причинив вреда ни одному воину.

Когда Бачман был приведен к Менгу-каану, он умолял, чтобы последний убил его собственными руками. Однако Менгу-каан велел своему младшему брату разрубить его надвое. Эти знаки указали на причину передачи власти и ключей империи Императору Мира Менгу-каану, которая не требует дальнейших доказательств.

Часть III. Глава 3. О восшествии на трон ханства повелителя семи стран справедливого императора Менгу-каана [...]

[...] Бату выступил из своей *орды* в стране болгар и саксинов, чтобы проследовать ко двору Гуюк-хана, и, прибыв в Алакамак, что в неделе пути от города Каялыка, получил сообщение о смерти Гуюк-хана. Он остался там, где находился, и стал слать одного гонца за другим ко всем своим родственникам, чтобы сообщить о своем прибытии: он просил их прибыть [к нему туда]. Менгу-каан выступил из области Каракорума. А что до Сиремуна и других внуков и жен Каана, которые находились в том краю, они послали своим представителем Конкуртакай-нойона, *эмира* Каракорума, передав с ним такое письмо: «Бату — *ага* всех царевичей. Что бы он ни приказал, его слово — закон. Мы соглашаемся со всем, что он посоветует и что сочтет наилучшим, и не будем возражать против этого». А что до других царевичей, [а именно] сыновей Гуюк-хана, то они, поскольку находились уже поблизости, явились к Бату раньше [остальных]. Они пробыли там день или два, а потом, не испросив разрешения, повернулись и отправились в свою собственную *орду* под тем предлогом, что люди, искусные в науке кам, не разрешили им задерживаться на более длительное время. Они оставили у Бату своим представителем Темур-нойона, наказав ему, когда ожерелье собрания будет полностью нанизанным, выразить свое согласие со всем, с чем согласятся *ага* и *ини*.

Вскоре все царевичи собрались. От сыновей Каана прибыл Кадаган-Огул, а от сыновей и внуков Чагатая — Кара-Хулагу и Мочи. [Также прибыл] Менгу-каан со своими братьями Могое и Ариг-боке, а от *эмиров* — Ухатай и Есу-Бука; и из других земель прибыли *эмиры* и *нойоны* и другие царевичи и племянники Бату. Они устроили великое собрание и после пиршеств, продолжавшихся несколько дней, стали размышлять о том, что управление *ханством* нужно доверить человеку, который подходил бы для этого и испытал бы добро и зло, горе и радость, и вкусил бы сладость и горечь жизни, и водил бы войско в далекие и близкие земли, и прославился бы на пирах и в бою. [...]

Наконец после долгих раздумий и размышлений все, кто присутствовал на том сборе, царевичи, *эмиры* и *нойоны*, пришли к решению, что поскольку Бату был старшим из царевичей и вождем среди них, ему лучше было известно, что хорошо, а что плохо в делах государства и династии. Ему решать, стать ли ему самому *ханом* или предложить другого. Все присутствующие согласились с этим решением и написали письменные обязательства в том, что они никоим образом не отступят от своего слова и не нарушат приказания Бату. И, завершив и закончив таким образом обсуждение, они стали пить и веселиться. [...]

Однако Менгу-каан не дал своего согласия и несколько дней продолжал отказываться и не брал на себя эту тяжелую ношу и не принимал этот высокую обязанность. Когда его упорство перешло всякие границы, его брат Могое-Огул, украшенный драгоценными камнями мудрости и влияния, поднялся и сказал: «Все на этом собрании приняли на себе письменные обязательства и все здесь присутствующие пообещали повиноваться приказаниям Бату-каана, и не нарушать их, и не отступать от них, и не желать ничего прибавить к его словам. Но поскольку Менгу-каан теперь стремится уклониться от совета *аги* и от выполнения своего собственного обещания, то пусть тогда потом, когда между *агой* и *ини* возникнут какие-либо разногласия, это не станет причиной для порицания и поводом для упреков».

И он продолжал говорить такие речи и алмазом своих слов пронзил жемчужину этого решения. И это стало убедительным доказательством и наглядным свидетельством, и Бату одобрил эти слова и похвалил Могое. А Менгу-каан наконец дал свое согласие.

И поскольку необычайные и удивительные дела Аллаха придали крепости корням и сделали раскидистой крону растущего у ручья молодого дерева государства, о котором сказано: «И мы сделали вас царями», Бату, по обычаю монголов, встал, и все царевичи вместе с ним преклонили колени. И он взял кубок и отвел *ханству* подобающее ему место. И все проповедники и новообращенные одобрили его поступок. [...]

А что до тех, кто высказывался уклончиво и откладывал [решение] этого дела, придумывая отговорки и сочиняя небылицы под предлогом, что власть над *ханством* должна принадлежать роду Каана или Гуюк-хана, они забыли о смысле слов: «Ты даруешь власть, кому пожелаешь», и потому отправили гонцов во все стороны, а также послали гонца к Бату, чтобы заявить о своем несогласии с этим решением и о неучастии в этом договоре.

Бату отвечал так: «Соглашением между *агой* и *ини* мы решили это дело, и его обсуждение завершено — «Решено дело, о котором вы спрашиваете». Невозможно отступить от него, и если мы не завершим его так, как было установлено, и назначим кого-то другого вместо Менгу-каана, порядок ведения дел будет нарушен, и в законах государства и делах людей воцарится такое смятение, что с этим нельзя будет ничего поделать. И если вы посмотрите на это глазами разума и дальновидности, вам станет ясно, что интересы сыновей и внуков Каана были соблюдены,

ибо для управления такой великой империей, которая простирается от самых дальних земель востока до крайних западных областей, не достаточно детских сил и детского разума». [...]

ОТРЫВКИ ИЗ «СЕЛЬДЖУК-НАМЭ» ИБН БИБИ

Насир ад-Дин Яхья ибн Наджм ад-Дин Мухаммед Тарджуман, по прозвищу Ибн Биби, был, по-видимому, начальником «дивана государственной печати» (диван ат-тугра) при сельджукских султанах Малой Азии. Его сочинение «ал-Авамир ал-аланийя фи-л-умур ал-алаийя», именуемое часто «Сельджук-намэ», составлено между 681 (1282/83 г.) и 684 (1285 г.) г.х. и содержит историю малоазиатских сельджуков в XIII в. (до 1280/81 г.).

Источник цитируется по изданию: Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л., 1941. С. 25,26.

«Рассказ о поездке *сахиба* Исбахани к Саин-хану через Хазарское море

Когда *султан* Гияс-ад-дин вручил бразды правления этим несравненным и мудрым двум старцам, они нашли нужным послать послов к его величеству [Саин-хану], которое блестящим мечом захватило Кипчакскую степь, и [таким образом] поднять и возвысить искусством архитектора могущества царей-мирозавоевателей строение *султанства*, вследствие скверного управления потерпевшее ущерб. Когда они доложили *султану*, то, после похвалы и одобрения, жребий выбора пал на одного из тех двух именитых сановников. Однако *султан* сказал: «Так как *сахиб* Мухаззиб-ад-дин еще не стряхнул с плеч пыль путешествия в Муган, то будет назначен *наиб* Шемс-ад-дин». Он тотчас же положил голову на землю и выразил повинование *султанскому* приказу. *Султан* приказал доверенным лицам казны предоставить *наибу* Шемс-ад-дину полную свободу забрать в кладовых все, что он пожелает. Он выбрал все, что нашел подходящим, из даров, редкостей, драгоценных камней и ценностей и, имея в качестве *нукеров* Фахр-ад-дина, *казия* Амасии, и Медж-ад-дина Мухаммада-тарджумана [переводчика], отправился в путь. Когда он прибыл к его величеству и представил дары, они были приняты и тотчас разделены между *хатунями* и царевичами. [Саин-хан] всем трем *нукерам* каждый день устраивал прием и оказывал почет, так что они стали предметом зависти обитателей мира. Через некоторое время он дал [им] разрешение вернуться и пожаловал для *султана* колчан, футляр для него, меч, кафтан, шапку, украшенную драгоценными камнями, и *ярлык*. *Наиба* он сделал от своего имени правителем (*хаким*) в областях и дал об этом *ярлык*. *Нукерам* он пожаловал особые почести и послал с ответом Санксума-корчи. Они попрощались с его величеством и через Шемаху и Ширван отправились в области Рума.

Тогда прибыла группа послов от Саин-хана для расследования дела *сахиба* Шамс-ад-дина и с упреками за его убийство. Так как Шемс-ад-дин Туграи был великим оратором и весьма сладкоречивым, то его с большими деньгами послали к Саин-хану для отражения упреков и ответа на вопросы.

Рассказ о бегстве *султана* Изз-ад-дина к Василиусу во второй раз...

Бог всевышний побудил Саин-хана послать большое войско для освобождения *султана* Изз-ад-дина. Случайно в тот год были большие морозы, река Дунаб замерзла и всему войску удалось переправиться через нее. *Султана* освободили из той тюрьмы и отправились к Берке. Когда *султан* прибыл к нему, [ему] оказали разные ласки и пожаловали в *икта* Солхад и Сутак. Злонамеренные люди сообщили матери *султана*, что султан погиб в пути. В горе она бросилась с крепости и погибла. Когда *султан* услышал о смерти матери и пленении Василиусом двух сыновей и сестры, он опечалился, но стал ждать утешения после трудностей. Окончание [этой] истории будет изложено в [своем] месте.

Рассказ о переправе *султана* Гияс-ад-дина Масуда, сына Кейкауса, через Хазарское море в месяцах 679 г. [3 мая 1280—21 апреля 1281 г.]

Покойный царь Изз-ад-дин Кейкаус из-за коварства характера и скверного нрава неблагодарных ушел из государства, поспешил в страну Рум, некоторое время прожил в Истамбуле и оттуда попал в руки кипчаков. [Там] он терпел испытания судьбы 18 лет. В конце концов им овладела смертельная болезнь, и он уверился в [неизбежности] переселения в вечное жилище. Он призвал своих детей и приказал собрать всех слуг, которые были пособниками [его] в бегстве и помощниками в изгнании. Затем он обратился к старшему сыну Гияс-ад-дин Масуду: «Теперь это *султан* Рума ...». Когда слуги его державы покончили с поминками, оплакиванием и приветствиями [сыну], султан Гияс-ад-дин Масуд на Солхатском берегу сел на трон на место отца. Они принесли ему присягу на преданность и возобновили клятвенный договор [в верности]».

ИЗ СОЧИНЕНИЯ ДЖАМАЛА АЛ-КАРШИ «АЛ-МУЛХАКАТ БИ-С-СУРАХ»

Абу-л-Фадл ибн Мухаммад (1230, Алмалык — 1315), филолог, историк и путешественник, автор единственного дошедшего до нас труда по истории Средней Азии эпохи Чагатаидов. За свою близость к правящей династии получил почетное прозвище «джамал ал-карши» (букв. «украшение дворца»). В конце 1264 г. был вынужден удалиться в Кашгар, где занялся литературной деятельностью. В 1282 г. перевел на персидский язык арабский словарь ал-Джаухари «ас-Сурах мин ас-Сахах» и в начале XIV в. написал к нему историко-литературное добавление «Ал-Мулхакат би-с-сурах», которое со временем превратилось в самостоятельное сочинение.

Текст цитируется по изданию: Джамал ал-Карши. Ал-Мулхакат би-с-сурах / Введение, пер. с арабо-персидского, коммент., текст, факсимиле Ш.Х.Вохидова, Б.Б.Аминова; отв. ред. А.К.Муминов // История Казахстана в персидских источниках. Т. I. Алматы, 2005. С.117–126.

«[...]

Упоминание о монгольских *хаканах* и изложение их истории

Разве не они правители последнего времени и последователи пути, полного соблазна и смут?! Может быть, они — одно из знамений Конца Света? Может быть, Аллах дал им власть над людьми, заставив повиноваться им, благодаря чему смог сломать шею персидских царей и укротил беспредельную [власть] румских кесарей. Они — победоносное племя Аллаха, захватывающее всё и всех на земле. Их ожидала победа везде, куда бы они ни направлялись, и триумф — находил, где бы они ни были. В бою ни одна армия не могла устоять перед ними, их стрелы не знали преград и точно попадали в цель. В сражениях с богатырями они всегда одерживали победу. Если *адибы* угождали, они оставляли их страны, если нет — завоевывали. Они прошли землю вдоль и поперек и завоевали все страны, на востоке и западе, за исключением незначительных территорий. И не осталось во Вселенной местности или неприступной крепости, в которых они не побывали. Аллах дал им возможность одержать верх над всеми цветущими странами и известными племенами. А веление Аллаха — это судьба. И это было написано [до меня] в книгах.

Известно, что вначале они были разрозненными, малочисленными племенами, жившими в степях на северо-востоке, и у них не было своего занятия. Они не подчинялись никому, кроме Алтун-хана ал-Хита'и. Однажды, выбрав из своей среды одного, они договорились выйти из повиновения Алтун-хана. И этим [избранным] был Чингиз-хан ал-Мугул. Он — рожденный под счастливой звездой герой последнего времени. Четверо его сыновей добились известности: первый из них — Тубини, второй — Чагатай, третий — Уктай, четвертый — Тули.

Его наступление на мусульманские страны имело место в 616/1219–1220 году. Говорят, что причиной послужило то, что между Бузар, *ханом* Алмалига, называемым также Тугрил-ханом, и Кучлук-ханом ас-Сагизи была вражда. Расстояние между их странами составляло полумесячный путь или меньше. И Тугрил-хан послал своего сына Сигнактекина пажом, а дочь Айук-катун — в подарок Чингиз-хану, стремясь к дружбе, братству и прося помощи для борьбы с противником. Между ним и монголами было расстояние в полгода пути или больше. И он сделал свой выбор после того, как посетил его (Чингиз-хана), оставаясь недалеко от Кучлука. И [Кучлук] вступил на путь насилия, вытаскивая меч разногласия и вражды, устроил засаду и, захватив на охоте, растоптал и пролил его кровь. Приложив много терпения и ума, держал в осаде город с конца лета и до поздней осени, но не смог овладеть им, хотя и отчаянно старался. Супруга Тугрил-хана — Селбек-Туркан установила, где только смогла, камнеметательные машины на опорах и повсюду разместила вооруженных воинов и храбрецов, которые оставались до тех пор, пока не рассеяли его (Кучлука) тучи [воинов] и он не отступил. Из Алмалига он (Кучлук) направился в Кашгар, в гневе от убийства Мухаммада Арслан-хана. Часть [рассказа] об этом приводилась при упоминании о *хаканах* Кашгара.

Чингиз-хан, получив печальную весть о Тугрил-хане, послал командующего войском Тимджан-нуйана во главе неустрашимого отряда, где каждый воин был подобен льву, чтобы отомстить Кучлуку за Тугрила. Он (Тимджан-нуйан) дошел до Алмалига и, не найдя его там, погнался следом за ним в направлении к Кашгару, где и настиг, а войско [Кучлука] разбежалось во все стороны. Самого [Кучлука] схватил и убил, [и этим] искоренил [зло].

Вслед за авангардом поскакал сам Чингиз-хан с сыновьями, массой воинов и всадников, чтобы защитить тварей, живущих на суше и в воде. Они были похожи на хитрых бесов, которых интересовала охота за правителями и *султанами*. Они — настоящие демоны смерти, избранные из среды монголов и тюрок, любители пастбищ и скачек, разбойники, жаждущие крови, вооруженные ножами и пиками. Они бранились и входили туда, куда хотели, надевали шкуры без мантильи и не слушали назиданий. Их не останавливали слезы плачущих, они жестоко наказывали баловство детей и вмешательство взрослых.

Захватив Мавераннахр путем убийств и насилия в мухарраме 617/марте-апреле 1220 года, девятого мухаррама 618/марта 1221 года завоевали Мерв, Хорезм — в сафаре 618/марте-апреле 1221 г., Герат — 16 сафара 618/10 апреля 1221 г., затем они пошли в Газну восьмого джумада II 618/31 июля 1221 года. Чингиз-хан умер после возвращения из Хорасана в свою ставку 10 рамадана 624/24 августа 1227 года. Сын его Туши умер раньше своего отца — в 622/1225 году. Его сын Тули умер после кончины своего отца и воцарения на престол своего брата в 630/1232–1233 году.

Великий *каан* Уктай ибн Чингиз-хан Бакалран взошел на царский престол в знаменательное утро четверга 18 шавваля 626/9 сентября 1229 года. Он был щедр, как проливной дождь, во время встреч — как ревущий лев, и с его воцарением исчезли [до того] частые смуты. Возродились страны, получили поддержку несчастные, вышли на свободу узники, а бедные стали богатыми. Во время его правления волки и овцы паслись мирно. Столицей государства Афрасийаба был Кара-Курум.

Сведения об известных его сыновьях: Гуйук, Кистай, Кутан, Кадаган и Малик. Кистай умер в Хорасане перед своим отцом, оставив сына Кайду, находившегося в утробе матери. Когда он (Кайду) родился, его принесли деду —

ка'ану. Тот прижал его к груди и, поцеловав, сказал: «Пусть этот мой сыночек будет моим преемником после меня». Он приказал, чтобы Кайду хорошо кормили и растили, как этого Аллах пожелает.

Воцарение [на престол] Гуйук-хана вместо своего отца, великого ка'ана, имело место в 641/1243–1244 году, без согласия [на это] сыновей его дяди Туши (Джучи). А через восемь месяцев после своего воцарения он стал мишенью для смертоносных стрел и погиб, так как он замыслил недоброе и желал зла исламу. Говорят, что несколько дней у него сильно болел живот, который распух, а потом лопнул.

В течение двух лет и четырех месяцев его место занимали [и правили] его жена Улуг-Каймис и сыновья Хаджа и Накусат.

Что касается Тубини (Туши) ибн Чингиз-хан, то он умер раньше своего отца. Упомянуты [имена] 40 сыновей, оставленных им. Из их числа — самые знаменитые: Хурдад, Бату, Танкут, Шибан, Берке, Баракджар, Миткафадан и другие.

Бату взшел на престол своего деда Чингиз-хана в 623/1226 году. Стольным городом его государства был Сарай — новый город, расположенный на [реке] Сифсин. Ему принадлежали владения: Хифчак, Рус, Черкас, страна Ас, Булгар, Укак, Джанд, Барчканд, Джурджанийа Хорезма и другие территории до пролива ар-Рума.

После Сартака ибн Бату правление перешло к *хаканам*.

Затем вступил [на престол] Берке-хан ибн Тубини-хан — мусульманин, опора мира и религии. Он прибыл в Бухару для совершения паломничества и получения благодати, служа *шейху шейхов*, полюсу полюсов, тайне Аллаха на земле Сайф ал-Хакк ва-д-дин Са'ид ибн ал-Мутаххар ал-Бахарзи, да освятит Аллах его дух и гробницу.

Вслед за ним на трон взшел Манку-Тимур ибн Сартак ибн Бату, затем — его брат Дута-Манку ибн Сартак, после них правление перешло к Тукта ибн Манку-Тимур ибн Сартак, который находился на троне в этих странах.

Взшел на трон Манку-хан справедливый, имя его Манку ибн Тули ибн Чингиз-хан. У Тули было пятеро сыновей: старший из них — Манку, после него Кубилай, Хулаку, Ариг-Бука, а пятый — Мука, который приходился им братом по отцу. Отдал своему брату Кубилаю страну Хитай и отправил [с войсками] брата Хулаку в Хорасан и [в регионы] двух Ираков. Это он занял Багдад и убил *халифа* ал-Му'тасима би-л-Лах, повелителя правверных, о чем упоминалось выше.

Сам [Манку-хан] взшел [на престол] в Кара-Куруме, в чем ему помог Бату-хан ибн Тубини в окрестностях Кайалиг, когда они встретились в атмосфере верности [данному слову] и чистоты, полагаясь на благословенное применение силы и мощи, счастливого совпадения судьбы и фортуны, вопреки [воле] сыновей Гуйука и других, поскольку между Бату и Гуйуком [была] давняя ненависть и извечная вражда. Эта вражда перешла и к потомкам Гуйука. Манку-хан занял престол в сафаре 648/мае–июне 1250 года, победив и уничтожив сыновей Гуйука и других [людей] из рода Чингиз-хана в количестве более сорока *амиров* и около двух тысяч военачальников. Только после этого укрепилась его власть, и он почувствовал себя уверенно на троне своего государства. Жизнь во время его правления отличалась изобилием, благополучием, достатком, [спокойствием и] безопасностью, [она стала] периодом развлечений, праздников и возрождения. Благодаря его справедливости птицы вили гнезда в клювах соколов, домашние животные мирно паслись с волками на холмах. И он был первым, кто взялся за меч против своего рода, вонзил острие [мечей] в свою семью. Потомки Гуйука пытались напасть на него и замыслили его убийство. Когда он дал согласие присутствовать на их коронации, то они сделали вид, что забыли про все его хитрости и простили все злые деяния, направленные против них. Манку-хан, услышав об их замыслах и почувствовав их хитрость, посоревновался с ними в обмане, коварстве и опередил их в убийствах. Он спешно отправил к ним буйных храбрецов и толпу грабителей — людей, которые глубокой ночью внезапно напали на спящих. Убив их, расчленили тела мечами и отдали на съедение птицам и зверям.

Избавившись от детей ка'ана [Гуйука], он обратился к чагатайцам. В то время на троне отца восседал Йису-Манку ибн Чагатай, а во главе войск стоял Бури, сын его брата. Они (Йису-Манку и Бури) [в то время] были довольно могущественны, обладали [достаточной] территорией, властью, оружием, бесчисленным и сильным войском. Он [Манку] посоветовался в отношении их [Чагатайдов] с тем, кто имел верные сведения — ведущим из *вазиров*, который посоветовал ему возвести на трон Чагатая его внука Кара-Хулаку ибн Митукана ибн Чагатай, находившегося при Манку-хане. Он (Кара-Хулаку), полагаясь на свое родство с ним через свою супругу Уркина Суругтани — со стороны матери Манку-хана, отправился к Манку-хану с жалобой на своего дядю Йису-Манку, что тот отнял царство, которое ему завещал дед Чагатай, и просил, чтобы он (Манку-хан) [вернул ему] трон его деда Чагатая. Манку-хан разрешил (Кара-Хулаку) позвать его брата Бури к себе, чтобы тот развязал [для него] этот узел своими руками. Когда посланник Кара-Хулаку прибыл к старшему брату Бури ибн Митукан и известил о том, что его брат обещал власть для него, тот оказал сопротивление своему дяде, изменив отношение к нему. Желая власти, он не понял, что его толкают на гибель.

Однажды он (Бури) зашел к своему дяде и сказал: «Отвечай *хану*, о дядя». [Тот] спросил: «А кто *хан*?». [Бури] ответил: «Манку-хан». Сказал [дядя]: «Удивительно, но до сегодняшнего дня он не был *ханом* для тебя, как же Манку сегодня вдруг стал им?». Он (Бури) ответил дяде: «Он — *хан*, и нам надлежит повиноваться ему». И дядя был вынужден присоединиться [к нему] против своей воли. Он не понимал, что своим обманом он ведет себя к гибели:

И отправился он, но не ведал, что приготовила ему судьба,
Видящие стали слепыми, как удивительно, когда заявляется судьба —
взоры не видят.

Когда они прибыли в ставку Манку-хана, то [люди] изолировали их. Судьба была уже определена, потому что они попали, как птица, в силки душающей веревки. Первым из них был взят и закован Бури и тотчас отправлен на повозке к тому, кто стоит на страже жизни [т.е. к палачу]. С ним было покончено.

После этого территория владений Манку-хана расширилась: от пределов восточных стран до самых далеких западных стран по долготе и от окрестностей ар-Рума, ал-Фаранджа до границ ал-Хинда и аз-Зинджа по широте. [Это были территории], где Дара и Зу-л-Карнайн владели странами, в которых расцветала цивилизация в этот великий и прекрасный период. Все люди: и взрослые, и молодежь, даже низшие слои и базарный люд, — ездили верхом. Как будто они забыли, что можно ходить пешком. Люди не знали недостатка в одежде. Его эпоха, клянусь Аллахом, отличалась от других порядком, благополучием, как серебро для перстней в возвеличивании и как сакральный текст для религии при характеристике лика моего времени, сада моей молодости тех времен, свежести моей юности, благородства моего стана, ровного, как кипарис, моих щек, подобных цветам, лишенным колючек:

О как жаль, что пора свежей юности прошла,
Юность прошла, как сверканье молнии, в один миг.
Прошла юность мимо, а остались в ней мои желания,
О если бы ко мне случайно вернулась эта пора,
Достиг бы я цели, которая таится в юности моей.
Поистине я показал бы юности свои желания,
О если бы не эти мои стихи, сочиненные в старости,
Не осталось бы кроме них ничего, ведь молодость уже прошла.
Хотел бы вернуть молодость,
А взамен дать все, что ей полагается,
Но не могу найти замену юношеской поре.

Что касается групп внутри рода Манку-хана, то Кубилай-ка'ан ибн Тули взшел на трон страны Хитай после того, как его брат Манку-хан отправился в страну Манзи и умер там в начале 658/1259 года.

Ариг-Бука занял трон своего брата Манку-хана в Кара-Куруме, хотя некоторые *амиры* и *вазиры* возражали [против этого] в шаввале 658/сентябре–октябре 1260 года. Манку-хан оставил его своим заместителем, когда отправился [в поход] против Манзи. [Ариг-Бука] замещал его временно, а не сменил его. Поэтому он [Кубилай] поторопился навредить [Ариг-Бука] и запачкал свою руку кровью брата.

После Кубилай-ка'ана на трон сел Тимур ибн Чингим ибн Кубилай, названный по [имени] своего деда. Тимур-ка'ан является *ханом* в нашей стране. Его дед Кубилай-ка'ан хотел овладеть нашей страной, но не оправдался его ожидания. Ни он, ни его сыновья не [смогли] отстранить наших *хаканов* и занять страну.

И сел на престол Хулаку ибн Тули ибн Чингиз-хан, а он — тот, который убил *халифа* ал-Му'тасима би-л-Лакх и захватил Хорасан, оба Ирака, ар-Рум, Сирию и остальные мусульманские страны в течение 654/1256–1257 года. В 662/1263–1264 году престол занял его сын Абака. После него — его брат Ахмад-Султан. Он еще не успел [властвовать], как был убит Аргуном ибн Абака. Далее — Аргун, потом — Байдак ибн Хулаку, дядя Аргуна.

[...]

Что касается групп внутри рода чагатаидов, то Чагатай был вторым из сыновей Чингиз-хана. Его владением был Ил-Аларгу, стольный город с соборной мечетью в котором — Алмалиг, да одарит Аллах его безграничными благодеяниями. Известны его сыновья: Митукан, Йису, Байдар, Сарбан. Митукан умер раньше отца в крепости Бамийан в 617/1220–1221 году. После взятия крепости Чингиз-хан приказал убить почти всех ее жителей вплоть до кошек, оставляя [в живых] только детей и свободных женщин.

Чагатай умер в 642/1244–1245 году, а через два года на трон отца взшел Йису-Манку, а Чагатай завещал престол своему внуку Кара-Хулаку ибн Митукан, однако ему не удалось этого [осуществить]. Упоминание о Йису-[Манку] было, когда шла речь о Манку-хане. Он [Йису-Манку] умер на руках мусульманки Уркина-хатун, супруги Кара-Хулаку.

И Кара-Хулаку взшел на трон своего деда Чагатай в Кара-Куруме, по указанию Манку-хана. Он скончался при возвращении из столицы Манку-хана в столицу своего государства в 640/1242–1243 году.

И правление перешло к его супруге Уркина-хатун и его сыну Мубарак-шаху, в то время еще малолетнему. Продолжительность ее правления девять лет и несколько месяцев.

Алгуй ибн Байдар ибн Чагатай занял трон по указанию Ариг-Бука в 659/1260–1261 году после того, как он выдал ее (Уркина-хатун) Ариг-Бука.

После Алгуя в Ахангаране в джумада II 664/марте–апреле 1265 года на трон взшел Мубарак-шах, сын Кара-Хулаку от Уркина-хатун, превосходный мусульманин.

[...].»

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «СБОРНИКА ЛЕТОПИСЕЙ» РАШИД АД-ДИНА

Рашид ад-Дин Фазлаллах Ибн Имад ад-Доуле Абу-л-Хайр Йахья ал-Хамадани родился в г.Хамадане около 1247 г. При монгольских правителях Ирана, начиная с ильхана Абаги, он состоял в должности врача, поэтому имел прозвище

ат-Табиб — т.е. врач. При Газан-хане (1295—1304) был фактически везирем с 1298 г. В этой должности он находился и при Улджейту (1304—1316); при Абу-Саиде, в 1317 г. был смещен, а в следующем году 18 июля казнен в Тебризе в результате заговора против его семьи, сосредоточившей в своих руках значительные власть и богатства. В 1300/01 г. по повелению Газан-хана Рашид ад-Дин во главе группы ученых приступил к написанию «Сборника летописей» — «Джами ат-таварих», который был закончен при Улджейту в 1310/11 г. Части, посвященные монголам, писались значительно ранее, в последние годы жизни Газан-хана. Сочинение состоит из двух частей: 1) «Тарих-и-Газани» — истории монголов и 2) всеобщей истории. Первая состоит из: а) введения, содержащего обзор тюркских и монгольских племен, причем перечисляются происходящие из каждого рода сподвижники Чингиз-хана, их потомки и представители монгольской знати; б) истории Чингиз-хана; в) истории потомков Чингиз-хана, правивших в Китае, Средней Азии и Восточной Европе до 703 (1303/304) г., с подробной генеалогией членов ханского рода; г) истории ильханов Ирана до Газана включительно; была ли составлена история Улджейту — неизвестно. Сочинение Рашид ад-Дина составлялось долгое время и не было, по-видимому, окончательно отредактировано; в нем встречаются пробелы вместо собственных имен, дат и даже целых глав, которые автор, видимо, собрался заполнить впоследствии.

В приведенных ниже извлечениях используется полные академические переводы «Сборника летописей», осуществленных Л.А. Хетагуровым, О.И. Смирновой, Ю.П. Верховским и А.К. Арендсом, и опубликованных в 1946—1960 гг.

Предлагаемые материалы представлены по следующим изданиям: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Пер. с перс. Л.А.Хетагурова; ред. и примеч. А.А.Семенова. Т. I. Кн.1. М.; Л., 1952. С. 96,111, 116, 123, 131, 150, 151, 162, 172, 177, 178, 183, 190, 194, 195; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Пер. с перс. Л.А.Хетагурова; ред. и примеч. А.А.Семенова. Т. I. Кн.2. М.; Л., 1952. С. 198—202, 214—217, 228, 229, 270, 274, 275; Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Пер. с перс. Ю.П.Верховского; прим. Ю.П.Верховского и Б.Н.Панкратова. Т. II. М.; Л., 1960. С. 18—21, 33—40, 44—46, 64—82, 163, 164, 197; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. Пер. с перс. А.К.Арендса под ред. А.А.Ромаскевича, Е.Э.Бертельса, А.Ю.Якубовского. М.; Л., 1946. С. 58—60, 68.

«[...]

Племя джалаир

[...] В эпоху Менгу-каана Мункасар-нойон, из рода джат, был великим *эмиром* и старейшим из судей. Причина его возвышения, степени и величия была такова. В то время как Менгу-каан со своим отцом Тулуй-ханом и с войском возглавили поход на страну кипчаков и взяли их, — Мункасар-нойон в этой войне проявил рачительность. Менгу-каан поручил ему знатных кипчаков, дабы он увел их вперед и доставил в ставку [великого *хана*]. [...]

Племя татар

[...] В *улусе* Джочи-хана старшая жена сына Джочи, Бату, по имени Буракчин, была из племени алчи-татар; также из этого племени была супруга Тудай-Менгу, государя того же *улуса*, по имени Турэ-Кутлуг; из *эмиров* Бату из этого племени был старший *эмир* по имени Ит-Кара; из *эмиров* Менгу-Тимура, также государя того *улуса*, из того же племени был старший *эмир* по имени Бек-Тимур. [...]

Племя меркит

[...] Много раз [меркиты] сражались с Чингиз-ханом. [...] В последней войне младший сын Токтай-беки Култукан-мэргэн, который чрезвычайно хорошо и метко пускал стрелы, убежав, ушел к кипчакам. Джочи-хан послал отряд для его преследования, и он его схватил. Так как [Джочи] слышал о меткости его стрельбы, то, поставивши мишень, приказал ему пустить [в нее] стрелу. [Култукан-мэргэн], выстрелив, попал в цель, а вслед пустил другую, попал в [самую] зарубку, где оперенье первой стрелы, и расколол [ее]. Джочи-хану это чрезвычайно понравилось; он отправил к Чингиз-хану посланца с просьбой сохранить жизнь Култукана. [Чингиз-хан] не одобрил [это] и сказал: «нет ни одного племени хуже племени меркитов: сколько раз мы воевали с ними; много беспокойств и затруднений видели от них, — каким же образом возможно оставить его в живых, чтобы он опять возбудил мятеж?! Я приобрел для вас все эти области, войско и племена; какая же нужда в [этом человеке]?! Врагу государства нет лучшего места, чем могила!» — По этой причине Джочи-хан казнил [Култукана], и их род пресекался. [...]

Племена урасут, теленгут и куштеми

[...] Однако [существует] много различий между одним лесным племенем и другим, потому что от леса до леса бывает [расстояние] в месяц пути, в два месяца или в десять дней. После того как киргизы выразили покорность, а [потом] восстали, Чингиз-хан послал к этим вышеупомянутым племенам своего, сына Джочи-хана. Он прошел по льду через Селенгу и другие реки, которые замерзли, и захватил [область] киргизов. Во время [этого] похода и возвращения он также захватил и те племена. [...]

Племя керант

[...] Джакамбу имел четырех дочерей: одну [из них] высватал себе Чингиз-хан, ее имя было Абикэ-беги; другую по имени Биктутмиш-фуджин, он взял за [своего] старшего сына Джочи; третью, именуемую Соркуктани-беки, он сосватал [своему] младшему сыну Тулуй-хану; она была матерью четырех сыновей: Менгу-каана, Кубилай-каана, Хулагу-хана и Арик-Бука. [Последнюю] дочь [Джакамбу] отдал [в жены] сыну государя онгутов. [...].

Племя киргиз

Киргиз и Кэм-кэмджиут две области, смежные друг с другом; обе они составляют одно владение [*мамлакат*]. Кэм-Кэмджиут — большая река, одною стороною она соприкасается с областью монголов [Могулистан] и одна [ее] граница — с рекой Селенгой, где сидят племена тайджиутов; одна сторона соприкасается с [бассейном] большой реки, которую называют Анкара-мурэн, доходя до пределов области Ибир-Сибир. Одна сторона Кэм-Кэмджиута соприкасается с местностями и горами, где сидят племена найманов. Племена кори, баргу, тумат и байаут, из коих некоторые суть монголы и обитают в местности Баргуджин-Токум, также близки к этой области. В этих областях много городов и селений и кочевники многочисленны. Титул [каждого] их государя, хотя бы он имел другое имя, — инал, а родовое имя тех из этой области, кто пользуется уважением и известностью, — иди. Государь ее был... [пропуск]. Название другой области — Еди-Орун, государя тамошнего называли Урус-инал.

В году толай, являющемся годом зайца, соответствующем месяцам 603 г., Чингиз-хан послал гонцами к этим двум государям Алтана и Букра и призвал [их] к подчинению. Те послали назад вместе с ними трех своих *эмиров*, коих звали: Урут-Утуджу, Элик-Тимур и Аткирак, с белым соколом, как выражение почтения от младшего старшему, и подчинились [ему].

Спустя двенадцать лет, в год *барса*, когда восстало одно [из] племен тумат, сидевшее в Баргуджин-Токуме и Байлуке, для его покорения [монголы], из-за того, что оно было поблизости от киргизов, потребовали от киргизов войско [чарик]; те не дали и восстали. Чингиз-хан послал к ним своего сына Джочи с войском. Курлун [был] их [киргизов] предводитель; [у монголов *эмир*] по имени Нока отправился в передовом отряде; он обратил в бегство киргизов и вернулся назад от восьмой реки. Когда подоспел Джочи, лед уже сковал реку Кэм-Кэмджиут. Он прошел по льду и, покорив и подчинив киргизов, вернулся назад.

[...]

Племя кунгират

[...] В настоящее время также на службе *каана* и во владениях [улус] Угедея, Чагатая и Джочи из их прямых потомков имеется много зятьев. Салджиутай-гургэн, отца которого называют Булаган-нойон, сватавший когда-то Калмыш-ака, дочь Кутукту, и Эбугэн-гургэн, который прибыл в качестве гонца из *улуса* Токты, — принадлежат к той же кости. [...].

Племя хушин

[...] Был другой старший *эмир*, по имени Хушидай-Байку. Чингиз-хан отдал его Джочи вместе с войском; он командовал правым крылом войска Бату. В конце жизни он заявил: «Я дряхл и слаб и не могу [исполнять] это дело», и привел [одного человека] по имени Элдэк из племени джуръят, на матери которого он некогда женился, и сделал [его] своим помощником [*наиб*], а после того он стал его заместителем. В настоящее время там [в Монголии] великие *эмиры* из его рода заняты тем же делом. [...].

Племя кингит

Из этого племени не вышли очень известные *эмиры* и люди, но во время Чингиз-хана, когда тот раздавал *эмиров* вместе с войсками сыновьям, он дал несколько *эмиров* с четырьмя тысячами войск старшему своему сыну Джочи-хану, а из них один *эмир*, по имени Кутан-нойон, был из этой ветви, в *улусе* же Кунджи, который из потомков Урадэ, он же из рода Джочи, [некто] именуемый Хуран, который был известным и великим из *эмиров* того *улуса*, — из его рода. В настоящее время его дети и родственники находятся там. И все!

Племена хартакан и сиджиут

[...] Много великих людей было и есть из этого племени, но в этом государстве [т. е. Иране] доподлинно не известен ни один человек, который был бы уважаем и известен. Во времена Чингиз-хана, в то время, когда тот делил *эмиров* и войско между царевичами, он отдал из этого племени Мунгэду-нойона Джочи-хану; в эпоху Бату тот ведал войском. В настоящее время старший *эмир*, который у Токта, по имени Черкес, — из его рода. [...].

Племя хадаркин

[...] Тысячей племени хадаркин начальствовал он [Мукур-Куран]. Он принадлежал к *эмирам* правого крыла. В настоящее время большинство того войска было в Дешт-и Кипчаке вместе с Нокаем. [...]

Племя йисут

[...] Когда Чингиз-хан был в области Балха и Таликана, он послал его с Субэдаем и Нуркэ, которые были из [племени] джалаир, вместе с войском в те пределы. Нуркэ в пути умер. Они вышли оттуда [и, двигаясь на запад], взяли много городов Персидского Ирака [Ирак-и Аджам]; учинив убийства и грабежи, они пошли оттуда в область Грузии и Тифлис. Грузины собрались в большом количестве и вышли на войну. Джэбэ послал против них Субэдая с войском, а сам с пятью тысячами *бахадуров* сел в засаду. Субэдай нарочито бежал, и грузины пустились его преследовать. [Тогда] Джэбэ вышел из засады, зайдя с фланга, и всех уничтожил. Обычный прием их [монголов] в большинстве сражений был таков. Оттуда он повернул назад и вышел через Тимур-Кахалга [Железные Ворота]. Жители Дербента поднесли [монголам] провиант [*тургу*] и подчинились. [Монголы] прошли оттуда, направившись в страну русов [*вилаят-и урус*]. В пути они повсеместно чинили избиения и грабежи. Они с Чингиз-ханом постановили, что покончат эти дела в течение трех лет, [а в действительности] в два с половиной года пришли к удовлетворительному концу. [...]

[...]

Рассказ о прибытии Чингиз-хана в город Отрар и его завоевании монгольским войском

В конце осени упомянутого года дракона Чингиз-хан с многочисленным войском дошел до города Отрара. Его царский шатер раскинули напротив крепости. Как упоминалось, *султан* дал [в распоряжение] Кайр-хана большое войско и послал ему в помощь своего личного *хаджиба* Карача-[хана] с десятью тысячами конницы; крепость и крепостные стены города как можно лучше укрепили и сосредоточили [там все] военное снаряжение.

Чингиз-хан приказал Чагатаю и Угедю с несколькими *туманами* войска осадить город, Джочи он соизволил определить идти с несколькими войсковыми отрядами на Дженд и Янгикент, а группе *эмиров* — в сторону Ходженда и Бенакета. Таким же образом он назначил во все стороны по войску, сам же лично с Тулуй-ханом отправился на Бухару.

[...]

Рассказ о походе царевича Джочи на Дженд и Янгикент и об их завоевании

Согласно повелению завоевателя вселенной, Чингиз-хана, царевич Джочи в упомянутое время вместе с Улус-иди отправился к Дженду. Прежде всего он дошел до города Сугнак, принадлежащего к округам Дженда и расположенного на берегу Сейхуна [Сырдарьи].

Он послал предварительно [в Сугнак] посольство во главе с Хусейн-хаджи, который в качестве купца издавна состоял на службе Чингиз-хана, находясь в числе его приближенных, — чтобы он после отправления посольства, в силу своего знакомства и сродства [с населением], посоветовал жителям тех окрестностей [не сопротивляться] и призвал бы их к подчинению [монголам], дабы их кровь и имущество остались невредимыми.

Когда тот отправился в Сугнак, прежде чем он успел перейти от увещанию, негодяи, подонки и всякая чернь подняли шум и, крича «Аллах велик!», его умертвили и сочли это за большую заслугу перед государем. Когда Джочи-хан услышал об этом обстоятельстве, то, приведя войско в боевой порядок, приказал биться с раннего утра до вечера. Они сражались несколько раз, пока завоевали его [город] силою и принуждением. Заперев врата прощения и снисходительности, монголы убили всех, мстя за одного человека. Управление той областью они дали сыну убитого Хусейн-хаджи и ушли оттуда. Они завоевали Узгенд и Барчанлыгкент, тогда двинулись на Ашнас; подавляющее большинство тамошнего войска состояло из всевозможного сброда, они в войне переусердствовали, и большинство их было убито. Слух об этом дошел до Дженда. Кутлуг-хан, верховный *эмир*, которого *султан* назначил охранять те пределы, ночью переправился через Сейхун и направился в Хорезм через пустыню. Когда до Джочи-хана дошло известие о том, что тот покинул Дженд, он послал с посольством в Дженд Чин-Тимура, склоняя жителей к себе и предлагая воздержаться от враждебных действий [против монголов].

Так как в Дженде не было полновластного главы и правителя, то каждый человек поступал по своему усмотрению, сам рассуждал и сам придумывал наилучший выход.

Простонародье подняло шум и напало на Чин-Тимура. Он унял их вежливо и сдержанно, осведомив их о событиях в Сугнаке и об убийстве Хусейн-хаджи, и обязался с ними договором: «Я не допущу, чтобы иноземное войско имело сюда какое-либо касательство!». Они обрадовались этому обещанию и не причинили ему никакого вреда. Чин-Тимур внезапно ушел от них, прибыл к Джочи и к Улус-иди и осведомил их об обстоятельствах, которым он был свидетелем. Они двинулись туда [к Дженду] и четвертого сафара 616 г.х. [апрель 1220 г.] расположились лагерем в виду города. Войско занялось рытьем рва и его подготовкой. Жители Дженда заперли ворота и начали сражение на крепостной стене. Так как они никогда не видывали войны, то дивились на монголов, что каким-де образом те смогут взобраться на стену крепости. Монголы подняли на стену лестницы и со всех сторон взобрались на крепостную стену и открыли ворота города. Они вывели всех жителей [за городскую стену]. С обеих сторон ни одному живому существу не было нанесено вреда ударами меча. Так как они отступили от войны, [то] монголы возложили руки снисхождения на их головы; они убили лишь несколько человек главарей, дерзко разговаривавших с

Чин-Тимуром. В течение девяти суток они держали [горожан] в степи, город же [за это время] [монголы] предали потоку и разграблению.

Затем они назначили на управление [Дженда] Али-Ходжу, который был из низов [?] Бухары и еще перед выступлением [Чингиз-хана] попал к нему на службу, и ушли к Янгикенту. Завоевав его, они посадили там [своего] правителя [ишхнэ]. Оттуда Улус-иди двинулся в поход на Каракорум [что в Дешт-и Кипчаке]. Из кочевников-туркмен, которые находились в тех пределах, было назначено десять тысячам человек отправиться к хорезмийскому войску. Во главе их был Баниал-нойон. Когда они прошли несколько остановок, злочастье их судьбы побудило их убить одного монгола, которого Баниал имел во главе их своим заместителем, и восстать. [Сам же] Баниал шел в передовом отряде. Когда он услышал об этом, он повернул назад и перебил большинство этого народа, часть же их [туркмен] спаслась бегством и они ушли с другим отрядом в направлении Амуя и Мерва и там стали многочисленными. Описание этого обстоятельства будет дано на своем месте.

Рассказ о завоевании Бенакета и Ходженда и о героических обстоятельствах Тимур-мелика

Когда Чингиз-хан прибыл в Отрар и назначил для ведения военных действий в окрестности [своих] сыновей и эмиров, он послал в Бенакет Алак-нойона, Сакту и Бука, всех трех с пятью тысячами людей. Они пошли туда с другими эмирами, присоединившимися к ним из окрестностей. [Наместник Бенакета] Илгету-мелик с бывшим у него войском, состоящим из [тюрок]-канлыйцев, сражался [с монголами] три дня, на четвертый день население города запросило пощады и вышло вон [из города] до появления покорителей. Воинов, ремесленников и [простой] народ [монголы] разместили по отдельности. Воинов кого прикончили мечом, кого расстреляли, а прочих разделили на тысячи, сотни и десятки. Молодых людей вывели из города в *хашар* и направились в Ходженд. Когда они прибыли туда, жители города укрылись в крепости. Тамошним эмиром был Тимур-мелик, человек-герой [*бахадур*], очень мужественный и храбрый. [Еще до прихода монголов] он укрепил посредине Сейхуна в месте, где река течет двумя рукавами, высокую крепость и ушел туда с тысячей именитых людей. Когда подошло войско [противника], то взять [эту] крепость сразу не удалось, благодаря тому что стрелы и камни катапульта [*манджаник*] не долетали [до нее]. Туда погнали в *хашар* молодых мужчин Ходженда и подвели [им] подмогу из Отрара, городов и селений, которые были уже завоеваны, пока не собралось пятьдесят тысяч человек *хашара* [местного населения] и двадцать тысяч монголов. Их всех разделили на десятки и сотни. Во главу каждого десятка, состоящего из тазиков, был назначен монгол, они переносили пешими камни от горы, которая находилась в трех *фарсангах*, и ссыпали их в Сейхун.

Тимур-мелик построил двадцать баркасов, закрытых сверху влажными войлоками, [обмазанными] глиной с укусом, в них были оставлены оконца.

Ежедневно он ранним утром отправлял в каждую сторону шесть таких баркасов, и они жестоко сражались. На них не действовали ни стрелы, ни огонь, ни нефть. Камни, которые монголы бросали в воду, он выбрасывал из воды на берег и по ночам учинял на монголов неожиданные нападения, и войско их изнемогало от его руки. После этого монголы приготовили множество стрел и катапульта и давали жестокие бои. Тимур-мелик, когда ему пришлось туго, ночью снарядил семьдесят судов, заготовленных им для дня бегства, и, сложив на них снаряжение и прочий груз, посадил туда ратных людей, сам же лично с несколькими отважными мужами сел в баркас. Затем зажгли факелы и пустились по воде подобно молнии. Когда монгольское войско узнало об этом, оно пошло вдоль берегов реки. Повсюду, где Тимур-мелик замечал их скопище, он быстро гнал туда баркасы и отгонял их ударами стрел, которые, подобно судьбе, не проносились мимо цели. Он гнал по воде суда, подобно ветру, пока не достиг Бенакета. Там он рассек одним ударом цепь, которую протянули через реку, чтобы она служила преградой для судов, и бесстрашно прошел [дальше]. Войска с обоих берегов реки сражались с ними все время, пока он не достиг пределов Дженда и Барчанлыгкента. Джочи-хан, получив сведения о положении Тимур-мелика, расположил войска в нескольких местах по обеим сторонам Сейхуна. Связали понтонный мост, установили метательные орудия и пустили в ход самострелы.

Тимур-мелик, узнав о засаде [монгольского] войска, высадился на берегу Барчанлыгкента и двинулся со своим отрядом верхом, монголы шли вслед за ним. Отправив вперед обоз, он оставался позади его, сражаясь до тех пор, пока обоз не уходил [далеко] вперед, тогда он снова отправлялся следом за ним.

Несколько дней он боролся таким образом, большинство его людей было перебито, монгольское же войско ежеминутно все увеличивалось. В конце концов монголы отобрали у него обоз, и он остался с небольшим числом людей. Он по-прежнему выказывал стойкость и не сдавался. Когда и эти были также убиты то у него не осталось оружия, кроме трех стрел, одна из которых была сломана и без наконечника. Его преследовали три монгола; он ослепил одного из них стрелой без наконечника, которую он выпустил, а другим сказал: «Осталось две стрелы по числу вас. Мне жаль стрел. Вам лучше вернуться назад и сохранить жизнь». Монголы повернули назад, а он добрался до Хорезма и снова приготовился к битве. Он пошел к Янгикенту с небольшим отрядом, убил находившегося там [монгольского] правителя [ишхнэ] и вернулся обратно. Так как он не видел для себя добра в своем пребывании в Хорезме, то отправился дорогою на Шахристан следом за султаном и присоединился к нему. [В течение] некоторого времени, которое султан [провел], кидаясь из стороны в сторону, он по-прежнему проявлял доблесть и смелость. После гибели султана он в одежде суфиев ушел в Шам [Сирию]. Когда огни смут угасли, любовь к родине послужила ему причиной возвращения, он направился в ту [родную] сторону. Несколько лет он прожил в городе Оше, что в пределах Ферганы, собирая сведения о доме и детях. Однажды он пошел в Ходженд. Там он увидел сына, который,

получивши [от монголов] пожалование, вернулся от его величества Бату; ему соизволили вручить земли и движимое имущество отца. [...]
[...]

Рассказ об отправлении Чингиз-ханом своих сыновей Джочи, Чагатая и Угедея в Хорезм и завоевании ими того государства

По причине, которая упоминалась выше, когда Чингиз-хан покончил с завоеванием Самарканда, он отправил Джэбэ, и Субэдая и Тукучара дорогой на Хорасан и Ирак в погоню и на поиски *султана* Мухаммеда *Хорезмшаха*, сам же то лето провел в тех [самаркандских] пределах для отдыха и чтобы откормить лошадей, намереваясь потом лично пойти следом за *султаном* в Хорасан.

Так как владения Маверранахра были завоеваны полностью, а другие края точно стали сохраняемыми и управляемыми монголами, Хорезм, — первоначальное имя которого Гурганч, а монголы его называют Ургенч, — очутился посредине, словно упавшая палатка с перерезанными веревками, — то [Чингиз-хан] захотел его также завоевать. Вот в это время он и назначил [в поход] на Хорезм старших своих сыновей: Джочи, Чагатая и Угедея с войском, по численности подобным песку пустыни, а по необъятности — происшествиям [текущего] момента. Осенью этого же года они двинулись в ту сторону с *эмирами* правого фланга, отправив в качестве авангарда, который называют «язак», целое войско.

Как было рассказано в предшествующей главе, *султан* Джелал-ад-дин после смерти отца ушел в Хорезм, но ввиду заговора [против него] некоторых *эмиров*, находившихся там [в Гурганче], вследствие молвы о приближении [монгольских] царевичей, двинулись следом за ним в Хорасан. В пути они были перебиты монгольским войском, по этой причине столица Хорезма была лишена *султанов*. Из числа влиятельных лиц *султанского* тюркского войска там находились из родственников матери *султана* Туркан-хагун: [некто], по имени Хумар, Мугул-хаджиб, Бука-Пехлеван, командующий войсками, Али Маргини и группа других. Численность и множество горожан были таковы, что не поддаются описанию.

Так как в том большом городе не было никакого определенного начальника, к которому обращались бы для установления порядка в делах и в важных вопросах во время вступления [столь] необычайных событий, то на управление назначили *эмира* Хумара во внимание к его родственным отношениям к *султанше* [т.е. царице-матери]. В один из дней, неожиданно, небольшое количество всадников монгольского войска подскакало к воротам [столицы] и устремилось угнать скот. Несколько недалновидных людей вообразили [себе], что [все] монгольское войско и есть это небольшое количество людей. Отряд конных и пеших направился на этих всадников; монголы помчались от них [в страхе], как дичь от силка, пока они не достигли окраин Биг-и Хуррама, расположенного в одном *фарсанге* от города. Там боевая [монгольская] конница вылетела из засады за стеной и окружила этот отряд. Они перебили около тысячи человек и следом за беглецами ворвались в город через ворота Кабилан и проникли до места, которое называют Тиура. Когда солнце склонилось к западу, чужеземное войско повернуло назад и ушло в степь.

На следующий день они снова направились к городу. Феридун Гури, командующий войском *султана*, с пятьюстами всадников отразил нападение [монголов] на ворота.

Тем временем царевичи Джочи, Чагатай и Угедей подросли с многочисленным войском и под видом прогулки объезжали город кругом; затем остановились, и войска расположились лагерем кольцом вокруг города. Тогда послали [в город] послов, призывая население города к подчинению и повинности. Так как в окрестностях Хорезма не было камней, то они [монголы] срубали большие тутовые деревья и из них делали замену камням для камней. Согласно своему обыкновению, они изо дня в день держали в напряжении жителей города словесными посулами, обещаниями и угрозами, а иногда перестреливались, и [только] до тех пор, пока не пришли одновременно со всех сторон [бесчисленные] *хашары*, которые принялись за работу во всех направлениях. Издали приказ прежде всего засыпать ров. В течение двух дней [его] засыпали. [Затем] остановились на том, чтобы отвести [от города] воды Джейхуна, на котором в городе жители построили плотину-мост.

Три тысячи человек монгольского войска приготовились для этого дела. Они внезапно ударили в середину плотины, [но] городское население их окружило и всех перебило. В результате этой победы горожане стали более ревностны в бою и более стойки в сопротивлении. Вследствие различия характера и душевных наклонностей между братьями Джочи и Чагатаем зародилась неприязнь, и они не ладили друг с другом. В результате их [взаимного] несогласия и упрямства дело войны пришло в упадок и интересы ее оставались в пренебрежении, а дела войска и [осуществление] постановлений [*Йаса*] Чингиз-хана приходили в расстройство. Вследствие этого хорезмийцы перебили множество монгольского войска, так что говорят, что холмы, которые собрали тогда из костей [убитых], еще теперь стоят в окрестностях старого города Хорезма. В таком положении прошло семь месяцев, а город все еще не был взят. За тот промежуток времени, когда царевичи отправились в поход на Хорезм из Самарканда вместе с войском и до прибытия их в Хорезм и осады его, Чингиз-хан прибыл в Нахшеб [Карши] и некоторое время пробыл там. [Затем], переправившись через реку Термеза [Амударью], он прибыл к Балху и овладел городом и [Балхскою] областью. Оттуда он пошел осадить крепость Таликан. В те самые дни, когда он начал осаду крепости, прибыл посол от его сыновей, бывших в Хорезме, и уведомил [его], что Хорезм взять невозможно и что много [монгольского] войска погибло и частично причиной этого является взаимное несогласие Джочи и Чагатая.

Когда Чингиз-хан услышал эти слова, он рассердился и велел, чтобы Угедей, который является младшим братом, был начальником [всего] и ведал ими вместе со всем войском и чтобы сражались по его слову. Он [Угедей] был

известен и знаменит совершенством разума, способностью и проницательностью. Когда прибыл посол и доставил повеление *ярлыка* [Чингиз-хана], Угедей-хан стал действовать согласно приказанному. Будучи тактичным и сообразительным, он ежедневно посещал кого-нибудь из братьев, жил с ними в добрых отношениях и [своею] крайне умелою распорядительностью водворял между ними внешнее согласие. Он неуклонно выполнял подобающие служебные обязанности, пока не привел в порядок дело войска и не укрепил [выполнения] *ясы*.

После этого [монгольские] воины дружно направились в бой и в тот же день водрузили на крепостной стене знамя, вошли в город и подожгли кварталы метательными снарядами с нефтью. Население города кинулось к воротам и в начале улиц и кварталов начали снова сражение.

Монголы сражались жестоко и брали квартал за кварталом и дворец за дворцом, сносили их и сжигали, пока в течение семи дней не взяли таким способом весь город целиком. [Тогда] они выгнали в степь сразу всех людей, отделили от них около ста тысяч ремесленников и послали [их] в восточные страны. Молодых женщин и детей же угнали в полон, а остаток людей разделили между воинами, чтобы те их перебили. Утверждают, что на каждого монгола пришлось двадцать четыре человека, количество же ратников [монголов] было больше пятидесяти тысяч.

Когда Чингиз-хан услышал о *шейхе шейхов*, полюсе полюсов Наджм-ад-дине Кубра, — да будет милосердие Аллаха над ним! — он, зная обстоятельства его жизни, послал ему сказать [следующее]: «Я предаю Хорезм избиению и грабежу. Тому святому своего времени нужно покинуть среду их [хорезмийцев] и присоединиться к нам!». *Шейх*, — да помилует его Аллах! — в ответ сказал: «Вот уже семьдесят лет, как я довольствуюсь и переносю горечь и сладость [своей] судьбы в Хорезме с этим народом. Теперь, когда [наступила] пора нашествия бед, если я убегу и покину его, это будет далеком от пути благородства и великодушия!». Впоследствии сколько его ни искали, не смогли отыскать среди убитых. Милосердие Аллаха да будет над ним пространным! И все!.

[...]

Летопись Чингиз-хана.

Рассказ о прибытии Джэбэ и Субэдая в область Ирак, Азербайджан и Арран, об избиениях и разграблениях, учиненных в этих странах, и об их уходе дорогою на кипчакский Дербенд в Монголию

[...]

Так как пройти через Дербенд было невозможно, они послали *ширваншаху* сказать: «Ты пришли несколько человек, чтобы мы заключили мир!». Он прислал десять человек из вельмож (*ака-бир*) своего народа; [одного] из них [монголы] убили, а другим сказали: «Если вы покажете нам путь через Дербенд, мы вас пошадим, в противном случае мы вас тоже убьем!». Они из страха за свою жизнь указали путь, и те прошли. Когда [монголы] дошли до области Алан, где население было многочисленно, то оно совместно с кипчаками сразилось с монгольским войском, и ни одна сторона не одержала верха. Тогда монголы сообщили кипчакам [следующее]: «Мы и вы — одного племени и происходим из одного рода, а аланы нам чужие. Мы с вами заключим договор, что не причиним друг другу вреда, мы дадим вам из золота и одежд то, что вы пожелаете, вы же оставьте нам [аланов]». [Одновременно] они послали кипчакам много [всякого] добра. Кипчаки повернули назад. Монголы одержали победу над аланами и то, что было предопределено судьбою в отношении избиения и грабежа, они то и осуществили.

Кипчаки же, полагаясь на заключенный мир, без опасения разбрелись по своим областям. Монголы внезапно напали на них, перебили всех, кого нашли, и взяли назад столько же, сколько отдали [раньше]. Уцелевшая часть кипчаков бежала в страну руссов. Монголы зазимовали в той области, которая вся представляла сплошные луга и поросли. Оттуда они напали на город Судак, что на берегу моря, которое примыкает к проливу Константинийэ [Босфору], и взяли тот город, а тамошнее население разбрелось.

Затем они напали на страну Урусов [Русь] и на находящихся там кипчаков. К этому времени те уже заручились помощью и собрали многочисленное войско. Когда монголы увидели их превосходство, они стали отступать. Кипчаки и урусы, полагая, что они отступили в страхе, преследовали монголов на расстоянии двенадцати дней пути. Внезапно монгольское войско обернулось назад и ударило по ним и прежде, чем они собрались вместе, успело перебить [множество] народу. Они сражались в течение одной недели, в конце концов кипчаки и урусы обратились в бегство. Монголы пустились их преследовать и разрушали города, пока не обезлюдили большинство их местностей. Оттуда монголы ушли и присоединились к Чингиз-хану по той дороге, по которой он возвращался из страны тазиков. И все!

[...]

Памятка об эмирах туманов и тысяч и о войсках Чингиз-хана

[...]

Тысяча Куки-нойона и Мугэду-Кияна, сыновей Кияна. Племя кият, которое в настоящее время находится у Токтая и о котором говорят, что оно составляет один *туман*, и большинство других киятов суть из их потомства. [...]

Часть старшего сына Джочи-хана [составляла] четыре тысячи человек.

Тысяча Мунгура, бывшего из племени сиджиут. В эпоху Бату он ведал [войском] левой руки. В настоящее время из *эмиров* Токтая, некто, по имени Черкес, есть один из его сыновей; он идет стезею отца.

Тысяча Кингитая Кутан-нойона, бывшего из племени кингит. Его сын, по имени Хуран, который был у царевича Кулчи, из числа старших *эмиров* этого улуса.

Тысяча Хушитая, бывшего из *эмиров* племени хушин, из числа родичей Боорчи-нойона.

Тысяча Байку, [также] бывшего из племени хушин. Он ведал *бараунгаром*, т.е. войском правой руки.

Этих четырех упомянутых *эмиров* с четырьмя тысячами войска Чингиз-хан отдал Джочи-хану. В настоящее время большая часть войска Токтая и Баяна есть потомство этих четырех тысяч, а что прибавилось [к ним] за последнее время, то — из войска русских, черкесских, кипчакских, маджарских и прочих, которые присоединились к ним. [Кроме того], во время междоусобиц среди дальних и близких родичей часть также должна была уйти туда [во владения Токтая и Баяна]. [...]

[...]

Часть II. Повествование об Угедей-каане [...]

[...] **Памятка о возникновении [разных] обстоятельств его царствования и подробности восшествия его на каанский престол**

[...] И по этому важному, тонкому делу посылали со всех сторон друг к другу гонцов и занялись подготовкой великого *курултая*. Когда ослабли сила и ярость холода и наступили первые дни весны, все царевичи и *эмиры* направились со [всех] сторон и краев к старинному *юрту* и великой ставке. Из Кипчака — сыновья Джучи-хана: Урадэ, Шейбан, Берке, Беркечар, Бука-Тимур; Из Каялыга — Чагатай со всеми сыновьями и внуками; из Имиля и Кунака — Угедей-каан с сыновьями и своим родом; с востока — их дяди. [...]

Рассказ о том, как *каан* начал издавать приказы, определять порядки и устраивать важные государственные дела

Когда *каан* утвердился на престоле государства, он сперва издал [такой] закон: «Все приказы, которые до этого издал Чингиз-хан, остаются по прежнему действительными и охраняются от изменений и переименований. Мы прощаем все вины и преступления, совершенные кем бы то не было до дня восшествия нашего на престол. Отныне, если кто-либо дерзнет и совершит деяние, не соответствующее законам и порядкам старым и новым, то его за это постигнет наказание и достойная вины расплата». [...] Затем он назначил ко всем границам и окраинам государства войска для охраны рубежей и областей. В Иранской земле еще не успокоились волнения и смуты, и *султан* Джелал-ад-дин все еще проявлял высокомерие. [*Каан*] отправил против него Джурмагун-нойона с несколькими *эмирами* и тридцатью тысячами всадников, а Кокошая и Субэдай-бахадур послал с таким же войском в сторону Кипчака, Саксина и Булгара. В Хитай, Тибет, Солангэ, Джурджэ и их пределы отправил с войском в качестве передовой рати знатных *нойонов*, а сам со своим старшим братом Екэ-нойоном направился следом за тем войском в сторону Хитая, который еще не покорился. [...]

[...]

Летопись монгольских *эмиров* в Хорасане

На должность *эмира* этой страны [Хорасана] и страны Мазандерана был назначен Чин-Тимур, [происходивший] из кара-хитайских родов. Дело обстояло так: во время завоевания Хорезма Джучи оставил его от своего имени в Хорезме в должности *ишхнэ*. Во времена *каана*, когда он послал Джурмагуна в Иранскую землю, он приказал, чтобы начальники и *баскаки* областей лично отправились в поход. Помощник Джурмагуна Чин-Тимур, в соответствии с приказом, выступил из Хорезма дорогой на Шахристанэ. И из других краев [от] каждого царевича прибыло по *эмиру*. Также и Джурмагун назначил от каждого царевича к Чин-Тимуру по одному *эмиру*: со стороны *каана* — Кол-Булата, а ... со стороны Бату, Кызыл-Бука — со стороны Чагатая, а ... от Соркуктани-беги и царевичей. [...] И он утвердил исключительно только за ним *эмирство* над Хорасаном и Мазандераном, [с условием], чтобы Джурмагун и другие *эмиры* в *эмирство* не вмешивались. Кол-Булата он сделал его [Чин-Тимура] товарищем по управлению. Испах-бада пожаловал владением от границ Кебуд-Джамэ до Астрабада, а владения Исфарайн, Джувейн, Бейхак, Джаджерм, Джурбуд и Аргиян утвердил за *меликом* Беха-ад-дином. Каждому он дал золотую *пайзу* и *ярлык*. Когда Чин-Тимур получил по решению *каана* власть, он наградил Шераф-ад-дина Хорезми званием *везира* со стороны Бату, а Беха-ад-дина Мухаммеда Джувеини, отца Шамс-ад-дина *сахиб-дивана*, назначил на должность *сахиб-дивана*. Прочие *эмиры* послали со стороны царевичей в *диван* каждый по одному *битикчию*, и дела *дивана* пришли в блестящее состояние и порядок. [...]

Летопись Угедей-каана [...]

[...]

Рассказ об устройстве [Угедей-]кааном *курултая* и назначении [им] царевичей и *эмиров* на окраины и рубежи [своих] владений

Каан, после того как в год лошади он возвратился после завоевания областей Хитая, в местности Талан-даба, устроив собрание, сделал *курултай*. В этом году, [году] барана, он захотел собрать еще раз всех сыновей, родственников и *эмиров* и заставить их вновь выслушать *ясу* и постановления. Все явились согласно приказу. Всех он отличил разного рода пожалованиями и милостями.

[Целый] месяц непрерывно родственники в согласии пировали с раннего утра до звезды, и, по принятому обычаю, все богатство, которое было собрано в казнохранилищах, он [каан] раздарил собравшимся. Когда закончили пиры и развлечения, он обратился к устройению важных дел государства и войска. Так как некоторые окраины государства еще не были [полностью] покорены, а в других областях действовали шайки бунтовщиков, он [Утедей-каан] занялся исправлением этих дел. Каждого из родственников он назначил в какую-нибудь страну, а сам лично намеревался направиться в Кипчакскую степь.

Менгу-каан, хотя и был еще в расцвете молодости, благодаря разумности и опытности, которыми он обладал, обратил внимание [присутствующих] на поступок каана и сказал: «Мы все, сыновья и братья, стоим в ожидании приказа, чтобы беспрекословно и самоотверженно совершить все, на что последует указание, дабы каану заняться удовольствиями и развлечениями, а не переносить тяготы и трудности походов; если не в этом, то в чем же ином может быть пользой родственников и эмиров несметного войска?». Все присутствующие всецело одобрили эту речь и сделали ее обязательным для себя руководством.

И благословенный взгляд каана остановился на том, чтобы царевичи Бату, Менгу-каан и Гуюк-хан вместе с другими царевичами и многочисленным войском отправились в области кипчаков, русских, булар [поляков], маджар, башгирд, асов, в Судак и в те края и все их завоевали; и они занялись приготовлением [к этому походу].

[...] И в том же году установили *кочур* со скота, определив дать одну голову со ста голов. Каан повелел, чтобы с каждых десяти *тагаров* пшеницы дали один *тагар* для расходования на бедных.

А для того, чтобы происходило непрерывное прибытие гонцов как от царевичей, так и от его величества каана в интересах важных дел, во всех странах поставили *ямы* и назвали это «таян ям». Для установления этих *ямов* назначили гонцов от царевичей и определили так, как это [здесь] подробно утверждается: от каана — *битикчи* Куридай, от Чагатая — Имколчин Тайчутай, от Бату — Суку-Мулчитай, от Тулуй-хана по приказанию Соркуктанибеги отправился Илджидай.

Упомянутые *эмиры* отправились и во всех областях и странах по долготе и широте земного пояса установили *ямы*.

Рассказ о войнах, которые вели царевичи и войско монгольское в Кипчакской степи, Булгаре, Руси, Мокше, Алании, Маджаре, Буларе и Башгирде, и завоевании [ими] тех областей

Царевичи, которые были назначены на завоевание Кипчакской степи и тех краев, [были следующие]: из детей Тулуй-хана — старший сын, Менгу-хан, и брат его Бучек; из рода Утедей-каана — старший сын, Гуюк-хан, и брат его Кадан; из детей Чагатая — Бури и Байдар и брат каана, Кулкан; сыновья Джучи: Бату, Орда, Шайбан и Тангут; из почтенных *эмиров*: Субэдай-бахадур и несколько других *эмиров*. Они все сообща двинулись весною *бичин-ил*, года обезьяны, который приходится на месяц джумад 633 г.х. [11 февраля—11 марта 1236 г.]; лето они провели в пути, а осенью в пределах Булгара соединились с родом Джучи: Бату, Ордой, Шейбаном и Тангутом, которые также были назначены в те края. Оттуда Бату с Шейбаном, Буралдаем и с войском выступил в поход против буларов и башгирдов и в короткое время, без больших усилий, захватил их.

Дело это происходило так: булары были многочисленный народ христианского исповедания; границы их области соприкасаются с франками. Услышав молву о движении Бату и *эмиров*, они снарядились и двинулись в поход с 40 *туманами* славного войска. Шейбан, составлявший авангард с 10000 людей, послал известие [Бату], что их [буларов] вдвое больше монгольского войска и что все они *бахадур*. Когда оба войска выстроились друг против друга, Бату, по обычаю Чингиз-хана, взшел на вершину одного холма и [целые] сутки смиренно взывал к богу и тяжело вздыхал, а мусульманам приказал помолиться соборно. Посредине [между обеими армиями] была большая река. Бату и Буралдай ночью переправились через [эту] реку и вступили в бой; Шейбан, брат Бату, лично вступил в сражение. *Эмир* Буралдай произвел нападение всеми войсками сразу. Они [монголы] устремились на шатер келара, который был их царем, и мечами перерубили веревки. Вследствие падения [*королевского*] шатра войско их [буларов] пало духом и обратилось в бегство. Как отважный лев, который кидается на добычу, монголы гнались за ними, нападали и убивали, так что уничтожили большую часть того войска. Те области были завоеваны, и эта победа была одним из великих дел. Булар и Башгирд являются большой страной и [представляют собою] места недоступные. Несмотря на то, что [монголы] тогда завоевали ее, [жители ее] снова восстали, и она еще не вполне покорена. Государей тамошних называют келар, и они существуют еще доньше.

После этого, в ту зиму, царевичи и *эмиры* собрались в [долинах] рек Хабан и отправили *эмира* Субэдая с войском в страну асов и в пределы Булгара. Они дошли до города [Булгара] Великого и до других областей его, разбили тамошнее войско и заставили их покориться. Пришли тамошние вожди Баян и Джюку, изъявили царевичам покорность, были [щедро] одарены и вернулись обратно, [но потом] опять возмутились. Вторично послали [туда] Субэдай-бахадур, пока он не захватил [их].

Затем царевичи, составив совет, пошли каждый со своим войском облавой, устраивая сражения и занимая попадавшиеся им по пути области. Менгу-каан с левого крыла шел облавой по берегу моря [Каспийского]. Бачмана, одного из бесстыднейших тамошних *эмиров*, из народа кипчаков, из племени олбурлик, и Качир-укулэ, из племени асов, обоих забрал [в плен]. А дело было так: этот Бачман с группой других воров спасся от меча; к нему присоединилось скопище других беглецов. Он бросался во все стороны и что-нибудь да похищал; бесчинства его увеличивались со дня на день. Постоянного местопребывания он не имел, и поэтому войско монгольское не могло

схватить его; он скрывался в лесах на берегу Итиля. Менгу-каан приказал изготовить 200 судов и на каждое из них посадить по 100 человек монголов в полном вооружении. Он же [сам] с братом своим Бучеком шел облавой по обеим берегам реки. В одном из итильских лесов они нашли свежий навоз и прочее, [оставшееся] от спешно откочевавшего лагеря, а среди этого застали большую старуху. От нее узнали, что Бачман перебрался на один остров и что все, попавшее за это время к нему в руки в результате [его] злодеяний и бесчинств, находится на том острове. За отсутствием судна нельзя переправиться через Итиль. Вдруг поднялся сильный ветер, вода забушевала и ушла в другую сторону от того места, где была переправа на остров. Благодаря счастью Менгу-каана, показалось дно, и он приказал пустить в ход войска и захватить [Бачмана]. Его сообщников истребили — кого мечом, кого [утопили] в реке — и вывезли оттуда много имущества. Бачман умолял, чтобы Менгу-каан [сам] своею благословенною рукою довел его дело до конца; он [Менгу-каан] дал указание, чтобы его брат Бучек разрубил Бачмана надвое. Качир-укулэ, [одного] из *эмиров* асов, также убили.

Он [Менгу-каан] провел там то лето, а после того, в *такику-ил*, в год курицы, соответствующий 634 г. х. [4 сентября 1236—23 августа 1237 г.], сыновья Джучи — Бату, Орда и Берке, сын Угедей-каана—Кадан, внук Чагатай — Бури и сын Чингиз-хана—Кулкан занялись войною с мокшей, бургасами и арджанами и в короткое время завладели ими. Осенью упомянутого года все находившиеся там царевичи сообща устроили *курултай* и, по общему соглашению, пошли войною на русских. Бату, Орда, Гуюк-хан, Менгу-каан, Кулкан, Кадан и Бури вместе осадили город Арпан и в три дня взяли [его]. После того они овладели также городом Ике. Кулкану была нанесена там рана, и он умер. Один из русских *эмиров*, по имени Урман, выступил с ратью [против монголов], но его разбили и убили, [потом] сообща в пять дней взяли также город Макар и убили князя [этого] города, по имени Улайтимур. Осадив город Юргия Великого взяли [его] в восемь дней. Они ожесточенно дрались. Менгу-каан лично совершал богатырские подвиги, пока не разбил их [русских]. Город Переяславль, коренную область Везислава, они взяли сообща в пять дней. *Эмир* этой области Банке Юрку бежал и ушел в лес; его также поймали и убили. После того они [монголы] ушли оттуда, порешив на совете идти *туманами* облавой и всякий город, область и крепость, которые им встретятся [на пути], брать и разрушать. На этом переходе Бату подошел к городу Козельску и, осаждая его в течение двух месяцев, не мог овладеть им. Потом прибыли Кадан и Бури и взяли его в три дня. Тогда они расположились в домах и отдохнули.

После того, в *нокай-ил*, год собаки, соответствующий 635 г. х. [24 августа 1237 — 13 августа 1238 г.], осенью Менгу-каан и Кадан выступили в поход против черкесов и зимою убили тамошнего государя по имени Тукара. Шибан, Бучек и Бури выступили в поход в страну Крым и у племени чинчакан захватили Таткару. Берке отправился в поход на кипчаков и взял [в плен] Арджумака, Куран-баса и Капарана, военачальников Беркути. Потом в *кака-ил*, год свиньи, соответствующий 636 г. х. [14 августа 1238 — 2 августа 1239 г.], Гуюк-хан, Менгу-каан, Кадан и Бури направились к городу Минкас и зимой, после осады, продолжавшейся один месяц и пятнадцать дней, взяли его. Они были еще заняты тем походом, когда наступил год мыши, 637 г. х. [3 августа 1239 — 22 июля 1240 г.]. Весною, назначив войско для похода, они поручили его Букдаю и послали его к Тимур-кахалка, чтобы он занял и область Авир, а Гуюк-хан и Менгу-каан осенью того же года мыши, по приказанию *каана*, вернулись, и в год быка, соответствующий 638 г. х. [23 июля 1240 — 11 июля 1241 г.], расположились в своих *ордах*. Вот и все!

Летопись царевичей Кипчакской степи

Осенью *хулугинэ-ил*, года мыши, соответствующего 637 г.х. [3 августа 1239 — 22 июля 1240 г.], когда Гуюк-хан и Менгу-каан, согласно повелению *каана* [Угедей], возвратились из Кипчакской степи, царевичи Бату с братьями, Кадан, Бури и Бучек направились походом в страну русских и народа черных шапок и в девять дней взяли большой город русских, которому имя Манкеркан, а затем проходили облавой *туман* за *туманом* все города Владимирские и завоевывали крепости и области, которые были на [их] пути. Потом они осадили город Учогул Уладмур и в три дня взяли его. В *хукар-ил*, в год смерти Угедей-каана, в весенние месяцы они [царевичи] отправились через горы Марактан к буларам [полям] и башгирам [венграм]. Орда и Байдар, двинувшись с правого крыла, пришли в область Илавут; против [них] выступил с войском Барз, но они разбили его. Затем Бату [направился] в сторону Истарилава, сразился с царем башгирдов, и войско монгольское разбило их. Кадан и Бури выступили против народа сасан и после троекратного сражения победили этот народ. Бучек, через Караулаг пройдя тамошние горы, разбил те племена [Кара]улага, оттуда, через лес и гору Баякбук, вступил в пределы Мишляв и разбил врагов, которые там стояли, готовые встретить его. Отправившись упомянутыми пятью путями, царевичи завоевали все области башгирдов, маджаров и сасанов и, обратив в бегство государя их, келара, провели лето на реке Тиса. Кадан выступил в поход с войском и завоевал области Такут, Арберок и Сараф и прогнал до берега моря государя тех стран, *короля*. Так как он [*король*] в городе Теленкин, который лежит на берегу, сел на корабль и отправился в море, то Кадан пустился в обратный путь и дорогою, после многих битв, взял города Улакут, Киркин и Кыле. Слух о смерти *каана* [еще] не дошел до них [царевичей]. После этого, в год *барса*, соответствующий 639 г.х. [12 июля 1241 — 30 июня 1242 г.], кипчаки в большом числе пошли войною на Кутана и на Сонкура, сына Джучи, [которые], дав сражение, разбили кипчаков.

Осенью [монголы] опять направились обратно, прошли через пределы Тимур-кахалка и местные горы и, дав войско Илавдуру, отправили его в поход. Он двинулся и захватил кипчаков, которые, бежав, ушли в ту сторону. Они покорили страну урунгутов и страну бададжей и привели их послов. Тот год закончился [у них] в тех краях. В начале *тулай-ил*, года зайца, соответствующего 640 г.х. [1 июля 1242 — 20 июня 1243 г.], освободившись от завоевания того

царства, они ушли обратно, провели лето и зиму в пути и в *могай-ил*, то есть в год змеи, соответствующий 642 г.х. [9 июня 1244 — 28 мая 1245 г.], прибыли в свой *улус* и остановились в своих *ордах*. Вот и все!
[...]

**Повествование о Джучи-хане, сыне Чингиз-хана, а оно в трех частях.
Часть первая. Изложение родословной Джучи-хана; памятка о его женах,
сыновьях и потомках, имеющих отрасли до сего времени;
его изображение и родословная его детей и потомков**

Джучи-хан был старшим из всех детей Чингиз-хана, за исключением сестры по имени Фуджин-беги, которая была старше его. Он появился на свет от старшей жены [Чингиз-хана] Бортэ-фуджин, дочери Дай-нойона из племени кунгират, которая была матерью четырех сыновей и пяти дочерей. В первые годы деяний Чингиз-хана, когда на страницах листов эпохи еще не появилось следов его миродержавия, его жена, упомянутая Бортэ-фуджин, забеременела Джучи-ханом. В такое время род меркит, воспользовавшись удобным случаем, разграбил жилище Чингиз-хана и увел [в полон] его жену, которая была беременна. Хотя это племя до этого враждовало и спорило с Онг-ханом, государем [племени] кераит, но в то время между ними был мир, поэтому они отослали Бортэ-фуджин к Онг-хану. Так как последний с отцом Чингиз-хана были побратимами и Чингиз-хана [Онг-хан] называл сыном, то он почитал и уважал Бортэ-фуджин, содержал ее на положении молодой снохи и оберегал от посторонних взоров. Так как она была очень красивой и способной, то *эмиры* [Онг-хана] между собой говорили: «Почему Онг-хан не берет [себе] Бортэ-фуджин?». Он ответил: «Она на положении молодой жены моего сына и находится у нас в безопасности; неблагородно смотреть на нее с коварными намерениями». Когда Чингиз-хан об этом обстоятельстве узнал, он послал к Онг-хану с просьбой вернуть обратно Бортэ-фуджин одного *эмира* по имени Саба, из числа ванг-удов рода джелаир, деда Сартак-нойона, который в дни малолетства Аргун-хана, по *ярлыку* Абага-хана, был *эмиром* его ставки и *хакимом* в Хорасане и Мазандеране.

Онг-хан, оказав ей внимание и заботу, отправил ее вместе с Саба. В пути неожиданно появился на свет сын, по этой причине его назвали Джучи. Так как дорога была опасной и не было возможности остановиться, а соорудить колыбель трудно, Саба замесил немного мягкого теста, завернул в него ребенка и взял его в полу своей [одежды], чтобы его [ничто] не тревожило. Он vez его бережно и доставил к Чингиз-хану. Когда [Джучи-хан] вырос, то постоянно сопровождал отца и неотлучно состоял при нем и в счастья и в несчастья. Но между ним и его братьями Чагатаем и Угедеем всегда были препирательства, ссоры и несогласие и по причине ... а между ними и Тулуй-ханом и родами обеих сторон был обоюдно проторен путь единения и искренности. Они никогда [Тулуй-хана] не попрекали и считали его подлинным [сыном Чингиз-хана].

Когда он [еще] был в детском возрасте и в начале поры юности, Чингиз-хан посватал за него племянницу Онг-хана, дочь Джакамбо; имя ее было Никгимиш-фуджин, она была сестрой Абикэ-беги, супруги Чингиз-хана, и Соркуктани-беги, супруги Тулуй-хана. Она и была старшей женой Джучи-хана. Кроме нее, он имел еще много жен и наложниц, от которых у него было много детей. Как об этом передают достойные доверия повествования, у него было около сорока сыновей и от них народилось несчетное количество внуков, но из-за дальности расстояния и из-за того, что не нашлось ни одного знающего человека, все их потомки не выявлены и не установлены в точности; однако то, что про его сыновей и внуков известно и ведомо, излагается подробно и обстоятельней.

**Памятка о сыновьях Джучи-хана и его внуках,
имеющих отрасли до сего времени**

Первый сын — Орда, второй сын — Бату, третий сын — Берке, четвертый сын — Беркечар, пятый сын — Шейбан, шестой сын — Тангут, седьмой сын — Бувал, восьмой сын — Чилаукун, девятый сын — Шингкур, десятый сын — Чимпай, одиннадцатый сын — Мухаммед, двенадцатый сын — Удур, тринадцатый сын — Тука-Тимур, четырнадцатый сын — Шингкум.

Теперь мы приступим и упомянем этих сыновей каждого в отдельности в том же порядке, как [выше] написано; подробно опишем и перечислим их внуков в таком порядке:

[А] Первый сын Джучи-хана, Орда, появился на свет от его старшей жены по имени Сартак из рода кунгират. При жизни отца и после него он был весьма уважаем и почитаем. Хотя заместителем Джучи был [его] второй сын, Бату, но Менгу-каан в *ярлыках*, которые он писал на их имя по поводу решений и постановлений, имя Орды ставил впереди. Орда был согласен на воцарение Бату, и на престол на место отца [именно] он его возвел. Из войск Джучи-хана одной половиной ведал он, а другой половиной — Бату. С [этим] войском и четырьмя братьями — Удуrom, Тука-Тимуром, Шингкумом — он составил левое крыло [монгольского] войска; и их до сих пор называют царевичами левого крыла. И теперь еще их род пребывает вместе с родом Орды; его *юрт* и [*юрт* этих] братьев и их войска находятся на левой стороне в пределах ... Его *улус* и дети постоянно находятся там. С самого начала не бывало случая, чтобы кто-либо из рода Орды, занимавший его место, поехал к *ханам* рода Бату, так как они отдалены друг от друга, а также являются независимыми государями своего *улуса*. Но у них было такое обыкновение, чтобы своим государем и правителем считать того, кто является заместителем Бату, и имена их они пишут вверх своих *ярлыков*. Баян, сын Куинджи, сейчас — государь *улуса* Орды, вследствие того что с ним враждовал его двоюродный брат Кублук, испугался его,

прибыл к границам области Токтая, государя Батуева *улуса*, и отправился к нему под предлогом *курултая*, как об этом будет изложено впоследствии.

А Орда имел трех старших жен: одна — Джуке-хатун из рода кунгират, другая — Тубакана-хатун, тоже из [рода] кунгират, и еще ... -хатун, также из [рода] кунгират. Имя ее отца Укаджиян. [Орда] взял ее после смерти отца. Он имел [также] наложниц. От этих жен у него родилось семь сыновей — Сартактай, Кули, Курумиши, Кункиран, Чурмакай, Кутуку и Хулагу; а обстоятельства этих семерых сыновей и детей и внуков, которые у них были, таковы, как подробно излагается [ниже] о каждом в отдельности.

[1] Первый сын Орды — Сартактай.

Этот сын появился на свет от Джуке-хатуни рода кунгират. У него было четыре старших жены и несколько наложниц. От жены по имени Худжиян, сестры Кутуй-хатун, супруги Хулагу-хана, у него родился сын, которому дали имя Куинджи; этот Куинджи был долгое время правителем *улуса* Орды и другом и приверженцем Аргун-хана, а потом государя ислама, Газан-хана. Он всегда посылал [к ним] гонцов с изъявлением любви и искренней дружбы. [Куинджи] был весьма тучен и дороден. Он толстел с каждым днем, и [дело] дошло до того, что его день и ночь стерегли телохранители, чтобы он не ложился, дабы, не дай бог, жир у него не пошел горлом и он не погиб. Ни одна лошадь не могла под ним бежать из-за его чрезмерной тучности, и он передвигался в повозке. В конце концов он однажды уснул, жир у него пошел горлом, и его не стало. Куинджи имел четырех старших жен: первая — Нукулукан из рода кунгират, вторая — Нукулун из рода меркит, третья — Джиктум из рода кунгират и четвертая — Таркуджин из рода джаджират, из семьи старшего *эмира*, который был старшиною *хорчиев* Чагатая. Куинджи имел четырех сыновей: Баяна, Бачкиртая, Чаган-Букая и Макудая. Подробное изложение обстоятельств [этих] четырех сыновей Куинджи и родословная их детей и внуков [следует] в таком [порядке], как [здесь] рассказывается.

[а] Первый сын Куинджи — Баян.

Он появился на свет от Нукулукан-хатун из рода кунгират. После смерти отца он взял в жены трех своих мачех: Таркуджин, Джиктум, Алтачу; и еще он имел трех жен: одна — Илькан из рода кунгират, дочь Муки из семьи Келеса-ильчи, который приезжал сюда, вторая — Кутулун из рода огулан, дочь Тукуяна-Тукутая, третья — Алтачу из рода кунгират, дочь Тудай-бахадур, который был родственником досточтимой Булуган-хатун. Этот Баян имеет четырех сыновей, в таком перечислении и порядке:

Шади — появился на свет от Илькан, дочери Муки; Саты-Бука появился от Кутулун-хатун; Текнэ появился от Алтачу-хатун; Салджикутай — имя его матери не известно.

В настоящее время Баян сидит на месте своего отца Куинджи и по-прежнему ведает *улусом* отца. С государем ислама [Газан-ханом], да увековечит Аллах его царствование, он поддерживает дружбу, проявляет к нему приверженность и беспрестанно посылает гонцов. А перед тем Кублук, сын Тимур-Буки, сына Кутуку, заявил такое притязание: «Прежде ведал *улусом* мой отец, и он [улус] по наследству переходит ко мне». Он собрал людей, взял у Кайду и Дувы войско и внезапно напал на Баяна. Баян бежал и направился к границам той области, в которой сидел Токтай, преемник Бату. Он провел там зиму, а весной прибыл на *курултай* к Токтаю и просил у него помощи. Так как у Токтая была война с Нокаем и он [сам] обратился за разрешением спора к государю ислама Газан-хану, да увековечит Аллах его власть, то он рассыпался в извинениях и не дал войска, но однако послал к Кайду и Дуве гонцов, чтобы они прислали к нему Кублука, и дал *ярлык* на то, чтобы *улусом* по-прежнему ведал Баян.

До настоящего времени Баян восемнадцать раз сражался с Кублуком и войском Кайду и Дувы, из них шесть раз сам лично участвовал в сражениях. И сколько ни посылает Токта гонцов к Чапару, сыну Кайду, и к Дуве, чтобы они прислали [к нему] Кублука, они не проявляют послушания и приводят отговорки. Замысел их был такой: мы поможем Кублуку стать государем того *улуса*, и он будет нашим союзником в споре с Газан-ханом. В прошлом году, который был 702 г. х. [26 августа 1302— 14 августа 1303 г.], Баян прислал гонцов к государю ислама Газан[хану], да увековечит Аллах его власть. Во главе их [стояли] Келес из рода кунгират, который был *эмиром* во времена Куинджи, и Тука-Тимур из рода йисут. Оба они прибыли с прочими *нукерами* к государю ислама Газан-хану, да увековечит Аллах его царствование, в пределы Багдада в середине [месяца] джумада II упомянутого года. Они привезли [ловчего] сокола и дары и изложили следующее: «Испрашивается [дозволение] постоянно отправлять гонцов с доброй вестью. Ожидается, что *эмиры* выступят в поход в любом направлении, которое будет указано, и выполняют службу. Положение же таково: мы в этом году выступаем войной против Чапара и Дувы; Токта с нами в союзе и согласии и посылает войско, он [уже] послал два *тумана* на соединение с войском *каана* в Дерсу». Границы их владений находятся вблизи владений *каана*. Раньше же они примыкали друг к другу. В последние несколько лет Кайду, опасаясь того, что они, возможно, соединятся с войском *каана*, послал к границам владений Баяна своего второго сына по имени Баянджара и другого сына по имени Шаха, а также Тура-Тимура, сына Ширеки сына Менгу-каана, и Мелик-Тимура, сына Ариг-Буки, с войском и поручил им [охранять] те пределы, чтобы они служили преградой между войском *каана* и войском Баяна и не допускали их соединиться. А Кублук с тем войском, которое отпало от Баяна, и с тем, которое пришло к нему на помощь от Кайду и Дувы, захватил часть владений и *улуса* Баяна. Баян же по-прежнему ведает большей частью *улуса* Орды. Из-за этих непрерывных сражений войско его обнищало, воины были частью конные, частью пешие, однако он [Баян] все так же стойко борется с врагом и просит от этой стороны помощи средствами. Государь ислама, Газан-хан отпустил обратно из Тебриза послов [Баяна], которые прибыли в Багдад, и послал для него и его жен золото, одежды, подарки и прелестные дивные [вещи].

[б] Второй сын Куинджи — Баджиртай — появился на свет от Нукулун-хатун из племени меркит. Он имел жену по имени Куклун из рода кerait. От нее родился сын по имени Биратай.

[в] Третий сын Куинджи — Чаган-Бука — появился на свет от Джинкдун-хатун, о которой [уже] упоминалось. У него была жена из племени кераит, по имени Сурмыш, дочь Тус-Тимура, от нее он имеет сына по имени Теке.

[г] Четвертый сын Куинджи — Макудай — появился на свет от Таркуджин-хатун из племени джаджират; у него совсем не было детей.

[На этом] окончилась ветвь Сартактая, отца Куинджи и первого сына Орды.

[II] Второй сын Орды — Кули.

Это тот самый Кули, которого послали с войском от *улуса* Орды в то время, когда Хулагу-хан шел в Иранскую землю и когда последовал приказ, чтобы ему в помощь присоединилось от каждого *улуса* по одному царевичу с войском. Он выступил через Хорезм в Дехистан и Мазандеран. У него было несколько старших жен, одна по имени Йидикен из племени кунгират, другая по имени Кадакан и [еще] одна по имени Кукини, которая приезжала сюда [в Иран] и скончалась в этой стране. Он имел пять сыновей в таком перечислении и порядке: Тумакан, Туман, Мингкан, Аячи и Мусульман. Памятка об ответвлении этих сыновей и об их обстоятельствах такова, как излагается [ниже]:

[1] Первый сын Кули — Тумакан. Этот Тумакан имел трех старших жен: одна по имени Булаган из племени татар, дочь Сукал-нойона; вторая — Буралун-хатун из племени ... третья по имени Олджай была наложницей. Он имеет трех сыновей в таком порядке и перечислении:

[а] Джарук. У него была одна жена по имени Якуртумджак; он имеет от нее двух сыновей: Нокая и Саталмыша.

[б] Мубарек появился на свет от упомянутой Буралун-хатун и имеет двух сыновей: Иль-Бука и Тура-Тимур.

[в] Кучук появился на свет от упомянутой наложницы Олджай.

[2] Второй сын Кули — Туман — появился на свет от Идикен-хатун. Он имел несколько жен и наложниц: имя одной его старшей жены — Буралун. У него было семь сыновей в таком порядке:

[а] Ак-Куюк, у него был сын по имени Буралги; [б] Данишменд, [в] Куртагачи, [г] Кутлуг-Бука, [д] Кутлуг-Тимур, [е] Иль-Тимур и [ж] Яйлак. Эти последние шесть сыновей детей не имели. Имя матери Ак-Куюка, Данишменда, Куртагачи и Кутлуг-Тимура не известно; Кутлуг-Бука появился от Буралун, а Иль-Тимур от наложницы.

[3] Третий сын Кули — Мингкан — появился на свет от Билан-хатун. У него, должно быть, были жены и наложницы, но имена их остались неизвестны. Он имел трех сыновей: [а] Халил, у него не было детей; [б] Башмак имел одного сына по имени Хасан; [в] Хулкату детей не мел. Когда отец этого Мингкана, Кули, сам приезжал в эту страну, то все три [вышеупомянутых] сына приезжали вместе с отцом.

[4] Четвертый сын Кули — Аячи. Имена его жен остались неизвестны. Он имел одного сына по имени [а] Газан, [который] появился на свет от дочери Кутлуг-Буки, сына Куркуза. Этот приехал сюда в детстве, во времена Абака-хана он находился в Хорасане при Аргун-хане. После его воспитания и оказания ему милостей из дружеского расположения и для пользы дела его отправили вместе с сыном обратно.

[5] Пятый сын Кули — Мусульман, родился от Кадакан-хатун. Он имел много жен. Имя одной [из них] — Орда-Тикин из рода найман. У него было четыре сына в таком перечислении: [а] Джавуту, [б] Япалат, [в] Ходжа и [г] Ильяс, родившиеся от Орда-Тикин.

[III] Третий сын Орды — Курумиши. Этот Курумиши сыновей не имеет, и жены его не известны.

[IV] Четвертый сын Орды — Кунг-Кыран. После Орды он ведал *улусом*, сыновей не имел.

[V] Пятый сын Орды — Джурмакай. Он также не имеет детей, и его жены также не известны.

[VI] Шестой сын Орды — Кутукуй. Были ли у него дети или нет, также не известно.

[VII] Седьмой сын Орды — Хулагу. Его имя было Хулаву, и детей у него не было. Дети, которых считают его [детьми], являются [в действительности] детьми Кутукуя. Так стало известно из родословных кругов, заслуживающих доверия. А Аллах лучше знает. У него было две старших жены. Имя одной было Сулукан-хатун из рода..., а имя другой — Турбарчин-хатун из племени кипчаков. Он имел от них двух сыновей: одного — Тимур-Бука, другого по имени Улкату. А Аллах лучше знает.

[1] Первый сын Хулагу — Тимур-Бука. У него было четыре старших жены: первая — Кокчин, дочь Тису-нойона из племени кунгират, вторая — Аргун-Тикин из рода аргуан, дочь Кури-Кучакара, третья — Кутуджин из рода..., четвертая — Баялун из рода кунгират, сестра Кутуй-хатун, супруги Хулагу-хана. Кроме них, у него были [еще] наложницы. От этих упомянутых жен он имел шесть сыновей в таком порядке: [а] Кублук, родился от Кокчин; [б] Тука-Тимур, родился от Аргун-Тикин; [в] Джангут, родился от Кутуджин, [г] Бука-Тимур, его матерью была Баялун; [д] Саси, родился тоже от Кутуджин; [е] Ушанан, тоже родился от Кокчин.

[2] Второй сын Хулагу — Улкату — родился от упомянутой Турбарчин-хатун. Он имел четырех сыновей в такой последовательности: [а] Уч-Бука, [б] Биш-Куртука, [в] Бука-Тимур, [г] Дерк. С помощью Аллаха всевышнего окончена ветвь Орды, сына Джучи-хана.

[Б] Второй сын Джучи-хана — Бату. Бату появился на свет от Укифудж-хатун, дочери Ильчи-нойона из рода кунгират. Его называли Саин-хан. Он был очень влиятелен и всемогущ и ведал *улусом* и войском вместо Джучи-хана и прожил целый век. Когда [всех] четырех сыновей Чингиз-хана не стало, то старшим над всеми его внуками оказался он и был у них в великой чести и в почете. На *курултаях* никто не противился его словам; напротив, все царевичи повиновались и подчинялись [ему]. Так как Джучи уклонился от выполнения ранее вышедшего постановления Чингиз-хана отправиться ему с войском и захватить все северные области, как то: Ибир-Сибир, Булар, Дашт-и-Кипчак, Башгурд, Рус и Черкес до Дербенда Хазарского, который монголы называют Тимур-кахалка, и включить их в свои владения, то, когда Угедей-каан воссел на царство, он повелел Бату [это сделать] таким же порядком. Племянника своего Менгу-каана, его брата Бучека и сына своего Гуюк-хана со старшими *эмирами*, в том числе Субэдай-бахадуром из рода урянкат, который приезжал с Джэбэ-нойоном в эту страну, также других царевичей с

войсками приказал назначить в передовую рать. Все собрались вокруг Бату и занялись завоеванием северных стран. В *бичин-ил*, то есть в год обезьяны, выпавший на месяц джумада лета 633 г. х. [21 февраля — 21 марта 1235 г.], они выступили и завоевали покорили большую часть тех областей, а весной хулугунэ[-ил], то есть года мыши, соответствующего 637 г. х. [3 августа 1239 — 22 июля 1240 г.], Гуюк-хан и Менгу-каан по указу *каана* повернули обратно направлялись к высочайшей особе *каана*. После этого Бату с братьями, *эмирами* и с войском еще некоторое время завоевывал те страны. Его род еще до сих пор продолжает завоевывать [их]. Бату имел много старших жен и наложниц. У него было четыре сына в таком перечислении и порядке:

Сартак, Тукан, Эбугэн, Улакчи. Ветви и потомки этих четырех сыновей и обстоятельства их таковы, как это подробно излагается в каждом в отдельности.

[I] Первый сын Бату — Сартак, он появился на свет от ... -хатун, у него совсем не было сыновей.

[II] Второй сын Бату — Тукан. У него было пять сыновей, в таком порядке и перечислении: Тарбу, Мунга-Тимур, Туда-Мунга, Такту-Нука и Угэчи.

[1] Первый сын Тукана — Тарбу. У него были жены и наложницы, но имена их не известны. Он имел двух сыновей: [а] Тула-Буку, дети его не известны; [б] Кунчека, [который] имел сына по имени Юз-Бука.

[2] Второй сын Тукана — Мунга-Тимур. У этого Мунга-Тимура были жены и наложницы. Имена его трех старших жен известны: Олджай из рода кунгират, Султан-хатун из рода ушин и Кутуй-хатун из рода... Он имел десять сыновей в таком перечислении и порядке:

[а] Алкуи, появился на свет от Олджай-хатун; [б] Абачи, его мать неизвестна; [в] Тудакан, появился от Султан-хатун; [г] Буркук, родился от Султан-хатун; [д] Токтай, появился на свет от Олджай-хатун, дочери Беклемиш-ака, сестры Менгу-каана, которая была супругой Салджидай-гургэна. В настоящее время государем Джучиева улуса является он. Он имеет двух жен: имя одной — Булуган, а другой — Тукульче из [рода] кунгират. У него есть три сына, в таком перечислении: Ябарыш, Йксар [?], Тугел-Бука; [е] Сарай-Бука; [ж] Хулакай, у него есть сын по имени Улус-Бука; [з] Кадан; [и] Кудукан, имеет сына, имя его — Кункас; [к] Тугрылча, имеет сына Узбека.

[3] Третий сын Тукана — Туда-Менгу. Его и Менгу-Тимура матерью была Кучу-хатун из рода ойрат, сестра Олджай-хатун и Бука-Тимура. Этот Туда-Менгу имел двух жен: Ирыкаджи из рода кунгират и Тура-Кутлуг из рода алчи-татар. У него было три сына: Ур-Менгу, появился на свет от Ирыкаджи; Чичекту, родился от Тура-Кутлуг; Тубтай, его мать не известна.

[4] Четвертый сын Тукана — Туктунока. Имена его жен остались не известны, он имеет двух сыновей в таком порядке: Бабудж, Тукель-Бука. Пятый сын Тукана — Угачи. У него не было детей.

[III] Третий сын Бату — Абукан. У него было много жен и наложниц, и имел он семь сыновей в таком перечислении и порядке: Борак, Булар, Тутудж, Дакдака, Ахмед, Сабир, Дунгур.

[IV] Четвертый сын Бату — Улакчи, детей не имел; имена его жен остались не известны.

Ветвь Бату, второго сына Джучи-хана, по милости и благодати его [Аллаха] окончена.

[V] Третий сын Джучи-хана — Берке. У него совсем не было детей. Обстоятельства его [жизни] и рассказы о нем будут приведены в повествованиях о Хулагу-хане, Абага-хане и в других, если всевышнему Аллаху будет угодно.

[Г] Четвертый сын Джучи-хана — Беркечар. У него были жены и наложницы, и имел он двух сыновей: [I] первый сын — Кокджу. Этот Кокджу имел четырех сыновей в таком порядке: [1] Иджиль-Тимур, [2] Билькджи, [3] Дукдай, [4] Тук-Тимур. [II] Второй сын — Йису-Бука. У этого Йису-Буки был [1] один сын, имя его — Сарай-Бука. Ветвь Беркечара, который был четвертым сыном Джучи-хана, окончена.

[Д] Пятый сын Джучи-хана — Шейбан. У него было много жен и наложниц, и имел он двенадцать сыновей в таком перечислении и порядке, как [ниже] упоминается: Байнал, Бахадур, Кадак, Балакан, Черик, Меркан, Куртука, Аячи, Сайилкан, Баянджар, Коничи, Маджар. Изложение разветвления потомков этих двенадцати сыновей и их внуков представляется в таком виде, как это для [каждого] в отдельности [ниже] подробно излагается.

[I] Первый сын Шейбана — Байнал. Он имел трех сыновей в такой последовательности: [1] Илак-Тимур, [2] Бек-Тимур, [3] Биш-Бука.

[II] Второй сын Шейбана — Бахадур. Он имел двух сыновей в таком порядке: [1] первый сын Бахадура — Кутлуг-Бука; дети его не известны. [2] Второй сын Бахадура — Джучи-Бука. У него было четыре сына в таком перечислении: [а] Бадакул, [б] Бек-Тимур, [в] Баянкеджар, [г] Йису-Бука.

[III] Третий сын Шейбана — Кадак. У него был [1] один сын: имя его — Тула-Бука. Этот Тула-Бука имел двух сыновей: старшего — [а] Монгкутая и младшего — [б] Туман-Тимура. У Туман-Тимура был сын, имя его Уджукан.

[IV] Четвертый сын Шейбана — Балакан. У него было три сына: [1] Тури, [2] Тукан, [3] Токдай. Этого Токдая называют [также] Муртад-Токдай и Тама-Токдай; зимовья его находятся около реки Терека, у Дербенда. Уже долгое время, как он состоит во главе сторожевой рати. У него есть три сына: [а] Бакырча, [б] Кунчек, [в] Джаукан.

[V] Пятый сын Шейбана — Черик. У этого Черика был один сын, имя его — [1] Тук-Тимур.

[VI] Шестой сын Шейбана — Меркан. У него было два сына: [1] Тука-Тимур, [2] Иль-Бука.

[VII] Седьмой сын Шейбана — Куртука. Этот Куртука имел одного сына по имени, Кинас.

[VIII] Восьмой сын Шейбана — Аячи. У этого Аячи был [1] один сын, имя его было Учкар-Тука.

[IX] Девятый сын Шейбана — Сабилкан. У него был сын по имени [1] Кутлуг-Тимур, а этот Кутлуг-Тимур имел семь сыновей в таком перечислении и порядке: [а] Бурултай, [б] Бек-Тимур, [в] Буралыги, [г] Отман, [д] Сабтак, [е] Йису-Бука, [ж] Тимуртай.

[X] Десятый сын Шейбана — Баянджар. У него был [1] один сын по имени Эбугэн-Туркан, а этот Эбугэн-Туркан имел [а] одного сына по имени Туганчар.

[XI] Одиннадцатый сын Шейбана — Маджар. У него есть [1] сын по имени Турджи.
[XII] Двенадцатый сын Шейбана — Кониичи. У него совсем нет детей.
Ветвь Шейбана, пятого сына Джучи-хана, окончена, при доброй его [Аллаха] помощи.
[E] Шестой сын Джучи-хана — Тангкут. У него было два сына: Субектай, Тукуз.
Разветвление этих двух упомянутых сыновей таково, как [ниже] подробно излагается.
[I] Первый сын Тангкута — Субектай. У него было два сына:
[1] Маджар, у него был сын, имя его — [а] Курук.
[2] Кунчек-Кониичи, у него было четыре сына, в таком порядке:
[а] Бурачар, [б] Куч-Тимур, [в] Иштан, [г] Дурату.
[II] Второй сын Тангкута — Тукуз. У него было три сына: [1] Колимтай, [2] Арслан, [3] Буралыги.
Вот какова ветвь Тангкута, шестого сына Джучи-хана. Она окончена. Клянусь Аллахом споспешествующим.
[Ж] Седьмой сын Джучи-хана — Бувал. [I] Первый сын Бувала — Татар. У него был [1] сын по имени Нокай, а этот Нокай имел трех сыновей: [а] Джукке, [б] Муке, [в] Тури.
[II] Второй сын Бувала — Мингкадар. У него было девять сыновей в таком перечислении и порядке: [1] Нукар, у него есть [а] сын, имя его — Кирди-Бука; [2] Бекдуз, имеет двух сыновей: [а] Тудакана и [б] Туклупая; [3] Абукан, имеет двух сыновей: [а] Тукуджа и [б] Ахмеда; [4] Узбек, детей не имеет; [5] Сасык, у него был один [а] сын Басар; [6] Урус, детей не имеет; [7] Урунг-Куртука, детей не имеет; [8] Туклуджа, [о его детях] не известно; [9] Ильбасмыш, детей не имеет. Ветвь Бувала, седьмого сына Джучи-хана, окончена с помощью всевышнего Аллаха.
[3] Восьмой сын Джучи-хана — Джилаукун. У него не было детей.
[И] Девятый сын Джучи-хана — Шингкур. У него было три сына. Их имена и разветвления сыновей и внуков таковы, как [ниже] подробно излагается.
[1] Первый сын — Йису-Бука. У него было пять сыновей в таком порядке: [1] Буралыги, [2] Кублук, [3] Тудакан, [4] Тудаджу, [5] Ахтаджи.
[II] Второй сын — Ширамун, он имел трех сыновей в таком порядке: [1] Хорезми. Его мать — Булуждин, из татар; [2] Джакуту. Его мать — Кутлукан, из сулдусов; [3] Байрам. Его мать, Кулда, была наложницей.
[III] Третий сын — Маджар. У него было три сына, в таком порядке: [1] Урусак, [2] Бая, [3] Байку. Ветвь Шингкура, девятого сына Джучи-хана, окончена с помощью всевышнего Аллаха.
[К] Десятый сын Джучи-хана — Чимбай. У него было много жен и наложниц, и имел он двух сыновей: Хинду и Тудавура. Подробное перечисление разветвлений их детей таково:
[I] Первый сын Чимбая — Хинду. Этот Хинду имел [1] сына по имени: Яку, а у этого Яку были три сына в таком перечислении и порядке: [а] Джалаиртай, [б] Кундалан-Манкутай, [в] Такаджу. Этот Яку после смерти Чимбая царствовал в течение двух полных лет, а потом его казнил Токтай.
[II] Второй сын Чимбая — Тудавур. У него были два сына в таком порядке:
[1] Маджар, а у него были три сына в таком перечислении и порядке: [а] Мелик, [б] Ходжа, [в] Куртукачу; [2] Тарияджи, у него детей не было. Ветвь Чимбая, десятого сына Джучи-хана, окончена его [Аллаха] милостью и его благословением.
[Л] Одиннадцатый сын Джучи-хана — Мухаммед. Его называли также Буре, детей он совсем не имел.
[М] Двенадцатый сын Джучи-хана — Удур. У него был один [1] сын по имени Карачар, а этот Карачар имел пятых сыновей в таком порядке, как [ниже] подробно перечисляется: [1] Первый сын Карачара — Куртука, его мать была по имени Ильгутмыш из рода туклан, то есть тулас. У этого Куртука был [а] один сын, имя его Сасы. [2] Второй сын Карачара — Турджи. Этот Турджи имел [а] одного сына по имени Ананда. [3] Третий сын Карачара — Абишка. У него не было детей. [4] Четвертый сын Карачара — Эмкен. У него также не было детей. [5] Пятый сын Карачара — Туевкел. Он детей не имел. Ветвь Удура, двенадцатого сына Джучи-хана, окончена.
[Н] Тринадцатый сын Джучи-хана — Тука-Тимур. У этого Тука-Тимура было четыре сына; их имена и разветвления их детей таковы, как [ниже] подробно и по порядку излагается.
[I] Первый сын — Бай-Тимур, у него было три сына: [1] Туканчар, [2] Билкычи, [3] Кукаджу.
[II] Второй сын — Баян, у него было два сына: [1] Казан и [2] Данишменд. Ни один из них не имел детей.
[III] Третий сын — Урунк, у него было четыре сына: [1] Ачик, у него есть [а] сын, имя его — Бахтияр; [2] Ариклы, у него есть три сына: [а] Адиль, [б] Сакриджи, [в] Анбарджи; [3] Каракыр, имел трех сыновей: [а] Никбай, [б] Керанче, [в] Шабаку; [4] Сарича, у него был один [а] сын, имя его — Куичек.
[IV] Четвертый сын — Кин-Тимур, у него было два сына: [а] Караходжа и [б] Абай, детей они не имели.
[О] Четырнадцатый сын Джучи-хана — Сингкум. У этого Сингкума детей не было.
Сыновья Джучи-хана, о которых передали заслуживающие доверия лица, суть те четырнадцать сыновей, имена которых, а также имена их детей и внуков, [выше] подробно написаны. Их родословная таблица [представляется] в таком виде, как она [ниже] утверждается. Вот и все!

Часть II. Повествования о Джучи-хане, дата [восшествия на престол] и рассказы о времени его царствования, избрание трона, жен, царевичей и эмиров во время восшествия его на престол, памятка о его летних и зимних кочевьях и о некоторых войнах, которые он вел и о победах, кои он одерживал; продолжительность его царствования

Все области и улус, находившиеся в пределах реки Ирдыш и Алтайских гор, летние и зимние кочевья тех окрестностей Чингиз-хан пожаловал в управление Джучи-хану и издал беспрекословный указ, чтобы [Джучи-хан] завоевал и включал в свои владения области Дашт-и Кипчак и находящиеся в тех краях государства. Его *юрт* был в пределах Ирдыша, и там была столица его государства. Вот и все!

Краткий рассказ о делах Джучи-хана

Так как Джучи-хан умер раньше [своего] отца, то нельзя вкратце привести рассказ, который относился бы исключительно к нему, поэтому [здесь] приводится краткое описание его деяний, которые [уже] подробно упоминались в повествовании о Чингиз-хане, и излагаются обстоятельства его болезни и смерти. А это было так:

Так как Джучи-хан по приказу Чингиз-хана постоянно находился в походах и завоевал и покорил много областей и городов, то, когда Чингиз-хан, направляясь в область таджиков, дошел до границы Отрара, он оставил его [Джучи-хана] там, предназначив его для покорения Отрара. Джучи-хан, как [уже] было рассказано в повествовании о Чингиз-хане, взял Отрар и, овладев его крепостью и разрушив ее, повернул обратно. Области, которые попадались на его пути, он покорял, пока не прибыл к отцу в пределы Самарканда. Оттуда Чингиз-хан снова отправил его с братьями, Чагатаем и Угедеем, [в поход] для покорения Хорезма. Когда они осадили то место, то взять его не удавалось по причине несогласия его [Джучи-хана] с Чагатаем. Чингиз-хан приказал, дабы в той войне предводителем был Угедей. Благодаря своим способностям он установил между братьями согласие, и они сообща взяли Хорезм. Чагатай и Угедей направились к отцу и прибыли к [нему] к крепости Таликан. А Джучи-хан, через Хорезм направился в сторону Ирдыша, где находились его обозы, и присоединился к своим *ордам*. [Еще] раньше Чингиз-хан приказал чтобы Джучи выступил в поход и покорил северные страны, как-то: Келар, Башгирд, Урус, Черкес, Дашт-и Кипчак и другие области тех краев. Когда же он уклонился от участия в этом деле и отправился к своим жилищам, то Чингиз-хан, крайне рассердившись, сказал: «Я его казню, не видать ему милости». Джучи же неожиданно заболел и поэтому, когда отец по возвращении из страны таджиков прибыл в свои ставки, не смог приехать к нему, но послал ему несколько *харваров* добытых на охоте лебедей и рассыпался в извинениях. После этого Чингиз-хан еще несколько раз приказывал вызвать его к себе, но [тот] из-за болезни не приезжал и приносил извинения. Затем [однажды] какой-то человек из племени мангут проезжал через пределы *юрта* Джучи; а Джучи, перекочевывая, шел от *юрта* к *юрту* и таким же большим достиг одной горы, которая была местом его охоты. Так как сам он был слаб, то послал охотиться охотничьих *эмиров*. Когда тот человек увидел это собрание охотившихся людей, то подумал, что это [охотится сам] Джучи. Когда он прибыл к Чингиз-хану и тот спросил его о состоянии болезни Джучи, то он сказал: «О болезни сведений не имею, но на такой-то горе он занимался охотой». По этой причине воспламенился огонь ярости Чингиз-хана, и, вообразив, что [Джучи], очевидно, взбунтовался, что не обращает внимания на слова отца, он сказал: «Джучи сошел с ума, что совершает такие поступки». И приказал, чтобы войско выступило в поход в его сторону и чтобы впереди всех отправились Чагатай и Угедей, и сам собирался выступить в поход вслед за ними. В это время прибыло известие о печальном событии с Джучи в ... году. Чингиз-хан пришел от этого в великую печаль и огорчение, он произвел расследование, выявилась ложь того мангута и было доказано, что Джучи был в то время болен и не был на охоте. [Чингиз-хан] потребовал того человека, чтобы казнить его, но его не нашли. Почтенные *эмиры* и гонцы, которые в разное время приезжали из *улуса* Джучи, сказали, что смерть его произошла между тридцатью и сорока [годами его жизни], и эти слова сравнительно близки [к истине]. Другие же говорят, что его не стало в двадцатилетнем возрасте, но это чистое заблуждение. После смерти его и Чингиз-хана, когда на трон воссел Угедей-каан, он на основании ранее изданного Чингиз-ханом неукоснительного указа Джучи-хану о покорении северных областей поручил [это] членам его рода, и они занялись этим [покорением] с помощью других царевичей.

Рассказ о восшествии на престол Бату в качестве преемника отца и памятка об обстоятельствах его [жизни] во время [его] царствования

Когда скончался Джучи-хан, его второй сын, Бату, в качестве преемника отца, воссел в своем *улусе* на *ханский* престол. Его братья подчинились ему и покорились. В эпоху Угедей-каана, как о том было подробно сказано в повествовании о нем, он назначил его с братьями и другими царевичами, согласно прежнему указу [Чингиз-хана], на покорение северных областей. Все они, собравшись у него, сообща выступили в поход и, как [уже] было изложено, завоевали большую часть тех государств. После возвращения царевичей Менгу-каана и Гуюк-хана [из похода] он [Бату] с братьями, как о том [уже] упоминалось в добавлении к его родословной, занялся завоеванием оставшихся частей тех областей. В начале 639 г. х. [июль 1241 г.], когда скончался Угедей-каан, Бату, вследствие преклонного возраста, почувствовал упадок сил, и когда его потребовали на *курултай*, то он под [предлогом] болезни уклонился от участия [в нем]. Так как он был старший из всех [родичей], то из-за его отсутствия около трех лет не выяснялось дело [о звании] *каана*. Пришла старшая из жен Угедей-каана, Туракина-хатун. В это время разруха проникла на окраины и в центральные части государства. *Каан* сделал наследником престола своего внука Ширамуна, но Туракина-хатун и некоторые *эмиры* не согласились и сказали: «Гуюк-хан старше» — и для возведения его на престол опять попросили Бату. Хотя он и был обижен на них и опасался печальных событий из-за прежних отношений, но все же тронулся в путь и двигался медленно. [Еще] до его прибытия и появления родичей они собственной властью утвердили *каанство* за Гуюк-ханом. Так как Гуюк-каан страдал неизлечимой болезнью, то под предлогом того, что «вода-де и воздух старинного *юрта*, который дал еще отец, для меня полезнее», со всем войском направился в пределы Эмиль-Куджина.

Когда Бату подошел близко к тому месту, он стал немного опасаться. Соркуктани-беги, старшая жена Тулуй-хана, на основании той дружбы, которая со времен Чингиз-хана установилась и укрепилась между Джучи и Тулуй-ханом и родами обеих сторон, тайно прислала весть, что прибыл Гуюк-хан в те края не без хитрости. В связи с этим подозрения Бату усилились, и он с предосторожностями и осмотрительностью ожидал прибытия Гуюк-хана. Сам же [Гуюк-хан], когда прибыл в пределы Самарканда, в местность, от которой до Биш-Балыка одна неделя пути, скончался в 640 г. х. [1 июля 1242 — 20 июля 1243 г.] от болезни, которой страдал. Снова трон долгое время оставался не занятым государем, и опять правила Туракина-хатун.

Соркуктани-беги, когда распространилась молва о болезни Бату, отправила к нему своего сына Менгу-каана под предлогом навестить больного. Бату обрадовался его прибытию и, поскольку он воочию увидел на нем признаки блеска и разума и будучи [кроме того] обижен на детей Угедей-каана, сказал: «Менгу-каан — старший сын Тулуй-хана, который был старшим сыном Чингиз-хана; коренной *юрт* и место [Чингиз-хана] принадлежат ему. Этот царевич сам по себе очень умен и даровит и подготовлен к царствованию. При наличии его каким образом *кааном* станет кто-либо другой? Тем более, что дети Угедей-каана поступили вопреки словам отца и не отдали власти Ширамуну и, преступив древний закон и обычай, не посоветовавшись с родичами, ни за что убили младшую дочь Чингиз-хана, которую он любил больше всех [своих] детей и называл Чаур-сечен. По этой причине *каанство* им не подобает». Он сам возвел Менгу-каана на *каанство* и заставил всех своих братьев, родственников и *эмиров* подчиниться ему. Он послал вместе с ним своего брата Берке и своего сына Сартака, который был наследником престола, с тремя *туманами* войска, дабы они в местности Онон и Келурен, которая была коренным *юртом* Чингиз-хана, посадили его на престол *каанства* и трон миродержавия и исправили и загладили бы козни детей Угедей-каана, замысливших вероломство.

В общем, передача *каанства* дому Тулуй-хана и утверждение [ими] прав за собой произошли благодаря способностям и проницательности Соркуктани-беги и помощи и содействию Бату, вследствие дружбы с ним. После этого до конца его жизни, а после его смерти, во времена Сартака и Улагчи, и большую часть времени Берке между домами Тулуй-хана и Бату был проторен путь единения и дружбы.

И еще при жизни Бату Менгу-каан назначил своего третьего брата, Хулагу-хана, с многочисленным войском в Иранскую землю и определил [выделить] из войск каждого царевича по два человека с десятка, дабы они отправились вместе с Хулагу-ханом и стали его помощниками. Орда отправил через Хорезм и Дехистан своего старшего сына Кули с одним *туманом* войска, а Бату послал через Дербенд Кипчакский Балакана, сына Шейбана, и Тутара, сына Мингкадара сына Бувала, седьмого сына Джучи-хана, чтобы они, прибыв, стали подкреплением войску Хулагу-хана, служили ему. А Бату скончался в 650 г. х. [14 марта 1252—2 марта 1253 г.] в местности... на берегу реки Итиль. Жития его было сорок восемь лет. Менгу-каан встретил прибытие его [Бату] сына Сартака с почетом, утвердил за ним престол и государство и дал [ему] разрешение на отъезд. В пути его [Сартака] также не стало. Менгу-каан послал гонцов, склоняя и располагая [к себе] его жен, сыновей и братьев, и также пожаловал Улагчи [сыну Бату] престол и царство отца и отличил всех разными милостями и ласками. Улагчи также в скором времени скончался и оставил другим престол и царство.

Рассказ о восшествии Берке на престол улуса Джучи-хана и об обстоятельствах [его] жизни

Когда Бату скончался и его сыновья Сартак и Улагчи, которые были назначены ему преемниками, скончались один за другим и [когда] его младший брат Берке в 652 г. х. [21 февраля 1254 — 9 февраля 1255 г.] воссел на его место, то его повеления стали неукоснительно исполняться в его *улусе*, а он по обычаю поддерживал с домом Тулуй-хана искреннюю дружбу, идя по пути преданности, благорасположения и единения. В 654 г. х. [30 января — 20 декабря 1265 г.] Балакан, который был в этом государстве, задумал против Хулагу-хана измену и предательство и прибегнул к колдовству. Случайно [это] вышло наружу. Учинили о том допрос, он тоже признался. Для того чтобы не зародилась обида, Хулагу-хан отослал [Балакана] с *эмиром* Сунджаком к Берке. Когда они туда прибыли, была установлена с несомненностью его вина, Берке отослал его [обратно] к Хулагу-хану: «Он виновен, ты ведаешь этим». Хулагу-хан казнил его. Вскоре после того скончались также Татар и Кули. Заподозрили, что им с умыслом дали зелья. Поэтому у них возникло недовольство [друг на друга] и Берке стал враждовать с Хулагу-ханом, и, как это будет рассказано в повествовании о Хулагу-хане, они сразились в шаввале 660 г. х. [август 1262 г.]. Войска, прибывшие с Кули и Тутаром в это государство, большей частью разбежались, которые вышли через Хорасан и расположились от гор Газны и Бини-Гау до Мултана и Лахавура, которые являются границами Хиндустана. Старшим из *эмиров*, которые были их предводителями, был Никудер, а Ункуджене, из *эмиров* Хулагу-хана, шел за ними по пятам. Другие через Дербенд добрались до своих жилищ. Эта распря между Берке и Хулагу-ханом оставалась в продолжение [всей их] жизни. Полководцем Берке был Нокай, сын Джарука сына Тумакана сына Кули, царевич очень отважный и удалой. Когда Хулагу-хан в 663 г. х. [24 октября 1264—12 октября 1265 г.] скончался на зимнем стойбище Чагату и на место его воссел сын его Абага-хан, то между ними и Берке все так же продолжалась вражда. В 663 г. х. [24 октября 1265—12 октября 1266 г.] Берке вернулся в пределы Ширвана с войны с Абага-ханом и, пройдя через Дербенд, умер близ реки Терек, в 664 г. х. [13 октября 1265—1 октября 1266 г.] Вот и все!

[...]

Повествование о Кубилай-каане.

Рассказ о враждебных отношениях Алгу к Ариг-Буке, о причинах этого; о битве, данной им войску Ариг-Буки, о поражении Алгу и о том, как [впоследствии] он снова обрел силу, о бедственном положении Ариг-Буки и о том, как разбежался его сброд

Когда Алгу, сын Байдара сына Чагатая, которого Ариг-Бука назначил главою *улуса* Чагатая и которого отправил [туда], прибыл в Туркестан, у него собралось около ста пятидесяти тысяч всадников.

Ургана-хатун, которая правила *улусом* Чагатая, [сама] отправилась в столицу Ариг-Буки, а Алгу, Никпей-Огул с пятью тысячами всадников, из *эмиров* — Учачара, из *битикчиев* — Сулейман-бека, сына Хабаш-амида, из *яргучиев* — Абишку послала в Самарканд, Бухару и области Мавераннахра, дабы они охраняли рубежи того края выполняли приказания Алгу. Когда они прибыли в те пределы, то убили всех *нукеров* Берке и зависимых от него людей, вплоть до потомка *шейха-ал-ислама*, Бурхан-ад-дина, сына знаменитого *шейха* Сей-ад-дина Бухарзи, которого они также зверски умертвили. Они забрали все имущество тех людей, движимое и недвижимое; некоторые редкостные вещи отослали Никпей-Огулу, а Учачар отправился в Хорезм [...]. Алгу, дела которого благодаря этому снова стали устойчивы, — он собрал рассеявшееся войско, сразился один раз с войском Берке, разбил его и разграбил Отпар. [...]

Летопись султанов [румских] [...]

Когда войско Берке дошло до Стамбула, его [Изз-ад-дина Кей-Кавуса II] отвели к Берке, [который] дал ему *султанство* над городом Крымом, и там он скончался. [...]

Повествование о Хулагу-хане [...]

Рассказ о происшествии разногласий между Хулагу-ханом и Беркеем, прибытии Нокая с передовым отрядом Беркея на войну с этой стороны и поражении его в местности Дербент

Когда Хулагу-хан завоевал большую часть Иранской земли, покончил с делом врагов и противников, которые оставались в разных углах, и занялся приведением в порядок и устройством дел владения, сердце его было раздосадовано захватом власти Беркеем, потому что вследствие того, что Бату его в сопровождении Менгу-каана отправил в столицу Каракорум посадить его [Менгу-каана] на престол в кругу родичей, он некоторое время служил неотлучно у престола Менгу-каана, он [Беркей], опираясь на это, непрестанно слал гонцов к Хулагу-хану и проявлял свою власть. Оттого, что Беркей был старшим братом, Хулагу-хан терпел. Когда с родственниками его [Беркея] Тутаром, Булгаем и Кули произошло событие, между ними появились и изо дня в день росли вражда и ненависть. В конце концов Хулагу-хан сказал: «Хотя-де он и старший брат, [но] поскольку он далек от пути скромности и стыдливости и обращается ко мне с угрозами и понуждениями, я больше не буду с ним считаться». Когда Беркей узнал об его гневе, он сказал: «Он разрушил все города мусульман, свергнул все дома мусульманских царей, не различал друзей и врагов и без совета с родичами уничтожил *халифа*. Ежели господь извечный поможет, я взыщу с него за кровь невинных». И он послал в передовой рати Нокай, который был его полководцем и родственником Тутура, с тридцатью тысячами всадников отомстить за кровь. Тот перешел Дербент и расположился на виду Ширвана. Когда Хулагу-хан проведал [об этом], он повелел, чтобы из всех владений Ирана выставили ополчение и в секизидж-месяце, соответствующем 2-му шаввала лето 660 [20 августа 1262 г.], он выступил из Аладага. Ширемун-нойона он отправил в передовом отряде. В месяце зи-л-хиджде он с Самагар-нойоном и Абатай-нойоном прибыл в Шемаху. Войско Беркея ударило на Ширемуну и перебило великое множество [людей], а Султанчука убили в реке. В среду, последний день месяца зи-л-хиджде [660 г., 14 ноября 1262 г.], подоспел Абатай-нойон и в одном *фарсанге* от Шаберана напал на рать Беркея и многих из нее перебил. Нокай же бежал. Когда Хулагу-хан узнал о поражении врага, он во вторник 6 мухаррама лета 661 г. выступил из окрестностей Шемахи с намерением сразиться с Беркеем. На той стоянке несколько айгаков напали на Сейф-ад-дина *битикчия*, который был государевым *везиром*, на *ходжу* Азиза, из *валиев* Грузии, и на тебризского *ходжу* Маджд-ад-дина. Схватив, их доставили в Шаберан и после суда всех троих казнили. В ночь на четверг 8 мухаррама судили звездочета Хусам-ад-дина и после установления вины, за багдадское свидетельство, казнили, а тебризский *мелик* Садр-ад-дин и Али-мелик, который был *хакимом* Ирак-и Аджама и части Хорасана, отделались каждый несколькими палочными ударами. В пятницу 23 числа месяца мухаррама 661 года [7 декабря 1262 г.] вышел указ, чтобы все войска, вооружившись, двинулись в путь. На восходе солнца они подошли к Дербенту Хазарскому. Толпа врагов находилась на крепостной стене Дербента. Их прогнали с этой стороны выстрелами из луков, отняли от врага стену, взяли Дербент и завязали бой по ту сторону Дербента. Врагу было нанесено поражение. Бились до конца дня субботы. В первый день месяца сафара Нокай со своей ратью вдруг обратился в бегство, и войска Хулагу-хана обрели победу и славу. [Хулагу-хан] в помощь им еще раньше послал Абага-хана с огромным войском. После поражения Нокай Ширемун и Абатай сказали ему: «Пусть-де царевич возвращается на служение к отцу, мы же как можно скорее отправимся вслед за врагом», — но из рвения и мужества он не согласился. От Хулагу-хана вышел указ, чтобы Элькэй-нойон, Тудан-бахадур, Бату, Сальджидай, Чаган, Буларгу и Догуз отправились вслед за врагом и забрали жилища воинов Беркея. В силу [этого] указа они переправились через реку Терек. Жилища всех *эмиров*, вельмож и воинов Беркея сияли в той степи. Кипчакская степь была сплошь в палатках и больших шатрах, а земля та полна лошадей, мулов, верблюдов, коров и овец, а ратных людей их ни одного не было в жилищах. Все бежали, бросив жен и детей. Наши войска расположились в их жилищах и спокойно на

досуге наслаждались и развлекались три дня и пировали и веселились с луноликими девами с надушенными *амброю* кудрями. Когда Беркей и воины проведали о судьбе жилищ, семей, челяди, добра и скота, собрали превеликое, словно муравьи и саранча, полчище и, пройдя простор той степи, напали на *эмиров* и *войско*. Первого числа месяца раби-ал-авваль упомянутого года [13 января 1263 г.] на берегу реки Терека они от зари до конца дня бились жестоким боем. Так как мало-помалу к врагу прибывала помощь, наша рать обратилась вспять. Река Терек замерзла, и стали переправляться через нее. Вдруг [лед] проломился и множество войска утонуло. Абага-хан невредимый прибыл и расположился в Шаберане. Беркей с ратью, пройдя Дербент, вернулся назад, а Хулагу-хан 11 числа месяца джумада-ал-ахыр [28 апреля] достиг окрестностей Тебриза. После этой беды [Хулагу-хан], расстроенный и с удрученным сердцем, занялся возмещением и исправлением потерь и приказал, чтобы во всех владениях приготовили оружие. Войска в другой раз были снаряжены добром и оружием. На другой год пустили молву, что Нокай решил выйти за Дербент. Хулагу-хан послал туда лазутчиком через горы Легзистана *шейха* Шерифа Тебризи. Он добрался до кочевья Нокая. [Там] его поймали и отвели к Нокаю. Он расспросил его обстоятельно и, между прочим, спросил: «Что ты знаешь о Хулагу-хане. Он все еще из гнева и ярости убивает наших вельмож, сановников, подвижников, благочестивых людей и купцов, или нет?». [Шейх] ответил: «Государь раньше гневался на противление братьев и сжег сухое и сырое, а ныне

Благодаря его правосудию огонь не сжигает шелка,
А козуля доит молоко у львицы;
От справедливости его люди обрели покой,
Все тираны растоптаны и жалобно стонут.

Недавно из Китая прибыли гонцы [с вестью], что Кубилай-каан воссел на престол, а Арик-Бокэ покорился его приказу, Алгу же скончался, а Хулагу-хану вышел *ярлык*, что он-де государь от реки Амуйе до дальних пределов Сирии и Мисра и тридцать тысяч монгольских удальцов ему отправили на помощь».

Нокай от этих речей испугался и растерялся. Щеки его пожелтели, он замолк и больше не сказал ни слова. *Шейх* Шериф явился к его высочеству Хулагу-хану и доложил обстоятельства. [Хулагу-хан] *шейха* обласкал и украсил лик земли справедливостью и правосудием. Аминь. [...]

Повествование об Абага-хане [...]

Рассказ о битве войска Абага-хана с Нокаем и Беркеем, их поражении и обращении в бегство

В начале века Абага-хана толпа противников и завистников покушалась на эти края, и в другой раз Нокай со стороны Дербента двинулся полным войском отомстить за кровь Тутара. Дозорные известили об его прибытии, и царевич Юшумут 4 числа *алтынч*-месяца года быка, соответствующего 3 шаввала лета [6]63 [19 июля 1265 г.], согласно указу воссел [на коня], чтобы отразить Нокая. Он перешел через реку Куру и близ Чаганморена, который называют Аксу, обеим ратям случилось встретиться. С обеих сторон построили ряды и завязали бой. Многие с обеих сторон были убиты, а Куту-Бука, отец Тогочар-аги, в этой битве совершал удалые подвиги, пока не был убит. Нокаю тоже стрела попала в глаз, и рать его обратилась в бегство и дошла до Ширвана. Абага-хан переправился через Куру, а с той стороны подоспел Беркей с тремястами тысяч всадников. Абага-хан с войском опять перешел на этот берег и приказал, чтобы прервали переправы. Обе стороны на обоих берегах реки Куры построили лагери кольцом и стали стрелять друг в друга стрелами. Беркей пробыл четырнадцать дней на берегу реки, и так как переправиться было невозможно, он двинулся в Тифлис, чтобы там перейти через реку. По пути он занемог и скончался. Гроб с ним отправили в Батуеву [столицу] Сарай и похоронили.

В 664 году [1265/1266 г.] Абага-хан приказал, чтобы по ту сторону реки Куры от Далан-наура до степи Курдаман, смежной с рекой Курой, построили вал и вырыли глубокие рвы. На защиту их назначили отряд монголов и мусульман, и с обеих сторон стали ходить туда и обратно караваны [...].»

ИЗ «ИСТОРИИ» ВАССАФА

Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Фазлаллах, родом из Шираза (род. в 663 (1264/65) г., ум. в 735 (1334/35) г.), известный под почетным титулом «Вассаф-ул-хазрет» — «панегирист его величества» является автором исторической хроники «Китаб таджзийат ал-амсар ва тазджият ал-асар» («Книга разделения областей и прохождения времен»), более известная под названием «Тарих-и Вассаф», была написана в 1312 г. Вассаф начал писать свое сочинение в шабана 699 г. (22 апреля — 20 мая 1300 г.) в качестве продолжения сочинения Джувайни. Первые четыре части его сочинения, охватывающие период до 710 г.х., были поднесены султану Улджейту и его везиру и придворному врачу Рашид ад-Дину. Пятая часть, составленная около 1328 г., содержит обзор истории Чингиз-хана, Джучидов и Чагатаидов и продолжение истории Хулагидов до 723 г.х. (1323 г.).

Источник цитируется по изданию: Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л., 1941. С. 80–82, 84–86

«О причинах вражды, происшедшей между Хулагу-ханом и Берке-огулом»

В то время, когда государь — завоеватель мира Чингиз-хан сделался владыкою и повелителем царей и царств и мира и разделил края и страны между четырьмя сыновьями [своими] — Туши, Чагатаем, Угетаем и Тулуем — и назначил им становища и *юрты* в четырех странах света так, как было решено умом и найдено правильным его безграничной проницательностью, — подробное исчисление округов и областей изложено и упомянуто в «Тарих-иджехангушай», — Чагатаю были отведены пространства становищ от пределов окраин уйгурских до границ Самарканда и Бухары; обычное местопребывание его всегда находилось в окрестностях Алмалыга. Угетай, который в благополучный век [своего] отца должен был быть преемником *султанства* [Чингиз-хана], пребывал в пределах Эмиля и Кубака, столицы *ханства* и центра государства. *Юрт* Тулуя находился по соседству и в сопредельности [с владениями] Угетая, а земли в длину от краев Каялька и Хорезма и крайних пределов Саксина и Булгара до окраин Дербенда Бакинского он предназначил старшему сыну Туши. Что позади Дербенда, называемого Демир-капук [Железные ворота], то всегда было местом зимовки и сборным пунктом разбросанных частей войска его [Туши]; по временам они делали набеги до Аррана и говорили, что Арран и Азербайджан также входят в состав владений и становищ их [Джучидов]. Вот почему с обеих сторон, хулагидской и джучидской, стали проявляться, одна за другой, причины раздора и поводы к озлоблению.

Зимой 662 г. [4 ноября 1263 — 23 октября 1264 г.], когда ювелир судьбы [мороз] превратил реку Дербендскую как бы в слиток серебра, [когда] закройщик зимней шубы скроил горностаевую одежду соразмерно длине и ширине покатоостей холмов и долин и [когда] гладь речной поверхности на один дротик [вглубь] затвердела как части камня, то войско монгольское, [которое было] отвратительнее злых духов и бесов, да многочисленнее дождевых капель, по приказанию Берке-огула точно огонь и ветер прошло по этой замерзшей реке. От ржания быстроногих [коней] и от брядания [оружия] воинов поверхность равнины земли наполнилась грохотом ударов грома и сверканием молнии. Распалив огонь гнева, они дошли до берега реки Куры. Для отражения искр злобы их Хулагу-хан выступил навстречу со снаряженным войском. После боя и сражения он обратил их в бегство и затем повел войско в погоню [за ними]. В Дербенде Бакинском они снова расстелили поле битвы и уперлись стопами нападения. Из войска Берке не уцелел ни великий, ни малый и [почти] весь народ был перебит; остальные, потерпев поражение, обратились в бегство. Хулагу-хан не дал [своему] войску позволения вернуться, и они [его воины] без стеснения стали переправляться через поверхность замерзшей реки. Таким образом, день за днем, стоянки неприятелей становились привалами *ильханского* войска. Когда оно [наконец] расположилось на равнине владений царевича [Берке], то у Берке-огула, вследствие поражения и расстройств его войска и победы и торжества государя, истребителя врагов, запылало пламя гнева. Он отдал приказание, чтобы все войско, из каждого десятка по 8 человек, село на коней и принялось за состязание и борьбу. Они неожиданно нагрянули на войско *ильхана*, преградили им путь улаживания и примирения и отверзли длань произвола, чтобы пространство своих областей очистить и освободить от бедствий захвата и насилия чужеземцев. Прогнав их, они несколько переходов гнались вслед [за ними].

Когда государь, сожигатель врагов [Хулагу], ушел в свой *стан* благополучия, он приказал казнить всех *ортаков* Берке-огула, занимавшихся в Тебризе торговлею и коммерческими сделками и владевших бесчисленным и несметным имуществом, и отобрать [у них] в казну имущество, какое найдется. Между этими людьми было много таких, которые известным тебризским людям доверили капиталы и товары; после умерщвления их, имущества эти остались в руках тех, которым они были доверены. В отместку Берке-огул также умертвил [у себя] купцов из земель, [принадлежавших] к владениям *ханским*, и стал таким же образом поступать с ними [этими владениями]. Путь для выезда и въезда и для путешествия торговых людей, как дело разумных людей, сразу был прегражден, а из сосуда времени вырвались *шайтаны* смятения. Около этого времени *каан* отправил посла, который произвел новую перепись (*шумаре*) Бухары. Из общего числа 16 000 [человек], которые были сосчитаны в самой Бухаре, 5000 [человек] принадлежало [к улусу] Бату, 3000 — Кутуй-беги, матери Хулагу-хана, остальные же назывались «*улуг кул*», т. е. «великий центр», которым каждый из сыновей Чингиз-хана, утвердившись на престоле *ханском*, мог распоряжаться как [своей] собственностью. Эти 5000, принадлежавшие Бату, вывели в степь и на языке белых клинков, глашатаев красной смерти, прочли им смертный приговор. Не были пощажены ни имущество, ни жены, ни дети их. Так как перед глазами разума разостлано правило, что «и любовь наследственна и ненависть наследственна», то после смерти Берке-огула, сын его, Менгу-Тимур, заступивший место его, разостлал с Абака-ханом ковер старинной вражды.

Между ними несколько раз происходили нападения и отступление [т. е. стычки]. Однажды 30 000 всадников мечебойцев и дротикометателей, принадлежавших Абака-хану, во время возвращения и переправы через реку, когда льдины разломались, все утонули и погибли, опечатав на поверхности льда результат дней [своей] жизни. После этого Абака-хан, когда ему стали известны многочисленность [джучидского] войска и его отвага, построил с этой [*ильханской*] стороны Дербенда стену, называемую Сибе с тем, чтобы дальнейшее вторжение и притязание этого смущающего мир войска стало невозможным. Эта вражда была постоянною и продолжительною, а избегание между обеими сторонами оставалось до времени царствования Гейхату-хана. [...]

Конец дела Чингизханова...

В 626 г. [30 ноября 1225 — 19 ноября 1226 г.] Угетай-каан назначил в [разные] страны света, от одного конца до другого огромные войска со [своими] братьями и *нойонами*; [между прочих] отправил Куктая и Сунтай-нойона с 30 000 всадников в сторону Кипчака, Саксина и Булгара.

О Джучи

Когда Джучи вернулся от Чингиз-хана, то вскоре [предпринял новый] путь, который был путем против [его] желания, в другой мир, а кроме него [этого пути] нет великой завесы. От него осталось 7 сыновей, которые были 7 звездами на небосклоне *ханства* и 7 членами, составившими тело государства: Хорду, Бату, Бурунтай, Тангут, Берке, Беркечар и Бука-Тимур. Из них Бату, который отличался пронизательностью, правосудием и щедростью, сделался наследником царства отцовского, а четыре личные тысячи Джучиевы — Керк, Азан, Азль и Алгуй, — составлявшие более одного *тумана* живого войска, находились под ведением старшего брата Хорду. Ставкую Бату были окрестности реки Итиль. Он основал город, пространство которого было столь обширно, как помыслы его, и эту весело распевающую местность назвал «Сарай». Хотя он был веры христианской, а христианство это противно здравому смыслу, но [у него] не было склонности и расположения ни к одному из религиозных вероисповеданий и учений, и он был чужд нетерпимости и хвастовства.

На втором *курултае* мнение утвердилось на том, чтобы обратить победоносный меч на голову вождей русских и асских за то, что они поставили ногу состязания на черту сопротивления. На это дело были назначены из царевичей: Менгу-каан, Гуюк, Кадакан, Кулькан, Бури, Байдар и Хорду с Тангутом, которые оба отличались стойкостью на поле битвы, да Субатай-бахадур. С наступлением поры дуновения весеннего ветра они двинулись [в поход] и сошлись в пределах Булгарских; [затем] армия направилась в земли Русские, чтобы взять город Р.м.л.ш., наполненный войском, которое было многочисленнее саранчи и ожесточеннее мошек в сухую погоду. Они [монголы] по своему обыкновению произвели там грабеж и разбой. Согласно приказанию они отрезали убитым уши и насчитано было 270 000 ушей.

Царевичи с старшими *эмирами* и родовитыми людьми, победоносные и довольные, ушли восвояси. Бату стало подмывать желание покорить келарей и башгирдов, исповедовавших веру Иисусову. Могуущественный царевич двинулся в поход. Они [неприятели], рассчитывая на неприступность [своих] крепостей, также явились на бой с 400 000 всадников, из которых каждый равнялся защите целой армии храбрецов. При встрече обеих сторон преградой между [ними] оказалась глубокая река. Бату послал своего сына с одним *туманом* для переправы [через реку], а сам, взошедши на вершину холма, смиренно и немощно молился всевышнему, единственному подателю благ, бодрствовал [всю] ночь с сердцем, пламеневшим, как светильник, и с душою, веявшею, как утренняя прохлада, провел ночь до [наступления] дня. На другой день, по восходе солнца, войска с обеих сторон выстроились в боевой порядок. Сартак с одним *туманом* ринулся навстречу врагу; этот отряд спустился по склону горы в точности как горный поток. Подобно обрушивающейся [на людей] predetermined судьбою беде, которую никто не в состоянии отразить, они [монголы] устремились на лагерь врага и мечами разрубили канаты шатровых оград точно так [как рассекаются] узы дружбы с негодяями. Страх и ужас овладели бесподобными жителями Келара; большую часть войска [их монголы] сделали добычею львов и пищею гиен. Страны эти также были присоединены к [своим] странам.

В месяцах 653 г. [10 февраля 1255—29 января 1256 г.], когда Менгу-каан устроил *курултай*, он [Бату] отправил Сартака к высочайшему, как небесный свод, престолу. Не успел он [Сартак] еще вернуться, как Бату к кончику покрывала невесты *ханства* уже привязал троекратный развод. Взысканный разными милостями и благодеяниями [каана] Сартак прибыл в коренную столицу, но без долгого промедления по необходимости последовало прекращение всего. Согласно указу Менгу-каана, Боракин-хатунь, самая старшая из жен [Бату], принялась за управление делами государства и за воспитание сына Сартакова, Улагчи. Улагчи также в короткое время истратил капитал своей жизни и *ханскую* корону получил Берке-огул. Войску его привелось несколько раз сразиться с войском Хулагу-хана, а когда очередь *ханствования* дошла до Менгу-Тимура, то ему также пришлось идти с Абака-ханом по пути столкновения, как об этом уже подробно было сказано.

О сыновьях Джучи-хана...

Джучи был старший сын Чингиз-хана, владевший Саксином, Кипчаком, Хорезмом, Булгаром, Крымом и Укеком до Руси. После него сын его Бату по пути наследства оказался достойным венца и перстня [*ханского*]. Затем сын его [Бату] Сартак, согласно *ярлыку* Менгу-каана, стал править палаткой *султанства*, но вскоре из этой непостоянной обители переселился в стоянку неизбежную. Когда он отошел в подземелье пресечения [жизни], то солнце *ханствования* еще не вполне взошло над братом его, Улугчи, который как и он, против [своего] желания, поспешил гонцом почты смерти по стопам отца. Потом брат Бату, Берке-огул, гордо прошелся по лугу *султанства*, а вслед за ним Менгу-Тимур, сын Тукана и внук Бату, устави ногу на длань миродержавия, но и его кафтан жизни сузился на теле его бытия, и брат его [Менгу-Тимура], Тудай-Менгу, стал выбивать чекан на лицевой стороне золота. Вследствие распушенности его, Алгуй, сын Менгу-Тимура, да Тула-Бука и Кунчек, сыновья Тарбу, упрятали его, как вышедшую из обращения золотую монету, на дне мощны отставки и пять лет сообща в этом *улусе* на доске царской метали жребий приказа и запрещения [...].

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «ЛЕТОПИСИ» СЕБАСТАЦИ

Автор рукописи неизвестен, возможно, что он жил в г.Себастии, потому его и называют Себастаци. «Летопись» Себастаци начинается с I в. н.э. и доводится до 1220 г., после чего связное изложение прерывается описанием некоторых отдельных эпизодов, как-то: нашествие Джалал ад-Дина Манкбурны на Кавказ и его столкновение с татарами, захват Чармагуном Гандзака, наступление Байджу-нойона на Румский султанат и т.д. С 1254 по 1297 г. включительно изложение событий опять дается последовательно. Рукописи Себастаци хранятся в Матенадаране.

Текст печатается по изданию: Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII—XIV вв. Перевод с древнеармянского, предисловие и примечания А.Г.Галстяна. М., 1962. С. 23, 24, 26, 27.

«В году 669 армянского летосчисления (1220) 20 тысяч татар вышли из страны Чина и Мачина, вышли через долины страны Агвани и дошли до области Гугарк. Разоряя все на своем пути, они достигли Тбхиса, но быстро вернулись обратно, ибо их преследовал грузинский царь Лаша.

Лаша и Иване выступили против татар, но те [уклонились] и хотели со всем своим имуществом пройти через Дербент в свою страну, а войска турок, которые были в Дербенте, не пропустили их, тогда они (татары) пересекли труднопроходимые места Кавказских гор и ушли. Предводителем их был Субэдэ-багатур.

[...]

В году 671 (1222) татары хотели снова возвратиться в Грузию и Армению, но так как армяне и грузины подготовили войска для сопротивления, они против них не осмелились выступить.

В году 674 (1225) два сына хорезмского *шаха* потерпели поражение от татар, были вытеснены из своей страны и хорасанский *султан* Джелал был поставлен татарами в затруднительное положение. [...]

[...]

В году 678 (1229) появилось бесчисленное количество татар под предводительством Чармагана. Они вторглись в шахестан Гандзак, захватили его и зверски истребили жителей, угнав в плен женщин и детей.

Этому разгрому предшествовали явные знамения: земля потрескалась, и оттуда вышла черная вода, а находящееся у самого города очень высокое сосновое дерево Чандари упало и вновь встало на свое место, как прежде. Так повторялось три раза, затем оно все же упало. После этого [татары] вторглись в царство Грузию, разделили все области между знатными *нуинами* и вождями, так они захватили всю страну.

В году 680 (1231) татары выступили и заняли Ерзнка и изрубили всех как луковицу.

[...]

В году 691 (1242) Бачу-нуин сменил Чармагана. По приказу *хана* он занял город Карин, увел в плен видного и богатого *парона* Умека вместе с его родственниками и сыновьями, а также *парона* Огана.

В году 692 (1243) татары захватили Кесарию, затем Себастию и вернулись в Ерзнка, где безжалостно истребляли всех, кто им сопротивлялся.

В году 694 (1245) захватили Хлат и передали Тамте, сестре Авага, которая была замужем за Мелик-Ашрафом.

В году 698 (1249) Бачу и его знатные люди заподозрили грузинского царя и других князей [в намерении] восстать, схватили грузинского царя Давида, а всех остальных заковали в цепи и приговорили к смерти. С божьей помощью им удалось избежать этой участи, но множество иных мужчин [татары] истребили, а женщин обесчестили.

[...]

В году 703 (1254) произошло землетрясение в Ерзнка и Себастии. В воскресенье, 28 [армянского месяца] ахки (11 октября) разрушился Ерзнка, погибло 16 тысяч человек. Мангу-хан приказал в покоренных им странах провести перепись, переписчиком был Аргун. Он обложил налогами поголовно [всех], не только мужчин, но и женщин, стариков и даже детей.

Этим они причинили страшное горе населению, ибо лишили людей доходов и сами стали пользоваться ими.

В том же году христоробивый армянский царь Гетум отправился на север к великому *хану* Бату, который был из рода Чингис-хана, а оттуда к Мангу-хану.

С большим почетом спустя год он возвратился в свою страну.

В году 704 (1255) великий Хулагу-хан, брат Мангу-хана, с несметным войском и с большими и грозными полномочиями двинулся на Персию, Армению, Грузию, Сирию и Албанию. Он отдал приказ всем своим войскам, главнокомандующим которых был Бачу, сняться со своего места в Мугане, с тем чтобы самому занять это место, и они снялись и двинулись на страну Рума, а *султан* бежал в Алайан.

Они (татары) захватили все страны до самого моря и властвовали над всеми этими странами.

В том же году Хулагу-хан отправился в страну мулхетов и захватил Аламут. На обратном пути через Грузию он с любовью почтил грузинского царя Давида и князей страны.

В году 705 (1256) умер Бату — великий властитель Севера, а сын его отправился к Мангу-хану, последний почтил его и отдал ему власть отца, признав вторым правителем после себя. Но когда он вернулся в свои владения и так как был другом христиан, его родственники Баркай и Баркачанин, принявшие мусульманство, отравили его. Это была большая скорбь для христиан.

В этом же году Гада-хан наступал на Камах. Был страшный голод, одна курица стоила один декан, один лошадиный подмаренник (?) — сорок сребреников, появился Тер-Саркис и со всех крепостей собрал дань.

В году 707 (1258) храбрый Хулагу захватил Багдад [...].»

ИЗ «ЛЕТОПИСИ» СТЕПАНОСА ЕПИСКОПА

«Летопись» Степаноса епископа является погодной записью, в которой излагаются события, происходивших в течение XIII века на Ближнем и Среднем Востоке и в Закавказье. А.Г.Галстян перевел материалы «Летописи» на русский язык, начиная с событий, относящихся к вторжению татар в Закавказье, и кончая правлением ильхана Аргуна. «Летопись» Степаноса епископа хранится в Матенадаране.

Текст печатается по изданию: Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII—XIV вв. Перевод с древнеармянского, предисловие и примечания А.Г.Галстяна. М., 1962. С. 33–36.

«В году 669 армянского летосчисления (1220) появилась комета. Татары разбили грузин у реки Кроман. [...]

В этом году [1225] страна наша подвергалась бесчисленным грабегам, безмерным страданиям, ибо с юга воспламенялся огонь гнева, который поглощал красу нашей страны. Появился из Хорасана *султан* Джелал-ад-дин, сын хорезмского *шаха*. Он бежал от преследования народа стрелков. [...]

Затем мы были очевидцами истребления, которое, подобно волкам-людоедам, совершили [татары] в нашей стране. Еще не залечили [мы] раны, нанесенные хорезмийцами, как через 12 лет появился народ стрелков-татар, которые были необыкновенными людьми, страшными на вид и походили на ненасытных зверей. Они распространились по всей земле. Об их ужасных и гнусных преступлениях лучше молчать, чем говорить, ибо не расскажешь человеческим языком. Главарей их звали Чорман и Чагатай, о которых упомянем ниже. [...]

В году 680 (1231) татары разбили хорезмийцев и взяли Гандзак.

В году 681 (1232) татары вторглись в Хлат и захватили много добычи, а Кемял захватил Амид. [...]

В году 685 (1236) Чорман и Чагатай вторглись во всю нашу страну и захватили Ани, Карс, Лори и святую Марию. Они увезли Авага (сына *атабека* Иване) из крепости Каен.

В том же году турки захватили Эдессу (Урай), Харзс и разрушили их.

В году 686 (1237) умерли Аладин, Ашраф и Кемял.

В году 688 (1239) затмилось солнце и татары захватили город Карин и разрушили область. Турки захватили Карс.

[...]

В году 691 (1242) татары захватили город Карин, унесли как добычу много рукописей и церковную утварь. В нашей стране оказалось множество татар.

В году 692 (1243) татары истребили турок, захватили Ерзнка, Себастию и Кесарию.

В году 693 (1244) татары дошли до ворот Халеба и захватили [город] Багеш.

В году 694 (1245) татары завоевали земли Багдадского *халифа*.

В году 695 (1246) умер *султан* Рукн-ад-дин, а сыновья его ушли в Рум.

В году 696 (1247) умерла [царица] Русудан и Полат вторгся в Грузию.

В году 697 (1248) царь Давид чудом был спасен от руки Русудан [только после ее смерти], пришел от *хана* и воссел на трон.

В году 701 (1252) Мангу-хан, царствовавший над своим народом, стал властвовать над всем миром. В нашу страну пришла саранча.

В году 703 (1254) пришел всеразрушающий Аргун Аладин и провел всенародную перепись, наложил на всех поголовно налог.

В году 704 (1255) Хулагу-хан пришел в Аламут и захватил Мелитен, а Бачу отправился в Рум и разгромил *султана*.

Тут умер Бату — хан Севера — и его сын Сартах.

В году 706 (1257) Гада-хан разрушил город Ерзнка.

В году 707 (1258) Хулагу захватил Багдад [...].

[...]

В году 715 (1266) появился *хан* северных стран Барк, он расположился лагерем у реки Куры. По возвращении он умер. Египтяне вторглись в Киликию, разорили Сис и другие районы, пленили двух сыновей царя, убили Тороса, увели в плен Левона. Горе и печаль постигло Армению. [...]

ИЗ ПАМЯТНОЙ ЗАПИСИ, СДЕЛАННОЙ НА ЕВАНГЕЛИИ В ГОРОДЕ ХАРБЕРТЕ

Текст воспроизведен по изданию: Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII—XIV вв. Перевод с древнеармянского, предисловие и примечания А.Г.Галстяна. М., 1962. С.44.

«В году 685 армянского летосчисления (1236) нас постиг страшный божий гнев, появились с востока дикобразные, жестокие и кровожадные люди. Они были широкоплечие, с мускулистыми руками, большеголовые, с гладкими и взъерошенными волосами, узкоглазые, широколобые, плосконосые и редкородые. Их отношение к людям было беспощаднее, чем у зверей, и их настоящее имя было харататар. Если кто из них находил пищу, то съедал, а если нет, то не искал и не просил пищи. Они были настолько жестоки, что если бы я обладал самым

хорошим красноречием, то не смог бы рассказать те страдания и горести, которые они дали испить полной чашей в Араратской долине, особенно в городе Ани.

Я видел невыносимую печаль и страшные бедствия: много городов и крепостей [они] захватили и разрушили до основания ...».

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСЬ (ИЗ РУКОПИСИ 1248 г.)

Эта памятная запись была найдена в г.Нор-Джуга в монастыре Аменапкич. Автор записи пользовался народным преданием о происхождении татар, распространявшимся самими же завоевателями.

Текст воспроизведен по изданию: Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII—XIV вв. Перевод с древнеармянского, предисловие и примечания А.Г.Галстяна. М., 1962. С.45–47.

«Появился с северо-востока чужой и дикого вида народ, именуемый потомками Торгома и Агар, и, по грехам нашим, бог их гнал на нас, подобно буре, как это со скорбью предвещал нам святой отец Нерсес, ибо мы терпели всякие ужасы от народа стрелков, которых называли «острыми и легкими» или тур и ар, отсюда получается татар, так, как они бесстрашно напали на сыновей Сиона и увели в рабство и плен. Святой Нерсес их называл потомками Агари, которые частью владеют Скифией, находящейся между рекой Атиль и горой Эмавон, где обитают 43 племени, называющие себя на своем варварском языке хужакан. Сильнейший из этих народов — бушх, а другой — тугар, это, как я полагаю, и есть татары. Как мы сами слышали от них же, предки татар вышли из страны Туркестан и отправились на восток. Они жили в бедности и занимались разбоем и грабежом, у них не было богослужения. Они поклонялись солнцу и в целях колдовства имели войлочные иконы, которые они носили при себе. Спусти некоторое время кое-кто из них, чувствуя свое тяжелое положение, обратился к богу, и он пошел им навстречу, сделал все, чтобы помочь [им].

Они [сперва] напали на один небольшой город, прогнали хозяев, захватили его и разместились там, со временем собрав вокруг себя своих единоверцев, укрепились, выступили на Персию и захватили там власть. У магов они научились искусству колдовства и получили повеление от своих бесов выступать и смело покорять все страны, так как все они даны им богом в наследство. И это не удивительно, так как [когда] *король* Вавилона Навуходоносор зачарованный вошел в Иерусалим — это господь бог дал в его руки город, а персидский царь Кир после своей коронации был призван богом и направлен в Вавилон. Они также признали, что все делается по воле божьей, они сами рассказывали, что их появление произошло по велению самого бога.

Их единоверцы собрались по их команде, выбрали себе вождя, которого назвали *ханом*. Их разделили на три части: одна часть двинулась в сторону Индии, вторая — в Северные пустыни, а на долю третьей части досталась Персия, через которую они прошли к нам. Говорят, их военачальников было трое. Один из них был благочестивее, чем двое других, его звали Чагрман. Он сказал: «Хватит разорений и истреблений, после этого не следует истреблять всех наших покоренных, ибо этим мы можем разгневать бога». А те военачальники возразили, говоря ему: «Мы не должны оставлять в живых кого-либо, ибо бог идет нам навстречу», [после этого] они легли спать. Этой же ночью те двое, которые хотели проявить свою жестокость, умерли.

Воины были поражены и об этом сообщили *хану*. Хан велел действовать согласно совету Чагрмана: пощадить покорных и наложить на них подать, главнокомандующим назначили Чагрмана, ибо он единственный выразил божью волю, которая остается до сих пор.

О времени их появления предвещал великий Нерсес, говоря: «После моей смерти, когда пройдет 70 лет, произойдет это [нашествие татар]». И вот через 50 лет после предвещения святого [Нерсеса] они стали могущественными и победителями, после чего выступили на Восток и по исходе 28 лет появились в стране армянской. Они совершили много злодейств в стране, уничтожили города, крепости и разорили церкви и разными способами умерщвляли людей и захватывали их в плен. После всего этого они помирились с оставшимися в живых людьми, отдав им власть в стране, и заключили союз. В уцелевших церквах *клирикам* дали свободу, чтобы они свободно служили по правилам своей религии. Но они бесцеремонно требовали чрезмерные налоги как с людей, так и со скота, за исключением маленьких церквей и тому подобных сооружений, а также их служителей».

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «ЛЕТОПИСИ» СМБАТА СПАРАПЕТА

Видный армянский государственный и военный деятель XIII века Смба́т Спа́рапет родился в 1208 году в Киликийской Армении. Смба́т Спа́рапет — выходец из рода Хетумидов, его братом был царь Хетум I. Смба́т Спа́рапет составил первый в Киликийской Армении судебник. В 1226 г. Смба́т был назначен на пост главнокомандующего вооруженными силами страны — спарапетом (гундстаблем) и на этом высоком посту оставался до конца своей жизни. В 1247 и 1253 гг. он совершал поездки в Каракорум к великим ханам Гуюку и Мункэ. Смба́т Спа́рапет погиб в марте 1276 г. в долине Сарвандикара в битве против войск египетского султана Бейбарса.

Смба́т Спа́рапет начинает свою «Летопись» с 951 года и доводит до 1271 года. К сожалению, «Летопись» не закончена, по всей вероятности, этому помешала смерть автора.

Текст воспроизведен по изданию: Смбат Спарапет. Летопись. Пер. с др.-арм., пред. и прим. А.Г.Галстяна. Ереван, 1974. С. 128–132.

«[...] При его царствовании до нас дошли слухи и известия о татарах, которые, завоевав города и крепости в верховьях Туркменистана, достигли Хорезма. Они разбили хорезмского *шаха* Дарбаина и обратили его в бегство. Тот перешел великую реку Джахун и остановился на ее берегах. Между тем татары завладели всем пространством между двумя реками — Джахуном и Гехоном, где находится великая столица Самарканд, и города Бухару, Каш, Нахшуб, Кермин и многие другие, которых я не могу перечислить письменно. Сам *шах* Хорезма, находясь на берегу реки, предполагал, что сможет спасти Хорасан и ту сторону реки. Но Чингиз-хан — глава татар, построил мост из связанных лодок, перешел Гехон и захватил великий город Самарканд в течение четырех дней, но не смог разрушить его за четыре года, потому что Самарканд по-турецки означает богатый город. И, действительно, он был великим и богатым. Они [татары] захватили также множество других городов. В эти дни татары вошли в Рум. Мать *султана* забрала свою дочь и бежала в Киликию, но монголы послали к царю Гетуму посла, который потребовал вернуть беглянок. В противном случае, сказали они, союз, который вы заключили с нами, будет недействителен.

Боясь вторжения татар в свою страну, он [Гетум] выдал [беглянок]. [...]

[...]

В 697 году армянского летоисчисления (1248) я, Смбат Гундстабль, отправился в Монголию и в 699 году армянского летоисчисления (1250) вернулся к моему брату, царю Гетуму. [...]

В 702 году армянского летоисчисления (1253) армянский царь Гетум переделся погонщиком и с небольшим числом людей оставил свою страну Киликию и отправился на Восток к народам стрелков, к Мангу-хану. Он с опаской прошел через земли исмаилитов, которые жили в стране Каппадокии. Проводником у него был некий инок, по имени Барсег, неоднократно ездивший по этой дороге. Они достигли местности, называемой Вардени, находящейся в районе Феодополя, и остановились в доме одного князя, по имени Курд. Там они пробыли до тех пор, пока из Киликии привезли дары, предназначенные для *хана*. Константин, отец *короля*, с верными людьми отправил Гетуму приготовленные подарки. После того, как царь получил эти великолепные дары, он поехал к Мангу-хану и преподнес их ему. *Хан* радостно принял царя Гетума и исполнил все его просьбы.

Он [Мангу-хан] поручил своим слугам, одноглазому Маркагею и Бачу, сопровождать царя Гетума до его страны Киликии. [...]

В 705 году армянского летоисчисления (1256) в сентябре месяце вернулся армянский царь Гетум от упомянутого выше Мангу-хана и по тому же пути, который он (раньше) прошел тайком, возвращался, подобно льву. Он благополучно прибыл в замок Бардзраберд, где находились его отец Константин, сыновья и дочери, очень обрадовавшиеся его возвращению. Затем в том же году в октябре месяце царь Гетум собрал всю свою армию, своих близких родственников и *азатов*, их число, говорят, доходило до 100 000 человек. С этими войсками он вторгся в область Рума, у подножья горы Тавр, возле города Аракли, по дороге к областям Екегецик и Муранд. Они там забрали много крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, мулов, рабов, золота, с большой добычей возвратились домой и много дней пировали. [...]

В 707 году армянского летоисчисления (1258) народ стрелков двинулся (с востока) и дошел до города Вавилона¹. [...]

ИЗ «ИСТОРИИ АРМЕНИИ» КИРАКОСА ГАНДЗАКЕЦИ

Армянский историк XIII в. Киракос Гандзакеци, автор «Истории Армении» — очевидец большинства описываемых событий. Предлагаемый источник включает ценные сведения по истории монгольского завоевания Закавказья и истории взаимоотношений между Улусом Джучи и государством Хулагуидов. «История Армении» Киракоса Гандзакеци делится на две части. В первой дан компилятивный обзор истории армянского народа с первых дней принятия христианства и до появления монголо-татар (*мугал-татар*). Вторая часть — самостоятельное изложение достоверной истории монголо-татарского завоевания Армении. Киракос Гандзакеци родился в самом начале XIII в. около 1200—1202 гг. в Гандзаке. Большая часть его жизни прошла в монастыре Нор-Гетик, пользовавшийся в Армении XII—XIII вв. широкой известностью. Весной 1236 г. Киракос Гандзакеци попал в плен к завоевателям. Монгольский военачальник взял его к себе в качестве писаря и секретаря, так как Киракос был знаком с персидским, турецким и арабским языками, позже он овладел и монгольским языком. Осенью 1236 г. Киракос удалось бежать из плена, он укрылся в монастыре Нор-Гетик. 19 мая 1241 г. Киракос приступил к работе над «Историей Армении». В 1255 г. он встретился с возвращавшимся после посещения Бату и Мункэ-каана киликийским царем Хетумом I. В 1268/69 г. Киракос Гандзакеци, которому в это время было около 66 лет, находился в Киликии. Умер Киракос Гандзакеци в 1271 г.

При публикации источника использовано издание: Киракос Гандзакеци. История Армении. Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л.А.Ханларян. М., 1976. С. 45, 137–139, 152–183, 192–198, 217–219, 221–228, 236–238.

**«Краткая история
периода, прошедшего со времени Святого Григора до последних дней,**

изложенная *варданетом* Киракосом в прославленной обители Гетик.

Краткая история

[...] Наше же начинание пусть никем не будет сочтено за дерзость, но скорее за благое дело, ибо разум наш вынуждает нас не умалчивать о таких бедствиях и несчастиях, о которых мы слышали своими ушами и [которые] видели своими глазами, ибо претворились в жизнь все пророчества святых, предсказавших задолго до этого напасти, кои должны были случиться и на деле случились с нами. О чем и говорил спаситель наш и господь бог Иисус Христос: «...восстанет народ на народ и царство на царство» (Матф., 24, 7; Марк, 13, 8), и «все же это начало болезней» (Матф., 24, 8; Марк, 1-3, 8) — явление сына погибели, о коем мы со страхом думаем, как бы не появился он в наши дни; ведь все дела, ныне происходящие, знаменуют это. Любовь иссякла, воцарилось бессердечие, благочестие ослабело, возросло неверие; у алтарей и на *литургиях* — безмолвие, священники безжалостно предаются мечу. Женщины и дети угоняются в плен, мужчины умирают жестокой смертью.

Ибо предсказание мужа божьего святого Нерсеса относительно племени стрелков и разорения страны нашей армянской нынче претворено в жизнь племенем, называемым татарами: многие племена и народы были стерты им [с лица земли], о чем, если будет угодно господу, мы расскажем в своем месте. [...]

Глава 11

О том, как поднялось татарское войско и обратило в бегство грузинского царя

В 669 (1220) году, когда грузины еще гордились победой, одержанной над мусульманами, у которых они отторгли множество армянских *гаваров*, неожиданно-негаданно появилось огромное множество войск в полном снаряжении и, пройдя быстрым ходом через Дербентские ворота, пришло в Агванк, чтобы оттуда проникнуть в Армению и Грузию. И все, что встречалось им в пути, — людей, скот и вплоть до собак даже — они предавали мечу.

Драгоценную одежду и иное имущество, за исключением лошадей, они ни во что не ставили. Быстро продвинувшись до Тифлиса, они повернули обратно, пришли в Агванк, к границам города Шамхор.

И распространилась о них ложная молва, будто они — моги и христиане по вере, [будто] творят чудеса и пришли отомстить мусульманам за притеснение христиан; говорили, будто есть у них церковь походная и крест чудотворный; и, принеся меру ячменя, они бросают ее перед крестом, [затем] оттуда все войско берет [корм] для лошадей своих, и [ячмень] не убавляется; а когда все кончают брать, там остается ровно столько же. Точно так же и с продовольствием для людей. И эта ложная молва заполнила страну. Поэтому население страны не стало укрепляться, а какой-то светский *иерей*, собрав прихожан своих, с крестами и хоругвями даже вышел навстречу им. И они предали их мечу — всех перебили.

Таким образом, повсюду встречая беззаботных, они истребляли [население] и разорили многие местности. Сами же, упрятав свое имущество в укрепленной местности, называемой Бегамедж, что в болотах и топях, расположенных между двумя городами — Партавом и Белуканом, совершали оттуда стремительные набеги и разоряли многие *гавары*.

Тогда царь грузинский Лаша и великий военачальник Иванэ, собрав войско, выступили войной против них и подошли к долине, называемой Хунан, ибо там находилось войско неприятеля. Сразились друг с другом и поначалу обратили в бегство неприятеля; но поскольку [другие части] неприятеля находились в засаде, он ударил с тыла и начал сечь грузинское войско. Повернули и выступили против [грузин] и обращенные в бегство [татары] и окружив с той и другой стороны, нанесли великое поражение войску христианскому. Бежали царь и все князья. А неприятель, забрав военную добычу, унес ее в свой стан.

В другой раз собрал царь грузинский войско, еще более многочисленное, чем в первый раз, и вознамерился дать бой неприятелю. А [татары], взяв с собой жен, детей и все свое имущество, намеревались пройти через Дербентские ворота в свою страну. Но мусульманское войско, находившееся в Дербенте, не пропустило их. Тогда они перевалили через Кавказские горы по неприступным местам, заваливая пропасти деревьями и камнями, имуществом своим, лошадьми и военным снаряжением, переправились и вернулись в свою страну. И звали их предводителя Сабата Багатур⁸.

[...]

Глава 18

О султанине Джалаладине и истреблении грузинского войска в 674 (1225) году

Вышеупомянутый северо-восточный народ, именуемый татарами, довел до крайности хорезмского *султана* Джалаладина, разбил его войско и ниспроверг страну. Его [самого] обратили в бегство в Агванк [...].

[...]

Глава 20

О том, как появились татары, чтобы опоганить весь свет

Все рассуждения наши до сих пор были предисловием к истории этого племени, о котором милостью божьей мы собираемся рассказать. Я думаю, что многие еще расскажут о том же и все их повествования будут беднее

действительности, ибо бедствия, постигшие все страны, превосходят рассказываемое нами. Наступил конец света, и предтечи антихристовы предвещают пришествие сына погибели. И нас смущают откровения святых и боговдохновенных мужей, внушенные им святым духом, предостерегавшим их от грядущего, и особенно на ложные веления спасителя нашего и бога, который говорит: «Восстанет народ на народ и царство на царство, и это, — говорит, — будет лишь началом терзаний» (Матф., 24, 7 — 8; Марк, 13, 8 — 9). А также пророчество *патриарха* нашего святого Нереса, который предсказал гибель страны армян от племени стрелков. А мы собственными глазами видели разорение и муки, постигшие все страны. И причины появления их таковы.

В стране, [находящейся] на дальнем северо-востоке, которую они на варварском языке своем называют Каракорум, на границе Гатия, среди множества неведомых и неисчислимых варварских племен, проживающих там, жило племя, называемое татарами, во главе царей которых стоял [человек] по имени Чингис-хан.

Пришло время ему умирать. Но еще до кончины он созвал к себе все войско и трех сыновей своих и сказал, [обращаясь] к войску: «Вот я умираю. Одного из сыновей моих, присутствующих здесь, по своему желанию выберите себе царем вместо меня». И они ответили: «Кого ты сейчас соблаговолишь выбрать, тот и будет нашим царем, тому и будем мы верою служить». Тогда сказал им [Чингис-хан]: «Я расскажу о нраве и делах всех трех сыновей своих. Старший сын мой — Чагатай — муж воинственный, любит войско, но по природе горд и достоин большего, чем доля, выпавшая ему. А второй мой сын тоже победоносен в бою, но скуп по натуре. Младший же сын мой одарен еще с детства, богато наделен милостями, щедр на руку. С того дня, как он родился, слава и величие мое росли день ото дня. Ну вот, я сказал вам всю правду, поклоняйтесь же тому из них троих, кому пожелаете».

И [татары] подошли и поклонились младшему, чье имя было Окта-хакан; отец возложил на него корону и умер.

А он, как только получил царскую власть, собрал большое войско, неисчислимое по величине, подобно песку морскому, из своего собственного племени, которое называлось мугал-татарами, из хазар, из гуннов, из гатийцев, из анкитанов и множества других варварских племен, [явившихся] с имуществом своим и станом, женами, детьми и кибитками. Он разделил их на три части: одну послал на юг, назначив главным распорядителем одного из своих верных и любимых [людей]; другую — на запад, а вместе с ними и сына своего, [этих он послал также] и на север; третью он послал на северо-восток, назначив над ними одного из вельмож своих, по имени Чармагун, мужа мыслящего и мудрого, удачливого в военном деле, поручив им разорять и разрушать все страны и царства по всей вселенной и не возвращаться к нему, пока не захватят весь мир и не подчинят его своей власти. А сам он остался в той стране, не заботясь ни о чем, предавшись еде и питью, удовольствиям и строительству.

Войска его, направившиеся в разные страны света, разоряли страны и *гавары*, ниспровергали государства, отнимали скарб и имущество, угоняли в плен и [обрекали] на рабский труд молодых женщин и детей: то посылали оттуда на далекую чужбину — в свою страну, к царю своему — *хакану*, то держали при себе — для нужд и службы в своем хозяйстве.

Войска во главе с Чармагун-ноином, выступившие на восток против *султана* Джалаладина, владевшего Хорасаном и окрестными областями, разбили и изгнали его вместе с войском. И обратили его в бегство, как мы выше рассказали. Они постепенно разорили всю страну персов, Атрпатакан, Дейлем, по порядку обчистили все, дабы не осталось никаких препятствий на их пути.

Захватили [и разорили] также большие, великолепные, изобилующие всем города Рей и Исфахан и снова восстановили их под своим именем. И так они поступали со всеми странами, через которые проходили.

И вот пришли они со всем своим имуществом и множеством войск, достигли страны Агванк и плодородной и плодородной долины, называемой Муганской, полной всяких благ — воды, древесины, фруктов и дичи, и, расположившись там, разбили шатры свои. Так они делали всегда в зимние дни, а в весеннюю пору разбрелись в разные стороны, производили набеги и опустошения и снова возвращались туда, в стан свой.

Глава 21

О разорении города Гандзак

Этот многолюдный город был полон персов, а христиан там было мало. [Персы] крайне враждебно относились к Христу и его поклонникам, презирали и хулили крест и церковь, унижали и поносили священников и церковнослужителей. Поэтому, когда мера грехов их переполнилась и вопли о злодеяниях их дошли до господина, стали являться первые знамения разорения его (города). Как было с Иерусалимом до его разорения, так [было] и с этим городом, ибо внезапно разверзлась земля и хлынула черная вода, и стало видно, как большущий тополь, называемый чандарином, [растущий] близ города, вдруг сам собою свалился. При виде этого весь город заколебался, и снова увидели [дерево] стоящим, как прежде. Это повторилось два-три раза, затем [дерево] снова упало и больше не поднялось. И стали мудрецы их думать: что бы означало это знамение? И, поняв, что оно означает разорение города, стали избавлять от поругания кресты, прибитые к порогу каждой двери города, поскольку они были прибиты издевательства ради, дабы каждый проходящий попирал их ногами.

Внезапно [на город] напали татарские войска; они окружили город со всех сторон и, навязав бой, сражались с помощью множества машин. [Сначала] были уничтожены виноградники, расположенные вокруг города. Затем *пиликванами* была со всех сторон разрушена городская стена. Но никто из врагов [сразу] не вошел в город, в полном вооружении они осаждали его в течение недели. Когда жители увидели, что город захвачен врагом, заперлись каждый в своем доме и подожгли свои жилища вместе с собой, чтобы только не попасть в руки врага; другие сожгли все, что можно было сжечь, оставшись сами [в живых]. При виде этого враги еще более разъярились, пустили в ход мечи и

всех предали мечу: и мужчин, и женщин, и детей. И никто из них не спасся, за исключением небольшого отряда хорошо вооруженных воинов в полном снаряжении, которые ночью пробили часть стены и убежали, и небольшой группы черни, которую задержали и подвергли пыткам, дабы они показали, где спрятаны сокровища. Позже кое-кого [из них] убили, часть угнали в плен, а сами стали рыться в пепелищах домов и взяли все, что нашли из спрятанного. Долго они занимались этим, затем ушли прочь.

Тогда стали стекаться в этот [город] люди со всех *гаваров* и рылись, ища добро и сосуды, и находили там множество вещей из золота и серебра, меди и железа, а также различную одежду, спрятанную в тайниках и землянках. И таким безлюдным и разрушенным оставался город в течение четырех лет, потом был дан приказ о его восстановлении. И начали понемногу собираться в нем [люди] и стали строиться, но городской стены не возвели.

Глава 22

О разорении Армении и Грузии теми же войсками

Спустя несколько лет после разорения города Гандзак бесноватое и коварное войско это как бы по жребию распределило между своими начальниками, соответственно значению каждого, захват, разрушение и разорение городов и *гаваров*, областей и твердынь всей Армении, Грузии и Агванка. И отправился каждый в доставшийся ему удел вместе с женами, детьми и всем обозом войска своего. Обосновались преспокойно, и стали верблюды и скот их осквернять и пожирать всякую зелень растущую.

К этому времени царство грузинское ослабело, ибо находилось оно в руках женщины по имени Русудан, дочери Тамар, сестры Лаша, внучки Георгия, — женщины развратной и сладострастной, как Шамирам. Ей не нравились мужчины, которых ей предлагали, со многими была она в связи, но осталась вдовой. Делами царства управляла при помощи военачальников Иванэ, его сына Авага, Шахиншаха, сына Закарэ, Ваграма и других. И так как незадолго до этого умер Иванэ, его повезли и похоронили в Пхиндзаанке, где он основал в отнятом у армян [монастыре] грузинский монастырь; власть его перешла к сыну его. Но никто [из них] не мог противостоять невообразимому стремительному вихрю, поэтому все они бежали и попрятались в замках, где только могли.

И разбрелись [татары] по полям, горам и лощинам, подобно тучам саранчи или же подобно проливному ливню, омывающему землю. И отныне можно было видеть несчастье горькое и страну, достойную плача, ибо ни земля не скрывала хоронившихся в ней, ни скалы и леса не прятали ищущих там прибежища, ни твердые крепостные строения, ни лона ущелий — все гнало прочь прятавшихся. Бодрость покидала людей мужественных, опускались руки у искусных стрелков, люди прятали мечи, дабы неприятель, увидев их вооруженными, не погубил бы без пощады. Голоса врагов снедали их, стук их колчанов нагонял ужас на всех. Каждый видел приближение своего последнего часа, и сердца их останавливались. Дети в ужасе перед мечом бросались к родителям, а родители вместе с ними падали от страха еще до того, как враг приблизился к ним.

И можно было видеть, как меч беспощадный рубит мужчин и женщин, юношей и детей, стариков и старух, *епископов* и *цереев*, *дьяконов* и причетников. Грудных младенцев, разбитых о камни, и прекрасных девушек, оскверненных и плененных...

Ужасен был внешний вид их (татар), и безжалостны они по нраву своему: ни слезы матерей не вызывали жалости, ни седины нисколько не трогали их сердца — они с ликованием шли на убийство, как на свадьбу или пиршество.

Страна вся была полна трупами умерших, и не было людей, чтоб похоронить их. Иссыкли слезы на глазах любящих, в страхе перед нечестивцами никто не осмеливался оплакивать павших. Церковь облачилась в траур, исчезло сияние красоты ее, прекратилась в ней служба, алтари лишились *литургии*. Замолкло богослужение, и не слышны были больше звуки песнопений. Как будто мраком был объят весь свет, и полюбили люди ночь пуще дня. Страна осталась без обитателей своих, и бродили по ней сыны чужие...

Разграблены были имущество и богатство, но жадность их (татар) к вещам не была утолена. Они рыскали по всем домам и покоям, но там ничего не осталось; сновали повсюду, подобно диким козам, раздирали, как волки, [все, что попадалось им]. Ни кони их не утомлялись от скачки, ни сами они не уставали собирать добычу.

И на такую горькую долю обрекли они многие народы и племена, ибо господь в возмездие за злодеяния наши и прегрешения перед ним, которыми мы возбудили справедливый гнев его, излил на землю [всю] чашу гнева своего. Поэтому с такой легкостью они вторгались во все страны. И когда они разграбили все страны, собрали весь скот — как спрятанный [владельцами], так и бывший на свободе, имущество и добро, захватили множество пленных, живших [до того] на вольных землях, и после этого только стали сражаться против всех твердынь, против множества городов, пустив в ход многообразные приспособления, ибо были они очень хитры и находчивы. Они захватили и разрушили множество твердынь и крепостей. И так как происходило это в летнее время и стояла сильная жара, а воды в хранилищах не было запасено (так как напали они неожиданно), и люди и скот, томимые жаждой, волей или неволей попадали в руки врага на горе и на беду себе. А те, случалось, убивали их, а случалось, оставляли [пленных] на службе у себя как рабов. То же самое делали они и в многолюдных городах, когда овладевали ими после окружения и осады.

Глава 23

О взятии города Шамхор

Один из [татарских] вельмож, по имени Молар-ноин, которому достались в удел эти края, прежде чем двинуться с места, где обитали они в долине, называемой Муганской, послал небольшой отряд, человек около ста, которые пришли, осели у ворот города Шамхор и преградили путь входящим [в город] и выходящим из него.

А город находился тогда под властью Ваграма и сына его Ахбуги, которые задолго до этого отняли его у персов. Жители города послали к Ваграму и его сыну [гонца] с просьбой о помощи и сказали: «Их мало». Но [Ваграм] не помог и даже сыну, который хотел пойти [на помощь], не позволил сделать это, помешал, угорив прибывших сказать, что, мол, [врагов] очень много. И горожанам тоже приказал не воевать с [татарами]. А войско иноплеменников росло изо дня в день, пока не прибыл их глава, которого звали Моларом, и не дал боя городу. Ров, прорытый вокруг городских стен, он [велел] забросать деревьями и щепой, чтобы легко было взобраться на стену. [Жители города] изнутри подбросили огонь и ночью подожгли [все то, что было во рву].

Назавтра Молар-ноин, увидев это, приказал своим воинам принести каждому по ноше земли и засыпать ров, и когда они засыпали, [ров] наполнился ровень со стенами.

И войска устремились на город, захватили его и вырезали всех мечом, сожгли строения, и каждый взял себе все, что мог найти. А потом они напали на другие подвластные Ваграму крепости в Терунакане, Ергеванке и Мацнаберде, которым владел некогда Кюрик Багратуни, сын Ахсартана. А в Гардман и другие области, в Чарек и Гетабак прибыл другой начальник, имя которого было Гагага-ноин. Ваграм же, находившийся тогда в Гардмане, тайно бежал ночью куда-то и спасся. Войско иноплеменников навязало бой крепости, осажденные вопреки воле своей отдали [татарам] лошадей, скот и все иное, что те требовали. И, обложив их податью, [татары] предоставили их самим себе, подчинив своей власти.

А те, что овладели Шамхором, пришли вместе со всем своим имуществом в Тавуш, Кацарет, Нор-Берд, в Гаг и их окрестности и, доведя до крайности, осадили их.

Глава 24

О пленении *варданета* Ванакана и его спутников

К этому времени великий *варданет*, прозывавшийся Ванаканом, собственными трудами вырыл себе пещеру на вершине высоченной скалы, возвышавшейся против селения Лорут, к югу от крепости Тавуш. В той пещере построил он маленькую церковь и с тех пор, как во время набега *султана* Джалаладина был разорен его прежний монастырь, находившийся напротив крепости Ергеванк, тайно обосновался там. Здесь было собрано и размещено множество книг, ибо муж сей очень любил науки, а еще больше — бога. Многие приходили к нему и обучались у него слову проповедническому. А когда людей стало [чересчур] много, он вынужден был спуститься из той пещеры; у подножия скалы он построил церковь и кельи и обосновался там. Когда же татары опустошили страну и пришел в те края Молар-ноин, жители селения подались в ту пещеру, [которая была на вершине], и [она] наполнилась мужчинами, женщинами и детьми. Татары, придя, осадили их, а у них не было ни припасов, ни воды. Время было летнее, стояла сильная духота, и они начали задыхаться в своем узилище, как в тюрьме, а дети мучались от жажды и близки были к смерти. Враги же извне кричали: «За что вы погибаете? Выходите к нам, мы назначим над вами надзирателей и отпустим вас восвояси». И повторили это с клятвами дважды и трижды. Тогда те, что находились в пещере, припали к стопам *варданета*, умоляли его и просили: «Выкупи кровь нашу, спустись к нам и договорись о нас». А тот отвечал им: «Я себя не пожалею ради вас, если только есть возможность спасти вас, ибо и Христос не пожалел себя, принял смерть ради нас и спас нас от засилья дьявола. Точно так же и мы должны доказать, что любим братьев своих».

И *варданет*, отобрав из нас двух священников (одного по имени Маркос и второго [по имени] Состенес), которые позже, уже после этого, получили от него сан *варданета*, спустился к [татарам]. В те дни были там и мы — получали образование и обучались Священному писанию.

Главный [начальник их] стоял на холмике перед пещерой, над головой его держали балдахин от жары, ибо было это в праздник вардавара, [татары] захватили нас. Когда они (священники) приблизились к военачальнику, проводники их приказали им трижды поклониться, встав на колена, подобно верблюдам, преклонившим колена, ибо таков был их обычай. И когда они предстали перед ним, тот приказал поклониться на восток *хакану*, царю их. И затем стал обвинять: «Наслышан я о тебе, дескать, ты муж мудрый и известный, и внешность твоя тоже говорит об этом» (ибо, действительно, [Ванакан] имел благообразную внешность, спокойные манеры, окладистую бороду, украшенную сединой). «Почему ты не вышел с любовью и миром навстречу нам, как только услышал весть о прибытии нашем в ваши края? Тогда бы я приказал оставить в сохранности все, и большое и малое, что принадлежит тебе». И молвил *варданет* в ответ: «Мы не знали о вашем добросердечии; наоборот, страх и трепет объяли нас, мы боялись вас, языка вашего не знали, и никто из ваших не приходил к нам и не звал нас к вам; этим и объясняется промедление наше. Теперь же, когда вы нас позвали, мы явились к вам. Мы не воины и не владеем имуществом, мы скитальцы и чужбинники, собравшиеся здесь из самых разных стран, чтобы обучаться нашему богослужению. И вот теперь мы перед вами, делайте с нами все, что вашей воле угодно: хотите даруйте жизнь, хотите обреките на смерть».

Тогда властитель сказал ему: «Не бойся». Приказал им сесть перед собой и долго расспрашивал его о крепостях и о том, где бы мог быть Ваграм, ибо он полагал, что [Ванакан] является одним из светских властителей страны. А когда тот сказал все, что знал, а также и то, что не обладал никакой светской властью, [Молар] приказал ему спустить людей из пещеры, не боясь ничего, и обещал оставить каждого на своем месте под присмотром [татарских] надзирателей и во имя свое заселить [разоренные] деревни и поселки.

Затем *цереи*, бывшие с *варданетом*, закричали нам: «Спускайтесь быстро и принесите с собой все, что там есть у вас». И мы, дрожа от страха и ужаса, спустились к ним, как ягнята в окружении волков, ежеминутно ожидая смерти, читая в уме исповедание веры святой троицы, ибо еще до того, как спуститься из пещеры, мы причастились пресвятой плоти и крови сына божьего.

И повели нас к маленькому источнику, бившему в монастыре, и дали нам напиться, так как мы провели три дня в сильной жажде. Потом повели нас и бросили в какую-то темницу, а мирян [заперли] в церковном дворе. Сами же окружили нас и выставили дозоры на ночь, ибо день уже клонился к вечеру. Назавтра нас выпустили оттуда, повели на какую-то возвышенность над монастырем, и обыскав, отняли у всех все, что могло им пригодиться. А все, что было в пещере, — всю церковную утварь, ризы и сосуды, серебряные кресты, два евангелия в серебряных окладах — отдали *варданету*, однако потом все это отняли у нас. И, выбрав из нашей среды людей, которые были в состоянии вместе с ними передвигаться, приказали повести остальных в монастыри и тамошнее селение. Оставили своих надзирателей, дабы другие не могли их обидеть. [Молар-ноин] приказал и *варданету* тоже оставаться в том монастыре.

Один из его племянников, по имени Погос, был священником; [Молар-ноин] приказал ему вместе с нами следовать за ним. А святой *варданет* из жалости к племяннику своему, совсем еще ребенку, сам пошел за ним, надеясь найти какой-нибудь способ спасти нас. Долгие дни [татары] заставляли нас, босых, в нужде и лишениях, пешком следовать за собой. А надзирателями над нами назначены были персы — люди, жаждущие крови христианской. Они еще более отягчали существование наше всякими муками, [заставляя] нас идти с быстротой лошади во время набегов. И если случалось кому-нибудь из-за слабости телесной или увечья замешкаться в пути, им безжалостно разбивали черепа, били батогами по телу, так что [люди] не могли вынуть занозу, если она попадала в ногу, и никто не мог напиться воды в страхе перед насильниками. А когда делали привал, нас отводили и запирали в тесном помещении, а сами, окружив, стерегли нас и не позволяли никому выйти во двор для житейских нужд, и [люди] отправляли нужду в тех же помещениях, где подчас они оставались по многу дней. Поэтому я не могу изложить на бумаге все те мучения, которые мы претерпели. *Варданета* они не пустили к нам, а каким-то другим людям поручили строго стеречь его отдельно, вдали от нас.

Потом [татары] увели меня от моих товарищей к себе для ведения дел. Я должен был писать письма и читать; днем они водили меня за собой, а с наступлением вечера приводили и отдавали *варданету* на поруки. [Утром] снова забирали, [и я шел с ними] пешком или на выючной лошади без седла. И так продолжалось много дней.

А когда миновали летние дни и наступила осенняя пора, они собрались покинуть родную нам страну и удалиться в далекие чужие земли. Тогда все, рискуя погубить себя, стали ночами мало-помалу убежать и спастись кто куда мог. Таким образом, милостью Христа удалось спастись всем, кроме двух *цереев*, которые намеревались убежать днем, но не сумели спастись. Их, поймав, привели в стан и убили у нас на глазах на страх и ужас нам, и так они поступали со всеми беглецами.

Затем однажды дивный *варданет* сказал мне: «Киракос!» — «Что прикажешь, *варданет*?» — спросил я. Он сказал мне: «Сынок, ведь написано же: «Когда будете в угнетении — терпите». Теперь нам следует изречения Писания испытать на себе самих, ибо мы не лучше прежних святых Даниила, Анании и Иезекииля, которые, находясь в плену, были весьма одержимы благочестием, пока их не посетил бог и не восславил их там же, в плену. Так и мы: давайте останемся и вверим себя попечительству божьему, пока он сам не посетит нас, как ему будет угодно». Я ответил ему: «Как ты прикажешь, святой отец, так мы и сделаем».

И случилось однажды тому властителю, который взял нас в плен, прийти туда, где находились мы под стражей. Увидев нас, он повернул к нам, и мы пошли к нему навстречу. Он спросил нас: «Что вам нужно? Если вы голодны, я велю дать вам конины для пропитания», ибо они без разбору едят всякий нечистый скот, а также мышей и различных пресмыкающихся. И сказал ему *варданет*: «Мы не едим ни конины, ни иной пищи вашей; если хочешь оказать нам милость, отпусти нас, как обещал, восвояси, ибо я — человек старый и больной и не могу пригодиться тебе ни в военном деле, ни как пастух и ни в чем ином». И сказал ему военачальник: «Когда придет Чучу-хан, мы позаботимся об этом». Этот Чучу-хан был управляющим его домом и вместе с войском участвовал [в то время] в набеге. Так приходили мы к нему дважды или трижды, и он всегда отвечал одно и то же.

Потом вернулся этот человек из странствия, и позвали нас ко двору властителя. И [властитель] послал к нам того человека с переводчиком и сказал: «Не правда ли, вы утверждаете, что приношения, делаемые для умершего, приносят пользу его душе? Так если это помогает умершему, почему же оно не спасет живых? Отдай нам все, что есть у тебя, выкупи душу свою и уходи к себе домой, сиди там». В ответ *варданет* сказал: «Все наше достояние — это то, что вы у нас отняли: кресты и евангелия, кроме них, у нас нет ничего». И говорит ему тот человек: «Если у тебя нет ничего, ты никак не сможешь уйти отсюда». *Варданет* ответил: «Я тебе говорю правду — у нас нет ничего, нет денег даже на дневное пропитание; но если хотите, пошлите нас в одну из этих крепостей, что находится вокруг нас, и христиане, проживающие в них, выкупят нас».

Они назначили чрезмерно большой выкуп, но потом уменьшили его и послали [*варданета*] в крепость, называемую Гаг. Он попросил назначить выкуп и за нас, дабы уплатить вместе со своим и наш [выкуп], но те не согласились, говоря: «Он нужен нам, чтобы писать письма и читать, я, если вы и дадите большой выкуп, мы все равно его не отдадим». И мы со слезами расстались друг с другом. Он сказал мне: «Сынок, я пойду, паду ниц к стопам святого знамения во имя святого Саргиса и через посредство его стану умолять господина о тебе и других братьях, находящихся в руках нечестивцев. Кто знает, может, бог по доброте своей избавит и вас». Ибо был в Гаге некий крест чудотворный, [помогающий] всем угнетенным, паче же всех — пленным, и, кто уповал на него всем сердцем, тому

сам святой мученик Саргис открывал двери темниц и узилищ, расторгал оковы и сопровождал их в телесном явлении до самых их жилищ. И молва о чудесах этих распространилась среди всех племен. Крест тот, говорят, был водружен святым учителем нашим Месропом.

И случилось так, как сказал *вардапет*: его выкупили за восемьдесят *дахеканов*. И когда его увели, в тот же день Молар сказал нам: «Не горюй из-за отъезда великого *церея*, тебя мы не отпустили с ним потому, что ты нам нужен; я возвелечу тебя как одного из вельмож своих и, если есть у тебя жена, велю привести ее к тебе, а если нет, то дам тебе в жены одну из наших». И тотчас же выделил нам шатер и двух юношей для прислуживания нам и сказал: «Завтра дам тебе лошадь и развеселю тебя, будь покоен». И ушел от нас. Но попечительством божьим нам удалось в ту же ночь тайком уйти и спастись. И пришли мы туда, где были вскормлены, в монастырь, что зовется Гетик. Он был разорен [татарами], строения все были сожжены. Там мы и обосновались.

Глава 25

О разорении города Лори

Военачальник всей оравы языческой, чье имя было Чагатай, проведал о непоколебимости города Лори и о несметных богатствах его, ибо там находились дворец *ишхана* Шахиншаха и сокровища его. Взяв с собой отборные, хорошо вооруженные части со множеством машин и всяким снаряжением, он прибыл туда, окружил [город] и осадил его.

А *ишхан* Шахиншах, взяв жену свою и детей, спустился тайком в ущелье, укрепился там в какой-то пещере и управление городом поручил семье своего тестя. А те, будучи мужчинами женолюбивыми, только и делали, что ели и пили, предавались пьянству, надеясь на прочность стен, но не на бога. Враги, подойдя, сделали подкоп и разрушили стену, а сами, расположившись вокруг, стерегли, чтобы никто не убежал. Жители города, видя, что город захвачен, от страха устремились к ущелью. При виде этого неприятель вступил в город и стал безжалостно убивать мужчин, женщин и детей, захватил имущество и добро их. Были найдены и сокровища *ишхана* Шахиншаха, который, обобрав и разграбив своих подданных, устроил для своих сокровищ надежный тайник: никто не мог его увидеть, поскольку отверстие ямы было очень узким, так что туда можно было лишь бросать [сокровища], доставать же их было нельзя. Убиты были и зятья Шахиншаха. Сами же [татары] стали рыскать по всем крепостям того *гавара* и где хитростью, где силой завладели многими [из них]. Ибо господь отдавал [их] в руки [татар].

Так было и с другими городами — Думанисом, Шамшойлте и со столицей Тифлисом, где все было разграблено и захвачено, жители были вырезаны и взяты в плен.

[Татары] совершали повсеместные стремительные набеги, безжалостно нападали на [мирное население], грабили и убивали его, ибо не было никого, кто воспротивился бы им или же вступил в бой с ними. Они были спокойны во всех отношениях еще и потому, что царица грузинская по имени Русудан убежала и скрывалась где-то. Точно так же и все другие князья заботились [только] о собственном спасении.

Глава 26

О том, как попал к ним в руки *ишхан* Аваг

А великий *ишхан*, сын Иванэ, которого звали Авагом, увидев все неисчислимое множество врагов, наводнивших страну, укрепился в неприступной крепости Кайен. Туда пришли и все жители *гавара*, они тоже расположились вокруг крепости. А когда войска иноплеменников узнали, что *ишхан* укрепился там, один из их главарей, которого звали Итугатаем, взяв многочисленное войско, пришел к крепости и осадил ее. Вся страна была наводнена войсками иноплеменников; так как место то было неприступным, туда сбежались и нашли убежище люди со всех концов [страны].

Вокруг крепости у подножия ее были всюду подкопаны стены; к Авагу посылали посольства [с предложением] покориться и без страха служить им. Посылали много раз и говорили одно и то же. А тот, желая смягчить их, отдал им дочь свою и много сокровищ, надеясь, что они ослабят осаду. Но они, приняв посланное, с еще большей строгостью требовали его [покорности]. Между тем [люди], находившиеся вокруг крепости и внутри ее, стали мучиться от жажды. [Однажды] они погнали лошадей и весь свой скот к татарам, прося, чтобы кому-нибудь из них было позволено пойти за водой для нужд своих. Те согласились, и тогда вся масса людей устремилась к воде. [Татары] не дали вышедшим за водой вернуться, но никого не убили, просто уговаривали их выпустить [из крепости] свои семьи и обосноваться среди них. А те от страха поневоле выпустили [членов] своих семей; и, напоив водой, [татары] взяли их под стражу, отняли жен, которые им приглянулись, убив их мужей, а других [женщин] оставили при мужьях.

Аваг, видя, что [татары] не снимают осады и не прекращают убийств, вознамерился сдаться в руки врага, чтобы хоть немножко облегчить положение людей. И послал управителя дома своего, Григора из хаченских *азатов*, ласково называемого Отроком, чтобы тот раньше Авага встретился бы с главой их по имени Чармагун, который разбил свой шатер на берегу моря Гегаркуни. Узнав об этом, великий *ноин* очень обрадовался и поспешно отправил к Итугатаю, осаждавшему [Лори], [людей] с предписанием немедленно доставить к нему [Авага] и больше не притеснять жителей крепости и ее окрестностей. И они, взяв Авага, поспешили к нему. И [Чармагун], увидев [Авага], спросил: «Это ты Аваг?» — тот ответил: «Я самый». Великий военачальник спросил его: «Почему ты не пришел ко мне, как только я вступил в пределы твоей страны?» В ответ *ишхан* молвил: «Пока ты находился еще далеко и отец мой был жив, он служил тебе, [посылая] богатые приношения, когда умер отец мой, я стал служить тебе в соответствии со своими

возможностями; а вот теперь, когда ты вступил в мою страну, я явился к тебе. [Делай со мной] все, что тебе заблагорассудится». Военачальник сказал ему: «В пословице говорится: подошел я к *ердику*, ты не вышел ко мне, подошел я к двери — тогда ты только вышел ко мне». Велел ему сесть ниже всех вельмож, сидевших при нем, и приказал устроить великий пир в честь [Авага].

Принесли и подали очень много кусков разделанного и сваренного мяса как чистых, так и нечистых тварей и, как принято у них, много бурдюков кумыса из кобыльего молока и начали есть и пить. А Аваг и его спутники не ели и не пили. И сказал ему военачальник: «Почему вы не едите и не пьете?» Аваг ответил ему: «У христиан не принято есть такую пищу и пить это питье. Мы едим мясо чистых животных, нами же закланных, и пьем вино». И [Чармагун] приказал подать им то, что они просят. Назавтра он посадил [Авага] выше многих вельмож. И так изо дня в день он оказывал ему больше почестей, пока не посадил его вместе с вельможами по рождению. И велел всем войскам своим не осаждать крепости и города, принадлежащие ему. И страна его вздохнула спокойнее, множество пленных ради него было отпущено на свободу. [Чармагун] возвратил [Авагу] всю его страну и даже, более того, утвердил нерасторжимую дружбу с ним. И, взяв с собой [Авага] и все свое войско, пошел на город Ани.

Глава 27

О городе Ани и о том, как предал его господь в руки [врагов]

Город Ани был полон людей и животных. Его окружали крепкие стены. В нем было так много церквей, что в разговоре, когда клялись, говорили: «Клянусь тысячей и одной церковью Ани». Во всех отношениях город был очень богат, поэтому пресыщение их переросло в высокомерие, а высокомерие, как это было испокон века и по сей день, привело к гибели.

Чармагун послал к ним послов с предложением покориться ему. Правители города не осмелились ответить послам, не спросив князя Шахиншаха, ибо город принадлежал ему. А городская чернь и простой люд убили послов. Узнав об этом, войска иноплеменников, разгневанные, окружили город со всех сторон, воздвигли с большим искусством множество *пиликванов* и после жестоких боев взяли город. Некоторые из власть имущих города, спасая жизнь свою, сдались неприятелю. [Татары] звали толпу выйти из города, обещая не причинить ей зла. И когда вышло к ним из города все население, [татары] разделили их между собой и, предав мечу, беспощадно умертвили всех, оставив в живых лишь несколько женщин и детей, а также мужчин-ремесленников, которых угнали в плен. Затем они вошли в город, захватили все имущество и добро, разграбили все церкви, разорили и разрушили весь город, попрали и осквернили славное великолепие его. И нужно было видеть душераздирающее зрелище: разрубленные на части родители вместе с чадами своими, сваленные друг на друга в кучу, подобно камням; множество [убитых] священников, иноков и церковнослужителей, старцев и детей, младенцев, юношей и девушек. Как в святом Евангелии, гласящем: «Предается он на голод и плен» (В книге Иеремии (32, 36) говорится: «И однако же ныне так и говорит господь, бог израилев, об этом городе, о котором вы говорите: «Он предается в руки царя вавилонского мечом, и голодом, и моровою язвою»). Такая же участь постигла и их, ибо они были разбросаны по всему полю, пропитанному их кровью и гноем раненых, нежные тела, привыкшие к мылу, почернели и вздулись. Те, кто никогда не переступал порога города, должны были идти пешие и нагие, в неволю; те, кто приобщались пречистой плоти и крови сына божьего, ели мясо нечистых и придушенных тварей и пили молоко гнусных кобыл, женщины скромные и целомудренные были обесчещены развратными и похотливыми мужчинами; святые девы, давшие богу обет сохранить в чистоте тело свое и в непорочности душу, подверглись всякому блуду и были осквернены распутством. Вот таков был исход дела.

Глава 28

О разорении Карса

[Жители] этого города, видя, что сделали татары с населением Ани, поторопились и спешно вынесли ключи городские навстречу им, надеясь, что те пощадят их. А [татары], воспламененные грабежом и не боясь никого, сделали с ними то же, что и с [жителями] Ани: разграбили имущество их и добро, истребили население и разорили город, обезобразили прекрасный вид его и угнали в плен жителей. И, оставив лишь несколько человек из черни, ушли прочь; вслед за ними пришли воины ромейского *султана*, они безжалостно предали мечу и угнали в плен спасшихся от татар, согласно реченному: «Ужас, и яма, и петля для тебя, житель земли!.. Побежавший от крика ужаса упадет в яму, и кто выйдет из ямы, попадет в петлю» (Исайя, 34, 17—18), а кто избежит и этого, «того ужалит змей» (Екклесиаст, 10, 8). Так было и с несчастными жителями Карса.

То же самое войско захватило и город Сурб-Мари, за несколько лет до этого отнятый Шахиншахом и Авагом у мусульман. [Город] еще не восстановили, когда внезапно напал на них (жителей) с многочисленным войском один из вельмож [татарских], по имени Кара-Багатур, быстро захватил его и разграбил все, что нашел там.

И, сделав так повсюду в той области, они затем приказали жителям, пережившим резню и плен, отправиться каждому к себе — в деревни и города, отстроить их во имя их (татар), и служить им. И стала страна мало-помалу обстраиваться. Но как богу присуще и в гневе быть милосердным, так было и здесь, ибо «не по беззакониям нашим сотворил нам, и не по грехам нашим воздал нам» (Псалт., 104, 10). Когда [татары] совершили набег на нашу [землю], время было летнее, урожай еще не был даже убран и свезен в житницы, и потому верблюды и скот их съели и попрали весь [урожай]. А с приближением зимы они ушли в долину, называемую Муганской, в страну Агванк, ибо там они

проводили зиму, а весной снова начинали свои набеги на разные области. Люди, избегшие меча, нагие и голодные, питались свалившимися и стоптанными колосьями. Зима была не очень суровой, как обычно, а мягкой и умеренной. И хотя не было у них волов, чтобы возделывать землю, и семян, чтобы посеять, с наступлением весны по велению божьему земля сама уродила так, что было достаточно для прокорма населения. Повсюду было изобилие хлеба, которого хватило и для прокормления беженцев. Даже безжалостные грузины и те были очень добры и сострадательны к пришельцам, искавшим у них прибежища. Таким вот образом милосердный бог утешил попавших в беду.

Глава 29

О том, как *ишхан* Аваг был отправлен к *хакану* на Восток

Когда минуло немного времени, [татары] отправили Авага к своему царю, которого называли *ханом*, в далекое путешествие на северо-восток, поскольку они делали так со всеми вельможами, которых желали почтить, — посылали к нему, а потом поступали с ним согласно его приказу, ибо [татары] во всем подчинялись приказу своего царя. Сам *ишхан* тоже, надеясь облегчить участь свою и своей страны, изъявил желание ехать. Все воссылали богу молитвы о благополучном возвращении его оттуда, ибо *ишхан* по природе был добр, а кроме того, они надеялись, что поездка принесет пользу и им.

А он, поехав, предстал перед великим государем, предъявил ему письмо военачальника их и сообщил о причинах своего прибытия, дескать, прибыл, чтобы служить тебе. Услышав это, великий государь любезно принял его, дал ему в жены татарку и послал его обратно на родину. [И еще] он предписал своим военачальникам вернуть [Авагу] его страну и с его помощью постараться подчинить всех мятежников, что именно и было сделано.

Как только он вернулся на родину, [татарские] военачальники исполнили повеления своего государя. Тогда им изъявили покорность сын Закарэ Шахиншах, и *ишхан* Ваграм, и сын его Ахбуга, и Гасан, коего звали Джалалом, владетель области Хаченской, и многие другие. И каждому из них возвращены были его владения, а также [было сделано] и снисхождение на некоторое время.

Затем стали притеснять их податями, постоянными своими посещениями и требованием [выделить] воинов. И, невзирая на притеснения подобного рода, а также еще более тяжкие, они никого не убивали. А по прошествии нескольких лет [татары] стали особенно притеснять *ишхана* Авага, так как были они крайне жадны, а [Аваг] не мог удовлетворить желания всех. Они не довольствовались тем, что ели и пили, а требовали еще драгоценной одежды и коней, так как очень их любили. Поэтому они забирали лошадей отовсюду в стране, и никто не решался открыто держать лошадь либо мула — разве только скрывали где-нибудь для отбывания военной повинности. Ибо, где бы ни нашли они [лошадь], отбирали, более того, если на ней оказывался их знак (ведь каждый военачальник клеймил весь свой, а также отобранный [у населения] скот, выжигая на теле [животного] свой знак и если даже [лошадь] была куплена у них самих, люди из другого отряда отнимали [лошадь] и наказывали [владельца] как вора. И это делали не только высокопоставленные, но и рядовые [татары]; особенно сильно стали они притеснять [местное население] с тех пор, как умер могущественный начальник Чагатай. Его ночью убили мулехиды. И по этому случаю была ужасная резня — убивали пленных, находившихся в стане. Муж сей (Чагатай) был другом Авага, и после его смерти множество врагов поднялось против [Авага].

Однажды в доме Авага один из них, не очень уж знатный, пришел в шатер, где восседал Аваг, и когда тот не столь поспешно встал навстречу ему, [татарин] начал бить Авага по голове нагайкой, которая была у него в руке.

При виде этого служители *ишхана*, возмущенные оскорблением, нанесенным *ишхану*, их господину, хотели избить этого человека. Но *ишхан* удержал их, хотя и был разгневан. Человек тот, которого звали Джодж-Буга, ушел, уведя с собой и товарищей своих, намереваясь той же ночью убить *ишхана*. Узнав об этом, [Аваг] еле убежал к грузинской царице, ибо та еще не покорилась и скрывалась в неприступных твердых Грузии.

Все эти беспорядки совершались еще и потому, что великий военачальник их по имени Чармагун онемел, одержимый бесом и недугами, но власть все еще оставалась за его домом — страной правили его жена и сыновья вместе с управителями, ибо *хакан* велел, даже если [Чармагун] умрет, кости его возить вместе с войском, так как муж тот был очень удачливый и даровитый.

Когда Аваг убежал, вельможи приуныли и стали осуждать того человека (Джодж-Бугу), послали вслед за ним нарочных, [прося] не восставать против них, клялись ему не делать ничего худого. И для большей убедительности его владения передали Шахиншаху, считая его братом Авага. А Аваг написал письмо и послал *хакану*, дескать: «Я не вышел из повиновения тебе, а просто убежал, чтобы спастись от смерти, теперь жду твоих приказаний».

И пока он мешкал с отъездом и ждал ответа великого государя, эти обнаружили все сокровища, спрятанные им в крепостях, и завладели ими. И из страха перед своим государем снова и снова посылали к Авагу гонцов, прося его вернуться.

И когда Аваг вернулся в войско, тут же пришел приказ *хакана* своим воинам, предписывавший не причинять Авагу никакого зла, и письмо к Авагу с дарами, [чтобы тот] смело поехал бы к нему и [ничего] не боялся. Тогда, воздав [Авагу] почести и удалив из стана людей, намеревавшихся убить его, послали его, а вместе с ним и некоего начальника, по имени Тонгуз-ага, прибывшего, чтобы взysкать по приказанию *хана* подати со всего населения, к грузинской царице Русудан с предложением покориться великому государю.

Прибыв к ней, они уговорили ее покориться великому государю и не бояться ничего. И, взяв у нее войска, вернулись к пославшим их с мирным договором на следующих условиях: царица вместе с только что коронованным сыном — мальчиком Давидом — изъявляет покорность, а они не должны нарушать договора.

Глава 30

О резне в землях Хаченских и о благочестивом *ишхане* Джалале

Мы уже очень кратко рассказали о том, что сотворили со страной нашей бешеные воины, называемые татарами. Расскажем теперь и о крае Хаченском: о том, что они сделали там. Они совершали набеги по всем направлениям и даже по жребию делили [страны]. Некоторые из их военачальников, с хорошо снаряженным, тяжело вооруженным войском и всем лагерным имуществом вторглись в нее (Хаченскую страну), многих из тех, что жили в открытых местах, убили и угнали в плен. Затем стали воевать с теми, кто убежал, и с теми, кто укрепился в твердынях. Кого обманом, а часть и насильно [заставили спуститься с гор], одних убили, других взяли в плен, однако же большинство укрепилось в надежных местах, которые из-за неприступности своей назывались Хавахахац, и, обосновавшись там, считало себя в безопасности. Но так как погром был делом рук господ, татары взобрались тайком и неожиданно вошли в крепости, предали всех мечу, а часть сбросили с вершины скалы. И так много было сброшенных вниз, что трупы покрыли землю, а кровь текла, подобно ручью. Не пощадили никого. И долго еще можно было видеть кости, собранные, подобно камням, в кучи.

Пошли они и на благочестивого *ишхана* Гасана, прозванного Джалалом. Сын сестры великих *ишханов* Закарэ и Иванэ, [*ишхан* Гасан] был человек благочестивый и богобоязненный, кроткий и мягкий, жалостливый и нищелюбивый, неутомимо молящийся, подобно отшельникам в пустыне. Где бы он ни находился, неукоснительно исполнял дневную и ночную службу, как в монастыре. Ночь же на воскресенье проводил [обычно] на ногах в бдении и без сна в память воскресения спасителя. Очень любил священников, был любознателен, с радостью читал божественные заветы.

Благочестивая мать его после смерти своего мужа Вахтанга, называемого также Танкиком, устроив трех своих сыновей — Джалала, Закарэ и Иванэ, поехала в святой город Иерусалим и провела там долгие годы в покаянии, чем привела в изумление всех, кто видел или слышал об этом, ибо все, что у нее было, она раздала, подобно Елене, жене Абгара, нищим и нуждающимся и кормилась трудом рук своих. Там она и умерла, и бог прославил [эту женщину], прославившую его, — свет в виде свода снизошел над могилой ее, чтобы побудить и других к подобной благотворительности.

Мудрый *ишхан* [Джалал], как только узнал о наступлении неверных, собрал всех жителей своей страны в крепость, называемую по-персидски Хоханаберд. И когда [татары] пришли, чтобы осадить ее, и увидели, что взять крепость невозможно, стали предлагать ему заключить с ними дружеский мир. И тот мудро склонился к их намерению. А затем и сам он прибыл к ним с подарками. [Татары], воздав ему почести, вернули ему его владения и даже добавили кое-что, затем приказали ему выходить год за годом вслед за ними на войну и спокойно жить под их властью. А [Джалал] разумно распорядился страной своей: все, что нужно было для нужд гонцов, прибывающих к нему, будь то пища или что иное, он собирал и держал при себе и даже от себя добавлял и отдавал им это, когда они являлись к нему, и [татары] не притесняли [население] страны, а просто приезжали к нему¹. А в других областях не делали этого, поэтому [татары], где только могли, везде притесняли их.

[...]

Глава 32

Краткое описание внешности татар

Поскольку мы вознамерились оставить грядущим поколениям [наш труд] как память о себе и надеемся избавиться от гнета, довлеющего над нами, опишем вкратце для любознательных читателей внешность и язык их (татар). Внешний вид их был адским и наводил ужас. Борода не росла, лишь у некоторых росло несколько волосков на губах или подбородке, глаза узкие и быстрые, голос тонкий и пронзительный. Живут они долго.

Когда бывает, что поесть, они едят часто и жадно и пьют, а когда нет ничего, терпеливо переносят [голод]. Питаются всеми животными без разбора — чистыми и нечистыми, предпочитают же всему конину, которую делят на части и варят либо жарят без соли, затем крошат на мелкие куски и едят, макая в соленую воду. Одни едят, сидя, подобно верблюдам, на коленях, а другие — просто сидя. Одну и ту же пищу подают как господам, так и слугам. Перед тем как пить кумыс или вино, кто-нибудь из них берет большой сосуд в одну руку, в другой держит малую чашу, которой черпает из большой, затем разбрызгивает сначала к небу, потом [в сторону] востока, севера и юга. И только тогда тот, кто брызгал, отпивает немного и передает [чашу] старшему. Если кто-нибудь приносит им еду и питье, сперва дают пить и есть принесшему, а лишь после этого сами едят и пьют, чтобы избежать отравления.

Они берут столько жен, сколько хотят, однако прелюбодействующих с их женами умерщвляют, а сами, где только встретится, безо всякого разбора живут с иноплеменницами. Воровство же ненавидят, вплоть до того, что жестоко казнят [за это].

У них нет богослужения, они не поклоняются [никому], но божье имя упоминают часто, при любом случае. И мы не знаем, воссылают ли они хвалу богу существу или призывают другое божество, да и они тоже не знают. Но обычно они рассказывают вот что: государь их — родственник бога, взявшего себе в удел небо и отдавшего землю *хакану*. Говорили, якобы Чингис-хан, отец *хакана*, родился не от семени мужчины, а просто из невидимости появился свет и, проникнув через отверстие в кровле дома, сказал матери [Чингиса]: «Ты зачнешь и родишь сына, владыку земли». Говорят, так он и родился. Эту [легенду] рассказал нам *ишхан* Григор, сын Марзпана, брат Асланбега, Саргиса и

Амира из рода Мамиконянов, который сам слышал ее как-то от одного знатного человека, по имени Хутун-ноин, из [татарской] высшей знати, когда тот поучал молодежь. А когда кто-либо из них умирал или если убивали кого, то, бывало, много дней подряд возили [его труп] с собой, поскольку, [как им казалось], бес, вселившийся в него, говорил вздор и долго бормотал. Бывало, что [труп] сжигали, чаще же хоронили в землю, в глубокой яме, и вместе с ним складывали оружие его, и одежду, золото, серебро, и всю его долю [имущества]. А если это был кто-либо из знати, зарывали вместе с ним в могилу слуг и служанок его, как говорили они, для прислуживания ему. [Зарывали вместе с ним] и коней тоже, ибо, говорили они, там происходят жестокие сражения. А когда хотели сохранить память об умершем, распарывали брюхо коня и через это отверстие вытаскивали все мясо без костей, затем сжигали внутренности и кости и зашивали шкуру, как если бы [у него] все тело было [в целости]. Потом, заострив длинный шест, продевали его через брюшину в рот лошади и так поднимали ее на дерево или [водружали на] какое-либо возвышенное место.

Женщины их были колдуньи и гадали об всем; без повеления своих колдунов и кудесников [татары] не пускались в путь — [делали это] только с их разрешения.

Язык их дик и непонятен нам, ибо бога они называют тангри, человека — эрэ, аран, женщину — эме, апджи, отца называют эчка, мать — ака, брата — *ага*, сестру — акатчи, голову — тирон, глаза — нигун, уши — чикин, бороду — сахал, лицо — йюз, ниур, рот — аман, зуб — схур, сидун, хлеб — отмак, быка — окар, корову — унэн, барана — гойна, ягненка — гурган, козу — иман, лошадь — мори, мула — лоса, верблюда — таман, собаку — нохай, волка — чина, медведя — айтку, лису — хонкан, зайца — таблга, тула, курицу — тахеа, голубя — кокучин, орла — буркуигуш, воду — усун, вино — тарасун, море — наур-тангыз, реку — моран-улансу, меч — иолту, лук — ныму, стрелу — сыму, царя — *мелик*, патрона — *ноин*, великого патрона — *екка ноин*, страну — эл, иркан, небо — гога, солнце — наран, луну — сара, звезды — сарга, хутут, свет — отур, ночь — сойни, писца — *битикчи*, сатану — барахур, элп и тому подобные варварские названия, которые в течение многих лет были нам неизвестны, а теперь поневоле стали известны.

Вот главнейшие и знатнейшие из них (татар): первый и великий, глава и повелитель всех войск Чармагун-ноин, человек, обладающий судебной властью и судивший. Вместе с ним заседают Исрар-ноин, Гутун-ноин, Тутун-ноин и Чагатай — военачальник, которого убили мулехиды. Много еще было [у них] военачальников и бесчисленное число воинов.

Глава 33 О сирийце Рабане

Бог-провидец, желающий существования всех [тварей], по человеколюбию своему явил среди них (татар) мужа одного, сирийца по происхождению, человека богобоязненного и благочестивого, которого называли отцом их государя, *хакана*. Собственное имя его было Симеон, но звали его Рабан-ата: рабан по-сирийски значит «учитель», а ата — по-татарски «отец». Узнав о беспощадной резне христиан татарскими войсками, он явился к *хакану* с просьбой обратиться к своему войску с посланием — не уничтожать без разбора невинных людей, которые не воюют с ними, а оставлять их [в живых], чтобы они служили ему. Тот послал самого [Рабан-ату] с большой и пышной свитой и указом, обращенным к своим военачальникам, который предписывал во всем слушаться его повелений. И, прибыв, он принес много пользы христианам, избавив их от смерти и плена. Построил также церкви в мусульманских городах, где [прежде] люди не осмеливались называть имя христово, а особенно в Тавризе и Нахичеване, где к христианам относились еще более враждебно, так что они не решались открыто появляться или ходить [по улицам], не то чтобы строить церкви или водружать кресты. А он строил церкви, водружал кресты, заставлял бить в трещотки днем и вечером, открыто ходить на кладбище и хоронить умерших, как принято у христиан, с крестами, свечами, евангелием и службой. Спротивлявшихся он казнил смертью. И никто не осмеливался ослушаться его приказа. Все войско татарское почитало его, как если бы он был их государем: без него ничего не задумывали и не предпринимали.

Его торговые люди, снабженные *тамгой*, т.е. знаком и грамотой, свободно странствовали по всей стране, никто не осмеливался подойти к людям, которые называли имя Рабана. Все военачальники татарские посылали ему дары из своей военной добычи. Сам [Рабан] был человек кроткого нрава, воздержанный в пище и питье: лишь один раз в день — вечером — он принимал немного пищи. Таким вот образом посетил бог народ свой в бедствии с помощью мужа своего. Многие татар он крестил. Все боялись его и трепетали перед ним из-за его чудесного нрава и прославленного имени.

Когда писалось это место в моем сочинении, был 690 (1241) год армянского летосчисления, [было это] в период царствования в армянском Киликийском царстве благочестивого Хетума, при жизни брата его, военачальника Смбага Храброго, и *ишханац-ишхана* Константина, отца их. В период *патриаршества* на святом престоле Григора добродетельного старца Константина, восседавшего в крепости Ромейской, и *архиепископства* владыки Барсега, брата царя Хетума, являвшегося наместником *католикосского* престола, в период *патриаршества* в агванском *католикосате* кроткого и человеколюбивого владыки Нерсеса, восседавшего в те дни в монастыре, называемом Хамши, в *гаваре* Миапор, и в период *архиепископства* племянника его, недавно рукоположенного Иованнеса, в период владычества татар над всем миром, в то время, когда мне исполнилось сорок лет или около этого.

Глава 34 О разорении Феодосополя

Итак, с наступлением 691 (1242) года армянского летосчисления пришла грамота *хакана* к войскам и военачальникам, [находящимся] на Востоке, о назначении военачальником и предводителем вместо онемевшего Чармагуна одного из полководцев, по имени Бачу-хурчи: ему выпала доля быть предводителем, поскольку [татары] руководствовались указаниями волхователей.

Когда [Бачу-хурчи] получил власть, он тотчас же собрал войско из всех подчиненных ему народов и пошел на Армению, подвластную ромейскому *султану*. Дойдя до Каринского *гавара*, он обложил Феодосиополь, называемый нынче городом Карином, и, начав осаду, отправил в город послов с предложением покориться ему. Но они не захотели подчиниться, а с презрением отослали посланцев и, поднявшись на [городскую] стену, стали ругать их.

А [татары], видя, что мир не принят, разделили всю городскую стену между начальниками, дабы те разрушили ее целиком. Те с особым рвением [взялись за дело], поставили множество *тиликванов*, разрушили стену и, войдя в город, беспощадно предали всех мечу, [потом] разграбив имущество и скарб [горожан], сожгли город. Город в ту пору был весьма многолюден, он был полон христиан и мусульман; кроме того, там собралось население всего *гавара*.

Было там неисчислимое множество книг Священного писания, как больших, так и малых. Иноплеменники, захватив их, продавали, часто за бесценок, христианам, служившим в войске. А те с радостью покупали, распространяли по всему *гавару*, даря церквям и монастырям. Было выкуплено также много людей из плена — мужчин, женщин и детей, *епископов*, священников и *дьяконов*; [выкупили их] в соответствии со своими возможностями князья-христиане Аваг и Шахиншах, сын Ваграма Ахбуга и сын Допа, богобоязненный Григор Хаченеци, [а также] и воины их. Да воздаст им Христос за это. Всех их, [выкупив из плена], отпустили на свободу, предоставив им самим решать, куда идти.

[Татары] разрушили не только город Карин, но также и многие *гавары*, подвластные ромейскому *султану*. И *султан* ничего не мог поделать, а от страха скрывался где-то; говорили даже, будто он умер. Войска же татарские, совершив это, воротились с большой добычей и ликованием в страну Агванк на зимнее стойбище свое — в плодородную и плодоносную равнину, называемую Муганью. И там перезимовали.

Глава 35

О войне между *султаном* и татарами

Пока татарские войска, разместившись, пребывали в безопасности на равнинах по всей Армении и Агванку, прибыл от *султана* Гиатадина посол с высокомерным и угрожающим, как принято у мусульман, посланием: «Разрушив один город, вы решили, что уже победили меня и сломили мощь мою. Городов же у меня несметное множество, а войскам моим несть числа. Так оставайся на месте и жди, я сам приеду и посмотрю на тебя в сражении». И много подобных хвастливых слов было там. Кроме того, посланец сказал: «*Султан* собирается перезимовать вместе с женами и войском следующую за этим летом зиму здесь, в Муганской долине».

А они, услышав это, не возмутились и не сказали никаких кичливых слов против [*султана*], и только глава их, Бачу-ноин, сказал следующее: «Наговорили вы многое, но ведь победа будет за тем, кому бог даст».

Между тем один за другим прибывали гонцы и торопили их на бой. Но они вовсе не спешили, а спокойно собрали войска свои и [из стран], подвластных им, пришли со всем своим имуществом в Армению, на луга, изобилующие травой, чтобы откормить лошадей своих, а потом медленно двинулись туда, где был раскинут стан *султана*. Ибо и тот тронулся со своего места и пришел в Армению, находившуюся под его владычеством, подошел к местечку, называемому Чман-Катук; он собрал и привез с собой [туда] бесчисленное множество войск, жен и наложниц, золото и серебро и все, что нужно было для обслуживания его величества. Кроме этого удовольствия своего ради [он привез с собой] откормленную дичь и множество пресмыкающихся и даже мышей и кошек, ибо хотел показать войску, что ничего не боится.

А полководец Бачу очень разумно и мудро разделил свое войско на множество отрядов и подчинил их храбрым начальникам, а пришлые войска, собранные из разных стран, он распределил между ними, дабы не было никакого предательства. И, отобрав из них самых мужественных и храбрых, составил передовой отряд и выслал их вперед. [Отряд] выступил, встретился с войсками *султана*, разбил и обратил их в бегство. Бежал и *султан* и еле спасся, оставив там весь свой скарб и имущество. [Татары], преследуя их, жестоко перебили войско, предав его мечу. Затем начали грабить павших.

А когда подошли основные войска, они увидели, что *султан* бежал, а войско его разбито. Тогда [татары] стали совершать набеги по разным направлениям, грабить и разорять многие *гавары*; собирать золото и серебро, драгоценную одежду, верблюдов, лошадей, мулов и бесчисленное множество скота. Затем пришли и окружили город Кесарию Каппадокийскую и, окружив, осадили ее, и так как жители не сдались, [татары] силой захватили [город], перерезали жителей, разграбили все их имущество и, превратив город в пустыню, ушли в Себастию. И поскольку жители [этого] города заблаговременно сдались и вышли навстречу им с дарами и приношениями, [татары] не стали их трогать, а разграбили часть богатства города, [затем] подчинили город своей власти, назначили правителя, а сами повернули и ушли [оттуда].

Пришли они к городу Езенка, осадили его и стали совершать вылазки. Жители города нанесли татарским войскам множество ударов. Тогда [татары] стали льстиво, якобы по дружбе уговаривать их выйти из [города], и они, поверив, вышли, ибо не было у них помощи ниоткуда. Предав их мечу, [татары] перерезали всех — мужчин и женщин, оставили лишь небольшое число детей и девушек, которых угнали в неволю и рабство.

Разграбив и полонив таким образом множество *гаваров* и областей, пришли [татары] в город Тюрюкэ. Жители его, зная, что нет возможности противостоять им в бою, добровольно сдались, и [татары], как следует обобрав их, оставили город, не нанеся ему ущерба, и с большой добычей и великим ликованием вернулись целыми и невредимыми на свои зимовья в Армению и Агванк, ибо то господь ниспослал всем народам поражение и истребление. Однако христиане, служившие вместе с ними в войске, многих избавили от пленения — кого явно, а кого и тайно: и священников, и монахов. Особенно много [пленных] в соответствии со своими возможностями [освободили] великие князья Аваг и Шахиншах, Ваграм и сын его Ахбуга, а также хаченцы Джалал Гасан, его воины и родственники, сын Допа Григор, двоюродный брат Джалала по матери, и другие князья и их воины. И было это в 692 (1243) году армянского летосчисления.

Глава 36

Об армянском царе Хетуме и о том, что он совершил

Когда это произошло, царь Хетум, владевший Киликией и тамошними областями, видя, что *султан* понес поражение от них (татар), отправил к ним посланцев с богатыми приношениями, чтобы заключить с ними соглашение о мире, и покорился им. [Посланцы], прибыв к Великому двору (т.е. в ставку *хана*), благодаря содействию князя Джалала были представлены Бачу-ноину, жене Чармагуна Элтина-хатун и другим великим вельможам. Выслушав посланцев царя [Хетума], приняв дары, [татары] потребовали у него выдачи матери *султана*, жены и дочери его, убежавших и скрывшихся [в Киликии]. Узнав об этом, царь Хетум очень огорчился и молвил: «Лучше бы сына моего Левона они потребовали у меня, нежели их». И так как он очень боялся их, [боялся], как бы это не стало поводом к большому несчастью, то волей или неволей выдал [татарам] их, а также богато одарил тех, кто приехал за ними. И они увезли их и явили пред очи Бачу и остальных начальников, которые при виде их обрадовались и оказали большие почести посланцам царя, назначили им и лошадям их содержание на протяжении зимы, дабы с наступлением весны отправиться вместе с ними в страну их.

[Татары] заключили с царем союз и, по обычаю своему, дали грамоту, называемую *эль-тамгой*. И в таком положении они ожидали наступления весенней поры, чтобы еще раз совершить нападение на *султана* и его страну.

[...]

Глава 38

О воцарении Давида

Хитрое и коварное племя стрелков не раз посылало к грузинской царице Русудан [с предложением] явиться к ним или же отправить к ним сына своего, отрока Давида, с войском, но она не стала делать этого, а выставила лишь небольшое войско и, поручив его сыну Иванэ Авагу, служившему в войске татарском, послала к ним со словами: «Пока не вернулся посланец мой, отправленный к *хакану*, царю вашему, я не могу явиться к вам».

[Татары] меж тем разбили ее зятя — *султана* ромейского, захватили многие из его городов, послали к нему *ишхана* Ваграма убедить его подчиниться им. И он, вернувшись, привез с собой сына грузинского царя Георгия Лаша, брата царицы Русудан, которая выслала его вместе со своей дочерью к ромейскому *султану* с тайным умыслом, что тот (*султан*) погубит его, дабы [царевич] не чинил козней царствованию ее; и он находился в заключении у *султана*.

Ваграм привез его и объявил татарскому войску: «Это сын нашего государя, несправедливо лишенный власти». А те наперекор [его] тетке [Русудан] посадили его на престол, приказав помазать на царство по обряду христианскому и чтобы восседал он в Тифлисе, а всем [подвластным] его отцу князьям [приказано было] изъявить ему покорность. Великие *ишханы*, покорные татарам, — полководец Аваг и сын Закария Шахиншах, Ваграм и сын его Ахбуга — взяли его и поехали в Мцхету, призвали туда *католикоса* грузинского и помазали его на царство. И было имя его Давид.

А тетка его, Русудан, узнав об этом, убежала вместе с сыном своим, также Давидом, в Абхазию и Сванетию и послала послов к другому татарскому военачальнику, которого звали Бату, родственнику *хана*, командовавшему войсками, находившимися на Руси, в Осетии и Дербенте, предлагая признать свою зависимость от него, поскольку тот был вторым после *хана* лицом. И [Бату] велел ей воссесть в Тифлисе, и [татары] не стали противодействовать этому, так как в эти дни умер *хан*.

Глава 39

О том, как призвали к Великому двору агванского *католикоса* владыку Нерсеса

Покуда войско татарское отдыхало на зимовье в долинах Армении и Агванка, сириец Рабан, которого мы выше упоминали, услышал об агванском *католикосе* и сообщил жене Чармагуна Элтина-хатун, которая правила страной после того, как он онемел, следующее: «Глава христиан этих краев скрывается где-то и не приезжает на свидание с нами». И отправили к нему [людей], дескать: «Что это такое? Лишь ты один не явился к нам. Сейчас же приезжай. И если ты не сделаешь этого по собственной воле своей, мы заставим тебя сделать это насильно, с позором». А он, поскольку жил в это время в монастыре, называемом Хамши, в *гаваре* Миапор, находившемся во владениях Авага, не осмелился отправиться [к татарам] без его позволения, дабы поездка его не вызвала бы недовольства [*ишхана*]. Он спрятался от татар, поручив своим служителям сказать, что его нет дома, что он отбыл к Авагу. И [татары] дважды или трижды посылали к нему [гонцов] и с угрозами требовали его к себе.

Позже, получив от Авага разрешение, [католикос] отправился к ним в Муганскую равнину с необходимыми подарками, но с Рабаном он там не встретился, ибо тот уже уехал в Тавриз. Тогда он поехал к Великому двору, чтобы предстать перед Элтина-хатун, которая любезно его приняла и оказала ему большие почести: посадила выше всех своих вельмож, собравшихся к ней по случаю свадьбы сына ее Бораноина (она взяла в жены сыну своему дочь некоего вельможи, по имени Гутун-ноин, а дочь свою отдала в жены другому вельможе, по имени Усур-ноин). И в эти дни свадебных торжеств был у них большой праздник. Поэтому [Элтина-хатун] сказала католикосу: «В счастливый день ты приехал». А он умышленно ответил: «Ведь я выбрал для приезда именно эти, радостные для вас дни». И в эти радостные дни, пока она была занята заботами по поводу свадеб, поручила [католикосу] и его служителей братьям своим Садек-аге и Горгозу, христианам по вере, недавно приехавшим из своей страны, которые стали оказывать ему большие почести. И когда она немного освободилась от забот, [католикосу] пожалованы были дары и *эль-тамга*, чтобы никто не притеснял его; приставили к нему также одного мугала-татарина, который сопровождал его при объезде им своей *епархии* в Агванке, ибо давно уже ни он, ни кто-либо до него не осмеливались посещать своих *епархий* из страха перед кровожадными и звероподобными мусульманами. А [католикос Нерсес], обойдя *епархию* свою, спокойно вернулся оттуда к себе в монастырь Хамши.

Глава 40

О набегх [татар] на многие *гавары* Васпураканского края

Опять-таки на второй год после бегства *султана* Гиатадина [татары] совершили поход на город Хлат в краю Бзнунийском и, взяв его, отдали сестре Авага, Тамте, бывшей раньше, пока она была женою Мелика Ашрафа, владелицей этого города. Она попала в плен к хорезмскому *султану* Джалаладину, оттуда ее взяли снова в плен [татары] и отправили к *хану*, где она пробыла долгие годы. А когда грузинская царица Русудан отправила послом к *хану* князя Хамадолу, тот на обратном пути выпросил у *хана* Тамту и привез ее с собой вместе с указом *хана*, предписывавшим вернуть [Тамте] все, что принадлежало ей, когда она была женою Мелика Ашрафа.

И они исполнили приказ своего государя: вернули ей Хлат вместе с окрестными *гаварами*, а сами разбрелись во все стороны, совершая набеги на Сирийское Междуречье, Амид и Урфу, на Мцбин и страну Шамб и многие другие области. Но вернулись они ни с чем, ибо хотя в бою им никто не оказывал сопротивления, однако из-за летнего зноя умерло от жары много людей и животных.

Вернувшись в свои страны, они перезимовали там. Был дан приказ о заселении города Карина — Феодосиополя. И стали стекаться туда разбежавшиеся, скрывавшиеся и убежавшие из плена. Позвали туда и *епископа* города тэр Саргиса, которого привез сын Закарэ *ишхан* Шахиншах. И начали заново отстраивать разоренный и разрушенный город.

[...]

Глава 43

Канонические установления владыки Константина, католикоса армян

[...] С наступлением следующего года — то был 696 (1247) год армянского летосчисления — благочестивый *католикос* Константин, послал церквам Восточной [Армении] через служку своего Теодоса дары: шелковые ткани различных цветов, драгоценные ризы, чтобы служить [в них] божественную *литургию* в славных монастырях, а также циркулярное письмо о передаче окрестных *гаваров* и городов в удел гробнице *апостола* Фаддея, [послал] большое количество золота для строительства паперти, которую после разорения, учиненного тюрками и набегами грузин, должен был возвести *варданет* Иовсеп, ибо [гробница] долгое время была пустынна и необитаема.

Иовсеп поехал к одному из татарских военачальников, по имени Анагурак-ноин, летнее обиталище которого в те дни находилось в соседстве с могилой святого *апостола* Фаддея; по его приказу вычистили церковь и освятили ее, [затем Иовсеп] основал монастырь и собрал в ней множество монахов.

И татарин этот продолжил дорогу во все стороны, чтобы богомольцы могли без страха проходить через его стан, строго-настрога приказал не беспокоить и не притеснять никого из тех, кто пожелает прийти сюда [на богомолье], и сам охотно склонялся к ним. Многие из [татар] приходили туда и крестили сыновей и дочерей своих, и множество одержимых и хворых были исцелены. И прославлялось имя господина нашего Иисуса Христа.

И вовсе не все воины татарские были врагами креста и церкви, наоборот, [многие] весьма почитали их, подносили подарки, поскольку не питали к ним ни ненависти, ни отвращения.

Глава 44

О сборщиках податей, прибывших от *хана*

Хан Гиуг, став великим государем войска татарского в их стране, тотчас послал сборщиков податей в свои войска, расположенные в покоренных ими различных краях и областях, собрать в них десятую долю добычи войска всякого рода и подать с *гаваров* и государств, которые были завоеваны ими: с персов, мусульман, тюрок, армян, грузин, агван и всех народов, подвластных им. Главными среди этих сборщиков податей были люди жестокие и алчные, одного из них звали Аргуном — он властвовал над всеми, а второго — Бугой, который был даже зловреднее того Буги, который в дни Джафара Измаильянина пришел в Армению и разорил множество областей. Точно так же и этот Буга: прибыв к

татарским войскам, входил в дома старшин и безжалостно отнимал все, что нравилось ему, и никто не осмеливался сказать ему что-нибудь, ибо он собрал себе людей среди разбойников из персов и мусульман, совершавших бесчеловечные поступки и особенно враждебно относившихся к христианам. [Эти разбойники] восстановили [Бугу] против благочестивого князя Гасана, называемого Джалалом. Тот схватил его при Великом дворе и в присутствии всей знати подверг разнообразным пыткам, [затем] разрушил неприступные крепости его — ту, что по-персидски называли Хоханабердом, Дэд, Тциранакар и другие его замки. И так сровнял их с землей, что даже следа не осталось, будто вовсе и не было там никогда построек. И, отдав [Буге] много золота и серебра, [князь Джалал] еле спасся от смерти; и высокие сановники [татарские] не могли ничем помочь ему, такой ужас нагнал [Буга] на всех.

Вознамерился [Буга] схватить также и *шиханац-шихана* Авага, чтобы и его подвергнуть пыткам и издевательствам. Тогда высокородные вельможи подучили его (Авага): «Не бойся, собери все свое войско и так ступай на свидание к нему; если же случится, что он захочет захватить тебя, ты сам захвати его». Аваг так и сделал — отправился к нему с большим войском. Увидев это, Буга испугался и сказал ему: «Что значит такое множество воинов? Неужто ты восстал против *хана* и пришел убить нас?» Аваг ответил ему: «А почему ты собрал такое множество злоумышленников из персов и пришел коварно захватить нас?» Когда Буга понял, что ему (Авагу) известны коварные намерения его, стал говорить с ним мирно. Однако он без конца обдумывал и замышлял зло против [Авага], искал удобного случая для претворения в жизнь злой воли своей. И покуда он размышлял об этом злодеянии, настиг его справедливый суд божий: вдруг в горле у него появились язвы и задушили его, и зло было убито злом. Так исчез [с лица земли] нечестивец, и да не увидит он славы божьей.

Глава 45

О том, как грузинские цари отправились к *хану*

Царство грузинское, совсем недавно такое могущественное, ослабело и попало под иго татарского войска, находившегося на Востоке, главою которого после смерти Чармагуна стал Бачу-ноин. И была в ту пору царицей грузинской некая женщина, по имени Русудан, которая скрывалась, укрепившись в неприступных местах Сванетии. К ней прибывали послы с двух сторон: из татарского стана от ближайшего родственника *хана* великого военачальника Бату, находившегося на севере, который властвовал над всеми, так что без его воли [даже] *хан* не вступал на престол, и от другого военачальника, по имени Бачу, находившегося в Армении; [оба они] предлагали ей явиться к ним с миром и дружбой и уже с их позволения править царством своим. А она, будучи женщиной красивой, не решалась поехать ни к кому из них, дабы не быть опозоренной, а посадила на престол своего сына Давида, совсем еще юношу, и послала его к военачальнику Бату.

А эти начальники, бывшие вместе с Бачу-ноином на Востоке, которые захватили все области Армении и у которых находились князья грузинские, увидев, что царица грузинская не поехала к ним, а послала своего сына к Бату, недовольные положением вещей, послали [людей] к ромейскому *султану* Гиатадину и привезли оттуда племянника Русудан, сына грузинского царя Лаша Георгия, которого сама Русудан отправила вместе с дочерью своей, женой *султана* Гиатадина, и тот заключил его в темницу, дабы он не злоумышлял против царствования его тещи. И эти привезли его оттуда и отдали ему царство отца его и послали к своему государю-*хану* для утверждения на царство. Сами же посылали одного за другим гонцов к царице Русудан, [предписывая] ей явиться к ним, хочет она этого или не хочет. То же самое и Бату — он отослал ее сына к *хану*, а сам звал Русудан явиться к нему.

И она, притесняемая с обеих сторон, приняла смертоносное зелье и покончила с жизнью. [А до того] она написала завещание князю Авагу, поручила ему сына своего, если тот вернется от *хана*.

А они (царевичи) поехали к Гиуг-хану, который любезно принял их. И предписал им править царством по порядку: сперва [править] старшему из них — Давиду, сыну Лаша Георгия, а затем, после смерти его (если другой останется жив), — другому Давиду, сыну Русудан, тетки его. А сокровища царские [приказал] разделить на три части: великолепный, бесценный трон, дивную корону, подобной которой не было ни у кого из царей, которая, говорят, принадлежала Хосрову, отцу армянского царя Трдата Великого, и, спрятанная там, сохранилась благодаря неприступности места, [затем] досталась царям грузинским и там и оставалась по сей день, — вот эти и другие редкостные ценности послать *хану*, а остальное поделить между собой. И, вернувшись, они так и сделали при посредничестве Авага, сына Иванэ. И восседал Давид, сын Лаша, в городе Тифлисе, а другой Давид — в Сванетии.

Глава 46

О том, как отправились к *хану* Смбат, военачальник армянский, и сын *султана* Гиатадина

Армянский царь Хетум, восседавший в Киликии, послал своего брата, военачальника Смбата, с изысканными дарами к *хану*. И тот, пройдя с миром долгий путь и будучи с большим почетом принят [*ханом*], вернулся с громкой славой и доверительной грамотой, дарующей ему множество *гаваров* и ряд крепостей, принадлежавших прежде царю Левону и отнятых у него после его смерти ромейским *султаном* Аладином.

Султан Гиатадин умер, и остались [после него] двое его сыновей юного возраста. Между ними возникло разногласие, [тогда] один из них поехал к *хану*, получил от него царство отца своего и вернулся вместе с армянским полководцем Смбатом. Явились они к Бачу-ноину и другим [татарским] вельможам, и те подтвердили приказ государя своего и предоставили войско для сопровождения их в подвластные им страны.

И когда они достигли города, называемого Езенка, услышали [весть] о том, что брат *султана* Гиатадина, став зятем Ласкариса, ромейского царя в Ефесе, с его помощью сел на *султанский* престол в Конии, а брат его с сыном — на исконный престол в Алайе. Побоявшись ехать туда, он остановился там, в Езенке, чтобы посмотреть, чем кончится это дело.

А полководец Смбат поехал в свою страну, к своему брату, царю Хетуму.

Глава 47

О резне, учиненной татарскими войсками в Грузии

В то время когда страна немного оправилась от всепоглощающего пожара, зажженного разбойниками и грабителями, и люди стали уповать скорее на них, чем на бога; когда князья притесняли и обижали бедных и на эти поборы покупали драгоценные одежды и одевались, ели и пили и чрезмерно кичились, как обычно делают это тщеславные грузины, бог дал им, не наученным прежним [опытом], возможность сойти с высот своих и познать меру слабости своей. Дьявол поднял против них тех, на кого они надеялись: неожиданно все начальники войска татарского собрались на совет, вооружились и приготовились истребить все подвластное им [население] Армении и Грузии под предлогом, мол, царь грузинский вместе со всеми князьями хочет восстать, собирает войско, придет истребить их, поскольку действительно казалось, все князья стягивали войска свои в Тифлис, к грузинскому царю Давиду.

И когда они (князья) выпили вина, то расхрабрились и некоторые из них, недостаточно благоразумные, стали говорить: «Почему это мы повинемся им, имея такое большое войско? Давайте нападём внезапно на них, разобьем и сотрем их [с лица земли], возьмем в свои руки страну свою». Но великий *ишхан* Аваг воспротивился этому намерению, а татарские воины, находившиеся в тех местах, услышали об этом и сообщили [своим] начальникам. И когда воины князей разъехались каждый к себе, тогда они (татары), вооружившись, хотели истребить всех без исключения. И захватили князей, которых обнаружили в их [владениях], а за теми, кого не было на месте, послали гонцов и потребовали их к себе без промедления. А милосердный бог не дал исполниться намерению их до конца, помешал им под таким предлогом. Один из главных начальников, бывший полководцем всего войска [татарского], которого звали Чагатаем, друг Авага, выступил против вооруженного войска и обратился к нему со словами: «Мы не получали от *хана* приказа убивать тех, кто покорился и подчинился нам и платит дань хану; еще не установлено точно, действительно ли они восстали. Так если вы их умертвите без причины, сами же ответите *хану*». Услышав это, [татары] не стали дознаваться истины.

Мать Авага, которую звали Хошак, поехала к нему, она ручалась за верность своего сына им (татарам), говорила, что сам он скоро приедет к ним. И действительно, вскоре приехал *ишхан* Аваг и доказал им свою преданность с помощью многих свидетелей. Прибыли к ним также царь Давид и другие князья. [Татары], по обычаю своему, крепко связали всем руки и ноги тонкой бечевою и продержали их в путах три дня, издевались над ними и поносили их за надменность и мятежные думы. Затем, отобрав всех коней и [взяв] выкуп, отпустили их, а сами устремились в [разные] концы Грузии, на *гавары*, и мятежные и мирные, многих истребили, еще больше угнали в плен, бесчисленное множество мужчин, женщин и детей было брошено в реку. И случилось это в 698 (1249) году армянского летосчисления.

Потом скончался *ишханац-ишхан* Аваг и был погребен в Пхиндзаанке, в склепе отца своего Иванэ. Владения его были переданы Закарэ — сыну Шахиншаха, двоюродного брата Авага, поскольку у Авага не было сыновей. Была [у него] только малолетняя дочь и от незаконной связи — малолетний сын, о котором лишь после смерти стали говорить, что он — сын его; его (мальчика) взяла к себе сестра его и воспитывала. Позже, отняв у Закарэ [владения эти], передали их жене Авага, которую звали Гонцей.

[...]

Глава 55

О Сартахе, сыне Батыя

Великий военачальник Батый, находившийся на севере, обосновался на жительство на берегу Каспийского моря и великой реки Атль, равной которой не найдется на земле, ибо из-за равнинной местности она растекается, подобно морю. Там в великой и обширной долине Кипчакской и расположился он (Батый) вместе с огромным, неисчислимым войском, ибо обитали они в шатрах, а когда снимались с места, шатры перевозили на повозках, впрягая в повозки множество волов и лошадей.

Он (Батый) очень усилился, возвеличился над всеми и покорил всю вселенную, обложил данью все страны. И даже его сородичи почитали [Батыя] больше всех остальных, и тот, кто царствовал над ними (кого они величают *ханом*), сел на престол по его приказу. Случилось умереть Гиуг-хану. В царском их роде началась распря о том, кому сесть на престол. И все нашли, что он (Батый) достоин сесть [на престол] или же станет царем тот, кого пожелает [Батый].

И пригласили его приехать из северных стран на родину свою, чтобы царствовать над всеми. Он отправился утвердить свою власть, а во главе войска оставил своего сына по имени Сартах. Поехав же, не сел на трон царский, а назначил [вместо себя] одного из своих сородичей, по имени Мангу, а сам возвратился к войску своему.

Некоторые из его родственников были недовольны этим, так как надеялись либо воцариться самим, либо посадить на престол сына Гиуг-хана по имени Ходжа-хан, однако не решались открыто высказывать свое недовольство. А когда он вернулся к своему войску, они стали выражать возмущение Мангу-хану и начали крамолу.

Батый, услышав об этом, приказал убить многих из сородичей своих и знати, в том числе и одного великого начальника, по имени Элчи-Гада, получившего [в свое время] от Гиуг-хана приказ встать вместо Бачу-ноина во главе татарского войска, находившегося на Востоке и в стране армян. Молва о смерти Гиуг-хана дошла до него, когда он был еще на пути к Персии. И он остался там, выжидая, кто же захватит царский престол. Начальники войск, расположенных на Востоке, донесли Батыю на него, дескать, тот не хотел, чтобы [Батый] правил ими, ибо человек он высокомерный, и сказали, что, мол, он не подчиняется также Мангу-хану. [Батый] приказал привести его к себе; его схватили, закованного привели [к хану] и безжалостно убили.

Затем начали являться к нему цари и царевичи, князья и купцы — все огорченные тем, что были лишены вотчин своих. И [Батый] судил по справедливости и возвращал каждому, кто просил его, все области, вотчины и владения и снабжал специальными грамотами, и никто не смел противиться приказам его.

Был у него сын по имени Сартах, о котором мы выше упомянули, воспитанный кормилицей-христианкой; вступив в возраст, он уверовал в Христа и был крещен сирийцами, которые вырастили его. Он во многом облегчил положение церкви и христиан и с согласия отца своего издал приказ об освобождении [от податей] священников и церкви, разослав его во все концы, угрожая смертью тем, кто взыщет подати с церкви или духовенства, к какому бы племени они ни принадлежали, даже с мусульманских мечетей и их служителей.

С этого времени, осмелев, стали являться к нему *варданеты*, *епископы* и *иереи*. Он любезно принимал всех и исполнял все их просьбы. Сам он жил в постоянном страхе божьем и благочестии — возил с собой в шатре алтарь, всегда исполняя священные обряды.

Вместе с другими прибыл к нему (Сартаху) и великий *шихан* Хачена и областей Арцаха Гасан, которого ласково называли Джалалом — муж благочестивый, богобоязненный и скромный, армянин по происхождению. Он (Сартах) любезно и почтительно принял его и всех, кто был с ним: *шихана* Григора, которого обычно называли Отроком, [хотя] он в то время был уже старик, и *шихана* Десама, скромного юношу, и *варданета* Маркоса, и *епископа* Григора.

Он повел [Джалала] к своему отцу, оказал ему высокие почести и вернул ему его вотчины — Чараберд, Акану и Каркар, отнятые раньше у него тюрками и грузинами. [Гасан] получил также на имя владыки Нерсеса, *католикоса* агванского, грамоту об освобождении [от налогов] всего его имущества и доходов, чтобы был он свободен и не платил податей, смело странствовал повсюду в подвластных ему уделах и никто чтобы не прекословил ему.

И Джалал радостный вернулся домой, но спустя несколько дней, притесняемый сборщиками податей и Аргуном, отправился к Мангу-хану, и воцарился Мангу-хан в 700 (1251) году армянского летосчисления.
[...]

Глава 57

О переписи, проведенной по приказу Мангу-хана

Итак, в 703 (1254) году армянского летосчисления Мангу-хан и великий военачальник Батый послали *востикана* по имени Аргун (получившего еще повелением Гиуг-хана должность главного сборщика царских податей в покоренных странах) и еще одного начальника из рода Батяя, которого звали Тора-ага, с множеством сопровождающих их лиц провести перепись всех племен, находившихся под их властью.

И те, получив такой приказ, отправились во все страны исполнить [поручение]. Добрались они до Армении, Грузии, Агванка и окрестных областей. Начиная с десяти лет и старше всех, кроме женщин, записали в списки. И со всех жестоко требовали податей, больше, чем люди были в состоянии [платить], [народ] обнищал. [Сборщики налогов] притесняли их невообразимыми требованиями, пытками и муками. И того, кто прятался, схватив, убивали, а у того, кто не мог выплатить подать, отнимали детей взамен долга, ибо странствовали они [в сопровождении] персов-мусульман.

Даже князья — владетели областей ради своей выгоды стали их сообщниками в притеснениях и требованиях. Но этим они (мугал-татары) не довольствовались; всех ремесленников, будь то в городах или селах, они обложили податью. И рыбаков, промысляющих рыбной ловлей на морях и озерах, и рудокопов, и кузнецов, и красильщиков — [всех обложили податью]. Да нужно ли мне подробно рассказывать? Были закрыты людям все пути к получению доходов, и лишь сами они получали доходы. Все соляные копи как в Кохбе, так и самых разных местах были отняты.

Нажились они и на торговых и собрали огромное богатство — золото, и серебро, и драгоценные камни. И так, обобрав всех, повергнув страну в горе и бедствие, они оставили злобных *востиканов* в тех странах, чтобы они взыскивали то же самое ежегодно по тем же спискам и указам.

Однако ими был возвеличен один богатый купец, по имени Умек, которого сами они называли Асиллом. Человек этот любил делать добро, и мы уже упоминали о нем, рассказав, как он во время разорения татарами города Карин спасся вместе с сыновьями Иованном и Степаносом и своими братьями. А в это время он уже обосновался на жительство в городе Тифлисе, считался названным отцом грузинского царя Давида и был почтен грамотой *хана* и [уважаем] всей знатью. Он заплатил щедрую дань Аргуно и спутникам его, и те оказали ему большие почести.

Но с духовенства не взыскали никаких податей, ибо не было у них на то приказа от *хана*. Точно так же и с сыновей Саравана: Шнорхавора и Мкртыча — людей богатых и знатных.

Глава 58

О том, как благочестивый царь армянский Хетум отправился к Батью и Мангу-хану

Набожный и христоробивый армянский царь Хетум, правивший в Киликии, восседал в городе Сисе. Сначала он отправил брата своего Смба, который был его полководцем с подарками и подношениями к Гиуг-хану, и тот с честью возвратился с грамотой о признании.

А когда воцарился Мангу-хан, великий военачальник Батый, носивший титул царского отца, расположившийся и живший с бесчисленным войском в северных областях на берегу великой и бездонной реки, называемой Етиль, что впадает в Каспийское море, послал [людей] к царю Хетуму с [приглашением] приехать повидать его и Мангу-хана. И тот, боясь его (Батя), пустился в путь, но тайком и переодетый из-за страха перед соседями своими, тюрками, [главу] которых называли ромейским *султаном* по имени Азадин, ибо они [издавна] таили против него злобу за то, что он протянул руку татарам. И, быстро, за двенадцать дней, пройдя через его страну, прибыл в город Карс. Там он повидался с Бачу-ноином, военачальником татарских войск, расположенных на Востоке, и другими вельможами, был почтен ими. [...]

[...] Царь отправился через страну Агванк, Дербентские ворота, т.е. крепость Тчор, к Батью и Сартаху, сыну его, который был христианином по вере. [Там] ему был оказан большой почет и гостеприимство. Потом его послали в долгий путь на тот берег Каспийского моря к Мангу-хану. Отправившись в путь от них шестого числа месяца марери — тринадцатого мая, переправившись через реку Айех, они прибыли в Ор, расположенный на полпути между [местопребыванием] Батя и Мангу-хана. Переправившись через реку Ертич, они вступили в страну Наймана, [потом] поехали в Каракитай и достигли Татаристана четвертого числа месяца гори — тринадцатого сентября — и в день праздника воздвиженья креста были представлены Мангу-хану, восседавшему во всем величии своей славы. Преподнеся подарки, [царь Хетум] по достоинству был почтен им. Он пробыл в *Орде* пятьдесят дней, [хан] пожаловал ему указ с печатью, дабы никто не смел притеснять его и страну его; он пожаловал также грамоту, освобождавшую повсеместно церкви [от податей].

На пятидесятый день, двадцать третьего числа месяца сах-ми — первого ноября, [царь] выехал от них и на тридцатый день прибыл в Гумсгур, [оттуда] он поехал в Перпалех, [затем] в Пешпалех и в страну песков, где обитали дикари: голые, волосы у них росли лишь на голове; груди у женщин чрезвычайно велики и длинные. Люди эти были бессловесны. Водились там дикие лошади желтой и черной масти, белые и черные мулы, крупнее лошади и осла, и дикие двугорбые верблюды.

Оттуда они поехали в Арлех, Куллук, Енках, Тчанпалех, Хутапа и Анкипалех.

Затем вступили они в Туркестан, откуда — в Екопрук, Динкапалех и Пулат и, пройдя через Сут-Гол и Молочное море, прибыли в Алуалех и Иланбалех; затем, переправившись через реку, называемую Илансу, перевалив через отроги Таврских гор, прибыли в Далас и явились к брату Мангу-хана, Хулагу, получившему в удел страны Востока.

Потом, повернув с запада на север, поехали в Хутухчин, Пергант, Сухул-хан, Уросо-хан, Каикант, Хузах, т.е. Камоц, в Хундахойр и Сгнах, т.е. к горам Харчух (откуда происходят сельджуки), которые берут начало в Таврских горах, доходят до Парчина и здесь кончаются. Оттуда они поехали к Сартаху, сыну Батя, который собирался к Мангу-хану. Оттуда они отправились в Сгнах и Савран, который очень велик, [затем] в Харчух и Асон, в Саври и Отрар, Зурнух и Дизак. Оттуда на тридцатый день они достигли Самарканда, [затем] Сарипула, Кермана и Бухары. После этого они переправились через великую реку Джехун и прибыли в Мармын и Сарахс, а затем — в Тус, расположенный напротив Хорасана, называемого Рогастаном. Потом они вступили в Мазандаран, откуда — в Бестан, а затем — в страну Эрак, в пределы мулахидов; проехали Тамгу, великий город Рей и Казвин, откуда — в Авахр, Зангиан и Миану, а на двенадцатый день прибыли в Тавриз. И спустя двадцать шесть дней переправились через реку Ерасх и приехали в Сисиан к Бачу-ноину, начальнику татарских войск. [Бачу-ноин] послал их к Ходжа-ноину, оставленному им взамен себя начальником войск, а сам, взяв военачальников, пошел навстречу Хулагу, брату Мангу-хана, который шел на Восток.

Благочестивый царь Хетум, приехав в селение Варденис, домой к *ишхану* Курду, где он оставил свое имущество и поклажу, стал ждать возвращения священника Барсега, которого он снова послал к Батью показать ему грамоты и приказ Мангу-хана, дабы и тот написал приказ в соответствии с грамотами [хана]. Тогда стали являться к нему его *вардапеты*: Иакоб, которого он оставил здесь по церковным делам, и Мхитар, которого он вернул от Батя еще до того, как отправился к Мангу-хану, а также *епископы* и *вардапеты*, священники и князья — христиане. [...]

Множество удивительных и неведомых историй рассказал он нам о варварских племенах, которые он видел и о которых слышал. Он говорил: «Есть некая страна за Хатаем, где женщины имеют обличье человека — [существа], словесного, а мужчины — обличье собачье; они бессловесны, огромны, волосаты. Собаки эти не позволяют никому вступать в их страну, собаки же охотятся за дичью, и ею кормятся собаки и женщины. От совокупления собак с женщинами дети мужского пола рождаются собаками, женского — женщинами.

И еще есть остров песчаный, на котором растет, подобно дереву, какая-то кость драгоценная, которую называют рыбьей, если ее срубить, на том же месте она опять растет, подобно рогам. И еще есть страна, где обитает множество идолопоклонников — поклоняющихся огромному глиняному кумиру по имени Шакмония, и говорят, что он уже три тысячи сорок лет является их богом. Есть еще один [идол], которому тридцать пять *туманов* лет (а один *туман* равен десяти тысячам); затем его лишает звания бога другой бог, которого зовут Мадрином. Его глиняную статую неопикуемой величины поставили в прекрасном храме. И весь народ, включая женщин и детей, являются жрецами и называются тоинами. Они бреют волосы [на голове] и бороду и носят желтые фелоны, как у христиан, однако на

грудь, а не на спине. И очень воздержаны в пище и супружеских отношениях: женятся в двадцать лет и до тридцати лет лишь трижды в неделю приближаются к женам; до сорока лет — трижды в месяц, до пятидесяти лет — трижды в год; а когда им перевалит за пятьдесят, больше к ним не подходят».

Много чего еще рассказывал мудрый царь наш о диких племенах, но мы опускаем [эти рассказы], ибо кое-кому они могут показаться излишними. Спустя восемь месяцев по выезде от Мангу-хана [царь Хетум] достиг Армении, и был 704 (1255) год армянского летосчисления.

Глава 59

О резне в стране ромеев

И вот в начале 705 (1256) года армянского летосчисления умер Батый — главный военачальник севера, а сын его Сартах находился в пути, ибо он направлялся к Мангу-хану.

Он не возвратился домой, чтобы похоронить отца, а продолжал свой прежний путь. Это очень обрадовало Мангу-хана, который вышел навстречу [Сартаху], возвеличил его и воздал ему великие почести: передал ему власть отца его — командование всеми войсками, а также [владение] всеми покоренными им (Батыем) княжествами; затем, назначив его вторым [человеком государства] и дав право издавать указы, как властелин, отпустил его восвояси. С ним был и благочестивый *шихан* хаченский Джалал, который отправился к властелину вселенной рассказать о бедствии своем, причиной которого был *востикан* Аргун, о том, что едва избежал смерти [от руки последнего] по подстрекательству мусульман.

[Сартах] пожаловал ему грамоту, подтверждающую его владельческие права над княжеством, без страха перед кем бы то ни было, ибо любил его за христианское [смирение] — ведь сам он был тоже христианин.

[Сартах] прибыл в свои владения во всем величии славы. Его родственники — мусульмане Барака и Баркача напоили его смертоносным зельем и лишили его жизни. Это было большим горем для всех христиан, а также самого Мангу-хана и брата его Хулагу, правившего всеми областями на Востоке.

Но еще до того как произошли эти события, великий полководец *ханского* рода Хулагу приказал всему татарскому войску, расположенному на Востоке, главою которого был Бачу-ноин, собраться со всем имуществом своим и скарбом, покинуть земли и поселения свои в Мугани, Агванке, Армении и Грузии и двинуться к стране ромеев, чтобы завладеть их богатой страной. Пришел он туда с такой огромной массой людей, что, говорят, якобы месяца одного едва хватило, чтобы они переправились через великую реку Джехун. Выступили также с неисчислимыми войсками некоторые родственники его из *улуса* Батыя и Сартаха и, пройдя через Дербентские ворота, пришли сюда. Это были знатные люди, стоявшие во главе государства. Вот их имена: Балахай, Тутхар, Гули, которых мы сами видели; это были внуки Чингис-хана, и их называли сыновьями бога. Они расчистили и облегчили все ходы на пути, по которому прошли, ибо передвигались они на телегах. Много бедствий причиняли они всем странам своими податями и грабежом, нескончаемыми требованиями пищи и питья и довели все народы до порога смерти. И наряду со многими другими [повинностями], наложенными Аргуном, — *малом* и *ханчуром* — пришел приказ Хулагу о взыскании повинности с каждой души, которую называли *тагаром*, что и было внесено в казенные списки. [В уплату его] требовали сто *литров* пшеницы, пятьдесят *литров* вина, два *литра* очищенного и неочищенного риса, три мешка, две веревки, одну монету, одну стрелу, одну подкову, не считая иных взяток. С двадцати голов скота — одну голову и двадцать монет, а у кого не было [скота], отбирали по [их] требованию сыновей и дочерей. И так была притеснена и страдала вся страна.

А татарские войска, хотя и трудно было им покинуть земли и поселения свои, вынуждены были против воли своей сделать это от страха перед ним, ибо они очень боялись его, как *хана*. И так они двинулись на страну ромеев.

Султан ромейский выступил против них с боем, но не смог устоять перед ними, бежал и попал на остров Алайя. А [татары] вырезали мечом население всех областей его государства до моря Океана и Понтоса, разорили и разграбили все. Разорили также и города Карин, Езенка, и Себастию, и Кесарию, и Конию и окрестные области. Затем по приказу Хулагу повернули обоз свой обратно, на свои прежние стоянки, а сами растеклись в разные стороны за добычей.

Двинулся вместе с ними и армянский царь Хетум, вернувшийся от Мангу-хана, от Батыя, от Сартаха и от Хулагу и находившийся при Бачу-ноине, который послал его с большим войском на родину его, в Киликию, в город Сис. Он так услужил приношениями и войсками Бачу-ноину и войскам, находящимся при нем, что [последний] написал Хулагу письмо с выражением своей благодарности и восхваления его. А великий Хулагу, этот муж воинственный, собрал все огромное множество войск и отправился в страну мулахидов, в Аламут, и захватил его, так как уже много лет царское войско осаждало его. Сыновья Аладина, убив своего отца, сами пришли к Хулагу. И тот приказал разрушить все неприступные крепости, которые только были в Аламуте. А сам дал предписание собрать вместе все войска и [население] всех покоренных и находящихся под их властью [областей] и направить на великий город мусульманского государства, именуемый Багдадом, расположенный между персами и сирийцами, ибо он еще не был завоеван ими. И *халиф*, восседавший в нем, был из рода Магомета, поскольку *халиф* означает преемник. Ему покорны были все *султаны*, исповедующие мусульманскую веру, — и из тюрок, и из курдов, и из персов, и из еламитов, и из других народов. Он был главным законодателем их государства, а они (*султаны*) по договору подчинялись ему и уважали его как родственника и соплеменника основоположника веры своей — первого лжеучителя их. Пошли на этот город и главные начальники *улуса* Батыева: Гул, Балахай, Тутхар и Гатахан, ибо все они почитали Хулагу как *хана*, подчинялись ему и боялись его.

[...]

Глава 65

О великой войне между Хулагу и Беркаем

Миродержцы и великие военачальники, находившиеся на Востоке и на Севере, были родичами Мангу-хана, умершего после войны с ненгианами. Двое братьев его, Арик-Буга и Гопилай, стали враждовать между собой из-за царской власти. Гопилай, разбив и уничтожив войско Арик-Буга и обратив его в бегство за пределы страны, победил и сам воцарился.

Хулагу был братом их и Мангу-хана. Он помогал Гопилаю. Беркай же, владевший северными областями, помогал Арик-Буге; другой их сородич, по имени Алгу, тоже военачальник, сын *хана* Чагатая, старшего сына Чингис-хана, — этот тоже воевал против Беркай за то, дескать, что Мангу-хан, подученный им (Беркаем), истребил весь его род. И он послал к Хулагу [войско], чтобы подсобить ему с этой стороны, через Дербентские ворота. А великий Хулагу беспощадно и безжалостно истребил всех находившихся при нем и равных ему по происхождению знатных и славных правителей из рода Батыя и Беркай: Гула, Балахая, Тутхара, Мегана, сына Гула, Гатахана и многих других вместе с их войском — были уничтожены мечом и стар и млад, так как они находились при нем и вмешивались в дела государства. И лишь некоторые из них, и то с большим трудом, спаслись, одни, без жен, детей и имущества, убежали к Беркаю и другим своим сородичам.

Узнав об этом, Беркай собрал бесчисленное и несметное войско, чтобы прийти отомстить Хулагу за кровь сородичей своих. А великий Хулагу тоже собрал огромное войско и разделил его на три части: одну [рать] поручил своему сыну Абага-хану, к нему же отправил и правителя Аргуна и послал их в Хорасан на помощь Алгу с этой стороны; другую рать он собрал у Аланских ворот и, взяв с собой остальное войско, двинулся и вступил [на территорию] далеко за Дербентскими воротами, ибо туда есть лишь два пути: через аланов и через Дербент. И, разорив части *улуса* Джучи, дошел до великой и бездонной реки Терки Эгиль, куда впадает множество рек и которая течет, разлившись подобно морю, и впадает в Каспийское море.

Против него вышел Беркай с мощной ратью. И у великой реки имело место побоище. Много было павших с обеих сторон, но особенно много было их со стороны Хулагу, ибо они мерзли от сильного снега и мороза, и множество людей утонуло в реке. Тогда Хулагу повернул обратно, пошел и вышел далеко за пределы Дербентских ворот. Один из военачальников Хулагу, по имени Сираман, муж храбрый и воинственный, сын первого начальника татар Чармагуна, выступил против войск Беркай и задержал их натиск; бежавшие благодаря их поддержке были спасены. И медленно, выдерживая натиск [войск Беркай], он также вышел за Дербентские ворота. И, выставив дозор у Дербентских ворот, сами они пришли в Муганскую степь на зимовье.

И так воевали они друг с другом в течение пяти лет, начав в 710 (1261) году и до 715 (1266) года армянского летосчисления, собирая ежегодно войско и сталкиваясь друг с другом в зимнюю пору, ибо летом они [воевать] не могли из-за жары и разлива рек. [...]

В 714 (1265) году на небе появилось великое знамение: появилась звезда с севера, и двигалась она на восток и юг. Впереди нее видны были длинные столбообразные лучи света, но сама звезда была плохо видна и быстро двигалась. И так она была видна около месяца, затем ее видно не стало, подобно хвостатой звезде, которая появляется время от времени, двигаясь с запада на север; однако эта имела длинные лучи, и день от дня лучи эти росли, пока не пропали вовсе.

В том же году скончался Хулагу, а также жена его Тохуз-хатун. И престол его занял в 714 (1265) году сын его Абага-хан; он взял себе в жены дочь ромейского царя по имени Деспина-хатун, которая прибыла с большой торжественностью, а с ней вместе [прибыли] *патриарх* антиохийский и другие *епископы*. Она же привезла и владыку Саргиса, *епископа* езенкайского, и *варданета* Бенера. И, окрестив Абага-хана, дали ему эту девушку в жены.

А он (Абага-хан), собрав огромное войско, пошел воевать против войска Беркай, выступившего за Дербентские ворота и раскинувшего стан свой на берегу реки Куры. И стали эти здесь, а те — там, укрепив берег реки частоколом и глубокими рвами».

ИЗ «ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ»

ВАРДАНА АРЕВЕЛЦИ

Вардан Аревелци родился в Киликии в крепости Бардзрберд, находившейся на северной стороне Таврских гор. Вместе с Киракосом Гандзакеци он получил свое образование у знаменитого вардапета Иоанна, по прозвищу Ванакан. В 1238 г. Вардан посетил святые места в Палестине. Из Иерусалима Вардан отправился в Киликию на свидание с царем Киликийской Армении Хетумом I в город Сис, затем направился в Хромкла — местопребывание армянских католикосов. Жил при дворе католикоса Константина I. Длительное время учительствовал в разных городах Армении. Находился также при дворе ильхана Хулагу. Свою «Всеобщую историю» Вардан написал в 1267 г. в период царствования Хетума I. Умер Вардан в 1271 году.

«Всеобщая история» Вардана начинается от сотворения мира и заканчивается 1267 годом. Впервые полностью «Всеобщую историю» на русский язык перевел М.Эмин в 1861 г.

Текст воспроизведен по изданию: Всеобщая история Вардана Великого. Предисловие, пер., комм. М.Эмина. М., 1861. С. 174–183, 199.

«[В 1219 году] вследствие ужасного землетрясения, обрушилась 11 января богатая церковь, бывшая в Мешкаванк', и четыре священника, служившие в то время обедню, вместе с великою жертвою принесли в жертву и себя. В продолжение целой ночи виднелась на небе копьеобразная звезда. И то и другое означали нарушение мира на свете посредством неприятельского копья, что действительно и случилось.

С наступлением 670 — 1221 года какое-то войско иноязычное с незнакомыми чертами лица, вышедши из страны Чина и Мачина — имя ему Мухал и Татар — пришло и проникло в землю Гугарк'скую через равнины, находящаяся у пределов Ах'ованских, в числе около 20,000. На пути своем оно истребило все, носящее признак жизни, и быстро обратилось назад. Вслед за ним со всей своей силою пошел Лаша, настиг его у реки Котмана и, побежденный им, искал спасения в бегстве вместе с Иване. (Последний впрочем погиб под ударами) какого-то обиженного им князя, который (с этой целью) подрезал (подколенную) жилу у его лошади. Но Вахрам, владетель гугарк'ский, не подозревая о бегстве других, все шел вперед с великим мужеством, жестоко поражая неприятеля до самого Гардмана.

В 671 — 1222 году Мух'алы намеревались снова придти сюда; но так как посланные от них нашли Армян и Иверийцев готовыми и собранными вместе, о чем и известили своих, поэтому они не осмелились идти на нас вторично, но пошли неведомо куда. В том же году вышло войско от Хонов (Гуннов), называемых Хепчахом, которое, придя в Гандцак, соединилось с Мухалами. Когда наши самонадеянно и неосторожно пошли на них, понесли поражение и принуждены были искать спасения в бегстве: многие из них пали под мечем неприятеля, а некоторые из славных дворян попались им в плен и брошены в темницу, в том числе и Григорий, по прозванию Ишхан, сын Хах'-бака, с племянником (по брату) своим, мужественным и храбрым мучеником, по прозванию Папак. За них армянское войско, в следующем году, жестоко отомстило Хепчаху, истребив, во время его нашествия на землю Варданашата, большую часть его.

В 674 — 1225 году оба сына Хоразм-шаха, окруженные и теснимые восточными Татарами северного ополчения, с 200,000 человек пришли, как говорят, через Атерапатаканскую землю в столицу армянскую (Гандцак), взяли ее и все обширное поле покрыли своими шатрами. [...]

[...] Но тут вскоре настигли его (Джалал ад-Дина) Татары, которыми он прежде был вытеснен из своих владений, и принудили его бежать к Амиту. Во время своего бегства он был убит, неизвестно как: мечем ли Татарина, или, как говорят, одним из своих приближенных, которого родственник недавно был им убит и который выжидал только случая для этого; или же за беспрестанные походы, которые он предпринимал с Татарами. Так было отомщено ему за кровь невинных, им пролитую.

Но так, называемые Татары, которые пришли немного перед сим, а именно, в 669 — 1220 году, хотели было возвратиться в 671 — 1222, но не посмели. Присоединив к себе бесчисленное множество войска, имея предводителем военачальника Чармахана, они пришли в царственный город Гандцак в 684 — 1235 году, осадили его, наконец взяли и беспощадно губили (жителей), кроме младенцев и женщин, которые им нравились. Ободренные этим (своим успехом), они вступили в Иверийское царство, разделили известные местности в областях и неприступные крепости между главнейшими своими князьями, называемыми *нуинами*. Эти последние немедленно вступили во владение крепостями областей, доставшихся каждому из них по жребию: и все это в наказание за безмерные грехи наши! Чахадай-нуину достался город Лоре и области по ту сторону его; Духада-нуину — сильная крепость Калан, откуда прогнали Авага, владетеля страны; Чармахану — Ани и Карс с их окрестностями; Хадаха-нуину — все четыре стороны Гетабакса и Варданашата; а Молар-нуин, которому по жребию выпали крепости владения великого князя Вахрама, хитростью взял Шамхор. Вахрам же с сыном своим, Ахбухою, скитался из места в место до тех пор, пока узнал, что Татары шадят изъязвивших покорность и признающих власть их. По возвращении своем Вахрам получил обратно взятые крепость и область — наследственное свое владение. (Он нашел), что в руках Татар находились уже: Тавуш, Катцарет, Терунакан, так называемый Ергеванк', Матцнаберд, принадлежавший Асхартану из царского рода Кюрике, Нор-берд — собственность царя Васака, непобедимая крепость Кавазинь, знаменитая крепость Гаг с областью, построенная царем Гагиком, где находился славный, известный целому миру монастырь (св.Саргиса) с крестом и церковью, построенною и освященною св.*варданетом* Месропом и переводчиком армянским, стоящею на вершине Гага и господствующею над широким и безграничным полем. Этого мало: Татары захватили уже многие другие крепости и пещеры, вырытый в скалах, бывшие в лесах, в лощинах и долинах многих областей, деревень и селений. Все это в короткое время без малейшего труда перешло в руки Татарам. И это для нашего назидания, дабы мы ведали, что рука Господа перед нашими глазами передала страну нашу на съедь иноплеменникам. Но что плачевнее всего, что послужило соблазном для слабонервных, это то, что Господь попустил ругаться над святыней и над своими святынями; ибо враги голодом и в особенности жаждою вынудили трудолюбивого, славного, знаменитого *варданета*, по прозванию Ванакан, сдать каменистую пещеру, где он укрепился было с своими учениками и многими другими, искавшими у него убежища, которым он принес себя в жертву и ради их спасения предал себя пленником в руки неприятелю.

В продолжение некоторого времени он скитался по лагерю варварского народа, который наконец продал его христианам, бывшим в Гагской крепости. Они выкупили его, не как Евреи для позорной смерти, но как Господь, для славного избавления, (выкупили его) 50 *дахеканами* дороже, чем Христа: такова была алчность продавца Господа нашего, которого он слишком дешево ценил, судя по себе. После этого Ванакан *варданет* жил еще пятнадцать лет во славу божию и на пользу многих и почил от тяжких трудов своих в скинии просветителей (т.е. *апостолов*) мира, 18-го марта, 10-го числа месяца арега старого стиля, в субботу великого поста, в которую празднуется память Орентия с его братьями, а у нас — Кирилла, *патриарха* Иерусалимского. Успение его было праздником в горном Иерусалиме,

чада которого — сыны света, здесь на земле находили в нем своего поклонника, во славу жениха его, бессмертного царя Иисуса, Отца Его и Духа Святого. Он перешел в безвременную вечность в 700 — 1251 году, оставив по себе доброе имя в учениках своих и в книгах церковных гимнов, которые суть плод благодати божией и чистого творческого ума его.

Начиная с 685 года армянского летосчисления до 714, в котором мы живем, (т.е. с 1236 до 1265 г.), все, что совершил народ стрельцов с царями и с царствами, (находившимися) по сю сторону великого моря: с Парсией и землею Ахованов, с Арменией и Иверией и так называемой Греческою странюю, где обитали Армяне, Сирияне, Греки, Татчики и Туркмены — со всей подробностью описали: отец наш, с божиими святыми прославленный, Ванакан *варданет* и друг наш — Киракос *варданет*, шедший во всем по стопам отца нашего, — так что мы уже не дерзнули в третий раз повторять ими рассказанное или распространяться о том. Мы сочли нужным, для хронологической связи, вкратце упомянуть о замечательнейших событиях и деяниях, и тем закончить наш ученый труд, давно начатый и до сих пор неоконченный: нам и без того совестно перед историками, о которых мы упомянули выше. Ибо слово и память (человеческая) не в состоянии привести в известность множество грехов, преступлений и нечестий наших, равно как и справедливое воздаяние божиего суда, не говоря о том — есть ли возможность исчислить воздаяния или злодеяния наши? Но глубина, бездна и неизмеримость божиего милосердия всегда торжествовали и будут торжествовать. Благодать, благодарение, слава, честь, благословение да будет Господу вовеки веков от всех и каждого, от Его видимых и невидимых творений; да скажет он аминь неисчерпаемому беспредельному и безконечному Существо.

В 691 году армянского летосчисления (1242) Бачу-нуин сменил Чармах'ана и взял город Карин, изгнав оттуда мужа знаменитого, богатого, благочестивого: Умека с его сродниками, сыновей *барона* Иоанна, Стефана с пятью его братьями; а в 692 — 1243 году (взял) всю страну, называемую Греческою: сначала знаменитый город Кесарию, потом Севаст, жители которых были пощажены, ибо немедленно изъявили покорность; далее Езенку, жители которой или истреблены или отведены в плен, ибо они воспротивились; и другие страны и области, в особенности где жил многострадальный народ армянский. Ибо численные буквы нашей эры были: (692); и в это время действительно совершились события, достойные плача и слез, обнимающие собою не только разумные существа и бессловесные животные, но и горы и поля, орошаемые кровью и слезами. И это *вохб*, повторилось в 698 — 1249 году: Бачу и с ним все старейшины стали подозревать в самонадеянности и непокорности царя и князей иверийских. Поэтому они схватили царя Давида и других вельмож, заключили их в оковы и приговорили к смерти. Но по милости божией они избавились от смерти. За то бесчисленное множество людей погибло от неприятельского меча; целые деревни и селения отведены в плен, преданы позору женщины в Армении, а еще более в Иверии.

[...]

В 702 — 1253 году Мангу-хан дал повеление учинить ревизию во всех землях, находившихся под его властью, через знаменитого мужа Архуна и назначить поголовную подать с мужчин, за исключением женщин, дряхлых стариков и грудных младенцев.

В 703 — 1254 году христоробивый царь армянский, Хетум, отправился к Бату, великому северному царю, сроднику Чангез-хана, а оттуда к Мангу-хану, который с большими почестями сделал ему достойный прием. От него Хетум через год возвратился к престолу своему с миром.

В 704 — 1255 году Хулаву, брат Мангу-хана, с огромной силой и с бесчисленным войском пошел на Парсию, Ассирию, Армению, Иверию и Землю Ахованов. [...]

В 705 — 1256 году умер Бату, великий властелин севера. В том же году сын его, Сардах, был отравлен своими братьями, возбужденными завистью; ибо Сардаху передал отец власть свою с присовокуплением к тому же владений Мангу-хана. Смерть его была великим горем для христиан, ибо он был совершенным христианином и часто являлся виновником спасения многих, обращая в христианскую веру из своих и из чужих.

[...]

В начале 715 года (1266) северный наместник Барк'а (Берке), занимавший место ату и Сардаха и исповедывающий закон Татчиков, узнав о смерти великого Хулаву, с многочисленным войском явился на берегах Кура, чтобы показать себя стоявшим по сю сторону реки войскам Абаха-хана и брата его, Исмуда, и тем доказать им, что он жив после смерти отца своего. Протоптав эти берега, он беспечно отправился в хадж помолиться на радость всем Татчикам. По сю сторону реки, стоявшие (войска) укрепили весь берег реки по ее протяжению, что они называли *шибаром*, и в продолжение всей зимы охраняли его, готовые на всякое нападение. Но Барка обманулся в своей надежде и, по возвращении в свои владения, летом кончил жизнь свою. Говорят, что он был миролюбивого нрава и ненавидел кровопролитие.

[...]

ГРИГОР АКНЕРЦИ «ИСТОРИЯ НАРОДА СТРЕЛКОВ»

Григор Акнерци жил во второй половине XIII — начале XIV столетия. О нем известно то, что он был монахом какого-то монастыря. Возможно, что Григор Акнерци получил свое образование под руководством Ванакана. Переводчик на русский язык К.П.Патканов разделил источник на главы.

Текст воспроизведен по изданию: История монголов инока Магакии, XIII века. Пер. и объяснения К.П.Патканова. М., 1871. С. 1–27, 29–33.

«ИСТОРИЯ НАРОДА СТРЕЛКОВ (МОНГОЛОВ)

**О том, откуда он явился,
и каким образом подчинил себе многие страны и области**

1

Богосотворенному человеку Адаму, по выходе его из рая, Господь Бог повелел в поте лица есть хлеб свой во все дни за то, что он, забыв краткую заповедь Божию, позволил обмануть себя женщине, оболыщенной змием. С тех пор природа человека стала стремиться к наслаждению и к чувственным удовольствиям. Но лукавый сатана, вследствие злобы своей, не переставал побуждать людей творить беззакония. Так, он подвинул Каина к братоубийству, а нечестивых исполинов к коснению в грехах и к употреблению в пищу мертвечины. Все эти злые деяния людей возбудили гнев Творца, который потопом истребил всех людей, сохранив семя человеческого рода в лице праведного Ноя. Таким образом, через 10 поколений после праведного Ноя, родился отец веры, сын Фары, великий Авраам, прозванный *возвышенным отцом*. От него произошли многие народы и племена вследствие благословения великого Бога, который сказал ему, что дети его размножатся как звезды небесные и как песок на берегу моря; что и совершилось в действительности. От свободной жены Авраама родился Исаак, а от него — Исав и Иаков. От Иакова — двенадцать *патриархов* и великий пророк Давид. Из дома и поколения Давида явилось слово Божие, Господь наш Иисус Христос. От рабынь Авраамовых, Агари и Кетуры, от последней родился Имран, родоначальник Пахлавов (царствующий дом у Парфян), от которых происходят Аршак Храбрый и Св. Григорий, просветитель Армении. От Агари родился Исмаил, что в переводе значит: *Бог услышал*. От него — Исмаильтяне. Бог обещал Аврааму дать Исмаилу и потомкам его тучность земли и сделать его великим народом, чтоб рука его была над врагами его и чтоб в управлении меча и лука он был искуснее всех народов. От Исава, сына Исаакова, произошли Исавиты, т.е. Скифы, черные, дикие, безобразные. От них родились Борамижи (?) и Лезгины, обитающие в ущелиях и в засадах, и производящие многие злодейства. Говорят, что Идумеяне, т.е. Франки, тоже от него происходят. Из смеси трех родов: Агари, Кетуры и Исава, под влиянием зла, возник безобразный народ Татар, что означает: острый и легкий. Но Св. Нерсес называет их остатками родов Агари, смешанными с народами Гога, потомками Торгома, которые владеют Скифией, т.е. частью земли, заключающеюся между рекою Атилем, горою Имаусом и Каспийским морем. На этом пространстве живут 43 народа, которые на варварском языке называются Хуж и Дуж, т.е. народы, живущие отдельно. Главный из этих народов называется Бушх, а другой Тугары, которые, по моему мнению, и есть Татары.

2

От самих Татар мы слышали, что они из туркестанской родины своей перешли в какую-то восточную страну, где они жили долгое время в степях, предаваясь разбою, но были очень бедны. У них не было никакого богослужения, а были какие-то войлочные идолы, которых они и до сих пор переносят с собою для разных волшебств и гаданий. В то же время они удивлялись солнцу, как какой-то божественной силе. Когда они изнурены были этой жалкой и бедственной жизнью, их осенила внезапно здравая мысль: они призвали себе на помощь Бога, Творца неба и земли и дали ему великий обет — пребывать вечно в исполнении Его повелений. Тогда, по повелению Бога, явился им ангел в виде орла златокрылого, и, говоря на их языке, призвал к себе их начальника, которого звали *Чангыз*. Этот последний пошел и остановился перед ангелом в виде орла, на расстоянии брошенной стрелы. Тогда орел сообщил им на их языке все повеления Божии. Вот, эти божественные законы, которые он им предписал и которые они на своем языке называют *ясак*: во-первых, любить друг друга; во-вторых не прелюбодействовать; не красть; не лжесвидетельствовать; не быть предателями; почитать старых и нищих; и если найдется между ними кто либо нарушающий эти заповеди, таковых предавать смерти. Дав эти наставления, ангел назвал начальника *кааном*, который с тех пор стал прозываться *Чангыз-Каан*. И повелел ему ангел господствовать над многими областями и странами множиться до безмерного числа. Так это и случилось. И свершилось то, чем грозил Господь устами пророка: «Навуходоносор чаша в руках моих; напою из нее кого захочу». Таким образом этот безобразный и звероподобный народ не только из чаши, но и осадком ея горечи напоил нас за множество разнообразных грехов наших, которыми мы постоянно возбуждали гнев Творца нашего. И Он воздвиг их на нас, чтоб наказать нас за то, что мы не соблюдали предписаний Его. Когда этот безобразный и зверонравный народ узнал о том, что Господь повелел ему властвовать на земле, то, собрав войско, он пошел на Персов и взял у них один город. Но Персы, собрав силы, взяли этот город назад и отняли у них еще их собственный. Тогда Татары, сделав воззвание ко всем местам, где жили их племена, бросились на Персов, победили их и овладели городом и всем их имуществом.

3

После того по повелению *хана* своего, Чангыз-Хана, они устремились на Агванию и Грузию. Сведая о том, царь грузинский выступил к ним на встречу с 60 000 всадников, на великое поле Котман, насупротив крепости Терунакан.

Как только начался бой, то по внушению сатаны, вечного врага всякой правды, владетель манасагомский, Хамидола, из за какой-то мести, подрезал жилу лошади *атабека* Иване. В то время не было уже в живых царя грузинского, Лаша. У него остались: сын Давид и дочь Русудан. Давид, попав в руки румского *султана*, томился в темнице, а Русудан правила государством при содействии Иване, имевшего звание *атабека*. Когда слух о нашествии татар, как выше сказано, дошел до Иване, то он, взяв с собой всю конницу царства грузинского; отправился в область Гаг, к великому и мудрому князю Вахраму, сыну Блу-Закаре, и призвав его со всем войском на помощь, выступил против татар. Над правым крылом начальствовал могущественный и великий князь Вахрам, над левым — Иване; и в то время, когда они произвели нападение, совершенно было проклятым Хамидола то преступление, о котором говорено выше. Лишь только татары заметили несогласие в лагере неприятелей, как с особенною стремительностью напали на грузинских всадников и беспощадно истребили их. Между тем великий князь Вахрам, владетель Гага, во главе правого крыла до самого вечера нещадно гнал и рубил татар, так что все поле сагамское было покрыто убитыми татарами. Когда же он узнал об истреблении грузинского войска, то в глубокой горести оставил поле битвы и воротился в укрепленный замок свой, Кархерц. Это случилось в 663 г. (669) армянского счисления, после того через три года снова появились татары, взяли Гандзак-Шахастан (Гянджу), перебили и взяли в плен множество народу и воротились в страну свою с большой добычей и сокровищами.

4

Мы расскажем здесь также и то, на что были похожи первые татары. Эти первые татары, которые появились в верхней стране, не походили на людей; ибо вид их был ужаснее всего что можно выразить: головы их были громадные, как у буйволов; глаза узкие, как у цыплят; нос короткий, как у кошки; скулы выдавшиеся, как у собаки; поясница тонкая, как у муравья; ноги короткие, как у свиньи. Бороды у них вовсе не было. При львиной силе они имели голос более пронзительный, чем у орла, и появлялись там, где их вовсе не ожидали. Женщины их носили остроконечные шапки, покрытые парчевой вуалью... намазывали лицо... Они рождали детей, как ехидны, и кормили их, как волчицы. Смертность у них едва была заметна, потому что они жили по 300 лет; и хлеба не употребляли в пищу. Таковы были те татары, которые впервые появились в верхней стране.

5

Вскоре вышло повеление от *хана*, и три военачальника вторглись в Агванию и Грузию и завоевали множество городов и крепостей. Одного из них звали — Чорман, другого — Бенал, третьего — Мулар, которые с несметным числом всадников нападали на крепости. Они сначала взяли Шамхор, близ Гандзака, взятого ими ранее; взяли Зугам, Кархерц, Теревен, царскую резиденцию — Гардман, сильную крепость — Ергеванк, Мцнаберд; взяли посредством орудий (машин) укрепленный замок Тавуш, местопребывание Султана; взяли Терунакан и Нор-берд; взяли также пещеру великого *варданета* Ванакана со всем его имуществом, а самого великого *варданета* нашего, Ванакана, увели в рабство вместе с его учениками; но жители страны приняли в них живейшее участие; дав золота и сокровищ они выкупили *варданета* с его учениками.

Тогда только мудрые князья армянские и грузинские узнали, что Господь даровал татарам силу и победу над страной нашей. Потому они смирились и подчинились им: согласились платить им дань, известную под именем *мал* и *тагар* и обещались итти со всей своей конницей туда, куда бы они ни повели. Татары, довольные их покорностью, перестали грабить и разорять страну. Они воротились в свои кочевья в Муган, оставив на месте одного из начальников, Карабугу, которому предписали разрушить все завоеванные крепости. Так они разрушили неприступные крепости, которые возвели таджики с большими издержками. Так все это случилось.

6

В те дни появилась комета, держалась несколько дней и исчезла. В те же дни случилось солнечное затмение, продолжавшееся от 6 часов дня и до 9 часов. Между тем три главных предводителя, о которых говорено выше, овладев Грузией и Агванией, воротились в степи муганские, где вечно зеленеет трава и летом и зимою, так как земля там тучна, а воздух благоарастворен. Пробыв некоторое время на своих пастбищах они снова вознамерились нашествовать на христиан, не считая ни во что истребление христиан в Грузии и Агвании. Так, взяв знаменитую скалу Шмег (?) они перерезали тьму тём, и не было числа убитым. Кроме того они увели из страны бесчисленное множество детей. Не насытившись и этим, они вознамерились еще раз сделать набег на эти страны и уже окончательно перебить всех. Но провидение вседержителя Бога, которое не теряет из виду уповающих на него, не дало совершиться незаконному и злобному их умыслу и погубило двух из трех вышеназванных начальников. Вот в коротких словах то, что они задумали. На вечернем *курультае*, т.е. собрании, рассуждали о том, чтоб напасть снова на завоеванные страны и всех перебить. Впрочем, это задумали не все трое, а только двое из них. Чорман же, по внушению Провидения говорил, «что страна и без того разорена; что следует дать возможность жителям возделывать землю, чтоб они могли половину произведений садов и полей дать нам, а другою половиною сами бы прожили». И в то время, когда они об этом рассуждали, настал вечер, заседание было закрыто, и они отправились спать. Когда взошло солнце, то нашли мертвыми тех двух начальников, которые задумали злое; а Чорман, который стоял за устройство и благоденствие края, остался жив. Тогда Чорман, взяв с собою свидетелей происшествия, отправился к главному своему начальнику, Чингиз-Хану, рассказал ему о своем намерении и о замыслах своих сотоварищей, об их гибели и о своем спасении в ту ночь. Изумленный *хан*, слушая рассказ, сказал Чорману: «то что задумали оба предводителя не

было угодно Богу, и потому они скоропостижно умерли, а ты не умер за свои добрые намерения. Бог повелевает завоевать землю, поставить *ясақ*, хранить ее в благоустройстве и брать с нее *тггу* и *мал*, *тагар* и *гупчур*. Тех же, которые не подчиняются нам, не платят нам дани, следует убивать, жилища их разорять для устрашения тех, которые задумают нам сопротивляться». Сказав это, *хан* приказал Чорману отправиться на свое место и держаться того образа мыслей, за который он был сохранен от смерти. И дал он Чорману в жены доброю жену Альтана-Хатун и назвал его Чорма-Ханом. Чорма-Хан же, взяв с собой добродетельную и милостивую жену Чингиз-Хана, Альтана-Хатун, воротился в Муган, зимнее местопребывание татар, вместе с 110 другими начальниками. На великом *курультае*, созванном по повелению Чорма-Хана, эти 110 начальников разделили между собою все земли. Разделив всю страну на три части, одни из них взяли себе в удел северные области; другие — южные; а третьи — внутреннюю часть, которою они владеют до сего времени. Вот имена начальников, которые остались внутри нашей страны: Асуту-нуин, который был костью хана, Чагатай, названный ханом, позже Сонита, другой Малый Чагатай. Бачу-нуин, которого назначили главнокомандующим всеми войсками, Асар-нуин, Огота-нуин, Ходжа-нуин, Хутту-нуин, Туту-нуин, Хурумчи-нуин, Хунан-нуин; кроме того еще 13 начальников, которые разделили между собою Грузию и Авганию, горы и равнины... Великий дом Чорма-Хана был перевезен в Гандзак-Шахастан (Тавриз), который сперва был разорен ими, а после снова восстановлен.

7

Между тем великие и независимые князья грузинские, кто волей, кто неволей сделались их данниками, как мы выше писали, и каждый с известным числом всадников, смотря по состоянию, вступил к ним в *халан*. С их-то помощью татары брали непокоренные города и крепости, разоряли, брали в плен и беспощадно умерщвляли мужчин и женщин, священников и монахов, уводили в рабство *диаконов*, без всякого страха грабили христианские церкви и превосходные мощи святых мучеников; кресты же и св.книги, сняв с них дорогая украшения, бросали прочь, как нечто негодное. Как мне описать горе и бедствия времени? О чем говорить? О насильственном ли разлучении отцов и матерей с детьми, о прекращении ли родственной любви между ближними и друзьями; о потере ли имущества; или о сожжении огнем прекрасных дворцов; об умерщвлении детей в объятиях матерей, и уведении в плен босыми и нагими нежно-воспитанных юношей и девиц?... Горе мне переходящему! Мне кажется, что все это совершилось за грехи мои!... Господь и Творец наш, всепрощающий и долготерпеливый, да посетит паству свою, которую искупил превосходною кровью своею... [...]

8

В 688 г. армянского счисления Бачу-нуин, предводитель татарский, собрал войско и с безчисленным множеством пошел на город Карин. Осадив его, он через два месяца взял, беспощадно ограбил и разрушил этот богатый и прекрасный город. Татары обезлюдили монастыри и дивные церкви, уводя жителей в плен и разорив их. Князья армянские и грузинские в это время приобрели множество богослужебных книг, жития святых, *Апостолов*, Пророков, Деяния и писанные золотом Евангелия, украшенные безподобною роскошью, во славу и благолепие детей Нового Сиона, и увезли их в восточную страну, где наполнили ими свои монастыри.

Через год народ Стрелков снова стал собирать войска, к которым присоединились также князья армянские и грузинские. С несметными силами они пошли на румскую страну под предводительством Бачу-нуина, имевшего удачу в боях и постоянно поражавшего своих противников. Причиной этих побед были те же грузинские и армянские князья, которые, образуя передовые отряды, с сильным натиском бросались на неприятеля; а за ними уже татары пускали в дело свои луки и стрелы. Как только они вошли в землю румскую, выступил против них *султан* Хиатадин с 160 000 человек. С давних пор находился при *султанах* сын великого Шалве. Когда войско устроилось в боевой порядок, сын Шалве очутился в левом крыле против татар, а победоносные армянские и грузинские князья в правом крыле против *султанских* войск. В разгаре битвы храбрый и доблестный сын Шалве оттеснил татар и многих из них истребил. Со своей стороны грузинский князь Агбуга, сын великого Вархама, внук Блу-Закаре, владетель Гага, с другими армянскими и грузинскими дружинами, бился долго с *султанскими* войсками, и, сломив правое крыло их, снял головы у многих *эмиров* и вельмож, чем причинил жестокою печаль *султану*. При наступлении вечера бой стих, и оба войска расположились лагерем друг против друга, среди долин между Карином и Езенгой. На рассвете следующего дня войска татарские с армянскими и грузинскими дружинами снова собрались, чтоб напасть на силы *султана*. Пустив лошадей во весь опор, они ринулись на *султанский* лагерь, но не нашли в нем ничего кроме палаток, наполненных большим количеством продовольствия. *Султанская* ставка была чрезвычайно богато убрана внутри и снаружи. У дверей палатки привязаны были дикие звери: тигр, лев, леопард. Что касается *султана*, то он, опасаясь *эмиров*, желавших подчиниться татарам, бежал ночью со всем своим войском. Заметив отсутствие *султана*, татары оставили для охраны палаток небольшой отряд, и, подозревая военную хитрость, со всеми силами бросились вслед за *султаном*; но никого не могли настичь, так как те успели уже скрыться в укреплениях своей страны. Как только татары убедились в бегстве *султана*, то воротились в его лагерь и забрали всю провизию и утварь их, также прекрасные и разноцветные шатры, которые оставили турки, устрашенные татарами. На другой день они с бодростью выступили в поход на завоевание румских владений; взяли Езенгу, куда назначив своего *шахна*; взяли также Кесарию и произвели в ней большое кровопролитие, потому что жители ее не сразу сдались татарам, а по некотором сопротивлении, так как в городе было много конного войска и большое изобилие в продовольствии. Но коварные татары, завладев городом посредством обмана, истребили вообще всех взрослых, а молодых беспощадно увели в плен

вместе со всем их имуществом. После того они взяли Иконию и всю страну с ее великими селами и монастырями; пошли на Севастию, овладели ею посредством орудий, но не умертвили людей. Они ограничились тем, что отняли их имущества, переписали всех жителей и наложили на них подати по своему обыкновению, *мал* и *тагар*. Поставив *шахна* и начальников в разных местах земли румской, татары с большим количеством добычи, сокровищ и пленных, захваченных в земле румской, воротились в восточную страну, в обиталища свои и на места своих *орд*.

9

В то время Христом венчаный и благочестивый царь армянский Гетум вместе с мудрым отцом своим и богохранимыми братьями и князьями, по-зрелом между собою обсуждении, положили подчиниться татарам и платить им дань и *халан*, и не допускать их в богоустроенную и христианскую страну свою. Они привели свою мысль в исполнение следующим образом. Предварительно свидевшись с предводителем татарских войск, Бачу-нуином, которому изъявили покорность и дружбу, они отправили брата царского, армянского *аспаранета*, *барона* Смбата, к Саин-хану, который сидел в то время на престоле Чингиз-Хана. Смбат вскоре прибыл к Саин-хану, который чрезвычайно любил христиан. Он был очень добр, за что народ прозвал его *Саин-хан*, т.е. добрый, хороший *хан*. Саин-хан, увидев *аспаранета* армянского, весьма благосклонно принял его по причине его христианской веры, и в особенности за те мужественные и рассудительные слова, которые говорил пред ним *аспаранет* армянский Смбат. По этому он пожаловал его землей и ленными владениями, дал великий *ярлык*, золотые *пайзы* и выдал за него знатную татарку, носившую *бохта*. У них было такое обыкновение: если они хотели кому-нибудь оказать высший почет и дружбу, то выдавали за него одну из почетных жен своих. Оказав такие милости, *хан* отправил *аспаранета* армянского на родину к венчанному Христом царю армянскому, Гетуму, которому повелел также прибыть к нему на свидание. Благочестивый царь Гетум, увидя брата своего, *барона* Смбата, возвеличенного такою милостью от *хана*, был весьма рад; особенно он радовался грамотам, освобождавшим (от повинностей) церкви, монастыри и всех христиан.

10

Между тем храбрые и именитые войска грузинские с давних пор жили без главы и царя. Дочь царя Лаша, Русудан, также в это время скончалась, и грузины остались без царя, как стадо без пастыря. Тогда, по внушению свыше, вспомнили князья грузинские о сыне царя своего, Давиде, который томился в темнице, в стране румской. Схватив некоторых румских вельмож, они привели их к Бачу, предводителю татарских войск и просили его пытками допросить их о царевиче. Когда татары допросили их и по своему обыкновению жестоко высекли, то те сознались и сказали, что царевич находится в Кесарии и брошен в колодезь в оковах. Обрадованные этим признанием князья грузинские выбрали Вахрама, владетеля Гага, с согласия Бачу-нуина и других татарских предводителей, которые для сопровождения Вахрама отрядили одного татарского начальника с 100 всадников, — и всех их отправили с большими полномочиями в Кесарию. Как только они туда прибыли, то с помощью Божией тотчас нашли царевича Давида в большой и глубокой яме, где Божий промысел сохранил его живым. Увидя его, всадники татарские и великий князь Вахрам были изумлены, найдя его в живых. И был Давид, сын царя грузинского, высок ростом, крепок сложением и красив видом. У него была черная борода. Он был исполнен мудрости и благодати Божией. Освободив его из темницы, князья одели его в превосходные одежды и, посадив на коня, поскакали с ним на родину. Когда они достигли великого города Тифлиса, все князья грузинские радовались освобождению царевича, на счет которого вскоре получены были распоряжения Бачу-нуина и Альтана-Хатун, жены Чормагана, которая за смертью мужа заведовала его *ханством*. Дав им нужные приказания и всадников для охраны великого князя Вахрама, Бачу и Альтана-Хатун отправили их к великому *хану*, который пребывал на востоке. Они отправились с Божией помощью, видели *хана* и рассказали ему все, что случилось с их царевичем. Получивши грамоту от великого *хана*, они воротились и посадили Давида на престол его отца в Тифлис. Князья грузинские радостно приняли его и назвали его: царь Вахрамун т.е. поставленный Вахрамом царь. Таким образом вследствие воцарения нового царя, Грузия и Агвания на время успокоились.

Между тем умер рассудительный Чормаган, оставив двух сыновей от жены своей, Алтана. Одного звали Сирамун; другого — Бора. С молодых лет добрый Сирамун любил христиан и церкви, и по милости Божией был до того удачлив в битвах, что за великую его храбрость и за многие им одержанные победы *ханы* прозвали его *золотым столбом*. Брат же его, за злобный нрав свой, был умерщвлен Гулаву-ханом.

11

[...] Между тем добрый и прекрасный царь грузинский Давид³ со всем царством своим предавался постоянному веселию и питию вина в царственном городе своем, Тифлисе. Раз, как-то, в его присутствии давали большой обед, и было веселие великое. На этом обеде несколько князей, по грузинскому обыкновению, стали пустословить и хвастать. Один из них стал перечислять перед царем тех из грузинских князей, которые могли выставить по 1000 всадников, и тех, у которых было по 500 всадников, способных к войне. Разговор сделался общим в то время, когда они потеряли сознание от избытка съеденного и выпитого ими. Они сосчитали все армянские и грузинские войска и нашли, что легко могут победить татар, и при этом начали уже распределять между собою должности предводителей. Но все это говорилось не вправду, а в шутку, потому что у них в это время не было ни дела, ни забот. Да и врагов тоже не было в

стране восточной кроме татар, которые постоянно приходили и притесняли князей армянских и грузинских разными поборами: у одних требовали златотканых материй; у других соколов; у иных хороших лошадей и собак, и все это вымогали они сверх *мала*, *тагара* и *халана*. Вот об этих-то притеснениях говорилось за обедом в шутку. Один из присутствовавших, уподобившись Иуде предателю, пошел и передал татарам эти пустые слова как нечто серьезное, и дал им такой оборот, будто царь грузинский и его князья готовятся итти на вас. Те, поверив навету, напали на страну, разграбили имущество и стада жителей; но людей не умерщвляли, не имея на то дозволения от великого *хана*. Схватив царя и всех князей, они повлекли их ко двору своего начальника; а вместе с ними понесли также сына *атабега* Иване, великого князя грузинского, Авага, положенного в гроб, так как Аваг в то время был нездоров и не мог сесть на лошадь. Хотя царь и князья объясняли все, чтоб оправдать себя; однако те им не поверили и не переставали грабить страну и увлекать жителей в неволю. Когда же привезли положенного в гроб Авага ко двору начальника, тогда только, поверив словам его, перестали разорять страну и дали мир несчастным и изнеможенным христианам.

[...]

12

В те дни появилась сильная саранча и пожрала всю страну, так что восток и запад, объятые ужасом, со стенаниями прибегли к Богу; но милость Божья освободила страну от страшного бича, и все возблагодарили Бога за спасение от такой кары. Это происходило в 700 г. армянского счисления. После этого бедствия, по повелению Мангу-хана прибыл в нашу страну один татарский начальник, именем Аргун, и произвел перепись в стране восточной — с целью взывать на будущее время подати по числу голов, вписанных в Давтар. И разорили они восточную страну еще более тем, что в малейшей деревне насчитывали от 30 до 50 человек, начиная с 15 летних и кончая 60 летними; и с каждой головы, попавшей в запись, брали по 60 белых. Бежавших или укрывавшихся ловили, безжалостно связывали им руки назад, секли зелеными прутьями до того, что все тело обращалось в одну болячку, покрытую кровью. После того они выпускали на истощенных и истерзанных христиан свирепых собак, приученных ими к человеческому мясу.

Христом венчанный и благочестный царь Гетум, услышав о бедствиях, происходивших в верхней восточной стране, тронутый положением христиан, но еще более имея в виду свою собственную страну, с большими сокровищами отправился к Мангу-хану, чтоб предохранить свою землю от подобного бича. Когда он представился *хану*, то получил весьма ласковый прием. *Хан* оказал ему большую милость и почет, исполнил все его просьбы и с почестями отправил его на родину.

13

После того в 706 г. арм. летосчисления, пришли с востока, где имел свое местопребывание великий *хан*, семь *ханских* сыновей, каждый с *туманом* всадников, а *туман* значить 10,000. Вот имена их: первый и старший из них Гулаву, брат Мангу-хана; второй, Хули, который не стыдился называть себя братом Бога; третий, Балаха; четвертый, Тутар; пятый, Такудар; шестой, Гатахан; седьмой, Борахан. Не было между ними согласия; но все были одинаково бесстрашны и кровожадны. Они прибыли в повозках, в них же передвигались с места на место. С этою целью они равняли горы и холмы в стране восточной, чтоб легче им было ездить в телегах и колесницах. Тот, который называл себя братом Божьим, проникнув в средину страны вашей, безжалостно нападал на бедных христиан. Его татары зажигали все деревянные кресты, где бы они ни находили их, на дорогах или на горах. Ни чем ненасытимые, они грабили монастыри, ели, пили, а превосходных священников вешали и били немилосердным образом. Один из начальников отряда Хули отправился как-то в монастырь Геретин. Настоятель монастыря, ветхий старец, известный святостью нравов и добродетельною жизнью, видя что татарский начальник идет к нему в монастырь, вышел к нему на встречу, взяв с собой сосуд вина и несколько провизии (*тггу*), как обыкновенно делали при приеме татар. После того он привел его в монастырь, и усадил его вместе с другими всадниками, пришедшими с ним. Чоб угостить их, он зарезал овцу, открыл новое вино и насытил их всех яствами и питием до того, что они едва могли держаться на конях. Вечером татары, совершенно пьяные, воротились домой; а жили они недалеко от монастыря. Воротившись домой ночью, они заснули, а утром нашли своего начальника нездоровым. Они спросили его: «что за причина твоей болезни»? Он отвечал: «священник отравил меня вчера». А священник был совершенно невинен. Болезнь приключилась от того, что татары, необыкновенно, чрезвычайно неумеренно пили и обжорливо ели. Тотчас отправились за священником и в оковах привели дивного старца, отца Стефана. После долгих допросов, они, не поверив его оправданиям, вбили в землю четыре кола, к которым накрепко привязали невинного старца, на аршин от земли. Тогда они развели под ним огонь, и до того изжарили все его тело, что дивный старец Стефан испустил дух свой. Многие видели ясно столп света над блаженным Стефаном, который так невинно погиб и принял венец мученический. Но скверный и немилосердный начальник, впав в тяжкую болезнь, в муках и в бесновании, грыз собственное мерзостное тело свое, и в этих пытках кончил жизнь. Таже злая болезнь распространилась по всему его отряду, и многие из них умерли. Не смотря на все это, их не устрасил гнев Божий, и они продолжали творить деяния, достойные горьких слез.

Случилось, что главный начальник, тот самый, который в гордости своей называл себя подобием и братом Божиим, впал в болезнь печени. Вследствие этой болезни совершилось дело неслыханное и преступное. Пошли и привели к больному врача, неверного жида, который исследовав болезнь, назначил следующее лекарство: разрезать живот русого мальчика и класть ноги больного в тот разрез. Тотчас отправили всадников в разные стороны: входили в

деревни христианские, ловили мальчиков на улицах, и как волки убегали с ними. Родители с воплем и криком бросались за ними; но не будучи в состоянии спасти их своими горькими слезами, возвращались домой с отчаянием. Но если они силою защищали своих детей, то татары поражали их стрелами. И причину этого преступного дела был неверный жид. Число мальчиков, которым распорол животы, дошло до 30: больной не поправлялся. Когда же бездушный Хули заметил, что он без всякой для себя пользы совершил безмерные злодеяния, то, мучимый совестью, приказал привести к себе врача-жида, велел распороть ему живот, а внутренности выкинуть собакам. Приказание было немедленно исполнено. Но и сам Хули вскоре умер лютою смертью. Место его занял сын его, Миган.

[...]

15

[...] Между тем семь *ханских* сыновей, которые завоевали Багдад и обогатились добычею этого города: золотом, серебром и жемчугами, жили, не признавая над собою никакой власти: каждый, полагаясь на свой меч, считал себя старшим, безнаказанно попирал и разорял страну. Но великий князь и знаменитейший из них, Гулаву, брат Мангу-хана, о котором говорилось выше, отправил к брату своему, на крайний восток, гонцов со следующим донесением: «мы, предводители семи *туманов*, достигли этих мест силою Бога и Вашей удалили отсюда старую конницу — *темачи*; пошли и взяли таджикский город Багдад и воротились с большей добычей, силою Бога и Вашей. Что вы теперь прикажете нам? Если мы долго будем так жить без законов и без начальника, страна вся разорится и нарушатся предписания Чангыз-Хана, который приказал: завоеванные и добровольно подчинившиеся нам страны хранить в строении, а не разорять. Впрочем, все зависит от вас, как прикажете, так мы и будем делать». С таким донесением отправились посланные к Мангу-хану от Гулаву. Когда Мангу-хан спросил прибывших к нему послов о брате, те донесли ему все, что было им поручено от Гулаву. Выслушав донесение Мангу-хан дал своим *аргучи* т.е. судьям, следующее приказание: «ступайте, поставьте брата моего, Гулаву, *ханом* в той стране; тех же, кто не подчинится ему, подвергайте *ясаку* от моего имени». *Аргучи*, прибывши на место, согласно повелению Мангу-хана, создали *курультай*, куда пригласили всех предводителей, прибывших вместе с Гулаву. Между тем призвав к себе грузинского царя, Давида, с его конницей, они дали ему какие-то секретные наставления. После того уже *аргучи* через великих послов пригласили *ханских* сыновей — Балаху, Бора-хана, Такудара, Мигана, сына Хулиева. Когда все собрались, *аргучи* сообщили им повеление Мангу-хана. Как только *ханские* сыновья узнали о том, что Гулаву намерен воссесть на *ханский* престол, то четверо из них пришли в ярость и не захотели повиноваться Гулаву. Такудар и Бора-хан подчинились, а Балаха, Тутар, Гатаган и Миган не согласились признать его *ханом*. Когда *аргучи* Мангу-хана убедились в том, что эти четверо не только не желают повиноваться, но еще намерены сопротивляться Гулаву, то приказали: подвергнуть их *ясаку*, т.е. задушить тетивой лука: по их обыкновению только этим способом можно было предавать смерти лиц *ханского* происхождения. Мигана, сына Хулиева, по причине его малых годов, заключили в темницу на острове Соленого Моря, находящегося между областями Гер и Зареванд. После того *аргучи* приказали армянским и грузинским войскам идти на войска мятежников и перебить их; что и было исполнено. Народу было истреблено столько, что от убитых татарских трупов зловоние распространилось по горам и полям. Только двое из предводителей, Нуха-куун и Аратамур, проведя заблаговременно об опасности, взяли с собой сокровища, золото, превосходных лошадей, сколько могли и бежали с 12 всадниками. Переправившись через великую реку Кур, они воротились в свою сторону. Не довольствуясь тем, что спаслись, они восстановились против Гулаву Берке, брата Саин-хана, и в течение 10 лет производили страшное кровопролитие. Между тем *аргучи* Мангу-хана, прибывшие с великим *ясаком*, с большим торжеством провозгласили *ханом* Гулаву. [...]

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ» АБУ-Л-ФАРАДЖА (БАР-ЭБРЕЯ)

Абу-л-Фарадж Иоанн Григорий бар-Эбрей родился в 1226 г. в Мелитене в семье врача Аарона, принявшего христианство, но, очевидно, еврея по происхождению, на что указывает его прозвище и знание им еврейского языка. При крещении ему было дано имя Иоанн. С ранних лет Абу-л-Фарадж обучали сирийскому, греческому и арабскому языкам. Позднее в его занятия были включены богословие и философия; вместе с тем он приобщался к профессии своего отца. В 1243 г., когда Абу-л-Фарадж был 17-летним юношей, его родной город обезлюдел, из-за приближающихся монгольских отрядов. Большинство мелитенцев бежало в Халеб. Семья Аарона осталась в Мелитене и уже в 1244 г. отец Абу-л-Фарадж служил врачом у одного из монгольских военачальников. В том же году Аарон был отпущен с этой службы и вместе с семьей переехал в Антиохию, оставшуюся в руках крестоносцев. Здесь Абу-л-Фарадж продолжал свое образование и вскоре стал монахом в яковитском монастыре. Позднее он отправился в Триполи. В 1246 г. он был посвящен яковитским патриархом Игнатием III в епископы Губоса (близ Мелитены) и, согласно христианскому церковному обычаю, принял новое имя — Григорий. Год спустя его перевели епископом в Лакабену, расположенную также недалеко от его родного города, а в 1253 г. — на ту же должность в Халеб. Абу-л-Фарадж с различными целями неоднократно бывал в Мераге и Тебризе, столице Хулагуидов, встречался с ильханами Ирана: с Абагой (1265—1282), с Ахмедом Токударом (1282—1284). В 1268 г. он посетил Тебриз, затем — Мерагу, где стал епископом. Бар-Эбрей умер в Мераге 30 июня 1286 г.

«Всеобщая история» состоит из двух частей: «Светской истории» и «Церковной истории». Изложение событий доведено автором до 1285—1286 г. Дополнение, сделанное братом Абу-л-Фараджа, бар-Саумой, касается 1286—1297 гг.

Извлечения из «Всеобщей истории» Абу-л-Фараджа приводятся по изданию: Гусейнов Р.А. Сирийские источники XII—XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1960. С. 75–76.

«Светская история»

[...] В том же году не только от франков [крестоносцев], которые вышли с запада, пришла опасность для тайае [арабов]. Она шла больше от татар (tataraje), которые стремительно прошли с востока и дошли вплоть до Хамадана, Азербайджана и Арана; по всей Персии распространился ужас.

Хорезмшах Джалал-ад-дин удалился из своих владений и отправился, чтобы поселиться в Хое (Qoj), городе Азербайджана... [Дойдя до Евфрата] татары повернули обратно и воцарились над Азербайджаном и Шахрзором и подчинили себе также иберов.

Земли Бет-Ромайе, Ассирии, Сирии, Киликии [Гуйук-хан] дал одному из глав по имени Илшикат; в землю Китая великого *эмира* Йалавача отправил; Персию *эмиру* Масуд-беку дал; а Хорасан, Хамадан, Азербайджан, Ширван, Лур, Кирман до Индии — *эмиру* Аргуну дал.

В этом году, который есть 650 год тайае, после окончания *курултая* (qurilthaj), т.е. великого собрания, Хулаку, брат Монга-каана, был отправлен, чтобы пойти в эти земли западные, которые вне владений Гуйук-хана. Монга-каан приказал, чтобы из всех военных сил, которые на востоке и на западе, из всех десяти лиц два лица пошли. Из царских сыновей одного брата своего юного, которого зовут Сабатай Аугул, отправил с ним. Из владений Бату — Булгая, сына Сибкана, и Кутара Аугула и Кули с многочисленным войском. Из области Шгати — Токудара, из земли Шишаканбаги, сестры *каана* — Бука-Тимура с войском, и из земель Китая имелась тысяча мастеров [военных] машин и метателей нефти.

В том же (1255) году прошел татарский военачальник Башу-нуин по направлению к Арзан ал-руму и отправил посла к *султану* Изз ад-дину в месяце аб [август]. Он просил у него места, чтобы пройти [туда] по причине того, что в земле Мугана они уже зимовали в течение года. Царь царей Хулаку, брат Монга-каана, согласился, чтобы он перезимовал [в другом месте]. С ним, с Башу, пошел царь Хетум со службы великого *каана*. Поднялся он в его землю в канун первой пятницы месяца ийлул [сентябрь]. И был праздник для христиан. *Султан* же не согласился с тем, чтобы дать это место Башу и осуждал его. [...].»

ИЗ «ПОЛНОГО ОПИСАНИЯ ИСТОРИИ» ИБН АЛ-АСИРА

Ибн ал-Асир Абу-л-Хасан Али Из ад-Дин родился в 1160 г. в области Асир, ныне на территории Саудовской Аравии. В молодости Ибн ал-Асир участвовал в войне с крестоносцами, позже он состоял на службе при атабеге Нур ад-Дине Арслан-шахе. Умер Ибн ал-Асир в 1232 г. В последние годы жизни он активно занимался написанием научных трудов. Его летопись, озаглавленная «Полное описание истории», доводящая события до 628 г.х. (1230/31 г.) содержит ценные сведения о монгольских завоеваниях (следует отметить, что автор использует лишь этноним «татары»).

Источник цитируется по изданию: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских собраные В.Г.Тизенгаузенем. СПб, 1884. С. 1–45.

«Год 617 [28 марта 1220—24 февраля 1221 г.] О вторжении Татар в страны мусульманские

Несколько лет я противился сообщению этого события, считая его ужасным и чувствуя отвращение к изложению его: я приступал к нему и опять отступал. Кому же легко поведать [миру] о гибели ислама и мусульман, да кому приятно вспоминать об этом? О, чтобы матери моей не родить меня, чтобы мне умереть прежде этого и быть преданным [вечному] забвению! Хотя многие из друзей [моих] побуждали меня к начертанию его [этого события], но я приостанавливался. Потом, [однако же], я сообразил, что недеяние этого не принесет пользы.

Пересказ этого дела включает в себе воспоминание о великом событии и огромном несчастье, которому подобного не производили дни и ночи, и которое охватило все создания, в особенности же мусульман; если бы кто сказал, что с тех пор как Аллах всемогущий и всевышний создал человека, по настоящее время, мир не испытывал [ничего] подобного, то он был бы прав: действительно, летописи не содержат ничего [сколько-нибудь] сходного и подходящего. Из событий, которые они описывают, самое ужасное то, что сделал Навуходоносор с Израильянами по части избиения [их] и разрушения Иерусалима. Но что такое Иерусалим в сравнении с [теми] странами, которые опустошили эти проклятые, где каждый город вдвое больше Иерусалима! И что такое Израильяне в сравнении с теми, которых они перебили! Ведь в одном [отдельно взятом] городе, жителей которых они избили, было больше, чем [всех] Израильян. Может быть род людской не увидит [ничего] подобного этому событию до преставления света и исчезновения мира, за исключением разве Гога и Магога. Что касается антихриста, то он ведь сжалится над теми, которые последовали за ним, и погубит лишь тех, которые станут сопротивляться ему; эти же [Татары] ни над кем не сжалились, а избивали женщин, мужчин, младенцев, распарывали утробы беременных и умерщвляли зародыши. Поистине, мы принадлежим Аллаху и возвратимся к нему; нет мощи и нет силы, как только у Аллаха всевышнего и великого!

Вот [как происходило] это событие, искры которого разлетелись [во все стороны], и зло которого простерлось на всех: оно шло по весям как туча, которую гонит ветер. Вышел народ некий из окраин Китая и устремлялся на земли Туркестана и Мавераннехра как то: Самарканд, Бухару и другие, завладевая ими и поступая с жителями их так, как мы [ниже] расскажем. Затем один отряд их перебирается в Хорасан и окончательно расправляется с ним, завладевает, опустошает, избивает и грабит; потом переходит в Рей, Хамадан, землю Джебальскую и во [все] области, [простирающиеся] до пределов Ирака; далее направляется в земли Адзербейджана и Аррании, опустошая их и убивая большую часть жителей. Спасся только редкий [из них], выбравший верный путь. Менее чем в год [происходит] то, чему подобного не слышано.

Потом, управившись с Адзербейджаном и Арранией, они идут к ущелью Ширванскому и овладевают городами его: уцелела только крепость, в которой [находился] царь их [Ширванский]. Оттуда они перебрались в земли Аллан, Лезгин и различных народов, [живущих] в этих местах, и наделили их резней, грабежом и опустошением. Потом они направились в земли Кипчаков, одного из самых многочисленных племен тюркских, и избили [там] всех тех, которые сопротивлялись им; остальные бежали в болота и на вершины гор, покинув землю свою, и ей овладели эти Татары. Сделали они это в самое скорое время; с теми только проволочками, которые требовались для переходов их, не более. Другой отряд отправился в Газну и округи ее, да в соседние с ней земли Индии, Седжстан, Керман, действуя там таким же образом, как те поступали, и [даже] хуже.

Подобное этому [никогда еще] не поражало слуха [людского]. Ведь Александр [Македонский], относительно которого летописцы согласны, что он был владыкою мира, [и тот] не овладел им с такою скоростью, а завоевывал его около 10 лет, и никого не избивал, а довольствовался изъявлением покорности. Эти же [Татары] в продолжение года овладели большей, лучшей, наиболее возделанной и населенной частью земли, да праведнейшими по характеру и образу жизни людьми на земле. В тех странах, на которые они [еще] не напали, всякий проводит ночь не иначе, как в страхе, боясь их и высматривая: не идут ли они к нему.

Затем они не нуждаются в следовании за ними провианта и припасов, потому что при них овцы, коровы, лошади и другая скотина, и они ничем не питаются, как их мясом. Животные же их, на которых они ездят, [сами] разгребают землю своими копытами и едят корни растений, не зная ячменя. Вот почему, делая привал, они [Татары] не нуждаются ни в чем постороннем. Что касается религии их, то они поклоняются солнцу, при восходе его, и ничего не считают запрещенным, а потому едят любое животное, даже — собак, свиней и других. Не знают они брака, и к женщине приходит не один мужчина, а когда является [на свет] дитя, то оно не знает своего отца.

Постигли в это время ислам и мусульман [разные] несчастья, каких не испытывал ни один народ. К числу их относятся эти Татары, да посрамит их Аллах! Пришли они с востока и совершили [такие] дела, которые признает ужасными всякий, кто слышит о них; ты увидишь последовательное изложение их, если на то будет воля Аллаха всевышнего. К ним же [т.е. к несчастьям] относится вторжение Франков — да проклянет их Аллах — с запада в Сирию, нашествие их на страны Египетские и овладение ими гаванью Дамьят; они чуть было не овладели странами Египта, Сирии и другими, не будь милости Аллаха всевышнего и помощи его против них. Кроме того, между уцелевшими от этих двух отрядов обнажился меч, и поднялась междоусобица...

Молим Аллаха, да ниспошлет он исламу и мусульманам помощь от себя, ибо нет более помощника, пособника и заступника за ислам. Когда Аллах захочет [нанести] зло народу, то нет средства устранить его, и нет другого заступника кроме него. Ведь Татарам удалось это дело только за отсутствием отпора, а причиною отсутствия его то, что *Харезмшах* Мохаммед, завладев этими землями, умертвил и уничтожил царей их, да остался один властителем всех стран, не осталось никого, кто бы защитил и оградил их. Да, замыслит Аллах дело, оно [уже и] сделано. Теперь мы расскажем про начало их вторжения в страны [мусульманские].

О вторжении Татар в Туркестан и Мавераннехр и о том, что они [там] сделали

В этом [617] году в страны ислама явились Татары, большое тюркское племя, места обитания которого горы Тамгаджские, около Китая; между ними и странами мусульманскими более 6 месяцев [пути]. Причина их появления была такая: царь их, по прозванию Чингизхан, известный под именем Темучина, покинув свои земли, двинулся в страны Туркестана и отправил партию купцов и Тюрков с большим запасом серебра, бобров и других вещей в города Мавераннехра: Самарканд и Бухару, [поручив им] купить для него материи на одежду. Пришли они в один из тюркских городов, прозываемый Оттаром и составлявший крайнее владение *Харезмшаха*, у которого там был наместник. Когда к нему прибыл этот татарский отряд, то он [наместник] послал к *Харезмшаху* уведомить его об их прибытии и сообщить ему об имуществе, которое было при них. *Харезмшах* прислал ему приказание убить их, отобрать имущество, находящееся при них, и прислать его к нему. Он [наместник] убил их и отослал, что при них было, а вещей было много. Когда [посланное] прибыло к *Харезмшаху*, то он разделил его между купцами Бухары и Самарканда и взял с них стоимость его [розданного товара].

С тех пор, как он [*Харезмшах*] отнял Мавераннехр у Хатайцев, [туда] был загражден путь из стран Туркестана и из тех земель, которые лежат за ним. В старину, когда эти страны принадлежали Хатайцам, туда уже успела пробраться также часть Татар, а когда *Харезмшах* отнял у Хатайцев Мавераннехр и умертвил их, то эти Татары завладели Туркестаном, Кашгаром, Белясагуном и другими и стали ходить войной на войска *Харезмшаха*. Вот почему он запретил привозить от них одежды и прочее. Кроме этого повода ко вторжению их в страны мусульманские приводятся еще и другие, о которых не говорится в книгах. Но как бы то ни было: о том, чего я не привожу, предполагаю хорошее и не требую сведений.

Наместник *Харезмшаха*, убив сторонников Чингизхана, отправил к Чингизхану лазутчиков, высмотреть, кто он такой, сколько при нем стражи и что он намерен делать. Пошли лазутчики, пробираясь по пустыням и горам, которые [были] на пути их, пока наконец дошли до него. После долгого времени они вернулись и известили его [*Харезмшаха*] о великой численности их [Татар], да о том, что они не поддаются счету, что в бою они терпеливейшие из созданий Аллаха, незнающие бегства, и что они своими руками делают необходимое для себя оружие.

Раскаялся *Харезмшах* в избииении их сторонников и отобрании их имущества, и появилась у него крепкая дума. Потребовал он к себе Шихаба Хивинского, а это был отличный правовед, пользовавшийся большим почетом у *Харезмшаха*, который не прекословил ему в том, что он ему советовал. Предстал он перед ним и сказал он [*Харезмшах*] ему: «Случилось великое дело; необходимо подумать о нем. Поддай свое мнение о том, как нам поступить. Дело вот в чем: на нас двинулся враг со стороны Тюрков, в бесчисленном множестве». Ответил он [Шихаб] ему: «Войск у тебя [найдется] множество; мы напишем в [разные] стороны, соберем войска и пусть будет общий сбор. Ведь мусульмане все обязаны помочь тебе имуществом и личностью; потом со всеми полчищами отправиться к берегам Сейхуна [т.е. Сырдарьи]. Это большая река, отделяющая земли Тюрков от земель мусульманских. Мы будем там [поджидать их], и когда подойдет неприятель, пройдя уже далекое пространство, то мы выступим против него. Мы-то будем еще бодры, а он и войска его будут измучены усталостью и утомлением».

Собрал *Харезмшах* эмиров своих да находившихся при нем советников и стал совещаться с ними, но они не согласились с его мнением, а сказали: «[Лучше] дадим им переправиться через Сейхун к нам и пробраться через эти горы и теснины: ведь им дороги наши не знакомы, мы же их знаем, так мы и одолеем их тогда, да и погубим их, и не один из них не спасется». В то время, как Тюрки [рассуждали] таким образом, вдруг прибыл посол от этого проклятого Чингизхана с отрядом [людей], грозя *Харезмшаху* и говоря: «Вы убили моих сторонников и отобрали их имущество; снаряжайтесь на войну: ведь я иду на вас с громадою [народа]; не устоять вам против нее». Чингизхан [между тем] уже пришел в Туркестан и овладел Кашгаром, Белясагуном и всей страной. Он выгнал из нее прежних Татар; не сохранилось о них [никакого дальнейшего] известия и не осталось от них следа, а разбрелись они, как это случилось с Хатайцами. И отправил он упомянутое послание к *Харезмшаху*. Выслушав его, *Харезмшах* приказал умертвить посланника, и он был убит, а тем, которые прибыли с ним, велел обрезать бороды, и затем отправил их обратно к господину их, Чингизхану, известить его о том, что он сделал с послом, и сказал ему, что *Харезмшах* говорит тебе: «Я иду на тебя, хотя бы ты был на краю света, чтобы отомстить и поступить с тобою так, как поступил с твоими сторонниками».

Харезмшах снаряжился [в поход], быстро отправился вслед за послем, чтобы предупредить и захватить их [Татар] врасплох, и подвигался вперед без перерыва. Так он шел и, пройдя пространство 4 месяцев [пути], прибыл к обиталищам их, но увидел там только женщин, отроков и младенцев. Он напал на них, забрал все и увел в плен женщин и детей. Причина отсутствия неверных в жилищах их была та, что они ушли воевать с одним из тюркских царей, который назывался Кушлуханом. Сразившись с ним, они обратили его в бегство, забрали с собой имущество его и возвратились. На пути встретило их известие о том, что сделал *Харезмшах* с оставленными ими [дома]. Ускорив ход, они настигли его прежде, чем он успел выбраться из их жилищ. Выстроились они к битве и совершили бой, какому подобного не было слышно. Длилась битва 3 дня да столько же ночей и убито с обеих сторон столько, что и не сочтешь, но не обратился в бегство ни один из них. Что касается мусульман, то они стойко дрались, ради защиты веры своей и, зная, что коли побегут, то мусульманам не будет никакого исхода, и они будут перехвачены, по дальности от своих земель. Неверные же упорно сражались за спасение своих людей и своего имущества. Дошло дело у них до того, что иной из них слезал с коня и пеший бился со своим противником. Дрались они на ножах, и кровь текла по земле до такой степени, что лошади стали скользить [по ней] от множества ее. [Наконец], обе стороны истощили свои силы в терпении и в бою. Весь этот бой [происходил] с сыном Чингизхана, отец же не присутствовал в этой ошибке, да и не знал о ней. Сосчитали, кто убит из мусульман в этой битве, и оказалось 20 000, а что касается неверных, так и не сосчитаешь, кто из них убит. Когда настала четвертая ночь, то они разошлись и расположились одни насупротив других, когда же совершенно стемнела ночь, то неверные развели свои огни и, оставив их в таком виде, ушли. Так поступили и мусульмане, и каждый из них покинул сражение. Неверные вернулись к своему царю Чингизхану, а мусульмане возвратились в Бухару.

И, стал он [*Харезмшах*] готовиться к осаде, сознавая при своей слабости, что если он не был в состоянии одолеть [даже] часть войск его [Чингизхана], то что же будет, когда они придут все со своим царем. Он приказал жителям Бухары и Самарканда приготовиться к осаде, собрав припасы для сопротивления, поставил войска в Бухаре 20 000 всадников, для охранения ее, а в Самарканде 50 000, и сказал им: «Стерегите город, пока я вернусь в Харезм и Хорасан, наберу войска, обращусь за помощью к мусульманам и возвращусь к вам». Управившись с этим, он уехал обратно в Хорасан, переправился через Джейхун [т. е. Амударью] и остановился поблизости от Балха; там [было] и войско. Неверные же, снарядившись [в поход], двинулись в путь, направляясь в Мавераннехр, прибыли к Бухаре через 5 месяцев после прихода [туда] *Харезмшаха*, осадили ее и три дня вели против нее жестокий и непрерывный бой. Не стало силы у войска харезмского против них, и оно оставило город, уйдя обратно в Хорасан. Утром жители города, у которых не осталось никакого войска, упали духом; они отправили *кадия* своего Бедреддина Кадихана просить пощады для жителей, и те [Татары] даровали им прощение. Осталась, [однако же], часть войска, которой нельзя было уйти с товарищами; она укрепилась в цитадели. Когда Чингизхан согласился помиловать их, то открылись ворота городские в среду 4-го дзульхиддже 616 года [10 февраля 1220 г.]. Неверные вошли в Бухару и никому не причинили зла, но сказали им [жителям]: «Все что у вас [заготовлено] для *султана* по части припасов и прочего, выдайте нам и помогите нам побороть тех, кто в крепости», и выказали в отношении к ним правосудие и хорошее обращение. Вошел [наконец] сам Чингизхан, окружил цитадель и сделал в город воззвание, чтобы никто не оставался в нем, кто останется, тот будет убит. Явились все они [к нему] и он приказал им завалить [крепостной] ров. Они завалили его деревом, землею и другим; неверные стали брать даже амвоны, части Корана и бросать их в ров. — Да, мы [принадлежим] Аллаху и возвратимся к нему. Поистине, Аллах называет себя терпеливым [и] кротким; не будь он таким, земля поглотила бы их за дело, подобное этому. — Потом они повели приступ на цитадель, а в ней было около 400 всадников мусульманских, которые употребили [все] свои усилия и защищали крепость 12 дней, избив множество неверных и городских жителей. Были, [правда], убиты и некоторые из них [осажденных], но они не переставали [биться] таким образом до тех пор, пока не подошлись к ним ближе [неприятели], да не подошли к стене крепостной саперы и не подкопали ее. Загорелся тогда бой еще сильнее; мусульмане, [находившиеся] в ней, метали [в штурмовавших] все, что находили: камни и огонь и стрелы. Разгневался проклятый и вернул своих сподвижников в этот день, на следующий же двинул их опять с раннего утра. Упорствовали в бою, но уже утомились находившиеся в крепости, а [неприятелей] надвинулось и пришло на них столько, что нельзя было устоять против них. Победили их неверные и ворвались в цитадель. Бывшие в ней мусульмане бились с ними до тех пор, пока не были перебиты [все], до последнего.

Управившись с крепостью, он [Чингизхан] приказал составить себе список главных лиц города и их старшин. Сделали это, и когда ему представили [список], то он приказал привести их [к себе]. Явились они, и он сказал: «Требую от вас серебро, которое вам продал *Харезмшах*; ведь оно [принадлежит] мне, отобрано у моих сторонников и [находится] у вас». Представил ему всякий, сколько у кого было его [этого серебра]. Затем он велел им выйти из города, и они вышли из города, лишившись своего имущества: ни у одного из них не осталось ничего, кроме платья, которое было на нем. Вошли неверные в город, ограбили его и убили, кого нашли в нем. Он [Чингизхан] окружил мусульман и приказал своим сторонникам разделить их между собой. Они [Татары] поделили их, и был [это] день ужасный, вследствие обилия плача мужчин и женщин и детей. Разбрелись они [жители] во все стороны и были растерзаны как лохмотья; [даже] женщин они [Татары] поделили между собой; наутро Бухара оказалась разрушенной до оснований своих, как будто ее вчера и не было. И совершали они с женщинами грех великий, а люди смотрели и плакали, но не имели возможности устранить от себя что-либо из того, что их постигло. Иной из них, не вынося этого, предпочитал смерть и бился до тех пор, пока [сам] был убит. В числе тех, которые поступали так и предпочитали быть убитыми, чтобы не видеть того, что постигло мусульман, [находились] законовед и *имам* Рукнеддин имамзаде и сын его. Увидев, что делалось с женским полом, они бились оба до тех пор, пока [сами] были убиты. Так поступил и *кади*

Садреддин-хан. Кто сдавался, того брали в плен. Бросали огонь в город, училища и мечети, и мучили народ разными истязаниями для вымогания денег.

Потом они направились к Самарканду, удостоверившись уже в слабости *Харезмиаха* перед ними, и [пришли] туда же, где он был, между Термедзом и Балхом. Они вели с собой пленными уцелевших жителей Бухары, которые шли за ними пешком, в самом гнусном виде; всякий, кто уставал или изнемогал от ходьбы, был убиваем. Подойдя к Самарканду, они выслали вперед конницу, а пеших, пленных и обозы оставили позади себя, [поручив им] подвигаться мало-помалу, дабы стало страшнее сердцам мусульман. Когда жители города увидели сонмище их, они сочли его чрезвычайно великим. На второй день прибыли пленные, пешие и обозы, и при каждом десятке пленных [было] знамя. Жители города подумали, что все это рати боевые. Они [неприятели] окружили город, в котором было 50 000 харезмских ратников, жителей же городских столько, что и не сочтешь. Выступили против них [Татар] смельчаки из жителей его [города], да люди крепкие и сильные, но не вышел с ними ни один из войска харезмского, вследствие того, что в сердцах их [поселился] страх пред этими проклятыми. Сразились с ними [эти] пешие вне города; Татары не переставали отступать, а жители городские преследовали их, надеясь одолеть их. Но неверные успели устроить им засаду, и, когда те зашли за засаду, выступили против них и стали между ними и между городом, а остальные [Татары], которые первые завязали бой, вернулись, так что те очутились в середине [между ними]. Поял их меч со всех сторон, и не уцелел ни один из них, а погибли [все] до последнего мучениками — да смилуется над ними Аллах; было их, как говорят, 70 000. Увидев это, оставшееся войско и народ пали духом и убедились в [неизбежности] гибели.

Тогда войско, состоявшее из Тюрков, сказала: «Мы из рода их, они не убьют нас», и попросило помилования. Они сошлись с ними на этом и открыли городские ворота. Простолюдины не могли сопротивляться им и вышли со своими семействами и со своим имуществом. Сказали им неверные: «Выдайте нам ваше оружие, ваше имущество и ваш скот, и мы отошлем вас к вашим [родичам]». Так они [жители] и сделали. Но, отобрав у них оружие и скот, [Татары] наложили на них меч, избили их [всех] до последнего и забрали их имущество, скот и женщин. Когда настал четвертый день, то они объявили в городе, чтобы жители его все вышли и, что, кто останется, того убьют. Вышли все мужчины и женщины, и дети, а они [Татары] поступили с жителями Самарканда наподобие того, как поступили с жителями Бухары по части грабежа, убийства, пленения и бесчинства: вошли в город, разграбили [все], что в нем было, сожгли соборную мечеть, оставив остальную часть города в покое, изнасиловали девушек, истязали людей различными мучениями, вымогая деньги, и убили тех, которые не годились для плена. Произошло это в мухарреме 617 года [8 марта — 6 апреля 1220 г.]. *Харезмиах* же, [оставаясь] на месте всякий раз, как наберутся к нему войска, отсылал их в Самарканд, но они возвращались, не решаясь доходить до него. Да сохранит нас Аллах от такого малодушия! Послал он [*Харезмиах*] раз 10 000 всадников, вернулись они; послал он 20 000, и они также возвратились.

О походе Татар против *Харезмиаха*, о бегстве и смерти его

Когда неверные овладели Самаркандом, то Чингизхан — да проклянет его Аллах — порешил отрядить 20 000 всадников, сказав им: «Отыщите *Харезмиаха*, где бы он ни был — хотя бы он уцепился за небо — пока не настигнете и не схватите его». Этот отряд в знак отличия от других [Татар] называют Западными Татарами, потому что он пошел на запад Хорасана; они-то и суть те, которые проникли в страны [мусульманские].

Получив от Чингизхана приказание двинуться, они отправились и дошли до моста, называемого Пенджаб, что называется Пятиводие, но, прибыв туда, не нашли там судов. Тогда они смастерили из дерева нечто вроде больших водопойных корыт, обтянули их бычьими шкурами, чтобы в них не проникла вода; положили в них свое оружие и свой скарб, пустили лошадей в воду, уцепились [руками] за хвосты их, прикрепив к себе эти деревянные корыта, так что лошадь тащила [за собой] человека, а человек тащил корыто, наполненное оружием и прочим, и так переправились все за один раз. *Харезмиах* узнал [об этом] только тогда, когда они оказались с ним на одной земле. Мусульмане уже были преисполнены страха и трепета перед ними, и расходились между собой [относительно дальнейшего образа действий], но все еще сдерживались тем, что между ними [и Татарами] была река Джейхун. Когда же [Татары] переправились к ним [на другую сторону], то они не были в состоянии ни устоять [против них], ни отступить сообща, а разбрелись кто куда, кто сюда, и всякая часть из них ушла в свою сторону. *Харезмиах*, ни о чем не заботясь, бежал в сопровождении нескольких приближенных и направился к Нисабуру. Когда он вступил в него, то к нему собралась часть войска, но не успела она устроиться как уже на нее нагрянули эти Татары, которые на пути своем [нигде] не сделали остановок, ни для грабежа, ни для убийства, а только усугубили свое движение по преследованию его, не давая ему отдыха, чтобы настигнуть его. Услышав об их близости, он отправился в Мазендеран, который также принадлежал ему. Западные Татары двинулись по следам его, не завернули в Нисабур, а погнались за ним, и всякий раз, когда он снимался с привала, они приходили туда же. Прибыл он [наконец] к гавани моря Табаристанского [т. е. Каспийского], известной под именем Абсукуна. Была у него там крепость на море. Только что он со своими спутниками успел сесть на суда, как [туда] прибыли Татары. Увидев, что *Харезмиах* уже вышел в море, они остановились на берегу моря и, разочаровавшись [в возможности] настигнуть *Харезмиаха*, вернулись. Это те самые [Татары], которые направились [затем] в Рей и лежащие за ним области, как мы это еще изложим, если на то будет воля Аллаха. Так рассказал мне некий правовед из тех, которые были в Бухаре. Они увели его с собой в плен в Самарканд, но потом он убежал от них и пришел к нам. Кроме того, рассказывали [некоторые] из купцов, что *Харезмиах* ушел из Мазендерана и прибыл в Рей, а оттуда в Хамадан, Татары же [шли] по следам его. Покинул он

Хамадан с небольшим отрядом людей, чтобы укрыться самому и притаить весть о себе, да вернулся в Мазендеран и уехал по морю в ту крепость. Это [известие], кажется, верно, потому что правовед в то время находился в плену [у них], а купцы эти сообщали, что они были в Хамадане, что [сперва] прибыл [туда] *Харезмиах*, что потом, после него, приехал тот, который известил его о прибытии Татар, и что он покинул Хамадан. Тогда же оставили его [город] и эти купцы, а Татары пришли туда после них через несколько дней. Следовательно, они рассказывали то, что сами видели. Прибыв в упомянутую крепость, *Харезмиах* умер в ней.

О завоевании Западными Татарами Мазендерана

Лишившись надежды настигнуть *Харезмиаха*, Западные Татары вернулись, направились в области Мазендеранские и овладели ими в самое короткое время, несмотря на их защищенность, трудность вторжения в них и неприступность их крепостей. Ведь в древнее время и в позднейшее, они [эти области] всегда были недоступны, так что когда мусульмане овладели всеми землями Хосроев, от Ирака до крайних пределов Хорасана, то области Мазендерана уцелели; с них вимали подать, но не могли проникнуть внутрь страны до тех пор, пока она не была завоевана при Сулеймане, сыне Абдельмелика, в 90 году [708/9 г.]. Эти же проклятые [Татары] овладели ею совершенно и сполна ради дела, которое пожелал Аллах всевышний. Овладев землями Мазендерана, они убивали, брали в плен, грабили, жгли города и, управившись с Мазендераном, двинулись к Рею. На пути они увидели мать *Харезмиаха*, жен его, имущество их и не имевшие себе подобного сокровища великолепнейших драгоценностей их. Причиной этому было то, что мать *Харезмиаха*, услышав, что случилось с ее сыном, перепугалась, покинула Харезм и направилась к Рею, чтобы пробраться в Испахан, Хамадан и земли Джебаля [и] защититься там. Встретив ее на пути, они захватили ее и [все], что с ней было, прежде прибытия ее в Рей. В том числе находились предметы, которыми преисполнились глаза и сердца их [Татар] и чему не видали люди [ничего] подобного по части всяких редких вещей, драгоценных камней и прочего; все это они отослали к Чингизхану в Самарканд.

О прибытии Татар к Рею и Хамадану

В 617 году Татары — да проклянет их Аллах! — прибыли к Рею, отыскивая *Харезмиаха* Мухаммеда, ибо до них дошло [известие], что он, обращенный ими в бегство, ушел к Рею. Они шли усердно по следам его и к ним уже присоединилось много войск мусульманских и неверных, а также и [много] негодяев, замышлявших грабеж и бесчинство. Пришли они к Рею в пору расплоха со стороны жителей его, которые узнали [об этом] только тогда, когда [Татары] уже подошли к нему, овладели им, ограбили его, полонили женщин, обратили детей в рабство и совершили дела, каким подобных [прежде] не было слышно. Они не остались [там], а поспешно отправились [дальше] в поиски за *Харезмиахом*, на пути своем грабили каждый город и каждую деревню, мимо которых проходили, и повсеместно совершали вдвое больше того, что сделали в Рее: жгли, опустошали, налагали меч на мужчин, женщин и детей. Они ни перед чем не останавливались и дошли так [наконец] до Хамадана. *Харезмиах*, успевший уже прибыть туда с несколькими из сторонников своих, покинул его [город] и настало для него последнее время. Что стало с ним [потом] — неизвестно, как рассказывают о нем одни; но говорится еще другое, как мы уже сказали выше. Когда они подошли к Хамадану, то вышел [к ним навстречу] начальник его с большим количеством денег, одежд, скота и прочего, прося пощадить жителей города, и они [Татары] помиловали их. Потом, оставив его [город], они пошли к Зенджану, поступили вдвое [хуже] против этого и прибыли к Казвину. Жители его, укrywшись от них в своем городе, вступили с ними в бой и усердно сразились с ними, но те взяли его штурмом, с мечом [в руках]. Бились они и жители города внутри его [Казвина] и, наконец, стали драться на ножах. Убито было с обеих сторон [столько], что и не сочтешь. Потом они оставили Казвин; сочтены были убитые из жителей Казвина, и оказалось убитых более 40 000.

О прибытии Татар в Адзербейджан

Когда зима застигла Татар в Хамадане и Джебале, то они увидели сильную стужу и глубокий снег и ушли в Адзербейджан. На пути своем, в деревнях и небольших городах, они совершали убийства и грабежи, подобные тем, какие производили прежде, опустошали и жгли. Пришли они к Тебризу, в котором [находился] властитель Адзербейджана Узбек, сын Пехлевана. Он не вышел к ним, да и не помышлял о бое с ними, потому что днем и ночью проводил время с пьяницами, не протрезвляясь, а только послал к ним и замирил их деньгами, одеждой и скотом. Все это было принесено к ним, и они ушли от него, желая [спуститься] к берегу моря, потому что он менее холоден для зимовки и там много пастбищ для скота.

Отправились они в Мукан, а на пути вошли в землю Грузин. Вышло на них из Грузин большое количество войска, до 10 000 бойцов, и сразилось с ними. Грузины были обращены в бегство, и большая часть их была перебита. Тогда Грузины послали к Узбеку, властителю Адзербейджана, просить у него мира и союза с ним для отражения Татар, и условились собраться, когда пройдет зима. Послали они также к Эльмелик-Эльашрефу, сыну Эльмелик-Эльадила, владельцу Хелата и Месопотамии, просить у него [об оказании] им содействия. Думали все они, что Татары спокойно пробудут [там] зиму до весны, но те не поступили так, а двинулись [дальше] и пошли в земли Грузин. К ним присоединился еще тюркский невольник, [один] из рабов Узбека, по имени Акуш, который собрал жителей этих гор и степей, Тюркмен, Курдов и других. Собралось у него множество народа, и вошел он в переговоры с Татарами относительно присоединения к ним. Они согласились на это, будучи расположены к нему вследствие средства.

Соединились они, и пошли во главе Татар на Грузин. Овладев одной из крепостей их, они разорили ее, ограбили страну, опустошили ее, избili жителей ее, отняли у них имущество, и, наконец, дошли до окрестностей Тифлиса.

Собрались Грузины и выступили против них со своей отвагой и с железом своим. Первый встретил их Акуш с теми, которые присоединились к нему. Совершили они бой жестокий; все упорно действовали в нем, и из сторонников Акуша было убито много народу. Тогда напали [сами] Татары на Грузин, которые уже устали от боя; их также было перебито много, так что они не устояли против Татар и обратились в самое постыдное бегство. Налег на них меч со всех сторон и убито их столько, что и не сочтешь. Произошла [эта] битва в дзулькааде этого года [28 декабря 1220 — 26 января 1221 г.]. Они ограбили в этих странах [все], что еще успело уцелеть от них. Удалось этим Татарам то, чему подобного не слышано ни в древнее время, ни в новое. Выступает толпа с пределов Китая; не проходит у них и года, как часть ее с этой стороны добирается до земель Армении, а со стороны Хамадана заходит за Ирак.

Клянусь Аллахом! я не сомневаюсь, что кто уцелеет после нас, по прошествии этой эпохи, и увидит описание этого события, тот станет отрицать его и сочтет его за небылицу, и [будет] правда на его стороне. Но, принимая это за небылицу, пусть он сообразит, что это написали мы и все современные нам составители летописей, в то время, когда всякий, кто знал это происшествие, был знаком с ним в одинаковой степени — и ученый, и неуч, вследствие общеизвестности его. Да дарует Аллах мусульманам и исламу [кого-нибудь], кто бы защитил и охранил их. Ведь они уже были преданы в руки великого врага и во власть такого из царей мусульманских, у которого забота не простирается дальше чрева и уда. С тех пор, как появился пророк — да благословит его Аллах! — до сего времени мусульман не постигало такое зло и несчастье, какому они подверглись ныне. Эти враги неверные, Татары, уже попрали земли Мавераннехра, завладели ими и опустошили их — тебя ограждает от них [только] обширность земель. Толпа эта переправилась через реку в Хорасан, овладела им и сделала [там] подобное же; потом двинулась на Рей, землю Джебаль и Адзербейджан, дошла уже до Грузин и одолела их в землях их.

Другой враг, Франки, явился из стран своих, [лежащих] на крайних пределах Рума [т.е. византийских владений], между западом и севером; они пришли в Египет, овладели, например, Дамьятом и утвердились в нем, мусульмане же не могут отразить их и прогнать их оттуда. Остальные области Египта в опасном положении.

Да, мы [принадлежим] Аллаху и к нему возвратимся; нет силы и нет мощи как у одного Аллаха всевышнего и великого! Но из самых тяжких дел для мусульман было то, что *султан* их *Харезмиах* Мухаммед исчез; не было о нем достоверного сведения: то говорили, что он умер близ Хамадана и что смерть его скрывают для того, чтобы Татары не двинулись туда вслед за ним; то говорили, что он возвратился в Табаристан, уехал в море и умер там на острове. Одним словом, он исчез. Потом оказалось, действительно, что он умер на море Табаристана. Последний [Табаристан] так велик, как Хорасан и Иракельаджем, и теперь предоставлен самому себе: нет у него ни защитника, ни повелителя, который ограждал бы его; неприятель же обходит земли, забирая, что хочет и оставляя, что хочет: они [Татары] остаются в городе лишь до тех пор, пока не разрушат всего, мимо чего пройдут, да не спалят и не ограбят его; что им негодно, то они сжигают. Собрав, [например], шелку [целую] гору, они поджигают его; так [они] уничтожали и другие вещи.

О завоевании Татарами Мераги

В сафаре 618 года [27 марта — 24 апреля 1221 г.] Татары овладели городом Мерагой в Адзербейджане. Причина этому такая. Мы рассказали под 617 годом, что сделали Татары с Грузинами. Кончился этот год, а они [Татары] все еще были в земле Грузин. По наступлении 618 г. [он начался 25 февраля 1221 г.] они ушли из Грузинских областей, ибо увидели, что перед ними мощная сила и теснины, которые потребуют боя и головоломки. Они и ушли от них. У них был такой обычай: подойдя к городу и увидев сопротивление с его стороны, они уходили от него. Пришли они к Тебризу. Владетель его отделался от них деньгами, одеждами и скотом; они ушли от него к городу Мераге и осадили его. Но в нем не было владетеля, который бы защитил его, ибо им владела женщина, которая засела в крепости Руиндиз. Уже пророк — да благословит его Аллах! — сказал: «Не сдобровать народу, поручившему дело женщине». Когда они осадили его [Мерагу], то жители его вступили в бой с ними: но они [Татары] поставили осадные машины и подступили к нему. Было у них [такое] обыкновение: сражаясь с городом, они ставили впереди тех пленных мусульман, которые находились при них, [заставляя их] наступать и драться, а если они [последние] возвращались, то убивали их. Таким образом, они [пленные] бились поневоле и были достойны жалости тот рыжий [конь], про которого говорится: «Коли двинется вперед, [ему] подрежут ключицу, а коли двинется назад, подрежут поджилки». Сами они сражались из-позади мусульман, а потому пленные мусульмане подвергались избиению, сами же они избавлялись от него.

Простояли они у нее [Мераги] несколько дней, потом взяли город штурмом 4 сафара [30 марта 1221 г.], наложили меч на жителей его, которых было убито непомерное и несметное число, и ограбили все, что им годилось, а что негодно было, то сожгли. Некоторые из них [жителей] спрятались; тогда они [Татары] принялись за пленных и сказали им: «Кричите на улицах, что Татары уже ушли». На крик их [жителей] спрятавшийся выходил, был схватываем и убиваем. Дошло до меня [известие], что женщина татарская вошла в дом и убила множество находившихся в нем людей, которые приняли ее за мужчину. Положила она оружие и [оказалось что] это женщина. Тогда убил ее мужчина, которого она забрала в плен. От некоторых из жителей ее [Мераги] я слышал, что Татарин зашел в улицу, на которой было сто мужчин, и стал избивать их одного за другим до тех пор, пока не уничтожил их [всех], но не один не протянул руки на отпор. Постигло людей унижение, и не отразили они от себя ни малого, ни

великого. Да сохранит нас Аллах от посрамления! Оттуда они отправились к городу Ирбилю, и дошел слух об этом до нас в Моссуль; перепугались мы до такой степени, что некоторые решились выселиться, страшась меча. Прибыли письма от Музаффареддина, властителя Ирбиля, к Бедреддину, владельцу Моссуля, с просьбою об оказании помощи войсками. Он [последний] отправил доброе количество войск своих и хотел [сам] отправиться к пределам своих владений со стороны Татар: охранять теснины, чтобы никто не прошел через них — все они [представляют собой] крутые горы и ущелья, по которым можно пройти не иначе как всаднику за всадником — и удержать их [Татар] от прохода к нему. Прибыли [также] письма от *халифа* и послы его в Моссуль и к Музаффареддину, приказывая всем соединиться с его войсками у города Декуки для отражения Татар, так как они [Татары], пожалуй, уйдут от гор Ирбильских по их недоступности с этой стороны и отправятся в Ирак.

Выступил Музаффареддин из Ирбиля в сафаре и пошло против них [Татар] множество Моссульского войска, а за ними последовало много добровольцев. *Халиф* послал также к Эльмелик-Эльашрефу приказание явиться лично с войсками своими, чтобы соединиться со всеми для нападения на Татар и избиения их. Но случилось так, что Эльмелик-Эльмуаззам, сын Эльмелик-Эльадила, прибыл из Дамаска к брату своему Эльашрефу, находившемуся в Харране, взывая к нему о помощи против Франков, которые были в Египте. Он просил его явиться лично, чтобы всем им [вместе] идти в Египет для освобождения Дамьята от Франков, [говоря что] если он не явится на помощь его [Дамьята], то и он, и другие [владения] пропадут. Начал он снаряжаться в поход в Сирию, чтобы [оттуда] пробраться и Египет, и последовало, как мы уже рассказали, освобождение Дамьята. Когда Музаффареддин с войском своим собрался у Декуки, то *халиф* послал к ним своего мамелюка Куштемира, который был старшим *эмиром* Ирака, несколько других *эмиров* и около 800 всадников. Они собрались тут с тем, чтобы к ним присоединилось остальное войско *халифа*. Начальником над всеми был Музаффареддин. Увидев малочисленность войск, он не выступил против Татар. Говорят, что Музаффареддин сказал: «Когда *халиф* прислал мне заявление идти на Татар, я ему сказал: ведь враг силен, а у меня нет войска, с которым я мог бы встретить его; если я наберу 10 000 всадников, то освобожу отнятые области. Он приказал мне двинуться и обещал мне присоединение войска [своего]. Когда я пришел, то у меня оказалось налицо не более 800 тавашей. Я и остановился и не видел надобности подвергать случайности себя и мусульман». Когда Татары слышали о сборе войск против них, то они отступили, полагая, что эти войска погонятся за ними, но, видя, что никто не идет на них, остановились. Остановились также войска мусульманские у Декуки и, не видя ни врага, наступающего на них, ни помощи, идущей к ним, разошлись по своим землям.

О завоевании Татарами Хамадана и об избиении жителей его

Когда войско мусульманское разбрелось, то Татары возвратились к Хамадану и расположились поблизости от него. Был у них [поставлен] там свой правитель, который распоряжался в нем. Они послали к нему приказание потребовать денег и одежд у жителей города, которые в течение [прежнего] времени уже отдали [все] свое имущество. Старшиною Хамадана был алидский *шериф* из рода древних старшин этого города. Он улаживал дела городских жителей с Татарами и доставлял последним те деньги, которые собирал. Когда теперь [опять] потребовали денег, то жители Хамадана не нашли, что нести им и явились к старшине, а при нем был некий правовед, который сообщая с другими уже [прежде] восставал против неверных с похвальным рвением. Сказали они обоим: «Эти неверные уже извели все наше имущество; у нас ничего не осталось, чтобы [мы могли] дать им; мы погибли оттого, что они отобрали наши деньги, и от того унижения, которое причинил нам наместник их. Они [Татары] поставили в Хамадане своего правителя, чтобы он правил жителями его как ему захочется». *Шериф* сказал: «Жоли мы немощны перед ними, то какая [возможна] уловка? Нам ничего другого не остается, как задабривать их деньгами». Ответили они ему: «Ты для нас хуже неверных» и поносили его словами. Он сказал [на это]: «Я один среди вас, делайте что хотите». Правовед посоветовал выгнать татарского правителя из города, укрепиться в нем и биться с Татарами. Тогда народ восстал против правителя, убил его и укрепился в городе.

Татары подступили к ним и осадили их. Добывать съестные припасы во всем городе было трудно вследствие его разорения и избиения жителей; кто из них уцелел, [тот] выселился, и никто не мог добыть себе пищи иначе как самую малость. Татары же не смущались отсутствием съестных припасов, потому что они едят только мясо, а скот их ест только растения земные, сгребая копытами землю с корней растений и поедая их. Когда они осадили Хамадан, то жители его вступили в бой с ними; старшина и правовед [находились] в первых рядах их. Убито было из Татар много народу; правоведу было нанесено несколько ран. Разошлись они, но потом, на другой день, вышли и сразились сильнее, чем в первый бой; Татар было убито также больше, чем в первый день, и правовед опять получил несколько ран, но терпел. Хотели они сделать вылазку еще и на третий день, но у правоведа уже не было сил сесть на коня. Стал народ искать старшину алидского, но не нашел его; он с людьми своими успел уже убежать через устроенный им подземный ход за город, в тамошнюю крепость на высокой горе, и укрепился в ней. Когда люди не нашли его, то они остались в недоумении, не зная, что делать. Наконец, все-таки сообщая порешили сражаться, пока умрут. Они оставались в городе, не выходя из него. Татары, вследствие множества убитых своих, уже собирались уйти, но, видя, что из города никто не выходит на них, опять приободрились и, объясняя себе это изнеможением жителей, напали на них и сразились с ними и реджебе 618 г. [21 августа — 19 сентября 1221 г.]. Они ворвались в город с мечом [в руках], люди бились с ними на улицах, но оружие не действовало вследствие тесноты, а потому дрались на ножах. С обеих сторон было убито столько, что счесть [всех] может только Аллах всевышний. Осилили Татары мусульман и уничтожили их избиением: уцелел лишь тот, кто успел устроить себе лазейку, чтобы укрыться в ней. Избиение

мусульман длилось несколько дней; потом они [Татары] бросили огонь в город, сожгли его и отошли от него к городу Ардебилю.

Причина завладения им [Хамаданом], говорят, была такая: когда жители города пожаловались старшине *шерифу* на то, что с ними сделали неверные, то он посоветовал им написать *халифу* о присылке им войска с *эмиром*, который действовал бы заодно с ними. Они согласились на это, и он написал *халифу*, сообщив ему о своем страхе и угнетении, да о том, какому унижению и поношению подвергает их неприятель, и, прося его о присылке на помощь хотя бы 1000 всадников с *эмиром*, чтобы сразиться вместе с ним и соединиться вокруг него. Когда гонцы отправились [к *халифу*] с письмами, то некто, знавший о положении дела, послал к Татарам известить их об этом. Они выслали [людей] на дорогу, которые перехватили их [гонцов] и, отобрав у них письма, послали к старшине укорять его за то, что он сделал. Он отрекся, но они [в улику] отправили к нему письма его и письма жителей, попавшие в руки их. Затем Татары подступили к ним и сразились с ними, и случилось в битве то, о чем мы говорили [выше].

О походе Татар на Адзербейджан, об овладении ими Ардебилем и другими

Управившись с Хамаданом, Татары пошли в Адзербейджан, прибыли к Ардебилю, овладели им, произвели в нем избиение, бесчинствовали и разрушили большую часть его. Оттуда они двинулись к Тебризу, над которым начальство принял уже Шемседдин Эттогран, с общего согласия жителей, так как [прежний] властитель Узбек, сын Пехлевана, покинул город. Был он [Узбек] *эмир* беспечный, страстно предававшийся пьянству днем и ночью; он не показывался по месяцу и по два месяца и как услышит шум, стремглав убежал от него. Ему принадлежал весь Адзербейджан и Арран, но он менее [всех других] творений Аллаха защищал свои владения от врага, который домогался их и устремлялся на них. Услышав о выступлении Татар из Хамадана, он покинул Тебриз и направился в Нахичевань, а людей и жен своих отправил в Хой, чтобы быть вдали от них. Тогда-то этот Эттогран стал править городом, установил единогласие, укрепил дух людей к сопротивлению, поставил им на вид последствия малодушия и слабости и своими усилиями и стараниями укрепил город. Подошедши к нему и узнав, что жители города, единодушно решившись сразиться с ними, уже укрепили город и исправили стены и ров. Татары послали к ним требовать у них денег и одежд. Они [жители] порешили между собой [дать] известное количество [всего] этого и отправили его к ним. Те взяли его и ушли к городу Сераву, ограбили его, убили всех, которые были в нем и оттуда ушли к Бейлекану, одному из городов Аррана, ограбив все города и деревни, мимо которых проходили, и разоряя, и убивая жителей, которых одолевали. Прибыв к Бейлекану, они осадили его; тогда жители его стали просить о присылке человека, с которым они могли бы заключить мир. Они [Татары] отправили к ним посланником одного из своих старшин и предводителей, но жители города убили его. Тогда Татары подошли к ним, сразились с ними и взяли город штурмом в месяце рамадане 618 года [19 октября — 17 ноября 1221 г.]. Наложили они меч [на жителей] и не осталось ни малого, ни великого, да ни единой женщины. Они распарывали даже утробы беременных и убивали зародыши; насиловали женщин, а потом убивали их. Бывало кто-нибудь из них зайдет в улицу, на которой множество [людей] и убивает их одного за другим, пока не управится со всеми, но ни один из них не протянет на него руку. Управившись с ним [Бейлеканом], они основательно опустошили и разорили окрестности его и направилась в город Ганджу, а это мать городов Аррана. Но, узнав о многочисленности жителей ее, о храбрости их, оказанной во многих битвах с Грузинами, и об укрепленности ее, они не подступили к ней, а послали к жителям ее требовать денег и одежд. Отнесли им то, что они требовали, и они ушли от них.

О прибытии Татар в земли Грузин

Управившись с мусульманскими владениями в Адзербейджане и Арране, [т. е.] одними овладев, а с другими заключив мир, Татары пошли в землю Грузин, [составляющую] также [одну] из этих областей. Грузины уже успели вооружиться против них, снарядились и выслали большое войско на окраины своих владений, чтобы отразить от них Татар. Пришли к ним Татары и произошла стычка; Грузины не устояли, а обратились в бегство. Поял их меч и спасся только тот, кто хорошо знал дорогу. Дошло до меня [известие], что убито их около 30 000. Опустошили они [Татары] города их, в которые приходили, разорили их и совершили в них то, что обыкновенно делали. Когда бежавшие прибыли в Тифлис, где был царь их, то набрали другой отряд и также отправили его против Татар, чтобы не дать им возможности проникнуть во внутреннюю часть владений. Завидели они Татар, когда те уже успели вторгнуться в их земли: не удержали их ни гора, ни ущелье, ничто другое. Видя, что они сделали, они [Грузины] возвратились в Тифлис и покинули [свои] земли. Татары сделали в них, что захотели по части грабежа, разбоя и разорения. Увидев [перед собой] страну со множеством теснин и ущелий, они не отважились углубиться в нее и вернулись оттуда. И напал на Грузин великий страх перед ними, так что я слышал от одного из старшин Грузинских, приехавшего посланником, как он говорил: «Кто вам скажет, что Татары обратились в бегство или взяты в плен, тому не верьте, а если вам скажут, что они поразили, то поверьте, потому что этот народ никогда не убегает. Взяли мы однажды в плен [одного] из них, так ведь он сбросился с коня, и так ударил себя головою об камень, что умер, но не отдался [живым] в плен».

О прибытии их [Татар] в ущелье Ширванское и о том, что они там сделали

Возвратившись из земель Грузинских, Татары отправились к ущелью Ширванскому и осадили город Шемаху. Жители его бились с ними и упорно выносили осаду. Потом Татары взобрались на стены его по лестницам; [другие же] говорят: нет, они собрали множество верблюдов, быков, овец и прочих, да убитых людей, как своих, так и посторонних; накидали [все это] одно на другое, так что образовался род холма; взобравшись на него, они возвышались над городом и [оттуда] бились с жителями его, которые упорно держались; бой свирепствовал три дня, и близка была гибель их, но они сказали: «Нельзя уйти от меча; для нас первое [дело] стойкость; умрем почетно» и продержались еще эту ночь. Упомянутые трупы стали смердеть и разлагаться, так что Татарам уже нельзя было лезть [по ним] на стены и одерживать верх в бою; тогда они опять стали вести подступы и биться без перерыва. Приуныли жители; напали на них утомление, бессилие и немощь, и они совершенно ослабели. Татары овладели городом, убили в нем множество [народу], ограбили имущество [его] и разделили его между собой.

Управившись с ней [Шемахой], они [Татары] хотели пройти через ущелье, но не могли [сделать] это и отправили посла к *Ширванишаху*, владетелю Ширванского ущелья, сказать ему, чтобы он прислал к ним посла для улажения мира между ними. Он отправил десять человек из знатнейших людей своих. Они схватили одного из них и убили его, а остальным сказали: «Если вы нам укажете путь, по которому мы сможем пройти, то вам [будет] пощада, если же не сделаете [этого], то мы убьем вас, как убили этого». Те сказали им: «Через это ущелье [собственно] нет никакой дороги, но в нем есть место, которое удобнее [всех] дорог». Они [Татары] пошли с ними на этот путь, перебрались по нему и оставили его позади себя.

О том, что они [Татары] сделали с Алланами и Кипчаками

Перебравшись через Ширванское ущелье, Татары двинулись по этим областям, в которых много народов, в том числе Алланы, Лезгины и [разные] тюркские племена. Они ограбили и перебили много Лезгин, которые были [отчасти] мусульмане и [отчасти] неверные. Нападая на жителей этой страны, мимо которых проходили, они прибыли к Алланам, народу многочисленному, к которому уже дошло известие о них. Они [Алланы] употребили все свое старание, собрали у себя толпу Кипчаков и сразились с ними [Татарами]. Ни одна из обеих сторон не одержала верха над другою. Тогда Татары послали к Кипчакам сказать: «Мы и вы одного рода, а эти Алланы не из ваших, так что вам нечего помогать им; вера ваша не похожа на их веру, и мы обещаем вам, что не нападем на вас, а принесем вам денег и одежд сколько хотите; оставьте нас с ними». Уладилось дело между ними на деньгах, которые они принесут, на одеждах и прочем; они [Татары действительно] принесли им то, что было выговорено, и Кипчаки оставили их [Аллан]. Тогда Татары напали на Аллан, произвели между ними избиение, бесчинствовали, грабили, забрали пленных и пошли на Кипчаков, которые спокойно разошлись на основании мира, заключенного между ними, и узнали о них только тогда, когда те нагрянули на них и вторгнулись в землю их. Тут стали они [Татары] нападать на них раз за разом и отобрали у них вдвое против того, что [сами] им принесли. Услышав эту весть, жившие вдали Кипчаки бежали без всякого боя и удалились; одни укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну Русских. Татары остановились в Кипчаке. Это земля обильная пастбищами зимою и летом; есть в ней места прохладные летом, со множеством пастбищ, и [есть в ней] места теплые зимою [также] со множеством пастбищ, т. е. низменных мест на берегу моря. Прибыли они к городу Судаку; это город Кипчаков, из которого они получают свои товары, потому что он [лежит] на берегу Хазарского моря и к нему пристают корабли с одеждой; последние продаются, а на них покупаются девушки и невольники, буртасские меха, бобы, белки и другие предметы, находящиеся в земле их. Это море Хазарское есть то море, которое соединяется с Константинопольским проливом. Придя к Судаку, Татары овладели им, а жители его разбрелись; некоторые из них со своими семействами и своим имуществом взобрались на горы, а некоторые отправились в море и уехали в страну Румскую, которая находится в руках мусульман из рода Килиджарслана.

О том, что Татары сделали с Кипчаками и Русскими

Когда Татары овладели землею Кипчаков и Кипчаки разбрелись, как мы рассказали [выше], то большая толпа из них ушла в землю Русских; это страна обширная, длинная и широкая, соседняя с ними, и жители ее исповедуют веру христианскую. По прибытии их к ним, все собрались и единогласно решили биться с Татарами, если они пойдут на них. Татары пробыли некоторое время в земле Кипчацкой, но потом в 620 году [4 февраля 1223 — 23 января 1224 г.] двинулись в страну Русских. Услышав весть о них, Русские и Кипчаки, успевшие приготовиться к бою с ними, вышли на путь Татар, чтобы встретить их прежде, чем они придут в землю их, и отразить их от нее. Известие о движении их дошло до Татар, и они [Татары] обратились всячь. Тогда у Русских и Кипчаков явилось желание [напасть] на них; полагая, что они вернулись со страху перед ними и по бессилию сразиться с ними, они усердно стали преследовать их. Татары не переставали отступать, а те гнались по следам их 12 дней, [но] потом татары обратились на Русских и Кипчаков, которые заметили их только тогда, когда они уже наткнулись на них: [для последних это было] совершенно неожиданно, потому что они считали себя безопасными от Татар, будучи уверены в своем превосходстве над ними. Не успели они собраться к бою, как на них напали Татары со значительно превосходящими силами. Обе стороны бились с неслыханным упорством, и бой между ними длился несколько дней. Наконец Татары одолели и одержали победу. Кипчаки и Русские обратились в сильнейшее бегство, после того как Татары жестоко поразили их. Из бегущих убито было множество: спастись удалось лишь немногим из них; всё что находилось при них, было разграблено. Кто спасся, тот прибыл в [свою] землю в самом жалком виде вследствие дальности пути и поражения. Их преследовало множество [Татар], убивая, грабя и опустошая страну, так что большая часть ее опустела. Тогда

собрались многие из знатнейших купцов и богачей Русских, унося с собою то, что у них было ценного, и двинулись в путь, чтобы на нескольких кораблях переправиться через море в страны мусульманские. Когда же они приблизились к гавани, в которую направлялись, то один из кораблей их разбился и потонул; спаслись только люди. Существовал такой обычай, что *султану* принадлежал тот корабль, который разбивался, и [потому] он забрал с него много вещей. Остальные корабли уцелели. Рассказывал об этом деле участвовавший в нем.

О возвращении Татар из земель Русских и Кипчаков к своему царю

Сделав с Русскими то, что мы рассказали, и опустошив земли их, Татары вернулись оттуда и направились в Булгар в конце 620 года. Когда жители Булгара услышали о приближении их к ним, они в нескольких местах устроили им засады, выступили против них [Татар], встретились с ними и, заманив их до тех пор, пока они зашли за место засад, напали на них с тыла, так что они [Татары] остались в середине; поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие. Говорят, что их было до 4 000 человек. Отправились они [оттуда] в Саксин, возвращаясь к своему царю Чингизхану, и освободилась от них земля Кипчаков; кто из них спасся, тот вернулся в свою землю. Пресекался было путь [сообщения] с нею с тех пор, как вторглись Татары в нее и не получалось от них [Кипчаков] ничего по части бургасских мехов, белок, бобров и [всего] другого, что привозилось из этой страны. Когда же они [Татары] покинули ее и вернулись в свою землю, то путь восстановился, и товары опять стали привозиться, как было [прежде]. Мы сообщили эти известия о Западных Татарах за один раз, чтобы не делать перерыва.

О том, что сделали Татары в Мавераннхре после [взятия] Бухары и Самарканда

Мы уже рассказали, что сделали Западные Татары, которых царь их Чингизхан — да проклянет его Аллах — послал на *Харезмишаха*. Что же касается Чингизхана, то после отправления этого отряда против *Харезмишаха* и после бегства *Харезмишаха* из Хорасана, он разделил своих людей на несколько отделов. Один из этих отделов он отправил в страну Ферганскую для завладения ею, другой в Термедз, третий в Килане, сильную крепость на берегу Джейхуна, одну из самых защищенных крепостей и самых неприступных укреплений. Отправился каждый отдел в тот край, в который ему было приказано идти, остановился в нем, завладел им и совершил по части разбоя, пленения, порабощения, опустошения, разорения и разных бесчинств то же, что сделали соратники его. Покончив это, они вернулись к своему царю Чингизхану, который был в Самарканде. Он снарядил огромное войско с одним из своих сыновей и послал его в Харезм и [затем] отправил другое войско, которое переправилось через Джейхун в Хорасан.

О завоевании Татарами Хорасана

Когда войско, получившее назначение в Хорасан, отправилось и перешло через Джейхун, то оно прибыло к городу Балху. Жители его просили о пощаде и они [Татары] пощадили их. Так город спасся в 617 году [8 марта 1220 — 24 февраля 1221 г.]. Они не произвели в нем ни опустошения, ни убийства, только поставили в нем [своего] правителя. Затем они ушли и направились в Зузан, Меймене, Эндехой и Фуриаб, овладели всем этим, поставили там своих наместников, но не причинили жителям их ни зла, ни обиды, а забрали только людей для сражения с теми, кто им сопротивлялся. Так они дошли до Талекана, области, заключающей в себе несколько городов, в том числе сильную крепость, называемую Мансуркух, недоступную по своей высоте и крутизне; в ней люди храбро сражающиеся. Они осаждали ее в продолжение 6 месяцев, бились с жителями ее днем и ночью, но не могли одолеть ни одной части ее и послали к Чингизхану уведомить его, что они не в состоянии овладеть этой крепостью вследствие множества ратников в ней и вследствие неприступности ее, по укреплению ее. Тогда он отправился к ним лично с находившимися при нем отрядами и осадил ее. При нем было большое количество пленных мусульман; им он приказал завязать бой, [пригрозив им, что в] противном случае убьет их. Бились они вместе с ним, и он простоял у нее других четыре месяца. Убито было при ней великое множество татар. Видя это, царь их приказал собрать сколько можно было мелкого и крупного леса. Сделав это, они стали класть слой дерева, а поверх его слой земли, и не переставали [делать] это до тех пор, пока образовался высокий холм насапротив крепости. Тогда находившиеся в ней собрались, открыли ворота ее, вышли из нее и сделали общее нападение. Коннице их удалось уцелеть: она спаслась и направились в эти горы и ущелья; пешие же были перебиты. Татары вошли в крепость, взяли в плен женщин и детей и разграбили деньги и вещи.

Потом Чингизхан, собрав тех жителей, которым он оказал пощаду в Балхе, и других, отправил их с одним из своих сыновей к городу Мерву. Они двинулись к нему, но там уже собрались Арабы, Тюрки и другие мусульмане, успевшие спастись, [всего] более 200 000 человек, которые расположились лагерем вне Мерва и намеревались напасть на Татар, льстясь надеждою на превосходство свое и на победу над ними. Когда Татары подошли к ним, то они встретили их и сразились. Мусульмане держались упорно. Татары же не знают бегства, так что один из них, будучи взят в плен, сказал: «Вот у мусульман, если скажешь, что Татары бьют, так верят, а скажешь, что бегут, так не верят». Видя упорство и стойкость Татар, мусульмане обратились в бегство, и Татары избili и попленили многих из них; спаслись только немногие. Деньги, оружие и скот их были разграблены. Татары послали в окрестные земли набирать людей для осады Мерва и, собрав, что хотели, подступили к Мерву, обложили его, усердно занялись осадой его и неустанно бились. Жители города уже приуныли вследствие бегства того войска и множества своих убитых и взятых

в плен. Когда настал пятый день со времени их прибытия, то Татары послали к *эмиру*, начальствовавшему над теми, которые были в городе, сказать ему: «Не губи себя самого и жителей города; выйди к нам: мы поставим тебя *эмиром* над этим городом и уйдем от тебя». Он послал просить пощады для себя и для жителей города и они [Татары] помиловали их. Тогда он вышел к ним и сын Чингизхана подарил ему халат, оказал ему почести и сказал ему: «Я хочу сделать смотр твоим соратникам, чтобы увидеть, кто годен для нашей службы; того мы возьмем к себе на службу и дадим ему надел и он будет при нас». Когда они явились к нему, то он овладел ими, схватил их и *эмира* их; и их связали. Управившись с ними, он сказал им: «Напишите мне список купцов города, старшин его и богачей, да напишите мне другой перечень художников и ремесленников и предоставьте нам это». Они сделали, что он им приказал. Прочитав перечни, он приказал жителям города выйти из него с семействами своими. Они вышли все и не осталось в нем ни единого. Тогда он сел на золотой престол и приказал привести тех воинов, которых он захватил. Они были приведены, связаны и обезглавлены, а люди глядели на них и плакали. Что же касается простого народа, то мужчины, женщины, дети и деньги были разделены. И был это день, ознаменовавшийся обилием стенаний, плача и рыдания. Схватили они богатых людей, били их и мучили всеми возможными истязаниями для вымогательства денег. Случалось, иной из них умирал от сильных побоев, но не было у него ничего, чем бы он мог откупиться. Потом они зажгли город, сожгли гробницу *султана* Синджара и перерыли могилу [его], отыскивая денег. Так они действовали три дня; на четвертый день он велел умертвить всех жителей города и сказал: «Они бунтовали против нас». Перебили их всех. Приказал он сосчитать убитых, и оказалось до 700 000 убитых. Да, мы принадлежим Аллаху и к нему возвратимся! Вот что случилось с мусульманами в этот день.

Потом они пошли к Нисабуру и осаждали его пять дней. В нем собрались уцелевшие рати мусульманские, но у них не было силы [биться] с Татарами, которые овладели городом, вывели жителей его в степь, умертвили их, взяли в плен жен их, и истязали тех, у кого подозревали деньги, [точно так], как они поступали в Мерве. Пятнадцать дней сряду они разоряли и обшаривали жилища ради денег. Говорят, что когда они убивали жителей Мерва, то из числа считавшихся убитыми, многие спаслись и ушли в страны мусульманские. Поэтому он приказал отрубать жителям Нисабура головы, чтобы никто не уцелел от избиения.

Управившись с этим, они послали отряд своих [людей] к Тусу и поступили с ним точно также, разорили его, разорили часовню над могилой Алия, сына Мусы, благочестивого и правоверного, и подвергли все разорению. Потом они пошли на Херат, один из самых укрепленных городов, осаждали его 10 дней и овладели им. Жители просили пощады; часть их они убили, а над теми из них, которые остались в живых, поставили своего правителя. Потом пошли к Газне; тут встретил их Джелаледдин, сын *Харезмшаха*, сразился с ними и обратил их в бегство, как мы расскажем [ниже], если угодно будет Аллаху.

Жители Херата восстали против правителя и убили его. Когда к ним [Татарам] вернулись бежавшие, то они взяли город штурмом, перебили всех, которые в нем были, разграбили имущество [их], взяли в плен женщин, опустошили [окрестные] села, разрушили весь город и сожгли его. Затем они возвратились к своему царю Чингизхану, который находился в Талекане, рассылая оттуда по всему Хорасану конные отряды, действовавшие там таким же образом; и не уцелела ни одна из областей от злодеяний и бесчинств их. Произошло все то, что они сделали в Хорасане в 617 году.

О завоевании и разорении Харезма

Что касается того отряда войск, который Чингизхан отправил в Харезм, то в нем было больше всего конных отрядов вследствие обширности [этих] земель. Подвигались они, пока прибыли в Харезм. В нем находилось большое войско и жители города славятся своим мужеством и многочисленностью; произошел самый ожесточенный бой, о каком [когда-либо] слышали люди. Длилось это бедствие их 5 месяцев и убито с обеих сторон много народу, но все-таки со стороны Татар было больше убитых, потому что мусульмане защищали стены. Послали Татары к своему царю Чингизхану просить помощи и выслал он им на помощь множество народу. Когда они [вспомогательные войска] прибыли к городу, то они [Татары] стали делать непрерывные подступы и овладели одной стороной его. Тогда собрались жители города и сразились с ними по направлению того места, которым они овладели, но не могли вытеснить их [оттуда]. Они не переставали [однако же] биться с ними, а Татары отнимали у них одно место за другим; всякий раз, когда последние завладевали [новым] местом, мусульмане бились с ними в прилежавшем к нему месте. Бились мужчины, женщины, дети и не переставали [биться] таким образом, пока они [Татары не] завладели всем городом, перебив всех, находившихся в нем и ограбив все, что в нем было. Потом они открыли плотину, которую удерживалась вода Джейхуна от города; тогда вода хлынула в него и затопила весь город; строения разрушились, и место их заняла вода. Из жителей его положительно ни один не уцелел, тогда как в других местах некоторым удалось спастись: из них кто спрятался, кто бежал, кто вышел да потом спасся, кто сам ложился среди убитых и [потом] уходил; в Харезме же тех, кто спрятался от Татар, или затопила вода, или убили развалины. И превратилось [все] в груды и волны [точно так], «как нет от Хаджуна до Сафы [ни одной] души, и нет в Мекке [ни одного] ночного собеседника». Ничего подобного этому не было слышно ни в древнее время, ни в новое. Да сохранит нас Аллах от нищеты после изобилия и от посрамления после [оказанной им] помощи! Объяло это несчастье ислам и приверженцев его, и сколько убитых из жителей Хорасана и других [стран]! Ведь отправившихся [в путь] из купцов и других было много, и все это ушло под меч. Управившись с Хорасаном и Харезмом, они [Татары] вернулись к своему царю в Талекан.

О завоевании Татарами Газны и страны Гур

Когда Татары управились с Хорасаном и вернулись к своему царю, то он снарядил огромное войско и отправил его к Газне; ею владел [тогда] Джелаледдин, сын *Харезмишаха*, к которому собрались уцелевшие [части] войска отца его, 60 000 человек, как говорят. По прибытии их [Татар] в окрестности Газны, мусульмане с сыном *Харезмишаха* выступили против них к месту, называемому Булюк (?). Здесь они столкнулись и жестоко сразились. Длилось это три дня. Наконец Аллах ниспослал мусульманам помощь, и Татары обратились в бегство. Мусульмане убивали их как хотели. Те из них [Татар], которые уцелели, вернулись к своему царю в Талекан. Услышав об этом, жители Херата напали на наместника, который был у них [поставлен] от Татар, и убили его. Тогда Чингизхан послал к ним войско, которое овладело городом и разрушило его, как мы сказали [выше]. Когда Татары убежали, то Джелаледдин отправил посла к Чингизхану сказать ему; «В каком месте хочешь ты, чтобы произошло сражение? Мы придем туда». Чингизхан снарядил большое войско, которое превосходило первое, и отправил его к нему с одним из своих сыновей. Оно прибыло к Кабулу и против него выступило войско мусульманское. Выстроились они тут, и произошел между ними бой великий. Неверные вторично обратились в бегство, и их убито было много. То, что было при них [Татарах], сделалось добычею мусульман, которая оказалась великой. Было с ними много народу из пленных мусульман; они выручили их [из неволи] и освободили их. Потом между мусульманами из-за добычи произошел раздор; причина была такая: один из их *эмиров*, по имени Сейфеддин Бограк, родом из хьльджийских Тюрков, [человек] храбрый и отважный, опытный в военном деле, лично знакомый с хитростями и трудностями войны против Татар, сказал войску Джелаледдина: «Вы останьтесь позади, [потому что] вы преисполнены страха перед ними»; в самом деле — это он сломил [силы] Татар. Был из мусульман еще [другой] *эмир*, по имени Меликхан, который находился в родстве с *Харезмишахом* и владел Хератом. Эти два *эмира* поссорились из-за добычи и сразились между собой, причем был убит брат Бограка. Тогда Бограк сказал: «Я поразил неверных, а брат мой убит ради этой дряни», разгневался, покинул войско и ушел в Индию. За ним последовало из войска 30 000 человек, желавшие все остаться с ним. Джелаледдин всячески старался вернуть его, сам отправился к нему, увещевал его священной войной [против неверных], страдал его Аллахом всевышним и плакал перед ним, но тот не возвратился и ушел, отделившись [от них]. Вследствие этого мусульмане были надломаны и ослабели.

В то время, когда они находились в таком положении, вдруг пришло известие, что Чингизхан уже прибыл со своими ратями и полчищами. Видя, что мусульмане ослабели вследствие того, что от них отделилась часть войска, и что невозможно устоять на месте, Джелаледдин ушел в земли Индийские и прибыл к водам Синда — это большая река — но не нашел там судна, на котором мог бы переправиться. Чингизхан же быстро гнался за ним по следам его. Не удалось Джелаледдину переправиться, так что Чингизхан с Татарами настиг его. Тогда, по невозможности переправиться, мусульмане были вынуждены вступить в бой и дать отпор, находясь в этом случае в положении рыжего коня [про которого пословица говорит]: «Податься назад — убьют, подвинешься вперед — заколют». Выстроились они в боевой порядок и вступили в самый ожесточенный бой, относительно которого все сознались, что всё происходившее по части сражений было игрушкой в сравнении с этим боем. Он длился три дня; убиты *эмир* Меликхан, о котором упомянуто было выше, и множество народу. У неверных было больше убитых и больше раненых. Неверные вернулись от них, отступили и остановились. Мусульмане же, видя, что не получают помощи и все более и более слабеют вследствие [множества] убитых и раненых, и не зная, что случилось с неверными, послали требовать судов. Прибыли [суда] и мусульмане переправились. Да, как задумает Аллах [какое-нибудь] дело, так оно уже и сделано. На следующий день неверные вернулись к Газне; вследствие переправы мусульман через реку в Индию и удаления их, души их приободрились.

Прибыв к ней [Газне], они тотчас же овладели ею за отсутствием в ней войск и защитников, перебили жителей ее, разграбили имущество, взяли в плен женщин, [так что] в ней никого не осталось, разорили ее и зажгли ее. Точно так же они поступили в окрестных селениях: грабили, убивали, жгли. Во всех этих местностях не осталось [ни одной] живой души; они были опустошены до оснований своих, как будто их [уже] вчера не было.

О возвращении отряда Татар к Рею, Хамадану и прочим

В начале этого года [621-го, 24 января 1224 — 12 января 1225 г.] прибыл отряд Татар от царя их Чингизхана. Это не был Западный отряд, о котором мы говорили [выше] прежде прибытия этих [Татар] в Рей. Те из жителей его, которые спаслись, возвратились в него и [снова] отстроили его; увидели они Татар только тогда, когда они [опять] уже нагрянули на них, [и потому] не могли отразить их. Они [Татары] наложили на жителей меч, перебили их как хотели, ограбили город и, разорив его, ушли [сперва] к [городу] Саве, где поступили таким же образом, потом к Комму и Кашану, которые оба в первый раз уцелели от Татар, потому что последние не подошли к ним и жителей их не постигло несчастье. Но [на этот раз] они пришли к обоим [городам], завладели ими, перебили жителей их, разорили их и присоединили их к остальным разрушенным городам. Потом они прошли [дальше] по краю, [везде] разрушая, убивая и грабя; затем направились в Хамадан, где успело собраться множество из тех жителей его, которым удалось спастись. Они [Татары] погубили их, перебив, забрав в плен и ограбив их, и разорили город. Прибыв в Рей, они увидели в нем большое войско из Хамадана, но напали на них и перебили [многих] из них; остальные бежали в Адзербейджан и остановились в пределах его, но не успели придти в себя, как Татары снова напали на них и, наложив на них меч, обратили их в бегство. Один отряд их [Татар] прибыл в Тебриз и послал к владетелю его, Узбеку, сыну Пехлевана, сказать; «Если ты заодно с нами, то выдай нам тех Харезмцев, которые у тебя, а если не выдашь, то даешь нам понять, что ты не с нами и непокорен нам». И налег он [Узбек] на тех Харезмцев, которые были у него: часть их

убил, а часть забрал в плен, и отправил [этих] пленных и [бывших там] Русских к Татарам, послал вместе с тем множество денег, одежду и скота.

Тогда они вернулись из земли его в Хорасан. Сделали они это, не будучи в большом числе; их [Татар] было около 3000 всадников, а Харезмцев, бежавших перед ними, было 6000 всадников; войско же Узбека было больше всех их. При всем том, он и сам не попытался, да и Харезмцев не побудил отразить их. Молим Аллаха, чтобы он послал исламу и мусульманам [человека], который восстал бы на защиту их, [ибо] они подверглись великой беде по части избиения душ, ограбления имущества, порабощения детей, пленения и умерщвления женщин и разорения края.

О войне между Джелаледдином и Татарами

Управившись с Исмаилитами, Джелаледдин в 624 г. [22 декабря 1226 — 12 декабря 1227 г.] получил известие, что к Дамегану поблизости Рея прибыл большой отряд Татар, который намерен двинуться на страны мусульманские. Он выступил против них [Татар] и сразился с ними. Между ними произошел жестокий бой; он обратил их в бегство, произвел между ними большое избиение, и несколько дней преследовал бегущих, убивая и забирая [их] в плен. Но действуя так, он вдруг остановился в окрестностях Рея, опасаясь другой толпы Татар: пришло известие, что на него идет множество из них. Он остановился, поджидая их. Сведения о них мы сообщим под 625-м годом.

В этом [625 году, 12 декабря 1227 — 30 ноября 1228 г.] Татары возобновили поход на Рей. Между ними и Джелаледдином произошло много сражений, относительно числа, которых люди несогласны с нами. Большая часть из них была неблагоприятна для него, но окончательно победа [все-таки] была за ним. Начало войны между ними было удивительно странное. На предводителя этих Татар разгневался царь их Чингизхан, удалил его от себя и выгнал его из своих владений. Тогда тот отправился в Хорасан, но, увидев его разоренным, направился к Рею с тем, чтобы занять эти местности и земли. Там столкнулся с ним Джелаледдин. Они вступили в ожесточенный бой; Джелаледдин бежал, но вернулся и опять был обращен в бегство. Затем, направившись к Испахану, остановился между ним и Реем и собрал свои войска и тех, кто был под властью его. В числе прибывших к нему находился властитель областей Фарсских, сын *атабека* Саада, воцарившегося после смерти отца своего. Джелаледдин вернулся к Татарам и выступил против них. В то время как они выстроились в боевой порядок, одна сторона против другой, Гьяседдин, брат Джелаледдина, отделился [от него] с теми *эмирами*, которые сговорились с ним оставить Джелаледдина. Они удалились и направились в ту сторону, в которую те [Татары] ушли. Увидев, что войско отделилось, Татары подумали, что оно хочет зайти им в тыл, и что на них нападут с двух сторон. Вследствие этого предположения Татары обратились в бегство, а властитель стран Фарсских стал преследовать их. Что же касается Джелаледдина, то он, увидев, что брат его отделился от него вместе бывшими при нем *эмирами*; и, подумав, что Татары отступили из хитрости с тем, чтобы заставить его погнаться за ними, вернулся, обратился в бегство и, не решившись войти в Испахан [из опасения], чтобы они не обложили его, ушел к [городу] Сомайрему. Властитель же Фарса погнался по стопам Татар, но, не видя ни Джелаледдина, ни войска его с ним, убоился Татар и отступил от них. Татары, не видя за собой никого, кто бы настигал их, остановились, потом вернулись к Испахану и, не найдя на своем пути [никого], кто бы остановил их, пришли к Испахану и осадили его.

В то время как жители его предполагали, что Джелаледдина уже нет, а Татары осаждали их, вдруг прибыл к ним [жителям] гонец от Джелаледдина с известием, что он невредим и [сообщает им]: «Я ничего не могу сделать, пусть соберутся ко мне те части войска, которые спаслись; тогда я приду к вам, и мы согласимся с вами насчет изгнания Татар и заставим их уйти от вас». Они послали к нему просить его к себе, обещая ему содействие и нападение вместе с ним на врага его, и [известив его], что у них отвага великая. Тогда он отправился к ним и соединился с ними. Жители Испахана выступили с ним [в поход] и сразились с Татарами. Обратились Татары в самое постыдное бегство, и Джелаледдин гнался за ними до Рея, убивая [их] и захватывая в плен. Когда они отступили от Рея, то он остановился там. Сын Чингизхана послал к нему сказать: «Эти [Татары] не из наших сторонников; мы [сами] прогнали их от себя». Когда со стороны Чингизхана [все] стало спокойно, то и он [Джелаледдин] успокоился и возвратился в Адзербейджан.

О походе Татар на Адзербейджан и о том, что случилось с ними

В начале этого года [628 г.х., 9 ноября 1230 — 29 октября 1231 г.] Татары из стран Мавераннехра пришли в Адзербейджан. Мы уже прежде говорили о том, как они овладели Мавераннехром, что они совершили в Хорасане и других землях по части грабежа, разорения и убийства. Утвердилась власть их в Мавераннехре, области Мавераннехра опять стали обстраиваться, и они [Татары] построили большой город поблизости от г.Харезма. Города же Хорасана остались разоренными, и никто из мусульман не решался селиться в них. Что касается Татар, то у них всякий незначительный отряд грабил [все], что видел, и страна была разорена до своих оснований. Не переставали они [действовать] так до появления в 625 году [12 декабря 1227 — 30 ноября 1228 г.] одного отряда их, между которым и Джелаледдином произошло то, что мы рассказали [выше]. На этом остановилось дело.

Когда настало время и Джелаледдин убежал перед Алаеддином Кейкобадом и Эльашрефом, как мы рассказали под 627 годом, то предводитель Исмаилитов еретиков прислал к Татарам уведомить их о слабости Джелаледдина по случаю нанесенного ему поражения, побудить их напасть на него, вследствие этой слабости, и уверить их в победе над ним, благодаря бессилию, в которое они повергли его... Когда к Татарам прибыло вышеупомянутое письмо предводителя Исмаилитов, приглашавшее их напасть на Джелаледдина, то часть их быстро двинулась вперед, вторглась в его земли, овладела Реем, Хамаданом и лежащими между ними землями, потом направилась в

Адзербейджан, разоряя, грабя и убивая тех из жителей, которых одолевали. Джелаледдин не решался противостоять им и не мог отразить их от страны: так он был преисполнен страха и ужаса...

О завоевании Татарами Мераги

В этом же [628] году Татары осадили Мерагу в Адзербейджане, но жители ее оказали сопротивление. Потом жители ее изъявили покорность, прося о пощаде. Они [Татары] помиловали их, но, заняв город, не убили в нем только тех, которые не усердствовали в битве. Затем они поставили в городе своего правителя, и с тех пор усилилось значение Татар, и увеличился страх людей перед ними в Адзербейджане. Да пошлет Аллах всевышний исламу и мусульманам помощь от себя, ибо мы не видим между царями мусульманскими никого, в ком было бы желание вести священную войну или вступить за веру; нет, каждый из них только предастся своим забавам, увеселениям и притеснению своих подданных. А это, по-моему, страшнее врага. Аллах всевышний сказал: «Остерегайтесь возмущения; ведь не будут поражены исключительно те из вас, которые делали зло».

О прибытии Джелаледдина в Амид, о бегстве его оттуда и о том, что с ним случилось

Видя, что Татары наделали в землях Адзербейджана, что они остановились там, убивают, грабят и разоряют селения, отбирают имущество и намереваются напасть на него и сознавая свою слабость и беззащитность, Джелаледдин ушел из Адзербейджана к городу Хелату и послал к наместнику, находившемуся там со стороны Эльмелик-Эльашрефа, сказать ему: «Мы пришли не для войны и не ради зла, но страх перед этим врагом побудил нас отправиться в ваши земли». Намеревался он двинуться в Диарбекр и Месопотамию, да отправиться ко двору *халифа*, просить его и всех государей о помощи против Татар, искать у них содействия к изгнанию их, и утратить их [дурными] последствиями нерадения их [государей].

Прибыл он в Хелат, и дошло до него известие, что Татары ищут его и гонятся по следам его. Тогда он ушел в Амид и расставил в нескольких местах стражу, опасаясь ночного нападения. Прибыл отряд Татар, настигая его по следам; пришел он к нему не по той дороге, на которой была [расставлена] стража, и напал на него ночью. Он [Джелаледдин] находился вне города Амиды и успешно бежал. Войско, которое было при нем, разбрелось во все стороны. Часть войска его направилась в Харран; [там] напал на них, с бывшим при нем войском, *эмир* Саваб, которого Эльмелик-Элькамель назначил начальником в Харране, и отобрал у них все находившиеся при них деньги, оружие и скот; [другая] часть их [войск] пошла в Нисыбин, Моссуль, Синджар, Ирбиль и другие города. Обирали их и государи и подданные, и зарился на них всякий: и селянин, и курд, и бедуин, и прочие, мстя им и отмачивая им за их дурные дела и гнусные поступки в Хелате и других местах, и за бесчинства, произведенные ими на земле. Не любит Аллах бесчинствующих! И становился Джелаледдин все слабее и слабее, все беспомощнее и беспомощнее, вследствие ухода его войск и того, что случилось с ним. Когда Татары поступили с ними таким образом и он убежал от них, то они вторглись в Диарбекр, отыскивая его, потому что не знали, куда он направился и каким пошел путем. Хвала Тому, кто превратил самонадеянность их в страх, спесь их в унижение, многочисленность их в малость, и благословен Аллах, владыка миров, совершавший, что хочет!

О вторжении Татар в Диарбекр и Месопотамию и о бесчинствах, произведенных ими в этом краю

Когда Джелаледдин бежал от Татар в Амид, Татары опустошили селения Амиды, Эрзен и Миафарикин и добрались до города Асарда, жители которого сразились с ними. Татары предложили им пощаду; те поверили им и сдались. Овладев ими, Татары наложили на них меч и избili их так, что почти совсем покончили с ними. Уцелел из них только тот, кто спрятался, а таких было мало. Рассказывал мне один купец, прибывший тогда в Амид, что они насчитали убитых более 15 000 человек. С этим купцом была девушка из Асарда, которая рассказывала, что господин ее отправился сражаться, и что у него была мать, удерживавшая его, [потому что] кроме него у нее не было сына, но он не последовал ее словам. Тогда она пошла вместе с ним и оба были убиты вместе. Ее же [девушку] получил в наследство сын брата матери, который продал ее этому купцу. Рассказывала она о множестве убитых ужасную историю и о том, что осада продолжалась пять дней. Потом они [Татары] пошли оттуда к городу Танзе, где поступили таким же образом, а из Танзы отправились в долину поблизости от Танзы, называемую Вади-эль-Корейшие, где был отряд Курдов, называемых Корейшие, и где находятся проточные воды и много садов. Дорога туда узкая; Корейшие вступили с ними в бой, не впуская их туда, отразили их и убили многих из них. Татары вернулись, не достигнув от них своей цели, и пошли в [такие] земли, где не встречали сопротивления, и не было никого, кто бы появлялся перед ними. Они прибыли к Мардину и опустошили [все] земли, которые встретили [на пути]. Владетель Мардина и жители Дунейсера укрепились в Мардинской крепости; другие из находившихся по соседству от крепости также укрепились в ней. Потом они [Татары] отправились к Нисыбину Месопотамскому, пробыли там несколько дней, ограбили [окрестные] селения его, и убили тех, которые достались в руки их, но ворота его [все] были заперты. Тогда они вернулись оттуда, пошли к городу Синджару и пришли к горам в окрестностях Синджара. Ограбив его [Синджар], они проникли в Хабур, пришли к Арабану, произвели грабеж и разбой и вернулись. Часть их пошла по дороге Моссульской, прибыла к деревне, называемой Эльмунисе и лежащей на день пути от Нисыбина и от Моссуля, и

ограла ее. Жители ее и другие укрылись в находившемся там караван-сараяе, но они [Татары] перебили всех [бывших] в нем.

Говорили мне про одного из них, что он рассказывал [следующее]: «Я спрятался от них в доме, в котором была солома, и они не нашли меня; я глядел на них через щель в доме. Задумали они убить человека; тот сказал: нет, [не убивайте], ради Аллаха, но они [все-таки] убили его. Когда они управились с деревней, ограбив, что в ней было, и забрав в плен женщин, то я увидел, что они забавляются шуточной игрой, смеются и поют на своем языке слова: нет, [не убивайте], ради Аллаха!». Часть из них отправилась к Нисыбину Румскому который лежит на Евфрате и принадлежит к округу Амидскому. Они ограбили его, произвели в нем избиение и вернулись в Амид. Потом [они пошли] к городу Бидлису, жители которого укрепились в крепости и в горах, убили там нескольких и зажгли город. Один из жителей его рассказывал следующее: «Будь у нас 500 всадников, не уцелел бы ни один из Татар, потому что дорога между горами узка и немногими можно отразить многих». Из Бидлиса они пошли к Хелату и осадили город в округе Хелатском, называемый Бакери [т.е. Беркери], один из самых укрепленных городов, взяли его штурмом, убили всех бывших в нем, и отправились к городу Арджишу, в округе Хелатском, большому и обширному городу, где они сделали то же самое. Происходило это в месяце дзульхиддже [30 сентября — 29 октября 1231 г.].

Рассказывали мне про них такие вещи, которые едва можно слушать? они ложны вследствие страха [перед Татарами], который Аллах вселил в сердца людей. Так, например, рассказывалось, что один человек из них заехал в деревню или в улицу, где находилось много людей, и, не переставая, перебил их, одного за другим, и никто не решился поднять руку на этого всадника. Передавали мне, что один из них схватил человека, и так как при Татарине не было, чем убить его, то он сказал ему: «Положи голову свою на землю и не уходи». Тот и положил голову на землю, а Татарин ушел, принес меч и им убил его. Рассказывал мне человек [также следующее]: «Был я с 17 другими людьми в пути; подъехал к ним всадник из Татар и сказал, чтобы один из них связал другого. Мои товарищи начали делать, что он им приказал. Тогда я сказал им: он один, отчего бы нам не убить его и не убежать. Ответили они: мы боимся, а я сказал: он [ведь] хочет убить вас сейчас, так мы [лучше] убьем его; может быть Аллах спасет нас. Клянусь Аллахом, ни один [из них] не решился сделать это. Тогда я взял нож и убил его, а мы убежали и спаслись». Таких примеров много.

О приходе Татар к Ирбилю и Декук

В этом [628] году, в дзульхиддже, прибыл отряд Татар из Адзербейджана в Ирбийский округ и убил встретившихся им на пути Иванийских Тюркмен, Хузканских Курдов и других, наконец вошел в город Ирбиль, ограбил окрестные деревни, перебил жителей этого округа, которых одолел, и совершил там ужасы» которым других подобных не слышано. Тогда выступил Музаффереддин, владетель Ирбиля, с войсками своими, и призвал на помощь войска Моссульские, которые и пришли к нему, но когда до него дошло известие о том, что Татары вернулись в Адзербейджан, то он остался в своей земле и не преследовал их. Они же прибыли к городу Керхини, к городу Декуке и другим и вернулись невредимыми, [потому что] никто не угрожал им и [ни один] всадник не появлялся перед ними. Ничего похожего на такие бедствия и события люди не видали ни в древние, ни в новые времена. Да смилуется Аллах над мусульманами, да сжалится он над ними, и да отвратит от них этого врага! Пришел этот год к концу, а мы не имеем никаких достоверных сведений о Джелаледдине, и не знаем: убит ли он или скрывается, не показывается ли, опасаясь Татар, или ушел из этого края в другой. Аллах лучше знает [все это]!

Об изъявлении жителями Адзербейджана покорности Татарам

В начале этого [628] года все жители Адзербейджанских земель изъявили покорность Татарам и нанесли им денег и одежды хатайские, хойские, атабийские и другие. Причина изъявления ими покорности была такая: когда Джелаледдин убежал от Татар в Амид, то войска его разбрелись да, как лохмотья, разлетелись во все стороны, и люди стали их грабить. Татары же в Диарбекре, Месопотамии, Ирбиле и Хелате делали свое дело и никто не сопротивлялся им, ни один всадник не показывался перед ними, а цари мусульманские попрятались в свои норы. Вдобавок к этому прекратились [все] известия о Джелаледдине, потому что он не подавал о себе [никакой] вести, и никто не знал, попал ли он в руки их. Тогда-то они [Адзербейджанцы] изъявили Татарам покорность и принесли им все, что они потребовали от них по части денег и одежд, из того города Тебриза, который стал главою городов Адзербейджана; все обращались к нему и к тем, кто находился в нем, потому что царь Татарский с войском своим остановился поблизости от него и послал к жителям его приглашение изъявить покорность, угрожая им [наказанием], если они станут сопротивляться ему. Они прислали ему множество денег и подарков, состоявших из разных шелковых и других одежд да всяких предметов, даже вина, и изъявили ему покорность. Он послал им обратно ответ, в котором благодарил их и требовал от них, чтобы они прислали к нему своих предводителей. Тогда отправились к нему *кади* города, старшина его и множество знатных жителей. Отделился от них [только] Шемседии-Эттограи, к которому [прежде] все обращались; он ничего такого не принес. Когда они пришли к нему [царю Татарскому], то он спросил их о причине сопротивления Эттограя. Они сказали; «Это человек, связи которого с царями порваны; мы [теперь] главные». Он смолчал, а потом потребовал, чтобы они привели к нему мастеров, выделяющих хатайские одежды и другие, для поступления на службу к великому царю их, так как этот [царь] был только [один] из сподвижников того [великого] царя. Привели мастеров и он употребил их на то, что они [сами] пожелали, а жителям Тебриза уплатил стоимость. Потребовал он от них еще шатер для своего царя, и они сделали ему такой шатер, которому подобного [прежде] не

делалось; снаружи они покрыли его прекрасным парчовым атласом, а внутри подбили соболем и бобром. Обошелся он им очень дорого. Затем он наложил на них большую ежегодную подать деньгами, да столько же одеждami, и отправились послы их [Татар] ко двору *халифа* и ко всем государям, требуя от них, чтобы они не помогали *Харезмшаху*.

Тогда я [случайно] напал, на письмо, полученное от одного купца из жителей Рея, который [сначала] перебрался в Моссуль и поселился там со своими товарищами, но потом переехал в Рей в прошлом году, до вторжения Татар; когда же Татары прибыли в Рей, и жители его изъявили им покорность, а они ушли в Адзербейджан, то он с ними отправился в Тебриз и [оттуда] написал своим товарищам в Моссуль [следующее]: «Да проклянет Аллах неверного! не можем мы описать ни его, ни многочисленную рать его, дабы не надломились сердца мусульман; поистине, [это] дело ужасное и не думайте про тот отряд, который приходил к Нисыбину и Хабуру, да про другой отряд, пришедший к Ирбилю и Декуке, что цель их грабеж. Они хотели только узнать: есть ли в крае, кто их может отразить, или нет. Вернувшись, они сообщили своему царю, что в стране нет защитников и отразителей, и что край без царя и без войск. Жадность их усилилась, и весной они нагрянут на вас, и у вас не останется [другого] места пребывания, как в странах Запада. Ведь они намерены завладеть всеми землями. Охраните души ваши». Таково было содержание письма...».

ИЗ СОЧИНЕНИЯ ШИХАБ АД-ДИНА МУХАММАДА АН-НАСАВИ «ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СУЛТАНА ДЖАЛАЛ АД-ДИНА МАНКБУРНЫ»

«Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны» («Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны») принадлежит перу Шихаб ад-Дина Мухаммада ибн Ахмада ибн Али ибн Мухаммада ан-Насави, личного секретаря Джалал ад-Дина Манкбурны. Ан-Насави родился в округе Наса (Хорасан) в крепости Хурандиз (Хорандиз). Судя по обязанностям, которые выполнял автор «Жизнеописания султана», он происходил из потомственной чиновничьей семьи, из среды служилой знати государства Хорезмшахов. До 1224 г ан-Насави был наибом Нусрат ад-Дина Хамзы правителя г. Насы. В эти же годы ан-Насави принимает участие в сражениях с монгольскими отрядами. В 1224 г. ан-Насави поступает на службу к возвратившемуся из Индии султану Джалал ад-Дину Манкбурны. Через некоторое время ан-Насави был назначен личным секретарем султана (катиб ал-инша) и оставался на этом посту вплоть до гибели Джалал ад-Дина в 1231 г. Позднее, находясь на службе у султана Халеба ал-Малика ан-Насира Салах ад-Дина Йусуфа (прав. 1237–1260), несколько раз ездил к монголам в качестве посла. Умер ан-Насави в Халебе в 647 г.х. (1249/50 г.).

«Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны» было, видимо, написано вскоре после гибели в 1231 г. султана Джалал ад-Дина. Сочинение ан-Насави состоит из введения и 108 глав, описывающих основные события, связанные с историей монгольских завоеваний и внутривосточной обстановкой в государстве хорезмшаха, основное внимание в работе уделено борьбе султана Джалал ад-Дина с монгольскими войсками.

Впервые полный перевод на русский язык сочинения ан-Насави был сделан академиком З.М.Бунятовым и опубликован в 1996 г. Текст цитируется по изданию: Шихаб ад-дин ан-Насави. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны. М., 1996. С. 48–50; 132–134.

«[...]

Глава 4.

Рассказ о гибели Кушлу-хана от руки Души-хана, сына Чингиз-хана, в шестьсот двенадцатом году (2.V.1215 — 19.IV.1216) — Ибн ал-Асир ошибочно отнес это к шестьсот шестнадцатому году

Когда Чингиз-хан узнал, что Кушлу-хан захватил владения Кашгара и Баласагун и что в его руки попал *гюр-хан*, он отрядил своего сына Души-хана с двадцатью тысячами воинов или более, чтобы покончить с ним и искоренить то, что выросло из его зла.

В то же самое время на Кушлу-хана со своей стороны двигался *султан* с шестидесятитысячным войском. И когда *султан* подошел к водам Иргиза, то застал реку замерзшей, и переправа через нее стала для него невозможной. Тогда он расположился у места причала, ожидая удобного момента для переправы. Когда это стало возможно, он переправился [на другой берег] и начал послешно двигаться в поисках следов Кушлу-хана.

Когда он на протяжении нескольких дней находился в походе, к нему прибыл один из его передовых отрядов и сообщил о приближении какой-то конницы. Это оказался Души-хан, который одержал победу над Кушлу-ханом, разбил его в пух и прах и возвращался с его головой. Он напал на него и тех, кто был с ним из людей ал-хитаи, сделал их жертвами острых мечей и пищей для хромых коршунов, а с собой [увез] столько добычи, что ее масса покрыла землю, не оставив пустого места.

И вот храбрецы вступили в бой, и всадники стали сражаться весь этот день, и Души-хан отправил к *султану* человека, который сказал ему, что он целует землю и сообщает, что он пришел в эту страну не с враждебными намерениями, а с целью повиновения и даже службы *султану*. Он желал, мол, выкорчевать того, кого привели [его] ложные надежды и обманчивые побуждения к границам государства [*султана*], и избавить его от заботы выступать в поход и от необходимости оказаться лицом к лицу с ним. Поэтому он (Души-хан) напал на него (Кушлу-хана) и всех, кто был с ним из врагов *султана*, отрезал их друг от друга, взял в плен их детей и жен.

Что касается добычи, которую он везет с собой, то вот она вся перед *султаном*, пусть он распоряжается ею как хочет и, если найдет нужным, жалует [ею] тех, кто [за нее] сражался, а в противном случае, [передал Души-хан] пусть он направит ко мне тех, кто ее примет и доставит в его лагерь.

И наконец, он упомянул, что его отец приказал ему вести себя благопристойно, если он встретит в этой стороне какую-нибудь часть *султанских* войск, и предостерег его от проявления чего-либо такого, что сорвало бы покрывало приличия и противоречило бы принципу уважения.

Однако не было проку от его учтивости, и сила упорства *султана* от этой любезности не убавилась. У *султана* было вдвое больше, чем у Души-хана, людей и [были] военачальники, умеющие наступать и атаковать, и он был убежден в том, что если бросит несколько своих отрядов против него, то оставит от него лишь пепел, который подхватят буйные ветры, рассеивая его на север и на юг.

И *султан* ответил: «Если Чингиз-хан приказал тебе не вступать в битву со мной, то Аллах всевышний велит мне сражаться с тобой и за эту битву обещает мне благо. И для меня нет разницы между тобой и *гюр-ханом* и Кушлу-ханом, ибо все вы — сотоварищи в идолопоклонстве. Итак — война, в которой копьа будут ломаться на куски, а мечи разбиваться вдребезги».

Тогда Души-хан понял, что если он не примет сражения, то его надежды окажутся ложными и настанет его конец. И он прибег к сражению и искал выхода в битве. И когда встретились оба противника и сошлись [в битве] оба ряда, Души-хан лично атаковал левый фланг *султана*, разбил [этот фланг] наголову и заставил обратиться в бегство в беспорядке в разных направлениях. *Султан* был близок к разгрому, если бы наступательное движение его правого фланга против левого фланга проклятого не восстановило [положения]. Так была предотвращена беда, был уплачен долг и была утолена жажда мести, и никто не знал, где победитель, а где побежденный, кто грабитель, а кто ограбленный.

Обе стороны оторвались друг от друга в этот день для того, чтобы еще раз утром возобновить битву утром следующего дня. Безбожники ночью развели множество огней, показывая, будто они твердо стоят [на своих позициях] и проводят ночь с намерением сразиться, а [тем временем] они, подгоняя коней, под покровом ночи проделали за эту ночь расстояние двух дней пути.

А душой *султана* завладели страх и убежденность в их храбрости; он, как говорят, в своем кругу сказал, что не видел никого, подобного этим людям храбростью, стойкостью в тяготах войны и умением по всем правилам пронзать копьем и разить мечом. [...]

[...]

Глава 41.

Рассказ об осаде татарами Хорезма в [месяце] зу-л-када шестьсот семнадцатого года (28.XII.1220 — 26.I.1221) и захвате его ими в сафаре шестьсот восемнадцатого года (27.III. — 24.IV. 1221)

Я решил уделить особое внимание описанию его осады, в отличие от других городов, учитывая его серьезное значение, а также то, что его [падение] явилось началом торжества татар.

Когда *сыновья* султана удалились из Хорезма, как мы упоминали об этом, татары вторглись в его пределы, но находились поодаль от [города], пока не закончилась подготовка их войск и снаряжения к осаде и пока из других стран не подошли подмога и подкрепление [татарам]. Первым из них прибыл Баичу-бек с огромным войском. Затем подошел сын Чингиз-хана Уктай, который в наши дни является *ал-хаканом*. Вслед за ними мерзкий [Чингиз-хан] отправил свой личный отряд во главе с Бугурджи-нойаном с его злейшими дьяволами и ужасными ифритами. За ними направил он своего сына Чагатая и вместе с ним — Толана-Черби, Устун-нойана и Кадан-нойана с сотней тысяч или большим количеством [воинов].

Они начали готовиться к осаде и изготовлять приспособления для нее в виде катапульта (*манджаник*), черепах (матарис) и осадных машин (*даббабат*). Когда они увидели, что в Хорезме и в его области нет камней для катапульта, они нашли там в большом изобилии тутовые деревья с толстыми стволами и большими корнями. Они стали вырезать из них круглые куски, затем размачивали их в воде, и те становились тяжелыми и твердыми как камни. [Татары] заменили ими камни для катапульта. Они продолжали находиться в отдалении от него (Хорезма) до тех пор, пока не закончили подготовку осадных орудий.

Немного спустя в Мавераннахр явился Души(Джочи)-хан со своими воинами. Он послал к ним (жителям Хорезма) людей, предупреждая их и предостерегая, и обещал им пощаду, если они сдадут его (Хорезм) без боя, и сказал, что Чингиз-хан подарил [город] ему и что он воздержится от его разрушения и намерен сохранить [город] для себя. Об этом будто бы свидетельствует то, что за время своего пребывания вблизи от него (Хорезма) это войско не предпринимало набегов на его сельские местности, отличая Хорезм от других областей большей заботой и большей милостью, опасаясь за него, чтобы он не стал жертвой судьбы ущерба и чтобы его не достигла рука уничтожения.

Разумные из числа жителей склонялись к заключению мира, однако глупцы взяли верх над их мнением и взглядами:

Но дело того, кто оставил [его] без внимания, уже пропало.

Султан, находясь на острове, писал им: «Поистине, в отношении жителей Хорезма у нас и у наших предков непреложные права и обязательства — нынешние и прежние, которые возлагают на нас долг советовать и

сочувствовать им. Этот враг — враг одолевающий, и вы должны заключить мир, [избрав] самый добрый путь, и отвести зло наиболее подходящим способом».

Однако глупец одолел мнение благоразумного, сделанное предупреждение не помогло, и власть ускользнула из рук обладавших ею.

Тогда Души-хан устремился к нему (Хорезму) со [скопищем, подобным] морю, соединив [все] отдельное в одно целое. Он стал брать его квартал за кварталом. Когда он захватывал один из них, люди искали спасения в другом, сражались очень жестоко и защищали свои семьи как только могли. Но положение стало трудным, зло обнажило свои клыки, и у них осталось только три квартала, где люди толпились в тесноте.

Когда их сила истощилась, и у них не было другого выхода, они направили к Души-хану достойного факиха Ала ад-Дина ал-Хаййати, *мухтасиба* Хорезма, которого *султан* уважал за совершенство в науке и делах. Он молил о милости и просил заступничества: это было в то время, когда [в город] уже вонзились когти Души-хана и его клыки и грудь были в крови. И разве нельзя было [сделать] это прежде, чем к этому принудила необходимость и истекло время для такого выбора?

Души-хан приказал оказать ему уважение и разбить для него шатер из числа шатров *хана*. Когда Ала ад-Дин предстал [перед *ханом*], то среди прочего, упомянутого им, он сказал: «Мы уже увидели, как страшен *хан*, теперь настало время нам стать свидетелями его милосердия». Услышав это, проклятый воспылал гневом и воскликнул: «Что страшного они видели во мне? Ведь они сами губили моих воинов и затянули сражение! Это я видел их грозный облик! А вот теперь я покажу, [каков должен быть] страх передо мной!»

По его приказу стали выводить людей одного за другим, поодиночке и группами. Было объявлено, чтобы ремесленники отделились и отошли в сторону. Те, кто так поступил, спаслись, а иные считали, что ремесленники будут угнаны в их (татар) страну, а остальные будут оставлены на своей родине и будут жить в своих жилищах, в родных домах, — и не отделились. Затем мечи, а также секиры и стрелы обрушились на них, пока не повергли их на землю и не собрали их во владениях смерти

[...].»

ИЗ СОЧИНЕНИЯ МУХЬИ АД-ДИНА АБУ-Л-ФАЗЛА АБДАЛЛАХА ИБН АБД АЗ-ЗАХЫРА «ВИДНЫЙ САД В ЖИЗНЕОПИСАНИИ АЛ-МАЛИКА АЗ-ЗАХЫРА»

Кади Мухьи ад-Дин Абу-л-Фазл Абдаллах, сын Абд-аз-Захыра (умер в Египте в 1293 г., в возрасте 72-х лет), секретарь египетского султана ал-Малика аз-Захыра Бейбарса (годы прав. 1260–1277), является автором подробной биографии указанного султана, которая известна под названием «Видный сад в жизнеописании ал-Малика аз-Захыра».

Источник цитируется по изданию: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских, собранные В. Г. Тизенгаузеном. СПб, 1884. С. 55–64.

«[...]

В 660 г. [26 ноября 1261 — 14 ноября 1262 г.] он [ал-Малик аз-Захыр Бейбарс] написал к Берке, великому царю Татарскому, письмо, которое я писал со слов его [и в котором] он подстрекал его против Хулавуна, возбуждая между ними вражду и ненависть, да разбирал довод тому, что для него обязательна священная война с Татарами, так как получается одно за другим известия о принятии им ислама и что этим вменяется ему в долг воевать с неверными, хотя бы они были его родичи. Ведь и пророк — над ним благословение Аллаха и мир — сражался со своими соплеменниками родичами и воевал против Курейшитов; ему было повелено [Аллахом] биться с людьми до тех пор, пока они скажут: нет божества, кроме Аллаха! Ислам не состоит только в одних словах; священная война есть одна из [главных] опор его. Пришло уже несколько известий о том, что Хулавун, ради своей жены и вследствие того, что она христианка, установил [у себя] религию креста и предпочел твоей религии почитание веры жены своей, да поселил *католикоса* неверного в жилищах *халифов*, ставя жену свою выше тебя.

В этом же письме было много подстрекательств и изложение того, как *султан* действует по части священной войны. Письмо это он отправил с одним доверенным лицом из Аланских. *Султан* [ал-Малик аз-Захыр Бейбарс] обратил [также] внимание на благо всего мусульманства, назначив послов к царю Берке — да возвеличит могущество его. Посланы были правовед Междеддин и *эмир* Сейфеддин Кушарбек, да вместе с ними два человека из прибывших [в Египет] Татар, сподвижников Сурагана. При содействии их он написал [ему] письма о положении дел ислама и [известие] об избрании *халифа* — да будет над ним мир — и приказал изготовить родословную его [Халифа Эльхаким-биамрилляха], восходящую до пророка — над которым благословение Аллаха и мир! Она была написана и разлочена. Он [султан] отправил ее к царю Берке, послал и свое родословное древо, засвидетельствованное главою *кадиев* Таджеджином. Когда эти документы были изготовлены, то *султан* созвал *эмиров*, начальников отдельных частей и других, прочел им всем письмо и просил у них указаний насчет его. Они одобрили его мнение. После того прибыло письмо Ласкариса с известием о приезде к нему этих послов и о том, что он отправил их в сообществе своих послов, [ехавших туда] по службе.

Об отправлении послов к царю Берке

Когда прибыл отряд Татар, впервые явившихся к *султану*, и он расспросил их о положении дела, да узнал [от них] обстоятельства царя Берке, местопребывание его и путь к нему, то он снарядил послов к нему, как мы сказали выше.

Вместе с ними он отправил двух человек из упомянутых Татар, принадлежавших к слугам и сторонникам царя [Берке] и знавших [те] земли. При посредстве [этих] послов он написал письмо, в котором было много по части расположения и возбуждения к священной войне, описание войск мусульманских, многочисленности и разноплеменности их, [с указанием] сколько в них конницы, Туркмен, Курдских родов и Арабских племен, какие владыки мусульманские и франкские повинуются им, кто противодействует им и кто с ними в ладу, кто посылает им дары и кто с ними в перемирии, да как все они в повиновении у него [султана] и послушны указаниям его. Кроме того [письмо содержало] возбуждение против Хулавуна — да посрамит его Аллах — объяснение ничтожности его дела [т.е. легкости справиться с Хулавуном], подстрекательство против него, порицание беспечного отношения к нему, и внушение делать все, что будет делать, во вред ему [Хулауну]. Он [султан] извещал в нем о прибытии отряда Татар, пришедших [в Египет] и заявивших ему, что они подданные его [Берке], да о том, что им оказан почет и что все это [сделано] ради его [Берке]. С этим посланием он отправил, в сообществе двух Монголов, *эмира* Кушарбека, Тюрка, бывшего гардеробмейстером *Харезмишаха* и знакомого со странами и языками, да правоведа Меджеддина Рудзравери. *Султан* снарядил их [в путь], посадил их на суда и снабдил их провизией на многие месяцы. Письмо было прочитано два раза: один раз в присутствии всех *эмиров*, во дворце; потом [во второй раз] был приглашен владыка наш *халиф* и была принесена присяга [ему] в присутствии их [послов], присягнули ему и послы. Затем они присутствовали при священной проповеди его и вступили в беседу с ним. *Султан* передал им на словах служащее к благу ислама, а соплеменники их, Татары, ознакомили их с положением войск его [султана] и многочисленностью их, да как он теперь действует по части священной войны и набора войск, и какую помощь религии и борьбе с врагами-многобожниками он может обещать ему [Берке], что он [султан] любит царя Берке, молится о победе его над неприятелями и будет действовать с ним заодно во всем, что служит ко благу мира.

В мухарреме 661 года [15 ноября — 14 декабря 1262 г.] оба [посла] отправились, и [затем] прибыли в земли Ласкариса, который принял их с почетом. Прибытие их совпало с приездом послов от царя Берке к царю Ласкарису, и он [Ласкарис] отправил их [к Берке] в сообществе их [последних]. Правовед же Меджеддин, по случаю приключившейся ему болезни, вернулся [в Египет] в сообществе [ехавших туда] послов Берке: *эмира* Джелаледдина и *шейха* Нуреддина Али. *Эмир* Сейфеддин Кушарбек отправился [дальше] со своими товарищами. И прибыли [в Египет] письма царя Ласкариса о том, что послы *султана* невредимо отправились в путь и, может быть, [уже] прибыли к царю Берке в сообществе его послов.

О присяге имаму Эльхаким-биямрилляху Абульаббасу Ахмеду, повелителю правоверных...

Когда настал четверг 2 мухаррема 661 г. [16 ноября 1262 г.], *султан* созвал собрание, на которое [собрались] весь народ, отряд Татар прибывших и послы *султана*, отправлявшиеся к царю Берке; присутствовал и *имам* Эльхаким... Кончилась эта священная присяга и он [султан] стал беседовать с ним [халифом] об отправке послов к царю Берке. Он [халиф] одобрил это и собрание разошлось. В пятницу, второй за тем день, [опять] собрался народ; присутствовали и послы, [назначенные] к царю Берке. *Халиф* произнес проповедь и молился с народом... Во вторую ночь он [султан] пригласил послов царя Берке [к себе] в крепость; владыка наш, *халиф*, занялся облачением их, поручив исполнение [этой] обязанности *атабеку*; принесены были им такие одежды, какие приличествуют подобным им лицам. В пятницу 28 шаабана [7 июля 1263 г.], владыка наш *халиф*, также произнес проповедь в присутствии послов царя Берке, прочел молитву за *султана* и за царя Берке, молился с народом и совещался с *султаном* и послами о делах ислама.

О походе султана к Туру ...

Он [султан Египетский] написал царю Ширазскому, царю Лурскому и Хафаджитам, прося их о присылке войск против Хулавуна и извещая их о том, что из Рума, сухим путем и морем, дошли до него известия о поражениях, которые Берке наносит ему [Хулауну] раз за разом.

О прибытии послов царя Берке ...

Когда *султан* возвращаясь из Элькерка, находился близ Газы, то к нему прибыл гонец от *эмира* Иззеддина Эльхилли, наместника *султанского* в Египетских областях, с извещением, что из Александрии получены письма о прибытии послов царя Берке, а именно: *эмира* Джелаледдина, сына Элькади, да *шейха* Нуреддина Али, и вместе с ними свиты. Сообщалось [также] о прибытии послов царя Ласкариса и о приезде начальника Генуэзского, да послов *султана* Иззеддина, властителя Румского. *Султан* написал, чтобы всем им был оказан почет, а по прибытии в крепость свою собрал их вокруг себя, в присутствии *эмиров* и народа, прочитал им письмо, которое было при *эмире* Джелаледдине, и письмо, находившееся в руках *шейха* Нуреддина. Содержали они оба привет и благодарение, требование помощи против Хулавуна, извещение о том, как он [Берке] действует против *ясы* Чингизхановой и закона народа своего, о том, что все совершаемое им [Берке] душегубство вызвано только враждой к нему, что «я и четыре брата мои принялись воевать против него со всех сторон, чтобы восстановить опять маяк правоверия, и возвратить обителям правды [т.е. мусульманским странам] прежнее состояние, т.е. благополучие, прославление Аллаха, призыв к молитве, чтение Корана и молитву, чтобы отомстить за *имамов* и народ». [Далее] он домогался отправки отряда войск к Евфрату, чтобы загородить путь Хулауну, ходатайствовать за *султана* Иззеддина, властителя Румского, и просил о содействии ему. Этим кончалось оно [письмо]. Было принесено послам бесчисленное множество подарков и решено

приготовить для царя Берке подарки разного рода. Для них [послов] устроено угощение в Эльлуке. Каждую субботу и каждый вторник, дни игры в мяч, их постоянно наделяли разными подарками и материями. Раб нижайший [т.е. автор] написал ему ответ на 70 листах багдадских половинного формата, заключавший в себе стихи из книги Аллаховой [Корана], предания о пророке божьем — да будут над ним благословение Аллаха и мир —, относящиеся до возбуждения к священной войне, предания и стихи [Корана], в которых говорится об Египте, о войне с неверными, о подражании пророку — над ним благословение Аллаха и мир — по части священной войны. Упоминались в нем [в ответе] подробно места поклонения и места паломничества во всех странах, в которых молятся за него [султана]. Письмо это содержало поощрения, угрозы, ласки, подстрекательства, прославление могущества его [султана], выражение расположения к нему [Берке], описание численности полчищ Египетской земли и их состояния, что они необыкновенно многочисленны и все согласны помогать ему в деле поддержания ислама. Я прочел письмо *султану* в присутствии всех *эмиров*, и он сделал к нему прибавление; также и *атабек*, диктовавший его. Когда письмо это было окончено, то изготовили высочайшие подарки, как то: священное писание, написанное, как говорят, Османом, сыном Аффана, — да ниспошлет Аллах ему свое благословение — в обложке из красного, шитого золотом, атласа, и в футляре из кожи, подбитой шелком; налой для него из слоновой кости и черного дерева, выложенный частями серебра, с серебряным замком; большое количество превосходных венецианских материй; разные цветные молитвенные подушки и ковры с навесами; великое множество подставок для подсвечников; Калджурские мечи с серебряной насечкой; булавы с железным основанием, позолоченные и другие; франкские шлемы с серебряными закраинами; машинки для светильников, лакированные с футлярами; серебряные фонари с венецианскими обложками; шестов в виде копий для серебряных фонарей изрядное количество; множество двойных светильников на планкированных подставках; планкированные удила с головками, обтянутыми шнурком и украшенными серебром; серебряные позолоченные пластинки; пахвы разукрашенные и войлоки; седла харезмские и к ним подушки; Булгарские мешочки (?), обшитые галунами и блестками серебра; Дамасские луки с кольцом и шелковыми тетивами; луки для метания [небольших] ядер со своими тетивами; сумки из шкур пестрых обезьян; шандалы с серебряной инкрустацией; Канайские копья с железными арабскими наконечниками; стрелы удивительной отделки в кожаных футлярах; котлы из змеевика; большие канделябры с золотыми разводами и серебряными позолоченными цепочками; слуги; прислужницы-поварихи; попугаи удивительные; [дикие] ослы; несколько быстроногих коней; изрядное количество арабских плащей; редкие Нубийские верблюды; вьючные животные быстроги недостижимой; дрессированные обезьяны; довольно [много] верблюжьих седел; уздечки с цепочками; шерстяные попоны для вьючного скота; хатайские накидки для обезьян; жираф, у которого вся попона шерстяная красная, узорчатая. Всего этого он отправил большое количество; кроме того — разные редкие вещи и диковинные подарки да драгоценности, каким подобных не найти в казне великого царя. Вместе с ними он послал слуг и таких людей, которые присматривали за означенными животными. Все это он вверил послам *султана* и устроил дело с большим усердием, все это для блага ислама. Послами к царю Берке он снарядил *эмира* Фариседдина Акуша Эльмасуди и *шерифа* Имадеддина Эльхашими, вместе с которыми [отправил] эти подарки. Владыка наш, *халиф* — да будет над ним мир Божий — облачил послов в одежду рыцарства. Оба они были приглашены на проповедь его, равно как на молитву, и на совещание с ним относительно возбуждения к соблюдению обязанности вести священную войну. Он поручил им повторить царю Берке добрые советы, [которые преподает] царю Берке, и свою беседу с ним, да как он [*халиф*] благодарен *султану* за усердие и постоянную заботливость о поддержании законности и устранении злоупотреблений, о возведении маяка веры, о войне против многобожников, о соблюдении целомудрия, оказании подданным правосудия и справедливости, да о том, что он [*султан*] собрал войска и полчища, которым нет ни начала, ни конца. Для них [послов] была изготовлена большая галера, в которой помещены были разные животные, посылавшиеся в подарок, и прочие драгоценные вещи. На ней было отправлено [также] большое число стрельцов, метателей нефти, да людей, вооруженных самострелами. Он [*султан*] послал с ними провизию на год и приказал, чтобы с ними [послами] было совершено паломничество к святым местам. *Султан* написал, чтобы за него [Берке] молились в Мекке — да возвеличит ее Аллах, в городе пророка [Медине] — да будут над ним лучшая из молитв и мир — и в Иерусалим, и чтобы в эктеньи поминали его [Берке] после него [*султана*]. Он послал в Мекку — да возвеличит ее Аллах — написанное мною предписание относительно совершения за него [Берке] священного обхода [вокруг меккского храма]. Они [послы] отправились 17 рамазана 661 г. [25 июля 1263 г.], лично убедившись в поразившем ум их величии *султана*.

В рамазане 662 года [27 июня — 26 июля 1264 г.] дошло до *султана*, что Ласкарис задержал послов его, отправившихся к царю Берке в сообществе послов царя Берке. Он [*султан*] потребовал списки клятв и вынул из них клятвенное обещание царя Кирмихайла Ласкариса, [написанное] по-румски [гречески], пригласил *патриархов* и *епископов* и повел с ними беседу о том, [как поступить с тем] кто поклялся в том-то и том-то, а потом нарушил клятву. Потом он подал им список клятвы Ласкариса и сказал: «Вот он нарушил договор, задержав моих послов и склонился на сторону Хулаку». Затем он потребовал греческого философа, разбиравший [древний] фельс, и потребовал *епископа* и священника, отправил их к Ласкарису, да вместе с ним эти подписи, и написал Ласкарису письмо в резких выражениях, говоря: «Если причина задержки моих послов — дурные отношения твои к царю Берке и бесчинства, совершаемые войсками его в твоих владениях, то я улажу дела между тобою и им». *Султан* написал [также] письмо к царю Берке по этому поводу, отослал его к *эмиру* Фариседдину Акушу Эльмасуди, отправившемуся с подарками к царю Берке, и приказал ему уладить мир. Отправились упомянутые лица с этим тотчас все были отпущены, как мы расскажем ниже, если угодно будет Аллаху.

О прибытии послов царя Берке

В начале [этого] жизнеописания упомянуто было о том, что *султан* отправил послов к царю Берке, старался привлечь его на сторону ислама, возбуждал его против Хулаку и убеждал его напасть на него. Когда послы эти прибыли в земли Ласкариса, то правед Меджеддин захворал и вернулся в сообществе отправившихся послов царя Берке, т.е. Джелаледдина, сына Элькади, и *шейха* Али Эльдимешки, а Сейфеддин Кушарбек и [упомянутые выше] два Монгола поехали дальше. Встретились послы [эти] с Ласкарисом в Ании, потом доехали до Константинополя в 20 дней. Отсюда [они отправились] в Истамбул, а оттуда в Дафнисию, т.е. на Судакское поморье со стороны Ласкариса. Затем они переправились морем на другой берег. Переезд этот продолжается от 10 до 2-х дней. Потом они взобрались на гору, называемую Судак; [здесь] встретил их правитель этого края в местечке Крым, которое населяют люди разных наций, как то: Кипчаки, Русские и Алланы. Переезд от берега до этой деревни [продолжается] один день. Из Крыма они в один день доехали до степи, где застали начальника десяти тысяч всадников, управлявшего этим краем. Затем они 20 дней ехали по равнине, на которой находились шатры и овечьи стада, до реки Итиль. Эта река пресноводная, шириною в реку Нил; по ней [ходят] суда Русских, а на берегу ее местопребывание царя Берке. По этим путям привозятся к ним съестные припасы и овцы. Когда они приблизились к *орде*, то их встретил [там] *визирь* Шерефеддин Эльказвини. Потом их пригласили к царю Берке. Они уже ознакомились с обрядами, которые соблюдались с ним и заключались в том, входили с левой стороны, а по отобрании от них послания, переходили на правую сторону и припадали на оба колена. Никто не входит к нему в шатер ни с мечом, ни с [другим] оружием, и не топчет ногами порога шатра его; никто не слагает оружие своего иначе, как по левую сторону, не оставляет лука ни в сайдаке, ни натянутым, ни вкладывает стрел в колчан, не ест снега и не моет одежды своей в *орде*. Он [Берке] находился в большом шатре, в котором помещается 100 человек; шатер был покрыт белым войлоком, а внутри обит шелковыми материями, китайками, драгоценными камнями и жемчужинами. Он сидел на престоле, а рядом с ним старшая жена, и около него 50 или 60 *эмиров* на скамьях шатра. Когда они вошли к нему, то он приказал *визирю* своему прочесть послание, потом заставил их перейти с левой стороны на правую, стал спрашивать их о Ниле и сказал: «Я слышал, что через Нил положена человеческая кость, по которой люди переходят [через реку]». Они ответили: «Мы не видели этого...». Главный *кади*, находившийся при нем, перевел послание и послал список Кану; письмо *султана* было прочтено по-тюркски [лицам], находившимся при нем [Берке]. Они [Татары] обрадовались этому; он [Берке] отпустил послов с ответом своим и отправил с ними своих послов. У каждого из *эмиров*, [находящихся] при нем, есть *муэдзин* и *имам*; у каждой *хатуни* [также] свой *муэдзин* и *имам*. Дети слушают чтение досточтимого Корана в училищах.

Вернулись они [послы] со стороны Ласкариса и были приглашены к смотру победоносного войска, которое, как мы сказали, было в полном вооружении. Это было 10 дзулькаада 662 года [4 сентября 1264 г.]. Послы беспрестанно приглашались на аудиенции и присутствовали при игре в мяч. Они были приглашены также на праздник обрезания и помещены в Эльлуке».

ИЗ СОЧИНЕНИЯ ДЖАМАЛ АД-ДИНА АБУ-АБДАЛЛАХА МУХАММАДА ИБН-САЛЕМА «ГОНИТЕЛЬ ЗАБОТ ПО ЧАСТИ ИСТОРИИ АЙЙУБИДСКИХ ЦАРЕЙ»

Джамал ад-Дин Абу-Абдаллах Мухаммад Ибн-Салем, более известный под именем Ибн Василя, умер в 697 году хиджры (1297/98 г.), в возрасте 93-х лет, в городе Хамате, где он занимал должность главного судьи. Сведения об Улусе Джучи содержатся в его сочинении «Гонитель забот по части истории Аййубидских царей». По данным В.Г.Тизенгаузена они представляют собой почти дословное повторение известий сообщаемых Ибн Абд аз-Захыром, но в одной из рукописей Готской герцогской библиотеки В.Г.Тизенгаузен обнаружил извлечения из сочинения Ибн Василя за 626–689 гг., составленное Картаем ал-Иззи ал-Хазнадари содержащие нижеследующие сведения.

Источник цитируется по изданию: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских, собранные В.Г.Тизенгаузенем. СПб, 1884. С. 73–75.

«[...]

В 627 [1229/30 г.] году вспыхнуло пламя войны между Татарами и Кипчаками.

В 667 [1263/64 г.] году произошла вражда между Татарами Хулавуну и Берке. Хулавун выступил из страны Восточной и направился в земли Берке. Оба войска встретились и между ними было убито народу, количество которого известно только Аллаху всевышнему.

О причине [этой] вражды Татар

Автор [этой] летописи [т.е. Ибн Василь] говорит: когда Татары впервые появились с востока, то Чингизхан предписал им, чтобы с каждой области которая будет завоевана, треть доходов доставлялась дому Берке, треть дому Чингизхана, а треть ему [Чингизу] и войску его. Когда Чингизхан умер, то никто из Татар не отступился от решения его и от того, что им было предписано, но когда власть перешла к Хулавуну и он завоевал восток, Эльаджем и Эльирак и захватил имущество, то он никому из Татар не дал ничего, а оставил все имущество себе, не послав ничего ни дому Берке, ни дому Чингизханову, называемому [ныне] домом Бату, который был у них царь великий и

могущественный. Это было неприятно дому Берке. Он послал к Эльмелик-Эззахыру, властителю Египта, [послов] сказать ему [следующее]: «Мы с востока, а ты с запада, [сообща] захватим в плен войско Хулавуна. и из них не оставим ни единого человека!». Эльмелик-Эззахыр одобрил это и дело между обоими царями уладилось на том что нами сказано было. Когда Хулавун узнал про [это] соглашение царей против него, то он снарядил войско и направился в земли Берке. В этом [662] году до Эльмелик-Эззахыра дошло известие, что к Хулавуну приходили послы Берке, что он [Хулавун] отсек всем им головы, выступил с войсками к Алатагу, прибыл к реке Куру и дошел до Темиркапу.

Берке, узнав о прибытии Хулавуна в земли его, решил страну предоставить ему на волю, чтобы никто перед ним не являлся и никто с ним не вступал в бой. Затем они покинули страну на 15 дней [пути]. Автор летописи говорит: река Сейхун [т.е. Кура] большая река, равняющаяся Нилу или превосходящая его шириною. Каждый год падает на нее снег, покрывающий ее более чем на 7 сажень до того, что становится похожим на горы или несколько ниже. Он остается так 9 месяцев и по нем ездят путешественники и купцы, а цари воюют один с другим. Когда Хулавун переправился через Джейхун [т. е. Куру], то он нашел страну покинутой и войско Берке бежавшим. Войско Хулавуна вторглось в страну, произвело опустошение, награбило [разное имущество], как то коров и овец, и тому подобное. Ведь Татары не знают ни домашнего скарба, ни роскоши, и образ жизни их как жизнь собак вследствие голода, бедности, дурной одежды, недостатка возделанных местностей и плодов; им знакомы только бобровые меха и шубы да тому подобные гнусные вещи.

Когда Берке услышал, что войско Хулавуна уже вторглось в страну, он сделал воззвание к войску своему, чтобы садился на коня всякий, кому 10 лет [и более] от роду. Село народу столько, что не видно было ни начала, ни конца. Что же касается Хулавуна, то он спозаранку был уверен, что он овладел страной Берке. Увидев вдруг, что воздух зноен и горяч, он сказал находившимся при нем: «Что это за знойный воздух?» Вышли, [опять] вошли к нему и сказали ему: «Знойность этого воздуха происходит от дыхания коней». В войске Хулавуна находился старец по имени Самгар. Он [Хулавун] потребовал его к себе. Он [Самгар] был поражен параличом и одна половина [тела] его не действовала более. Он не появлялся в войске иначе как разбивая того, кто воевал с ним, и одерживая верх над врагом. К числу его уделов принадлежал Тавриз с окрестными землями. Причиной его побед было то, что когда он сталкивался с неприятелем, то слезал с коня своего и говорил своим воинам: «Ну вот я сию здесь; кто хочет, пусть бьется за меня, а кто хочет, пусть покинет меня». Когда Хулавун потребовал его, то он явился к нему. Сказал он [Хулавун] ему: «Во сколько [человек] ценишь ты это войско?» Самгар взял кнут свой в руки, ударил по нему от начала до конца его и сказал Хулавуну: «Это перед моим кнутом 600 000 [человек], но прибывает отсюда, да прибывает оттуда, и я не знаю численности этого войска». Тогда Хулавун постановил, что всякий, кто переправится через реку Сейхун [т. с. Куру] раньше Кана, умрет. Затем Хулавун обратился в бегство с теми Монголами, которые находились при нем из отборного его войска. Когда он перешел через реку и переправился [через нее], то позади его войско было разбито. Татары столпились в бегстве и снег под ними провалился. Это было снежное пространство на протяжении 3 дней. Из Татар не спасся ни один, который мог бы передать весть [о случившемся]. Все, которые убежали вперед, утонули, а те, которые отстали, были убиты. Что касается утонувших, то число их неизвестно; те же, которые отстали, все были убиты. Когда прибыл Берке и увидел место побоища, то он приказал собрать убитых. Собрали их и составили из них 3 бугра [или] больших холма. Дожди и ветры успели уже вылощить их и кости убитых уже побелели. Путешественники видели их на расстоянии 2-х дней [пути]. Это сражение называется событием Темиркапукским. Хулавун бежал с небольшим отрядом. Автор летописи говорит: когда Берке прибыл на место битвы и увидел ужасное избиение, то он сказал: «Да посрамит Аллах Хулавуна этого, погубившего Монголов мечами Монголов. Если бы мы действовали сообща, то покорили бы всю землю».

В 668 [31 августа 1269 — 19 августа 1270 г.] году прибыли [в Египет] послы Берке для соглашения [относительно совокупных действий] против войска Хулавуна.

В 671 [29 июля 1272 — 17 июля 1273 г.] году прибыли [в Египет] послы Берке и состоялось соглашение между Эльмелик-Эззахыром и Берке насчет дел, которые предрешил Аллах всевышний² [...].

ВЫДЕРЖКИ ИЗ «ИСТОРИИ О МИХАИЛЕ И АНДРОНИКЕ ПАЛЕОЛОГАХ» ГЕОРГИЯ ПАХИМЕРА

Георгий Пахимер (1242 — ок.1310, Константинополь), византийский писатель. Занимал ряд важных церковных и государственных (судебных) должностей. Примыкал к группе фанатического византийского монашества, боровшегося против заключения унии между православной и католической церквями. «История» Георгия Пахимера состоит из 13 книг, каждая из которых в свою очередь подразделяется на главы, число которых варьируется от 28 до 36. Хронологически источник охватывает временной промежуток с 1255 по 1308 г. и содержит богатый информационный материал о царствованиях императоров Феодора II (1254—1258) и Иоанна IV (1258—1261) Ласкарисов, а также Михаила VIII (1259—1282) и Андроника II Старшего (1282—1328) Палеологов. «История» написана в значительной мере на основе личных впечатлений. Считается, что основная часть «Истории» была сочинена Пахимером на рубеже XIII—XIV вв. и была прервана на описании событий 1308 г.

Источник цитируется по изданию: Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах. 13 книг. Т.1. Царствование Михаила Палеолога 1255–1282. Пер. под ред. Карпова. СПб., 1862. С.118–123, 159–165, 209–218, 317–319.

«История о Михаиле и Андронике Палеологах» Царствование Михаила Палеолога 1255—1282

[...]

Книга вторая

[...]

(24)

Тогдаже Персию, будто реки, наводнили Тохарцы, которых в просторечии называют Атариями, и которые умертвили Калифа, влив ему в горло распущенное золото. [...] В это время дела Персии находились в худом состоянии; так что не свободен был от страха и сам *султан* Азатис. Этот народ — Персы трепетали и, ни на что не смотря, старались — каждый, как мог, спасти сам себя. Да и правительство персидское стояло не твердо, сатрапы возмущались; так, что двое вельмож, пришли оттуда к царю и открыто бранили *султана*, что он удовольствием предан и живет безопасно, как частный человек. [...] В тоже время и *султан*, когда все вокруг него трепетало, частию от появления Тохарцев, частию же и от собственных дел, пришел в такое положение, что не знал, что и делать, и тогда как всюду происходило волнение, решился с женами и детьми, с старухою матерью, которая была Христианка, и с сестрою, бежать к царю, — в надежде, что в нем одном найдет помощника, и со временем высокою его рукою и силою возвратит свое право. Да и негде было ему тогда больше найти безопасное убежище [...] Царь, конечно, принял его радушно и, хотя из его прихода не мог извлечь для себя пользы, однакож, выражая ему свое благорасположение, позволил надеяться, что со временем поможет ему возвратить власть, и потом предоставил ему жить, как жил он у себя дома, владея в Персии. Поэтому *султан* обыкновенно садился рядом с царем, на возвышении, окружен был страшными телохранителями, пользовался знаками власти, надевал красную обувь. Побуждением, поставившим царя в такая к нему отношения, была прежняя приязнь, которую оказывая некогда Палеологу, *султан* надеялся получить от него еще большее воздаяние. Но эта надежда была не тверда и не основательна. Соображаясь с обстоятельствами времени, царь свиту *султана*, а особенно его жен и детей, послал под конвоем в Никею, — по наружности для того, чтобы обезопасить их безопасность, как бы то-есть без охранения они не потерпели какогонибудь вреда; ибо нехорошо, казалось, когда царь вместе с *султаном* будет вести войну, тут же находится его *гинекею*, непривычному к военным передвижениям; да небезопасно было бы и то, если бы его *гинекей* в отсутствие царя, оставался в какомнибудь пограничном городе на востоке. Водя с собой *султана* и окружая его надлежащими почестями, царь так прикрывал этим свой поступок с *султанскою* свитою, что гостю представлялось, будто хлопчут, как сказано, о ея безопасности *султанскою* свитою, что гостю представлялось, будто хлопчут как сказано, о ея безопасности; между тем, на самом-то деле, хлопотали о безопасности *султанской* свиты, что бы обезопасить самого *султана*, что бы, то-есть, удержать его от бегства. Известно было, что *султан* и прежде начал уже переговариваться о мире с правителем Тохарцев Халавом, так как, живя и у царя, он занимался делами Персии, хотя уже и не считался там *султаном*. Персы между тем, видя, что время уходит, а *султана* нет, стали переходить на сторону Тохарцев; другие же не имевшие оседлости и чуждавшиеся гражданского общества, не желая подчиняться Тохарцам, оставались сами по себе, и занимали пограничные места Римской империи. Они понимали однакож, что здесь не могут быть в безопасности, если будут открыто делать набеги, и потому общинно признавали себя данниками царя, а по одиночке занимались в наших пределах ночными грабежами. Не трудно представить, что тем-же платили им и наши. Царь с своей стороны всячески старался расположить к себе Тохарское племя, потому что в настоящее время не мог, как видно, противустать их движениям; охотно также принимал он в подданство и пограничных Персов, надеясь пользоваться ими, как стеною, когда бы стали делать набеги Тохарцы. Последних он думал умиротворить с собою даже посредством брачных союзов: потому что не только было ему страшно думать о войне с ними, но и одно имя их поражало его страхом.

[...]

Книга третья

[...]

(3)

Устроив дела хорошо и по своему желанию, царь начал отправлять и дальния посольства именно к правителю Тохарцев, Халаву, и к Ефиопскому *султану*. Персидский же *султан* Азатин был при нем и жил в городе распутно, проводя время в разврате и пьянстве на перекрестках; ибо так как город был еще пуст и перекрестки уподоблялись пустыням, то он, безстыдно садясь там с большою толпою приближенных, предавался Дионисовым оргиям и пьянству. Итак к тем царь отправлял посольства и обратно оттуда принимал послов. За Халава выдавал он побочную свою дочь Марию, рожденную от Дипловатаины, и посредником при этом назначил монаха и священника Принкипса. Принкипс, бывший тогда *архимандритом* обители Вседержателя, сопровождал означенную девицу великолепно, роскошно и вез с собою разнообразное богатство, имея при себе и походный храм из толстых покровов, также изображения святых, обделанный золотом, скрепленный крестами и шнурками, и священные драгоценные сосуды для употребления при святой жертве. Но между тем как это бракосочетание готовилось с таким великолепием, Халав скончался прежде, чем прибыл к нему Принкипс, — и девица, опоздавшая приездом к отцу, сочелась с его сыном Апагою, который остался преемником его власти. Ефиопскаго же *султана* войти с царем в переговоры побуждала другая нужда. Этот *султан* происходил из Команов и, быв одним из отданных в рабство, имел похвальную причину домогаться союза с своими родичами. [...] Ефиопляне и прежде высоко ценили Скифов, когда приобретали их для рабских услуг, или когда пользовались ими, как воинами: теперь же и самая власть находилась в руках Скифа; так Скифы с большим радушием были там принимаемы и составляли вспомогательное войско. Но им, нанявшись, не иначе можно было туда переправиться, как чрез пролив Евксинского моря; а делать это без согласия царя было трудно. Посему к царю нередко присылаемы были послы с подарками, чтобы находившимся на кораблях он позволил войти в Евксинское море и, за большия деньги наняв скифских юношей, отправиться с ними обратно домой. И это, как мы знаем, делалось часто: оттуда присылаемы были к царю подарки, а отсюда плователям открывался свободный путь к *султану*.

(4)

[...] Действительно, в видах сохранения мира, пропуск ефиопских кораблей был полезен: но с другой стороны такое распоряжение приносило и величайший вред; потому что при частых переселениях юношей с севера, составившееся из них ефиопское войско с течением времени сильно возвысило дух Ефиоплян; так что, прежде довольствуясь сохранением домашней своей безопасности, они стали теперь выходить из своих пределов и вторгаться войною в среду христиан. Тогда как Италианцы занимали поморье всей Сирии, владели Финикиею, господствовали над самою Антиохиею, и настойчиво состязались за места в Палестине, славившиеся святостию по весьма справедливой причине, что там жил, страдал и устроил наше спасение Спаситель, — Ефиопляне, надеясь на составившийся из Скифов войска, выходили из своих мест, и всю землю, по пословице, делали Мидийскою добычею до тех пор, пока мало по малу (ибо Италианцы не вступили с ними в мирныя условия, так как они были и назывались врагами честнаго креста), не стали нападать даже на самые большие города и не сравнивали их с землею. [...]

Между тем дерзость Тохарцев мы еще удерживали — не мужеством войск, а дружественными, или лучше сказать, рабскими пожертвованиями, — вступали с ними в родственныя связи и посылали им подарки, иногда превосходные и величайшие. Таков был второй по времени союз, заключенный с западными Тохарцами, которые вышли неизвестно откуда и с огромными силами занимали северные страны под начальством своего вождя Ногая. Царь выдал за него вторую свою незаконную дочь, по имени Евфросиния; от чего и случилось, что дружелюбно получили они то, чем едва ли овладели средством самой трудной войны. [...]

(25)

Теперь следует рассказать о *султани* Азатине, который был жестоким бичом для Македонян и Фракиян, и явно осуществил то, что предвещала комета. Прожив долгое время в Константинополе и непрестанно ожидая, что возвратится во свояси с большою силою, Азатин наконец потерял всякую надежду на успех; ибо видел, что царь занят другими делами и знал о тайных его условиях с Апагою, по которым надлежало оттянуть его возвращение на родину. Поэтому, воспользовавшись удобным случаем, когда царя не было дома, он вступил в сношения с одним из своих родственников, — человеком, на северных бережьях Эвксинского Понта весьма славным, и тайно просил у него помощи против царя, который держит его безоружным и прикидывается другом, тогда как ничем не отличается от врага. Если захочешь помочь мне, прибавлял Азатин, то можешь сойтись с Константином и убедить его тоже к нападению на Римлян; а я между тем буду увиваться около Михаила и, находясь с ним, выкину его прямо в ваши руки, особенно если с тобою будет — не только Константин болгарский, но и Тохарцы. Как скоро царь таким образом будет захвачен, — нападение для вас совершенно облегчится; а не то, — вы соберете по крайней мере богатейшею добычу и овладеете царскими сокровищами: ты же из той добычи получишь самое лучшее; только помни родство и прежнюю славу. Но если мало и этих двух причин, чтобы спешить, — мало родства и надежды отважиться на дело великое; то одно уже желание помочь родственнику и сжалиться над ним, стоит того, чтобы оно осуществилось надлежащим содействием. Переписываясь таким образом тайно с своим дядею и получая письменныя уверения от него самага, Азатин стал прикидываться, что сильно желает видеть царя, и говорил, что даже писал к нему об этом и

просил позволения — быть у него, потому что ему тяжело столько времени не видеть лица царского. Даст он, или нет, позволение, прибавлял Азатин, и без того поеду к нему; потому что нудит и мучит меня сильное желание. — Узнав об этом, царь (мог ли он тут подозревать какое коварство?) сам писал к *султану* и позволял ему приехать к себе, тем более, что он будет иметь случай видеть страны запада, которых, живя на востоке, никогда не видывал. Получив такое дозволение, *султан* поспешил отъездом и, оставив все свое богатство, даже жен, детей, сестру и мать, частью — чтобы устранить от себя подозрение, частью же, чтобы безпрепятственнее совершать свой путь, выехал из города с одной прислугой и направился прямо к царю. Между тем, упомянутый дядя его, отправившись к царю болгарскому, Константину, открыл ему, или лучше его супруге, о намерениях *султана* против царя и успел склонить их к тому, к чему они давно были готовы. После того, чрез послов призывает он к себе множество Тохарцев, обещая им добычу, если они соединятся с ним самим и с Болгарами. Этот народ в то время управлялся еще самовластно; так как не совсем подчинил его себе Ногай, который первый начал низвергать Деспотов. Живя с Тохарцами дружелюбно и обходясь запросто, он вместе с ними и при их содействии завоевывал области не в пользу *хана*, который посылал его, как они думали, но все, что приобретал, усвоил себе и им. Услышав о таком приглашении, Тохарцы немедленно бросились с жадностью собак опустошать лучшие области. Это было еще до родственного союза, в который царь вошел с Ногаем; ибо незаконнорожденная его дочь Ефросиния выдана была за Ногаю уже впоследствии. В то самое время, когда царь, по окончании дел на западе, возвращался в свой город, — они вдруг сошлись с Константином и, всею своею массою пробираясь чрез ущелья Гемуса, остановились там лагерем. Впрочем, эти толпы не составили одного строя и стояли не в одном месте, но рассеяваясь отрядами по многим холмам, выскакивали вместе с другими из засад и таким образом производили ужасы, — грабили, умерщвляли, уводили в плен, причиняли всякого рода зло. Естественно, что слух об этом скоро достиг до ушей царя; ибо они совершали свои нападения не тайно, не с осторожностью, но быстро обхватили всю страну, на подобие свирепеющего огня. При первой вести об этом, сердце Михаила затрепетало, и он увидел себя в крайнем затруднении. К сражению он был вовсе не готов (войска были распушены по домам), и возвращался домой с немногими дворцовыми слугами; а между тем Тохарцы были известны Римлянам, как народ непобедимый. Невозможно было и бежать; потому что враги, заняв и кругом обложив проходы, без страха бегали всюду во множестве, и одних убивали, других отводили к варварам в жалкое рабство, так что, куда бы кто ни обратился, нигде не мог надежно спасти свою свободу. Окружив таким образом все место, они едва не схватили державного; ибо, судя потому, как успевали доносить вестники о варварстве неприятелей между ними и царем не было расстояния и на пол-дня верховой езды, так что вечером они останавливались лагерем там, откуда царь выступил утром, или, — сегодня располагались там, где тот был вчера. Впрочем, шли они в таком беспорядке, что не были распределены на фаланги, но разсыпались повсюду, с надеждою на добычу, и эта надежда была у них выше всякого страха. Тут же, между прочим, ехал в колеснице и Константин, который, словив себе когда-то ногу, с тех пор не мог владеть ею надлежащим образом, — шел ли пешком, или ехал верхом. Окруженный Болгарами, он тщательно осведомлялся, где находится царь, и надеялся схватить его, когда он останется один; ибо все окружавшие царя, — слуги и домочадцы, опасаясь каждый за себя, без оглядки бежали, кто куда, и предоставляя царю заботиться о своем спасении самому, скрывались. Теперь каждый имел в виду только личную безопасность и не думал о своем ближнем: одни управлялись благоразумным страхом, другие — излишней трусостью; иные притом влеклись необходимостью, — что если, то-есть, не позаботятся о себе, то должны ожидать плена; а некоторые, не понимая беды сами, смотрели на других и, приходя к той же мысли, удалялись, кто где надеялся спастись. Соединиться и в боевом порядке принять врагов они не могли; ибо и сам предводитель их испуган был этою нечаянностью и думал, куда бы уйти. И действительно, имея при себе не многих, особенно приближенных и верных людей, царь пробирался теперь с ними по глухим путям и, устранившись от одних ужасов, наталкивался на другие; так что, избегнув опасности там, подвергался ей здесь и, спасшись от первого зла, впереди ожидал другого, еще большего. Объятый несказанным страхом, он и вершины гор нередко принимал за вооруженных воинов. Даже всякая весть представлялась ему страшною; ибо не было никого, кто, встретившись с ним, или подошедши к нему, не рассказал бы какихнибудь ужасов. Поэтому, когда кто говорил, что он был вблизи неприятелей с намерением узнать, сколько их и где они, — находившиеся с царем, имея в виду только спасение, не верили такой отваге. Наконец, благодаря ночной темноте и разным обходам, царь кое-как достиг горы Гана, а прочих оставил спасаться, где могут. Что же касается задних, то в них он совершенно отчаялся и считал их в плену. Между тем эти имели на своих руках царскую казну, и с ними ехал *султан* Азатин. Взошедши на гору, посылает он гонцов, — одних для наблюдения за врагами, наказав им быть осторожными и тщательно скрывать свое бегство, других — для скорейшего пригнания к горе легкой *трииры*; а сам, переходя с места на место, искусно укрывался от неприятеля, когда этот показывался. Узнав же, что *триира* приготовлена, он сошел с горы вместе с прочими и, севши на нее, благополучно прибыл в Константинополь. Из его спутников, рассеявшихся по всей Фракии, иные взяты были в плен, а другие сверх всякого чаяния спаслись. Что же касается до тех, которым вверена была общественная казна, и с которыми находился *султан*, то они, с трудом избежав рук неприятельских, укрылись в крепости Эн и таким образом миновали опасность. Но не долго отдыхать удалось им в крепости: враги, узнав о *султана* и о том, что он находится в Энее, немедленно соединился с Константином и, окружив город со всех сторон, стали осаждать его самым ужасным образом и грозили разрушить до основания. Стены его каждый день были разбиваемы и жителям предстояло величайшее бедствие, если они не сдадутся. Видя, что беда над головой и что избежать ее нельзя, если неприятель наступит всеми своими силами, которая не вдруг и сосчитаешь, — равно предугадывая, что полуразрушенная крепость не выдержит осады и тотчас падет, как скоро придвинуты будут стенобитные машины, осажденные пришли в крайнее затруднение. При всем том они не упали еще духом на столько, чтобы не думать о своем спасении. Особенно были в сильном раздумье державшие у себя

общественную казну, не зная, как сохранить им такое множество сокровищ, заключавшееся частью в монете, частью в разных вещах. И о собственном спасении заботились они больше в той мысли, что если падут сами, то ужасна будет потеря государственного имущества, и потому всячески старались сберечь его. С этою целию сняли они с царских одежд драгоценные камни и жемчуг и, положив это скрытно, вместе с царскими регалиями, спрятали таким образом все, что было при них лучшего и богатого; а сами, вместе с другими, приняли участие в сражении и, вооружившись, как могли, действовали из крепости луками и пращами. Но полного успеха получить им было нельзя; потому что враги, подступив во множестве и подставив лестницы отважились лезть на самые стены. Их сильно подстрекала надежда овладеть многочисленным богатством, какое находилось у них почти под руками, — и они рвались, как собаки. Но так рвалась большею частью толпа, которая ничего не желала, кроме насущной добычи. У начальников же была другая мысль. Имея уже много награбленного в той стране и даже больше, чем сколько нужно было для удовлетворения их жадности, они размышляли теперь, что будут смешны, если не выполнять предположенных своих условий; поэтому отправляют к осажденным посольство — объявить об ожидающем их бедствии и сказать, что хотя нетрудно одолеть их и завладеть всем, но теперь они удовольствуются выдачею одного *султана* и требуют его вместе с свитою и деньгами, и на этом условии обещают им безопасность. Выслушав такое предложение, осажденные разделились в своих мнениях на две партии: одним казалось, действительно, лучше выдать добровольно одного *султана* и чрез то обезопасить прочее, если не хотят вместе с ним потерять все, да и сами подвергнуться опасности; а другие представляли, что гораздо больше нужно бояться царя, и советовали держаться. Царь не замедлит вероятно, говорили они, прислать к нам войско (ужели же не позаботится он спасти столь огромное богатство?) и, подав помощь с моря, избавит нас от беды. А не то, — мы отрубим *султану* голову и бросим ее со стены неприятелю: — тогда он должен будет либо совсем отступить, либо напасть на нас с местию смерти, и мы следовательно будем иметь случай, при помощи Божией, или победить, или пасть жертвами верности царю. После долгих совещаний, одержало верх второе мнение: — положено терпеть еще и ждать помощи, но не отнимать у врагов надежды на сдачу, а между тем всемерно заботиться о себе и благоустраивать свои дела так, чтобы продержаться, как можно, долее, если не будет помощи. Когда же опасность дойдет и до высшей степени, головы *султану* все однакож не рубить и не бросать неприятелю; потому что такая жестокость свойственна только людям безразсудным и отчаянным: гораздо благоразумнее выдать его на условиях. Остановившись на этом последнем мнении, они тотчас же отправляют послов и обещают, посоветовавшись, исполнить то, чего от них требуют. Однакож отсрочка была дана только на один день, — долее враги ждать не хотели, но, окружив крепость со всех сторон, еще более усилили свои нападения, а осажденные должны были отражать их. Борьба с обеих сторон была ужасная, но защитники крепости наконец почувствовали свое бессилие и видели гибель над головою; поэтому выслали послов — согласиться на выдачу *султана*, если только осаждающие дадут клятву пред Богом и святынею, что оставят их в покое (это посольство было отправлено к Константину). Отправив посольство и получив согласие неприятелей, они обратились к местному своему *епископу*. *Епископ*, возложив на себя священныя одежды и взяв святыя иконы, вышел со всем *клиром* направил путь к Константину. Когда Константин произнес клятвы пред Богом и *иерархом*, *архиерей* возвратился в крепость, и осажденные немедленно выдали *султана* со всею его свитою и имуществом. Взяв его, враги тотчас удалились и не требовали ничего другого; ибо поклялись довольствоваться выдачею одного *султана* и ничего больше не делать. [...]

Книга пятая

[...]

(4)

[...] Вообще народ тохарский отличается простотою и общительностью, быстр и тверд на войне, самодоволен в жизни, невзыскателен и беспечен относительно средств содержания. Законодателем его был, конечно, не Солон, не Ликург, не Дракон (ибо это были законодатели афинян, лакедемонян и других подобных народов — мужи мудрые из мудрых и умных, по наукам же ученейшие), а человек неизвестный и дикий, занимавшийся сперва кузнечеством, потом возведенный в достоинство *хана* (так называют их правителя); тем не менее, однако ж, он возбудил смелость в своем племени — выйти из Каспийских ворот и обещал ему победы, если оно будет послушно его законам. А законы эти были такого рода; не поддаваться неге, довольствоваться тем, что случится, помогать друг другу, избегать самозакония, любить общину, не думать о средствах жизни, употреблять всякую пищу, никакой не считая худою, иметь много жен и предоставлять им заботу о приобретении необходимого. Отсюда быстрое размножение этого племени и изобилие во всем нужном. У них положено было также — из вещей приобретенных ничего не усвоить навсегда и не жить в домах, как в своем имении, но передвигаться и переходить в нужде с одного места на другое. Если бы недоставало пищи, ходить с оружием в руках на охоту, или проколов коня, пить его кровь: а когда понадобилась бы более твердая пища — внутренности овцы, говорили, налей кровью и положи их под седло, — запекшаяся немного от лошадиной теплоты кровь, она будет твоим обедом. Кто случайно найдет кусок ветхой одежды, тот сейчас пришей его к своему платью, нужна ли будет такая пришивка или не нужна, — все равно (цель та, чтобы, делая это без нужды, тохарцы не стыдились к ветхим одеждам пришивать старые заплаты, когда бы настала необходимость). Этими-то наставлениями законодатель приучал своих подданных жить в полной беспечности. Получая от женщины и копьё, и седло, и одежду, и самую жизнь, тохарец, без всяких хлопот, тотчас готов был к битве с врагами. Охраняемые такими постановлениями своего Чингис-хана (я припомнил теперь, как его зовут: Чингис его имя, а *хан* — это царь), они верны в слове и правдивы в делах; а будучи свободными в душе и отличаясь прямою

сердца, они ту же необманчивость речи, когда кого слушают, ту же неподдельность поступков желают находить и в других. [...]».

ИЗ «ХРОНИКИ ЛИВОНИИ» ГЕНРИХА ЛАТВИЙСКОГО

Рукописная традиция не сохранила имени автора хроники и точного наименования его произведения. Большинство исследователей полагает, что автором исторического текста является Генрих из Латвии, по происхождению немец. Генрих родился в 1187 г., в 1208 г. стал католическим священником, крестил прибалтийские племена. Умер после 1227 г. (вероятно в 1259 г.). Хроника охватывает историю Прибалтики с конца XII до первой трети XIII века.

Отрывок из источника воспроизведен по изданию: Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Введение, пер. и комм. С.А.Аннинского. Предисл. В.А.Быстрянского. 2-е изд. М.; Л., 1938. С.210.

«[...] В тот год [1222] в земле вальвов язычников были татары... Вальвов некоторые называют партами. Они не едят хлеба, а питаются сырым мясом своего скота. И бились с ними татары, и победили их, и истребляли всех мечом, а иные бежали к русским, прося помощи. И прошел по всей Руси призыв биться с татарами, и выступили *короли* со всей Руси против татар, но не хватило у них сил для битвы, и бежали они перед врагами. И пал великий *король* Мстислав из Киева с сорока тысячами воинов, что были при нем.

Другой же *король*, Мстислав галицкий, спасся бегством. Из остальных *королей* пало в этой битве около пятидесяти. И гнались за ними татары шесть дней и перебили у них более ста тысяч человек (а точное число их знает один бог), прочие же бежали. Тогда *король* смоленский, *король* полоцкий и некоторые другие русские *короли* отправили послов в Ригу просить о мире. И возобновлен был мир, во всем такой же, какой заключен был уже ранее. [...]».

ПИСЬМО БРАТА ЮЛИАНА О ЖИЗНИ ТАТАР

О Юлиане мало что известно. Мы знаем лишь то, что он был венгром, монахом-доминиканцем. Возможно он в 1228 г. был в составе доминиканской миссии, направленной римским папой Григорием IX проповедовать католическую религию среди кипчаков. Брат Юлиан совершил в поисках Великой Венгрии два путешествия в Среднее Поволжье (1235, 1237). Юлиан является, пожалуй, первым представителем Западной Европы, видевшим и описавшим татар. Древнейшая рукопись Письма («*Epistula de vita Tartarum*») датируется 1284 г. и хранится в библиотеке Ватикана.

Сообщение брата Юлиана цитируется по изданию: Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII—XV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. — М.; Л., 1940. Вып.3. С. 83–90.

«Достопочтенному во Христе отцу, божьей милостью *епископу* Перуджи, *легату апостольского* престола, брат Юлиан ордена проповедников в Венгрии, слуга вашего святейшества, шлет столь же должное, как и преданное почтение.

Когда, в силу вмененного мне послушания, я должен был итти в Великую Венгрию с братьями, данными мне в спутники, и мы, желая выполнить порученное нам путешествие, дошли до крайних пределов Руси, мы узнали действительную правду о том, что все те, что называются венгры-язычники, и булгары и множество царств совершенно разгромлено татарами.

А что такое татары и какой они веры, об этом, насколько сумеем, расскажем в настоящем письме.

Сообщалось мне некоторыми, что татары прежде населяли страну, населяемую ныне куманами, и называются по правде сынами Измаила, а ныне желают называться татарами.

Страна же, откуда они первоначально вышли, зовется Готта, и Рубен звал ее Готтой.

Первая татарская война началась так. Был государь в стране Готта, по имени Гургута у которого была сестра — дева, по смерти родителей стоявшая во главе своей семьи и, как говорят, державшая себя по-мужски. Она напала на некоего соседнего с ней вождя и отнимала у него его имущество. Когда же по истечении некоторого времени она вновь с татарским народом попыталась напасть, как прежде, на вышесказанного вождя, тот, поостерегшись и начав войну с вышесказанной девушкой, одолел в бою и эту прежнюю свою противницу взял в плен, войско ее обратил в бегство, а ее, уже пленницу, изнасиловал, в знак еще более тяжелой мести, лишив девственности, постыдно обезглавил. Услышав об этом, брат помянутой девушки, вышесказанный вождь Гургута, отправив посла к вышереченному мужу, дал, говорят, ему такое поручение: «Я узнал, что ты, взяв в плен и лишив девственности сестру мою, обезглавил. Знай, что ты совершил дело, враждебное мне. Если, быть может, сестра моя причиняла тебе беспокойство, то ты направляя свою месть на движимое имущество, мог обратиться ко мне, ища против нее справедливого суда, либо, если ты, желая отомстить за себя собственными руками, победив ее, захватил в плен и лишил девственности, то мог взять ее в жены; а если у тебя было намерение убить ее, то никак ты не должен был лишать ее девственности. А теперь ты отомстил вдвойне: и девственную стыдливость опозорил, и жалким образом осудил ее на смертную казнь. Вследствие того, в отмщение убийства вышереченной девушки, знай, что я пойду на тебя всеми силами».

Услышав это и видя, что противостоять он не может, вождь, виновник убийства, бежал со своими к *султану* Орнах, покинув собственную землю.

После того как это произошло, был некий вождь в стране куманов, по имени Витут, богатства которого были, по слухам, столь замечательны, что даже скот [у него] на полях пил из золотых канав.

Другой вождь с реки Буз, по имени Гурег, из-за его богатства напал на него и победил. Победенный с двумя сыновьями своими и кое с кем еще, с немногими, кто уцелел от военной опасности, бежал к сказанному *султану* Орнах. *Султан* же, вспомнив об обиде, которую тот, будучи соседом, случайно нанес ему некогда, приняв его, повесил на воротах, а народ его подчинил своей власти. Двое сыновей Витута тотчас обратились в бегство и, так как у них не было иного убежища, вернулись к вышереченному Гурегу, который ранее ограбил их отца и их самих. Тот в звериной ярости убил старшего, разорвав конями. Младший же бежал, прибыл к вышеупомянутому вождю татарскому Гургуте и усердно стал просить его отомстить Гурегу, который ограбил его отца и убил брата, говоря, что честь добудет себе этот вождь, то есть Гургута, а сам он — воздаяние и отмщение за смерть брата и ограбление отца. Это и было сделано, и по одержании победы, вышеназванный юноша вновь просил вождя Гургуту отомстить *султану* Орнах за жалкую смерть отца, говоря, что и оставшийся по отце его народ, который там держали как бы в рабстве, будет помощью ему при наступлении его войска.

Тот, упоенный двойной победой, охотно согласился на просьбу юноши и, выступив против *султана*, одержал славную для себя и почетную победу.

Итак, имея почти повсюду достойные хвалы победы, вышесказанный вождь татарский Гургута со всей военной силой выступил против персов из-за каких-то распрей, бывших прежде у него с ними. Там он одержал почетнейшую победу и совершенно подчинил себе царство персидское.

Став после этого более дерзким и считая себя сильнее всех на земле, он стал выступать против царств, намереваясь подчинить себе весь мир. Поэтому, подступив к стране куманов, он одолел самих куманов и подчинил себе их страну. Оттуда они воротились в Великую Венгрию, из которой происходят наши венгры, и нападали на них четырнадцать лет, а на пятнадцатый год завладели ими, как нам сообщали словесно сами язычники-венгры. Завладев ими, и обратившись к западу, [татары] в течение одного года или немного большего [срока] завладели пятью величайшими языческими царствами: Сасцией, Фулгарией, взяли также 60 весьма укрепленных замков, столь людных, что из одного могло выйти пятьдесят тысяч вооруженных воинов. Кроме того они напали на Ведин, Меровию, Пойдовию, царство морданов. Там было два князя: один князь со всем народом и семьей покорился владыке татар, но другой с немногими людьми направился в весьма укрепленные места, чтобы защищаться, если хватит сил.

Ныне же, находясь на границах Руси, мы близко узнали действительную правду о том, что все войско, идущее в страны запада, разделено на четыре части. Одна часть у реки Этиль на границах Руси с восточного края подступила к Суздаю. Другая же часть в южном направлении уже нападала на границы Рязани, другого русского княжества. Третья часть остановилась против реки Дона, близ замка Воронеж (Ovcheruch), также княжества русских. Они, как передавали нам словесно сами русские, венгры и болгары, бежавшие перед ними, ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замерзли, после чего всему множеству татар легко будет разграбить всю Русь, всю страну русских.

Поймите все это таким образом, что тот первый вождь, по имени Гургута, который начал эту войну, умер. Ныне же вместо него царствует сын его Хан (Chayn) и живет в большом городе Орнах, где отец его воцарился первоначально. Живет же он таким образом: дворец у него такой большой, что тысяча всадников въезжает в одни двери и, преклонившись перед ним, не сходя с коней, всадники выезжают [в другие].

Вышеназванный вождь устроил себе громадное ложе, возвышающееся на золотых колоннах, ложе, говорю я, золотое с драгоценными покрывами, на котором восседает он в славе прославляемый, облеченный в драгоценные одеяния. Двери же в этом дворце целиком золотые, и через них преклоняясь проходят спокойно и безопасно его всадники. Чужие же послы, пешими ли они проходят двери или верхом, если коснутся ногами порога двери, тут же поражаются мечом; всякому чужому надлежит проходить с наивысшим почтением.

Восседая в такой пышности, он послал войска по разным странам, то есть за море, как мы думаем; и вы также слышали, что он там совершил. Другое же многочисленное войско послал он к морю на всех куманов, которые и бежали в венгерские края. Третье войско, как я сказал, осаждает всю Русь.

Сообщу вам о войне по правде следующее. Говорят, что стреляют они дальше, чем умеют другие народы. При первом столкновении на войне стрелы у них, как говорят, не летят, а как бы ливнем льются. Мечами и копьями они, по слухам, бьются менее искусно. Строй свой они строят таким образом, что во главе десяти человек стоит один татарин, а над сотней человек один сотник. Это сделано с таким хитрым расчетом, чтобы приходящие разведчики никак не могли укрыться среди них, а если на войне случится как-либо выбыть кому-нибудь из них, чтобы можно было заменить его без промедления, и люди, собранные из разных языков и народов, не могли совершить никакой измены. Во всех завоеванных царствах они без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасения, что когда-нибудь могут оказать какое-либо сопротивление. Годных для битвы воинов и поселян они, вооруживши, посылают против воли в бой впереди себя. Других же поселян, менее способных к бою, оставляют для обработки земли, а жен, дочерей и родственниц тех людей, кого погнали в бой и кого убили, делят между оставленными для обработки земли, назначая каждому по двенадцати или больше, и обзывают тех людей впредь именоваться татарами. Воинам же, которых гонят в бой, если даже они хорошо сражаются и побеждают, благодарность невелика; если погибают в бою, о них нет никакой заботы, но если в бою отступают, то безжалостно умерщвляются татарами. Потому, сражаясь, они предпочитают умереть в бою, чем под мечами татар, и сражаются храбрее, чтобы дольше не жить, а умереть скорее.

На укрепленные замки они не нападают, а сначала опустошают страну и грабят народ и, собрав народ той страны, гонят на битву осаждать его же замок.

О численности всего их войска не пишут вам ничего, кроме того, что изо всех завоеванных ими царств, они гонят в бой перед собой воинов, годных к битве.

Многие передают за верное, и князь суздальский передал словесно через меня *королю* венгерскому, что татары днем и ночью совещаются, как бы притти и захватить *королевство* венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение итти на завоевание Рима и дальнешего. Поэтому он [*хан*] отправил послов к *королю* венгерскому. Проезжая через землю суздальскую, они были захвачены князем суздальским, а письмо, посланное *королю* венгерскому, он у них взял; самих послов даже я видел со спутниками, мне данными.

Вышесказанное письмо, данное мне князем суздальским, я привез *королю* венгерскому. Письмо же писано языческими буквами на татарском языке. Поэтому *король* нашел многих, кто мог прочесть его, но понимающих не нашел никого. Мы же, проезжая через Куманию, нашли некоего язычника, который нам его перевел. Этот перевод таков: «Я Хан, посол царя небесного, которому он дал власть над землей возвышать покоряющихся мне и подавлять противящихся, дивлюсь тебе, *король* венгерский, хотя я в тридцатый раз отправил к тебе послов, почему ты ни одного из них не отсылаешь ко мне обратно, да и своих ни послов, ни писем мне не шлешь. Знаю, что ты *король* богатый и могущественный, и много под тобой воинов, и один ты правишь великим *королевством*. Оттого-то тебе трудно по доброй воле мне покориться. А это было бы лучше и полезнее для тебя, если бы ты мне покорился добровольно. Узнал я сверх того, что рабов моих куманов ты держишь под своим покровительством; почему приказываю тебе впредь не держать их у себя, чтобы из-за них я не стал против тебя. Куманам ведь легче бежать, чем тебе, так как они, кочуя без домов в шатрах, может быть, и в состоянии убежать; ты же, живя в домах, имеешь замки и города: как же тебе избежать руки моей?».

Не умолчу и о следующем. Пока я вновь находился при римском дворе, [на пути] в Великую Венгрию меня опередили четверо братьев моих. Когда они проходили через землю суздальскую, им на границах этого царства встретились некие бежавшие пред лицом татар венгры-язычники, которые охотно приняли бы веру католическую, лишь бы добраться до христианской Венгрии. Услышав об этом, вышесказанный князь суздальский вознегодовал и, отозвав вышеуказанных братьев, запретил им проповедовать римский закон помянутым венграм, а вследствие того изгнал вышесказанных братьев из своей земли, однако без неприятностей. Те, не желая воротиться обратно и с легкостью отказаться от сделанного уже пути, повернули к городу Рецессуэ, ища пути, чтобы пройти в Великую Венгрию, либо к мордуканам, либо к самим татарам. Оставив там двоих братьев из своего числа, я наняв переводчиков, они в день *апостолов* Петра и Павла, недавно прошедший, пришли ко второму князю мордуканов, который, выступив в тот же день, когда они пришли, со всем народом и семьей, как мы выше говорили, подчинился татарам. В дальнейшем что случилось с этими двумя братьями: умерли ли они или были отведены к татарам сказанным князем, совершенно неизвестно.

Двое остальных братьев, удивляясь промедлению тех, в день [св.] Михаила недавно отпразднованный, послали некоего переводчика, желая удостовериться о их жизни, но мордуканы напав убили его.

Мы же с товарищами, видя, что страна занята татарами, что области укреплены и успеха делу не предвидится, возвратились в Венгрию. И хотя шли мы среди многих войск и разбойников, но ради молитв и заслуг святой церкви благополучно и невредимыми добрались до братьев наших и обители.

Впрочем же, когда надвигается такой бич божий и приближается к сынам церкви, невесты христовой, пусть ваше святейшество в своей дальновидности соблаговолит заботливо предусмотреть, что надлежит делать братьям и как поступать.

Кроме того, чтобы ни о чем тут не умолчать, сообщая вам, отец, что один русский *клирик*, выписавший нам кое-что историческое из книги Судей, говорит, что татары — это мадианиты, которые, точно так же напавши на Кетим, на сынов Израиля, были побеждены Гедеоном, как читается в книге Судей. Бежав оттуда, сказанные мадианиты поселились близ некой реки, по имени Тартар (Thartar), почему и названы татарами.

Татары утверждают также, будто у них такое множество бойцов, что его можно разделить на 40 частей, причем не найдется мощи на земле, какая была бы в силах противостать одной их части. Далее говорят, что в войске у них с собою 240 тысяч рабов не их закона и 135 тысяч отборнейших [воинов] их закона в строю. Далее говорят, что женщины их воинственны, как и они сами: пускают стрелы, ездят на конях и верхом, как мужчины; они будто бы даже отважнее мужчин в боевой схватке, так как иной раз, когда мужчины обращаются вспять, женщины ни за что не бегут, а идут на крайнюю опасность. Конец письма о жизни, вере и происхождении татар».

ИЗ «КНИГИ О ТАРТАРАХ» ИОАННА ДЕ ПЛАНО КАРПИНИ

Иоанн де Плато Карпини (ок. 1180 — 01.VIII.1252), францисканец, сподвижник Франциска Ассизского, в 1220-е гг. возглавлял отделение ордена в Германии.

5 марта 1245 г. в Лионе папа Иннокентий IV подписал буллу к «царю и народу татарскому». Доставить послание папы по адресу было поручено Иоанну де Плато Карпини, который, в связи с возложенной на него миссией, получил широкие полномочия папского легата. Очевидно, что дипломатическое путешествие в Центральную Азию не планировалось. Папа не передал с послами ни одного подарка. Посланник должен был доехать до ближайшего монгольского войска и для этого был выбран путь через Восточную Европу. В тот год должна была состояться коронация великого хана в Монголии. Правитель Улуса Джучи Бату в апреле 1246 г. предложил брату Иоанну

отправиться в Каракорум, где в то время готовились к коронации великого хана, назначенной на конец июля 1246 г. 22 июля 1246 г. папская миссия прибыла в Монголию, где через месяц провела переговоры с великим ханом Гуюком.

По возвращении из Монголии Иоанн де Плано Карпини был назначен папой архиепископом Антиварийским. Брата Иоанна прославила его книга «Книга о Тартарах» («Liber Tartarorum», 1247). Сохранилось двенадцать рукописей «Книги о Тартарах» XIII–XV вв., одна из них — автограф. Рукописи хранятся в библиотеках Люксембурга, Вены, Вроцлова, Лондона, Меца, Кембриджа, Лейдена, Турина и пр.

Нижеприведенный источник в переводе А.И.Малеина (1869–1938) цитируется по изданию: Иоанн де Плано Карпини. История монгалов. Пер. А.И.Малеина, вступ. ст., коммент. М.Б.Горнунга. М., 1997. С.32–43, 53–85. Пятая глава сочинения Иоанна де Плано Карпини приведена в новом переводе С.В.Аксенова и публикуется по изданию: Юрченко А.Г. Историческая география политического мифа. Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII–XV вв. СПб., 2006. С.508–518.

«[...]

Глава вторая

О внешнем виде лиц, о супружестве, одеянии, жилищах и имуществе их

Сказав о земле, надлежит сказать о людях: во-первых, мы опишем внешний вид их лиц, во-вторых, изложим об их супружестве, в-третьих, об одеянии, в-четвертых, о жилищах и, в-пятых, об их имуществе.

§ I. О внешнем виде лиц

Внешний вид лиц отличается от всех других людей. Именно между глазами и между щеками они шире, чем у других людей, щеки же очень выдаются от скул; нос у них плоский и небольшой; глаза маленькие, и ресницы приподняты до бровей. В поясе они в общем тонки, за исключением некоторых, и притом немногих, росту почти все невысокого. Борода у всех почти вырастает очень маленькая, все же у некоторых на верхней губе и на бороде есть небольшие волосы, которых они отнюдь не стригут. На маковке головы они имеют гугенце наподобие *клириков*, и все вообще бреют [голову] на три пальца ширины от одного уха до другого; эти выбритые места соединяются с вышеупомянутым гугенцем; надо лбом равным образом также все бреют на два пальца ширины; те же волосы, которые находятся между гугенцем и вышеупомянутым бритым местом, они оставляют расти вплоть до бровей, а с той и другой стороны лба оставляют длинные волосы, обстригая их более чем наполовину; остальным же волосам дают расти, как женщины. Из этих волос они составляют две косы и завязывают каждую за ухом. Ноги у них также небольшие.

§ II. Об их супружестве

Жен же каждый имеет столько, сколько может содержать: иной сто, иной пятьдесят, иной десять, иной больше, иной меньше, и они могут сочетаться браком со всеми вообще родственницами, за исключением матери, дочери и сестры от той же матери. На сестрах же только по отцу, а также на женах отца после его смерти они могут жениться. А на жене брата другой брат, младший, после смерти первого или иной младший из родства обязан даже жениться. Всех остальных женщин они берут в жены без всякого различия и покупают их у их родителей очень дорого. По смерти мужей жены нелегко вступают во второй брак, разве только кто пожелает взять в жены свою мачеху.

§ III. Об их одеянии

Одеяние же как у мужчин, так и у женщин шито одинаковым образом. Они не имеют ни плащей, ни шапок, ни шляп, ни шуб. Кафтаны же носят из букарана, пурпура или балдакина, сшитые следующим образом. Сверху донизу они разрезаны и на груди запахируются; с левого же боку они застегиваются одной, а на правом — тремя пряжками, и на левом также боку разрезаны до рукава. Полушубки, какого бы рода они ни были, шьются таким же образом, но верхний полушубок имеет волосы снаружи, а сзади он открыт, но у него есть один хвостик, висящий назад до колен. Замужние же женщины носят один кафтан очень широкий и разрезанный спереди до земли. На голове же они носят нечто круглое, сделанное из прутьев или из коры, длиною в один *локоть* и заканчивающееся наверху четырехугольником, и снизу доверху этот [убор] все увеличивается в ширину, а наверху имеет один длинный и тонкий прутик из золота, серебра или дерева или даже перо; и этот [убор] нашит на шапочку, которая простирается до плеч. И как шапочка, так и вышеупомянутый убор покрыты букараном или пурпуром, или балдакином. Без этого убора они никогда не появляются на глаза людям, и по нему узнают их другие женщины. Девушек же и молодых женщин с большим трудом можно отличить от мужчин, так как они одеваются во всем так, как мужчины. Шапочки у них иные, чем у других народов; описать, понятно, их вид мы бессильны.

§ IV. Об их жилищах

Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же в середине ставки имеется круглое окно, откуда попадает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока. Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, сообразно достоинству и скудости людей. Некоторые быстро разбираются и чинятся и переносятся на вьючных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках. Для меньших при перевозке на повозке достаточно одного быка, для больших — три, четыре или даже больше, сообразно с величиной повозки, и, куда бы они ни шли, на войну ли или в другое место, они всегда перевозят их с собой.

§ V. Об их имуществе

Они очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, козами и лошадьми. Вьючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет и в целом мире; свиней и иных животных нет вовсе.

Глава третья

О богопочитании, о том, что они признают грехами, о гаданиях и очищениях и погребальном обряде

Сказав о людях, следует изложить об обрядности; о ней мы будем рассуждать следующим образом: сперва скажем о богопочитании, во-вторых, о том, что они признают грехами, в-третьих, о гаданиях и очищениях грехов, в-четвертых, о погребальном обряде.

§ I. О богопочитании Татар

I. Они веруют в единого Бога, которого признают творцом всего видимого и невидимого, а также и признают его творцом как блаженства в этом мире, так и мучений, однако они не чтут его молитвами или похвалами, или каким-либо обрядом. Тем не менее у них есть какие-то идолы из войлока, сделанные по образу человеческому, и они ставят их с обеих сторон двери ставки и вкладывают в них нечто из войлока, сделанное наподобие сосцов, и признают их за охранителей стад, дарующих им обилие молока и приплода, скота. Других же идолов они делают из шелковых тканей и очень чтут их. Некоторые ставят их на прекрасной закрытой повозке перед входом в ставку, и всякого, кто украдет что-нибудь с этой повозки, они убивают без всякого сожаления. А когда они хотят делать этих идолов, то собираются вместе все пожилые хозяйки, которые находятся в тех ставках, и с благоговением делают их, а когда сделают, то убивают овцу, едят ее и сжигают огнем ее кости. И когда также болен какой-нибудь отрок, то они делают идола вышесказанным способом и привязывают его над ложем. Вожди, тысячники и сотники всегда имеют козла в середине ставки. Вышеупомянутым идолам они приносят прежде всего молоко всякого скота, и обыкновенного, и вычного. И всякий раз, как они приступают к еде или питью, они прежде всего приносят им часть от кушаний и питья. И всякий раз, как они убивают какого-нибудь зверя, они приносят на каком-нибудь блюде сердце идолу, который находится на повозке, и оставляют до утра, а также уносят сердце с его вида варят и едят.

II. Прежде всего также они делают идол для императора и с почетом ставят его на повозке перед ставкой, как мы видели при дворе настоящего императора, и приносят ему много даров. Посвящают ему также лошадей, на которых никто не дерзает садиться до самой их смерти. Посвящают ему также и иных животных, и если убивают их для еды, то не сокрушают у них ни единой кости, а сжигают огнем. В полдень также они поклоняются ему как Богу и заставляют поклоняться некоторых знатных лиц, которые им подчинены. Отсюда недавно случилось, что Михаила, который был одним из великих князей Русских, когда он отправился на поклон к Бату, они заставили раньше пройти между двух огней; после они сказали ему, чтобы он поклонился на полдень Чингис-хану. Тот ответил, что охотно поклонится Бату и даже его рабам, но не поклонится изображению мертвого человека, так как христианам этого делать не подобает. И, после неоднократного указания ему поклониться и его нежелания, вышеупомянутый князь передал ему через сына Ярослава, что он будет убит, если не поклонится. Тот ответил, что лучше желает умереть, чем сделать то, чего не подобает. И Бату послал одного телохранителя, который бил его пятаком в живот против сердца так долго, пока тот не скончался. Тогда один из его воинов, который стоял тут же, ободрял его, говоря: «Будь тверд, так как эта мука недолго для тебя продолжится, и тотчас воспоследует вечное веселие». После этого ему отрезали голову ножом, и у вышеупомянутого воина голова была также отнята ножом.

III. Сверх того, они набожно поклоняются солнцу, луне и огню, а также воде и земле, посвящая им начатки пищи и питья и преимущественно утром, раньше чем станут есть или пить. И так как они не соблюдают никакого закона о богопочитании, то никого еще, насколько мы знаем, не заставили отказаться от своей веры или закона, за исключением Михаила, о котором сказано выше. Что они станут делать дальше, не знаем; некоторые, однако, предполагают, что если Татары получат единовластие, — да отвратит это Бог, — то они заставят всех поклоняться этому идолу. Случилось также в недавнюю бытность нашу в их земле, что Андрей, князь Чернигова (Cherniglove), который находится в Руссии, был обвинен пред Бату в том, что увел лошадей Татар из земли и продал их в другое место; и хотя этого не было доказано, он все-таки был убит. Услышав это, младший брат его прибыл с женою убитого к вышеупомянутому князю Бату с намерением упросить его не отнимать у них земли. Бату сказал отроку, чтобы он взял себе в жены жену вышеупомянутого родного брата своего, а женщине приказал поять его в мужья согласно обычаю Татар. Тот сказал в ответ, что лучше желает быть убитым, чем поступить вопреки закону. А Бату тем не менее передал ее ему, хотя оба отказывались, насколько могли, их обоих повели на ложе, и плачущего и кричащего отрока положили на нее и принудили их одинаково совокупиться сочетанием не условным, а полным.

§ II. О том, что они признают грехами

Хотя у них нет никакого закона о справедливых деяниях или предостережении от греха, тем не менее все же они имеют некоторые предания о том, что называют грехами, измышленные или ими самими, или их предшественниками. Одно состоит в том, чтобы вонзать нож в огонь, или также каким бы то ни было образом касаться огня ножом, или извлекать ножом мясо из котла, также рубить топором возле огня, ибо они веруют, что таким образом должна быть отнята голова у огня; точно так же опираться на плеть, которой погоняют коня (они ведь не носят шпор); точно так же касаться стрел бичом; точно так же ловить или убивать молодых птиц, ударять лошадь уздою; точно так же ломать кость о другую кость; точно так же проливать на землю молоко или другой какой напиток, или пищу, мочиться в ставку, но если кто это делает добровольно, его убивают, если же иначе, то им должно заплатить много денег колдуну, чтобы он очистил их и заставил также и ставку и то, что в ней находится, пройти между двух огней, а раньше, чем она будет так очищена, никто не дерзает войти в нее и унести из нее что-нибудь. Точно так же если кому

положат в рот кусочек, и он не может проглотить его и выбросить его изо рта, то под ставкой делают отверстие, вытаскивают его через это отверстие и без всякого сожаления убивают точно так же, если кто наступает на порог ставки какого-нибудь вождя, то его умерщвляют точно таким же образом. И у них есть много подобного этому, о чем было бы слишком долго рассказывать. А убивать людей, нападать на земли других, захватывать имущество других всяким несправедливым способом, предаться блуду, обижать других людей, поступать вопреки запрещенным и заповедям Божиим отнюдь не считается у них греховным. Они ничего не знают о вечной жизни и вечном осуждении; веруют, однако, что после смерти станут жить в ином мире, будут умножать свои стада, есть, пить и делать другое, что делают люди, живущие в этом мире.

§ III. О гаданиях и очищениях грехов

I. Они усиленно предаются гаданиям вообще, а также по полету птиц и внутренностям животных, чародействам и волшебствам. И, когда им отвечают демоны, они веруют, что это говорит им сам Бог. Этого Бога они называют *Итога*, а Команы именуют его *Кам*, они удивительно боятся и чтут его и приносят ему много даров и начатки пищи и питья, и делают все согласно его ответам. Все то, что они желают делать нового, они начинают в начале луны или в полнолуние, откуда именуют ее великим императором, преклоняют перед ней колена и молятся. Солнце они называют также матерью луны, потому что она получает свет от солнца.

II. И, говоря кратко, они веруют, что огнем все очищается; отсюда когда к ним приходят послы или вельможи или какие бы то ни было лица, то и им самим, и приносимым ими дарам надлежит пройти между двух огней, чтобы подвергнуться очищению, дабы они не устроили какого-нибудь отравления и не принесли яду или какого-нибудь зла. Точно так же если огонь упадет с неба на стада или на людей, что там часто случается, или если с ними случится что-нибудь подобное, почему они могли бы считать себя нечистыми или несчастливими, то им равным образом надлежит подвергнуться очищению при посредстве колдунов; и, так сказать, всю свою надежду они возложили на подобных лиц.

III. Когда кто-нибудь из них смертельно заболевает, то на ставку его выставляют копьё и его обвивают вокруг черным войлоком; и с того времени никто чужой не смеет вступить в пределы его ставок; и когда у больного начнется агония, то почти все удаляются от него, потому что никто из присутствующих при его смерти не может входить в *орду* какого-нибудь князя или императора до новой луны. Когда же он умрет, то, если он из знатных лиц, его хоронят тайно в поле, где им будет угодно, хоронят же его с его ставкой, именно сидящего посредине ее, и перед ним ставят стол и корыто, полное мяса, и чашу с кобыльим молоком, и вместе с ним хоронят кобылу с жеребенком и коня с уздечкой и седлом, а другого коня съедают и набивают кожу соломой и ставят ее повыше на двух или четырех деревяшках, чтобы у него была в другом мире ставка, где жить, кобыла, чтобы получать от нее молоко и даже иметь возможность умножать себе коней, и кони, на коих он мог бы ездить, а кости того коня, которого они съедают за упокой его души, они сжигают. И часто также женщины собираются для сожжения костей за упокой душ людей, как это мы видели собственными глазами и узнали там же от других. Мы видели также, что Оккодай-хан, отец нынешнего императора, посадил куст за упокой своей души¹, вследствие этого он предписал, чтобы никто там ничего не срезал, если же кто срезал какой-нибудь прут, то, как мы сами видели, подвергался бичеванию; снятию одежды и злым побоям. И, хотя мы сильно нуждались подогнуть коня, мы не смели срезать ни одного прута. Золото и серебро они хоронят таким же образом вместе с ним. Повозку, на которой везут его, ломают, а ставку его разрушают, и никто вплоть до третьего поколения не дерзает называть умершего его собственным именем.

§ IV. О погребальном обряде

I. Иной также способ существует для погребения некоторых знатных лиц. Они идут тайком в поле, удаляют там траву с корнем и делают большую яму и с боку этой ямы делают яму под землю и кладут под покойника того раба, который считается его любимцем. Раб лежит под ним так долго, что начинает как бы впадать в агонию, а затем его вытаскивают, чтобы он мог вздохнуть, и так поступают трижды; и если он уцелеет, то впоследствии становится свободным, делает все, что ему будет угодно, и считается великим в ставке и в среде родственников усопшего. Мертвого же кладут в яму, которая сделана сбоку, вместе с теми вещами, о которых сказано выше, затем зарывают яму, которая находится перед его ямой, и сверху кладут траву, как было раньше, с той целью, чтобы впредь нельзя было найти это место. В остальном они поступают так, как о том сказано выше, но наружную его палатку оставляют на поле. В их земле существуют два кладбища. Одно, на котором хоронят императоров, князей и всех вельмож, и, где бы они ни умерли, их переносят туда, если это можно удобно сделать, а вместе с ними хоронят много золота и серебра. Другое то, на котором похоронены те, кто был убит в Венгрии, ибо там были умерщвлены многие. К этим кладбищам не дерзает подойти никто, кроме сторожей, которые приставлены там для охраны, а если кто подойдет, то его хватают, обнажают, бичуют и подвергают очень злым побоям. Поэтому мы сами по неведению вошли в пределы кладбища тех, кто был убит в Венгрии, и сторожа пошли на нас, желая перестрелять, но так как мы были послами и не знали обычая страны, то они дали нам уйти беспрепятственно.

II. Родственников же [усопшего] и всех тех, кто пребывает в его ставках, надлежит очистить огнем; это очищение делается следующим образом. Устраивают два огня и рядом с огнями ставят два копия с веревкой на верхушке копий, и над этой веревкой привязывают какие-то обрезки из букарана; под этой веревкой и привязками между упомянутых двух огней проходят люди, животные и ставки. И присутствуют две женщины, одна отсюда, другая оттуда, прыскающие воду и произносящие какие-то заклинания, и если там ломаются какие-нибудь повозки или даже там упадут какие-нибудь вещи, это получают колдуны. И если кого-нибудь убьет громом, то всем людям, которые пребывают в тех ставках, надлежит пройти вышесказанным способом через огонь. Ставка, постель, повозки, войлоки и все, что у них будет тому подобного, не подлежат чьему-либо прикосновению, но отвергаются всеми как нечистое.

Глава четвертая

О нравах Татар, хороших и дурных, их пище и обычаях

Сказав об обряде, надлежит оказать о нравах; о них будем рассуждать следующим образом: сперва скажем о хороших, во-вторых, о дурных, в-третьих, о пище, в-четвертых, об обычаях

§ I. О хороших нравах Татар

Вышеупомянутые люди, то есть Татары, более повинуются своим владыкам, чем какие бы то ни было люди, живущие в сем мире или духовные, или светские, более всех уважают их и нелегко лгут перед ними. Словопрения между ними бывают редко или никогда, драки же никогда, войн, ссор, ран, человекоубийства между ними не бывает никогда. Там не обретаются также разбойников и воров важных предметов; отсюда их ставки и повозки, где они хранят свое сокровище, не замыкаются засовами или замками. Если теряется какой-нибудь скот, то всякий, кто найдет его, или просто отпускает его, или ведет к тем людям, которые для того приставлены; люди же, которым принадлежит этот скот, отыскивают его у вышеупомянутых лиц и без всякого труда получают его обратно. Один достаточно читит другого, и все они достаточно дружны между собою; и хотя у них мало пищи, однако они вполне охотно делятся ею между собою. И они также довольно выносливы, поэтому, голодая один день или два и вовсе ничего не вкушая, они не выражают какого-нибудь нетерпения, но поют и играют, как будто хорошо поели. Во время верховой езды они сносят великую стужу, иногда также терпят и чрезмерный зной. И это люди не изнеженные. Взаимной зависти, кажется, у них нет; среди них нет почти никаких тяжёбных ссор; никто не презирает другого, но помогает и поддерживает, насколько может, по средствам. Женщины их целомудренны, и о бесстыдстве их ничего среди них не слышно; однако некоторые из них в шутку произносят достаточно позорных и бесстыдных слов. Раздоры между ними возникают или редко, или никогда, и хотя они доходят до сильного опьянения, однако, несмотря на свое пьянство, никогда не вступают в словопрения или драки.

§ II. О дурных нравах их

Описав их хорошие нравы, следует изложить теперь о дурных. Они весьма горды по сравнению с другими людьми и всех презирают, мало того, считают их, так сказать, ни за что, будь ли то знатные или незнатные. Именно мы видели при дворе императора, как знатный муж Ярослав, великий князь Руссии, а также сын царя и царицы Грузинской, и много великих *султанов*, а также князь Солангов не получали среди них никакого должного почта, но приставленные к ним Татары, какого бы то низкого звания они ни были, шли впереди их и занимали всегда первое и главное место, а, наоборот, часто тем надлежало сидеть сзади зада их. По сравнению с другими людьми они очень вспыльчивы и раздражительного нрава. И также они гораздо более лживы, чем другие люди, и в них не обретаются никакой почти правды; вначале, правда, они льстивы, а под конец жалят, как скорпион. Они коварны и обманщики и, если могут, обходят всех хитростью. Это грязные люди, когда они принимают пищу и питье и в других делах своих. Все зло, какое они хотят сделать другим людям, они удивительным образом скрывают, чтобы те не могли позаботиться о себе или найти средство против их хитростей. Пьянство у них считается почетным, и, когда кто много выпьет, там же извергает обратно, но из-за этого не оставляет выпить вторично. Они очень алчны и скупы, огромные мастера выпросить что-нибудь, а вместе с тем весьма крепко удерживают все свое и очень скупые дарители. Убийство других людей считается у них ни за что. И, говоря кратко, все дурные нравы их по своей пространности не могут быть изображены в описании.

§ III. Об их пище

I. Их пищу составляет все, что можно разжевать, именно они едят собак, волков, лисиц и лошадей, а в случае нужды вкушают и человеческое мясо. Отсюда, когда они воевали против одного китайского города, где пребывал их император, и осаждали его так долго, что у самих Татар вышли все съестные припасы, то, так как у них не было вовсе что есть, они брали тогда для еды одного из десяти человек. Они едят также очищения, выходящие из кобыл вместе с жеребятами. Мало того, мы видели даже, как они ели вшей, именно они говорили: «Неужели я не должен есть их, если они едят мясо моего сына и пьют его кровь?» Мы видели также, как они ели мышей². Скатертей и салфеток у них нет. Хлеба у них нет, равно как зелени и овощей и ничего другого, кроме мяса; да и его они едят так мало, что другие народы с трудом могут жить на это.

II. Они очень грязнят себе руки жиром от мяса, а когда поедят, то вытирают их о свои сапоги или траву, или о что-нибудь подобное; более благородные имеют также обычно какие-то маленькие суконки, которыми напоследок вытирают руки, когда поедят мяса. Пищу разрезает один из них, а другой берет острием ножика кусочки и раздает каждому, одному больше, а другому меньше, сообразно с тем, больше или меньше они хотят кого почтить. Посуды они не моют, а если иногда и моют мясной похлебкой, то снова с мясом выливают в горшок. Также если они очищают горшки или ложки, или другие сосуды, для этого назначенные, то моют точно так же. У них считается великим грехом, если каким-нибудь образом дано будет погибнуть чему-нибудь из питья или пищи, отсюда они не позволяют бросать собакам кости, если из них прежде не высосать мозжечек. Платя свои они также не моют и не дают мыть, а особенно в то время, когда начинается гром, до тех пор, пока не прекратится это время.

III. Кобылье молоко, если оно у них есть, они пьют в огромном количестве, пьют также овечьё, коровье и верблюжье молоко. Вина, пива и меду у них нет, если этого им не пришлют и не подарят другие народы. Зимой у них нет даже и кобыльего молока, если они небогаты. Они также варят просо с водою, размельчая его настолько, что могут не есть, а пить. И каждый из них пьет поутру чашу или две, и днем они больше ничего не едят, а вечером

каждому дается немного мяса, и они пьют мясную похлебку. Летом же, имея тогда достаточно кобылье молоко, они редко едят мясо, если им случайно не подарят его, или они не поймают на охоте какого-нибудь зверя или птицу.

§ IV. Об их законах и обычаях

I. Далее, у них есть закон или обычай убивать мужчину или женщину, которых они застанут в явном прелюбодеянии; также если девица будет с кем-нибудь блудничать, они убивают мужчину и женщину. Если кто-нибудь будет застигнут на земле их владения в грабеже или явном воровстве, то его убивают без всякого сожаления. Точно так же, если кто-нибудь открывает их замысел, особенно когда они хотят идти на войну, то ему дается по заду сто ударов таких сильных, насколько может дать их крестьянин большой палкой. Точно так же, когда кто-нибудь из младших оскорбляет кого-нибудь, то их старшие не щадят их, а подвергают тяжкому бичеванию. Точно так же между сыном от наложницы и от жены нет никакой разницы, но отец дает каждому из них, что хочет, и если он из рода князей, то сын наложницы является князем постольку же, как и сын законной супруги. И если один Татарин имеет много жен, то каждая из них сама по себе имеет свою ставку и свое семейство; и один день он пьет, ест и спит с одной, а другой день с другою, все-таки одна из них считается старшей среди других, и он бывает с ней чаще, чем с другими, и хотя их так много, они нелегко ссорятся между собою.

II. Мужчины ничего вовсе не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах; но они охотятся и упражняются в стрельбе, ибо все они от мала до велика суть хорошие стрелки, и дети их, когда им два или три года от роду, сразу же начинают ездить верхом и управляют лошадьми и скачут на них, и им дается лук сообразно их возрасту, и они учатся пускать стрелы, ибо они очень ловки, а также смелы.

III. Девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины. Мы также видели, как они носили колчаны и луки. И как мужчины, так и женщины могут ездить верхом долго и упорно. Стремена у них очень короткие, лошадей они очень берегут, мало того, они усиленно охраняют все имущество. Жены их все делают: полушубки, платья, башмаки, сапоги и все изделия из кожи, также они правят повозками и чинят их, вьют верблюдов и во всех своих делах очень проворны и скоры. Все женщины носят штаны, а некоторые и стреляют, как мужчины.

[Глава V:] О происхождении империи тартар и ее знати и о власти императора и его первых лиц

[1] После того как сказано об обычаях, следует добавить об их империи, причем сперва мы скажем о ее происхождении, во-вторых — о ее знати, в-третьих, о власти императора и его первых лиц.

[2] В восточных краях есть некая страна, о которой рассказывалось выше и которая называется Монгал. В старину в этой стране было четыре народа: один из них назывался йека-монгал, то есть великие монгалы; второй — су-монгал, то есть водные монгалы; сами же они именовали себя тартарами по названию некоей реки, которая протекает через их землю и называется Тартар. Другой же [народ] именуется меркит, а четвертый мекрит. И все эти народы имели сходную внешность и один язык, хотя между ними и было разделение по провинциям и правителям.

[3] В стране йека-монгал был некий человек, которого звали Чингис. Он стал «сильным звероловом пред Господом» ибо он обучился похищать людей и захватывать добычу. К тому же ходил он в чужие земли и не упускал случая захватить кого-либо и подчинить себе. А людей своего рода он склонил на свою сторону, так что они следовали за ним, как за вождем, к свершению всяческих злодеяний. Он же начал сражаться с су-монгалами, то есть тартарами, и после того как он собрал вокруг себя людей, он умертвил их вождя и в великих битвах подчинил себе всех тартар и сделал их своими рабами. После этого он сражался со всеми прочими: с меркитами, [чьи земли] непосредственно прилегали к стране тартар, коих войной он также подчинил себе. Выступив оттуда, он сразился с мекритами и их также победил.

[4] Когда найманы прослышали, что Чингис настолько возвысился, они возмутились. Ибо сами они имели императора, который был чрезвычайно решительным и которому платили дань все вышеперечисленные народы.

Когда он исчерпал страдания земной юдоли, ему наследовали его сыновья, но были они юнны и глупы и не могли удержать народ, а, наоборот, разделились и раскололи [страну]. Вследствие этого вышеозначенный Чингиз тем временем сильно возвысился. Однако, невзирая на это, они совершали набеги на вышеуказанные земли, убивали мужчин, женщин и детей и захватывали их имущество.

[5] Чингис, прослышав про это, собрал всех подчиненных себе людей. Найманы, а также кара-китаи, то есть черные китаи, сошлись с обратной стороны в той же узкой долине, расположенной между двух гор, которую и мы пересекли по пути к их императору. И завязалась битва, в которой найманы и кара-китаи были разбиты монгалами. И большая часть из них была убита, остальные же, которым не удалось спастись бегством, были обращены в рабство.

[6] А в земле вышеозначенных кара-китаев Оккодай-хан, сын Чингис-хана, после того как он был поставлен императором, построил город, который он назвал Эмиль. К югу от него находится некая большая пустыня, в которой, как утверждают с полной достоверностью, обитают дикие люди. Друг с другом они никак не разговаривают и не имеют связок в голених. И при падении самостоятельно встать совершенно не могут; но у них имеется достаточно рассудительности для того, чтобы делать войлочные подстилки из верблюжьей шерсти, в которые они одеваются, а также защищаются ими от ветра. В случае если тартары идут против них и ранят их стрелами, то они кладут на раны травы и спасаются от них быстрым бегством.

[7] Монгалы же, вернувшись в свою страну, приготовились к сражению против китаев и, снявшись с лагеря, вошли в страну китаев. А император китаев, услышав об этом, выступил со своим войском против них. Завязалась

тяжелая битва, в которой монгалы потерпели поражение и вся монгальская знать из этого войска, кроме семерых, была перебита. И отсюда повелось, что, когда кто-либо угрожает им, говоря: «Войдя в эту страну, вы будете убиты, ибо здесь множество народа готово к смерти и битве», — то они отвечают: «Нас также некогда перебили и не осталось у нас никого, кроме семи [вождей], и вскоре выросли мы в великое множество и посему такого мы не боимся».

[8] Чингис же и другие, кои остались [после сражения], бежали в свою землю. Известный же Чингис после краткого отдыха вновь приготовился к битве и пошел войной на страну уйгуров. Эти же люди — христиане из секты несториан; их он также войной покорил. Они [монгалы] приняли их письмо, ибо ранее не имели письменности, а теперь именно его называют письмо монгалов. Выступив оттуда против земли Сариуйгур, и против земли каранитов, и против земли Войрат, и против земли Канана, он все эти земли войной одолел.

[9] Оттуда он вернулся в свою землю. После краткого отдыха он созвал всех своих людей и выступил войной, как и прежде, против китаев. И после долгих сражений с ними они покорили большую часть земли китаев. Императора же своего они [китаи] укрыли в своем большом городе, который [монгалы] осаждали так долго, что полностью закончились их припасы. А когда им совсем уже нечего было есть, то сей Чингис-хан приказал отдать одного из десяти человек на съедение. А те, кто был в городе, мужественно сражались против монгалов при помощи машин и стрел. Поскольку им не доставало камней, вместо камней они бросали серебро, по большей части расплавленное, ибо этот город был полон многими богатствами. И после того как долго сражались и совершенно не могли победить этот город войной, они проложили большой ход под землей от [места расположения] войска до середины города и, вскрыв внезапно землю, когда те не подозревали, вышли в середине города и бились с его жителями. А те же, которые находились вне [города], точно также сражались с ними и, сломав ворота, вошли в город и, убив императора и множество народа, захватили город и унесли золото и серебро и все его богатства. И, когда поставили во главе названной страны китаев своих людей, вернулись в собственную землю. После поражения императора китаев, первое, что было сделано, — это то, что императором стал вышеназванный Чингис-хан. Однако некая часть страны китаев, которая расположена на побережье, вплоть до сегодняшнего дня осталась совершенно не покоренной ими.

[10] Китай же, о которых мы говорили выше, являются язычниками и имеют особые письмена. У них есть Новый и Ветхий Заветы, и жития отцов, а также отшельники и дома, устроенные наподобие церквей, в которых они временами молятся, а также говорят, что у них есть некие святые. Они поклоняются единому Богу, почитают господина Иисуса Христа и верят в вечную жизнь, но у них никакого обряда крещения. Они почитают и уважают наше Писание, христиан уважают и раздают щедрую милостыню. Похоже, что они люди радушные и достаточно человеколюбивые. Бороды у них нет, но в отношении черт лица они схожи с монгалами, хотя лицами не так широки. У них свой собственный язык. Лучших мастеров не найти во всем мире в искусствах и ремеслах, которыми люди обычно занимаются. Страна их очень богата зерновыми, вином, серебром и шелком, и всеми теми вещами, которыми поддерживается человеческая природа.

[11] После краткого отдыха он разделил свои войска. Одного из своих сыновей, по имени Тоссук, которого также называли каном, то есть императором, он послал с войском против команов, которых он победил в большой битве. И после победы он вернулся в свою землю.

[12] Другого сына он также послал с войском против индийцев, который и покорил Малую Индию. Они [т.е. ее жители] являются черными сарраценами и называются эфиопами. Тогда же это войско выступило против христиан, которые живут в Большой Индии. Прослышав об этом, царь этой земли, обыкновенно именуемый Иоанном Пресвитером, собрав войско, выступил против них и, сделав медные фигуры людей, посадил их в седла на коней, разведя внутри огонь, и поместил на каждую лошадь за медной фигурой человека с кузнечным мехом. После того как было приготовлено множество таких фигур и такого рода коней, они выступили против названных тартар на битву. Прибыв же к месту сражения, они выстроили в первом ряду этих коней одного рядом с другим, а мужи, которые находились сзади [фигур], клали нечто на огонь, находящийся в указанных фигурах, и с силой раздували его мехами. В результате чего люди и лошади [монгалов] сгорали от греческого огня и воздух почернел от дыма. И затем они метали стрелы в тартар, от которых множество людей было ранено и убито. Таким образом они изгнали их в беспорядке из своих пределов, и мы никогда не слышали, чтобы [монгалы] впоследствии к ним возвращались.

[13] А когда они возвращались через пустыни, то пришли в некую землю, в которой, как нам при императорской *курии* надежно сообщили русские священники и другие, долгое время пробывшие среди них, нашли неких чудовищ, имевших женский облик. И когда они через многих переводчиков спрашивали, где мужчины этой земли, им отвечали, что в этой земле всякая родившаяся женщиной имеет человеческий облик, а существа мужского пола имеют облик собаки. И так как они задержались в указанной земле, собаки на другом берегу реки собрались воедино и все бросились в воду, а зима была лютой, и после этого безудержно катались в пыли, так что пыль, смешавшись с водой, застыла на них. И поскольку проделывали они это многократно, на них образовалась толстая корка льда, и мощным натиском сошлись с тартарами для боя. Те же метали в них стрелы, но выпущенные стрелы отскакивали, словно от камней, и другое их оружие не могло нанести им вред. Псы же, совершив нападение на них, укусами многих ранили и убили и так изгнали их из своих пределов. Среди них до сих пор бытует поговорка об этом: «Твой отец (или брат) был убит собаками». А их женщин, которые были взяты в плен, [монгалы] отвели в свою страну, и они находились там вплоть до дня своей смерти.

[14] По пути назад это войско, то есть войско монгалов, пришло в землю Буритебет, которую войной одолело. Они язычники, и у них есть достойный удивления, даже скорее сожаления, обычай: когда чей-нибудь отец покидает сей бренный мир, то, как нам достоверно утверждали, собирают всех его родственников, которые его съедают.

Бороды у них нет. К тому же, как мы видели, они носят с собой некий железный предмет, которым они постоянно выщипывают бороду, если в ней вырастает волосок. К тому же они очень безобразны. Оттуда это войско вернулось в свою землю.

[15] Чингис-хан же в то время, разделив другие войска, сам отправился в поход на восток через страну Кергиз, жителей которой он в войне не победил; к тому же, как нам говорили, он достиг Каспийских гор. Горы же в той части, которой они достигли, из адамантова камня, к которому и притянулись их стрелы и железное оружие. Люди, запертые между Каспийских гор, как полагают, услышали шум, [произведенный] войском, и начали ломать гору. А когда в другой раз, спустя десять лет, они возвращались, они обнаружили гору разрушенной. Но когда тартары попытались приблизиться к ним, у них ничего не вышло, поскольку между ними находилось некое облако, через которое пройти они никак не могли, потому что, приблизившись к нему, они тотчас же полностью теряли зрение. Те же, полагая, что тартары не решаются приблизиться к ним от ужаса, напали на них, но подойдя к облаку, по вышеуказанной причине потеряли возможность двигаться вперед. Но прежде чем они приблизились к названным горам, они больше месяца двигались через обширную пустыню.

[16] Продвигаясь отсюда прямо на восток, более месяца они шли через большую пустыню и пришли в некую землю, в которой, как нам с полной достоверностью сообщалось, они увидели исхоженные тропы, но не могли найти ни одной живой души. Но после усиленных поисков по всей стране они нашли одного человека с его женой, которых и доставили к Чингис-хану. И когда он спросил их, где находятся люди их страны, они ответили, что они живут в земле под горами. А вышеупомянутый Чингис-хан, задержав жену, послал того мужчину [к его соплеменникам] с тем, чтобы они явились по его повелению. Тот же, пойдя к ним, рассказал все, что приказал им [Чингис-хан]. Они сказали в ответ, что придут в такой-то день к нему согласно его повелению. Сами же тем временем тайными путями собрались под землей и вышли против них на бой. Внезапно напав на них, убили многих. А те же, то есть Чингис-хан и иже с ним, видя, что успеха им не добиться, а скорее, наоборот, они теряют своих людей, а также, поскольку они не могли выдержать шума солнца, бежали и оставили указанную землю. К тому же во время восхода солнца им надлежало приложить одно ухо к земле, а другое сильно зажать, чтобы не слышать ужасного шума. Однако и после этого они не могли уберечься, и вследствие [шума] многие из них погибли. А тех людей, то есть мужчину с его женой, они увели с собой. И они до самой смерти оставались в стране тартар. Когда их спрашивали, почему они живут под землей, они говорили, что один раз в году при восходе солнца раздается такой шум, который ни один человек никак не может выдержать, как выше сказано о тартарах. К тому же тогда они бьют в органы и тимпаны и другие инструменты, чтобы не слышать этот шум.

[17] И пока Чингиз-хан и иже с ним возвращались из этой страны, у них стал заканчиваться провиант и среди них начался большой голод. И тогда они натолкнулись на внутренности недавно павшего животного, которые они взяли и, удалив только кал, сварили и принесли пред лице Чингис-хана, который съел их со своими приближенными. И на основании этого Чингис-ханом было постановлено, что нельзя, за исключением кала, выбрасывать кровь, внутренности и прочие части животного, которые можно потреблять в пищу.

[18] Оттуда же он вернулся в свою страну и там создал множество законов и установлений, которые тартары безупречно соблюдают. Из коих мы расскажем о двух. Одно из них состоит в том, что если кто-либо, вознесясь гордыней, собственной властью, минуя выборы предводителей, захочет стать императором, то он должен быть убит без всякого сожаления. Поэтому перед выбором нынешнего императора Куйук-хана, согласно этому установлению, один из предводителей, внук самого Чингис-хана, был убит, ибо возжелал он править, не будучи избранным. Другое же установление состоит в том, что они должны подчинить себе всю землю и не должны иметь мира ни с одним народом, если только он не подчинился им, до тех пор, пока не настанет время их истребления.

[19] Они сражались, по крайней мере, сорок два года и сначала восемнадцать лет должны править. И как говорят, после этого они должны быть покорены другим народом, согласно пророчеству, данному им, однако они не знают, что это будет за народ. Те же, кто сможет спастись, как говорят, должны будут соблюдать тот закон, который соблюдают победившие их в войне. Он установил также, что их войско должно распределяться по тысячникам, сотникам, десятникам и тьмам, то есть десяти тысячам. Также было много иных установлений, о которых долго рассказывать, да и мы всего не знаем. После этого, доведя до конца свои распоряжения и установления, он был убит ударом грома.

[20] Имел он четырех сыновей. Одного звали Оккодай, второй звался Тоссук-хан, другого звали Чаадай, а имени четвертого мы не знаем. От этих четверых произошли все монгальские вожди. У первого, то есть Оккодай-кана, были сыновья: первый — Куйук, который сейчас является императором, Коктен и Сиренен. Были ли у него другие сыновья, нам неизвестно. Сии же сыновья Тоссук-хана: Баты (он самый богатый и могущественный после императора), Орду (он старший из всех вождей), Сибан, Бора, Берка, Танухт; имена других сыновей Тоссук-кана нам неизвестны. Сыновьями Чаадая являются: Бурин, Кадан; имена других сыновей его мы не знаем. Имена сыновей того сына Чингиз-хана, имени которого мы не знаем, следующие: один зовется Менгу (его мать — Сероктан; эта женщина более всего славится среди всех тартар, за исключением матери императора, и могущественнее всех, за исключением Баты); другой именуется Бечак; у него было много сыновей, но их имена нам неизвестны.

[21] Вот имена вождей: Орду (он был в Польше и Венгрии), Баты, Бурин, Кадан, Сибан, Буйгет (эти все были в Венгрии), Хирподан (этот до сих пор находится за морем и [воюет] с *султаном* Дамаска); есть и другие, которые также находятся за морем. А следующие остались в стране: Менгу, Коктен, Сиренен, Хубилай, Сиренум, Синекур, Туатемыр, Карагай, старик Сибедей, который среди них зовется воином, Бора, Берка, Моуцы, Хоранка (но этот среди прочих наименьший). Есть также множество других вождей, но их имена нам неизвестны.

[22] Император же тартар имеет удивительную власть над всеми. Никто не смеет занять какое-либо место, если сам император его не назначит. Сам же он назначает, где надлежит пребывать вождям, вожди же назначают на места тысячников, тысячники — сотников, сотники — десятников. Сверх того, независимо от времени и места, если им приказано, они идут и на битву и на жизнь и на смерть, и без всяких возражений подчиняются [приказу]. Также если он требует девственную дочь или сестру, то они отдают ему [их] без возражения. К тому же раз в год или с перерывом в несколько лет он собирает юных дев изо всех пределов [земли] тартар. Если же сам [император] возжелает оставить при себе какую-либо [из них], то оставляет, других же отдает своим приближенным согласно своим соображениям.

[23] Любым его послам, куда бы и когда бы он их ни послал, надлежит без промедления выдавать сменных лошадей и содержимое. А если к нему откуда-либо прибывают приносящие дары или послы, то им сходным образом [в пути] надлежит выдавать лошадей, повозки и содержание. Но послы, прибывающие из других мест, находятся в великой нужде в отношении пропитания и одежды, потому что содержание их ничтожно и мало. В особенности [трудности] у тех, кто прибывает к предводителям с необходимостью задержаться там на некоторое время: тогда [им] на десять человек выдается так мало, что на это с трудом могут прожить двое. Ни в дороге, ни даже при дворах правителей им не дают есть больше, чем одного раза в день, что совершенно недостаточно. К тому же если им причиняют какую-либо обиду, у них совершенно нет возможности пожаловаться, посему надлежит это терпеливо сносить. К тому же как правители, так и другие большие и малые [чины] выпрашивают у них множество даров. Если же [эти дары] им не даются, то к ним относятся с презрением, более того, их ни во что не ставят. Если же [послы] посланы великими мужами, [монгалы] не хотят иметь от них малые дары и говорят: «Вы пришли от великого человека, а даете такую малость». То есть от таких подношений они отказываются, и если послы хотят с успехом выполнить свои дела, им надлежит преподносить большие [дары]. Поэтому большую часть из вещей, которые были даны верующими нам на содержание, нам надлежало по необходимости отдать как подношения.

[24] И посему да будет известно, что все находится в руках императора и никто не смеет сказать: «это — мое» или «это — его», потому что все принадлежит императору, а именно: вещи, люди и лошади. И сверх того, император недавно издал установление: такой же властью располагают вожди над всеми своими людьми, поскольку люди, а именно: тартары и другие — поделены между вождями. Также послам вождей, куда бы они тех ни посылали, как люди императора, так и все другие, обязаны давать им без возражения сменных лошадей и содержание, и тех, кто будет охранять лошадей, а также прислуживать послам. Как вожди, так и другие обязаны как должное давать императору кобылиц, чтобы у него было молоко от них, раз в год, в два или в три, согласно его желанию. То же самое должны делать и люди вождей для своих хозяев, ведь среди них никто не свободен. Короче говоря, император и вожди берут из принадлежащего им [своим подчиненным], что и сколько хотят, а их личностями они располагают во всех отношениях, как им будет благоугодно.

[25] После того как император умер, как сказано выше, собрались вожди и выбрали императором Оккодая, сына вышеназванного Чингис-хана. Он, созвав совет своих вождей, разделил войска. Баты, который был вторым после него [в иерархии], он послал против земли Альтисолдана и против земли бисерминов; ведь они — сарацены, хотя говорят по-комански. И когда он вошел в их землю, бился с ними и в войне их себе покорил. И некий город по названию Бархин долго ему сопротивлялся, потому что они вырыли много ям и прикрыли их. И когда тартары подходили к городу, они падали в ямы. Поэтому они не могли взять этот город, пока ямы не были засыпаны.

[26] А люди из некоего города, который называется Яникинт, услышав об этом, вышли им навстречу и добровольно сдались им. Поэтому их город не был разрушен, но многие из них были убиты, а другие — переселены. Взяв в городе добычу, его наполнили другими людьми и пошли на город Орнас. Этот город был чрезвычайно населен, ибо было там много христиан, а именно: газаров, русских, алан и других. Были и сарацены, которым и принадлежала власть в городе. Также этот город был наполнен богатством, поскольку он расположен на некоей реке, которая протекает через Яникинт и страну бисерминов и впадает в море. Поэтому этот город как бы порт, и от него иные сарацены имели большую торговую прибыль. [Монгалы] запрудили реку, которая протекала через город, и затопили его вместе со всем имуществом и людьми, поскольку иначе они не могли его захватить. Совершив это, они вторглись в страну турков, которые являются язычниками.

[27] Покорив ее, они пошли на Руссию и содейали великие разрушения в земле русской. Они разрушали города и крепости и убивали людей. Киев же, столицу Руссии, обложили и после долгой осады захватили ее и истребили жителей города. Посему, когда мы проходили через их землю, мы находили разбросанное по полям неисчислимое множество черепов и костей погибших людей. Был же град очень велик и многонаселен, а ныне он обращен почти в ничто. Ибо там осталось едва ли двести домов и жители те содержатся в великом рабстве. Далее продвигаясь с битвами, они разорили всю Руссию.

[28] Названные вожди, продвигаясь из Руссии и Комании, сражались против венгров и поляков, и многие из тартарских [вождей] были умерщвлены в Польше и Венгрии. И если бы венгры не обратились в бегство, а оказали мужественное сопротивление, то тартары покинули бы их границы, ибо тартар объял столь великий страх, что все пытались бежать. Но Баты, обнажив меч, встал перед ними, и сказал: «Не смейте бежать, потому что если вы побежите, никто не спасется, и если мы должны умереть, то умрем все, потому что, как предсказал Чингис-хан, наше будущее в том, что мы должны быть убиты. И если ныне время пришло, то да будем стойкими!». И они были так воодушевлены [этими словами], что остались на месте и разгромили Венгрию.

[29] Вернувшись оттуда, они пришли в землю мордванов, являющихся язычниками, и в войне их победили. Продвигаясь оттуда вперед против билеров, то есть Великой Болгарии, они и ее разрушили полностью. Продвигаясь оттуда вперед на север, теперь против баскартов, то есть Великой Венгрии, они покорили также и их.

[30] Оттуда, направляясь в основном на север, они пришли к паросцитам, у которых, как нам говорили, маленькие животы и совсем маленький рот. Они мяса не едят, но варят его; и сварив его, наклоняются над горшком и вдыхают пар и только этим достигают сытости. Если же они что-нибудь едят, то эта [пища] — очень мала.

[31] Продвигаясь оттуда вперед, они пришли к самоедам. А эти люди, как говорят, живут только охотой; палатки и одежда у них также [сделаны] только из звериных шкур. Продвигаясь оттуда далее, они пришли в некую землю, расположенную на берегу океана, и как нам с полной уверенностью рассказывали, нашли неких чудовищ, которые в целом имеют человеческий облик, но ноги у них переходят в бычьи копыта, голова у них человеческая, однако лицо, как у собаки. Два слова они говорили как люди, а третье лаяли, как собаки, таким образом, их речь через определенные промежутки времени мешалась с лаем, однако они постоянно возвращались к теме [разговора], и таким образом можно было понять, что они говорили. Оттуда [монгалы] вернулись в Команию, и некоторые из них до сих пор там пребывают.

[32] А в это время Оккодай-хан послал Хирподана с войском на юг против кергизов, которых он в войне победил. Эти люди язычники; у них нет волос на подбородке. У них есть такой обычай: когда умирает чей-нибудь отец, то он от душевной боли в знак скорби на своем лице от одного уха до другого удаляет у себя лоскут кожи в виде ремня.

[33] Победив их, он пошел на юг против арменов. Но когда они проходили через пустыню, встретили неких чудовищ, которые, как нам достоверно рассказывали, имеют человеческий облик, но у них была только одна рука с кистью посреди груди и одна нога, так что двое стреляют из одного лука. И они так быстро бегали, что кони не могли их настичь. Бежали же они, подпрыгивая на этой одной ноге, а когда уставали передвигаться таким образом, то начинали перекатываться с руки на ногу, как в колесе. Исидор этих людей называл циклопедами. А когда уставали [передвигаться] таким образом, снова бежали по первому способу. Однако некоторых из них убили. И как нам при дворе императора говорили русские священники, которые находились при императоре, многие из них [чудовищ] приходили послами ко двору вышеупомянутого императора, чтобы иметь возможность заключить с ним мир. Продвигаясь оттуда вперед, они [монгалы] пришли в Армению, которую в войне победили, [так же как] и часть Георгиании; а другая часть [георгиан] сдалась по их приказу. В качестве дани они выплачивали раз в год сорок тысяч перперов и делают это до сих пор.

[34] Продвигаясь оттуда далее к стране *султана* Урума, который был достаточно велик и могущественен, сразились с ним и победили. И двинулись дальше, воюя и побеждая, вплоть до земли *султана* Дамаска, и теперь им подчинена также и эта страна, и предполагают напасть на другие страны, [расположенные] за этими, так что вплоть до сегодняшнего дня они в свою землю не вернулись. Другое войско против страны *калифа* Балдакского, которого они также подчинили себе; и те дают ежедневно в качестве дани сорок византийцев, не считая балдекинов и других подношений. И они [монгалы] ежегодно отправляют послов к *калифу*, чтобы он к ним явился; он вместе с данью посылает большие подношения, прося, чтобы ему простили его отсутствие. Император, принимая дары, тем не менее посылает за ним, чтобы он прибыл.

Глава шестая

О войне и разделении войск, об оружии и хитростях при столкновении, об осаде укреплений и вероломстве их против тех, кто сдается им, и о жестокости против пленных

Сказав о власти, надлежит сказать о войне следующим образом: сперва о разделении войск, во-вторых, об оружии третьих, о хитростях при столкновении, в-четвертых, об осаде крепостей и городов, в-пятых, о вероломстве, которое они проявляют к тем, кто им сдается, и о жестокости, с которой они обращаются с пленниками.

§ I. О разделении войск

О разделении войск скажем таким образом: Чингис-кан приказал, чтобы во главе десяти человек был поставлен один (и он по-нашему называется десятником), а во главе десяти десятников был поставлен один, который называется сотником, а во главе десяти сотников был поставлен один, который называется тысячником, а во главе десяти тысячников был поставлен один, и это число называется у них *тьма*. Во главе же всего войска ставят двух вождей или трех, но так, что они имеют подчинение одному. Когда же войска находятся на войне, то если из десяти человек бежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, и если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают сообща, то все бегущие умерщвляются; точно так же, если один или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их также умерщвляют, а если из десяти попадают в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются.

§ II. Об оружии

I. Оружие же все по меньшей мере должны иметь такое: два или три лука, или по меньшей мере один хороший, и три больших колчана, полных стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые; у них есть также вооруженная лошадь, прикрытия для голеней, шлемы и латы. Некоторые имеют латы, а также прикрытия для лошадей из кожи, сделанные следующим образом: они берут ремни от быка или другого животного шириною в руку, заливают их смолою вместе по три или по четыре и связывают ремешками или веревочками; на верхнем ремне они помещают веревочки на конце, а на нижнем в середине, и так поступают до конца; отсюда, когда нижние ремни наклоняются, верхние встают, и таким образом удваиваются или утраиваются на теле. Прикрытие лошади они делят на пять частей: с одной стороны лошади одну, а с другой стороны другую, которые простираются от хвоста до головы и связываются у седла, а сзади седла — на

спине и также на шее; также на крестец они кладут другую сторону, там, где соединяются связи двух сторон; в этом куске они делают отверстие, через которое выставляют хвост, и на грудь также кладут одну сторону. Все части простираются до колен или до связей голеней; и пред лбом они кладут железную полосу, которая с обеих сторон шеи связывается с вышеназванными сторонами. Латы же имеют также четыре части; одна часть простирается от бедра до шеи, но она сделана согласно расположению человеческого тела, так как сжата перед грудью, а от рук и ниже облегает кругло вокруг тела; сзади же к крестцу они кладут другой кусок, который простирается от шеи до того куска, который облегает вокруг тела; на плечах же эти два куска, именно передний и задний, прикрепляются пряжками к двум железным полосам, которые находятся на обоих плечах; и на обеих руках сверху они имеют кусок, который простирается от плеч до кисти рук, которые также ниже открыты, и на каждом колене они имеют по куску; все эти куски соединяются пряжками. Шлем же сверху железный или медный, а то, что прикрывает кругом шею и горло, из кожи. И все эти куски из кожи составлены указанным выше способом.

II. У некоторых же все то, что мы выше назвали, составлено из железа следующим образом: они делают одну тонкую полосу шириною в палец, а длиною в ладонь, и таким образом они приготавливают много полос; в каждой полосе они делают восемь маленьких отверстий и вставляют внутрь три ремня, плотных и крепких, кладут полосы одна на другую, как бы поднимаясь по уступам, и привязывают вышеназванные полосы к ремням тонкими ремешками, которые пропускают чрез отмеченные выше отверстия; в верхней части они вшивают один ремешок, который удваивается с той и другой стороны и сшивается с другим ремешком, чтобы вышеназванные полосы хорошо и крепко сходились вместе, и образуют из полос как бы один ремень, а после связывают все по кускам так, как сказано выше. И они делают это как для вооружения коней, так и людей. И они заставляют это так блестяще, что человек может видеть в них свое лицо.

III. У некоторых из них есть копыя, и на шейке железа копыя они имеют крюк, которым, если могут, стаскивают человека с седла. Длина их стрел составляет два фута, одну ладонь и два пальца, а так как футы различны, то мы приводим здесь меру геометрического фута: двенадцать зерен ячменя составляют поперечник пальца, а шестнадцать поперечников пальцев образуют геометрический фут. Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча; и они всегда носят при колчане напильники для изощрения стрел. Вышеупомянутые железные наконечники имеют острый хвост длиною в один палец, который вставляется в дерево. Щит у них сделан из ивовых или других прутьев, но мы не думаем, чтобы они носили его иначе как в лагере и для охраны императора и князей, да и то только ночью. Есть у них также и другие стрелы для стреляния птиц, зверей и безоружных людей, в три пальца ширины. Есть у них далее и другие разнообразные стрелы для стреляния птиц и зверей.

§ III. О хитростях при столкновении

I. Когда они желают пойти на войну, они отправляют вперед передовых застрельщиков (*praecursores*), у которых нет с собой ничего, кроме войлоков, лошадей и оружия. Они ничего не грабят, не жгут домов, не убивают зверей и только ранят и умерщвляют людей, а если не могут иного, обращают их в бегство; все же они гораздо охотнее убивают, чем обращают в бегство. За ними следует войско, которое, наоборот, забирает все, что находит; также и людей, если их могут найти, забирают в плен или убивают. Тем не менее все же стоящие во главе войска посылают после этого глашатаев, которые должны находить людей и укрепления, и они очень искусны в розысках.

II. Когда же они добираются до рек, то переправляются через них, даже если они и велики, следующим образом: более знатные имеют круглую и гладкую кожу, на поверхности которой кругом они делают частые ручки, в которые вставляют веревку и завязывают так, что образуют в общем некий круглый мешок, который наполняют платьями и иным имуществом, и очень крепко связывают; после этого в середине кладут седла и другие более жесткие предметы; люди также садятся в середине. И этот корабль, таким образом приготовленный, они привязывают к хвосту лошади и заставляют плыть вперед, наравне с лошадью, человека, который бы управлял лошадью. Или иногда они берут два весла, ими гребут по воде и таким образом переправляются через реку, лошадей же гонят в воду, и один человек плывет рядом с лошадью, которою управляет, все же другие лошади следуют за той и таким образом переправляются через воды и большие реки. Другие же, более бедные, имеют кошель из кожи, крепко сшитый; всякий обязан иметь его. В этот кошель, или в этот мешок, они кладут платье и все свое имущество, очень крепко связывают этот мешок сверху, вешают на хвост коня и переправляются, как сказано выше.

III. Надо знать, что всякий раз, как они завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы; и если они видят, что не могут их победить, то отступают вспять к своим; и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду; и если их враги преследуют их до вышеупомянутой засады, они окружают их и таким образом ранят и убивают. Точно так же, если они видят, что против них имеется большое войско, они иногда отходят от него на один или два дня пути и тайно нападают на другую часть земли и разграбляют ее; при этом они убивают людей и разрушают и опустошают землю. А если они видят, что не могут сделать и этого, то отступают назад на десять или на двенадцать дней пути. Иногда также они пребывают в безопасном месте, пока войско их врагов не разделится, и тогда они приходят украдкой и опустошают всю землю. Ибо в войнах они весьма хитры, так как сражались с другими народами уже сорок лет и даже более.

IV. Когда же они желают приступить к сражению, то располагают все войска так, как они должны сражаться. Вожди или начальники войска не вступают в бой, но стоят вдали против войска врагов и имеют рядом с собой на конях отроков, а также женщин и лошадей. Иногда они делают изображения людей и помещают их на лошадей; это они делают для того, чтобы заставить думать о большем количестве воюющих. Пред лицом врагов они посылают отряд пленных и других народов, которые находятся между ними; может быть, с ними идут и какие-нибудь Татары.

Другие отряды более храбрых людей они посылают далеко справа и слева, чтобы их не видели их противники, и таким образом окружают противников и замыкают в середине; и таким образом они начинают сражаться со всех сторон. И, хотя их иногда мало, противники их, которые окружены, воображают, что их много. А в особенности бывает это тогда, когда они видят тех, которые находятся при вожде или начальнике войска, отроков, женщин, лошадей и изображения людей, как сказано выше, которых они считают за воителей, и вследствие этого приходят в страх и замешательство. А если случайно противники удачно сражаются, то Татары устраивают им дорогу для бегства, и как только те начнут бежать и отделяться друг от друга, они их преследуют и тогда, во время бегства, убивают больше, чем могут умертвить на войне.

Однако надо знать, что если можно обойтись иначе, они неохотно вступают в бой, но ранят и убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой.

§ IV. Об осаде укреплений

Укрепления они завоевывают следующим способом. Если встретится такая крепость, они окружают ее; мало того, иногда они так ограждают ее, что никто не может войти или выйти; при этом они весьма храбро сражаются орудиями и стрелами и ни на один день или на ночь не прекращают сражения, так что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же Татары отдыхают, так как они разделяют войска, и одно сменяет в бою другое, так что они не очень утомляются. И если они не могут овладеть укреплением таким способом, то бросают на него греческий огонь; мало того, они обычно берут иногда жир людей, которых убивают, и выливают его в растопленном виде на дома; и везде, где огонь попадает на этот жир, он горит, так сказать, неугасимо; все же его можно погасить, как говорят, налив вина или пива; если же он упадет на тело, то может быть погашен трением ладони руки. А если они не одолевают таким способом и этот город или крепость имеет реку, то они преграждают ее или делают другое русло и, если можно, потопляют это укрепление. Если же это сделать нельзя, то они делают подкоп под укрепление и под землю входят в него в оружии. А когда они уже вошли, то одна часть бросает огонь, чтобы сжечь его, а другая часть борется с людьми того укрепления. Если же и так они не могут победить его, то ставят против него свой лагерь или укрепление, чтобы не видеть тягости от вражеских копий, и стоят против него долгое время, если войско, которое с ними борется, случайно не получит подмоги и не удалит их силою.

§ V. О вероломстве Татар и о жестокости против пленных

Но когда они уже стоят против укрепления, то ласково говорят с его жителями и много обещают им с той целью, чтобы те предались в их руки; а если те сдадутся им, то говорят: «Выйдите, чтобы сосчитать вас согласно нашему обычаю». А когда те выйдут к ним, то Татары спрашивают, кто из них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топором; и если, как сказано, они щадят кого-нибудь иных, то людей благородных и почтенных не щадят никогда, а если случайно, в силу какого-нибудь обстоятельства, они сохраняют каких-нибудь знатных лиц, то те не могут более выйти из плена ни мольбами, ни за выкуп. Во время же войн они убивают всех, кого берут в плен, разве только пожелают сохранить кого-нибудь, чтобы иметь их в качестве рабов.

Назначенных на убиение они разделяют между сотниками, чтобы они умерщвляли их обоюдоострою секирою; те же после этого разделяют пленников и дают каждому рабу для умерщвления десять человек или больше, или меньше, сообразно с тем, как угодно начальствующим.

Глава седьмая

Как они заключают мир с людьми; о названиях земель, которые они покорили; о землях, которые оказали им сопротивление, и о жестокости, которую они проявляют к своим подданным

Описав, каким образом они воюют, надлежит сказать о землях, которые они подчинили своей власти. Об этом напишем мы таким образом: сперва скажем, как они заключают мир с людьми; во-вторых, о названиях земель, которые они себе подчинили; в-третьих, о землях, которые оказали им мужественное сопротивление; в-четвертых, о жестокости, которую они проявляют к своим подданным.

§ I. Как они заключают мир с людьми

I. Надо знать, что они не заключают мира ни с какими людьми, если те им не подчинятся, потому что, как сказано выше, они имеют приказ от Чингис-кана, чтобы, если можно, подчинить себе все народы. И вот чего Татары требуют от них: чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы они давали им десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества. Именно они отсчитывают десять отроков и берут одного и точно так же поступают и с девушками; они отвозят их в свою страну и держат в качестве рабов. Остальных они считают и распределяют согласно своему обычаю. А когда они получают полную власть над ними, то, если что и обещали им, не исполняют ничего, но пытаются повредить им всевозможными способами, какие только соответственно могут найти против них. Например, в бытность нашу в Руссии был прислан туда один Саррацин, как говорили, из партии Куйюк-кана и Бату, и этот наместник у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного, как нам говорили впоследствии; вместе с тем он уводил всех мужчин, не имевших жен, и точно так же поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным образом выселял он и бедных, которые снискивали себе пропитание нищенством. Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платил такую дань, именно чтобы он давал одну шкуру белого медведя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру некоего животного,

имеющего пристанище в той земле, название которого мы не умеем передать по-латыни, и по-немецки оно называется ильтис (iltis), поляки же и русские называют этого зверя дохорь (dochori), и одну черную лисью шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть отведен к Татарам и обращен в их раба.

II. Они посылают также за государями земель, чтобы те являлись к ним без замедления; а когда они придут туда, то не получают никакого должного почета, а считаются наряду с другими презренными личностями, и им надлежит подносить великие дары как вождям, так и их женам, и чиновникам, тысячникам и сотникам; мало того, все вообще, даже и сами рабы, просят у них даров с великою надоедливостью, и не только у них, а даже и у их послов, когда тех посылают к ним. Для некоторых также они находят случаи, чтобы их убить, как было сделано с Михаилом и с другими; иным же они позволяют вернуться, чтобы привлечь других; некоторых они губят также напитками или ядом. Ибо их замысел заключается в том, чтобы им одним господствовать на земле, поэтому они выискивают случаи против знатных лиц, чтобы убить их. У других же, которым они позволяют вернуться, они требуют их сыновей или братьев, которых больше никогда не отпускают, как было сделано с сыном Ярослава, неким вождем Аланов, и весьма многими другими. И если отец или брат умирает без наследника, то они никогда не отпускают сына или брата; мало того, они забирают себе всецело его государство, как, мы видели, было сделано с одним вождем Солангов.

III. Башафов (Baschathos), или наместников, своих они ставят в земле тех, кому позволяют вернуться; как вождям, так и другим подобает повиноваться их мановению, и если люди какого-нибудь города или земли не делают того, что они хотят, то эти башафы возражают им, что они неверны Татарам, и таким образом разрушают их город и землю, а людей, которые в ней находятся, убивают при помощи сильного отряда Татар, которые приходят без ведома жителей по приказу того правителя, которому повинуются упомянутая земля, и внезапно бросаются на них, как недавно случилось, еще в бытность нашу в земле Татар, с одним городом, который они сами поставили над Русскими в земле Команов. И не только государь Татар, захвативший землю, или наместник его, но и всякий Татарин, проезжающий через эту землю или город, является как бы владыкой над жителями, в особенности тот, кто считается у них более знатным. Сверх того, они требуют и забирают без всякого условия золото и серебро и другое, что угодно и сколько угодно.

IV. Сверх того, если у тех государей, которые им сдались, возникают какие-нибудь спорные случаи, то им надлежит отправляться для разбирательства к императору Татар, как случилось недавно с двумя сыновьями царя Георгиани. Именно один был законный, а другой, имя которого было Давид, родился от прелюбодеяния; законного же звали Мелик; сыну прелюбодейки отец оставил часть земли; другой же, который был моложе, поехал вместе с матерью к императору Татар ради того, чтобы вышеупомянутый Давид предвосхитил путь к нему; мать другого, то есть Мелика, именно царица Георгианская, по которой муж владел царством, так как то царство находилось во владении по женщинам, умерла в дороге. Они же, по прибытии, роздали огромные подарки, в особенности же законный сын, требовавший части земли, которую отец оставил сыну своему Давиду, так как этот последний, будучи сыном прелюбодейки, не должен был владеть ей. Тот же отвечал: «Пусть я сын наложницы, все же я прошу, чтобы мне оказана была справедливость по обычаю Татар, не делающих никакого различия между сыновьями законной супруги и рабыни». Отсюда приговор был произнесен против законного сына, чтобы он подчинился Давиду, который был старше, и чтобы он владел спокойно и мирно тою землею, которую дал ему отец, и таким образом младший сын потерял розданные им дары и проиграл дело, которое вел против брата своего Давида.

V. Они берут дань также с тех народов, которые находятся далеко от них и смежны с другими народами, которых до известной степени они боятся и которые им не подчинены, и поступают с ними, так сказать, участливо, чтобы те не привели на них войска, или также чтобы другие не страшились предаться им, как они поступили с обезами, или георгианами, от которых, как сказано, они получают в качестве дани пятьдесят или сорок тысяч иперперов, или бизанциев. Другим народам они дают еще пребывать в спокойствии; однако согласно тому, что мы от них узнали, намереваются завоевать их.

§ II. О названиях земель, которые они себе подчинили

Названия земель, которые они одолели, суть следующие: Китай, Найманы, Соланги, Кара-Китай, или черные Китай, Комана, Тумат, Войрат, Караниты, Гуйюр (Huyur), Су-Монгал, Меркиты, Мекриты, Саригуйюр, Баскарт, то есть великая Венгрия, Кергис, Касмир, Саррацины, Бисермины, Туркоманы, Билеры, то есть великая Булгария, Корола, Комуки, Буритабет, Паросситы, Кассы, Якобиты, Аланы, или Ассы, Обезы, или Георгианы, Несториане, Армены, Кангиты, Команы, Брутахи, которые суть Иудеи, Мордвы, Турки, Хозары, Самогеды, Персы (Perses), Тарки, малая Индия, или Эфиопия, Чиркасы, Руфены, Балдах, Сарты; есть и еще много земель, но имен их мы не знаем. Мы видели даже мужчин и женщин из вышеназванных стран.

§ III. О землях, которые оказали им мужественное сопротивление

Имена земель, оказавших им мужественное сопротивление и доселе еще не подчиненных им, суть следующие: великая Индия, Мангия, некая часть Аланов, некая часть Китаев, Саксы именно, как нам говорили там же, они осадили один город вышеназванных Саксов и пытались завоевать их, но те сделали машины против их машин и сломали все машины Татар, так что те из-за машин и *баллист* не могли приблизиться к городу для сражения; наконец они сделали дорогу под землею и вскочили в город; и одни пытались зажечь город, а другие сражались. Жители же города назначили одну часть населения для тушения огня, а другая часть храбро сразилась с теми, которые вошли в город, и многих из них убила, а других ранила, заставляя их вернуться к своим; а сами Татары, видя, что не могут ничего сделать и что многие из них умирают, удалились от них.

§ IV. О жестокости, которую они проявляют к своим подданным

В земле Саррацинов и других, в среде которых они являются как бы господами, они забирают всех лучших ремесленников и приставляют их ко всем своим делам. Другие же ремесленники платят им дань от своего занятия. Все посевы они убирают в житницы своих господ; однако те отпускают им семян, а также столько хлеба, сколько им вполне достаточно для продовольствия; другим же каждому они дают на день хлеба на вес, но очень немного, а также не уделяют им ничего другого, как небольшую порцию мяса трижды в неделю. И они делают это только для тех ремесленников, которые пребывают в городах. Сверх того, когда угодно господам, они забирают всех юношей с женами и сыновьями и заставляют итти сзади себя со всеми своими слугами. Впрочем, эти юноши принадлежат к числу Татар, а вернее сказать, к числу пленных, так как хотя они считаются в их среде, однако не пользуются таким уважением, как Татары, но приравниваются к рабам и посылаются на все опасности, как другие пленные. Ибо в войнах они идут первыми, а также если приходится перейти болото или опасную воду, то им надлежит сперва изведать брод. Им также нужно работать все, что надлежит делать. Точно так же, если они кого-нибудь оскорбят или не повинуются по мановению, то их бьют, как ослов. И, говоря кратко, они мало что едят, мало пьют и очень скверно одеваются, если только они не могут что-нибудь заработать в качестве золотых дел мастеров и других хороших ремесленников. Но некоторые имеют таких плохих господ, что те им ничего не отпускают, и у них нет времени от множества господских дел, чтобы заработать себе что-нибудь, если они не украдут для себя времени, когда, может быть, должны были бы отдыхать или спать, но это могут делать те, кому позволено иметь жен или собственную ставку. Другие же, которых держат дома в качестве рабов, достойны всякой жалости: мы видели, как они весьма часто ходят в меховых штанах, а прочее тело у них все нагое, несмотря на сильнейший солнечный зной, зимою же они испытывают сильнейший холод. Мы видели также, что иные от сильной стужи теряли пальцы на ногах и руках; слышали мы также, что другие умирали или также от сильной стужи все члены тела их становились, так сказать, непригодными.

Глава восьмая

Как надлежит встретить Татар на войне, что они замышляют, об оружии и устройстве войск, как надлежит встретить их хитрости в бою, об укреплении крепостей и городов и что надлежит делать с пленными

Сказав о землях, которые им повинуются, следует изложить, как надлежит встретить Татар на войне. Об этом, кажется, нам следует сказать таким образом: сперва следует написать о том, что они замышляют, во-вторых, об оружии и устройстве войск, в-третьих, как надлежит встретить их хитрости при столкновении, в-четвертых, об укреплении крепостей и городов, в-пятых, что надлежит делать с их пленными.

§ I. Что замышляют Татары

I. Замысел Татар состоит в том, чтобы покорить себе, если можно, весь мир, и об этом, как сказано выше, они имеют приказ Чингис-кана. Поэтому их император так пишет в своих грамотах: «Храбрость Бога, император всех людей»; и в надписании печати его стоит следующее: «Бог на небе и Куйюк-кан над землею храбрость Божия. Печать императора всех людей». И потому, как сказано, они не заключают мира ни с какими людьми, если только те случайно не предаются в их руки. И так как, за исключением Христианства, нет ни одной страны в мире, которой бы они ни владели, то поэтому они приготавливаются к бою против нас. Отсюда да знают все, что в бытность нашу в земле Татар мы присутствовали в торжественном заседании, которое было назначено уже за несколько лет пред сим, где они в нашем присутствии избрали в императоры, который на их языке именуется кан, Куйюка. Этот вышеуказанный Куйюк-кан поднял со всеми князьями знамя против Церкви Божией и Римской Империи, против всех царств христиан и против народов Запада, в случае, если бы они не исполнили того, что он приказывает Господину *Пане*, государям и всем народам христиан на Западе. Нам кажется, что этого отнюдь не следует исполнять как по причине чрезмерного и невыносимого рабства, которое доселе неслыханно, которое мы видели своими глазами и в которое они обращают все народы, им подчиненные, так и потому, что к ним нет никакой веры, и ни один народ не может доверять их словам, ибо они не соблюдают всего того, что обещают, когда видят, что обстоятельства им благоприятствуют, коварны во всех своих делах и обещаниях, замышляют даже, как сказано выше, уничтожить с земли всех государей, всех вельмож, всех воинов и благородных мужей и делают это по отношению к своим подданным коварно и искусно. Точно так же недостойно христиан подчиниться им вследствие мерзостей их и потому, что почитание Бога сводится у них ни к чему, души погибают, тела терпят разнообразные мучения больше, чем можно поверить; вначале, правда, они льстивы, а после жалят, как скорпионы, терзают и мучают. Затем они меньше числом и слабее телом, чем христианские народы.

II. А в вышеупомянутом собрании были назначены ратники и начальники войска. Со всякой земли их державы из десяти человек они посылают троих с их слугами. Одно войско, как нам говорили, должно вступить через Венгрию, другое через Польшу; придут же они с тем, чтобы сражаться непрерывно 18 лет. Им назначен срок похода: в прошлом марте месяце мы нашли войско, набранное у всех Татар, через область которых мы проезжали, у земли России; в три или четыре года они дойдут до Комании, из Комании же сделают набег на вышеуказанные земли. Однако мы не знаем, придут ли они сряду после третьей зимы или подождут еще до времени, чтобы иметь возможность лучше напасть неожиданно. Все это твердо и истинно, если Господь, по Своей Милости, не сделает им какого-либо препятствия, как Он сделал, когда они пришли в Венгрию и Польшу. Именно они должны были подвигаться вперед, воюя тридцать лет, но их император был тогда умерщвлен ядом, и вследствие этого они доныне

успокоились от битв. Но теперь, так как император избран сызнова, они начинают снова готовиться к бою. Еще надо знать, что Император собственными устами сказал, что желает послать свое войско в Ливонию и Пруссию.

III. И так как он замышляет разорить или обратить в рабство всю землю, а это рабство, так сказать, невыносимо для нашего народа, то надлежит, стало быть, как сказано выше, встретить его на войне. Но если одна область не захочет подать помощь другой, то та земля, против которой они сражаются, будет разорена, и вместе с теми людьми, которых они заберут в плен, они будут сражаться против другой земли, и эти пленники будут первыми в строю. Если они плохо будут сражаться, то будут ими убиты, а если хорошо, то Татары удерживают их посулами и льстивыми речами, а также, чтобы те не убежали от них, сулят им, что сделают их великими господами, а после того, как могут быть уверенными на их счет, что они не уйдут, обращают их в злосчастнейших рабов; точно так же поступают они с женщинами, которых желают держать в качестве рабынь и наложниц. И таким образом вместе с людьми побежденной области они разоряют другую землю. И нет, как нам кажется, ни одной области, которая могла бы сама по себе оказать им сопротивление, если только за ее жителей не пожелает сражаться Бог, потому что, как сказано выше, люди собираются на войну со всякой земли державы Татар. Отсюда, если христиане хотят сохранить себя самих, свою землю и христианство, то царям, князьям, *баронам* и правителям земель надлежит собраться воедино и с общего решения послать против них людей на бой, прежде чем они начнут распространяться по земле, так как, раз они начнут рассеиваться по земле, ни один не может соответственно подать помощь другому; ибо Татары толпами отыскивают повсюду людей и убивают, а если кто запретс в крепости, то они ставят вокруг крепости или города для осады их три или четыре тысячи людей и больше, а сами тем не менее рассеиваются по земле и убивают людей.

§ II. Об оружии и устройстве войск

I. Все же желающие сражаться с ними должны иметь следующее оружие: хорошие и крепкие луки, *баллисты*, которых они очень боятся, достаточное количество стрел, палицу (*dolabrum*) из хорошего железа или секиру с длинной ручкой (острия стрел для лука или *баллисты* должны, как у Татар, когда они горячие, закаляться в воде, смешанной с солью, чтобы они имели силу пронзить их оружие), также мечи и копья с крючком, чтобы иметь возможность стаскивать их с седла, так как они весьма легко падают с него, ножики и двойные латы, так как стрелы их нелегко пронзают их, шлем и другое оружие для защиты тела и коня от оружия и стрел их. А если некоторые не вооружены так хорошо, как мы сказали, то они должны идти сзади других, как делают Татары, и стрелять в них из луков или *баллист*. И не должно шадить денег на приготовление оружия, чтобы иметь возможность спасти душу, тело, свободу и все прочее.

II. Ряды надлежит подчинить, подобно Татарам, тысячникам, сотникам, десятникам и вождям войска. Эти вожди никоим образом не должны вступать в сражение, как не вступают и их вожди, но должны смотреть за войском и поддерживать порядок. Они должны также установить закон выступать на войну одновременно или иначе, смотря по тому, как они построены, и всякий, кто покинет другого, или идущего на войну, или сражающегося, как всякий, кто побежит, если не отступают все вместе, должен быть подвергнут тяжкому наказанию, так как тогда часть воюющих (Татар) преследует бегущих и убивает их стрелами, а часть сражается с теми, кто остается, и таким образом приводятся в замешательство и подвергаются избиению и остающиеся и бегущие. И равным образом всякий, кто обратится к собиранию добычи, раньше, чем войско противников будет окончательно побеждено, должен быть подвергнут самой тяжкой пене. Ибо у Татар такого человека убивают без всякого сострадания.

§ III. Как надлежит встретить их хитрости при столкновении

I. Если возможно, то место для сражения должно выбрать такое, где простирается гладкая равнина и Татар можно отовсюду видеть; если можно, то с тыла или с боку надлежит иметь большой лес, но так, чтобы Татары не могли проникнуть между войском и лесом. И не должно всем зараз собираться воедино, но следует устроить много отрядов, разделенных взаимно, однако не очень отстоящих друг от друга; против тех, кто идет сперва, надлежит послать один отряд, чтобы он вышел им навстречу; если же Татары устроят притворное бегство, то не надо идти далеко сзади их, если случайно нельзя осмотреться возможно дальше, чтобы враги не увлекли случайно в уготованную засаду, как они обычно делают, и другой отряд должен быть готов, чтобы помочь на случай нужды тому отряду. Сверх того, надо иметь со всех сторон лазутчиков, чтобы увидеть, когда придут другие отряды Татар, сзади, справа или слева, и всегда должно отправлять им навстречу отряд против отряда; ибо они всегда стараются замкнуть своих неприятелей в середине; отсюда должно сильно остерегаться, чтобы они не имели возможности сделать это, потому что в таком случае войско легче всего терпит поражение. Отряды же должны остерегаться того, чтобы не бежать за ними далеко по причине засад, которые они обычно устраивают, ибо они более борются коварством, чем храбростью.

II. Вожди войска должны быть всегда готовы, если нужно, посылать помощь тем, кто находится в бою, и вследствие этого должно также избегать очень гнаться за ними, чтобы случайно не утомить лошадей, так как у наших нет изобилия в лошадях, а Татары на ту лошадь, на которой ездят один день, не садятся после того три или четыре дня; отсюда вследствие имеющегося у них изобилия в лошадях они не заботятся о том, не утомились ли их лошади. И если Татары отступают, то наши все же не должны отходить или разделяться взаимно, так как они делают это притворно, чтобы разделить войска и после того вступить свободно в землю и разорить ее всю. Должно также остерегаться от излишней, как это в обычае, траты съестных припасов, чтобы из-за недостатка в них не быть вынужденными вернуться и открыть Татарам дорогу перебить войско и других, разорить всю землю и подвергнуть, от их распространения, хулению имя Божие. Но это должно делать старательно, чтобы, если каким-нибудь ратникам выпадет на долю отступить, другие заняли их место.

III. Наши вожди должны также заставлять охранять войско днем и ночью, чтобы Татары не ринулись на них внезапно и неожиданно, потому что они, как демоны, измышляют много злокозненностей и способов вредить; мало

того, должны быть всегда готовыми как днем, так и ночью, не должно ложиться раздетыми и с прохладой сидеть за столом, чтобы нельзя было застать нас неприготовленными, так как Татары всегда бодрствуют, чтобы высмотреть, каким образом они могут причинить вред. Жители же страны, ожидающие Татар или боящиеся, что они придут на них, должны иметь сокрытые ямы, куда должны отложить посева, равно как и другое, по двум причинам, именно: чтобы Татары не могли овладеть этим и чтобы, если Бог окажется к ним милостивым, получить возможность обрести это впоследствии, когда Татары побегут из их земли. Сено и солому надлежит сжечь или крепко спрятать, чтобы татарские лошади, тем менее, находили себе пищи для еды.

§ IV. Об укреплении крепостей и городов

При желании же укрепить города и крепости прежде надлежит рассмотреть, каково их местоположение. Именно местоположение крепостей должно быть таково, чтобы их нельзя было завоевать орудиями и стрелами, чтобы у них было достаточно воды и дров, чтобы нельзя было, насколько возможно, пресечь к ним вход и выход и чтобы было достаточное количество лиц, могущих сражаться попеременно. И должно тщательно смотреть за тем, чтобы Татары не могли взять крепости какою-нибудь хитростью. Должно иметь запас продовольствия, достаточный на много лет; следует все же тщательно сохранять съестные припасы и изводить их в определенных размерах, так как неизвестно, сколько времени придется быть заключенными в крепости. Именно когда они начинают осаждать какую-нибудь крепость, то осаждают ее много лет, как это происходит и в нынешний день с одной горой в земле Аланов. Как мы полагаем, они осаждали ее уже двенадцать лет, причем те оказали им мужественное сопротивление и убили многих Татар и притом вельмож. Другие же крепости и города, не имеющие подобного положения, надлежит сильно укрепить глубокими и обнесенными стенами рвами и хорошо устроенными стенами; и надлежит иметь достаточное количество луков и стрел, камней и пращей. И должно тщательно остерегаться, чтобы не позволять Татарам выставлять свои машины, но отражать их своими машинами; и если случайно, при помощи какой-нибудь выдумки или какой-нибудь хитрости, Татары воздвигнут свои машины, то надо, если возможно, разрушать их своими машинами; должно также оказывать сопротивление при помощи *баллист*, пращей и орудий, чтобы они не приближались к городу. Должно также быть готовыми и в других отношениях, как сказано выше. Должно также тщательно смотреть за крепостями и городами, расположенными при реках, чтобы их нельзя было потопить. А еще надо знать, что Татары больше любят, чтобы люди запирались в городах и крепостях, чем чтобы сражались с ними на поле. Именно они говорят, что это их поросята, запертые в хлеву, отчего и приставляют к ним стражей, как сказано выше.

§ V. Что надлежит сделать с пленными

Если же какие-нибудь Татары будут на войне сброшены со своих лошадей, то их тотчас следует брать в плен, потому что, будучи на земле, они сильно стреляют, ранят и убивают лошадей и людей. И, если их сохранить, они могут оказаться такими, что из-за них можно получить, так сказать, вечный мир и взять за них большие деньги, так как они очень любят друг друга. А как распознать Татар, сказано выше, именно там, где было изложено об их внешности; однако когда их берут в плен и если их должно сохранить, то надо приставить бдительный *караул*, чтобы они не убежали. Вместе с ними бывает также много других народов, которых можно отличить от них благодаря указанной выше внешности. Надо также знать, что вместе с ними в войске есть много таких, которые, если улучат удобное время и получают уверенность, что наши не убьют их, будут сражаться с ними, как сами сказали нам, изо всех частей войска, и причинят им больше зла, чем другие, являющиеся их сильными неприятелями.

Все это, написанное выше, мы сочли нужным привести только, как лично видевшие это, и не для того, чтобы учить лиц сведущих, которые, служа в боевом войске, знают военные хитрости. Именно, мы уверены, что те, кто опытен и сведущ в этом, придумают и сделают много лучшего и более полезного; однако они получат возможность благодаря вышесказанному иметь случай и содержание для размышления. Ибо сказано в Писании: «Слыша, мудрец будет мудрее, и разумный будет обладать кормилами».

[...]

Глава последняя

О тех областях, через которые мы проехали, и об их положении, о дворе императора Татар и его князей и о свидетелях, которые нас там нашли

§ I. О пути, который мы совершили, и о положении земель, через которые проехали

[...]

II. [...] В это время, по споспешествующей нам милости божией, туда прибыл Господин Василько, князь Руссии, от которого мы полнее узнали о настроении Татар. Именно он посылал туда своих послов, которые вернулись к нему и брату его, Даниилу, с охранной грамотой для проезда к Бату для господина Даниила. Василько сказал нам, что если мы захотим поехать к ним, то нам следует иметь великие дары для раздачи им, так как они требовали их с большою надоедливостью, а если их не давали, то, что вполне правдиво, посол не мог соответственно исполнить своих дел; мало того, он, так сказать, не ценится ни во что. Мы же, не желая, чтобы дело Господина *Папы* и церкви встречало вследствие этого затруднение, приказали купить на то, что нам было дано как милостыня и для поддержания жизни, несколько шкур бобров, а также иных различных животных. Князь Конрад и княгиня Краковская, некие воины и *епископ* Краковский, узнав это, подарили нам также еще больше этих шкур. Также князь Конрад, сын его и Краковский *епископ* очень усердно просили вышеупомянутого Василько, чтобы он помог нам, насколько мог, в переезде к Татарам; он ответил им, что охотно это сделает.

III. Отсюда он повез нас в свою землю. И так как он задержал нас на несколько дней на своем иждивении, чтобы мы несколько отдохнули, и, по нашей просьбе, приказал явиться к нам своим *епископам*, то мы прочли им грамоту Господина *Паны*, в которой тот увещевал их, что они должны вернуться к единству святой матери церкви; мы также увещевали их и даже склоняли к тому же самому, насколько могли, как князя, так *епископов* и всех других, которые собрались. Но, так как в то время, когда вышеупомянутый князь поехал в Польшу, его брат, князь Даниил, поехал к Бату, и его не было налицо, то они не могли дать решительный ответ, и нам для окончательного ответа надлежало ждать возвращения Даниила.

IV. После этого вышеназванный князь послал с нами до Киева одного служителя. Тем не менее все же мы ехали постоянно в смертельной опасности из-за Литовцев, которые часто и тайно, насколько могли, делали набеги на землю России и особенно в тех местах, через которые мы должны были проезжать; и так как большая часть людей России была перебита Татарами или отведена в плен, то они поэтому отнюдь не могли оказать им сильное сопротивление, а со стороны самих Русских мы были в безопасности благодаря вышеназванному служителю. Отсюда, по споспешествующей милости божией и избавившись от врагов креста Христова, мы прибыли в Киев, который служит столицей России; прибыв туда, мы имели совещание о нашем путешествии с тысячником и другими знатными лицами, бывшими там же. Они нам ответили, что если мы поведем в Татарию тех лошадей, которые у нас были, то они все могут умереть, так как лежали глубокие снега, и они не умели добывать копытами траву под снегом, подобно лошадям Татар, а найти им для еды что-нибудь другое нельзя, потому что у Татар нет ни соломы, ни сена, ни корму. Поэтому мы после совещания решили оставить их там с двумя слугами, которые должны были охранять их. Вследствие этого нам надлежало дать подарки тысячнику, чтобы заслужить его милость для получения себе подвод и провожатых. Прежде чем попасть в Киев, мы смертельно заболели в Данилове; тем не менее все же мы приказали, несмотря на сильную стужу, везти себя на повозке по снегу, чтобы дело христианства не могло испытать препятствия.

V. Итак, устроив все эти дела в Киеве, на второй день после праздника Очищения Нашей Владычицы, мы на лошадях тысячника и с провожатыми поспешно направились из Киева к иным варварским народам. Мы прибыли к некоему селению по имени Канов, которое было под непосредственной властью Татар. Начальник же селения дал нам лошадей и провожатых до другого селения, начальником коего был алан по имени Михей, человек, преисполненный всякой злобы и коварства. Именно он сам послал против нас в Киев некоторых своих телохранителей, дабы ложно сообщить нам от имени Коренцы, чтобы мы считались послами и чтобы явились к нему. И хотя это неправда, он делал это для того, чтобы иметь возможность извлечь от нас дары. Когда же мы добрались до него, он выказал себя очень недоступным к нам и никоим образом не хотел нас провожать, если мы не посулим ему подарков; мы же, видя, что иначе не можем подвинуться далее, посулили дать ему несколько подарков, и, хотя мы давали ему то, что нам казалось соответственным, он не хотел брать, если мы не дадим ему большего. В силу этого нам пришлось прибавить согласно с его желанием, а кое-что он утащил у нас коварно, воровски и злобно.

VI. После этого мы выехали вместе с ним в понедельник Четырнадцатницы, и он проводил нас до первой заставы Татар. И когда в первую пятницу после дня Пепла мы стали останавливаться на ночлег при закате солнца, на нас ужасным образом ринулись вооруженные Татары, спрашивая, что мы за люди. А когда мы ответили, что мы послы Господина *Паны*, то они тотчас удалились, получив от нас кое-что из съестного. С наступлением утра, когда мы встали и подвинулись несколько вперед, нам выехали навстречу их старейшины, бывшие на заставе, спрашивая, зачем мы едем к ним и какое имеем поручение. Мы ответили им, что мы послы Господина *Паны*, который является господином и отцом христиан. Он посылает нас как к царю, так к князьям и ко всем Татарам потому, что ему угодно, чтобы все христиане были друзьями Татар и имели мир с ними; сверх того, он желает, чтобы Татары были велики на небе перед Господом. Поэтому Господин *Пана* увещевает их как через нас, так и своей грамотой, чтобы они стали христианами и приняли веру Господа нашего Иисуса Христа, потому что иначе они не могут спастись. Кроме того, он поручает передать им, что удивляется такому огромному избиению людей, произведенному Татарами, и главным образом христиан, а преимущественно Венгров, Моравов и Поляков, которые подвластны ему, хотя те их ничем не обидели и не пытались обидеть. И так как Господь Бог тяжело разгневался на это, то Господин *Пана* увещевает их остерегаться от этого впредь и покаяться в совершенном. Еще мы сказали, что Господин *Пана* просил, чтобы они отписали ему, что хотят делать вперед, и каково их намерение и чтобы о своем вышесказанном они ответили ему своей грамотой. Выслушав причины и поняв указанное выше, они сказали, что, касательно этих речей, хотят дать нам подвод и провожатых к Коренце и тотчас попросили даров, что мы и исполнили, ибо нам приходилось принуждение обращаться в желание.

VII. Итак, дав подарки и получив для подвод лошадей, с которых слезли они сами, мы поспешили с их провожатыми отправить к Коренце. Сами они, однако, предварительно послали к вышеназванному вождю вестника на быстром коне, чтобы передать ему те слова, которые мы им сказали. А этот вождь является господином всех, которые поставлены на заставе против всех народов Запада, чтобы те случайно не ринулись на них неожиданно и врасплох; как мы слышали, этот вождь имеет под своею властью шестьдесят тысяч вооруженных людей. Когда же мы добрались до него, он приказал нам поставить ставки вдали от него и послал к нам своих рабов-управителей спросить у нас, чем мы ему хотим поклониться, то есть какие хотим дать подарки. Мы ответили, что Господин *Пана* не послал никаких даров, так как не был уверен, что мы можем добраться до Татар. Сверх того, мы ехали по очень опасным местам из-за страха пред Литовцами, которые часто рыщут по дорогам от Польши до земли Татар и через страну которых мы проехали; но все же мы почтим его, как сможем, из того, что у нас есть по милости Божией и Господина нашего *Паны*. И хотя мы дали ему очень много, но ему этого показалось недостаточно, и через третьих лиц он попросил больше, обещая, что, если мы исполним его просьбу, он прикажет проводить нас с почетом; нам надлежало

согласиться на это, раз мы хотели остаться в живых и привести к надлежащему осуществлению приказ Господина *Паны*.

VIII. Взяв дары, они повели нас к *орде*, или палатке его, и научили нас, чтобы мы трижды преклонили левое колено пред входом в ставку и бережно остереглись ступить ногой на порог входной двери. Мы тщательно исполнили это, так как смертный приговор грозит тем, кто с умыслом попирает порог ставки какого-нибудь вождя. Когда мы вошли, нам надлежало, в присутствии вождя и всех других старейшин, которые были нарочно для того приглашены, сказать, преклонив колена, то, что мы сказали выше. Мы поднесли ему также грамоту Господина *Паны*; но так как наш толмач, которого мы за плату взяли из Киева, не был в состоянии удовлетворительно истолковать смысл грамоты, а другого пригодного толмача не было, то поэтому они не могли уразуметь ее содержание. После этого нам дали лошадей и трех Татар, которые были десятниками, а один человек Бату, чтобы отвезти нас с возможною поспешностью к вышеназванному вождю. А этот Бату наиболее могуществен по сравнению со всеми князьями Татар, за исключением императора, которому он обязан повиноваться.

IX. В понедельник же после первого воскресенья Четырдесятницы мы поспешно отправились в путь к нему, и, проезжая столько, сколько лошади могли пройти вскачь, так как обыкновенно у нас бывали свежие лошади три или четыре раза всякий день, мы ехали с утра до ночи, а, кроме того, весьма часто и ночью, но не могли добраться до него ранее среды Страстной Недели. Ехали же мы через всю страну Команов, представляющую собой сплошную равнину и имеющую четыре большие реки: первую — Днепр (Нерег), возле которой, со стороны России, кочевал Коренца, а с другой стороны по тамошним степям кочевал Мауци, который выше Коренцы; вторую — Дон, у которой кочует некий князь по имени Картан, женатый на сестре Бату; третью — Волгу, эта река очень велика, у нее переходит с места на место Бату, четвертая называется Яик (Яес), у нее переходят с места на место два тысячника, один с одной стороны реки, другой с другой стороны. Все они зимою спускаются к морю, а летом по берегу этих самых рек поднимаются на горы. Море же это есть Великое Море, из которого выходит рукав Св.Георгия, текущий в Константинополь. На Днепре же мы в течение многих дней ехали по льду. Эти реки велики и преисполнены рыбами, а особенно Волга; эти реки впадают в море Греции, именуемое Великим Морем. По берегам этого моря мы в очень многих местах с большой опасностью в течение многих дней проезжали по льду, ибо оно хорошо замерзает на три левки от берега. Но, прежде чем нам попасть к Бату, двое из наших Татар поехали вперед, чтобы передать ему все слова, которые мы сказали у Коренцы.

X. Когда же мы стали добираться до Бату, то нас с удобством поместили в пределах земли Команов на одну левку расстояния от его ставок. Когда же нас должны были отвести к его двору, то нам было сказано, что мы должны пройти между двух огней, чего нам не хотелось делать в силу некоторых соображений. Но нам сказали: «Идите спокойно, так как мы заставляем вас пройти между двух огней не по какой другой причине, а только ради того, чтобы, если вы умышляете какое-нибудь зло против нашего господина или если случайно приносите яд, огонь унес все зло». Мы ответили им: «Мы пройдем ради того, чтобы не подать на этот счет повода к подозрению». И когда мы добрались до *орды*, то его управляющий, по имени Елдегай, спросил нас, чем мы желаем поклониться, то есть какие дары желаем дать ему. Мы ответили ему так, как раньше сказали Коренце, а именно, что Господин *Пана* не посылал даров, а мы желаем почтить его как можем, из того, что по милости божьей и Господина *Паны* имели на продовольствие. По вручении и принятии подарков управляющий Бату, по имени Елдегай, спросил у нас о причине нашего прибытия. Мы высказали ему те же самые причины, которые раньше сказали Коренце.

XI. Выслушав причины, нас ввели в ставку, после предварительного преклонения и выслушания напоминания о пороге, как о том сказано выше. Войдя же, мы произнесли свою речь, преклонив колена; произнеся речь, мы поднесли грамоту и просили дать нам толмачей, могущих перевести ее. Их дали нам в день Великой Пятницы, и мы вместе с ними тщательно переложили грамоту на письмена русские и сарацинские и на письмена Татар; этот перевод был представлен Бату, и он читал и внимательно отметил его. Наконец нас отвели обратно к нашей ставке, но нам не дали никакой пищи, кроме как один раз, в первую ночь по приезде в чашке немного пшена.

XII. А этот Бату живет с полным великолепием, имея привратников и всех чиновников, как и император их. Он также сидит на более возвышенном месте, как на троне, с одною из своих жен; другие же, как братья и сыновья, так и иные младшие, сидят ниже посредине на скамейке, прочие же люди сзади их на земле, причем мужчины сидят направо, женщины налево. Шатры у него большие и очень красивые, из льняной ткани, раньше принадлежали они *королю* Венгерскому. Никакой посторонний человек не смеет подойти к его палатке, кроме его семейства, иначе как по приглашению, как бы он ни был велик и могуществен, если не станет случайно известным, что на то есть воля самого Бату. Мы же, высказав свое дело, сели слева, так именно поступают все послы при езде туда; а при возвращении от императора нас всегда сажали справа. На середине, вблизи входа в ставку, ставят стол, на котором ставится питье в золотых и серебряных сосудах, и ни Бату, ни один Татарский князь не пьют никогда, если пред ними не поют или не играют на гитаре. И когда он едет, то над головой его несут всегда щит от солнца или шатерчик на копье, и так поступают все более важные князья Татар и даже жены их. Вышеупомянутый Бату очень милостив к своим людям, а все же внушает им сильный страх; в бою он весьма жесток; он очень проныцателен и даже весьма хитер на войне, так как сражался уже долгое время.

XIII. В день же Великой Субботы нас позвали к ставке, и к нам вышел раньше упомянутый управляющий Бату, сообщая от его имени, чтобы мы поехали к императору Куйюку, в их собственную землю, оставив некоторых из наших в той надежде, что их отошлют обратно к Господину *Пане*. Мы дали им для вручения ему грамоту о всех наших деяниях, но, когда они вернулись к Мауци, их там удержали до нашего возвращения. Мы же в день Воскресения Господня, отслужив обедню и совершив кое-какую трапезу, удалились вместе с двумя Татарами,

которые были приставлены к нам у Коренцы, с горькими слезами, не зная, едем ли мы на смерть или жизнь. Мы были, однако, так слабы, что с трудом могли ехать: в течение всей той Четырнадцатницы — равно как и в другие постные дни — пищей нашей служило только пшено с водою и солью, и у нас не было что пить, кроме снега, растаявшего в котле.

XIV. С севера же к Комании, непосредственно за Руссией, Мордвинами и Билерами, то есть великой Булгарией, прилегают Баскарты, то есть великая Венгрия; за Баскартами — Паросситы и Самогеды, за Самогедами те, кто, как говорят, имеет собачье лицо, на берегах Океана в пустынях. С юга же к Комании прилегают Аланы, Чиркассы, Хазары (Gazaros), Греция и Константинополь, также земля Иберов, Кахи, Брутахии, которые слывут иудеями — они бреют голову, — также земля Цикков, Георгианов и Арменов и земля Турков. А с запада прилегают Венгрия и Руссия. И вышеупомянутая земля очень велика и длинна. Мы проехали через нее наивозможно быстро, так как всякий день, по пяти или семи раз на дню, у нас бывали свежие лошади, за исключением того времени, когда мы ехали по пустыням, как сказано выше, и тогда мы получали лошадей лучших и более крепких, могущих выдержать непрерывный труд, именно с начала Четырнадцатницы и кончая неделей после Пасхи. Этих Команов перебили Татары. Некоторые даже убежали от их лица, а другие обращены ими в рабство; однако весьма многие из бежавших возвращаются к ним.

XV. После этого мы въехали в землю Кангитов, в которой в очень многих местах ощущается сильная скудость в воде, даже и население ее немногочисленно из-за недостатка в воде. Поэтому люди князя Русского, Ярослава, ехавшие к нему, в татарскую землю, в большом количестве умерли в этой пустыне. В этой земле, а также в Комании, мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащие на земле подобно навозу; через эту землю мы ехали, начиная с восьмого дня после Пасхи и почти до Вознесения Господа Нашего. Эти люди были язычники, и как Команы, так и Кангиты не обрабатывали земли, а питались только скотом; они не строили также домов, а помещались в шатрах. Их также истребили Татары и живут в их земле, а те, кто остался, обращены ими в рабов.

XVI. Из земли Кангитов въехали в землю Биссерминов. Эти люди говорили и доселе еще говорят команским языком, а закона держатся Сарацинского. В этой земле мы нашли бесчисленные истребленные города, разрушенные крепости и много опустошенных селений. В этой земле есть одна большая река, имя которой нам неизвестно; на ней стоит некий город, именуемый Янкинт (Janckint), другой по имени Бархин и третий, именуемый Орнас, и очень много иных, имена которых нам неизвестны. У этой земли был владыка, которого звали Алтисолданус; он был умерщвлен Татарами вместе со всем своим потомством; собственное имя его нам неизвестно. А в земле этой существуют величайшие горы; с юга же прилегают к ней Иерусалим, Балдах и вся земля Саррацинов; по близости их границ живут два вождя — родные братья Бурин и Кадан; с севера же прилегает к ней часть земли черных Китаев и Океан. Там пребывает Сыбан, брат Бату. Через эту землю мы ехали от праздника Вознесения и кончая почти неделей до праздника блаженного Иоанна Крестителя.

XVII. Затем мы въехали в землю черных Китаев, в которой Татары построили сызнова только один город, по имени Омыл. Император построил здесь дом, в который мы приглашены были выпить, и тот, кто был там со стороны императора, заставил плясать пред нами старейшин города, а также двух своих сыновей. Выехав оттуда, мы нашли некое море, не очень большое, имя которого, так как мы не спросили о нем, нам неизвестно. На берегу же этого моря существует некая небольшая гора, в которой, как говорят, имеется некоторое отверстие, откуда зимою выходят столь сильные бури с ветрами, что люди едва и с большою опасностью могут проходить мимо. Летом же там слышен всегда шум ветров, но, как передавали нам жители, он выходит из отверстия слегка. По берегам этого моря мы ехали довольно много дней; это море имеет довольно много островков, и мы оставили его с левой стороны. Земля же изобилует многими реками, но небольшими; на берегах рек с той и другой стороны стоят леса, но необширные. В этой земле живет Орду, старший над Бату; мало того, он древнее всех князей татарских; там имеется также *орда*, или двор, его отца, в котором живет управляющая им одна из его жен. Ибо у Татар существует такой обычай, что дворов князей и вельмож они не разрушают, а всегда назначают для управления ими каких-нибудь женщин и им отдают часть подарков, как обычно давали их владыкам. После этого мы приехали к первой *орде* императора, в которой была одна из его жен; и так как мы еще не видали императора, то они не захотели нас пригласить и допустить к его *орде*, но устроили нам в нашем шатре очень хорошее, по обычаю Татар, угощение и удержали нас там на один день, чтобы дать нам возможность отдохнуть.

XVIII. Выехав отсюда в канун дня, посвященного блаженному Петру, мы попали в землю Найманов; они язычники. В день же *апостолов* Петра и Павла там выпал глубокий снег, и мы ощутили сильнейший холод. Эта земля чрезмерно гориста и холодна, а ровных мест там немного. (И эти два народа не занимались земледелием, но, подобно Татарам, жили в шатрах; Татары также их уничтожили.) Через эту страну мы ехали много дней.

XIX. Затем мы въехали в страну Монгалов, именуемых нами Татарами. Как мы полагаем, мы ехали через эту землю три недели быстрого пути, а в день блаженной Марии Магдалины приехали к Куйюку, нынешнему императору. По всей этой дороге мы продвигались с великой поспешностью, потому что нашим Татарам было приказано быстро отвезти нас на торжественное заседание, назначенное уже несколько лет тому назад для избрания императора, чтобы мы имели возможность при сем присутствовать. Поэтому мы вставали рано утром и ехали до ночи без еды; и очень часто приезжали так поздно, что не ели и ночью, а то, что мы должны были есть вечером, нам давалось ранним утром, и мы ехали, как только могли скакать лошади. Ибо лошадей отнюдь не щадили, так как очень часто днем мы видели свежих лошадей, и, как сказано выше, те, которые валились, возвращались обратно. И таким образом мы ехали быстро без всякого перерыва.

§ II. Об устройстве двора императора и его князей

I. Когда же мы приехали к Куйюку, то он велел дать нам шатер и продовольствие, какое обычно дают Татары; все же у нас было оно получше, чем они делали это для других послов. К нему самому, однако, нас не позвали, так как он еще не был избран и не допускал к себе по делам правления. Все же вышеназванный Бату вручил ему перевод грамоты Господина Папы и содержание других речей, произнесенных нами. И, когда мы простояли там пять или шесть дней, он отослал нас к своей матери, где собиралось торжественное заседание. И, когда мы прибыли туда, уже был воздвигнут большой шатер, приготовленный из белого пурпура; по нашему мнению, он был так велик, что в нем могло поместиться более двух тысяч человек, а кругом была сделана деревянная ограда (tabulatum), которая была зарисована разными изображениями.

II. На второй или на третий день мы поехали туда с Татарами, назначенными нам для охраны, и там собрались все вожди. Каждый из них разъезжал со своими людьми кругом по холмам и по равнине. В первый день все одеты были в белый пурпур, на второй — в красный, и тогда к упомянутому шатру прибыл Куйюк; на третий день все были в голубом пурпуре, а на четвертый в самых лучших балдакинах. А у упомянутой ограды возле шатра было двое больших ворот: через одни должен был входить один только император, а при них не было никакой охраны, хотя они были открыты, так как через них никто не смел входить или выходить; через другие вступали все, кто мог быть допущен, и при этих воротах стояли сторожа с мечами, луками и стрелами. И если кто-нибудь подходил к шатру за назначенные границы, то его подвергали бичеванию, если хватали; если же он бежал, то в него пускали стрелу без железного наконечника. Лошади, как мы думаем, находились на расстоянии двух полетов стрелы. Вожди шли отовсюду вооруженные с очень многими из своих людей, но никто, кроме вождей, не мог подойти к лошадям; мало того, те, кто пытался гулять между [ними], подвергались тяжким побоям. И было много таких, которые на уздечках, нагрудниках, седлах и подседельниках имели золота приблизительно, по нашему расчету, на двадцать *марок*. И таким образом, вожди говорили внутри шатра и, как мы полагаем, рассуждали об избрании. Весь же другой народ был далеко вне вышеупомянутой ограды. И таким образом они пребывали почти до полудня, а затем начали пить кобылье молоко и до вечера выпили столько, что было удивительно смотреть.

III. Нас же позвали внутрь и дали нам пива, так как мы вовсе не пили кобылье молоко, и этим они оказали нам великий почет; но все же они принуждали нас пить, чего мы с непривычки никоим образом не могли выдержать. Поэтому мы указали им, что нас это тяготило, и тогда они перестали нас принуждать. Снаружи ограды был Русский князь Ярослав из Суздаля и несколько вождей Китаев и Солангов, также два сына царя Грузии, также посол *калифа* Балдахского, который был *султаном*, и более десяти других *султанов* Саррацинов, как мы полагаем и как нам говорили управляющие. Там было более четырех тысяч послов в числе тех, кто приносил дань, и тех, кто шел с дарами *султанов*, других вождей, которые являлись покориться им, тех, за которыми они послали, и тех, кто были наместниками земель. Всех их вместе поставили за оградой и им подавали пить вместе; нам же и князю Ярославу они всегда давали высшее место, когда мы были с ними вне ограды. Если мы хорошо помним, то думаем, что пребывали там в довольстве четыре недели, и мы полагаем, что там справляли избрание, но там его не обнародовали. И об этом можно было догадываться главным образом потому, что всякий раз, как Куйюк выходил там из шатра, то, пока он пребывал вне ограды, пред ним всегда пели, а также наклоняли какие-то красивые прутья, имевшие вверху багряную шерсть. Этого не делали ни перед каким другим вождем. А ставка эта, или двор, именуется ими Сыра-Орда.

IV. Отправившись отсюда, мы все вместе поехали на другое место, за три или четыре левки. Там на одной прекрасной равнине, возле некоего ручья между горами, был приготовлен другой шатер, называемый у них Золотой Ордой. Там Куйюк должен был воссесть на престол в день Успения нашей Владычицы, но из-за выпавшего града, о котором было сказано выше, это было отложено. Шатер же этот был поставлен на столбах, покрытых золотыми листьями и прибитых к дереву золотыми гвоздями, и сверху и внутри стен он был крыт балдакином, а снаружи были другие ткани. Там пробывали мы до праздника блаженного Варфоломея, в который собралась большая толпа и стояла с лицами, обращенными к югу. Были некоторые, которые находились от других на расстоянии полета камня, и продвигались все дальше и дальше, творя молитвы и преклоняя колена к югу. Мы же не желали делать коленопреклонения, не зная, творят ли они заклинания или преклоняют колена перед Богом или кем другим. Это они делали долго, после чего вернулись к шатру и посадили Куйюка на императорском престоле, и вожди преклонили пред ним колена. После этого то же сделал весь народ, за исключением нас, которые не были им подчинены.

Затем они стали пить и, как это у них в обычае, пили непрерывно вплоть до вечера. После этого прибыло на повозках вареное мясо, без соли, и они давали один кусок на четверых или на пятерых. В шатре же подавали мясо и хлебку с солью вместо соуса, и так было всякий день, когда они устраивали пиршества.

V. Тут позвали нас пред лицо императора; и когда первый секретарь, Хингай, записал имена наши и тех, от кого мы были посланы, а также вождя Солангов и иных, он прокричал громким голосом, читая их перед императором и всеми вождями. После этого каждый из нас четыре раза преклонил левое колено, и они внушили нам не касаться внизу порога. Когда они тщательно обыскали нас касательно ножей и ничего не нашли, мы вошли в дверь с восточной стороны, так как с запада не смеет входить никто, кроме одного только императора. Так же поступает и каждый вождь в своем шатре; менее же важные лица не очень заботятся об этом. И это было в первый раз, что, после того как он стал императором, мы в его присутствии вошли в его ставку; он принимал там послов, но в шатер его входили весьма немногие. Там также послы принесли столь великие дары в шелках, бархатах, пурпурах, балдакинах, шелковых поясах, шитых золотом, благородных мехах и других приношениях, что было удивительно взглянуть. Был ему также поднесен там некий щиток от солнца или шатерчик, который носят над головою императора; он был весь убран жемчугами. Там также некий начальник одной области привел ему много верблюдов с попонами из балдакина, и на них положены были седла с какими-то снарядами, внутри которых могли сидеть люди, и, как мы думаем, верблюдов

было сорок или пятьдесят, а также много коней и мулов, прикрытых бляхами или вооруженных, причем у некоторых бляхи были из кожи, а у некоторых из железа. И нас также спросили, желаем ли мы дать дары; но мы уже почти все потратили, почему у нас ничего не было, что ему дать. Там же, на горе, вдали от ставок, было расставлено более чем 500 повозок, которые все были полны золотом, серебром и шелковыми платьями. Все они были разделены между императором и вождями; и отдельные вожди распределили свои части между своими людьми, однако так, как им было угодно.

VI. Удалившись оттуда, мы прибыли к другому месту, где был раскинут изумительный шатер, весь из пламенно-красного пурпура, который подарили Китаю. Туда нас ввели также внутрь. И всегда, когда мы входили, нам давали пить пиво или вино, предлагали также вареного мяса, если мы желали получить его. Был также воздвигнут высокий помост из досок, где был поставлен трон императора. Трон же был из слоновой кости, изумительно вырезанный; было там также золото, дорогие камни, если мы хорошо помним, и перлы; и на трон, который сзади был круглым, взбирались по ступеням. Кругом этого седалища были также поставлены лавки, где госпожи сидели на скамейках с левой стороны, справа же никто выше не сидел, а вожди сидели на лавках ниже, и притом в середине, прочие же сидели сзади их. И каждый день госпожи собирались в огромном количестве. Эти три палатки, о которых мы сказали выше, были очень велики; другими же палатками из белого войлока, достаточно большими и красивыми, обладали его жены. Там они разделились, и мать императора пошла в одну сторону, а император в другую, для производства суда. Была схвачена тетка нынешнего императора, убившая ядом его отца, в то время когда их войско было в Венгрии, откуда вследствие этого удалилось всякое войско, бывшее в вышеупомянутых странах. Над ней и очень многими другими был произведен суд, и они были убиты.

VII. В то же время умер Ярослав, бывший великим князем в некоей части Руссии, которая называется Суздаль. Он только что был приглашен к матери императора, которая, как бы в знак почета, дала ему есть и пить из собственной руки; и он вернулся в свое помещение, тотчас же занедужил и умер спустя семь дней, и все тело его удивительным образом посинело. Поэтому все верили, что его там опоили, чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землею. И доказательством этому служит то, что мать императора, без ведома бывших там его людей, поспешно отправила гонца в Руссию к его сыну Александру, чтобы тот явился к ней, так как она хочет подарить ему землю отца. Тот не пожелал поехать, а остался, и тем временем она посылала грамоты, чтобы он явился для получения земли своего отца. Однако все верили, что если он явится, она умертвит его или даже подвергнет вечному плену.

VIII. После смерти Ярослава, если только мы хорошо помним время, наши Татары ответили нас к императору. И когда император услышал от наших Татар, что мы пришли к нему, то велел нам вернуться к матери ради того, что на следующий день он хотел поднять знамя против всей земли Запада, как нам говорили за верное знавшие про то и как о том сказано выше; именно он хотел, чтобы мы не знали этого. И когда мы вернулись, то пробыли немного дней и снова вернулись к нему; вместе с ним мы пробыли благополучно месяц, среди такого голода и жажды, что едва могли жить, так как продовольствия, выдаваемого на четверых, едва хватало одному, и мы не могли ничего найти купить, так как рынок был очень далеко. И, если бы Господь не предуготовил нам некоего Русского по имени Косму, бывшего золотых дел мастером у императора и очень им любимого, который оказал нам кой в чем поддержку, мы, как полагаем, умерли бы, если бы Господь не оказал нам помощи через кого-нибудь другого. Косма показал нам и трон императора, который сделан был им раньше, чем тот воссел на престоле, и печать его, изготовленную им, а также разъяснил нам надпись на этой печати. И также много других тайн вышеупомянутого императора мы узнали через тех, кто прибыл с другими вождями, через многих Русских и Венгров, знающих по-латыни и по-французски, через русских *клириков* и других, бывших с ними, причем некоторые пребывали тридцать лет на войне и при других деяниях Татар и знали все их деяния, так как знали язык и неотлучно пребывали с ними некоторые двадцать, некоторые десять лет, некоторые больше, некоторые меньше; от них мы могли все разведать, и они сами излагали нам все охотно, иногда даже без вопросов, так как знали наше желание.

IX. После этого император послал к нам сказать, через Хингая, своего первого секретаря, чтобы мы записали наши слова и поручения и отдали ему; это мы и сделали, написав ему все слова, сказанные раньше у Бату, как сказано выше. И по прошествии нескольких дней он приказал снова позвать нас и сказал нам через Кадака, управителя всей державы, в присутствии первых секретарей Бала и Хингая и многих других писцов, чтобы мы сказали все слова; мы исполнили это добровольно и охотно. Толмачом же нашим был как в этот раз, так и другой Темер, воин Ярослава, в присутствии *клирика*, бывшего с ним, а также другого *клирика*, бывшего с императором. И он спросил нас в то время, есть ли у Господина *Папы* лица, понимавшие грамоту Русских, или Саррацинов, или также Татар. Мы ответили, что не знаем ни русской, ни татарской, ни саррацинской грамоты, но Саррацины все же есть в стране, хотя и живут далеко от Господина Папы. Все же мы высказали то, что нам казалось полезным, а именно, чтобы они написали по-татарски и перевели нам, а мы напишем это тщательно на своем языке и отвезем как грамоту, так и перевод Господину *Папе*. И тогда они удалились от нас к императору.

X. В день же блаженного Мартина нас позвали вторично, и к нам пришли Кадак, Хингай, Бала и многие вышеупомянутые писцы и истолковали нам грамоту от слова до слова. А когда мы написали ее по-латыни, они заставляли переводить себе отдельными речениями (*orationes*), желая знать, не ошибаемся ли мы в каком-нибудь слове. Когда же обе грамоты были написаны, они заставили нас читать раз и два, чтобы у нас случайно не было чего-нибудь меньше, и сказали нам: «Смотрите, чтобы все хорошенько понять, так как нет пользы от того, что вы не поймете всего, если должны поехать в такие отдаленные области». И когда мы ответили: «Понимаем все хорошо», они переписали грамоту по-саррацински, чтобы можно было найти кого-нибудь в тех странах, кто прочитал бы ее, если пожелает Господин *Папа*.

XI. У Татарского императора в обычае, что он никогда не говорит с иностранцем собственными устами, как бы тот ни был велик, но слушает и отвечает чрез посредствующее лицо, как было сказано. Всякий же раз, однако, когда они излагают дело пред Кадаком или выслушивают ответ императора, те, кто ему подчинен, стоят преклонив колена, до конца речи, как бы они ни были велики. Не может быть, да и нет обычая, чтобы кто-нибудь говорил что-нибудь о каком-нибудь деле после того, как оно решено императором. А вышеупомянутый император как имеет управляющего, первых секретарей и писцов, так имеет в делах как общественных, так и частных всяких чиновников, за исключением стряпчих, потому что все делается без шума судебных разбирательств по воле императора. И другие князья Татар поступают так же в том, что к ним относится.

XII. А этот император может иметь от роду сорок или сорок пять лет или больше; он небольшого роста; очень благоразумен и чересчур хитер, весьма серьезен и важен характером. Никогда не видит человек, чтобы он попусту смеялся и совершал какой-нибудь легкомысленный поступок, как нам говорили христиане, неотлучно с ним пребывавшие. Говорили нам также христиане, принадлежавшие к его челяди, что они твердо веруют, что он должен стать христианином; и явный признак этого они видят в том, что он держит христианских *клириков* и дает им содержание, также пред большой своей палаткой имеет всегда христианскую часовню; и они поют всенародно и открыто и звонят к часам, согласно обычаю Греков, как и прочие христиане, как бы велика там ни была толпа Татар или также других людей; другие вожди этого не делают.

XIII. Император, как сказали нам наши Татары, имел намерение отправить с нами своих послов, которые должны были поехать с нами. Все-таки, как мы полагаем, он хотел, чтобы мы этого у него попросили, потому что один из наших Татар, который был постарше, внушал нам, чтобы мы просили этого. Но, так как нам далеко не казалось удобным, чтобы они отправились, мы ответили, что не наше дело просить, но если сам император пошлет их по своей воле, и мы проводим их с помощью Божией в безопасности. Нам же по многим причинам представлялось неудобным прибытие их.

Первая — та, что мы опасались, что при виде существовавших между нами раздоров и войн они еще более воодушевятся к походу против нас.

Вторая причина была та, что мы питали страх, не оказались бы они лазутчиками в нашей земле.

Третья причина была та, что мы боялись, что их убьют, так как наши народы в значительной степени надменны и горды: когда служители, которые были с нами, по просьбе *Кардинала, легата* Алемании, пошли к нему в татарском платье, то по дороге они чуть не были убиты Тевтонами и были вынуждены снять это платье, ибо у Татар есть обычай никогда не заключать мира с теми людьми, которые убили их послов, чтобы отомстить им.

Четвертая причина состоит в том, что мы страшились, что их отнимут у нас силою, как это однажды случилось с одним князем Саррацинов, который все еще находится в плену, если не умер.

Пятая причина та, что от их приезда не было никакой пользы, так как у них не было никакого другого поручения или власти, как только передать грамоту императора Господину *Пане* и другим князьям, а грамота эта была у нас; и мы считали злом то, что может отсюда выйти. Поэтому нам не нравилось, чтобы они ехали. На третий день после этого, именно в праздник блаженного Бриция, нам дали отпуск и грамоту, запечатанную печатью императора, и послали нас к матери императора; она дала каждому из нас лисью шубу, шерстью наружу и изнутри подбитую ватой, а также пурпур; из него наши Татары украли пядень от каждого куска, а от того, что дали служителю, украли добрую половину. Это от нас не укрылось, но мы не пожелали вступать в пререкания по такому поводу.

§ III. О пути, который мы совершили при возвращении

I. Тогда мы направились в обратный путь и проехали всю зиму, причем нам приходилось часто спать на снегу в пустынях, где не было дерев, а ровное поле; иногда только могли мы прорыть себе место ногою. И часто, когда ветер гнал снег, мы оказывались совершенно покрытыми им. И таким образом к Вознесению Господню приехали мы к Бату, у которого спросили, что ответить Господину *Пане*. Он ответил, что не желает ничего поручать, кроме того, что написал император; все же он прибавил, чтобы мы тщательно передали Господину *Пане* и другим владыкам о том, что написал император. И, получив проезжую грамоту, мы удалились от него и добрались до Мауци в субботу после Троицкой недели; там были наши товарищи и служители, которые были задержаны; мы заставили привести их к себе обратно. И оттуда мы поехали к Коренце, который также снова попросил у нас даров, а мы не дали, потому что у нас не было; он дал нам двух Команов, бывших из числа Татар, до Русского города Киева. Однако наш Татарин не покинул нас, пока мы не выехали с последней заставы Татар. Те же, другие, приставленные к нам Коренцей, в шесть дней довели нас от последней заставы до Киева.

II. Приехали же мы туда за пятнадцать дней до праздника блаженного Иоанна Крестителя. Киевляне же, узнав о нашем прибытии, все радостно вышли нам навстречу, именно они поздравляли нас, как будто мы восстали от мертвых; так принимали нас по всей Руссии, Польше и Богемии. Даниил и Василько, брат его, устроили нам большой пир и продержали нас против нашей воли дней с восемь. Тем временем они совещались между собою, с *епископами* и другими достойными уважения людьми о том, о чем мы говорили с ними, когда ехали к Татарам, и единодушно ответили нам, говоря, что желают иметь Господина *Пану* своим преимущественным господином и отцом, а святую Римскую Церковь владычицей и учительницей, причем подтвердили все то, о чем раньше сообщали по этому поводу чрез своего *аббата*, и послали также с нами касательно этого к Господину *Пане* свою грамоту и послов.

§ IV. О свидетелях, которые нашли нас в земле Татар

I. И, чтобы не возникло у кого-нибудь сомнения, что мы были в земле Татар, мы записываем имена тех, кто нас там нашел. *Король* Даниил Русский со всеми воинами и людьми, именно с теми, которые прибыли с ним, нашел нас вблизи ставок Картана, женатого на сестре Бату; у Коренцы мы нашли Киевского сотника Монгрота и его товарищей,

которые провожали нас на некоторую часть дороги; а к Бату они прибыли раньше нас. У Бату мы нашли сына князя Ярослава, который имел при себе одного воина из России, по имени Сангора; он родом Коман, но теперь христианин, как и другой Русский, бывший нашим толмачом у Бату, из земли Суздальской. У императора Татар мы нашли князя Ярослава, там умершего, и его воина, по имени Темера, бывшего нашим толмачом у Куйюк-кана, то есть императора Татар, как по переводу грамоты императора к Господину *Пане*, так и при произнесении речей и ответе на них; там был также Дубарлай, *клирик* вышеупомянутого князя, и слугители его Яков, Михаил и другой Яков. При возвращении в землю Бесерминов, в городе Лемфинк, мы нашли Угнея, который, по приказу жены Ярослава и Бату, ехал к вышеупомянутому Ярославу, а также Коктелеба и всех его товарищей. Все они вернулись в землю Суздальскую в России; у них можно будет, если потребуется, отыскать истину. У Мауци нашли наших товарищей, которые оставались там, князь Ярослав и его товарищи, а также некто из России по имени Святополк (*Santopolicus*) и его товарищи. И при выезде из Комании мы нашли князя Романа, который въезжал в землю Татар, и его товарищей и живущего поныне князя Алогу (*Aloha*) и его товарищей. С нами из Комании выехал также посол князя Черниговского и долго ехал с нами по России. И все это Русские князья.

II. Свидетелями служат все граждане Киева, давшие нам провозатых и коней до первой Татарской заставы и встретившие нас при возвращении с провозатыми из Татар и их конями, которые к нам возвращались, и все Русские люди, через землю которых мы проезжали и которые приняли запечатанную грамоту Бату и приказ давать нам лошадей и продовольствие; если же они этого не сделали бы, то были бы казнены им. Сверх того, свидетелями служат Бреславльские купцы, ехавшие с нами вплоть до Киева и знавшие, что наш отряд въехал в землю Татар, а равно и многие другие купцы как из Польши, так и из Австрии, прибывшие в Киев после нашего отъезда к Татарам.

Служат свидетелями и купцы из Константинополя, приехавшие в Россию через землю Татар и бывшие в Киеве, когда мы вернулись из земли Татар. Имена же купцов этих следующие: Михаил Генуэзский, а также и Варфоломей, Мануил Венецианский, Яков Реверий из Акры, Николай Пизанский; это более главные. Другие, менее важные, суть Марк, Генрих, Иоанн Вазий, другой — Генрих Бонадиес, Петр Пасхами; было еще и много других, но имена их нам неизвестны.

[Заключение для всей книги]

Просим всех, кто читает вышесказанное, чтобы они ничего не изменяли и не прибавляли, так как мы, в предшествии истины, написали все, что видели или слышали от других, кого считали достойными доверия, ничего не прибавляя с умыслом, чему Бог свидетель. Но так как те, через землю которых мы проезжали, живущие в Польше, Богемии, Тевтонии, Леодии и Кампании, имели желание прочитать написанную историю, то они списали ее раньше, чем она была закончена и вполне выправлена, потому что у нас еще не было времени, чтобы иметь возможность вполне закончить ее на досуге. Отсюда да не удивляется никто, что она гораздо подробнее и лучше исправлена, чем та, потому что эту, получив малейшую возможность досуга, мы вполне исправили и завершили то, что еще не было выполнено.

Закончена история Монгалов, именуемых нами Татарами».

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «БОЛЬШОЙ ХРОНИКИ» МАТВЕЯ ПАРИЖСКОГО

Матвей Парижский (Мэтью Парис, ок. 1200–1259), самый известный из английских средневековых хронистов. Его прозвище Парижский объясняется то его французским происхождением, то тем, что он получил образование в Парижском университете. В 1217 г. он стал монахом Сент-Олбанского аббатства в Хартфордшире. Если не считать нескольких посещений Вестминстера, Уинчестера и других английских религиозных центров, а также поездки в Норвегию в 1248–1249 гг. по просьбе папы Иннокентия IV, Матвей оставался в Сент-Олбансе до самой смерти в 1259 г. Он был хорошо информирован о мирских делах благодаря многочисленным посетителям аббатства.

В аббатстве, примерно с 1240 г. и до самой смерти, Матвей создавал свою знаменитую «Большую хронику» («*Chronica majora*»), издание и продолжение «Цветов истории» («*Flores historiarum*») предшественника и наставника Матвея в Сент-Олбансе Роджера Вендоверского. Матвей внес в текст Роджера изменения и дополнения и продолжил изложение с 1236 г. до июня 1259 г. Принадлежащая самому Матвею часть хроники детально описывает события в Англии, на континенте и на Ближнем Востоке; она содержит около 350 документов, переписанных автором, и его рисунки.

Текст воспроизведен по изданию: Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты; перевод; комментарии. М., 1979. С. 135–146, 148–157, 158–162.

«[...]

[1238]

2

О таргарах, вырвавшихся из пределов своих [и] разоряющих северные земли

В эти дни посланы были к *королю* франков официальные послы от сарацин, сообщающие и правдиво излагающие, в основном от имени Горного Старца, что с северных гор устремилось некое племя человеческое, чудовищное и бесчеловечное, и заняло обширные и плодородные земли Востока, опустошило Великую Венгрию и с грозными посольствами разослало устрашающие послания. Их предводитель утверждает, что он — посланец всевышнего бога, [для того] чтобы усмирить [и] подчинить народы, восставшие против него. А головы у них слишком большие и совсем не соразмерные туловищам. Питаются они сырым мясом, также и человеческим. Они отличные лучники. Через реки они переправляются в любом месте на переносных, сделанных из кожи лодках. Они сильны телом, коренасты, безбожны, безжалостны. Язык их неведом ни одному из известных нам [народов]. Они владеют множеством крупного и мелкого скота и табунов коней. А кони у них чрезвычайно быстрые [и] могут трехдневный путь совершить за один [день]. Дабы не обращаться в бегство, они хорошо защищены доспехами спереди, [а] не сзади. У них очень жестокий предводитель по имени Каан. Полагают, что они, именуемые тартарами (от [названия] реки Тар) [и] весьма многочисленные, обитая в северных краях, то ли с Каспийских гор, то ли с соседних [с ними], словно чума, обрушились на человечество, и хотя они выходили уже не раз, но в этом году буйствовали и безумствовали страшнее обыкновенного. Вот почему жители Готии и Фризии, убоившись их нашествия, не пришли в Англию, в Гернему, как у них заведено, во время лова сельди, которой они обычно нагружали свои суда. А поэтому сельдь в этом году в Англии из-за обилия [ее шла] почти за бесценок — также и в отдаленных от моря местностях до сорока или пятидесяти штук продавали за одну серебряную монету, хотя она и была самой отборной. И этот сарацинский вестник, облеченный полномочиями и знатного рода, прибывший к *королю* Галлии, которому было поручено от имени всего Востока возвестить об этом и который искал помощи у западных [стран], чтобы успешнее справиться с тартарской угрозой, со своей стороны направил к *королю* Англии одного сарацинского вестника, который явился, чтобы все это возвестить *королю*, и он сказал, что если они [сарацины] не смогут сдержать такой натиск, то останется только одно: они [тартары] и западные страны разорят, как говорится у поэта:

«Дело о скарбе твоём, стена коль горит у соседа».

А потребовал этот вестник помощи в такой момент нависшей над всеми ними опасности, [для того] чтобы сами сарацины, опираясь на помощь христиан, отразили их нападение. Ему остроумно ответил случайно тогда присутствовавший *епископ* Уинчестерский, при этом осенив себя крестом: «Предоставим собакам этим грызться между собой и полностью уничтожить друг друга. Когда же мы пойдем на оставшихся [в живых] врагов Христовых, [то] уничтожим их и сметем с лица земли. Да подчинится весь мир единой католической церкви, и да будет един пастырь и едино стадо!»

3

[1240]

Как тартары, собравшись с силами, вырвались из гор их [и], разорив многие восточные пределы, вселили уже страх и в христиан

Дабы не была вечной радость смертных, дабы не пребывали долго в мирском веселии без стенаний, в тот год люд сатанинский проклятый, а именно бесчисленные полчища тартар, внезапно появился из местности своей, окруженной горами; и пробившись сквозь монолитность недвижимых камней, выйдя наподобие демонов, освобожденных из Тартара (почему и названы тартарами, будто «[выходцы] из Тартара»), словно саранча, кишели они, покрывая поверхность земли. Оконечности восточных пределов подвергли они плачевному разорению, опустошая огнем и мечом. Вторгшись в пределы сарацин, они сровняли города с землей, вырубали леса, разрушили крепости, выкорчевали виноградники, разорили сады, убили горожан и сельских жителей. И если случайно некоторых, молящих [о пощаде], помиловали, то их, словно обреченных на смерть рабов, погнали перед собой в сражение против их [же] соплеменников. Если кто сражался только для вида или даже пытался потихоньку бежать, то тартары, настигнув их, убивали; если они храбро сражались и побеждали, то никакого вознаграждения [за это] не получали; и так они обращались с пленниками своими, словно с рабочим скотом. Ведь они — люди бесчеловечные и диким животным подобные. Чудовищами надлежит называть их, а не людьми, [ибо] они жадно пьют кровь, разрывают на части мясо собачье и человекье и пожирают [его], одеты в бычьи шкуры, защищены железными пластинами. Роста они невысокого и толстые, сложения коренастого, сил безмерных. В войне они непобедимы, в сражениях неутомимы. Со спины они не имеют доспехов, спереди, однако, доспехами защищены. Пролитую кровь своих животных они пьют, как изысканный напиток. У них большие и сильные кони, которые питаются листьями и даже [ветками и корой] деревьев. На них [тартары] взбираются по трем ступенькам, словно по трем уступам [вместо стремян], так как у них [тартар] короткие ноги. Они не знают человеческих законов, не ведают жалости, свирепее львов и медведей. Они сообща, по десять или двенадцать человек, владеют судами, сделанными из бычьей кожи, умеют плавать и ходить на судах. Вот почему широчайшие и самые быстрые реки они переплывают без промедления и труда. Когда нет крови, они жадно пьют мутную и даже грязную воду. Они владеют мечами и кинжалами, отточенными с одной стороны, являются удивительными лучниками [и] не щадят никого, невзирая на пол, возраст или общественное положение. Никто из них не знает иных языков, кроме своего, которого не ведают все остальные [народы], ибо вплоть до сего времени не открывался к ним доступ и сами они не выходили, дабы стало известно о людях или нравах их через обычное общение людей. Они ведут с собой стада свои и жен своих, которые обучены военному искусству, как и мужчины. Стремительные, как молния, достигли они самых пределов христианских [и], учиня великое разорение и

гибель, вселили во всех невыразимый страх и ужас. Вот почему сарацины возжелали заключить союз с христианами и обратились [к ним], чтобы объединенными силами они смогли противостоять этим чудовищным людям. Полагают, что эти тартары, одно упоминание которых омерзительно, происходят от десяти племен, которые последовали, отвергнув закон Моисеев, за золотыми тельцами [и] которых сначала Александр Македонский пытался заточить среди крутых Каспийских гор соляными камнями. Когда же он увидел, что это дело свыше человеческих сил, то призвал на помощь бога Израиля, и сошлись вершины гор друг с другом и образовалось место, неприступное и непроходимое. Об этом месте и говорит Иосиф: «Сколь много содеет бог для правоверного, [если] он столько содеял для неверного?» Откуда [становится] ясно, что бог не хотел, чтобы они вышли. Однако, как написано в «Ученой истории», они выйдут на краю мира, чтобы принести людям великие бедствия. Возникает все же сомнение, являются ли ими ныне вышедшие тартары, ибо они не говорят на еврейском языке, не знают закона Моисеева, не пользуются и не управляют правовыми учреждениями. Ответом на это является то, что они, вполне вероятно, происходят от тех заточенных, о которых ранее упоминалось. Но подобно тому, как до сих пор мятежные сердца их, следующих за Моисеем, были обращены к превратному уму и шли они за богами чужими и обрядами чуждыми, так и теперь еще более чудовищно смутными и непонятными стали мысли их и язык, так что и всем другим народам они неведомы, и собственную их жизнь карающий гнев господень превратил в бессмысленное существование кровожадных зверей. А называются они тартарами от [названия] одной реки, протекающей по горам их, через которые они уже прошли, именуемой Тартар, так же как река Дамаска именуется Фарфар.

[...]

5

[1241]

Об ужасном разрушении, [причиненном] бесчеловечным племенем, называемым тартарами

В продолжение же этих дней племя это бесчеловечное и лютое, не ведающее законов, варварское и неукротимое, которое тартарами зовется, предавая безумным и неистовым набегом северные земли христиан ужасному опустошению, повергло всех христиан в безмерный страх и трепет. Вот уже и Фризию, Гутию, Польшу, Богемию и обе Венгрии в большей их части, после того как правители, *прелаты*, горожане и крестьяне бежали или были убиты, неслыханной жестокостью как бы в пустыню превратили. Среди письменных свидетельств об этом событии, посланных в близлежащие края, сохранилось свидетельство в таких словах:

Послания о вышесказанном, направленные *герцогу* Брабантскому.

«Любезному и всегда высокочтимому господину и тестю нашему, светлейшему владыке *герцогу* Брабантскому Г[енрих], божьей милостью *граф* Тюрингенский, *палатин* саксонский, [выражает] искреннее желание и готовность служить на благо ему. Несчастья, издревле в Священном писании предреченные, по грехам нашим посланные, и поныне не иссякают и ширятся. Ведь некое племя, жестокое, бесчисленное, беззаконное и свирепое, вторглось в соседние с нами пределы и заняло [их] и уже до самой Польской земли дошло, многие другие земли пройдя и народы [их] истребив. О них как от собственных послов, так и от *короля* Богемии, любезного брата нашего, мы получили уведомление и [услышали] призыв, чтобы мы поспешно приготовились для подмоги ему и для защиты правоверных. Ведь доподлинно и досконально известно нам, что это племя тартарское намерено приблизительно через неделю после пасхи жестоко и стремительно вторгнуться в земли Богемии, и если не прийти ему вовремя на помощь [против них], они [тартары] причинят неслыханное разорение. И так как соседняя с нами стена уже занялась и ближняя земля ждет опустошения и другие уже опустошаются, мы, взывая в тревоге и слезах, просим помощи и совета у бога и соседей, братьев наших, во имя вселенской церкви. И поскольку промедление смерти подобно, все мы настойчиво просим вас [внять нам], чтобы взяли за оружие и поспешили нам на подмогу во имя как нашего, так и вашего избавления, скорее снарядив многочисленную войско, создав не медля могучих и храбрых представителей знати с подвластными им людьми, чтобы пребывали они в состоянии готовности [к бою], когда мы снова направим к вам наших послов. Мы же через содействие *прелатов* наших, проповедников и миноритов, возглашаем повсюду крестовый поход, ибо речь идет о царе распятом, назначаем молебны и посты и призываем к войне за Иисуса Христа все наши земли. К этому также прибавим, что большая часть этого гнусного народа с войском, [состоящим] из всех, к нему примкнувших, опустошают Венгрию с неслыханной жестокостью, да так, говорят, что *король* [ее] с трудом сохранил ничтожную часть [своих владений]. И чтобы в немногих [словах] выразить многое, [скажу, что] церковь и народ северных стран настолько угнетены и подавлены всеми этими бедствиями, что такого никогда и никому не доводилось претерпевать от начала мира». Дано в год благодати 1241, в день, когда поют «Возрадуйся, Иерусалим!» Послания такого же [содержания] были направлены *герцогом* Брабантским парижскому *епископу*. Подобным же образом написал английскому *королю архиепископ* кельнский.

Ведь из-за этого ужасного раздора, гибельного для церкви, который возник между господином *папой* и государем императором, назначены были во многих краях посты и молебны с щедрой раздачей милостыни, дабы господь, сжалившись над народом, низринул гордыню тартар, ибо он равно торжествует над врагами своими как с малыми, так и с великими [народами].

И вот когда угроза бича господня нависла над народом, получив известие об этом, сказала мать *короля* франков, достопочтенная и любимая богом женщина, королева Бланкия: «Где ты, сын мой, *король* Людовик?» А он, приблизившись, сказал: «Что с Вами, мать моя?» А она, глубоко вздохнув, зарыдала, но, будучи женщиной, она все

же не по-женски осмыслила эту нависшую опасность и сказала: «Что же нам делать, сын мой возлюбленный, при столь страшных событиях, ужасный слух о которых прошел по земле нашей? Ныне неудержимое нашествие тартар грозит полным уничтожением всем нам и святой церкви». Услышав это, *король* со слезами, но не без божественного внушения ответил: «Да укрепит нас, мать моя, божественное утешение. Ибо если нападут [на нас] те, кого мы называем тартарами, то или мы ниспровергнем их в места тартарейские, откуда они пришли, или они сами всех нас отправят на небо». И [этим] как бы сказал: «Или мы отразим их [натиск], или если случится нам быть побежденными, то мы отойдем к богу как истинные христиане или мученики». И эта речь, достойная упоминания и похвалы, воодушевила и вдохновила не только франкскую знать, но и жителей прилежащих пределов.

6

[1241]

Узнав об этом, государь император христианским правителям, и прежде всего — английскому *королю*, написал в таких выражениях:

Послание императора о нашествии тартар

Фридрих император и прочая приветствует *короля* Англии. Мы не можем умолчать о деле, которое особенно касается как Римской империи, чей долг — проповедовать Евангелие, так и всех *королевств* мира, исповедующих христианскую религию, [ибо] всему христианскому миру грозит всеобщее уничтожение. И хотя до нас правда об этом событии дошла совсем недавно, все же мы предложим ее вашему вниманию. Ведь не так давно с крайних пределов мира, из южной области, вышел народ, варварский по происхождению и образу жизни, который долго скрывался в выжженном солнцем поясе, в раскаленной пустыне, [и] который потом в северных краях, внезапно захватив [эти] районы, долго пребывал и множился, как саранча, и нам неизвестно, по месту или по происхождению называется [он] тартарами. Не без умысла божьего сохранился он до сего времени для порицания и исправления его [божьего] народа — о, если бы не для истребления всего христианского мира! Ведь нашествие принесло с собой всеобщее бедствие, опустошение всех *королевств* и гибель плодородной земли, по которой прошел народ нечестивый, не щадя [никого, невзирая на] пол, возраст или положение и намереваясь уничтожить весь род человеческий, считая себя единственным достойным править во всех землях благодаря своей великой и безмерной силе и численности. И вот, убивая и грабя все, что ни попадалось им на глаза, и оставляя за собой всеобщее опустошение, упомянутые тартары (более того — выходцы из Тартара) пришли в обильно населенную местность куманов. И так как они не щадят своей жизни, а луки являются для них самым привычным оружием, наряду со стрелами и прочим метательным оружием, каким они постоянно пользуются (отчего и руки их сильнее, чем у других [людей]), [то] они наголову разбили [куманов]. А тех, кого не спасло бегство, сразил их кровавый меч. Но соседство [их] не особенно-то заставило рутенов, живших неподалеку, быть начеку, чтобы, по крайней мере, обдумать, как защититься от непривычных набегов этого неведомого народа, которого они боятся как огня. Ибо они нападают внезапно, чтобы грабить и истреблять. От внезапных набегов и под натиском этого варварского народа, который, словно гнев божий и молния, стремительно обрушивается, пал крупнейший из городов этого *королевства* Клева, и все это знаменитое *королевство* после того, как жители его были уничтожены, предано было опустошению. Что должно было послужить знаком для соседнего [с ними] Венгерского *королевства*, чтобы вооружаться и возводить укрепления, [но оно] безмятежно пренебрегло этим. Их *король*, ленивый и чрезвычайно беспечный, у которого тартары требовали через вестников и послания, чтобы он, если жаждет жизни для себя и своих [подданных], поспешил снискать их расположение передачей [в их руки] себя и своего *королевства*, даже и такой испуганный и настороженный этим, не подал примера ни своим, ни чужим в том, чтобы со своими подданными начать тщательнейшим образом готовиться к обороне и защите от [их] набегов. Но пока они, презирая врагов из надменности или по неведению, мирно спали по соседству с недругом, доверившись природным укреплениям, те, ворвавшись, словно вихрь, их внезапно окружили. А венгры, неожиданно окруженные и разбитые, ибо были не подготовлены, прилагали все силы, чтобы выступить им навстречу. И [когда] расстояние примерно в пять миллиариев отделяло тартарское войско от венгерского, тартарские передовые [отряды] стремительно ворвались в рассветном полумраке, и, быстро окружив венгерские укрепления и убив сначала *прелатов* и уничтожив всю знать, которая выступила против них, погубили вражеский народ — великое множество венгров, учинив неслыханное побоище, — едва ли припомнится с древнейших времен какое-либо сражение, подобное этому. А *король* бежал, едва спасшись от гибели, на самом быстром скакуне. Он, в сопровождении немногих спутников, поспешил в доставшееся его брату Иллирийское *королевство*, чтобы там, по крайней мере, найти убежище. А победители, ликуя, захватили укрепления и военную добычу побежденных. Вот уже и большую и плодороднейшую часть Венгрии за рекой Дунаем они жестоко опустошают огнем и мечом и, жителей ее [уничтожая], дерзко угрожают смести остальное, о чем мы узнали от ватиенского *епископа*, посла упомянутого *короля* Венгрии, направленного к нашему престолу, а затем — к римскому. Он, проезжая сначала через наши владения, дал свидетельство того, что видел, и в высшей степени истинно свидетельство его. Равным образом мы очень подробно узнаем об этом из посланий возлюбленного сына нашего Конрада, избранного *королем* римским, наследника августейшего [императора] и Иерусалимского *королевства* навечно, и от *короля* Богемии и от *герцогов* Австрии и Баварии, а также со слов [их] вестников, на опыте убедившихся в близости врагов. И мы вняли [этим сообщениям] не без великого душевного волнения. Действительно, как стало известно и [как] гласит опережающая события молва, неизмеримое войско их продвигается, разделившись на три горе несущие части, ибо господь потворствует их пагубным замыслам. Ведь одна [часть была] послана против пруктенов и вошла в Польшу; повелитель, той земли пал

от учиненного ими побоища, а потом и все то *королевство* было ими разорено. Вторая [часть] вторглась в пределы Богемии и была остановлена благодаря мужественному отпору, оказанному им *королем* этой страны. Третья [часть] промчалась по Венгрии, подступив к границам Австрии. Поэтому страх и трепет, порожденные безумными зверствами вторгнувшегося врага, побуждают к действиям отдельных [владык]; сама необходимость, которую усиливает непосредственная опасность, требует выступить против них и зовет всех властителей земных, и прежде всего — христианского мира, спешно объединить общие усилия [в борьбе с ними]. Ведь народ этот дик и не ведает человечности и законов. Однако он имеет повелителя, за которым следует, которому послушно повинуются и [которого] почитает и величает богом на земле. Что касается роста, то люди они низкорослые, но крепкие, коренастые и кряжистые. Они жилисты, сильны и отважны и устремляются по знаку своего предводителя на любые рискованные дела. У них широкие лица, косой взгляд; они издают ужасные крики, созвучные [их] сердцам. Одеты они в невыделанные воловьи, ослиные или конские шкуры. Доспехи у них [сделаны] из нашитых [на кожу] железных пластин; ими они пользуются до сего времени. Но, о чем не без сожаления можем сказать, теперь-то они вооружились награвленным у побежденных христиан оружием, лучшим и более красивым, дабы, [по замыслу] разгневанного бога, мы были преданы более позорной и страшной смерти [нашим] собственным оружием. Кроме того, [теперь] они владеют лучшими конями, вкушают изысканнейшие яства, наряжаются в красивейшие одежды. Эти тартары, несравненные лучники, возят [с собой] сделанные из кожи пузыри, на которых спокойно переправляются через озера и быстротечные реки. Говорят, что, если не хватает пищи, кони их, которых они ведут с собой, довольствуются древесной корой и листьями, и корнями трав; и все же в нужный момент они всегда оказываются чрезвычайно быстрыми и выносливыми. Мы же все это, насколько могли, предвидели и часто предупредомляли в посланиях и через вестников Ваше *королевское* величество, равно как и других христианских правителей, серьезно советовали и требовали от Вас, чтобы процветала среди тех, кто восседает на тронах, единая воля, любовь и мир, чтобы утихли распри, которые довольно часто причиняют вред государству Христа, [и чтобы они] живее поднимались в согласии против той опасности, которая недавно возникла, так как ожидаемая стрела ранит менее опасно, и чтобы общие враги, готовясь в путь, не радовались, что среди христианских правителей процветают такие раздоры. О боже! Как и сколько раз желали мы унизиться, всячески изъявляя добрую волю [к этому, только], чтобы *nana* римский прекратил распространяемое по всему миру поношение нас по причине его неприязни к нам и обуздал свой неразумный гнев, чтобы мы могли умиротворить наших законных подданных и управлять ими в состоянии мира, [а] не защищал бы тех, кто выступает против нашего авторитета, немалая часть которых до сих пор находит ласку и защиту с его стороны. Так, когда бы мы мирно уладили дела и умилили наших восставших подданных, в борьбе с которыми мы потратили огромные денежные суммы и истощили человеческие силы, мощь наша еще возросла бы и усилилась в сопротивлении общему врагу. Но поскольку собственная его воля была для него законом и он не сдерживал безудержный поток [своей] речи и не считал нужным воздержаться от бесчисленных попыток к раздорам, то он к радости мятежников, тяжко злоумышляющих против чести и славы нашей, через своих *легатов* и *нунциев* приказал возгласить против меня, правой руки и защитника церкви, крестовый поход, который следовало бы начать против тирании тартар или сарацин, вторгшихся в Святую землю и захвативших ее. А так как наше самое неотложное дело — освободиться от внутренних врагов, то как отразить нам и варваров? Ибо через лазутчиков своих, которых они повсюду высылают вперед, они, хотя и не направляемые божественным законом, но все же сведущие в военном искусстве, узнали об общественном разногласии и о беззащитности и ослабленности земель, и услышав о раздоре *королей* и расприх между *королевствами*, они еще более воодушевляются и поднимаются. О, сколько сил придает радостное воодушевление! Итак, имея в виду и то, и другое, мы, с божьей помощью, приложим силы и энергию, дабы отразить опасность, грозящую церкви как со стороны внутренних врагов, так и со стороны варваров. Мы решительно повелели возлюбленному сыну нашему Конраду и другим знатным людям нашей империи всеми силами препятствовать мощному вторжению врагов-варваров. Также и Вашу светлость во имя общего дела творцом веры нашей христианской, господом нашим Иисусом Христом от всей души умоляем как можно скорее подготовить действительную помощь, постоянно размышляя и заботясь о себе и своем *королевстве*, которое да сохранит бог в состоянии процветания. Мы требуем этого во имя пролитой крови Христа и родственного союза, связующего нас. И пусть они присоединятся к нам, чтобы стойко и мужественно сражаться за освобождение христианского мира и [в борьбе против] врагов, уже готовых вторгнуться в пределы Германии, словно во врата христианского мира, совместными силами обрести заслуженную победу во славу войска господня. Да не пройдет это незамеченным Вами и да не покажется подлежащим отсрочке. Ведь если, не дай боже, они вторгнутся в пределы Германии и не встретят у входа преград и препятствий, то остальные ворвутся внезапно, [как] молния грозы, которая, мы убеждены, разразилась по слову божьему, ибо мир запятнан разными позорными делами и охладела любовь во многих, кем должна бы проповедоваться и упрочиваться вера, и по губительному их примеру мир запятнан суетой и разного рода симонией и тщеславием. И пусть Ваше величество позаботится, пока общие враги бесчинствуют в соседних краях, чтобы как можно скорее оказать им сопротивление Вашими силами; ибо из земель своих они движутся с тем намерением, чтобы, невзирая на [грозящие] жизни опасности, подчинить себе весь Запад, упаси господи, и веру и имя Христа погубить и уничтожить. И из-за неожиданной победы, которая им с соизволения божьего до сих пор сопутствовала, они дошли до такого невероятного безумия, что уже мнят, [будто] *королевства* мира принадлежат им и что *королей* и владык, подчиненных презренной их власти, они попирают и унижают. Уповаем же только на господина Иисуса Христа, с чьим именем мы до сих пор торжествуем, свободные от врагов наших, чтобы и они, которые вырвались из мест Тартарейских, потеряв свою гордыню, испытав на себе силы Запада, выступившего против них, были бы сброшены в свой Тартар. И не будут они гордиться, что прошли безнаказанно столь многие провинции, одолели столь многие

народы, совершили столь многие злодеяния, когда непредвиденный жребий, вернее — сам Сатана, увлечет их, обреченных на смерть пред победоносными знаменами могучей Европейской империи, как только Германия, поднявшись бурно и пылко на войну, родоначальница и питомица отважного рыцарства Франция, воинственная и смелая Испания, славная мужами и оснащенная флотом богатая Англия, изобилующая неутомимыми бойцами Алеманния, морская Дания, неукротимая Италия, не ведающая мира Бургундия, беспоконная Апулия с пиратскими и непобедимыми островами в морях Греческом, Адриатическом и Тирренском, Крит, Кипр, Сицилия с островами и землями, прилежащими к океану, кровавая Гиберния, бодрым Уэльсом; озерная Шотландия, ледовая Норвегия и прочие знаменитые и славные на западе расположенные *королевства* [создадут] свое отборное войско, возглавляемое хоругвью с животворящим крестом, которого страшатся не только мятежные народы, но и восставшие демоны. Дано на обратном пути после взятия и разорения Фавенции, в третий день июля.

[...]

8

[1243]

Одно весьма страшное послание, направленное *архиепископу Бордоскому*

В те же дни следующее послание, переданное *архиепископу Бордоскому* и разосланное многим христианским государям, во многом созвучное посланию императора об ужасном разорении, причиненном бесчеловечным народом, который называется татарами (но в нем [послании] татарами или татарами именуется), многих, даже невозмутимых людей повергло в великий страх.

«Гиральда, милостью божией *архиепископа Бордоского*, приветствует Ивон, рекомый Нарбоннским, некогда [один] из недостойнейших его служителей... [В начале послания Ивон кается в своих грехах, истолковывая татарское нашествие как божественную кару.] Я потому сказал об этом, что некое племя огромное, люди бесчеловечные, закон которых — беззаконие, гнев — ярость, бич гнева господня, безграничные земли проходя, жестоко [их] разоряет, яростно снося все преграды огнем и мечом. Этим именно летом сей упомянутый народ, называемый татарами, вступив в Паннонию, которую захватил без сопротивления, бесчисленным войском жестоко осадил тот город, в котором мне тогда случилось быть. И было в нем из многих воинов всего пятьдесят человек, которых с двадцатью арбалетчиками *герцог* оставил для охраны. Все они, завидев войско с одного возвышенного [укрепления], содрогнулись перед нечеловеческой жестокостью спутников Антихриста, и слышался им возносящийся к богу христианскому горестный плач [всех тех], которые без разницы положения, состояния, пола и возраста равно погибли разною смертью, врасплох застигнутые в прилегающей [к городу] местности. Их трупами вожди со своими и прочими лотофагами, словно хлебом, питались, [и] оставили они коршунам одни кости. Но что удивительно — голодные и ненасытные коршуны побрезговали тем, чтобы доесть случайно оставшиеся куски плоти. А женщин старых и безобразных они отдавали, как дневной паек, на съедение так называемым людоедам; красивых не поедали, но громко вопящих и кричащих толпами до смерти насиловали. Девушек тоже замучивали до смерти, а потом, отрезав им груди, которые оставляли как лакомство для военачальников, сами с удовольствием поедали их тела. И когда лазутчики увидели с вершины одного горного отрога *герцога австрийского с королем Богемии, патриархом Аквилейским, герцогом Каринтии* и, как говорили, *маркграфом Баденским* и с огромными силами соседних держав и уже построенными в боевой порядок, все это нечестивое войско тут же исчезло и все эти всадники вернулись в несчастную Венгрию. Они отступили так [же] стремительно, как и нагрянули; вот почему они внушили тем больший страх всем видевшим это. Из числа бежавших правитель Далмации захватил восьмерых, один из которых, как узнал *герцог австрийский*, был англичанин, из-за какого-то преступления осужденный на вечное изгнание из Англии. Он от лица презреннейшего *короля татарского* дважды приходил к *королю Венгрии* [как] посол и толмач и угрожал, предварительно приведя достаточно примеров, злодеяниями, которые они учинят, если он не отдаст себя и *королевство* свое в рабство таттарам. Когда же его наши государи заставили говорить правду о таттарах, он, как кажется, ничего не утаил, но приводил такие сведения, что можно было верить и в самого дьявола. [Далее следует рассказ англичанина о его злключениях после изгнания из Англии.] Его же, захваченного лазутчиками, таттары увели с собой; и после того, как они получили ответ, что обретут господство надо всем миром, склонили [его] на верность и служение себе многими дарами по той причине, что нуждались в толмачах. [Говоря] о нравах их и верованиях, о телосложении их и росте, о родине и о том, как они сражаются, он клятвенно заверил, что они превосходят всех людей жадностью, злобой, хитростью и бессердечием; но из-за строгости наказания и жестокости кар, назначаемых их властителями, они удерживаются от ссор и от взаимных злодеяний и лжи. Родоначальников своих племен они называют богами и в установленное время устраивают торжественные празднества в их честь; и многие [из празднеств] местные, но лишь четыре общих. И они убеждены, что только ради них одних все было создано. Проявление жестокости по отношению к оказывающим сопротивление они вовсе не считают грехом. А грудь у них крепкая и могучая, лица худые и бледные, плечи твердые и прямые, носы расплюснутые и короткие, подбородки острые и выдающиеся вперед, верхняя челюсть маленькая и глубоко сидящая, зубы длинные и редкие, разрез глаз идет от висков до самой переносицы, зрачки бегающие и черные, взгляд косой и угрюмый, конечности костистые и жилистые, голени же толсты, но, [хотя] берцовые кости короче, [чем у нас], все же они одинакового с нами роста, ибо то, чего недостает в берцовых костях, восполняется в верхних частях тела. Родина их, земля некогда пустынная и огромной протяженности, [лежит] далеко за всеми халдеями, откуда они львов, медведей и прочих хищников изгнали при помощи луков и другого оружия. Из их кож они изготавливают себе хотя и легкие, но все же

непробиваемые доспехи. Они привычны не к очень рослым, но очень выносливым коням, довольствующимся небольшим количеством корма, на которых сидят, крепко к ним привязавшись; они без усталости и храбро сражаются копьями, палицами, секирами и мечами, но предпочтение отдают лукам и метко, с большим искусством из них стреляют. Поскольку со спины они защищены хуже, чтобы не обращаться в бегство, то отступают под ударом лишь тогда, когда увидят, что знамя их вождя движется вспять. В случае поражения они не молят о пощаде, а побежденных не щадят. Они все, как один человек, настойчиво стремятся и жаждут подчинить весь мир своему господству. Их, однако, насчитывается не более тысячи тысяч. Приспешники же [их] числом шестьсот тысяч, когда они [их] посылают с целью подготовки места для привала войска, мчатся верхом на скакунах, за одну ночь покрывают расстояние трех дневных переходов. Внезапно рассеиваясь по всем землям, захватывая всех людей, небооруженных, незащищенных и разобщенных, они производят такое разрушение, что *король* или вождь захваченной земли не найдет, кого собрать и выслать против них. Они вероломно нападают в мирное время на народы и вождей [этих] стран по причине, которая вовсе не является причиной. Они измышляют, что покидают родину то для того, чтобы перенести к себе царей-вождей, чьими мощами славится Кёльн; то, чтобы положить предел жадности и гордыне римлян, которые в древности их угнетали; то, чтобы покорить только варварские и гиперборейские народы; то из страха перед тевтонами, дабы смирить их; то чтобы научиться у галлов военному делу; то чтобы захватить плодородные земли, которые могут прокормить их множество; то из-за паломничества к святому Якову, конечный пункт которого — Галисия. Из-за этих вымыслов некоторые из доверчивых *королей*, заключив с ними союз, разрешали им свободно проходить по своим землям, но все равно погибли, так как они союзы не соблюдают.

9

[1244]

Это сказал Петр, архиепископ России, бежавший от тартар, когда его спросили об их жизни

И пока этот роковой жребий надвигался на мир, некий *архиепископ* из России, по имени Петр, муж, как можно было судить, честный, набожный и достойный доверия, изгнанный тартарами, бежал из своего *королевства* и спасся, переправившись в области по эту сторону Альп, чтобы для *архиепископства* своего получить совет и помощь и от братьев своих утешение, если помогут ему, по велению божьему, Римская церковь и милостивая благосклонность [здешних] правителей. Когда же его спросили, насколько осведомлен он о деяниях этих тартар, вопрошающим ответил так:

«Я думаю, что они были последними из мадианитов, бежавших от лица Гедеона до самых отдаленных областей востока и севера и осевших в месте ужасном и в пустыне необитаемой, что Этревом называется. И было у них двенадцать вождей, главного из которых звали Тартаркан. От него и они названы тартарами, хотя некоторые говорят, что они названы от Тарахонта. От него же произошел Чиартхан, имевший троих сыновей. Имя перворожденного — Тесиркан, второго — Чурикам, третьего — Бататаркан. Они, хотя и были взращены в горах высочайших и почти недоступных, грубые, не признающие закона, и дикие, и воспитанные в пещерах и логовах львов и драконов, которых они изгнали, все же были подвержены соблазнам. И вот вышли отец и сыновья с бесчисленными полчищами, по своему вооруженными, и некий величайший город, название которого Эрнак, осадив, захватили его и владыку этого города, которого сразу убили, а Курцевсу, его племянника, бежавшего, преследовали по многим провинциям, опустошая все провинции, которые давали ему убежище. Среди них в большей части опустошена Россия вот уже двадцать шесть лет. По смерти же отца трое братьев отделились друг от друга. И в течение долгого времени, став пастухами стад, которые захватывали, всех соседних [им] пастухов или убили, победив, или себе покорили. Итак, став многочисленными и более сильными, избирая из своего числа вождей, они стремительно нападали на самые отдаленные места и покоряли себе города, побеждая их жителей. Тесиркан пошел против вавилонян, Чурикан — против тюрков, Бататаркан остался в Орнаке и послал вождей своих против России, Польши и Венгрии и многих других *королевств*. И эти трое со своими многочисленнейшими полчищами замыслили напасть на соседние части Сирии. И уже прошло, как говорят, тридцать четыре года с тех пор, как впервые вышли они из пустыни Этрев».

Когда его спросили о вероисповедании [их], он ответил, что они веруют в единого владыку мира, и когда отправили посольство к рутенам, поручили [сказать] такие слова: «Бог и сын его — на небе, Чиархан — на земле».

Об образе жизни [их] сказал: «Они едят мясо лошадей, собак и других презираемых [обычно] животных, также, в крайних случаях, человеческое, однако не сырое, а вареное. Пьют кровь, воду и молоко. Они сурово наказывают за преступления, прелюбодеяния, воровство, ложь и убийства — смертной казнью. Многоженства не осуждают, [и] каждый имеет одну или много жен. Они не позволяют чужестранцам ни жить вместе с собой, ни вести торговые дела, ни участвовать в советах. Они разбивают лагерь обособленно, и если кто чужой замыслит проникнуть в них, того тотчас убивают».

Об обрядах же и верованиях их сказал: «Повсюду утром они воздевают руки к небу, поклоняясь творцу. Вкушая, первый кусок подбрасывают в воздух; [приступая к] питью, сначала часть [жидкости] выливают в землю, поклоняясь творцу. И говорят они, что предводитель их — святой Иоанн Креститель. В новолуние они устраивают шумные празднества. Они сильнее и подвижнее нас и способнее переносить трудности; точно так же и кони их и скот. Женщины [их] — прекрасные воины и особенно лучницы. Доспехи у них из кожи, почти непробиваемые; наступательное оружие [сделано] из железа и напоено ядом. Есть у них многочисленные устройства, метко и мощно бьющие. Спят они под открытым небом, не обращая внимания на суровость климата. Они вобрали в себя уже многих

от всех народов и племен. А намерены они подчинить себе весь мир, и было им божественное откровение, что должны они разорить весь мир за тридцать девять лет. И утверждают они, что [как] некогда божественная кара потопом очистила мир, так и теперь всеобщим избиением людей, которое они произведут, мир будет очищен. Они полагают и говорят, что будет у них суровая схватка с римлянами, ибо они называют всех латинян⁵ римлянами, и они боятся чудес, [так как веруют, что] приговор о будущем возмездии может меняться. Если они победят, то утверждают, что воистину будут властвовать [над] всем миром. Они довольно хорошо соблюдают договоры [с теми], кто сразу им сдается и обращается в невольника; они берут себе из них отборных воинов, которых всегда в сражениях выставляют вперед. Разных ремесленников они точно так же оставляют себе. Из восстающих против них или презирающих их ярмо они не щадят никого, как и тех, кто их ожидает. Послов они благосклонно принимают, расспрашивают и отпускают».

В конце же, когда его спросили о переправе через моря и реки, сказал, что реки они переплывают на конях и пузырях, для этого приготовленных. И что в трех местах готовят они суда на море. Сказал также, что некто из тартар, по имени Калаладин, зять Чиркана, бежал в Руссию, ибо был уличен во лжи. Его [лишь] благодаря его жене пощадили старейшины тартарские, [а] не убили его.

10

№ 46. Послание некоего венгерского епископа парижскому епископу [10 апреля 1242 г.]

Я отвечаю Вам о тартареях, что они пришли к самой границе Венгрии за пять дневных переходов и подошли к реке, которая называется Дейнфир, через которую летом переправиться не смогли. И желая дожидаться зимы, выслали они вперед нескольких лазутчиков в Руссию; из них двое были схвачены и отправлены к государю *королю* Венгрии, и были они у меня под стражей; и от них я узнал новости, которые веряю Вам. Я спросил, где лежит земля их, и они сказали, что лежит она за какими-то горами и расположена близ реки, что зовется Эгог; и полагаю я, что народ этот — Гог и Магог. Я спросил о вере; и чтобы не распространяться, скажу, что они ни во что не верят; и они начали говорить, что они отправились на завоевание мира. Буквы у них иудейские, ибо ранее собственной письменности у них не было. Я спросил, кто те, что учат их грамоте; они сказали, что это люди бледные, они много постятся, носят длинные одежды и никому не причиняют зла; и поскольку они сообщили о людях этих много подробностей, которые схожи с религиозными обрядами фарисеев и садукеев, я полагаю, что они — садукеев и фарисеев. Я спросил, разделяют ли они пищу [на чистую и нечистую]; они сказали, что нет; ведь едят они лягушек, собак и змей и все [прочее] без разбора. Я спросил, как они вышли из-за гор, за которыми были; они сказали, что длина и ширина их простирается на двадцать дневных переходов; двенадцать тысяч человек всегда верхом; они охраняют войско. Кони у них хорошие, но глупые. Ведь много коней следуют за ними сами по себе; так что если один скачет верхом, то за ним следуют двадцать или тридцать коней. Панцири у них из кожи, и они прочнее, чем из железа, и точно так же конская сбруя. Пешие, они ни на что не способны, ибо у них короткие ноги и длинное туловище. Они более искусные лучники, чем венгерские и команские, и луки у них более мощные. В какую бы землю они ни вошли, они уничтожают [все] население земли, кроме младенцев, которым Цингитон, что переводится как «Царь царей», государь их, налагает печать свою раскаленную на лицо их. Печать свою Цингитон доверяет сорока двум советникам. Ни один из целого войска не осмеливается [говорить] шепотом, ни один из целого войска не осмеливается спросить, куда идет государь наш или что он намерен делать. Они пьют кобылье молоко и сильно пьянеют. Услышать точные сведения о них мы не можем, ибо впереди них идут некие племена, именуемые морданами, и они уничтожают всех людей без разбору; и ни один из них не осмеливается надеть обувь на ноги свои, пока не убьет человека; и, я полагаю, ими были убиты проповедники и братья-минориты и прочие послы, которых отправил для разведывания *король* Венгрии. Без колебания они разорили все земли и разрушили все, что ни попадалось, до самой упомянутой реки.

11

№ 47. [Послание Генриха Распе, ландграфа тюрингенского герцогу Брабантскому о тартарах. 1242 г.]

Светлейшего мужа, славного и благородного, наделенного необычайными добродетелями и увенчанного процветанием, по замыслу божьему, Й., божьей милостью *герцога* Брабанта и Бононии, Н., божьей милостью *ландграф* тюрингенский и *палатин* саксонский, приветствует и [желает] избежать угрозы, [нависшей над] христианской верой.

Внемлите острова и все народы христианской веры, крест господень исповедающие, в пепле и рубище, посте и рыдании, и плачем возрыдайте, исторгните потоки слез, ибо грядет и [пропуск в рукописи] снова грядет день господень, великий и горький чрезмерно, когда явится неслыханное гонение на крест Христа с севера и от моря, когда смутятся умы и опечалятся сердца, лица омоются слезами, а души отягчатся вздохами, [лишь] временами обретая покой. В меру своих возможностей мы сообщаем вам, что бесчисленные племена, ненавидимые прочими людьми, по необузданной злобе землю с ревом попирая, от востока до самых границ нашего владения подвергли всю землю полному разорению, города, крепости и даже *муниципии* разрушая, не только христиан, но даже язычников и иудеев, никого не щадя, всех равно без сострадания предавая смерти, за исключением одних лишь младенцев, которым царь их, величайший Цингитон, ставит клейма на лбу. Людей они не поедают, но прямо пожирают. Едят они и лягушек,

[и] змей и, дабы быть кратким, не различают никакой пищи [чистой от нечистой]; и как при виде льва бегут все животные, так при виде этого племени все народы христианские обращаются в бегство. Даже команы, люди воинственные, не смогли в земле своей выстоять против них, но двадцать тысяч команов бежали к христианам и вступили в союз с христианами; и готовы они сражаться против каждого народа, кроме вышеупомянутого. Что удивительного? Ведь у них страшное тело, яростные лица, гневные глаза, цепкие руки, окровавленные зубы, а пасти их в любое время готовы поедать человеечьё мясо и впивать человеечью кровь; и таково количество их, что полчище их тянется на двадцать дневных переходов в длину и пятнадцать — в ширину. И чтобы немногими словами выразить многое, [скажем, что], поскольку упомянутые люди, называемые тартарами, всю Руссию и Польшу вплоть до границ Богемского *королевства* и половину Венгерского *королевства* подвергли полному разорению и как бы неожиданно врвались в города и вешали правителей [их] в центре города, полагаем мы, что они — меч гнева господня на прегрешения народа христианского, чему свидетель — блаженный Методий, который называет этих тартар измаильянами и дикими ослами, лесными ослами и т.д. Мы же, уповая на доброту и сострадание всевышнего судии, смиренно [умоляем] святых мужей проповедников и миноритов, дабы они призвали весь народ христианский, идущий за крестом, молиться, скорбеть и поститься. Предлагаем также, обратив помыслы к небесам, взять щит и меч. Ибо мы предпочитаем погибнуть в войне, чем видеть беды народа нашего и [осквернение] святынь. Если щит наш, на который придется первый удар, сокрушится, если наша стена занялась и земля разорена, [то и] соседние стены и соседние провинции подвергнутся опасности. Прощай. Я услышал от брата Роберта из Фелеса, что без колебания тартары эти разорили семь монастырей братьев его.

12

№ 48. [Послание *аббата* монастыря Святой Марии в Венгрии. 4 января 1242 г.]

К священнослужителям и всем верным святой матери церкви, которые увидят или услышат сие послание, [обращаюся] Ф., милостью божией смиренный *аббат* монастыря Святой Марии, и все здешнее братство Ордена святого Бенедикта, находящееся в Венгрии. Да пошлет нам дух святой утешение, спасение, которое принес вам святой Венедикт, и вечную славу.

Подателей сего братьев-священнослужителей В. и Й., монахов храма нашего, которых мы посылаем из монастыря Святой Марии в Руссии в Гибернию для пребывания [там], мы вверяем вашей милости. И это мы вынуждены были сделать из-за неожиданного нашествия тартар, о которых говорят, что они измаильяне, о горе! Увы, мать церковь, стенающая и горяющая о детях [своих], преданных богу, которых разметало среди разных народов из-за тартар, [которые], неожиданно нагрянув, мощным ударом вторглись в восточные пределы и огромную часть людей, живших там, предали смерти. Кроме того, богатства церкви нашей и доходы братьев, идущие на их содержание, они совершенно разграбили; и, говорят, что прошло сорок два года с тех пор, как сошли они с гор, [в которых] находились в заключении. Они, идя из проклятых, как мы думаем, мест, дабы жестоко разорить провинции Азии, четырех царей с князьями этой земли бесчеловечно умертвили. Ведь весьма могущественного *короля* Каппадокии, царя персов с его приближенными, равно как 25 могущественнейших князей в Руссии, блаженной памяти князя Г[енриха] Польского уничтожили с сорока тысячами людей за один день, как за одно мгновение. Кроме того, они обратили в бегство славного *короля* венгерского, Белой величаемого, трех *архиепископов* и четырех *епископов* и шестьдесят пять тысяч человек. И в этой битве *король* Коломан, брат упомянутого *короля*, был смертельно ранен, так что спустя недолгое время скончался. Затем, продвигаясь к границам благородного *герцога* Австрии, Штирии, Тревизского *маркграфства*, Мораннии и Богемии, когда на Рождество господне Дунай сковался льдом, с великой силой они переправились на другой берег реки; разоряя земли упомянутых властителей и все жестоко уничтожая на пути, не щадя ни мужчин, ни женщин, они с бесстыдством совершают то, что невозможно выразить словами. Они спят в церквях с женами своими, а из других мест, богом освященных, о горе! делают стойла для коней. Их дерзость, благодаря гневу божьему, настолько возросла, что *прелаты*, а именно *архиепископы*, *епископы*, *аббаты*, правители и народ в смятии бегут пред разнузданными варварскими вождами, не ожидая ничего иного, кроме смерти; убитые монахи, монахини, проповедники, принявшие горестную смерть, ставшие мучениками во имя Христа, приобщаются, как мы думаем, к вечному блаженству. Вот почему мы смиренно взываем к вашей милости, чтобы им, явившимся к вам, насколько это возможно, было бы с состраданием предоставлено убежище. Писано в Вене, в год благодати 1242, в канун январских *нон*.

И в эти времена из-за этих ужасных слухов часто произносились такие стихи, возвещающие приход Антихриста:

«Когда минует год тысяча двести

Пятидесятый после рожества Девы благой,

Будет Антихрист рожден, преисполненный демонической силой».

[...]

14

№ 50. [Послание доминиканского и францисканского монахов о тартарах. 1242 г.]

Всех братьев приветствуют брат Р. из ордена проповедников и Й. из ордена миноритов. Вы слышали разные слухи от разных [людей] о проклятых тартарах. Знайте же, что то, о чем мы вам пишем, в высшей степени правдиво (о, если

бы это было ложно!). Они — люди сильные и воинственные. Они многочисленны и достаточно хорошо вооружены. Они разорили многие земли и знаете, что в их числе — большую часть Руссии, разрушили город Риону и крепость, которая в нем была, [и] многих убили. Рассказали нам беженцы из земли той, главным образом в Саксонии, что землю ту с крепостями они атаковали с помощью тридцати двух осадных устройств. И с русценами они боролись [в течение] двадцати лет. А в нынешнем году, придя перед Пасхой в Польшу, они заняли богатые города, убив многих [жителей]; и когда с ними столкнулся герцог Генрих Польский со своим войском, они убили его и, как говорят, почти десять тысяч его [воинов]. Продвигаясь от Польши, они достигли границ Тевтонии; затем, повернув в Моравию и разорив эту богатую землю, они встретились с другим войском, идущим через Венгрию; и, говорят, что, имея перевес на своей стороне, они только что захватили плодороднейшую часть Венгрии, изгнав ее короля. И только что мы услышали, что снова шесть войск тартарских сошлись и, как полагают, для того, чтобы мощным натиском вторгнуться в Тевтонию, зная, что жители ее воинственны. Вот почему вся Тевтония готовится к сражению, взяв крест; и они старательно укрепляют города и крепости; а особенно необходимо во имя процветания церкви горячо молиться. Ибо если тевтоны, не дай боже, будут побеждены, мы не думаем, что кто-либо из христиан сможет противостоять им. Король Тевтонии и сын императора предполагают в приближающийся праздник святого Якова выступить против них с огромным войском и, хотя те называются тартарами, много в их войске лжехристиан и команов, которых по-тевтонски мы называем вальвами. И собрались они в городе Мерзбурге [и] там услышали, что король Венгрии написал королю Богемии, что он желает выступить [им] навстречу, собрав людей и снарядив огромное войско. Однако он не дерзнул выступить из-за великой силы тартар, но сказал, что желает удалиться в какое-нибудь укрепленное место близ моря. Прощайте.

15

№ 51. [Послание от Г., главы францисканцев (?) в Кёльне, включающее послание от Иордана и от главы в Пинске (?) о тартарах. 1242 г.]

Всех, кому предстоит ознакомиться с этими посланиями, брат Г. из Кёльна, *гардиан* недостойный, приветствует. Да будет известно вашей милости, что я получил послания, направленные братьями нашими герцогу Брабантскому, в такой форме:

Светлейшему господину [Генриху], герцогу Брабантскому, брат Иордан, вице-министр братьев-миноритов королевства Богемии и Польши, и брат А., *кустод* пинский и *гардиан* этого места, вместе с обителью, [возносят] смиренные и преданные молитвы.

Поскольку исключительное величие вашего благородства на радость нашему ордену не гнушается проявлять свою благосклонность, вы милостиво одобрите совершенное. И вот, конечно, понимая, что вы являетесь ревнителем бога и республики [Христа], вашей светлости направляем сие [послание], дабы поведать, как некие варвары, коих мы обыкновенно называем тартарами, из-за раздоров и легкомыслия представителей светской и церковной власти дерзко нахлынув, многих христиан и могущественное Венгерское королевство и пять герцогств польских предали мечу. А изгнав упомянутого венгерского короля и убив главного герцога польского со многими воинами, которых они застигли врасплох, за короткое время они не только в упомянутых землях, но даже и в *марках*, в большинстве своем к королевству Богемии принадлежащих, произвели великое побоище, одерживая победу скорее коварством, нежели силой; ибо когда они знают, что на них движется войско противника, часто, даже — всегда, они делают вид, что бегут и отступают, [но] спустя короткое время, возвращаясь, с еще большей яростью нападают и сражаются, не щадя никого, [невзирая на] пол, возраст или положение; они оскверняют места, освященные богом, [и] спят в них с женами, а к гробницам святых привязывают коней своих; и мощи святых отдают на съедение зверям земным и птицам небесным; многих обращает в бегство ужас, [внушенный] только именем их. Ибо поскольку из-за гнева божьего процветает коварство в руках их, а численность их день ото дня возрастает, а мирных людей, которых побеждают и подчиняют себе как союзников, а именно великое множество язычников, еретиков и лжехристиан, превращают в своих воинов, возникает опасение, как бы все христианство не подверглось уничтожению; только если смилостивится бог и объединит праведных узами мира, только тогда будет отведен гнев господень, которым тартары, спутники дьявола, искореняют живое с земли. Потому вам можно [пропуск?] великие опасности, мы, однако, решили кратко обратиться с увещанием к вашей светлости; только когда вы и прочие правители и *прелаты* и все православные и веры христианской ревнители поспешите навстречу этим неминуемым несчастьям с молитвами и постами, а также готовя воинов и вооружение, дабы укрепились духовным и светским оружием во избежание угрожающей бури, свобода христианская вздохнет полной грудью. Они, называемые тартарами, разорили уже Индию, Великую и Малую, да еще Персидское царство, а в Руссии они прошли через 72 княжества, затем — [через] Венгрию, Польшу, и самого правителя земли этой и множество народа убили. А перед [днем] Вознесения господня они вторглись в Моравию, где пребывают [ныне]. Кроме того, женщины их вооружены и скачут верхом и никого не щадят. И та, которая лучше сражается, пользуется наибольшим успехом, как у нас та, что умеет лучше ткать или шить или более красива, [считается] наиболее желанной для брака. Прощай.

16

№ 61. [Донесение о татарах, сообщенное в Лионе доминиканцем Андре. 1245 г.]

[...] Кроме того, брат Андреас и еще один проповедник недавно прибыли в Лугдун; один из них был послан два года тому назад господином *папой* к царю тартарскому. И брат тот на расстоянии сорока пяти дневных переходов за Аконом нашел некое войско тартарское, в котором было около трехсот тысяч всадников из числа самих тартар, не считая пленников, обложенных данью, от многих народов. И это войско [находилось в авангарде?] войска великого царя, [отстоявшего от него] на расстояние пяти месяцев пути. Появился же в этом войске некто по всем делам и облику и вере ревностный католик, из тех, кого называют монахами и который получил от царя такую власть, что прежде, чем какое-либо царство должно быть завоевано, он просит [уберечь] то, что мирно, и защищает церкви и возводит и восстанавливает разрушенные; он берет под свое покровительство всех верующих людей и всех христиан, которые отдают себя под власть этого царя. Ибо царь тартарский стремится только к господству надо всеми, а также к монархии всего мира и не жаждет ничьей смерти, но каждому позволяет пребывать в своей вере после того, как подчинит себе, и никого не заставляет обращаться в чуждую ему веру.

О религии их

Также брат, которого спросили о религии их, ответил, что они верят, что есть один бог, и имеют свои обряды, которые всеми должны соблюдаться под угрозой наказания. Государством своим они управляют справедливейшим образом. Ведь если кого-либо, пренебрегшего своими женами и служанками, они застают с женой или служанкой или дочерью другого или уличат во лжи, безо всякой жалости предадут того смерти.

О мощи их

Также мощь их такова, что они уже подчинили себе почти всю Восточную Азию, находясь на расстоянии всего двух дневных переходов от Антиохии, и вторглись бы уже и в нее, если бы упомянутый монах не удержал их. Но ныне он более не может их удерживать. И прошло двадцать пять лет с тех пор, как они изгнали хоразминов из земли их, а они (хоразмины) одержали победу над христианами в Святой земле, и поэтому они (татары) насмеются над ними (христианами), что они осмеливаются выступить против могущественнейшего царя тартарского. И среди прочих царств он покорил себе некоего *султана* Иконии, земля которого гораздо обширнее всех царств по сию сторону гор; и каждый день он посылает ему в качестве дани тысячу золотых перперов и одного квирита в услужение. Вооружение у них легкое и [сделано] из кожи. *Баллистами* они не пользуются, но зато они — отличные лучники. Пища их довольно скромна, ибо вяленое и высушенное мясо лошадей и тому подобных животных они измельчают в порошок и растворяют порошок в воде или в кобыльем молоке и пьют и так насыщаются.

О происхождении царя тартарского

Также тот брат сказал, что царь их — сын христианки. Ибо отец его, когда покорил себе всю Индию и того, кто называется *пресвитером* Иоанном (имя, которое дается всем царям Индии), убил, то взял в жены его дочь, а от нее родился тот царь, что ныне правит у тартар. И по настоянию этой женщины и был приведен к царю тартарскому упомянутый монах. Ибо он был ранее с упомянутым *пресвитером* Иоанном. И когда царь тартарский понял, что он — святой человек и дает добрые советы, он оставил его и передал ему указанную власть. Этот монах послал господину *папе* через упомянутого брата в дар посох из слоновой кости и написал ему и Фридриху, что он любит их, [но] осуждает за то, что, будучи главами церкви, они находятся во взаимной вражде, не обращая внимания на то, что могущественнейший царь тартарский вот-вот выступит против них, а мощи его не сможет противостоять и весь христианский мир.

Также об упомянутом брате

Упомянутый брат рассказал многое другое, что перешло бы границы достоверного, если бы его авторитет не являлся подтверждением истинности сказанного. Знает он также арабский и халдейский языки, и от него не могло утаиться ничего из того, о чем они говорили. И был он с упомянутым монахом в течение двадцати дней, и монах оказал ему великие почести и послал гонца своего с ним к господину *папе*.

Также дядя этого царя тартарского стоит во главе того войска, которое напало на Венгерское *королевство*. Я слышал также от одного брата, что *папа* написал *епископу* Осанскому (?), что вскоре будет избран новый царь, лучше, чем тот, который умер.

[...].»

ИЗ «ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК» ВИЛЬГЕЛЬМА ДЕ РУБРУКА

Вильгельм (Виллем) де Рубрук (Рубруквис) — фламандский путешественник, монах (дата рождения и смерти точно неизвестны, родился он между 1215 и 1220 г. — умер предположительно в 1295 г.). Как и Иоанн де Плано Карпини, был францисканцем и тоже входил в орден миноритов. В 1253—1255 гг. брат Вильгельм совершил поездку в Монголию во главе посланной французским королем Людовиком IX дипломатической миссии, который хотел заручиться помощью монголов в борьбе с мусульманами. Исследователи отмечают хорошую подготовленность Вильгельма де Рубрука для совершения подобного путешествия. Французский король выбрал его не только как человека, знакомого ему по шестому крестовому походу (1228—1229), но и выделяющегося своими способностями. Прежде чем отправиться в свое путешествие, Вильгельм де Рубрук, видимо, провел несколько лет на Ближнем Востоке. Маршрут фламандца в Каракорум шел из Палестины, через Константинополь в Крым, донские степи, по территории современной Средней Азии в Центральную Монголию. В 1254 г. он достиг Каракорума; на обратном пути прошел Кавказ и Малую Азию. Во Францию Вильгельм де Рубрук возвратился в начале 1255 г. Итоги путешествия Вильгельма де Рубрука нашли отражение в его сочинении «Itinerarium» («Путевые заметки»), адресованном

Людовику IX. Впервые на русском языке они были опубликованы лишь в 1911 г. в переводах известного латиниста А.И.Малеина.

Источник цитируется по изданию: Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Пер. А.И. Малеина, вступ. ст., коммент. М.Б.Горнунга. М., 1997. С. 88–124, 125–127, 130–134, 137–140, 142–143, 145–147, 150–151, 161–189.

«Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука в лето Благости 1253

[...]

Глава первая

Отъезд наш из Константинополя и прибытие в Солдаию, первый город татар

Итак, да знает ваше священное величество, что в лето Господне 1253 г., седьмого мая, въехали мы в море Понта, именуемое в просторечии Великим морем [...]. Мы прибыли в область Газарию, или Кассарию, которая представляет как бы треугольник, имеющий с запада город, именуемый Керсона, в котором был замучен святой Климент. И, плывя перед этим городом, мы увидели остров, на котором находится знаменитый храм, сооруженный, как говорят, руками ангельскими. В середине же, приблизительно в направлении к южной оконечности, Кассария имеет город, именуемый Солдаия, который обращен к Синополю наискось, и туда пристают все купцы, как едущие из Турции и желающие направиться в северные страны, так и едущие обратно из России и северных стран и желающие переправиться в Турцию. Одни привозят горностаев, белок и другие драгоценные меха; другие привозят ткани из хлопчатой бумаги, бумазею (*gambasio*), шелковые материи и душистые коренья. В восточной же части этой области есть город, именуемый Матрика, где река Танаид впадает в море Понта, имея в устье 12 миль в ширину. Именно эта река, прежде чем впасть в море Понта, образует на севере как бы некое море, имеющее в ширину и длину семьсот миль, но нигде не имеющее глубины свыше шести шагов (*passus*); поэтому большие корабли не входят в него, а купцы из Константинополя, приставая к вышеупомянутому городу Матрике, посылают [оттуда] свои лодки (*barsas*) до реки Танаида, чтобы закупить сушеной рыбы, именно осетров, чебаков (*hosas barbaras*) и других рыб в беспредельном количестве.

Итак, вышеупомянутая область Цезария окружена морем с трех сторон, именно с запада, где находится Керсона, город Климента, с юга, где город Солдаия, к которому мы пристали, он вершина области, и с востока, где город Маритандис, или Матрика, и устье моря Танаидского. Выше этого устья находится Зикия, которая не повинуется татарам, а к востоку — свевы и иверы, которые [также] не повинуются татарам. Затем к югу находится Трапезунда, которая имеет собственного государя по имени Гвидо, принадлежащего к роду императоров константинопольских; он повинуется татарам. Затем лежит Синополь, который принадлежит *султану* Турции; он равным образом [им] повинуется. Затем находится земля Вастация, сын которого, по деду со стороны матери, именуется Аскар; он не повинуется [татарам]. От устья Танаида к западу до Дуная все принадлежит им; также и за Дунаем, в направлении к Константинополю, Валахия, земля, принадлежащая Ассану, и Малая Булгария до Склавонии — все платят им дань; даже и сверх условленной дани они брали в недавно минувшие годы со всякого дома по одному топору и все железо, которое находили в слитке.

Итак, мы прибыли в Солдаию 21 мая, а раньше нас приехали туда некие купцы из Константинополя, которые сказали, что туда явятся послы из Святой Земли, желающие направиться к Сартаху. Однако я заявил в Вербное воскресенье, говоря проповедь в церкви Святой Софии, что я не ваш и ничей посол, но направляюсь к этим неверным согласно уставу нашего ордена. Затем, когда я прибыл в Солдаию, названные купцы внушили мне, чтобы я говорил осторожно, так как они ранее сказали, что я являюсь послом, и если бы я стал говорить, что я не посол, то мне отказали бы в проезде. Тогда я следующим образом сказал начальникам (*capitaneos*) города, а вернее, их заместителям, так как начальники отправились зимою к Батью с данью и еще не вернулись: «Мы слышали, что о вашем господине Сартахе (*Sarcaht*) говорят в Святой Земле, будто он христианин, и христиане этому очень обрадовались, а в особенности христианнейший государь, *король* франков, который там странствует и сражается с сарацинами, чтобы вырвать из рук их святые места; поэтому я намереваюсь отправиться к Сартаху и отвезти ему грамоту господина *короля*, в которой тот внушает ему о пользе всего христианства». Они приняли нас с радостью и дали нам приют в *епископской* церкви. И *епископ* той церкви бывал у Сартаха; он сказал мне много хорошего о Сартахе, чего я впоследствии не нашел.

Тогда предоставили нам на выбор, хотим ли мы иметь для перевозки своего имущества телеги, запряженные двумя быками, или вьючных лошадей. Константинопольские купцы посоветовали мне взять телеги и даже купить в собственность крытые повозки, в которых русские перевозят свои меха, и положить туда наше имущество, которое мне не нужно было доставать ежедневно, ибо если бы я взял лошадей, то мне приходилось бы во всякой гостинице снимать имущество и перекладывать на других лошадей. Кроме того, они посоветовали мне ехать тихим шагом верхом, рядом с быками. Я послушался тогда их совета, однако на свою беду, так как был в пути до Сартаха два месяца, а если бы я поехал на лошадях, то мог бы совершить этот путь в один месяц. По совету купцов я привез с собою из Константинополя в качестве подарков главным начальникам плодов, мускатного вина и вкусных сухарей (*biscostum*), дабы путь мне был более доступен, так как у них ни на кого не взирают милостивым оком, если он приходит с пустыми руками; все это, не найдя начальников города, я сложил на одной повозке, так как мне говорили,

что эти вещи будут весьма приятны для Сартаха (Sarcacht), если я смогу довести их до него. Итак, мы направились в путь около 1 июня с четырьмя нашими крытыми повозками и полученными от них двумя другими, на которых везли тюфяки, чтобы спать ночью; сверх того, они дали нам пять верховых лошадей, ибо нас было пять лиц: я и товарищ мой, брат Варфоломей из Кремоны, везший подарки Госсель, человек Божий Тургеманн [драгоман] и отрок Николай, которого я купил в Константинополе на вашу благодетельность. Они дали нам также двух людей, которые правили повозками и караулили быков и лошадей. На море, от Керсоны до устья Танаида, находятся высокие мысы, а между Керсоной и Солдаией существует сорок замков; почти каждый из них имел особый язык; среди них было много готов, язык которых немецкий. За этими гористыми местностями к северу тянется по равнине, наполненной источниками и ручейками, очень красивый лес, а сзади этого леса простирается огромная равнина, которая тянется на пять дневных переходов до конца этой области к северу; она суживается, имея море с востока и с запада, так что от одного моря до другого существует один большой перекоп (fossatum). На этой равнине до прихода татар обычно жили команы и заставляли вышеупомянутые города и замки платить им дань. А когда пришли татары, команы, которые все бежали к берегу моря, вошли в эту землю в таком огромном количестве, что они пожирали друг друга взаимно, живые мертвых, как мне рассказывал видевший это некий купец; живые пожирали и разрывали зубами сырое мясо умерших, как собаки — трупы. На севере этой области находится много больших озер, на берегах которых имеются соляные источники; как только вода их попадает в озеро, образуется соль, твердая, как лед; с этих солончаков Бату и Сартах получают большие доходы, так как со всей Руссии ездят туда за солью и со всякой нагруженной повозки дают два куска хлопчатой бумаги, стоящих пол-иперпера. Морем также приходит за этой солью множество судов, которые все платят пошлину по своему грузу. Итак, выехав из Солдаии, на третий день мы нашли татар. Когда я вступил в их среду, мне совершенно представилось, будто я попал в какой-то другой мир. Как могу, опишу вам их жизнь и обычаи.

Глава вторая

О татарах и их жилищах

Они не имеют нигде постоянного местожительства (civitatem) и не знают, где найдут его в будущем. Они поделили между собою Скифию (Cithiam), которая тянется от Дуная до восхода солнца; и всякий начальник (capitaneus) знает, смотря по тому, имеет ли он под своею властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также, где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью. Именно зимою они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются на север, в более холодные. В местах, удобных для пастбища, но лишенных воды, они пасут стада зимою, когда там бывает снег, так как снег служит им вместо воды. Дом, в котором они спят, они ставят на колесах из плетеных прутьев; бревнами его служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка наподобие печной трубы; ее они покрывают белым войлоком, чаще же пропитывают также войлок известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче; а иногда также берут они черный войлок. Этот войлок около верхней шейки они украшают красивой и разнообразной живописью. Перед входом они также вешают войлок, разнообразный от пестроты тканей. Именно они шивают цветной войлок или другой, составляя виноградные лозы и деревья, птиц и зверей. И они делают подобные жилища настолько большими, что те имеют иногда тридцать футов в ширину. Именно я вымерил однажды ширину между следами колес одной повозки в 20 футов, а когда дом был на повозке, он выдавался за колеса по крайней мере на пять футов с того и другого бока. Я насчитал у одной повозки 22 быка, тянущих дом, 11 в один ряд вдоль ширины повозки и еще 11 перед ними. Ось повозки была величиной с мачту корабля, и человек стоял на повозке при входе в дом, погоняя быков. Кроме того, они делают четырехугольные ящики из расколотых маленьких прутьев величиной с большой сундук, а после того с одного краю до другого устраивают навес из подобных прутьев и на переднем краю делают небольшой вход; после этого покрывают этот ящик, или домик, черным войлоком, пропитанным салом или овечьим молоком, чтобы нельзя было проникнуть дождю, и такой ящик равным образом украшают они пестроткаными или пуховыми материями. В такие сундуки они кладут всю свою утварь и сокровища, а потом крепко привязывают их к высоким повозкам, которые тянут верблюды, чтобы можно было таким образом перевозить эти ящики и через реки. Такие сундуки никогда не снимаются с повозок. Когда они снимают свои дома для остановки, они всегда поворачивают ворота к югу и последовательно размещают повозки с сундуками с той и другой стороны вблизи дома, на расстоянии половины полета камня, так что дом стоит между двумя рядами повозок, как бы между двумя стенами. Женщины устраивают себе очень красивые повозки, которые я не могу вам описать иначе как живописью; мало того, я все нарисовал бы вам, если бы умел рисовать. Один богатый моал, или татарин, имеет таких повозок с сундуками непременно 100 или 200; у Бату 26 жен, у каждой из которых имеется по большому дому, не считая других, маленьких, которые они ставят сзади большого; они служат как бы комнатами, в которых живут девушки, и к каждому из этих домов примыкают по 200 повозок. И когда они останавливаются где-нибудь, то первая жена ставит свой двор на западной стороне, а затем размещаются другие по порядку, так что последняя жена будет на восточной стороне и расстояние между двором одной госпожи и другой будет равняться полету камня. Таким образом, один двор богатого моала будет иметь вид как бы большого города, только в нем будет очень немного мужчин. Самая слабая из женщин (muliercula) может править 20 или 30 повозками, ибо земля их очень ровна. Они привязывают повозки с быками или верблюдами одну за другой, и бабенка будет сидеть на передней, понукая быка, а все другие повозки следуют за ней ровным шагом. Если им случится дойти до какого-нибудь плохого перехода, то они развязывают повозки и перевозят их по одной. Ибо они едут так медленно, как ходит ягненок или бык.

Глава третья

Об их постелях, идолах и обрядах перед питьем

Когда они поставят дома, обратив ворота к югу, то помещают постель господина на северную сторону. Место женщин всегда с восточной стороны, то есть налево от хозяина дома, когда он сидит на своей постели, повернув лицо к югу. Место же мужчин с западной стороны, то есть направо. Мужчины, входя в дом, никоим образом не могут повесить своего колчана на женской стороне. И над головою господина бывает всегда изображение, как бы кукла или статуэтка из войлока, именуемая братом хозяина; другое похожее изображение находится над постелью госпожи и именуется братом госпожи; эти изображения прибиты к стене; а выше среди них находится еще одно изображение, маленькое и тонкое, являющееся, так сказать, сторожем всего дома. Госпожа дома помещает у своего правого бока, у ножек постели, на высоком месте козлиную шкуру, наполненную шерстью или другой материей, а возле нее маленькую статуэтку, смотрящую в направлении к служанкам и женщинам. Возле входа, со стороны женщин, есть опять другое изображение, с коровьим выменем, для женщин, которые доят коров; ибо доить коров принадлежит к обязанности женщин. С другой стороны входа, по направлению к мужчинам, есть другая статуя, с выменем кобылы, для мужчин, которые доят кобыл. И всякий раз, как они соберутся для питья, они сперва обрызгивают напитоком то изображение, которое находится над головой господина, а затем другие изображения по порядку. После этого слуга выходит из дома с чашей и питьем и кропит трижды на юг, преклоняя каждый раз колена, и это делается для выражения почтения к огню; после того он повторяет то же, обратясь на восток, в знак выражения почтения к воздуху; после того он обращается на запад для выражения почтения к воде; на север они кропят (prohiciunt) в память умерших.

Когда господин держит чашу в руке и должен пить, то, прежде чем пить, он выливает на землю соответствующую часть. Если он пьет, сидя на лошади, то до питья делает изливание ей на шею или на гриву. Итак, когда слуга покропит таким образом на четыре стороны мира, он возвращается в дом; и два служителя с двумя чашами и столькими же блюдами стоят наготове, чтобы отнести питье господину и жене, сидящей на постели возле него, но повыше. И если у господина очень много жен, то та, с которой он спит ночью, сидит рядом с ним днем, а всем другим в тот день надлежит приходить к тому дому, и там в тот день происходит собрание, приносимые же подарки складываются в сокровищницы этой госпожи. При входе стоит скамья с бурдюком молока или другого какого питья и с чашами.

Глава четвертая

Об их напитках и о том, как они поощряют других к питью

Зимою они делают превосходный напиток из рису, проса, ячменя и меду, чистый, как вино, а вино им привозится из отдаленных стран. Летом они заботятся только о кумысе (cosmos). Кумыс стоит всегда внизу у дома, пред входом в дверь, и возле него стоит гитарист со своей маленькой гитарой. Наших гитар и рылей (viellas) я там не видал, но видел много других инструментов, которых у нас не имеется. И когда господин начинает пить, то один из слуг возглашает громким голосом: «Га!» И гитарист ударяет о гитару, а когда они устраивают большой праздник, то все хлопают в ладоши и также пляшут под звуки гитары, мужчины пред лицом господина, а женщины пред лицом госпожи. Когда же господин выпьет, то слуга восклицает, как прежде, и гитарист молчит. Тогда все кругом, и мужчины, и женщины, пьют, при этом иногда они пьют взапуски очень гадко и с жадностью. И когда они хотят побудить кого-нибудь к питью, то хватают его за уши и сильно тянут, чтобы расширить ему горло, и рукоплещут и танцуют пред его лицом. Точно так же, когда они хотят сделать кому-нибудь большой праздник и радость, один берет полную чашу, а двое других становятся направо и налево от него, и таким образом они трое идут с пением и пляской к тому лицу, которому они должны подать чашу, и поют и пляшут пред его лицом; а когда он протянет руку для принятия чаши, они внезапно отскакивают и снова возвращаются, как прежде, и издеваются над ним таким образом, отнимая у него чашу три или четыре раза, пока он не развеселится хорошенько и не почувствует хорошего аппетита. Тогда они подают ему чашу, поют, хлопают в ладоши и ударяют ногами, пока он не выпьет.

Глава пятая

Об их пище

Об их пище и съестных припасах знайте, что они едят без разбора всякую свою падаль, а среди столь большого количества скота и стад, вполне понятно, умирает много животных.

Однако летом, пока у них тянется кумыс, то есть кобылье молоко, они не заботятся о другой пище. Поэтому, если тогда доведется умереть у них быку и лошади, они сушат мясо, разрезывая его на тонкие куски и вешая на солнце и на ветер, и эти куски тотчас сохнут без соли и не распространяя никакой вони. Из кишок лошадей они делают колбасы, лучшие, чем из свинины, и едят их свежими. Остальное мясо сохраняют на зиму. Из шкур быков они делают большие бурдюки, которые удивительно высушивают на дыму. Из задней части конской шкуры они делают очень красивые башмаки. От мяса одного барана они дают есть 50 или 100 человекам, именно они разрезают мясо на маленькие кусочки на блюдечке вместе с солью и водой — другой приправы они не делают, — а затем острием ножика или вилочки, сделанных нарочно для этого, наподобие тех, какими мы обычно едим сваренные в вине груши и яблоки, они протягивают каждому из окружающих один или два кусочка сообразно с количеством вкушающих.

Прежде чем поставить мясо барана [гостям], господин сам берет, что ему нравится, а также если он дает кому-нибудь особую часть, то получающему надлежит съесть ее одному и нельзя давать никому; если же он не может съесть всего, то ему надлежит унести это с собою или отдать своему служителю, если налицо находится тот, кто охраняет его, или иначе он прячет это в свой каптаргак, то есть в квадратный мешок, который они носят для сохранения всего подобного; сюда они прячут также и кости, когда у них нет времени хорошенько обглодать их, чтобы обглодать впоследствии, дабы не пропало ничего из пищи.

Глава шестая

Как они готовят кумыс

Самый кумыс, то есть кобылье молоко, готовится следующим образом. На двух кольях, вбитых в землю, они натягивают длинную веревку; к этой веревке они привязывают около третьего часа дня детенышей кобылиц, которых хотят доить. Тогда матки стоят возле своих детенышей и дают доить себя спокойно. А если какая-нибудь из них очень несдержанна, то человек берет детеныша и подносит к ней, давая немного сосать; затем он оттаскивает его и на смену является доильщик молока.

Итак, накопив большое количество молока, которое, пока свежее, так же сладко, как коровье, они наливают его в большой бурдюк, или бутыл (butellum), и начинают бить по нему приспособленной для этого деревяшкой; величина ее внизу с человеческую голову, а внутри она просверлена. Как только они начинают сбивать, молоко начинает кипеть, как новое вино, и окисать, или бродить, и они его сбивают до тех пор, пока не извлекут масла. Тогда они пробуют молоко и, если оно надлежало остро, пьют. Ибо оно при питье щиплет язык так же, как вино с прибавкой свежего винограда, а когда человек перестает пить, оно оставляет на языке вкус миндального молока и доставляет много приятности внутренностям человека, слабые же головы даже опьяняет; также вызывает оно много мочи. Они делают также для нужд важных господ кара-космос, то есть черный кумыс. В этом случае кобылье молоко не свертывается. Правильно служит то, что ни у одного животного, если оно не стельно, молоко не подвергается свертыванию. Если в брюхе кобылицы нет зародыша жеребенка, то молоко кобылицы не свертывается.

Итак, они настолько сбивают молоко, что все, что в нем есть густого, идет прямо на дно, как винная гуща, а то, что чисто, остается сверху, и оно напоминает собою сыроватку или белый виноградный сок. Гуща бывает очень бела, дается рабам и наводит глубокий сон. Светлую часть пьют господа, и это, несомненно, напиток очень приятный и хорошего действия. Около своего становища, на расстоянии дня пути, Багу имеет тридцать человек, из которых всякий во всякий день служит ему таким молоком от ста кобылиц, то есть во всякий день [он получает] молоко от трех тысяч кобылиц, за исключением другого белого молока, которое приносят другие. Ибо как в Сирии поселяне дают третью часть плодов, так татарам надлежит приносить ко дворам своих господ кобылье молоко каждого третьего дня. Из коровьего молока они сперва извлекают масло и кипятят его до полного сварения, а потом прячут его в кожах баранов, которые для этого сберегают. Хотя они не кладут соли в масло, оно все-таки не подвергается гниению вследствие сильной варки. И они сохраняют его на зиму. Остальному молоку, которое остается после масла, они дают киснуть, насколько только можно сильнее, и кипятят его; от кипения оно свертывается. Это свернувшееся молоко они сушат на солнце, и оно становится твердым, как выгарки железа; его они прячут в мешки на зиму. В зимнее время, когда у них не хватает молока, они кладут в бурдюк это кислое и свернувшееся молоко, которое называют гриут, наливают сверху теплой воды и сильно трясут его, пока оно не распустится в воде, которая делается от этого вся кислая; эту воду они пьют вместо молока. Они очень остерегаются, чтобы не пить чистой воды.

Глава седьмая

О животных, которыми они питаются, об их одежде и об их охоте

Важные господа имеют на юге поместья, из которых на зиму им поставляется просо и мука. Бедные добывают себе это в обмен на баранов и кожи. Рабы наполняют свой желудок даже грязной водой и этим довольствуются. Ловят они также и мышей, многие породы которых находятся там в изобилии. Мышей с длинными хвостами не едят, а отдают своим птицам. Они истребляют соней (glires) и всякую породу мышей с коротким хвостом. Там водятся также много сурков, именуемых там согур; они собираются зимою в яму зараз в числе 20 или 30 и спят шесть месяцев; их ловят татары в большом количестве. Водятся там также кролики с длинным хвостом, как у кошки, и с черными и белыми волосами на конце хвоста. У них есть также много других маленьких зверьков, пригодных для еды, которых они сами очень хорошо различают. Оленей я там не видал; зайцев видел мало, газелей много. Диких (silvestres) олов я видел в большом количестве; они похожи на мулов. Видел я также другую породу животных, именуемых аркали; они имеют тело, точно у барана, и рога, загнутые, как у барана, но такой огромной величины, что одной рукой я едва мог поднять два рога; из этих рогов они делают большие чаши. У них есть в большом количестве соколы, кречеты и аисты (?); всех их они носят на правой руке и надевают всегда соколу на шею небольшой ремень, который висит у него до середины груди. При помощи этого ремня они наклоняют левой рукой голову и грудь сокола, когда выпускают его на добычу, чтобы он не получал встречных ударов от ветра или не уносился ввысь. Итак, охотой они добывают себе значительную часть своего пропитания.

Об одеяниях и платье их знайте, что из Китая и других восточных стран, а также из Персии и других южных стран им доставляют шелковые и золотые материи, а также ткани из хлопчатой бумаги, в которые они одеваются летом. Из России, из Моксея (Maxel), из Великой Булгарии и Паскатира, то есть Великой Венгрии, из Керкиса (все

эти страны лежат к северу и полны лесов) и из многих других стран с северной стороны, которые им повинуются, им привозят дорогие меха разного рода, которых я никогда не видал в ваших странах и в которые они одеваются зимою. И зимою они всегда делают себе по меньшей мере две шубы: одну, волос которой обращен к телу, а другую, волос которой находится наружу к ветру и снегам. Эти шубы по большей части сшиты из шкур волчьих и лисьих или из шкур павианов (*parionibus*); пока татары сидят в доме, они носят другую шубу, более нежную. Бедные приготавливают верхние шубы из шкур собачьих или козьих. Когда они хотят охотиться на зверей, то собираются в большом количестве, окружают местность, про которую знают, что там находятся звери, и мало-помалу приближаются друг к другу, пока не замкнут зверей друг с другом как бы в круге, и тогда пускают в них стрелы. Они устроят также шаровары из кож. Богатые также подшивают себе платье шелковыми охлопками, которые весьма мягки, легки и теплы. Бедные подшивают платье полотном, хлопчатой бумагой и более нежной шерстью, которую они могут извлечь из более грубой. Из более грубой шерсти они делают войлок для покрывания своих домов, сундуков, а также постелей. Из шерсти также с примесью третьей части конского волоса они делают себе веревки. Из войлока они делают также плащи, чепраки и шапки против дождя; таким образом, они издерживают много шерсти. Платье мужчин вы видели.

Глава восьмая

О бритье мужчин и наряде женщин

Мужчины выбривают себе на макушке головы четырехугольник и с передних углов ведут бритье макушки головы до висков. Они бреют также виски и шею до верхушки впадины затылка, а лоб до макушки, на которой оставляют пучок волос, спускающихся до бровей. В углах затылка они оставляют волосы, из которых делают косы, которые заплетают, завязывая узлом до ушей. Платье девушек не отличается от платья мужчин, за исключением того, что оно несколько длиннее. Но на следующий день после свадьбы она бреет себе череп с середины головы в направлении ко лбу; она носит рубашку такой ширины, как куколь монахини, но в общем более широкую и длинную и спереди разрезанную, которую они завязывают на правом боку. Ибо татары отличаются от турок именно тем, что турки завязывают свои рубашки с левой стороны, а татары всегда с правой. Кроме того, они носят украшение на голове, именуемое *бокка*, устраиваемое из древесной коры или из другого материала, который они могут найти, как более легкий, и это украшение круглое и большое, насколько можно охватить его двумя руками; длиною оно в *локоть* и более, а вверху четырехугольное, как капитель колонны. Эту *бокку* они покрывают драгоценной шелковой тканью; внутри *бокка* пустая, а в середине над капителью, или над упомянутым четырехугольником, они ставят прутик из стебельков, перьев или из тонких тростинок длиною также в *локоть* и больше. И этот прутик они украшают сверху павлиньими перьями и вдоль кругом перышками из хвоста селезня, а также драгоценными камнями. Богатые госпожи полагают это украшение на верх головы, крепко стягивая его меховой шапкой (*almussia*), имеющей в верхушке приспособленное для того отверстие. Сюда они прячут свои волосы, которые собирают сзади кверху головы, как бы в один узел, и полагают в упомянутую *бокку*, которую потом крепко завязывают под подбородком. Отсюда когда много господ едет вместе, то, если смотреть на них издали, они кажутся солдатами, имеющими на головах шлемы с поднятыми копиями. Именно *бокка* кажется шлемом, а прутик наверху — копьем. И все женщины сидят на лошадях, как мужчины, расставляя бедра в разные стороны, и они подвязывают свои куколки по чреслам шелковой тканью небесного цвета, другую же повязку прикрепляют к грудям, а под глазами подвязывают кусок белой материи; эти куски спускаются на грудь. Все женщины удивительно тучны; и та, у которой нос меньше других, считается более красивой. Они также безобразят себя, позорно разрисовывая себе лицо. Для родов они никогда не ложатся в постель.

Глава девятая

Об обязанностях женщин, об их занятиях и об их свадьбах

Обязанность женщины состоит в том, чтобы править повозками, ставить на них жилища и снимать их, доить коров, делать масло и грунт, приготавливать шкуры и сшивать их, а сшивают их они ниткой из жил. Именно они разделяют жилы на тонкие нитки и после сплетают их в одну длинную нить. Они шьют также сандалии (*sotulares*), башмаки и другое платье. Платьев они никогда не моют, так как говорят, что Бог тогда гневается и что будет гром, если их повесить сушить. Мало того, они бьют моющих платье и отнимают его у них. Они боятся грома выше меры, высылают тогда всех чужестранцев из своих домов и закутываются в черные войлоки, в которые прячутся, пока не пройдет [гроза]. Никогда также не моют они блюд; мало того, сварив мясо, они моют чашку, куда должны положить его, кипящей похлебкой из котла, а после обратно выливают в котел. Они делают также войлок и покрывают дома. Мужчины делают луки и стрелы, приготавливают стремена и уздечки и делают седла, строят дома и повозки, караулят лошадей и доят кобылиц, трясут самый кумыс, то есть кобылье молоко, делают мешки, в которых его сохраняют, охраняют также верблюдов и выючат их. Овец и коз они караулят сообща, и доят иногда мужчины, иногда женщины. Кожи приготавливают они при помощи кислого, стухшего и соленого овечьего молока. Когда они хотят вымыть руки или голову, они наполняют себе рот водою и мало-помалу льют ее изо рта себе на руки, увлажняют такой же водою свои волосы и моют себе голову. О свадьбах их знайте, что никто не имеет там жены, если не купит ее; отсюда, раньше чем выйти замуж, девушки достигают иногда очень зрелого возраста. Ибо родители постоянно держат их, пока не продадут. Они соблюдают первую и вторую степень родства, свойства же не признают ни в какой степени. Именно они женятся вместе или последовательно на двух сестрах. Ни одна вдова не выходит у них замуж на том

основании, что они веруют, что все, кто служит им в этой жизни, будут служить и в будущей; отсюда о вдове они верят, что она всегда вернется после смерти к первому мужу. От этого среди них случается позорный обычай, именно что сын берет иногда всех жен своего отца, за исключением матери. Именно двор отца и матери достается всегда младшему сыну. Отсюда ему надлежит заботиться о всех женах своего отца, которые достаются ему с отцовским двором, и тогда при желании он пользуется ими как женами, так как он не признает, что ему причиняется обида, если жена по смерти вернется к отцу. Итак, когда кто-нибудь заключит с кем-нибудь условие о взятии дочери, отец девушки устраивает пиршество, и она бежит к близким родственникам, чтобы там спрятаться. Тогда отец говорит: «Вот дочь моя твоя; бери ее везде, где найдешь». Тогда тот ищет ее со своими друзьями, пока не найдет, и ему надлежит силой взять ее и привести как бы насильно к себе домой.

Глава десятая

Об их судопроизводстве, судах, смерти и похоронах

О судопроизводстве их знайте, что, когда два человека борются, никто не смеет вмешиваться, даже отец не смеет помочь сыну; но тот, кто оказывается более слабым, должен жаловаться пред двором государя, и если другой после жалобы коснется до него, то его убивают. Но ему должно идти туда немедленно, без отсрочки, и тот, кто потерпел обиду, ведет другого как пленного. Они не карают никого смертным приговором, если он не будет уличен в деянии или не сознается. Но когда очень многие опозорят его, то он подвергается сильным мучениям, чтобы вынудить сознание. Человекоубийство они карают смертным приговором, так же как сожигание не со своею женщиной. Под не своей женщиной я разумею или не его жену, или его служанку. Ибо своей рабыней можно пользоваться как угодно. Точно так же они карают смертью за огромную кражу. За легкую кражу, например за одного барана, лишь бы только человек нечасто попадался в этом, они жестоко бьют, и если они назначают сто ударов, то это значит, что те получают сто палок. Я говорю о тех, кто подвергается побоям по приговору двора. Точно так же они убивают ложных посллов, то есть тех, которые выдают себя за посллов и не суть таковые. Точно так же умерщвляют колдуний, о которых, однако, я скажу вам потом полнее, так как считают подобных женщин за отравительниц. Когда кто-нибудь умирает, они скорбят, издавая сильные вопли, и тогда они свободны, потому что не платят подати до истечения года. И если кто присутствует при смерти какого-нибудь взрослого лица, то до конца года не входит в дом самого Мангу-хана. Если умерший — ребенок, то он входит только по истечении месяца. Возле погребения усопшего они оставляют всегда один его дом, если он из знатных лиц, то есть из рода Чингиса, который был их первым отцом и государем. Погребение того, кто умирает, остается неизвестным; и всегда около тех мест, где они погребают своих знатных лиц, имеется гостиница для охраняющих погребения. Я не знаю того, чтобы они скрывали с мертвыми сокровища. Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке пред пупком чашу. Они строят также для богачей пирамиды, то есть остроконечные домики, и кое-где я видел большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома, хотя камней там и не находится. Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира; и они поставили пред ним для питья кумыс, для еды мясо, хотя и говорили про него, что он был окрещен. Я видел другие погребения в направлении к востоку, именно большие площади, вымощенные камнями, одни круглые, другие четырехугольные, и затем четыре длинных камня, воздвигнутых с четырех сторон мира по сею сторону площади. Когда кто-нибудь занедужит, он ложится в постель и ставит знак над своим домом, что там есть недужный и чтобы никто не входил. Отсюда никто не посещает недужного, кроме прислуживающего ему. Когда также занедужит кто-нибудь принадлежащий к великим дворам, то далеко вокруг двора ставят сторожей, которые не позволяют никому переступить за эти пределы. Именно они опасаются, чтобы с входящими не явился злой дух или ветер. Самих гадателей они называют как бы своими жрецами.

Глава одиннадцатая

О нашем приезде в страну варваров и об их неблагодарности

Итак, когда мы вступили в среду этих варваров, мне, как я выше сказал, показалось, что я вступаю в другой мир. Именно они на лошадях окружили нас, заставив нас наперед долго ожидать, причем мы сидели в тени под нашими повозками. Первый вопрос их был, были ли мы когда-нибудь среди них. Получив ответ, что нет, они начали бесстыдно просить себе пищи. Мы дали им сухарей и вина, которое привезли с собою из города; выпив одну бутылку вина, они попросили другую, говоря, что человек не входит в дом на одной ноге, но мы не дали им, отговорившись тем, что у нас его мало. Тогда они спросили нас, откуда мы едем и куда желаем направиться. Я им сказал прежние слова, именно что мы слышали про Сартаха, что он христианин и что я желаю направиться к нему, так как должен вручить ему вашу грамоту. Они усиленно расспрашивали, еду ли я по своей воле, или меня посылают. Я ответил, что никто не заставлял меня ехать и я не поехал бы, если бы не захотел; поэтому я еду по своей воле, а также по воле моего настоятеля. Я очень остерегался, чтобы отнюдь не сказать, что я ваш посол. Тогда они спросили, что имеется на повозках для вручения Сартаху: золото ли, или серебро, или драгоценные одежды. Я ответил, что Сартах хорошо рассмотрит, что мы вручим ему, когда доберемся до него, и что не их дело расспрашивать об этом, но пусть они прикажут проводить меня к своему начальнику, и пусть тот, если пожелает, прикажет дать мне провожатых до Сартаха, в противном случае я могу вернуться. Именно в этой области был один родственник Бату, начальник, по

имени Скатай, которому господин император константинопольский посылал письмо с просьбой, чтобы тот позволил мне проехать. Тогда они успокоились, дав нам лошадей, быков и двух людей, чтобы проводить нас; а другие, которые привезли нас, вернулись. Прежде чем, однако, дать нам вышесказанное, они заставили нас долго ждать, прося у нас хлеба для своих малюток, а также всего, что они видели у наших слуг: ножииков, перчаток, кошельков и ремешков, всем восхищаясь и все желая иметь. Я отговаривался тем, что нам предстоит дальняя дорога и что нам не следует так скоро лишать себя предметов, нужных для окончания столь дальней дороги. Тогда они стали говорить, что я самозванец. Правда, что они ничего не отняли у нас силою; но они очень надоедливо и бесстыдно просят то, что видят, и если человек дает им, то теряет, так как они неблагодарны. Они считают себя владыками мира, и им кажется, что никто не должен им ни в чем отказывать; если он не даст и после того станет нуждаться в их услуге, они плохо прислуживают ему. Они дали нам выпить своего коровьего молока, из которого было извлечено масло и которое было очень кисло; они называли его айра. И таким образом мы удалились от них, причем мне прямо представилось, что я вырвался из рук демонов. На следующий день мы добрались до начальника.

С тех пор как мы выехали из Солдаии, вплоть до Сартаху два месяца мы никогда не лежали в доме или в палатке, но всегда под открытым небом или под нашими повозками, и мы не видели никакого селения и даже следа какого-нибудь строения, где было бы селение, кроме огромного количества могил команов. В тот вечер служитель, который провожал нас, дал нам выпить кумысу; при первом глотке я весь облился потом вследствие страха и новизны, потому что никогда не пил его. Однако он показался мне очень вкусным, как это и есть на самом деле.

Глава двенадцатая

О дворе Скатая и о том, что христиане не пьют кумыса

Итак, утром мы встретили повозки Скатая, нагруженные домами, и мне казалось, что навстречу мне движется большой город. Я также изумился количеству стад быков и лошадей и отар овец. Я видел, однако, немногих людей, которые ими управляли. В силу этого я спросил, сколько человек имеет Скатай в своей власти, и мне было сказано, что не более 500, мимо половины которых мы проехали ранее при другой остановке. Тогда служитель, который провожал нас, начал мне говорить, что Скатаю надлежит что-нибудь дать, и, заставив нас стоять, пошел вперед с сообщением о нашем приходе. Уже было более трех часов и они поставили свои дома возле какой-то воды, когда к нам пришел его толмач, который, узнав тотчас, что мы никогда не были среди них, потребовал себе пищи, и мы дали ему. Требовал он также какой-нибудь одежды, так как должен был говорить наши слова перед своим господином. Мы отговорились. Он спросил, что несем мы его господину. Мы взяли бутылку вина, наполнили корзину сухарями и блюдо яблоками и другими фруктами, но ему не нравилось, что мы не подносим никакой драгоценной ткани. Итак, все же мы вошли с робостью и со стыдом. Скатай сам сидел на своем ложе, держа в руке маленькую гитару, а рядом с ним сидела его жена, о которой я вправду полагал, что она отрезала себе между глаз нос, чтобы быть более курносой, ибо у нее там ничего не осталось от носа. И она намазала это место, а также и брови какой-то черной мазью, что было весьма отвратительно в наших глазах. Тогда я сказал Скатаю вышеупомянутые слова. Ибо везде нам надлежало говорить ту же самую речь. Именно те, кто был у них, хорошо предупреждали нас на этот счет, чтобы мы никогда не меняли своих слов. Я также попросил его, чтобы он соблаговолил принять подарок из наших рук, причем извинялся, что я монах и что нашему ордену не надлежит владеть золотом, серебром и драгоценными одеждami; поэтому у меня нет ничего подобного, что я мог бы ему дать, но пусть он примет в знак благословения нашу пищу. Тогда он приказал принять и тотчас распределил своим людям, которые собрались для попойки. Я дал ему также грамоту господина императора константинопольского. Это было в восьмой день по Вознесении. Он тотчас послал ее в Солдаию, чтобы там перевести, так как она была написана по-гречески, а с ним не было никого, кто знал бы греческую грамоту. Он также спросил у нас, хотим ли мы пить кумыс, то есть кобылье молоко. Ибо находящиеся среди них христиане, русские, греки и аланы, которые хотят крепко хранить свой закон, не пьют его и, даже когда выпьют, не считают себя христианами, и их священники примиряют их тогда [с Христом], как будто они отказались от христианской веры. Тогда я ответил, что у нас еще есть достаточно что пить, а когда это питье у нас выйдет, нам надлежит пить то, что он нам даст. Он спросил также, что содержится в той грамоте, которую вы посылали Сартаху. Я сказал, что наша *булла* запечатана, но что в ней заключаются только любезные и дружественные слова. Он спросил также, какие слова скажем мы Сартаху. Я ответил: «Слова христианской веры». Он спросил, какие именно, так как охотно желал бы послушать. Тогда я изложил ему как мог, при посредстве своего толмача, человека вовсе не развитого и не обладавшего никаким красноречием, символ веры. Выслушав его, он замолчал и кивнул головой. Затем он назначил нам двух людей для охраны нас, лошадей и быков и приказал нам ехать с собой, пока не вернется гонец, которого он послал для перевода грамоты императора, и мы ехали с ним до дня, следующего за Пятидесятницей.

Глава тринадцатая

О том, как накануне Пятидесятницы к нам пришли аланы

Накануне Пятидесятницы пришли к нам некие аланы, которые именуются там аас, христиане по греческому обряду, имеющие греческие письмены и греческих священников. Однако они не схизматики, подобно грекам, но чтят всякого христианина без различия лиц. Они принесли нам вареного мяса, прося покушать их пищи и помолиться за одного усопшего их. Тогда я сказал им, что теперь канун столь великого праздника и что в такой день мы не будем

есть мяса, и объяснил им этот праздник, чему они очень обрадовались, так как не знали ничего имеющего отношение к христианскому обряду, за исключением только имени Христова. Спрашивали также они и многие другие христиане, русские и венгры, могут ли они спастись, потому, что им приходилось пить кумыс и есть мясо животных, или павших, или убитых сарацинами и другими неверными, что даже сами греческие и русские священники считают как падаль или как принесенное в жертву идолам, а также потому, что они не знали времени поста и не могли соблюдать его, даже если бы знали. Тогда я разьяснил им как мог, научая и наставляя их в вере. Мясо, принесенное ими, мы сберегли до праздничного дня, ибо не находили ничего продажного за золото или серебро, а только за полотно или за другие ткани, чего у нас не было. Когда наши слуги показывали им иперперы, они терли их пальцами и подносили к носу, чтобы узнать по запаху, не медь ли это.

В пищу нам давали только коровье молоко, очень кислое и вонючее. Вино было у нас уже на исходе; воду лошади мутили так, что она не была годна для питья. Если бы у нас не было сухарей, которые мы имели, и милости Божией, мы, наверное, умерли бы от голода.

Глава четырнадцатая **Об одном сарацине, желавшем креститься, и о некоторых людях,** **имевших вид прокаженных**

В день Пятидесятницы пришел к нам некий сарацин, во время разговора которого с нами мы начали излагать веру. Слыша про благодеяния Божии, оказанные человеческому роду воплощением и воскресением мертвых, и про будущий суд, а также про то, что омовение грехов заключается в крещении, он заявил о своем желании креститься. Когда мы стали готовиться к его крещению, он неожиданно сел на свою лошадь, говоря, что отправится домой и посоветуется со своей женой. На следующий день в разговоре с нами он сказал, что никоим образом не дерзает принять крещение, так как тогда не может пить кумысу. Именно христиане той местности говорили то, что ни один истинный христианин не должен пить его, а без этого напитка он не может жить в этой пустыне. Я никоим образом не мог отвратить его от этого мнения. Отсюда знайте за верное, что они весьма далеки от веры вследствие этого мнения, которое уже укрепилось среди них благодаря русским, количество которых среди них весьма велико. В этот день начальник дал нам человека, чтобы проводить нас к Сартаху, и двоих людей, чтобы отвезти нас до ближайшей стоянки, отстоявшей оттуда на пять дневных переходов таким шагом, каким могли пройти быки. Они дали также нам в пищу козу, несколько бурдюков с коровьим молоком и немного кумысу, так как он считается среди них драгоценностью. И когда мы таким образом направились прямо на север, мне показалось, что мы переступили ворота ада. Служители, нас сопровождавшие, начали нас дерзко обкрадывать, так как видели, что мы мало остерегаемся [...]. Наконец мы добрались до края этой области, которая замыкается перекопом от одного моря до другого; за нею были пристанища тех, по входе к которым они показались нам все прокаженными, так как это были презренные люди, помещенные там, чтобы получать дань с берущих соль из вышеупомянутых солеварен. С того места, как говорили, нам надлежало странствовать 15 дней, не встречая никаких людей. Мы выпили с ними кумысу и дали им корзину, полную сухарей; они дали нам, восьми человекам, для столь продолжительного пути одну козу и сколько-то бурдюков, полных коровьего молока. Переменив таким образом лошадей и быков, мы снова пустились в путь, который совершили в десять дней до другой остановки, и на этой дороге находили воду только во рвах, сделанных в долинах, да еще в двух небольших реках. И все время, как мы оставили упомянутую выше область Газарию, мы ехали на восток, имея с юга море, а к северу большую степь, которая в некоторых местах продолжается на 30 дневных переходов и в которой нет никакого леса, никакой горы и ни одного камня, а трава отличная. В ней прежде пасли свои стада команы, именуемые капчат; немцы же называют их валанами, а область — Валанией. Исидор же называет страну от реки Танаида до Меотидских болот и Данубии Аланией, и эта страна тянется в длину от Данубия до Танаида, который служит границей Азии и Европы, на двухмесячный путь быстрой езды, как ездят татары. Она вся заселена была команам капчат, равно как и дальше, от Танаида до Этилии; между этими реками существует 10 больших дневных переходов. К северу от этой области лежит Руссия, имеющая повсюду леса; она тянется от Польши и Венгрии до Танаида. Эта страна вся опустошена татарами и поныне ежедневно опустошается ими.

Глава пятнадцатая **О тягостях, которые мы испытали, и о могилах команов**

Именно татары предпочитают сарацин русским, так как они — христиане. Когда русские не могут дать больше золота или серебра, татары уводят их и их малюток, как стада, в пустыню, чтобы караулить их животных. За Руссией, к северу, находится Пруссия, которую недавно покорили всю братья Тевтонского ордена, и, разумеется, они легко покорили бы Руссию, если бы принялись за это. Ибо если бы татары узнали, что великий священник, то есть *papa*, поднимает против них крестовый поход, они все убежали бы в свои пустыни. Итак, мы направлялись к востоку, не видя ничего, кроме неба и земли, а иногда с правой руки море, именуемое морем Танаидским (Tanays), а также усыпальницы команов, которые видны были в двух лье, ибо у них существует обычай, что все родство их погребается вместе. Пока мы были в пустыне, нам было хорошо, так как я не могу выразить словами той тягости, которую я терпел, когда мы прибыли к становищам команов. Именно наш проводник желал, чтобы я входил ко всякому начальнику с подарком, а для этого не хватало средств. Ибо ежедневно нас было восемь человек, которые ели наш хлеб, не считая случайно приходивших, которые все хотели есть вместе с нами. Ибо нас было пятеро, и трое

сопровождало нас: двое правили повозками, а один желал отправиться с нами к Сартаху. Мяса, которое они давали, не хватало, и мы не находили ничего продажного за деньги. Даже когда мы сидели под своими повозками ради тени, так как в то время там стояла сильная жара, они так надоедливо приставали к нам, что давили нас, желая рассмотреть все наши вещи. Если у них появлялось желание опорожнить желудок, они не удалялись от нас и настолько, насколько можно бросить зерно боба; мало того, они производили свои нечистоты рядом с нами во взаимной беседе, делали они и много другого, что было тягостно выше меры. Но больше всего удручало меня то, что я бессилён был сказать им какое-нибудь слово проповеди; мой толмач говорил: «Вы не можете заставить меня проповедовать, потому что я не умею говорить таких слов». И он говорил правду. Ибо впоследствии, когда я начал немножечко понимать язык, я узнал, что, когда я говорил одно, он говорил совсем другое, что ему приходило в голову. Тогда, видя опасность говорить при его посредстве, я предпочел больше молчать. Итак, мы с великим трудом странствовали от становища к становищу, так что не за много дней до праздника блаженной Марии Магдалины достигли большой реки Танаида, которая отделяет Азию от Европы, как река Египта Азию от Африки. В том месте, где мы пристали, Бату и Сартах приказали устроить на восточном берегу поселок (casale) русских, которые перевозят на лодках послов и купцов. Они сперва перевезли нас, а потом повозки, помещая одно колесо на одной барке, а другое на другой; они переезжали, привязывая барки друг к другу и так гребя. Там наш проводник поступил очень глупо. Именно он полагал, что они должны дать нам коней из поселка, и отпустил на другом берегу животных, которых мы привезли с собою, чтобы те вернулись к своим хозяевам; а когда мы потребовали животных у жителей поселка, те ответили, что имеют льготу от Бату, а именно они не обязаны ни к чему, как только перевозить едущих туда и обратно. Даже и от купцов они получают большую дань. Итак, там, на берегу реки, мы стояли три дня. В первый день они дали нам большую свежую рыбу — чебак (borbotan), на второй день — ржаной хлеб и немного мяса, которое управитель селения собрал наподобие жертвы в различных домах, на третий день — сушеной рыбы, имевшейся у них там в большом количестве. Эта река была там такой же ширины, какой Сена в Париже. И прежде чем добраться до того места, мы переправлялись через много рек, весьма красивых и богатых рыбою, но татары не умеют ее ловить и не заботятся о рыбе, если она не настолько велика, что они могут есть ее мясо, как мясо барана. Эта река служит восточной границей России и начинается из болот Меотиды, которые простираются к северу до океана. Течет же река к югу, образуя, прежде чем достигнуть моря Понта, некое Великое море в семьсот миль, и все воды, через которые мы переправлялись, текут в те стороны. Упомянутая река имеет также на западном берегу большой лес. Выше этого места татары не поднимаются в северном направлении, так как в то время, около начала августа, они начинают возвращаться к югу; поэтому ниже есть другой поселок, где послы переправляются в зимнее время. Итак, мы были там в великом затруднении, потому что не находили за деньги ни лошадей, ни быков. Наконец, когда я доказал им, что мы трудимся на общую пользу всех христиан, они дали нам быков и людей; самим же нам надлежало идти пешком. В то время они жали рожь. Пшеница не родилась там хорошо, а просо имеют они в большом количестве. Русские женщины убирают головы так же, как наши, а платья свои с лицевой стороны украшают беличьими или горностаевыми мехами от ног до колен. Мужчины носят епанчи, как и немцы, а на голове имеют войлочные шляпы, заостренные наверху длинным острием. Итак, мы шли пешком три дня, не находя народа, и, когда сильно утомились сами, а равно и быки и не знали, в какой стороне можем найти татар, прибежали внезапно к нам две лошади, которых мы взяли с великою радостью, и на них сели наш проводник и толмач, чтобы разведать, в какой стороне можем мы найти народ. Наконец, на четвертый день найдя людей, мы обрадовались, как будто после кораблекрушения пристали к гавани. Тогда, взяв лошадей и быков, мы поехали от становища к становищу, пока 31 июля не добрались до местопребывания Сартаха.

Глава шестнадцатая

О стране Сартаха и о ее народах

Эта страна за Танаидом очень красива и имеет реки и леса. К северу находятся огромные леса, в которых живут два рода людей, именно моксель, не имеющие никакого закона, чистые язычники. Города у них нет, а живут они в маленьких хижинах в лесах. Их государь и большая часть людей были убиты в Германии. Именно татары вели их вместе с собою до вступления в Германию, поэтому моксель очень одобряют германцев, надеясь, что при их посредстве они еще освободятся от рабства татар. Если к ним прибудет купец, то тому, у кого он впервые пристанет, надлежит заботиться о нем все время, пока тот пожелает пробыть в их среде. Если кто спит с женой другого, тот не печалится об этом, если не увидит собственными глазами; отсюда они не ревнивы. В изобилии имеются у них свиньи, мед и воск, драгоценные меха и соколы. Сзади них живут другие, именуемые мердас, которых латины называют мердинис, и они — сарацины. За ними находится Этилия. Эта река превосходит своею величиною все, какие я видел; она течет с севера, направляясь из Великой Булгарии к югу, и впадает в некое озеро, имеющее в окружности пространство в четыре месяца [пути]; о нем я скажу вам после. Итак, эти две реки, Танаид и Этилия, отстоят друг от друга в направлении к северным странам, через которые мы проезжали, только на десять дневных переходов, а к югу они очень удалены друг от друга. Именно Танаид впадает в море Понта, а Этилия образует вышеназванное море или озеро вместе со многими другими реками, которые впадают в него из Персии. К югу у нас были величайшие горы, на которых живут по бокам, в направлении к пустыне, черкисы (Cherkis) и аланы, или аас, которые исповедуют христианскую веру и все еще борются против татар. За ними, вблизи моря или озера Этилии, находятся некие сарацины, именуемые лесгами, которые равным образом не подчинены [татарам]. За ними находятся Железные

ворота, которые соорудил Александр для преграждения варварским племенам входа в Персию; о положении этих ворот я скажу вам впоследствии, так как я проезжал через них при возвращении, и среди этих двух рек, в тех землях, через которые мы проехали, до занятия их татарами жили команы капчат.

Глава семнадцатая

О дворе Сартаха и о его славе

Итак, мы нашли Сартаха близ Этилии, в трех днях пути от нее; двор его показался нам очень большим, так как у него самого шесть жен, да его первородный сын имеет возле него их две или три, и у всякой есть большой дом и около двухсот повозок. Наш проводник обратился к некоему несторианцу по имени Койяк, который считается одним из старших при дворе. Тот заставил нас идти очень далеко к господину, который именуется *ямьям*. Так называют того, на котором лежит обязанность принимать послов. Вечером упомянутый Койяк приказал нам прийти к нему. Тогда наш проводник начал спрашивать, что мы ему поднесем, и пришел в великое негодование, когда увидел, что мы не готовим ничего поднести ему. Мы стали пред Койяком, и он сидел во славе своей и заставлял играть на гитаре и плясать в его присутствии. Тогда я ему сказал вышесказанные слова, как мы прибыли к его господину, и просил его помочь, чтобы господин его увидел нашу грамоту. Я также извинился, что, будучи монахом, не имею, не получаю и не держу ни золота, ни серебра, ни чего-либо драгоценного, за исключением только книг и церковной утвари, с которой мы служим Богу; поэтому мы не подносим ни ему, ни его господину никакого дара, ибо тот, кто оставил собственное имущество, не может быть носителем чужого. Тогда он ответил довольно милостиво, что я хорошо делаю, если с тех пор, как стал монахом, соблюдаю свой обет, и что он не нуждается в нашем имуществе, а скорее даст нам из своего имущества, если мы станем нуждаться. И он приказал нам сесть и выпить его молока, а спустя немного попросил произнести для него благословение, что мы и сделали. Он спросил также, кто наибольший государь среди франков. Я сказал: «Император, если бы он держал свою землю в мире». «Нет, — отвечал он, — а *король*». Ибо он слышал про вас от господина Балдуина Гэно. Я нашел там также одного из товарищей Давида, который был на Кипре; он рассказал все, что видел. Затем мы вернулись в свое помещение. На следующий день я послал Койяку бутылку мускатного вина, которое очень хорошо сохранилось, несмотря на столь продолжительный путь, и корзину, полную сухарей, что ему было весьма приятно; и в тот вечер он удержал при себе наших служителей. На другой день он поручил мне, чтобы я явился ко двору и принес с собою грамоту *короля*, церковную утварь и книги, так как его господин хотел видеть это; мы это и сделали, нагрузив одну повозку книгами и утварью, а другую хлебом, вином и плодами. Тогда он приказал развернуть все книги и одеяния, и нас окружали на конях много татар, христиан и сарацин. Рассмотрев это, он спросил, желаю ли я отдать все это господину. Услышав это, я оробел, и его слово мне не понравилось. Однако, скрывая [свое неудовольствие], я ответил: «Господин, мы просим, чтобы ваш господин благоволил принять этот хлеб, вино и плоды не в качестве подарка, так как это нечто незначительное, а в качестве благословения, дабы мы не являлись пред его лицо с пустыми руками. А он сам увидит грамоту господина *короля* и из нее узнает, по какой причине мы прибыли к нему, и тогда мы будем состоять в его распоряжении, как сами, так и все наше имущество. А одежды эти священные, и к ним можно прикасаться только священникам». Тогда он указал нам облачиться пред отправлением пред лицо его господина, что мы и сделали. Я же, облачившись в более драгоценные одежды, взял на грудь подушку, которая была очень красива, и Библию, которую вы дали мне, а также очень красивый Псалтырь, который дала мне госпожа королева и в котором были очень красивые картинки. Мой товарищ взял Служебник и крест. Причетник, одетый в стихарь, взял курильницу. В таком виде мы явились пред домом Сартаха, и они подняли войлок, висевший пред входом, чтобы господин мог видеть нас. Затем они заставили причетника и толмача преклонить колена, а от нас этого не потребовали. Затем они очень усердно посоветовали нам остерегаться при входе и выходе, чтобы не коснуться порога дома, и пропеть какое-нибудь благословение для Сартаха. Затем мы вошли с пением «*Salve, regina*» («Радуйся, Царица»). При входе же в дверь стояла скамья с кумысом и чашами; тут были все жены его, и сами моалы, войдя с нами, теснили нас. Упомянутый Койяк подал Сартаху курильницу с благовонием, которую тот рассмотрел, бережно держа в руке. После Койяк поднес ему Псалтырь, который тот усердно рассматривал, равно как и жена его, сидевшая рядом с ним. Затем Койяк принес Библию, и тот сам спросил, есть ли там Евангелие. Я сказал, что там есть [не только Евангелие, а] даже все Священное Писание. Он взял также себе в руку крест и спросил про изображение, Христа ли оно изображает. Я ответил утвердительно. Сами несториане и армяне никогда не делают на своих крестах изображения Христа; поэтому, кажется, они плохо понимают о Страстях или стыдятся их. После того Сартах приказал удалиться окружавшим нас, чтобы иметь возможность полнее рассмотреть наши облачения. Тогда я подал ему вашу грамоту с переводом по-арабски и сирийски. Ибо я приказал переложить ее в Аконе на оба языка и письмена; и при дворе Сартаха были армянские (*Нетмени*) священники, которые знали по-турецки и по-арабски, и упомянутый товарищ Давида, который знал по-сирийски, по-турецки и по-арабски. Затем мы вышли и сняли наши облачения и пришли писцы и упомянутый Койяк и заставили перевести грамоту. Выслушав ее, он приказал принять хлеб, вино и плоды, а облачения и книги приказал нам отнести в наше помещение. Это случилось в день поклонения веригам (*Vincula*) святого Петра.

Глава восемнадцатая

О том, что мы получили приказание ехать к отцу Сартаха Бату

На следующее утро пришел некий священник, брат упомянутого Койяка, и потребовал сосуд со св.миром, так как Сартах, по его словам, хотел видеть его; и мы ему дали. В вечерние часы Койяк позвал и сказал нам: «Господин *король* написал хорошие слова моему господину, но среди них есть некоторые трудноисполнимые, касательно которых он не смеет ничего сделать без совета своего отца; поэтому вам надлежит отправиться к его отцу. И две повозки, которые вы привезли вчера с облачениями и книгами, вы оставите мне, так как господин мой желает тщательнее рассмотреть это». Я тотчас заподозрил злой и корыстолюбивый умысел его и сказал ему: «Господин, мы оставим под вашей охраной не только те повозки, но и еще две, которые мы ныне имеем». «Нет, — отвечал он, — вы оставите те, а с другими сделаете что вам угодно». Я сказал ему, что этого никоим образом не может быть, но мы оставим ему все. Тогда он спросил, желаем ли мы остаться надолго в этой земле. Я сказал: «Если вы хорошо поняли грамоту господина *короля*, то можете знать, что это так». Тогда он сказал, что нам надлежит быть очень терпеливыми и смиренными. Так расстались мы с ним в тот вечер. На следующее утро он прислал одного несторианского священника за повозками, и мы привезли все четыре. Тогда брат Койяка, выйдя к нам навстречу, отделил все наше от тех вещей, которые мы накануне приносили ко двору, и взял их как свое имущество, именно книги и облачения; а Койяк ранее приказывал, чтобы мы увезли с собой облачения, которые надели перед лицом Сартаха, и надели их перед лицом Бату, если будет нужно. Этот же священник отнял их у нас силой, говоря: «Как, ты принес их Сартаху, а теперь хочешь отнести Бату!» И когда я хотел дать ему объяснение, он ответил мне: «Не говори лишнего и ступай своей дорогой». Тогда мне необходимо было запастись терпением, так как доступ к Сартаху нам был прегражден и не было никого, кто мог бы оказать нам правосудие. Я боялся также и насчет толмача, не передал ли он чего-нибудь иначе, чем я сказал ему, так как он очень желал, чтобы я отдал все в подарок. Единственным утешением мне служило то, что, предчувствуя их алчность, я извлек из книг Библию, правила и другие книги, которые я больше любил. Псалтырь госпожи королевы я не посмел извлечь, так как он был слишком замечен по своим золоченым картинкам. Таким образом, стало быть, вернулись мы с двумя оставшимися повозками в свое помещение. Затем пришел тот, кто должен был провожать нас к Бату, и выразил желание пуститься в путь немедленно. Я ему сказал, что ни под каким видом не возьму повозок; он доложил это Койяку. Тогда Койяк распорядился оставить их у него, но уже с нашим служителем, что мы и сделали.

Таким образом, стало быть, мы направились к Бату, держа путь прямо на восток, и на третий день добрались до Этилии; увидев ее воды, я удивился, откуда с севера могло спуститься столько воды. Прежде чем нам удалиться от Сартаха, вышеупомянутый Койяк вместе со многими другими писцами двора сказал нам: «Не говорите, что наш господин — христианин, он не христианин, а моал», так как название «христианство» представляется им названием какого-то народа. Они превознеслись до такой великой гордости, что хотя, может быть, сколько-нибудь веруют во Христа, однако не желают именоваться христианами, желая свое название, т.е. моал, превознести выше всякого имени; не желают они называться и татарами. Ибо татары были другим народом, о котором я узнал следующее.

Глава девятнадцатая

Сартах, Мангу-хан и Кен-хан оказывают почет христианам. Происхождение Чингиса и татар

Именно в то время, когда франки взяли Антиохию, единовластие в упомянутых северных странах принадлежало одному лицу по имени Кон-хам. Кон — имя собственное, а хам — обозначение достоинства, значит же оно то же, что «прорицатель». Всех прорицателей они называют «хам». Отсюда их государи называются хам, так как в их власти находится управление народом путем прорицания. Поэтому в истории Антиохии читаем, что турки послали за помощью против франков к *королю* Кон-хаму. Ибо из этих стран явились все турки. Этот Кон был каракатай. Кара значит то же, что «черный», а катый — название народа, откуда каракатай значит то же, что «черный катый». И это они говорят для различения их от Катаев, живущих на востоке над океаном, о которых я скажу вам впоследствии. Эти катый жили на неких горах, через которые я переправлялся, а на одной равнине между этих гор жил некий несторианин-пастух (pastor), человек могущественный и владычествующий над народом, именуемым найман (païman) и принадлежавшим к христианам-несторианам. По смерти Кон-хама этот несторианец превознес себя в *короли*, и несториане называли его *королем* Иоанном, говоря о нем вдесятеро больше, чем согласно было с истиной. Именно так поступают несториане, прибывающие из тех стран: именно из ничего они создают большие разговоры, поэтому они распространили и про Сартаха, будто он христианин; то же говорили они про Мангу-хана и про Кен-хана потому только, что те оказывают христианам большее уважение, чем другим народам; и, однако, на самом деле они не христиане. Таким-то образом распространилась громкая слава и об упомянутом *короле* Иоанне; и я проехал по его пастбищам; никто не знал ничего о нем, кроме немногих несториан. На его пастбищах живет Кен-хан, при дворе которого был брат Андрей, и я также проезжал той дорогой при возвращении. У этого Иоанна был брат, также могущественный пастух, по имени Унк; он жил за горами каракатаев, на три недели пути от своего брата, и был властелином некоего городка по имени Каракорум; под его властью находился народ, именованный Крит и меркит и принадлежавший к христианам-несторианам. А сам властелин их, оставив почитание Христа, следовал идолам, имея при себе идольских жрецов, которые все принадлежат к вызывателям демонов и к колдунам. За его пастбищами, в расстоянии на 10 или 15 дневных переходов, были пастбища моалов; это были очень бедные люди, без главы и без закона, за исключением веры в колдовство и прорицания, чему преданы все в тех странах. И рядом с моалами были другие бедняки по имени татары. *Король* Иоанн умер без наследника, и брат его Унк обогатился и приказывал именовать себя *ханом*; крупные и мелкие стада его ходили до пределов моалов. В то время в народе моалов был некий ремесленник Чингис; он воровал что мог из животных Унк-хана, так что пастухи Унка пожаловались своему

господину. Тогда тот собрал войско и поехал в землю моалов, ища самого Чингиса, а тот убежал к татарам и там спрятался. Тогда Унк, взяв добычу от моалов и от татар, вернулся. Тогда Чингис обратился к татарам и моалам со следующими словами: «Так как у нас нет вождя, наши соседи теснят нас». И татары и моалы сделали его вождем и главою. Тогда, собрав тайком войско, он ринулся на самого Унка и победил его; тот убежал в Китайю. Там попала в плен его дочь, которую Чингис отдал в жены одному из своих сыновей; от него зачала она ныне царствующего Мангу. Затем Чингис повсюду посылал вперед татар, и отсюда распространилось их имя, так как везде кричали: «Вот идут татары». Но в недавних частых войнах почти все они были перебиты. Отсюда упомянутые моалы ныне хотят уничтожить это название и возвысить свое. Та земля, в которой они были сперва и где находится еще двор Чингисхана, называется Онанкеруле. Но так как Каракорум есть местность, вокруг которой было их первое приобретение, то они считают этот город за царственный и поблизости его выбирают своего хана.

Глава двадцатая

О русских, венграх, аланах и о Каспийском море

Что касается до Сартаха, то я не знаю, верует ли он во Христа или нет. Знаю только то, что христианином он не хочет называться, а скорее, как мне кажется, осмеивает христиан. Именно он живет на пути христиан, то есть русских, валахов (Власогум), болгар Малой Булгарии, солдаинов, керкисов и аланов, которые все проезжают через его область, когда едут ко двору отца его, привозя ему подарки; отсюда он тем более ценит христиан. Однако, если бы явились сарацины и привезли больше, их отправили бы скорее. Он имеет также около себя священников-несториан, которые ударяют в доску и поют свою службу. У Бату есть еще брат по имени Берка (Jetta), пастбища которого находятся в направлении к Железным воротам, где лежит путь всех сарацинов, едущих из Персии и из Турции; они, направляясь к Бату и проезжая через владения Берки, привозят ему дары. Берка выдает себя за сарацина и не позволяет есть при своем дворе свиное мясо. Тогда, при нашем возвращении, Бату приказал ему, чтобы он передвинулся с того места за Этилию, к востоку, не желая, чтобы послы сарацин проезжали через его владения, так как это казалось Бату убыточным. В те же четыре дня, когда мы были при дворе Сартаха, о нашей пище вовсе не заботились, кроме того что раз дали нам немного кумысу. А на пути между ним и его отцом мы ощущали сильный страх: именно русские, венгры и аланы, рабы их [татар], число которых у них весьма велико, собираются зараз по 20 или 30 человек, выбегают ночью с колчанами и луками и убивают всякого, кого только застают ночью. Днем они скрываются, а когда лошади их утомляются, они подбираются ночью к табунам лошадей на пастбищах, обменивают лошадей, а одну или двух уводят с собою, чтобы в случае нужды съесть. Наш проводник сильно боялся такой встречи. Во время этого пути мы умерли бы с голоду, если бы не взяли с собой немного сухарей. Итак, мы добрались до Этилии, весьма большой реки. Она вчетверо больше, чем весьма глубокая Сена; начинается Этилия из Великой Булгарии, лежащей к северу, направляется к югу и впадает в некое озеро или в некое море, которое ныне называется море Сиркан — по имени некоего города, лежащего на берегу его в Персии. А Исидор называет его Каспийским морем. К югу от него находятся Каспийские горы и Персия, а к востоку — горы Мулигек, или человекоубийц (Axasinogum), которые соприкасаются с Каспийскими горами, к северу же от него находится та пустыня, в которой ныне живут татары. Прежде же там были некие команы, называвшиеся кангле. С этой-то стороны море принимает Этилию, которая летом увеличивается, как египетский Нил. К западу же от Каспийского моря находятся Аланские горы, Лесги, Железные ворота и горы георгианов. Стало быть, это море с трех сторон окружено горами, а с северной стороны к нему прилегает равнина. Брат Андрей лично обогнул две стороны его, именно южную и восточную, я же другие две, именно северную при путешествии от Бату к Мангу-хану и равным образом при возвращении, западную же — при возвращении от Бату в Сирию. Море это можно обогнуть в 4 месяца, и неправильно говорит Исидор, что это — залив, выходящий из океана, ибо он нигде не прикасается к океану, но отовсюду окружен землей.

Глава двадцать первая

О дворе Бату и том, как он нас принял

Вся эта страна от западной стороны того моря, где находятся Железные ворота Александра и горы аланов, до Северного океана и болот Меотиды, где начинается Танаид, обычно называлась Албанией. Исидор говорит про нее, что там водятся собаки такие большие и такие свирепые, что они хватают волов и умерщвляют львов. Это верно, судя по тому, что я узнал от рассказывавших, как там в направлении к северу собаки в силу своей величины и крепости тянут повозки, как быки. Итак, в том месте, где мы остановились, на берегу Этилии, есть новый поселок, который татары устроили вперемежку из русских и сарацин, перевозящих послов, как направляющихся ко двору Бату, так и возвращающихся оттуда, потому что Бату находится на другом берегу, в восточном направлении, и он не проходит через это место, где мы остановились, когда поднимается лето, а он уже начинал спускаться. Именно с января до августа он сам и все другие поднимаются к холодным странам, а в августе начинают возвращаться. Итак, мы спустились на корабле от этого поселка до двора Бату, и от этого места до городов Великой Булгарии к северу считается пять дней пути. И я удивляюсь, какой дьявол занес сюда закон Магомета. Ибо от Железных ворот, находящихся в конце Персии, требуется более тридцати дней пути, чтобы, поднимаясь возле Этилии, пересечь пустыню до упомянутой Булгарии, где нет никакого города, кроме неких поселков вблизи того места, где Этилия впадает в море; и эти булгары — самые злейшие сарацины, крепче держащиеся закона Магометова, чем кто-нибудь другой. Итак, когда я увидел двор Бату, я оробел, потому что собственно дома его казались как бы каким-то большим

городом, протянувшимся в длину и отовсюду окруженным народами на расстоянии трех или четырех лье. И как в израильском народе каждый знал, с какой стороны скинии должен он раскидывать палатки, так и они знают, с какого бока двора должны они размещаться, когда они снимают свои дома [с повозок]. Отсюда двор на их языке называется *ордой*, что значит «середина», так как он всегда находится посередине их людей, за исключением того, что прямо к югу не помещается никто, так как с этой стороны отворяются ворота двора. Но справа и слева они располагаются как хотят, насколько позволяет местность, лишь бы только не попасть прямо пред двором или напротив двора. Итак, нас отвели сперва к одному сарацину, который не позаботился для нас ни о какой пище. На следующий день нас отвели ко двору и Бату приказал раскинуть большую палатку, так как дом его не мог вместить столько мужчин и столько женщин, сколько их собралось. Наш проводник внушил нам, чтобы мы ничего не говорили, пока не прикажет Бату, а тогда говорили бы кратко. Он спросил также, отправляли ли вы к ним послов. Я сказал, что вы посылали их к Кенхану и что не отправляли бы ни послов к нему, ни грамоты к Сартаху, если бы не думали, что они были христианами, так как вы послали нас не из-за какого-нибудь страха, а с целью поздравления, потому что вы слышали, что они — христиане. Затем он отвел нас к шатру [павильону, *раpillionem*], и мы получили внушение не касаться веревок палатки, которые они рассматривают как порог дома. Мы стояли там в нашем одеянии, босиком, с непокрытыми головами, представляя и в собственных глазах великое зрелище.

Там был брат Иоанн де Поликарпо, но он переменял платье, чтобы не подвергнуться презрению, так как был послом господина *папы*. Тогда нас провели до середины палатки и не просили оказать какое-либо уважение преклонением колен, как обычно делают послы. Итак, мы стояли пред ним столько времени, во сколько можно произнести «Помилуй мя, Боже», и все пребывали в глубочайшем безмолвии. Сам же он сидел на длинном троне, широком, как ложе, и целиком позолоченном; на трон этот поднимались по трем ступеням; рядом с Бату сидела одна госпожа. Мужчины же сидели там и сям, направо и налево от госпожи; то, чего женщины не могли заполнить на своей стороне, так как там были только жены Бату, заполняли мужчины. Скамья же с кумысом и большими золотыми и серебряными чашами, украшенными драгоценными камнями, стояла при входе в палатку. Итак, Бату внимательно осмотрел нас, а мы его; и по росту, показалось мне, он похож на господина Жана де Бомон, да почит в мире его душа. Лицо Бату было тогда покрыто красноватыми пятнами. Наконец он приказал нам говорить. Тогда наш проводник приказал нам преклонить колена и говорить. Я преклонил одно колено, как перед человеком. Тогда Бату сделал мне знак преклонить оба, что я и сделал, не желая спорить из-за этого. Тогда он приказал мне говорить, и я, вообразя, что молюсь Богу, так как преклонил оба колена, начал речь с молитвы, говоря: «Государь, мы молим Бога, от которого исходят все блага и который дал вам сии земные, чтобы после этого он даровал вам небесные, так как первые без последних ничтожны». Он внимательно выслушал, и я прибавил: «Знайте за верное, что вы не получите небесных благ, если не станете христианином. Ибо сказал Бог:

«Кто уверует и крестится, спасен будет. Кто же не поверит, будет осужден». При этом слове он скромно улыбнулся, а другие моалы начали хлопать в ладоши, осмеивая нас, и мой толмач оцепенел, так что надо было ободрить его, чтобы он не боялся. Затем, когда настала тишина, я сказал: «Я прибыл к вашему сыну, так как мы слышали, что он — христианин, и я привез ему грамоту от господина *короля* франков. Он сам послал меня сюда к вам. Вы должны знать, по какой причине». Тогда он приказал мне встать и спросил об имени вашем, моем, моего товарища и толмача и приказал все записать; так как он знал, что вы вышли из вашей земли с войском, то спросил также, против кого ведете вы войну. Я ответил: «Против сарацин, оскорбляющих дом Божий в Иерусалиме». Он спросил также, отправляли ли вы когда-нибудь к нему послов. «К вам, — сказал я, — никогда». Тогда он приказал нам сесть и дать выпить молока; это они считают очень важным, когда кто-нибудь пьет с ним кумыс в его доме. И так как я, сидя, смотрел в землю, то он приказал мне поднять лицо, желая еще больше рассмотреть нас или, может быть, от суеверия, потому что они считают за дурное знамение, или признак, или за дурное предзнаменование, когда кто-нибудь сидит перед ними наклонив лицо, как бы печальный, особенно если он опирается на руку щекой или подбородком. Затем мы вышли и спустя немного времени к нам пришел наш проводник и, отведя нас в назначенное помещение, сказал мне: «Господин *король* просит, чтобы ты остался в этой земле, а этого Бату не может сделать без вельможи Мангу-хана. Отсюда следует, чтобы ты и твой толмач отправились к Мангу-хану; а твой товарищ и другой человек вернутся ко двору Сартаха, ожидая там, пока ты не вернешься». Тогда мой толмач, человек Божий, начал скорбеть, считая себя погибшим, а товарищ мой стал свидетельствовать, что пусть ему лучше отрубят голову, чем он отделится от меня. И я сказал, что не могу отправиться без товарища, прибавив, что мы очень нуждаемся в двух служителях, так как если кому случится захворать, то другой не может оставаться одионоким. Тогда он, вернувшись ко двору, передал эти слова Бату. Тогда тот приказал: «Пусть отправляются два священника и толмач, а причетник пусть вернется к Сартаху». Проводник, вернувшись, сообщил нам это решение, а когда я хотел говорить в защиту причетника, чтобы тот ехал с нами, проводник сказал: «Не рассуждайте больше, так как Бату решил, и я не смею больше возвращаться ко двору». Из вашей благости у причетника Госсета было 26 иперперов, не больше; 10 из них он удержал для себя и для служителя, а 16 отдал Божьему человеку для нас, и так мы расстались друг с другом со слезами: он вернулся к Сартаху, а мы остались там.

Глава двадцать вторая

О пути братьев ко двору Мангу-хана

Накануне Успения наш причетник прибыл ко двору Сартаха, а на следующий день священники-несториане, облаченные в наши одеяния, были перед лицом Сартаха. Меж тем нас отвели к другому хозяину, который должен был

заботиться для нас о помещении, пище и конях. Но так как у нас не было что дать ему, то он делал все плохо. И мы ехали с Бату, спускаясь возле Волги, в течение 5 недель. Иногда мой товарищ ощущал столь сильный голод, что говорил мне почти со слезами: «Мне кажется, что я никогда не получу есть». Рынок всегда следует за двором Бату, но этот базар был так далек от нас, что мы не могли пойти туда. Ибо нам приходилось за недостатком лошадей идти пешком. Наконец, нас нашли некие венгры, которые некогда были причетниками; один из них умел еще много петь наизусть, и другие венгры считали его как бы за священника, призывая его для погребения умерших соотечественников; а другой был достаточно сведущ в грамматике, так как понимал все то, что мы говорили ему, по буквам, но не умел отвечать; они доставили нам большое утешение, принося кумысу для питья, а иногда и мяса для еды. Они попросили у нас каких-нибудь книг, а у меня не было, что я мог бы дать, ибо у меня не было никаких книг, кроме Библии и Службника, поэтому я сильно опечалился. Затем я сказал им: «Приносите нам бумаги, и я напишу вам, пока мы будем здесь». Они это и исполнили, и я написал те и другие часы святой Девы и службу по усопшим. Однажды днем к нам подошел некий коман, сказавший нам привет латинской речью: «Здравствуйте, господа!» Я с удивлением приветствовал его в ответ и спросил, кто научил его этому приветствию; он сказал, что наши братья в Венгрии его крестили и научили приветствию. Он сказал также, что Бату много спрашивал у него про нас и что он рассказал ему правила нашего ордена. Я видел Бату разъезжавшим со своим отрядом, и все главы семейств ездят с ним. По моему расчету, их было менее пятисот человек. Наконец, около праздника Воздвижения Святого Креста пришел к нам некий богатый моал, отец которого был тысячником, что считается важным среди них, и сказал: «Я должен отвести вас к Мангу-хану; это — путь четырех месяцев, и там стоит столь сильный холод, что от него раскалываются камни и деревья. Смотрите, сможете ли вы выдержать». Я ответил ему: «Надеюсь на милость Божию, что мы выдержим то, что могут выдерживать другие люди». Тогда он сказал: «Если не сможете выдержать, я оставлю вас на дороге». Я ответил ему: «Это было бы несправедливо, так как мы отправились не по своей воле, а только посланы вашим государем, поэтому с тех пор, как мы вам доверились, вы не должны нас покидать». Тогда он сказал: «Все будет хорошо». После этого он приказал нам показать ему все наши платья и, что ему казалось менее необходимым, велел оставить под охраной нашего хозяина. На следующий день каждому из нас принесли по овечьей шубе с длинной шерстью, штаны из того же меха, сапоги или полусапожки, согласно их обычаю, а также войлочные башмаки и меховые шапки, согласно их обычаю. На второй день после Воздвижения Святого Креста мы выехали, причем у нас троих было две вьючные лошади и мы ехали не переставая в восточном направлении вплоть до дня праздника Всех Святых. И по всей той земле и еще дальше жили канглы, какие-то родственники команов. К северу от нас была Великая Булгария, а к югу — вышеупомянутое Каспийское море.

Глава двадцать третья

О реке Ягаке и о разных землях и народах в этой стране

Проехав 12 дней от Этилии, мы нашли большую реку, именуемую Ягак; она течет с севера, из земли Паскатир, и впадает в вышеупомянутое море. Язык паскатир и венгров — один и тот же; это — пастухи, не имеющие никакого города; страна их соприкасается с запада с Великой Булгарией. От этой земли к востоку, по упомянутой северной стороне, нет более никакого города. Поэтому Великая Булгария — последняя страна, имеющая город. Из этой земли паскатир вышли гунны, впоследствии венгры, а это, собственно, и есть Великая Булгария. И Исидор говорит, что на быстрых конях они переправились через преграды Александра, удерживавшие дикие народы скалами Кавказа, так что им платили дань вплоть до Египта. Они разорили также все земли вплоть до Франции, поэтому они обладали большим могуществом, чем нынешние татары. С ними боролись валахи, болгары и вандалы. Ибо те болгары, которые живут за Дунаем, вблизи Константинополя, вышли из упомянутой Великой Булгарии. И вблизи паскатир живут иллак, что значит то же, что блак, но татары не умеют произносить Б; от них произошли те, кто живет в земле Ассана. Ибо обоих, как тех, так и этих, именуют «иллак». Язык русских, поляков, чехов (Воетогум) и славян один и тот же с языком вандалов, отряд которых всех вместе был с гуннами, а теперь по большей части с татарами, которых Бог поднял из более отдаленных стран, не народ и племя несмысленное, по словам Господним: «Я вызову их, то есть не хранящих своего закона, чрез того, кто не народ, и раздражу их племенем несмысленным». Это исполняется буквально над всеми народами, не хранящими закона Христова. То, что я сказал о земле паскатир, я знаю через братьев проповедников, которые ходили туда до прибытия татар, и с того времени жители ее были покорены соседними булгарами и сарацинами и многие из них стали сарацинами. Другое можно узнать из летописей, так как известно, что области за Константинополем, именуемые ныне Булгарией, Валахией и Склавонией, были областями греков. Венгрия, таким образом, была Паннонией. Итак, мы ехали через землю Кангле от праздника Святого Креста до праздника Всех Святых, причем почти всякий день, как я мог рассчитать, делали такое расстояние, как от Парижа до Орлеана, а иногда и больше, смотря по тому, какое у нас было количество лошадей. Именно иногда мы меняли лошадей дважды или трижды в день, а иногда ехали без перемены два или три дня, потому что не встречали народа и тогда приходилось ехать медленнее. Из 20 или 30 лошадей у нас всегда были худшие, так как мы были чужестранцами. Ибо все ехавшие раньше нас брали лучших лошадей. Для меня всегда сохраняли крепкого коня, так как я был очень дороден, но я не смел предлагать вопрос о том, хорошо ли идет конь или нет, не смел я также жаловаться, если он имел не рысистый шаг, но каждому надлежало терпеть свою участь. Отсюда для нас возникали весьма тягостные затруднения, так как неоднократно лошади утомлялись раньше, чем мы могли добраться до народа, и тогда нам надлежало их погонять и бить кнутом, даже перекладывать одежду на других вьючных лошадей, переменять коней на вьючных лошадей, а иногда двоим ехать на одной лошади.

Глава двадцать четвертая

О голоде, жажде и иных бедствиях, которые мы испытали в этом пути

Нет числа нашим страданиям от голода, жажды, холода и усталости. Пищу они дают только вечером. Утром дают что-нибудь выпить или проглотить пшена. Вечером же давали нам мяса — баранье плечо с ребрами, а также выпить известное количество супа. Когда у нас было мясного супа до сытости, мы отлично подкреплялись и он казался мне весьма вкусным напитком и весьма питательным. В пятницу я пребывал в посте до ночи, не делая ни глотка, а затем мне надлежало с печалью и скорбью вкушать мясо. Иногда, когда мы попадали на ночлег с наступлением уже темноты, нам приходилось есть мясо полусваренное или почти сырое вследствие недостатка пищи для огня, так как тогда мы не могли набрать достаточно бычьего или конского навозу. Другую пищу для огня мы находили редко, разве только кое-где какой-нибудь терновник. Также по берегам некоторых рек растут кое-где леса, но это бывает редко. Вначале наш проводник очень презирал нас и чувствовал отвращение, провожая столь низких людей. Впоследствии, однако, когда он начал нас лучше узнавать, он провожал нас через двory богатых моалов и нам надлежало молиться за них. Поэтому, будь у меня хороший толмач, я имел бы удачный случай посеять много добра. У упомянутого Чингиса, первого хана, было четыре сына, от которых произошли многие; все они имеют теперь большие двory и ежедневно множатся и распространяются по пустыне, обширной, как море. Итак, через владения многих из них вез нас наш проводник. И они удивлялись превыше меры, почему мы не хотели брать золото, серебро и драгоценные одежды. Они спрашивали также о великом *nane*, так ли он стар, как они слышали. Именно они слышали, что ему пятьсот лет. Спрашивали они о наших землях, водится ли там много овец, быков и коней. О море-океане они не могли понять, что оно беспредельно или безбрежно. Накануне дня Всех Святых мы оставили дорогу на восток, так как татары уже значительно спустились к югу, и направили через какие-то горы путь прямо на юг в течение 8 дней подряд. В этой пустыне я видел многих ослов, именуемых кулам, которые больше похожи на мулов; наш проводник и его товарищи усиленно их преследовали, но ничего не достигли вследствие их чрезмерной быстроты. На седьмой день к югу нам стали видны очень высокие горы и мы въехали на равнину, которая орошалась, как сад, и нашли возделанные земли. Через неделю после праздника Всех Святых мы въехали в некий сарацинский город по имени Кинчат. Глава его выехал навстречу нашему проводнику с пивом и чашами. Ибо у них существует такой обычай, что изо всех городов, им подчиненных, послов Бату и Мангу-хана встречают с пищей и питьем. В то время там ходили по льду, и еще раньше, начиная с праздника святого Михаила, в степи стояли морозы. Я спросил о названии этой области; так как мы были уже на другой территории, они не умели мне сказать иначе как по имени города, который был очень мал. И с гор спускалась большая река, которая орошала всю страну, так как они проводили от нее воду, куда им было угодно; эта река не впадала в какое-нибудь море, а поглощалась землею, образуя также много болот. Я видел там лозы и дважды пил вино.

Глава двадцать пятая

Об умерщвлении Бури и о жилищах немцев в этой земле

На следующий день мы прибыли к другому поселку, более близкому к горам, и я спросил про горы, про которые узнал, что это были горы Кавказа, которые соприкасаются с обеими сторонами моря от запада к востоку. Тут также узнал я, что мы уже проехали вышеупомянутое море, в которое втекает Этилия. Я спросил также о городе Талас, в котором были немцы, рабы Бури, про которых говорил брат Андрей и про которых я также много спрашивал при дворе Сартаха и Бату. Я не мог узнать ничего, кроме того, что Бури, господин их, был убит по такому случаю: он не имел хороших пастбищ и однажды, когда был пьян, стал так рассуждать со своими людьми: «Разве я не из рода Чингисхана, как Бату (а он был племянником или братом Бату)? Почему и мне, как Бату, не идти на берег Этилии, чтобы там пасти стада?» Эти слова были доложены Бату. Тогда Бату написал его людям, чтобы они привели к нему господина их связанным, что те и сделали. Тогда Бату спросил у него, говорил ли он подобные речи, и тот сознался. Однако он извинился тем, что был пьян, так как они обычно прощают пьяных. И Бату ответил: «Как ты смел называть меня в своем опьянении?» И затем приказал отрубить ему голову. Об этих немцах я не мог узнать ничего вплоть до приезда ко двору Мангу-хана, а в вышеназванном поселке я узнал, что Талас был сзади нас, возле гор, на шесть дней пути. Когда я прибыл ко двору Мангу-хана, то узнал, что сам Мангу перевел их с позволения Бату к востоку, на расстояние месяца пути от Таласа, в некий город по имени Болат, где они копают золото и делают оружие; поэтому я не мог попасть в их страну в оба мои проезда туда и обратно. Однако я проехал на пути туда довольно близко, может быть, всего на три дня пути от этого города. Но я не знал этого, да и не мог также отклониться от дороги, если бы и хорошо знал ее. От упомянутого поселка мы направились к востоку, прямо к вышеупомянутым горам, и с того времени мы въехали в среду людей Мангу-хана, которые везде пели и рукоплескали пред лицом нашего проводника, так как он был послом Бату. Этот почет они оказывают друг другу взаимно, так что люди Мангу принимают вышеупомянутым способом послов Бату и равным образом люди Бату — послов Мангу-хана. Однако люди Бату стоят выше и не исполняют этого так тщательно. Через несколько дней после этого мы въехали в горы, на которых обычно живут каракатаи, и нашли там большую реку, через которую нам надлежало переправиться на судне. После этого мы въехали в одну долину, где увидели какой-то разрушенный замок, стены которого были только из глины, и земля там была возделана. После этого мы нашли некий хороший город по имени Эквиус, в котором жили сарацины, говорящие по-персидски, хотя они были очень далеко от Персии. На следующий день, переправившись через те горы, которые

составляли отроги больших гор, находившихся к югу, мы въехали на очень красивую равнину, имеющую справа высокие горы, а слева некое море или озеро, тянущееся на 25 дней пути в окружности. И эта равнина вся прекрасно орошена стекающими с гор водами, которые все впадают в упомянутое море. Летом мы возвращались с северного бока этого моря, где равным образом были большие горы. На вышеупомянутой равнине прежде находилось много городков, но по большей части они были разрушены татарами, чтобы иметь возможность пасти там свои стада, так как там были наилучшие пастбища. Мы нашли там большой город по имени Кайлак, в котором был базар, и его посещали многие купцы. В нем мы отдыхали 12 дней, ожидая одного секретаря Бату, который должен был быть товарищем нашего проводника в устройении дел при дворе Мангу. Земля эта прежде называлась Органум, и жители ее имели собственный язык и собственные письма. [...]

Глава двадцать седьмая

Об их храмах и идолах и о том, как они отправляют службу своим богам

[...] Татары приняли их письма. Они начинают писать сверху и ведут строку вниз; таким же образом они читают и продолжают строки слева направо. Они усиленно пользуются для волшебства бумагой и буквами, откуда храмы их наполнены висящими краткими изречениями (*brevibus*). И Мангу-хан посылает вам грамоту на языке моалов, но письмена югуров. Они сжигают своих умерших по старинному обряду и сохраняют прах на вершине пирамиды. Итак, когда, войдя в их храм и осмотрев много их идолов, как больших, так и малых, я сел рядом с вышеупомянутыми жрецами, то спросил их, как они веруют в Бога. Они ответили: «Мы веруем только в единого Бога». И я спросил: «Веруете ли вы, что Он дух или нечто телесное?» Они сказали: «Мы веруем, что Он дух». Тогда я спросил: «Веруете ли вы, что Он никогда не принимал человеческой природы?» Они ответили: «Никогда». Тогда я спросил: «Раз вы веруете, что Он только один и дух, почему вы делаете для Него телесные изображения и в таком количестве? Сверх того, раз вы не веруете, что Он стал человеком, почему вы делаете для Него предпочтительнее изображения людей, а не другого животного?» Тогда они ответили: «Мы не представляем в этих изображениях Бога, а когда какой-нибудь богач из наших умирает, то или сын его, или жена, или кто-нибудь дорогой для него приказывает сделать изображение умершего и ставит его здесь, а мы чтим его в память его». Я сказал им: «Тогда, стало быть, вы делаете это только ради лести людям». «Нет, — отвечали они, — а на память о нем». Затем они спросили у меня как бы в насмешку: «Где находится Бог?» Я возразил им: «Где находится душа ваша?» Они сказали: «В нашем теле». Я спросил их: «Разве она не находится повсюду в вашем теле и не управляет им всем, а все-таки невидима? Так и Бог находится повсюду и всем распоряжается, однако Он невидим, так как Он разумение и мудрость». Затем, когда я хотел дальше рассуждать с ними, мой толмач, утомившись и не желая переводить разговор, заставил меня замолчать. Моалы, или татары, принадлежат к их сектам в том отношении, что они веруют только в единого Бога, однако они делают из войлока изображения своих умерших, одевают их драгоценнейшими тканями и кладут на одну повозку или на две. К этим повозкам никто не смеет касаться, и они находятся под охраной их прорицателей, которые являются их жрецами, о которых я после расскажу вам. Эти прорицатели находятся всегда пред двором самого Мангу и других богачей. Ибо у бедных их нет, за исключением принадлежащих к роду Чингиса. И когда они должны ехать, эти прорицатели предшествуют им, как облачный столб сынам Израиля, и они выбирают место, где разбить лагерь, и затем первые снимают свои дома, а за ними весь двор. И затем, если наступает праздничный день или первое число месяца, они извлекают вышеупомянутые изображения и ставят их в порядке вокруг в своем доме. Затем приходят сами моалы и вступают в тот дом, кланяются этим изображениям и чтут их. И в этот дом нельзя входить ни одному чужестранцу. Один раз я хотел войти, но меня очень жестоко выбрали.

Глава двадцать восьмая

О разных народах этих стран и о тех, кто имели обычай есть своих родителей

Упомянутые югуры, которые перемешаны с христианами и сарацинами, как я думаю, путем частых рассуждений пришли к тому, что веруют только в единого Бога. Они жили в городах, которые сперва повиновались Чингисхану, и оттуда он отдал в жены их царю свою дочь. И самый Каракорум стоит как бы на их территории, и вся земля *короля*, или *пресвитера* Иоанна, и его брата Унка находится вокруг их земель. Но эти последние живут на пастбищах к северу, а югуры — среди гор к югу. От этого вышло, что моалы заимствовали их письма, и югуры являются главными писцами среди них, и почти все несториане знают их письма. За ними к востоку, среди упомянутых гор, живут тангуты [...].

Глава двадцать девятая

Что случилось с нами по отъезде из Кайлака в землю найманов

[...] Итак, мы переправились через долину, направляясь на север, к большим горам, покрытым глубокими снегами, которые тогда лежали на земле. Поэтому в праздник святого Николая мы стали сильно ускорять путь, так как уже не находили никаких людей, а только *ям*, то есть лиц, расставленных от одного дневного перехода к другому для приема послдов, потому что во многих местах среди гор дорога тесна и пастбищ немного. Таким образом, между днем

и ночью мы проехали расстояние между двумя *ямами*, делая из двух дневных переходов один, и ехали больше ночью, чем днем [...].

Глава тридцатая

О земле найманов, о смерти Кен-хана, о его жене и старшем сыне

После этого мы въехали на ту равнину, на которой был двор Кен-хана. Эта земля прежде принадлежала найманам, которые были собственно подданными *пресвитера* Иоанна. Но тогда я не видал этого двора, а видел его при возвращении. Все-таки здесь я расскажу вам, что случилось с родством Кен-хана, его сыном и женами. По смерти Кен-хана Бату пожелал, чтобы Мангу был *ханом*. О смерти же самого Кена я не мог узнать ничего достоверного. Брат Андрей говорил мне, что Кен умер от одного врачебного средства, данного ему, и подозревал, что это средство приказал приготовить Бату. Однако я слышал другое. Именно Кен сам позвал Бату, чтобы тот пришел поклониться ему, и Бату пустился в путь с великой пышностью. Однако он сам и его люди сильно опасались, и он послал вперед своего брата по имени Стикана, который, прибыв к Кену, должен был подать ему чашу за столом, но в это время возникла ссора между ними, и они убили друг друга. Вдова этого Стикана удержала нас на один день, прося войти в ее дом и благословить ее, то есть помолиться за нее. Итак, по смерти Кена был по желанию Бату избран Мангу, и он был уже избран, когда брат Андрей был там. У Кена был брат по имени Сиремон, который по совету жены Кена и его вассалов выступил с большою пышностью по направлению к Мангу, как бы собираясь поклониться ему. Однако на самом деле он намеревался убить его и уничтожить весь его двор. И когда он был уже вблизи Мангу, на расстоянии одного или двух дневных переходов, одна из повозок его сломалась и остановилась на дороге, и пока кучер трудился над ее починкой, прибыл нечаянно один из людей Мангу, который оказал ему помощь. И он столько расспрашивал об их пути, что упомянутый кучер открыл ему то, что намеревался сделать Сиремон. Тогда человек Мангу, удаляясь и как бы не обратив внимания на сообщение, пошел к табуну лошадей и взял наиболее сильную лошадь, какую только мог выбрать. Скача ночь и день, он с поспешностью прибыл ко двору Мангу и сообщил ему то, что услышал. Тогда Мангу, созвав быстро всех своих людей, приказал окружить свой двор 4 кругами вооруженных людей, чтобы никто не мог войти. Остальных он отправил против Сиремона; те захватили его, не подозревавшего, что его план был открыт, и привели ко двору со всеми его людьми. Когда Мангу выставил ему упомянутое обвинение, он тотчас сознался. Тогда он был убит, а с ним старший сын Кен-хана и также триста из более знатных татар. Послали также за госпожами, которых бичевали раскаленными головнями, чтобы они сознались. После сознания их умертвили. Малютка, сын Кена, который не только не мог быть способен на заговор, но даже и знать о нем, был оставлен в живых, и ему предоставили двор отца со всеми принадлежавшими к нему животными и людьми. Мы проехали мимо этого двора при возвращении, и мои проводники не осмелились на пути туда или обратно пристать к этому двору. «Ибо в печали сидела владычица народов, и не было у нее утешителя». Затем мы снова поднялись на горы, направляясь все к северу.

Глава тридцать первая

О приезде нашем ко двору Мангу-хана

Наконец, в день блаженного Стефана мы въехали на равнину, обширную, как море, так что нигде на ней не виднелось никакой горки, а на следующий день, в праздник святого евангелиста Иоанна, мы прибыли ко двору упомянутого великого государя. Когда же мы были еще на пять дней пути от него, тот *ям*, у которого мы провели ночь, хотел было направить нас по какой-то обходной дороге, так что нам надлежало бы страдать еще более пятнадцати дней. И как я узнал, ему хотелось сделать это для того, чтобы мы проехали через Онанкеруле, то есть через их собственную землю, в которой находится двор Чингисхана; другие говорили, что они хотели сделать это для того, чтобы сделать дорогу более продолжительной и больше выказать свое могущество. Ибо так обычно поступают они с людьми, прибывающими из стран, неподвластных им. И наш проводник с большим трудом добился того, чтобы мы ехали по прямой дороге. По поводу этого события нас задержали от рассвета до третьего часа дня. Во время также этого пути тот секретарь, которого мы дожидались в Кайлаке, сказал мне, что в грамоте Бату, которую он посылал Мангу-хану, содержалось сообщение, будто вы искали войска и помощи от Сартаха против сарацин. Тогда я выразил сильное удивление и пришел даже в беспокойство, так как знал и содержание вашей грамоты, и то, что в вашей грамоте не было об этом никакого упоминания, кроме того, что вы внушали ему быть другом всех христиан, воздвигнуть крест и быть недругом всех недругов креста; и еще, так как толмачами были армяне из Великой Армении, сильно ненавидевшие сарацин [я опасался], как бы они случайно не перевели по своему усмотрению чего-нибудь нарочно с целью вызвать ненависть и затруднения против сарацин. Поэтому я замолчал, не говоря ничего ни за, ни против, так как боялся противоречить словам Бату, чтобы не попасть в клеветники без должного основания. Итак, в упомянутый выше день мы приехали к названному двору. Нашему проводнику был назначен большой дом, а нам троим — маленькая хижинка, в которой мы едва могли сложить наше имущество, сделать постели и развести небольшой огонь. Многие пришли повидать нашего проводника и принесли ему рисовое пиво в длинных бутылочках с узкой шейкой. Я не мог установить никакого различия этого напитка от самого лучшего оксерского (*antisiodorensi*) вина, за исключением того, что он не имел запаха вина. Нас позвали и настоятельно спросили, по какому делу мы приехали. Я ответил: «Мы слышали про Сартаха, что он христианин; приехали к нему. *Король* франков послал ему через нас запечатанное письмо; Сартах послал нас к своему отцу, отец его послал нас сюда. Он сам должен был бы

написать причину, зачем». Они стали спрашивать, желаем ли мы заключить с ними мир. Я ответил: «*Король* послал грамоту Сартаху как христианину, и, если бы он знал, что тот не христианин, он никогда не послал бы ему грамоты. Что касается до заключения мира, я утверждаю, что *король* не сделал вам никакой обиды. Если бы он сделал что-нибудь, почему вы должны были бы объявить войну ему или его народу, он сам охотно, как человек справедливый, пожелал бы извиниться и просить мира. Если вы без причины захотите объявить войну ему или его народу, то мы надеемся, что Бог, Который справедлив, поможет им». И они все удивлялись, повторяя: «Зачем вы приехали, раз вы не хотите заключить мир?» Именно они в великой гордости превознеслись уже до того, что думают, будто вся вселенная желает заключить мир с ними. И конечно, если бы мне позволили, я стал бы, насколько у меня хватило бы сил во всем мире, проповедовать войну против них. Я же не хотел открыто объяснять им причину моего прибытия, чтобы случайно не сказать чего-нибудь лишнего вопреки тем словам, которые поручил Бату. И потому всю причину моего прибытия я сводил к тому, что он послал меня. На следующий день нас повели ко двору, и я полагал, что могу идти босиком, как в наших краях, почему и снял сандалии. Когда же они являются ко двору, они слезают с лошади далеко, именно на полет стрелы из лука, от того дома, в котором находится сам *хан*, и там остаются лошади и служители, сторожащие лошадей. Когда мы слезли там и наш проводник отправился к дому *хана*, там находился один венгерский служитель, который признал нас, то есть наш орден. И когда люди стали окружать нас, разглядывали нас, как чудовищ, в особенности потому, что мы были босые, и стали спрашивать, неужели наши ноги нам надоели; так как они предполагали, что мы сейчас лишимся их, то этот венгерец объяснил им причину этого, рассказав правила нашего ордена. Затем пришел повидать нас великий секретарь, христианин из несториан, по совету которого делается почти все [при дворе]; он тщательно осмотрел нас и позвал упомянутого венгерца, у которого много расспрашивал [про нас]. Затем нам было приказано вернуться в свое помещение.

[...]

Глава тридцать третья

Описание сделанного нам приема

Когда мы пропели этот гимн, они [священники-несториане] обшарили у нас ноги, грудь и руки с целью узнать, нет ли при нас ножей. Нашего толмача заставили они отстегнуть и оставить снаружи под охраной одного придворного бывший на нем ремень с ножом. Затем мы вошли; при входе была скамья с кумысом, возле которой они приказали стать толмачу. Нас же заставили сесть на скамью пред господами. Дом весь был покрыт внутри золотым сукном, и на маленьком жертвеннике в середине дома горел огонь из терновника и корней полыни, которая вырастает там очень большой, а также из бычачьего навоза. Сам *хан* сидел на ложе, одетый в пятнистую и очень блестящую кожу, похожую на кожу тюленя. Это был человек курносый, среднего роста, в возрасте сорока пяти лет; рядом с ним сидела его молоденькая жена; а взрослая дочь его по имени Цирина, очень безобразная, сидела с другими малыми детьми на ложе сзади них. Этот дом принадлежал раньше христианской госпоже, которую *хан* очень любил и от которой родилась у него вышеупомянутая дочь. И сверх того, он взял себе молоденькую жену, но все же дочь оставалась госпожой всего двора, принадлежавшего ее матери. Затем он приказал спросить у нас, чего мы желаем выпить, вина или террацины, то есть рисового пива, или каракосмосу, то есть светлого кобыльего молока, или бал, то есть напитка из меда (*medonemex melle*). Эти четыре напитка они употребляют зимой. Тогда я ответил: «Государь, мы не принадлежим к людям, ищущим удовольствия в питье; для нас вполне достаточно исполнить только вашу волю». Тогда он приказал подать нам светлого рисового напитка, вкусного, как белое вино, от которого из уважения к *хану* я отведал немножечко.

На нашу беду наш толмач стоял рядом с ключниками, которые дали ему много пить, и он тотчас опьянел. Затем *хан* приказал принести соколов и других птиц, которых брал себе на руку и рассматривал, и спустя много времени он приказал нам говорить. Тогда нам надлежало преклонить колена. У него был толмачом один несторианин, про которого я не знал, что он христианин, а у нас был наш таковский переводчик, который к тому же был уже пьян. Тогда я сказал: «Мы прежде всего воздаем благодарность и хвалу Богу, Который привел нас из столь отдаленных стран, чтоб видеть Мангу-хана, которому Бог дал столько власти на земле. И мы молим Христа, по власти которого мы все живем и умираем, чтобы он даровал ему хорошую и долгую жизнь». Ибо они хотят того, чтобы молились за жизнь их. Затем я рассказал ему: «Государь, мы слышали про Сартаху, что он христианин, и христиане, слышавшие это, обрадовались, а в особенности господин *король* франков. Поэтому мы отправились к Сартаху, и господин *король* послал ему через нас грамоту, содержащую мирные слова, и среди других слов он свидетельствовал ему и о нас, что мы за люди, и просил его позволить нам побыть в земле его. Ибо наша обязанность состоит в том, чтобы учить людей жить согласно с законом Божиим. Сартах же послал нас к отцу своему Бату. Бату же послал нас сюда к вам. Вы тот, кому Бог дал великое владычество на земле. Поэтому просим ваше могущество даровать нам возможность оставаться в земле вашей для совершения служения Богу за вас, жен и детей ваших. У нас нет золота, серебра или драгоценных камней, которые мы могли бы предложить вам; мы можем предложить только себя самих для служения Богу и молитвы Богу за вас. По крайней мере дайте нам возможность остаться, пока не пройдет этот холод. Ибо товарищ мой так слаб, что никоим образом не может перенести труд верховой езды без опасности для жизни».

Именно товарищ мой сам рассказал мне про свою немощь и заклинал меня, чтобы я попросил позволения остаться. Ибо мы наверное предполагали, что нам надлежит вернуться к Бату, если Мангу по особой милости не даст нам позволения остаться. Затем начал отвечать *хан*: «Как солнце распространяет повсюду лучи свои, так повсюду распространяется владычество мое и Бату. Отсюда мы не нуждаемся в вашем золоте или серебре».

До сих пор я хорошо понимал моего толмача, но дальше не мог уловить ни одной цельной фразы, из чего я наверно узнал, что он был пьян. Да и сам Мангу-хан, как мне казалось, был в состоянии опьянения. Все-таки он, как мне показалось, окончил свои слова тем, что ему не нравилось, что мы прибыли к Сартаху раньше, чем к нему. Тогда я, видя непригодность толмача, замолчал, попросив только *хана* не принимать в дурную сторону того, что я сказал о золоте и серебре, так как я не говорил того, что он нуждается в подобных вещах или желает их, а хотел сказать, что мы охотно желали бы почтить его мирскими и духовными благами.

Затем он приказал нам встать и снова сесть, а спустя немного, после приветствия ему, мы вышли, и с нами его секретари и тот его толмач, который растит одну из его дочерей. Они начали много расспрашивать нас про Французское *королевство*, водятся ли там много баранов, быков и лошадей, как будто они должны были сейчас вступить туда и все захватить. И много раз и в другое время мне приходилось делать большое усилие, чтобы скрыть свое негодование и гнев.

И я ответил: «Там много хорошего, что вы увидите, если вам доведется отправиться туда». Затем они приставили к нам одно лицо, которое должно было заботиться о нас, и мы отправились к монаху. И когда мы выходили оттуда, собираясь идти в свое помещение, вышеназванный толмач пришел к нам и сказал: «Мангу-хан жалеет вас и дает вам сроку пробыть здесь два месяца; тогда пройдет сильный холод. И он поручает передать вам, что здесь вблизи, в десяти днях пути, есть хороший город по имени Каракорум. Если вы желаете отправиться туда, он сам прикажет доставить вам необходимое; если же вы желаете остаться здесь, вы можете это и получите необходимое. Однако вам трудно будет ездить вместе с двором».

И ответил: «Господь да хранит Мангу-хана и да пошлет ему хорошую и долгую жизнь! Мы нашли здесь такого монаха, о котором думаем, что он человек святой и что он прибыл в эти страны по воле Божией. Поэтому, так как и мы монахи, мы охотно пребывали бы вместе с ним и произносили бы вместе наши молитвы о сохранении жизни *хана*». Тогда он молча удалился. И мы пошли к своему большому дому, который нашли холодным и без топлива; мы все еще были натощак, а наступила уже ночь. Тогда тот, кому мы были препоручены, позаботился доставить нам топлива и небольшое количество пищи. Наш проводник вернулся к Бату, но предварительно потребовал у нас дорожку (*carpitam*) или ковер, который мы оставили по его распоряжению при дворе Бату. Мы согласились, и он удалился с миром, попросив у нас пожать правую руку и высказав, что был виноват пред нами. Именно он допускал, чтобы мы терпели на пути голод и жажду. Мы простили его, причем равным образом попросили извинения у него и у всего его семейства на тот случай, если показали им какой-нибудь дурной пример.

Глава тридцать четвертая

Об одной лотарингской женщине и об одном парижанине — золотых дел мастере, которых мы нашли в той стране

Нас нашла одна женщина из Метца в Лотарингии по имени Пакетта (*Pascha*), взятая в плен в Венгрии. Она устроила нам, как умела, хорошее угощение. Пакетта принадлежала ко двору той госпожи, которая была христианкой и о которой я сказал выше. Эта женщина рассказала нам про неслыханные лишения, которые вынесла, раньше чем попасть ко двору. Но теперь она жила вполне хорошо. У нее был молодой муж, русский, от которого у нее было трое маленьких мальчиков, очень красивых. Муж ее умел строить дома, что считается у них выгодным занятием. Сверх того, она рассказала нам, что в Каракоруме живет золотых дел мастер родом из Парижа по имени Вильгельм. Фамилия его Бушье, а имя отца его Лоран Бушье. И она еще думает, что на Большом мосту у него есть брат по имени Роже Бушье. Говорила она мне также, что у этого Вильгельма живет один юноша, которого он вырастил и считает за сына, и этот последний слывет отличным переводчиком. Но Мангу-хан дал названному мастеру триста яскогов, то есть три тысячи *марок*, и пятьдесят работников для создания какого-то произведения. И потому эта женщина боялась, что Вильгельм не может прислать ко мне своего сына. А она сама слышала, что говорили ей при дворе: «Прибывшие из твоей земли — люди хорошие, и Мангу-хан охотно поговорил бы с ними, но переводчик их ничего не стоит». Поэтому она заботилась о переводчике. Тогда я написал упомянутому мастеру о своем прибытии, прося его, если возможно, прислать мне своего сына; тот написал в ответ, что в текущем месяце он этого не может, а в следующем завершит свою работу и тогда пришлет ко мне сына. Мы жили там вместе с другими послами, да и вообще с послами при дворе Бату поступают иначе, чем при дворе Мангу. Именно при дворе Бату есть один *ям* на западной стороне, который принимает всех прибывающих с запада, так же обстоит и касательно других стран мира. А при дворе Мангу все вместе находится под властью одного *яма* и могут посещать друг друга и видятся. При дворе Бату они незнакомы друг с другом и один не знает про другого, посол ли он, так как они не знают помешений друг друга и видятся только при дворе. И когда зовут одного, другого, может быть, и не зовут, ибо они ходят ко двору только по зову. Мы нашли там одного христианина из Дамаска, который говорил, что он прибыл от *султана* монреальского и кракского, который хотел стать данником и другом татар.

[...]

Глава тридцать шестая

О празднике, данном Мангу-ханом. О том, что главная его жена и старший сын были при богослужении несториан

Настал праздничный день, монах меня не позвал; а в шестом часу меня позвали ко двору, и я увидел, что монах со священниками возвращался от двора со своим крестом, а священники — с кадилами и Евангелием. Именно в этот день Мангу-хан устроил пиршество, и у него существует такой обычай, что в те дни, которые его прорицатели называют ему праздничными или какие-нибудь священники-несториане — священными, он устраивает при дворе торжественное собрание, и в такие дни прежде всего приходят в своем облачении христианские священники, молятся за него и благословляют его чашу. Когда уходят они, являются сарацинские священники и поступают так же. После них приходят жрецы идолов, поступая так же. И монах говорил мне, что *хан* верит одним только христианам, но хочет, чтобы все молились за него. Но он лгал, потому что, как вы впоследствии узнаете, *хан* не верит никому, хотя все следуют за его двором, как мухи за медом, и он всем дарит, все считают себя его любимцами, и все предвещают ему благополучие. Тогда мы сели пред его двором на большом расстоянии и нам принесли для еды мяса. Я ответил им, что мы там не будем есть, но если они хотят позаботиться о пище для нас, то пусть позаботятся о нас в нашем доме. Тогда они сказали: «Так и ступайте к себе домой, потому что вас и позвали только для того, чтобы есть». Итак, мы вернулись с монахом, который краснел от сказанной мне лжи, и потому я не хотел заводить с ним разговор по этому поводу. Однако некоторые несториане хотели уверить меня, что *хан* окрещен. Я говорил им, что никогда не поверю и не скажу другим, раз не увижу этого. И так мы пришли к своему дому, холодному и пустому. Они позаботились для нас о постелях и одеялах. Принесли они нам также нужное для разведения огня, давали в пищу мясо от небольшого и тощего барана, для нас троих на шесть дней, и ежедневно блюдо, полное пшена (*de mellis*), а также кварту в день просового пива и одолжили нам для сварения мяса котел и треножник; сварив мясо, мы варили просо в мясной похлебке. Это была наша пища, и ее вполне хватало бы нам, если бы они давали съедать ее в мире. Но там великое множество голодных, о пище для которых не заботятся, и, как только они видели, что мы приготовляем пищу, они бросались на нас, так что приходилось давать им есть с нами. Там я испытал, какое мучение составляет дарить при бедности.

Затем холод начал усиливаться и Мангу-хан прислал нам три шубы из шкур папионов (*pariones*), мех которых они поворачивают наружу; мы их приняли с изъявлением благодарности. Они спросили также, в каком количестве имеется у нас необходимая пища. Я сказал им, что нам достаточно умеренного количества пищи, но у нас нет дома, где бы мы могли молиться за Мангу-хана. Ибо наша хижина была так мала, что мы не могли ни стоять в ней прямо, ни открывать книги, как только разводили огонь. Тогда они довели эти слова до *хана*, и он послал к монаху узнать, желает ли он нашего товарищества; тот с радостью ответил утвердительно. С тех пор нам доставили лучшее помещение, и мы поселились с монахом пред двором, где не жило никого, кроме нас и их прорицателей, но те жили ближе и пред двором старшей госпожи, а мы помещались на краю в восточном направлении, пред двором последней госпожи. [...]

Глава тридцать седьмая

О посте несториан. О том, как мы ходили во дворец Мангу-хана, и о весьма многих других посещениях

Перед воскресеньем Семидесятницы несториане постятся три дня, называемые ими Иониным постом, который тот проповедовал ниневитянам, а армяне постятся тогда пять дней, называя это постом святого Серкиса, который считается у них наибольшим святым и про которого греки говорят, что он был *канон*. Несториане начинают пост во вторник и оканчивают его в четверг, так что в пятницу едят мясо. И я видел тогда, как *канцлер*, то есть старший секретарь двора, по имени Булгай предоставил им тогда мясное продовольствие в пятницу и они благословили это мясо с большою торжественностью, как благословляют пасхального агнца. Однако сам Булгай не ел мяса [в пятницу], поступая так по наставлению мастера Вильгельма Парижского, его большого друга. Монах сам препоручил Мангу поститься эту неделю, что тот и исполнил, как я слышал. Итак, в субботу Семидесятницы, когда бывает, так сказать, армянская Пасха, мы пошли в процессии к дому Мангу; и монаха, и обоих нас предварительно обшарили, ища, нет ли у нас ножей, затем мы вошли со священниками пред лицо *хана*. И когда мы входили, из дома вышел служитель, вынося кости бараньих лопаток, сожженные до черноты угольев; по этому поводу я очень изумился, что это значит. Спросив об этом впоследствии, я узнал, что *хан* не делает ничего в целом мире без того, чтобы предварительно не поискать совета в этих костях; поэтому он не позволяет человеку входить к себе в дом раньше, чем посоветуется с этой костью. Этот способ гадания происходит так: когда *хан* хочет что-нибудь предпринять, он приказывает принести себе три упомянутые кости, еще не сожженные, и, держа их, размышляет о том предприятии, о котором хочет искать совета, приступать к нему или нет, а затем передает служителю кости для сожжения. И возле того дома, где он пребывает, существуют два маленьких домика, в которых сжигаются эти кости, и их тщательно отыскивают ежедневно по всему становищу. Итак, когда их сожгут до черноты, их приносят ему обратно, и тогда он рассматривает, раскололись ли кости от жара огня прямо вдоль. Тогда для того, что он должен сделать, дорога открыта. Если же кости треснут поперек или выскочат из них круглые кусочки, тогда он этого не делает. Ибо или сама кость, или какая-то ткань, лежащая на ее поверхности, всегда трескается на огне. И если из трех костей одна трескается надлежаше, он предпринимает дело. Итак, когда мы вошли пред его лицо, предупрежденные ранее, чтобы не касаться порога, священники-несториане поднесли ему ладану; он сам положил его в курильницу, и они кадили пред ним. Затем они пропели, благословляя его напиток, и после них монах произнес свое благословение, а в конце и нам надлежало сказать наше. И когда он увидел, что мы держим у груди Библию, он приказал принести ее себе посмотреть и разглядывал ее очень тщательно. Затем, когда он выпил, причем старейший священник поднес ему чашу, они дали пить священникам. После этого мы вышли, и мой товарищ остался сзади; и, когда мы были снаружи,

он, готовясь выйти сзади нас, повернулся лицом к *хану*, кланяясь ему, а затем, следуя за нами, споткнулся о порог дома. В то время как мы шли впереди, направляясь с поспешностью к дому сына *хана*, Балту, наблюдавшие за порогом наложили руки на моего товарища и приказали ему остановиться и не следовать за нами. Затем они позвали какое-то лицо и приказали ему отвести моего товарища к Булгаю, старшему секретарю двора и осуждающему виновных на смерть. А я не знал этого. Однако, оглянувшись и не видя его идущим, я подумал, что они удержали его, чтобы дать ему более легкое платье. Ибо он был слаб и так отягощен шубами, что едва мог ходить. Затем они позвали нашего толмача и приказали ему сесть вместе с моим товарищем. Мы же пошли к дому первородного сына *хана*. Этот сын имеет уже двух жен и помещается направо от двора своего отца. Увидев, что мы идем, он тотчас вскочил с ложа, на котором сидел, распростерся на землю, ударяясь о нее лбом и преклоняясь пред крестом. Встав, он приказал положить крест с большим почетом на новое сукно на возвышенном месте рядом с собою. У сына *хана* есть наставник, один несторианский священник по имени Давид, сильный пьяница, который учит его. Затем Балту приказал нам сесть и дать священникам пить. И сам он также выпил, получив от них благословение. Затем мы пошли ко двору второй госпожи, по имени Кота, которая поклонялась идолам; ее мы застали лежащей в постели и больной. Тогда монах приказал ей встать с постели и поклониться кресту с коленопреклонением и ударяясь о землю лбом, причем он стоял с крестом у западной стороны дома, а она у восточной. После этого они переменились местами и монах пошел с крестом к востоку, а она к западу, и, хотя она была так слаба, что едва могла стоять на ногах, он смело приказал ей, чтобы она распростерлась вторично, трижды поклоняясь на восток, по обычаю христиан. Она это и сделала. И он научил ее сделать на лице крестное знамение. Затем, когда она снова легла на ложе и за нее были произнесены молитвы, мы пошли к третьему дому, где прежде жила госпожа христианка. По смерти ее заменила молодая девушка, которая вместе с дочерью господина радостно приняла нас; в этом доме все с благоговением поклонились кресту; он был положен на шелковое сукно на возвышенном месте, и затем было отдано приказание принести пищу, а именно баранье мясо; когда его положили пред госпожой, она приказала разделить его между священниками. Я же и монах воздерживались от пищи и питья. Когда же это мясо было съедено и было выпито много напитков, нам надлежало идти к помещению благородной девицы Херины, которое находилось сзади большого дома, принадлежавшего ее матери; при внесении креста она распростерлась на земле и поклонилась ему весьма набожно, так как была хорошо в этом наставлена, и положила его на возвышенном месте на шелковой ткани; все эти куски материи, на которые возлагался крест, принадлежали монаху. Этот крест принесен был одним армянином, который прибыл с монахом, по его словам, из Иерусалима; крест был серебряный, весил около четырех *марок* и имел четыре жемчужины по углам и одну посередине; изображения Спасителя на нем не было, так как армяне и несториане стыдятся показывать Христа пригвожденным ко кресту. Этот крест они поднесли Мангу-хану, и Мангу спросил у армянина, чего он просит. Тот сказал, что он сын одного армянского священника, церковь которого разрушили сарацины, и попросил у него помощи для восстановления этой церкви. Тогда хан спросил, за какую цену ее можно снова выстроить; тот ответил, что за двести *яскотов*, то есть за две тысячи *марок*. И *хан* приказал дать ему грамоту к тому, кто собирает дань в Персии и Великой Армении, чтобы тот выплатил ему упомянутую сумму серебра. Этот крест монах носил повсюду с собою, и священники, видя доход от него, начали ему завидовать. Итак, мы были в доме этой благородной девицы, и она дала священникам обильно выпить. Отсюда мы пошли к четвертому дому, который был последним по числу и по почету. Ибо этой госпожи [*хан*] не посещал и дом ее был ветхим, а сама она была малопривлекательна, но после Пасхи *хан* приказал построить ей новый дом и новые повозки. Она, так же, как и вторая, мало или, пожалуй, ничего не знала о христианстве, но поклонялась прорицателям и идолам. Однако при нашем входе она поклонилась кресту, как ее учили монах и священники. Там священники снова выпили; из этого дома мы вернулись к себе в часовню, которая находилась там поблизости, причем священники пели с громкими завываниями по причине своего опьянения, за которое там не подвергаются порицанию ни мужчины, ни женщины. Затем привели моего товарища и монах сильно бранил его за то, что тот коснулся порога. На следующий день пришел Булгай, бывший судьей, и подробно расспросил, внушал ли нам кто-нибудь остерегаться от прикосновения к порогу. Я ответил: «Господин, у нас не было с собой толмача, как могли бы мы понять?» Тогда он простил его. После того ему никогда не позволяли входить ни в один дом *хана*.

[...]

Глава тридцать девятая

Описание земель, лежащих в окрестностях *ханского* дворца.

О нравах, монетах и письменах татар

С тех пор как мы попали ко двору Мангу, он двигался на повозках только к югу, а с этого времени начал возвращаться в северном направлении, что было и направлением к Каракоруму. Во всю дорогу я отметил только одно, о чем мне сказал в Константинополе господин Балдуин Гэно, который был там, именно: он видел удивительно только то, что он всю дорогу в путешествии поднимался и никогда не спускался. Ибо все реки текли с востока на запад или прямо, или не прямо, то есть с наклоном к югу или к северу. И я спросил священников, прибывших из Катайи, и они свидетельствовали, что от того места, где я нашел Мангу-хана, до Катайи было 20 дней пути в направлении к юго-востоку, а до Онанкеруле, настоящей земли моалов, где находится двор Чингиса, было 10 дней пути прямо на восток, и в этих восточных странах не было ни одного города. Но все же там жили народы по имени су-моал, то есть моалы вод, ибо «су» значит «вода». Они живут рыбной ловлей и охотой, не имея никаких стад, ни крупных, ни мелких. К северу также нет ни одного города, а живет народ, разводящий скот, по имени керкисы. Живут там также оренгаи,

которые подвязывают себе под ноги отполированные кости и двигаются на них по замерзшему снегу и по льду с такой сильной быстротою, что ловят птиц и зверей. И еще много других бедных народов живет в северной стороне, поскольку им это позволяет холод; на западе соприкасаются они с землею паскатир, а это — Великая Венгрия, о которой я сказал вам выше.

Предел северного угла неизвестен в силу больших холодов. Ибо там находятся вечные льды и снега. Я осведомлялся о чудовищах, или о чудовищных людях, о которых рассказывают Исидор и Солин. Татары говорили мне, что никогда не видали подобного, поэтому мы сильно недоумеваем, правда ли это. Всем вышеупомянутым народам, как бы бедны они ни были, надо нести какую-нибудь службу. Ибо Чингис издал такое постановление, что ни один человек не свободен от службы, пока он не настолько стар, что больше не может никоим образом работать. Один раз сидел со мной один священник из Катайи, одетый в красное сукно самого лучшего цвета, и я спросил у него, откуда они берут такую краску. Он рассказал мне: в восточных странах Катайи находятся высокие скалы, на которых живут какие-то создания, имеющие во всем человеческий образ, кроме того, что они не сгибают колен, а ходят, не знаю, как-то подпрыгивая; ростом они всего с один *локоть*, тело их все одето волосами, живут они в недоступных пещерах. И охотники Катайи ходят на них, имея при себе пиво, возможно, более пьяное. Они делают отверстия в скалах наподобие чаш и наполняют их этим пивом. Ибо в Катайе нет вина, но теперь они начинают сажать лозы, а [обычное] питье приготавливают из риса. Итак, охотники прячутся, а вышеупомянутые живые существа выходят из самых пещер, отведают вышеупомянутого напитка и кричат: «Хин, хин», откуда от этого крика они получили свое имя, ибо их называют «хинхин». Затем они собираются в большом количестве, пьют вышеупомянутое пиво, опьяняются и там засыпают. Тогда подходят охотники и связывают спящих по рукам и по ногам. Затем открывают им на шею жилу, извлекают три или четыре капли крови и дают им уйти свободными. И эта кровь, как он сказал мне, весьма ценна для окраски пурпура. Рассказывали также за истину, чему я не верю, что за Катайей есть некая область, имеющая такое свойство: в каком бы возрасте человек ни вошел в нее, он и остается в таком возрасте, в котором вошел. Катайя находится над океаном. И мастер Вильгельм рассказывал мне, что видел послов некоторых народов по имени кауле и манзе, живущих на островах, но море там зимою замерзает, так что татары могут тогда направиться к ним. Эти народы предлагали ежегодно тридцать две тысячи *туменов* яскотов, лишь бы только их оставили в мире. *Тумен* — монета, содержащая десять тысяч. Ходячей монетой в Катайе служит бумажка из хлопка (*carta de Wambasio*) шириною и длиною в ладонь, на которой изображают линии, как на печати Мангу. Пишут они кисточкой, которой рисуют живописцы, и одно начертание содержит несколько букв, выражающих целое слово. Тибетцы пишут как мы, и их начертания очень похожи на наши. Тангуты пишут справа налево, как арабы, но умножают строки, восходя вверх, а югуры, как сказано выше, пишут сверху вниз. Ходячей монетой русских служат шкурки разных пушных зверей, горностаев и белок.

Когда мы прибыли [жить] с монахом, он с любовью внушил нам воздерживаться от мяса, говоря, что наш служитель будет есть мясо с его служителями, а для нас он сам позаботится о муке и масле растительном и коровьем. Мы исполнили это, хотя такое требование сильно тяготило моего товарища по причине его слабости. Отсюда пищей нашей служило пшено с коровьим маслом или тесто, варенное в воде с тем же маслом или кислым молоком, и пресный хлеб, испеченный на бычачьем или конском навозе.

[...]

Глава сорок четвертая

Описание города Каракорума. О том, как Мангу-хан послал своих братьев против разных народов

О городе Каракоруме, да будет вашему величеству известно, что, за исключением дворца, он уступает даже (*non ita bona*) пригороду святого Дионисия, а монастырь Святого Дионисия стоит вдесятеро больше, чем этот дворец. Там имеются два квартала: один — сарацин, в котором бывает базар, и многие купцы стекаются туда из-за двора, который постоянно находится вблизи него, и из-за обилия послов; другой квартал катайев, которые все ремесленники. Вне этих кварталов находятся большие дворцы, принадлежащие придворным секретарям. Там находятся двенадцать кумирен различных народов, две мечети, в которых провозглашают закон Магомета, и одна христианская церковь на краю города. Город окружен глиняной стеною и имеет 4 ворот. У восточных продается пшено и другое зерно, которое, однако, редко ввозится; у западных продают баранов и коз; у южных продают быков и повозки; у северных продают коней.

Следуя за двором, мы прибыли туда в воскресенье пред Вознесением. На следующий день нас, а именно: монаха, всех его домашних, нас и всех послов и иностранцев, которые посещали дом монаха, позвал Булгай, главный секретарь и судья; пред лицо Булгай нас позвали поодиночке, сперва монаха, а после него нас; они начали тщательно расспрашивать, откуда мы, зачем прибыли и в чем состоит наше служение. Этот допрос делался потому, что Мангу-хану было доложено, будто четыреста человекоубийц прибыли в различных платьях, чтобы убить его. Около этого времени вышеупомянутая госпожа снова захворала и послала за монахом, а тот, не желая идти, ответил: «Она снова созвала вокруг себя идолопоклонников; пусть лечат ее, если смогут. Я больше не пойду».

Накануне Вознесения Господня мы были во всех домах Мангу-хана, и я видел, как, когда он должен был пить, они выливали кумыс на его войлочных идолов. Тогда я сказал монаху: «Какое общение у Христа с Ваалом? Какое отношение у нашего креста с этим идолом?»

Сверх того, у Мангу-хана имеется восемь братьев: три единоутробных и пять по отцу. Одного из единоутробных он послал в землю человекоубийц, именуемых ими мулидет, и приказал всех их умертвить. Другой отправился в

направлении к Персии и уже вступил в нее, собираясь, как полагают, вступить в турецкую землю и готовясь отправить оттуда войско против Балдаха и Вастация. Одного из остальных он послал в Катайю против неких народов, которые им еще не повинуются. Меньшего единоутробного брата по имени Арабукху Мангу удержал у себя; этот брат занимает двор их матери, которая была христианкой и рабом которой был мастер Вильгельм. Один из братьев хана со стороны отца взял Вильгельма в плен в Венгрии, в одном городе по имени Белеграв, в котором был нормандский епископ из Бельвиля, вблизи Руана; вместе с Вильгельмом был взят в плен епископский племянник, которого я видел там в Каракоруме. Брат хана отдал мастера Вильгельма матери Мангу, так как она очень настаивала на обладании им; по смерти ее мастер Вильгельм достался Арабукхе вместе со всеми другими, принадлежавшими ко двору матери, а через него стал известным Мангу-хану, который дал мастеру для выполнения вышеупомянутой работы 100 яскотов, то есть тысячу марок.

Итак, накануне Вознесения Мангу-хан сказал, что хочет отправиться ко двору своей матери и посетить ее, так как это было уже близко. Монах же заявил, что хочет отправиться с ним и дать свое благословение душе его матери. Это понравилось хану. Вечером, в день Вознесения, состояние здоровья вышеупомянутой госпожи сильно ухудшилось, и глава прорицателей послал к монаху распоряжение не бить в доску. Хотя на следующий день весь двор удалился, двор вышеупомянутой госпожи остался. Когда же мы прибыли на место остановки двора, то монаху приказано было расположиться от двора дальше, чем обыкновенно, что он и исполнил. Тогда Арабукха сам выехал навстречу брату своему хану. Монах же и мы, заметив, что он едет мимо нас, встретили его с крестом. Он же, признав нас, так как раз был в нашей часовне, протянул руку и сделал нам его крест, как епископ. Тогда монах сел на коня и последовал за ним, взяв с собою плоды. Арабукха же слез перед двором своего брата, ожидая его, пока тот не вернется с охоты. Тогда монах слез там же и поднес Арабукхе свои плоды, которые тот принял; рядом с ним сидели два вельможи из двора самого хана, сарацины.

Арабукха, зная про вражду, существующую между христианами и сарацинами, спросил у монаха, знает ли он упомянутых сарацин. Тот ответил: «Знаю, потому что они собаки; зачем держишь ты их возле себя?» Те возразили: «Зачем ты говоришь нам обидные речи, тогда как мы не говорим тебе никаких?» Монах сказал им: «Я говорю правду, и вы и Магомет ваш — презренные псы». Тогда они начали отвечать богохульствами на Христа, но Арабукха удержал их, говоря: «Не говорите, так как мы знаем, что Мессия — Бог». В этот час поднялся внезапно такой сильный ветер по всей стране, что казалось, будто по ней бегают демоны; немного спустя дошли слухи, что упомянутая госпожа умерла. На следующий день хан вернулся к своему двору по иной дороге, а не по той, по которой выехал, ибо у них существует суеверие, что они никогда не возвращаются по той дороге, по которой выезжают. Кроме того, когда где побывает двор, то после его удаления никто, ни конный, ни пеший, не смеет пройти по тому месту, на котором пребывал двор, пока заметны следы огня, который там был разведен. В этот день какие-то сарацины встретились с монахом на дороге, вызывая его и споря с ним. Так как он не умел защититься при помощи доводов и они стали над ним насмехаться, то он хотел наказать их плетью, которую держал в руке, и достиг того, что вышеупомянутые слова его и поступки были доведены до двора, и нам было приказано, чтобы мы остановились с другими послами, а не перед двором, где мы останавливались обычно.

[...]

Глава сорок пятая

Как нас несколько раз спрашивали.

Наши беседы и споры с идолопоклонниками

На следующий день, именно в воскресенье перед Пятидесятницей, меня повели ко двору; ко мне пришли старшие секретари двора. Один из них, моал, подает чашу самому хану, а другие — сарацины, и они стали спрашивать меня от имени хана, зачем я прибыл. Тогда я пересказал им вышеприведенные слова, а именно, как я прибыл к Сартаху, а от Сартаха к Бату и как Бату послал меня сюда; затем я сказал для передачи хану: «Мне нечего сказать ему от имени какого-нибудь человека (ибо он сам должен знать, что Бату написал ему); я мог бы сказать только слова Божии, если он захочет их выслушать». Они уцепились за эти слова, спрашивая, какие Божии слова я хочу сказать ему, думая, что я хочу предсказать ему какую-нибудь удачу, как поступают многие другие. Я ответил им: «Если вы хотите, чтобы я сказал ему слова Божий, устройте, чтобы я имел толмача». Они ответили: «Мы послали за ним, а теперь говорите как можете чрез присутствующего здесь толмача: мы хорошо пойдем вас». И они усиленно понуждали меня говорить. Тогда я сказал:

«Кому больше поручено, с того больше взыщется. И еще: кому больше дано, тот должен больше и возлюбить. С этими словами Божиими я и обращаюсь к самому Мангу, ибо Бог дал ему великую власть, и богатства, которые он имеет, дали ему не идолы туинов, а всемогущий Бог, Который создал небо и землю и в руке Коего находятся все царства, и Он переносит их из народа в народ за грехи людей. Отсюда, если хан возлюбит Его, хорошо будет ему; иначе же да узнает он, что Бог взыщет с него все до последнего гроша (quadrantem)». Тогда один из тех сарацин сказал: «Есть ли какой-нибудь человек, который не любил бы Бога?» Я ответил: «Бог говорит: «Если кто любит Меня, тот соблюдает Мои заповеди, а кто не любит Меня, тот не соблюдает Моих заповедей». Итак, кто не соблюдает заповедей Божиих, тот не любит Бога». Тогда тот возразил:

«Разве вы были на небе, чтобы знать заповеди Божий?» «Нет, — сказал я, — но Он Сам дал их с неба святым людям и напоследок Сам сошел с неба, уча нас, и мы имеем их в писаниях и видим в деяниях людей, когда они их соблюдают или нет». На это он сказал:

«Итак, вы хотите сказать, что Мангу-хан не хранит заповедей Божиих?» Я ответил: «Как вы говорите, придет толмач, и я пред лицом Мангу-хана, если ему будет угодно, прочитаю заповеди Божии, чтобы он сам судил о себе, соблюдает он их или нет». Тогда они удалились и сказали ему, что я назвал его идолопоклонником, или туином, и сказал, что он не соблюдает заповедей Божиих. На следующий день он прислал ко мне своих секретарей с таким поручением:

«Господин наш посылает нас к вам с такими словами: вы здесь христиане, сарацины и туины. И каждый из вас говорит, что его закон лучше и его письмена, то есть книги, правдивее. Поэтому *хан* желал бы, чтобы вы все собрались воедино и устроили сравнение [закона]; пусть каждый напишет свое учение (*dicta*) так, чтобы *хан* мог узнать истину». Тогда я сказал: «Благословен Бог, который вложил это в сердце *хана*. Но Писание наше сказало, что рабу Господню не подобает ссориться, а следует быть кротким ко всем; поэтому я готов без спора и борьбы отдать отчет в вере и надежде христианской пред всяким того требующим». Они записали эти слова и доложили ему. Затем было объявлено несторианам, а равно и сарацинам и таким же образом туинам, чтобы они позаботились о себе и написали то, что захотят сказать. На следующий день он снова прислал секретарей с поручением: «Мангу-хан хотел бы знать, по какой причине прибыли вы в эти страны». Я ответил им: «Он должен сам знать это из грамоты Бату». Тогда они ответили: «Грамота Бату затерялась, и *хан* предал забвению то, что написал ему Бату; поэтому он хотел бы знать это от вас». Тогда, ободрившись, я сказал им: «На обязанности нашей религии лежит проповедовать Евангелие всем людям. Поэтому, когда я услышал про славу племени моалов, я возмел желание прийти к ним; пока я пребывал в этом желании, мы слышали про Сартаха, что он христианин. Тогда я направил свой путь к нему. И господин *король* франков послал ему грамоту, содержащую добрые слова, и в числе прочих слов свидетельствовал ему про нас, что мы за люди, прося позволения нам остаться среди людей моалов. Тогда он послал нас к Бату, а Бату послал нас к Мангу-хану, поэтому мы просили его и теперь просим позволить нам остаться». Они записали все и на следующий день доложили ему. Он снова прислал их ко мне с поручением: «*Хан* хорошо знает, что среди вас нет никакого посла к нему, а что вы пришли молиться за него, как и другие праведные священники; но он спрашивает, были ли когда-нибудь ваши послы у нас или наши у вас». Тогда я рассказал им все про Давида и про брата Андрея, и они записали все и доложили ему. Тогда он снова послал ко мне с поручением: «Господин *хан* говорит:

«Вы долго пребывали здесь; он хочет, чтобы вы вернулись в свою землю, и спрашивает, желаете ли вы взять с собою его посла». Я ответил им: «Я не посмел бы взяться провожать его послов за пределы его земли, так как между нами и вами есть земля, где идет война (*terra guette*), а также море и горы; кроме того, я только бедный монах; поэтому я не посмел бы взять их к себе в спутники». И они, записав все, вернулись.

Настал канун Пятидесятницы. Несториане написали хронику от сотворения мира до Страстей Христовых и, совершенно миновав Страсти, коснулись Вознесения, Воскресения мертвых и пришествия на Суд; в этой записи было кое-что подлежащее возражению, что я им и указал. Мы же просто написали символ, поющийся в обедню: «Верую во единого Бога». Затем я спросил у них, как они хотят поступать дальше. Они сказали, что сначала хотят вести рассуждение с сарацинами. Я сказал им, что это не хорошо, так как сарацины согласуются с нами в том, что признают единого Бога:

«Поэтому вы имеете в них помощников против туинов». И они согласились с этим. Затем я спросил у них, знают ли они, как идолопоклонство получило начало в мире, и они не знали. Тогда я рассказал им, и они сказали: «Вы расскажете это им, а затем оставьте говорить нас, так как трудно беседовать через толмача». Я сказал им:

«Попробуйте, как вы будете держаться против них. Я приму на себя сторону туинов, а вы примите сторону христиан. Допустим так, что я принадлежу к этой секте; так как они говорят, что Бога нет, докажите, что Бог существует». Ибо там существует некая секта, утверждающая, что всякая душа и всякая сила в какой-нибудь вещи и есть Бог этой вещи и что иначе Бога не существует. Тогда несториане не умели ничего доказать, а рассказывали только то, что рассказывает Писание. Я сказал: «Они не верят Писанию, и вы расскажете одно, а они расскажут другое». Затем я посоветовал им позволить мне раньше сойтись с ними, так как, если я буду приведен в замешательство, им останется еще случай говорить; если же они будут приведены в замешательство, то меня затем могут и не выслушать. Они согласились. Итак, в канун Пятидесятницы мы собрались в нашей часовне и Мангу-хан прислал трех секретарей, чтобы быть третейскими судьями: одного христианина, одного сарацина и одного туина; и было заявлено: «Приказ Мангу следующий, и никто да не дерзает говорить, что этот приказ разнится от приказа Божия.

Он приказывает, чтобы никто под угрозой смертной казни не смел говорить едких или оскорбительных для другого слов и чтобы никто не устраивал смуты, могущей помешать этому делу». Тогда все смолкли. И там было большое количество народа, ибо каждая сторона призвала мудрейших из своего племени и, кроме того, стеклось много других. Затем христиане поставили меня в середине и указали туинам говорить со мною. Тогда те, собравшиеся там в большом количестве, начали роптать на Мангу-хана, так как никогда никакой *хан* не посягал на то, чтобы открывать их тайны. Затем они выставили против меня одного, прибывшего из Катайи и имевшего своего толмача, а у меня был сын мастера Вильгельма. И тот противник сперва сказал мне: «Друг, если ты будешь приперт к стене, то поищи другого, поумнее себя». Я промолчал. Тогда он спросил, о чем я хочу рассуждать раньше, о том ли, как образовался мир, или о том, что будет с душами после смерти. Я ответил ему: «Друг, это не должно быть началом нашей беседы. Все от Бога, и Сам Он — источник и глава всего, поэтому мы сперва должны говорить о Боге, о Котором вы мыслите иначе, чем мы, и Мангу хочет знать, кто верует лучше». Тогда посредники признали это справедливым. Он хотел начать с упомянутых выше вопросов, так как они считают их более обоснованными, ибо все они примыкают к тому еретическому учению манихеев, что одна половина вещей дурна, а другая хороша и что

существуют по крайней мере два основных начала, а о душах они все мыслят так, что те переходят из тела в тело. Даже и более ученый из несторианских священников спрашивал у меня про души скотов, могут ли они убежать куда-нибудь, чтобы не быть вынужденными к труду после смерти. Для подтверждения этого заблуждения, как рассказывал мне мастер Вильгельм, они даже привезли из Катайи одного мальчика, которому, судя по росту его тела, еще не было трех лет от роду. Однако он вполне обладал разумом и сам говорил про себя, что трижды подвергался воплощению; он умел читать и писать. Итак, я сказал упомянутому выше туину: «Мы твердо верим сердцем и признаем устами, что Бог существует, и существует только единый Бог, и Он един совершенным единством. Во что веришь ты?» И он сказал: «Глупцы говорят, что существует только единый Бог, а мудрецы говорят, что богов много. Разве в твоей земле нет великих владык и разве здесь нет наибольшего владыки, Мангу-хана? Так обстоит дело и с богами, так как они различны в различных странах». Я возразил ему: «Ты приводишь плохой пример; не может быть сравнения от людей к Богу; ибо таким образом всякий могущественный в своей земле человек мог бы назваться Богом». И в то время как я желал уничтожить его сравнение, он опередил меня вопросом: «Каков твой Бог, о котором ты говоришь, что Он только один?» Я ответил: «Наш Бог, кроме которого нет иного, всемогущ и потому не нуждается в чьей-либо помощи. Наоборот, мы все нуждаемся в Его помощи. Не так обстоит дело с людьми. Ни один человек не может всего, и потому на земле надлежит быть нескольким владыкам, так как никто не может снести всего. Точно так же Он знает все и потому не нуждается в советнике. Наоборот, вся мудрость от Него. Точно так же Он всеблаг и не нуждается в наших благах. Наоборот, Им мы живем, движемся и существуем. Таков наш Бог, и потому не следует предполагать другого». «Нет, — сказал он, — не так. Наоборот, на небе есть единый высочайший, происхождения которого мы еще не знаем; под его властью находятся десять; а под ними один низший. На земле же их бесконечное количество». Он хотел плести и другие басни, но я тогда спросил его о том высочайшем, верит ли он, что тот всемогущ, или думает это про какого-нибудь другого бога. Боясь отвечать, он спросил: «Если твой Бог таков, как ты говоришь, то почему Он создал половину вещей дурною?» «Это ложь, — сказал я, — кто сделал зло, тот не Бог. И все, что только существует, хорошо». При этих словах все туины изумились и занесли это в писание как ложь или невозможное.

Тогда он начал спрашивать: «Откуда же, стало быть, происходит зло?» «Ты плохо спрашиваешь, — сказал я, — раньше чем спросить, откуда зло, ты должен спросить, что такое зло. Но вернись к первому вопросу: веришь ли ты, что какой-нибудь бог всемогущ, а после этого я отвечу тебе на все, что захочешь спросить». И он долгое время сидел, не желая отвечать, так что слушатели-секретари от имени хана приказали ему ответить. Наконец он ответил, что ни один бог не всемогущ. Тогда все сарацины разразились громким смехом. Когда настала тишина, я сказал: «Стало быть, ни один из твоих богов не может спасти тебя во всякой опасности, ибо может оказаться такой случай, когда у него нет власти. Кроме того, никто не может служить двум господам: как же можешь ты служить стольким богам на небе и на земле?» Слушатели сказали ему, чтобы он отвечал, а он совершенно умолк. И когда я хотел распространиться в присутствии всех о единстве Божественного существа и о Троичности, местные несториане сказали мне, что этого довольно, так как они хотели говорить сами. Тогда я уступил им и, когда они хотели вести прение с сарацинами, эти последние ответили: «Мы признаем, что ваш закон истинен и что все, находящееся в Евангелии, — правда, поэтому мы не желаем иметь с вами о чем-нибудь прение». И они признались, что во всех молитвах молятся, чтобы Господь дал им умереть христианскою смертью. Там был один старик священник из секты югуров, которые признают единого Бога, а все же изготовляют идолов. Несториане долго говорили с ним, рассказывая все, вплоть до прибытия антихриста в мир и даже разъясняя ему и сарацинам Троичность путем сравнений. Все выслушали без всякого противоречия, но никто, однако, не сказал: «Верую; хочу стать христианином». По окончании этого несториане, так же как и сарацины, громко запели, а туины молчали, и после того все обильно выпили.

Глава сорок шестая

Как призывал нас хан к себе в день Пятидесятницы.

О татарском вероисповедании. Беседа о нашем обратном пути

В день Пятидесятницы сам Мангу-хан позвал меня пред свое лицо, равно как и того туина, с которым я имел прение. Раньше чем мне войти, толмач, сын мастера Вильгельма, сказал мне, что нам надлежит вернуться в свои страны и что я не должен противоречить этому, так как он узнал про это наверное. Когда я пришел пред лицо хана, мне надлежало преклонить колена, что сделал рядом со мною и туин со своим толмачом. Затем хан сказал мне: «Скажите мне правду, сказали ли вы однажды, когда я посылал к вам своих секретарей, что я туин?» Тогда я ответил: «Государь, я не сказал этого; но, если вам угодно, я скажу те слова, которые я сказал». Затем я повторил то, что сказал, и он ответил: «Я правильно подумал, что вы не сказали, так как не это слово вы должны были бы сказать, но ваш толмач плохо перевел». И он протянул ко мне посох, на который опирался, говоря: «Не бойтесь». Я, улыбаясь, сказал тихо:

«Если бы я боялся, то не пришел бы сюда». Хан спросил у толмача, что я сказал, и тот перевел ему. Затем он начал исповедовать мне свою веру. «Мы, моалы, — сказал он, — верим, что существует только единый Бог, Которым мы живем и Которым умрем, и мы имеем к Нему открытое прямое сердце». Тогда я сказал: «Он Сам воздаст за это, так как без Его дара этого не может быть». Он спросил, что я сказал; толмач сказал ему; тогда он прибавил: «Но как Бог дал руке различные пальцы, так Он дал людям различные пути. Вам Бог дал Писание, и вы, христиане, не храните его. Вы не находите, что один должен порицать другого; находите ли вы это?» «Нет, государь, — сказал я, — но я сначала объявил вам, что не хотел бы ссориться с кем-нибудь». «Я не говорю, — отвечал он, — про вас. Равным образом вы

не находите, что за деньги человек должен отклоняться от справедливости». «Нет, государь, — отвечал я, — и во всяком случае я не приезжал в эти страны за добыванием денег, а, наоборот, отказался от тех, которые мне давали».

И тут был секретарь, засвидетельствовавший, что я отказался от одного яскота и от шелковых тканей. «Я не говорю, — сказал он, — про это. Итак, вам Бог дал Писание, и вы не храните его; нам же Он дал гадателей, и мы исполняем то, что они говорят нам, и живем в мире». Прежде чем высказать это, он пил, как я думаю, раза четыре. И когда я внимательно слушал, ожидая, не пожелает ли он исповедать еще что-нибудь из своей веры, он начал беседовать о моем возвращении, говоря: «Ты долго оставался здесь; я хочу, чтобы ты вернулся. Ты сказал, что не смеешь взять с собою моих послов; хотел ли бы ты передать мои слова или мою грамоту?» И с тех пор я не имел случая или времени объяснить ему католическую веру. Ибо с ним можно говорить только столько, сколько он хочет, кроме того случая, когда говорящий — посол; а посол может говорить все, что хочет, и они всегда спрашивают, желает ли он говорить еще и другое. Мне же он не позволил говорить больше, но мне надлежало слушать его и отвечать на вопросы. Тогда я ответил ему, чтобы он приказал мне уразуметь его слова и изложить их письменно, и тогда я охотно передал бы их, насколько это у меня в силах. Затем он спросил, желаю ли я золота, серебра или драгоценных одеяний. Я ответил: «Мы не принимаем ничего подобного, но у нас нет чем возместить издержки, и без вашей помощи мы не можем выбраться из вашей земли». Тогда он сказал: «Я прикажу, чтобы у тебя было все необходимое в моей земле; хочешь ты большего?» Я ответил: «С меня достаточно этого». Тогда он спросил меня: «До которых пор ты желаешь проводника?» Я сказал: «Ваше могущество простирается вплоть до земли царя Армении; если бы меня проводили до тех пор, мне было бы достаточно». Он ответил: «Я прикажу проводить тебя до тех пор, а затем сам заботиться о своей безопасности». И он прибавил: «У головы два глаза, и хотя их два, однако зрение их одно, и куда один направляет взор, туда и другой. Ты прибыл от Бату, и потому тебе следует вернуться через его владения». После этих слов я попросил у него позволения высказаться. «Говори», — сказал он. Тогда я сказал: «Государь, мы люди не воинственные. Мы хотели бы, чтобы господство над миром было у тех людей, которые будут справедливее управлять им, согласно воле Божией. Наша обязанность учить людей жить согласно воле Божией. Для этого мы прибыли в эти страны и охотно остались бы, если бы вам это было угодно. Раз вам угодно, чтобы мы вернулись, этому надлежит быть. Я вернусь и доставлю вашу грамоту, насколько это у меня в силах, сообразно с тем, как вы прикажете. Я хотел бы просить у вашего великолепия, чтобы, когда я доставлю вашу грамоту, мне было позволено, если на то будет ваше согласие, вернуться к вам, в особенности потому, что у вас в Болате есть ваши бедные рабы, которые говорят на нашем языке, и они нуждаются в священнике, который бы учил их и детей их закону и охотно пребывал бы с ними». Тогда он ответил: «Согласен, если твои государи пошлют тебя снова ко мне». Тогда я сказал: «Государь, я не знаю намерения своих государей, но у меня есть от них позволение идти, куда я захочу, где было бы необходимо проповедать слово Божие, и мне кажется, что это было бы вполне необходимо в этих странах; поэтому пришлет ли он вам обратно послов или нет, я вернулся бы, если бы это было угодно вам». Тогда он замолчал и долгое время сидел, как бы размышляя, и толмач сказал мне, чтобы я не говорил больше. Я же ждал, обеспокоенный, что он ответит. Наконец он сказал: «Тебе предстоит сделать далекий путь; подкрепишься пищей, чтобы иметь возможность крепким вернуться в свою землю». И он приказал дать мне пить. Затем я вышел от лица его и после того не возвращался. Если бы я, подобно Моисею, имел возможность делать знамения, может быть, он преклонился бы.

Глава сорок седьмая

О прорицателях и колдунах у татар; об их обычаях и дурной жизни

Итак, прорицатели, как признал сам *хан*, являются их жрецами и все, что они предписывают делать, совершается без замедления. Я опишу вам их обязанности, насколько я мог узнать про это от мастера Вильгельма и от других лиц, сообщавших мне правдоподобное. Прорицателей много, и у них всегда имеется глава, как бы *nana* (*pontifex*), всегда располагающий свое жилище вблизи главного дома Мангу-хана, перед ним, на расстоянии полета камня. Под охраной этого жреца, как я упомянул выше, находятся повозки, везущие их идолов. Другие прорицатели живут сзади двора, в местах, им назначенных; к ним стекаются из различных стран мира люди, верующие в их искусство. Некоторые из них, и в особенности первенствующий, знают нечто из астрономии и предсказывают им затмение солнца и луны. И когда это должно случиться, весь народ готовится им пищу, так что им не должно выходить за двери своего дома. И когда происходит затмение, они бьют в барабаны и другие инструменты, производя великий шум и крик. По окончании же затмения они предаются попойкам и пиршеством, обнаруживая великую радость. Они указывают наперед дни счастливые и несчастные для производства всех дел; отсюда татары никогда не собирают войска и не начинают войны без их решительного слова; они [татары] давно вернулись бы в Венгрию, но прорицатели не позволяют этого. Они переправляют между огнями все посылаемое ко двору и имеют от этого надлежащую долю. Они очищают также всякую утварь усопших, проводя ее через огонь. Именно, когда кто-нибудь умирает, все принадлежавшее ему отделяется и не смешивается с другими вещами двора, пока все не будет очищено огнем. Так, видел я, поступили с двором той госпожи, которая скончалась, пока мы были там. Отсюда брату Андрею и его товарищам надлежало пройти огнями по двум причинам: во-первых, они несли подарки, во-вторых, эти подарки были назначены лицу уже умершему, а именно Кен-хану. От меня ничего подобного не требовали, так как я ничего не принес. Если какое-нибудь животное или что-нибудь другое упадет на землю, пока они проводят это таким образом между огней, то это принадлежит им. Также в девятый день мая месяца они собирают всех белых кобылиц стада и освящают их. Туда надлежит собраться также и христианским священникам с их кадилом. Затем они выливают новый кумыс на землю и устраивают в тот день большой праздник, так как считают, что они пьют тогда впервые новый

кумыс, как у нас поступают в некоторых местностях с вином в праздник св. Варфоломея или св. Сикста и с плодами в праздник св. Иакова или св. Христофора. Прорицателей зовут также, когда родится какой-нибудь мальчик, чтобы они предсказали судьбу его; зовут их и когда кто-нибудь захворает и они произносят свои заклинания и решают, естественная ли это немощь, или она произошла от колдовства. По этому случаю женщина из Меца, о которой я упомянул выше, рассказала мне нечто удивительное.

Однажды сделали подарок из очень драгоценных мехов, которые были назначены ко двору той госпожи, которая была христианкой, как я сказал выше, и прорицатели пронесли меха между огней, взяв из них более, чем им следовало бы. Одна женщина, под надзором которой была сокровищница госпожи, обвинила их перед ней за это; поэтому госпожа выразила им порицание. После этого вышло так, что госпожа начала хворать и испытывать какие-то внезапные страдания в различных членах тела. Позвали прорицателей, и они, сидя издалека, приказывали одной из девушек положить руку на место боли и сорвать то, что она найдет. Тогда та вставала, делала так и находила у себя в руке кусок войлока или какую-нибудь другую вещь. Затем они приказывали положить это на землю; когда девушка полагала вещь, то та начинала ползать, словно какое-нибудь живое существо. Затем вещь клали в воду, и она будто бы превращалась в пивку, а прорицатели говорили: «Госпожа, какая-нибудь колдунья так испортила вас своим колдовством», — и они обвинили ту, которая раньше обвинила их за меха. Ее вывели из стана на поля, семь дней били палками и подвергали другим наказаниям, чтобы она созналась. А меж тем сама госпожа умерла. Услышав это, служанка сказала им: «Знаю, что госпожа моя умерла; убейте меня, чтобы я отправилась вслед за ней, так как я никогда не делала ей зла». И так как она ни в чем не сознавалась, то Мангу приказал позволить ей остаться в живых; и тогда прорицатели обвинили кормилицу дочери госпожи, про которую я сказал выше, что она была христианкой, и муж этой кормилицы пользовался наибольшим почетом среди всех священников-несториан. Ее отвели на пытку с одной ее служанкой, чтобы она созналась, и служанка созналась, что госпожа ее посылала ее поговорить с каким-то конем и спросить у него ответов. И сама женщина созналась кое в чем, что она делала, чтобы заслужить любовь у господина и чтобы тот оказал ей милость, но она не сделала ничего, что могло бы ему повредить. Ее спросили также, был ли ее муж соучастником. Она оправдала его, так как сожгла знаки и буквы, которые сделала. Затем ее убили; и Мангу сам послал ее мужа-священника на суд к *епископу*, бывшему в Катайе, хотя этот священник и не оказался ни в чем виновным.

Меж тем случилось, что первая жена Мангу-хана родила сына, и прорицателей позвали предсказать судьбу младенца; все они пророчествовали счастливое, говоря, что он будет долго жить и станет великим государем. Спустя немного дней случилось, что этот мальчик умер. Тогда мать в ярости позвала прорицателей и сказала им:

«Вы сказали, что сын мой будет жить, а вот он умер». Тогда те ответили ей: «Госпожа, вот мы видим ту колдунью, кормилицу Хирины, которая была убита некогда. Она убила вашего сына, и вот мы видим, как она его уносит». А у этой женщины остались в становище взрослые сын и дочь; госпожа в ярости послала за ними и приказала мужчине убить юношу, а женщине — девушку в отомщение за ее сына, про которого прорицатели сказали, что мать их убила его. После этого упомянутые дети привиделись во сне *хану* и он спросил утром, что случилось с ними. Прислужники его побоялись сказать; тогда он, еще более обеспокоенный, спросил, где они, так как они предстали пред ним ночью в видении. Тогда ему сказали, и он тотчас послал к своей жене спросить у нее, с чего она взяла, что женщина может произносить смертный приговор без ведома своего мужа; и он приказал запереть ее на семь дней, приказывая не давать ей пищи. Мужчину же, который умертвил юношу, *хан* приказал обезглавить, а голову его повесить на шею женщины, убившей молодую девушку, и приказал бить ее раскаленными головнями, гоня через стан, а затем убить. Он убил бы также и жену, но пощадил ее только ради детей, которых имеет от нее; она вышла из своего двора и вернулась туда только по прошествии месяца.

Прорицатели также возмущают воздух своими заклинаниями, и, когда от естественных причин наступает столь сильный холод, что они не могут применить никакого средства, они выискивают тогда каких-нибудь лиц в становище, обвиняя их, что через них наступает холод, и тех убивают без всякого замедления. Незадолго пред моим удалением оттуда одна из наложниц *хана* занемогла и долго хворала. Прорицатели произнесли заклинания над одной рабыней ее, немкой, и та заснула на три дня. Когда она пришла в себя, то у нее спросили, что она видела; и она видела многих лиц; про них всех прорицатели объявили, что те скоро должны умереть, а так как девушка не видела там своей госпожи, то прорицатели признали, что та не умрет от этой немощи. Я видел эту девушку, у нее еще сильно болела голова после этого усыпления. Некоторые из прорицателей также призывают демонов и созывают тех, кто хочет иметь ответы от демонов, ночью к своему дому, полагая посередине дома вареное мясо; и тот хам, который призывает, начинает произносить свои заклинания и, держа барабан, ударяет им с силой о землю. Наконец, он начинает бесноваться и его начинают вязать. Тогда демон является во мраке и хам дает ему есть мяса, а тот дает ответ! Однажды, как сообщил мне мастер Вильгельм, один венгерец спрятался с ними, и демон, появившись над домом, кричал, что ему нельзя войти, так как с ними находится какой-то христианин. Слыша это, тот убежал с поспешностью, так как они стали разыскивать его. Прорицатели устрояют это и многое другое, рассказывать что, было бы слишком долго.

Глава сорок восьмая

Описание большого праздника. О грамоте, посланной Мангу-ханом *королю* французскому Людовику. Товарищ брата Вильгельма остался у татар

С праздника Пятидесятницы они начали составлять грамоту, которую *хан* должен был вам послать. Меж тем он вернулся в Каракорум и устроил великое торжество как раз в восьмой день по Пятидесятнице и пожелал, чтобы в

последний день этого праздника присутствовали и все посланники. Он посылал также и за нами, но я ушел в церковь крестить детей одного бедного немца, которого мы там нашли. На этом празднестве мастер Вильгельм был главным над виночерпиями, так как он сделал дерево, наливающее питье; и все, богатые и бедные, пели, плясали и рукоплескали пред лицом хана. Затем он держал им речь, говоря: «Я удалил от себя братьев моих и послал их на опасность к чужеземным народам. Теперь надо посмотреть, что думаете сделать вы, когда я пожелаю послать вас для увеличения нашей державы». Всякий день, в течение тех четырех дней, они меняли платья, которые он давал им все одноцветные каждый день, начиная с обуви и кончая головным убором [тюрбаном? (tuaram)]. В то время я видел там посла балдахского (de Baldach) *калифа*; этот посол приказывал носить себя по двору на носилках между двух лошаков; некоторые говорили о нем, что этот посол заключил мир с ними под тем условием, что они должны были дать ему 10 тысяч конного войска. Другие говорили, что Мангу сказал, что они не заключат мира, если те не сроят всех своих укреплений, а посол ответил: «Когда вы сорвете все копыта у ваших лошадей, тогда мы сроем все наши укрепления». Я видел также послов одного индийского *султана*, которые привели 8 леопардов и 10 борзых собак, наученных сидеть на заду лошади, как сидят леопарды. Когда я спрашивал об Индии, в каком направлении находится она от того места, они указывали мне на запад. И те послы возвращались со мною почти три недели все в западном направлении. Я видел там также послов турецкого *султана*, которые принесли хану ценные дары; и, как я слышал, он ответил, что не нуждается ни в золоте, ни в серебре, а в людях; поэтому он хотел, чтобы те позаботились о войске для него. В праздник святого Иоанна хан устроил великую попойку; я насчитал (feci numerare) сто пять повозок и 90 лошадей, нагруженных кобыльим молоком; так же было и в праздник *апостолов* Петра и Павла. Наконец, когда окончена была грамота, которую хан посылает вам, они позвали меня и перевели ее. Содержание ее, насколько я мог понять его через толмача, я записал. Оно таково:

«Существует заповедь вечного Бога: на небе есть один только вечный Бог, над землею есть только единый владыка Чингисхан, сын Божий, Демугин Хингей (т.е. звон железа. Они называют Чингиса звоном железа, так как он был кузнецом, а, вознесясь в своей гордыне, именуют его ныне и сыном Божиим). Вот слово, которое вам сказано от всех нас, которые являемся моалами, найманами, меркитами, мустелеманами; повсюду, где уши могут слышать, повсюду, где конь может идти, прикажите там слышать или понимать его; с тех пор, как они услышат мою заповедь и поймут ее, но не захотят верить и захотят вести войско против нас, вы услышите и увидите, что они будут невидящими, имея очи; и, когда они пожелаю что-нибудь держать, будут без рук; и, когда они пожелаю идти, они будут без ног; это — вечная заповедь Божия. Во имя вечной силы Божией, во имя великого народа моалов это да будет заповедью Мангу-хана для государя франков, *короля* Людовика, и для всех других государей и священников, и для великого народа (saeculum) франков, чтобы они поняли наши слова. И заповедь вечного Бога, данная Чингисхану, ни от Чингисхана, ни от других после него не доходила до вас. Некий муж по имени Давид пришел к вам, как посол моалов, но он был лжец, и вы послали с ним ваших послов к Кен-хану. Когда Кен-хан уже умер, ваши послы добрались до его двора. Камус, супруга его, послала вам тканей насик и грамоту. Но как эта негодная женщина, более презренная, чем собака, могла бы ведать подвиги воинские и дела мира, успокоить великий народ и творить и видеть благое? (Мангу сам сказал мне собственными устами, что Камус была злейшая колдунья и что своим колдовством она погубила всю свою родню.) Двух монахов, которые прибыли от вас к Сартаху, Сартах послал к Бату; Бату же, так как Мангу-хан есть главный над миром моалов, послал их к нам. Теперь же, дабы великий мир, священники и монахи, все пребывали в мире и наслаждались своими благами, дабы заповедь Божия была услышана у вас, мы пожелаем назначить к отправлению вместе с упомянутыми выше священниками вашими послов моалов. Священники же ответили, что между нами и вами есть земля, где идет война, есть много злых людей и труднопроходимые дороги; поэтому они опасаются, что не могут довести наших послов до вас невредимыми; но если мы передадим им нашу грамоту, содержащую нашу заповедь, то они сами отвезут ее *королю* Людовику. По этой причине мы не посылали наших послов с ними, а послали вам чрез упомянутых ваших священников записанную заповедь вечного Бога: заповедь вечного Бога состоит в том, что мы внушили вам понять. И когда вы услышите и уверуете, то, если хотите нас послушаться, отправьте к нам ваших послов; и таким образом мы удостоверимся, пожелаете ли вы иметь с нами мир или войну. Когда силою вечного Бога весь мир от восхода солнца и до захода объединится в радости и в мире, тогда ясно будет, что мы хотим сделать; когда же вы выслушаете и поймете заповедь вечного Бога, но не пожелаете внять ей и поверить, говоря: «Земля наша далеко, горы наши крепки, море наше велико», и в уповании на это устроите поход против нас, то вечный Бог, Тот, Который сделал, что трудное стало легким и что далекое стало близким, ведает, что мы знаем и можем».

В этой грамоте они сперва именовали нас вашими послами. Тогда я сказал им: «Не называйте нас послами, так как я ясно сказал самому хану, что мы не послы *короля* Людовика». Тогда они пошли к хану и сказали ему про это. Вернувшись же, они передали мне, что он признал это вполне хорошим и что он приказал им написать то, что я говорил им. Я же сказал им, чтобы они удалили слово «посол», а назвали нас монахами или священниками. Меж тем пока это происходило, мой товарищ, слыша, что нам надлежит возвращаться через пустыню и что один из моалов будет провожать нас, побежал без моего ведома к главному секретарю Булгаю и знаками дал ему понять, что может умереть, если отправится по той дороге. А когда настал день, в который надлежало отпустить нас, именно ровно через две недели после праздника святого Иоанна, нас позвали ко двору и секретари сказали моему товарищу: «Вот Мангу-хан хочет, чтобы твой товарищ вернулся через область Бату, а ты говоришь, что хвораешь, и это ясно видно. Мангу говорит так: если ты хочешь отправиться со своим товарищем, поезжай, но заботься тогда о себе сам (super te sit), так как ты можешь случайно остаться у какого-нибудь *яма*, который о тебе не позаботится, и это будет служить препятствием твоему товарищу. Если же ты хочешь остаться здесь, то хан сам позаботится о необходимом для тебя,

пока не явятся какие-нибудь послы, с которыми ты мог бы вернуться более медленно и по пути, на котором находятся города». Брат ответил: «Да дарует Бог счастливую жизнь *хану*! Я останусь». Я же возразил брату: «Брат, смотри, что ты делаешь. Я не оставлю тебя». «Вы, — ответил он, — не оставляете меня, а я оставлю вас, так как если я отправлюсь с вами, то вижу опасность для своего тела и души, ибо у меня нет терпения к невыносимому страданию». Секретари держали три одежды, или рубашки, и сказали нам: «Вы не хотите брать ни золота, ни серебра, а пребывали здесь долгое время, молясь за *хана*. Он просит, чтобы каждый из вас взял по крайней мере по простой одежде, дабы вы не уходили от него с пустыми руками». Тогда нам пришлось взять их из уважения к нему, так как они считают большим злом, если пренебрегают их дарами. Он и прежде неоднократно приказывал спросить у нас, чего мы желаем, и мы всегда отвечали одно и то же, а именно что христиане презирают идолопоклонников, не стремящихся ни к чему иному, кроме даров. И они отвечали, что мы глупы, так как, если бы он пожелал дать им весь свой двор, они охотно взяли бы его, и поступили бы благоразумно. Итак, когда мы взяли одежды, они попросили нас произнести молитву за *хана*, что мы и сделали и, получив таким образом отпуск, отправились в Каракорум.

[...]

Глава сорок девятая

Путешествие из Каракорума к Бату, а от него в город Сарай

[...]

Итак, мы ехали до Бату два месяца и 10 дней, не видя за это время ни разу города или следа какого-нибудь здания, кроме гробниц, за исключением одной деревеньки, в которой не вкушали хлеба. И за эти два месяца и 10 дней мы отдыхали только один-единственный день, так как не могли получить лошадей. Мы возвращались по большей части через область того же самого народа, но совсем по другим местностям. Именно мы ехали зимою, а возвращались летом, и по гораздо более высоким северным странам, за исключением того, что 15 дней подряд приходится ехать туда и обратно возле какой-то реки, между гор, в которых нет травы иначе как возле реки. Мы ехали по два, а иногда и по три дня, не вкушая никакой пищи, кроме кумыса. Иногда мы подвергались сильной опасности, будучи бессильны найти людей, а съестных припасов нам не хватало, и лошади были утомлены. Проехав 20 дней, я услышал новости про царя Армении, что он в конце августа проехал навстречу Сартаху, двинувшемуся к Мангу-хану со стадами крупного и мелкого скота, с женами и малолетками, однако большие дома его остались между Этилией и Танаидом. Я ходил на поклон к Сартаху и сказал ему, что охотно остался бы в земле его, но Мангу-хан пожелал, чтобы я вернулся и отвез грамоту. Он ответил, что волю Мангу-хана должно исполнить. Тогда я спросил у Койяка про наших людей. Он ответил, что они пребывают при дворе Бату и окружены тщательным попечением. Я потребовал также наше облачение и книги, и он ответил: «Разве вы привезли их не Сартаху?» Я сказал:

«Я привез их Сартаху, но не отдал ему, как вы знаете». При этом я повторил ему, как я ответил, когда он спросил, желаю ли я отдать их самому Сартаху. Тогда он ответил: «Вы говорите правду, и правде никто не может воспротивиться. Я оставил ваши вещи у моего отца, пребывающего вблизи Сарая, это — новый город, построенный Бату на Этилии; но наши священники имеют некоторые из облачений здесь, с собою». Я ответил ему: «Из облачений удерживайте что вам угодно, лишь бы мне возвращены были книги». Тогда он сказал, что передаст слова мои самому Сартаху. «Мне следует, — сказал я, — иметь грамоту к вашему отцу, чтобы он вернул мне все». Но они были уже препоясаны в путь, и он сказал мне:

«Двор госпож следует за нами, здесь вблизи, вы слезете там, и я перешлю вам через вот этого человека ответ Сартаху». Я беспокоился, не обманул бы он меня, однако спорить с ним не мог. Вечером пришел ко мне тот человек, на которого он указал мне, и принес с собою две рубашки, которые я счел за цельную, неразрезанную шелковую ткань. Этот человек сказал мне: «Вот две рубашки: одну Сартах посылает тебе, а другую, если ты считаешь это удобным, представь от его имени *королю*». Я ответил ему: «Я не ношу таких одеяний; обе представлю *королю* в знак уважения к вашему господину». «Нет, — отвечал он, — поступи с ними, как тебе будет угодно. Мне же угодно обе послать вам, и я посылаю их через подателя настоящего послания». Он дал мне также грамоту к отцу Койяка, чтобы тот вернул все мне принадлежащее, так как он не нуждался ни в чем из моего имущества. Прибыл же я ко двору Бату в тот же день, в который удалился от него в истекшем году, а именно два дня спустя после Воздвижения Святого Креста, и с радостью обрел наших служителей здоровыми, но удрученными сильной скудостью, о чем рассказывал мне Госсет. И не будь царя Армении, доставившего им великое утешение и поручившего их вниманию самого Сартаху, они погибли бы, так как думали про меня, что я умер; татары уже стали спрашивать, умеют ли они стеречь быков или доить кобылиц. Ибо, не вернись я, их обратили бы в рабство. После этого Бату приказал мне явиться пред его лицо и велел перевести для меня грамоту, которую посылает вам Мангу-хан. Ибо Мангу написал ему так, что если ему угодно что-нибудь прибавить, отнять или изменить, то пусть он это сделает. Затем Бату сказал мне: «Вы доставите эту грамоту и заставите ее перевести». Он спросил также, какую дорогу хочу я избрать, по морю или по суше. Я сказал, что море недоступно, так как наступала уже зима, а потому мне надлежит отправиться по суше. Я думал далее, что вы пребываете еще в Сирии, и направил свой путь в Персию. Ибо, знай я, что вы переправились во Францию, я отправился бы в Венгрию и скорее добрался бы до Франции, и по пути менее тягостному, чем в Сирию. Затем мы месяц путешествовали с Бату, раньше чем могли получить проводника. Наконец назначили мне некоего Югура, который, думая, что я ничего ему не дам, приказал, несмотря на мое заявление, что я хочу отправиться прямо в Армению, достать себе грамоту, что он проводит меня к турецкому *султану*, надеясь получить от него подарки и иметь больше выгоды на этой дороге. Затем я пустился в путь к Сарая ровно за две недели до праздника Всех

Святых, направляясь прямо на юг и спускаясь по берегу Этилии, которая там ниже разделяется на три больших рукава; каждый из них почти вдвое больше реки [Нила] у Дамьетты. Кроме того, Этилия образует еще четыре меньших рукава, так что мы переправлялись через эту реку на судах в 7 местах. При среднем рукаве находится город по имени Суммеркент, не имеющий стен; но, когда река разливается, город окружается водой. Раньше чем взять его, татары стояли под ним 8 лет. А жили в нем аланы и сарацины. Там мы нашли одного немца с женой, человека очень хорошего, у которого останавливался Госсет. Именно Сартах посылал его туда, чтобы облегчить таким образом свой двор. Вблизи этих мест пребывают около Рождества Христова Бату с одной стороны реки, а Сартах — с другой и далее не спускаются. Бывает, что река замерзает совершенно, и тогда они переправляются через нее. Здесь имеется огромное изобилие трав, и татары прячутся там между тростников, пока лед не начнет таять. Отец Койяка, получив грамоту Сартаха, сам вернул мне облачения, кроме трех стихарей, омофора, вышитого шелком, *епитрахили*, пояса, а также одежды на алтарь, вышитой золотом, и еще одного *диаконского* одеяния (*superpellicium*); вернул он также и серебряные сосуды, кроме курильницы и коробочки, в которой было миро; эти сосуды были у священников, находившихся вместе с Сартахом. Книги вернул он все, кроме Псалтыря госпожи королевы, который удержал с моего позволения, так как я не мог отказать ему в этом. Именно он говорил, что Псалтырь очень понравился Сартаху. Он просил меня также, чтобы, если мне доведется вернуться в те страны, я привез к ним человека, умеющего изготавливать пергамент. Именно по поручению Сартаха он строил большую церковь на западном берегу реки и новый поселок и хотел, как он говорил, приготовить книги для нужд Сартаха. Однако я знаю, что Сартах об этом не заботится. Сарай и дворец Бату находятся на восточном берегу; долина, по которой разливаются упомянутые рукава реки, имеет более 7 лье в ширину, и там водится огромное количество рыбы. Не мог я получить также переложенную в стихи Библию, книгу на арабском языке, стоящую 30 бизантиев, и еще много другого.

Глава пятидесятая

Продолжение пути от Сарая через Аланские и Лесгийские горы, через Железные ворота и через другие места

Удалившись таким образом из Сарая в праздник Всех Святых и направляясь все к югу, мы добрались в праздник святого Мартина до гор аланов. Между Бату и Сараем в течение 15 дней мы не встретили никого из людей, кроме одного из сыновей Бату, который двигался вперед с соколами, и его сокольников, бывших в большом количестве, и одного маленького поселка. Две недели, начиная с праздника Всех Святых, мы не находили никого из людей; и мы чуть не умерли от жажды в течение одного дня и одной ночи, не найдя воды почти до трех часов следующего дня.

Аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине, которая простирается между владениями Сартаха, аланами и Железными воротами, отстоящими оттуда на два дневных перехода, где начинается равнина Аркакка. Между морем и горами живут некие сарацины по имени лесги, горцы, которые также не покорены, так что татарам, жившим у подошвы гор аланов, надлежало дать нам 20 человек, чтобы проводить нас за Железные ворота. И я обрадовался этому, так как надеялся увидеть их вооруженными, ибо я никогда не мог увидеть их оружия, хотя сильно интересовался этим. И когда мы добрались до опасного перехода, то из 20 у двоих оказались латы. Я спросил, откуда они к ним попали. Они сказали, что приобрели латы от вышеупомянутых аланов, которые умеют хорошо изготавливать их и являются отличными кузнецами. Отсюда, как я полагаю, татары сами имеют немного оружия, а именно только колчаны, луки и меховые панцири (*pelliceas*). Я видел, как им доставляли из Персии железные панцири (*platas*) и железные каски, а также видел двоих, которые представлялись Мангу вооруженными в выгнутые рубашки из твердой кожи, очень дурно сидящие и неудобные. Прежде чем добраться до Железных ворот, мы нашли один замок аланов, принадлежащий самому Мангу-хану, ибо он покорил ту землю. Там впервые нашли мы виноградные лозы и пили вино. На следующий день мы добрались до Железных ворот, которые соорудил Александр Македонский. Это — город, восточная оконечность которого находится на берегу моря, и между морем и горами имеется небольшая равнина, по которой тянется сам город вплоть до вершины горы, прилегающей к нему с запада; таким образом, выше нет никакой дороги из-за непроходимых гор, а ниже нельзя пройти по причине моря, и дорога лежит единственно прямо посередине города поперек, где находятся Железные ворота, от которых назван город. Он имеет в длину более одной мили, а на вершине горы стоит крепкий замок; в ширину город простирается на полет большого камня. Он окружен крепчайшими стенами без рвов, с башнями, построенными из больших обтесанных камней. Но татары разрушили верхушки башен и бойницы стен, сравнив башни со стеною. Внизу этого города земля считалась прежде за настоящий рай земной. На два дня пути отсюда мы нашли другой город, по имени Самарон, в котором живет много иудеев; когда мы проехали через него, то увидели стены, спускающиеся с гор до моря. И, покинув дорогу через горы у этих стен, так как она сворачивала там на восток, мы поднялись на горы в южном направлении.

На следующий день мы проехали через некую долину, на которой видны были основания стен, простирившихся с одной горы на другую, а по верхушкам гор не было никакой дороги. Это были укрепления Александра, удерживавшие дикие племена, то есть пастухов из пустыни, от наступления на возделанные земли и города. Есть и другие укрепления, в которых живут иудеи, о которых я не мог узнать ничего верного; однако во всех городах Персии живет много иудеев. На следующий день мы приехали к большому городу по названию Самаг, а за ним на следующий день въехали на огромную равнину, именуемую Моан, по которой течет давшая имя кургам, именуемым нами георгианами, Кура. Она протекает посередине Тефилиса, главного города кургов, и прямо с запада стремится,

направляясь на восток, к вышеназванному морю; в этой реке водятся отличные лососи. На этой равнине мы снова нашли татар. Через эту равнину также протекает Аракс, который из Великой Армении течет прямо в юго-западном направлении. От него земля именуется Арарат, а это и есть сама Армения. Отсюда в книге Царств сказано про сынов Сенахерибовых, что, убив отца своего, они убежали в землю армян, у Исаи же сказано, что они убежали в землю Арарат. На западе, стало быть, этой красивейшей равнины находится Кургия. На равнине прежде жили корасмины (Crosmin). При входе в горы находится большой город по имени Гангес, их прежняя столица, препятствующая кургам спускаться на равнину. Итак, мы доехали до моста из судов, которые держались вместе большой железной цепью, протянутой поперек реки, где соединяются вместе Кура и Аракс. Но Аракс теряет там свое название.

Глава пятьдесят первая

Продолжение путешествия по Араксу. О городе Наксуа, о земле Сагенсы и о других местах

С того времени мы поднимались постоянно вверх вдоль Аракса, о котором сказано, что «моста не терпит Аракс», покинув Персию слева к югу, а Каспийские горы и Великую Кургию справа к западу и направляясь по пути африканского ветра к юго-западу. Мы проехали через становище Бату, который является главой войска, находящегося там возле Аракса, и покориł себе кургов, турок и персов. У Тавриса в Персии есть другое лицо, главное по сбору податей, по имени Аргон. Мангу-хан отозвал их обоих, чтобы они уступили свои места его брату, который направлялся к тем странам. Та земля, которую я вам описал, не есть собственно Персия, но прежде ее называли Гирканией. Я был в доме самого Бату, и он дал нам выпить вина, а сам пил кумыс, которого я также выпил бы охотнее, если бы он дал мне. Однако вино было молодое и отменное. Но кумыс приносит более пользы голодному человеку.

Итак, мы поднимались вдоль Аракса с праздника святого Климента и до второго воскресенья Четырдесятницы, пока не добрались до истока реки. И по ту сторону горы, на которой начинается Аракс, есть хороший город по имени Аарзерум, принадлежащий турецкому *султану*; там поблизости начинается Евфрат в северном направлении, у подошвы гор Кургии; я хотел пойти к его источнику, но были такие глубокие снега, что никто не мог идти помимо проложенной тропинки. С другого бока Кавказских гор, к югу, начинается Тигр.

Когда мы удалились от Бату, мой проводник отправился в Таврис, чтобы поговорить с Аргоном, и взял с собою моего толмача. Бату же приказал проводить меня до одного города по названию Наксуа, который прежде был столицей некоего великого царства и величайшим и красивейшим городом; но татары обратили его почти в пустыню. Прежде в нем было восемьсот армянских церквей, а теперь только две маленьких, а остальные разрушили сарацины. В одной из них я справил как мог с нашим причетником праздник Рождества. А на следующий день умер священник этой церкви; для похорон его прибыл *епископ* с 12 монахами из горцев. Ибо все *епископы* армян, равно как по большей части и греческие, суть монахи. Этот *епископ* рассказал мне, что там близко была церковь, в которой замучили блаженного Варфоломея, а также блаженного Иуду Фаддея, но из-за снегов дорога туда была недоступна. Рассказал он мне также, что у них два пророка: первый — мученик Мефодий, принадлежавший к их народу; он пророчествовал обо всем, что случится с израильтянами, и это пророчество исполнилось на сарацинах. Другого пророка зовут Акатрон; он при смерти своей пророчествовал о народе стрелков, имеющем прийти с севера, говоря, что они приобретут все земли Востока и [Бог] пощадит царство Востока, чтобы предать им царство Запада, но братья наши, подобно католикам-франкам, им не поверят, и эти стрелки займут земли с севера до юга, проникнут вплоть до Константинополя и займут Константинопольскую гавань. Один из них, которого будут именовать мужем мудрым, войдет в город и, увидя церкви и обряды франков, попросит окрестить себя и даст франкам совет, как убить владыку татар, а их там привести в замешательство. Слыша это, франки, которые будут в середине земли, то есть в Иерусалиме, набросятся на татар, которые будут в их пределах, и с помощью нашего народа, то есть армян, будут преследовать их, так что *король* франков поставит *королевский* трон в Таврисе, что в Персии; и тогда все восточные и все неверующие народы обратятся в веру Христову и на земле настанет такой полный мир, что живые скажут умершим: «Горе вам, несчастные, что вы не дожили до этих времен». Это пророчество я читал уже в Константинополе, куда его принесли армяне, там пребывающие, но не обратил на него внимания. Но когда я поговорил с упомянутым *епископом*, то вспомнил о пророчестве и обратил на него больше внимания. По всей Армении они считают это пророчество столь же истинным, как Евангелие. Он также говорил нам:

«Как души в преддверии рая ожидали пришествия Христова, чтобы получить освобождение, так мы ожидаем вашего пришествия, чтобы получить освобождение от того рабства, в котором пребывали так долго».

[...] В этом городе [Цеманум] нашел меня брат Бернард, родом каталонец, из ордена братьев-проповедников, который остановился в Кургии с одним настоятелем Святого Гроба, владевшим там большими землями. Бернард научился несколько по-татарски и ехал с одним братом из Венгрии в Таврис к Аргону, желая добиться проезда к Сартаху. Когда они туда пришли, то не могли получить доступа к Аргону и венгерский брат вернулся через Тефалис с одним слугою. Брат же Бернард остался в Таврисе с одним братом-мирянином из немцев, языка коего он не понимал.

Из вышеназванного города мы выехали ровно через неделю после Богоявления, а оставались мы там долго из-за снегов. Через четыре дня мы приехали в землю Сагенсы, некогда одного из могущественнейших кургов, а ныне данника татар, разрушивших все его укрепления [...]. Я обедал с упомянутым выше Сагенсой и получил много знаков уважения как от него самого, так и от его жены и сына по имени Захарий, очень красивого и умного юноши; он

спросил у меня, пожелаете ли вы оставить его у себя, если он придет к вам, именно он так тяготится владычеством татар, что хотя и имеет все в изобилии, однако предпочел бы странствовать по чужой земле скорее, чем выносить их владычество. Сверх того, они называли себя сынами Римской Церкви и говорили, что если господин *papa* окажет им какую-нибудь помощь, то они подчинят Церкви все прилегающие к ним племена.

В день Сретения находился я в некоем городе по имени Айни, принадлежавшем Сагенсе и очень укрепленном по своему положению. В нем находятся тысяча армянских церквей и две синагоги сарацин. Татары поставили там судью (*ballivum*). Тут нашли меня братья-проповедники, четыре из которых ехали из Прованса во Францию, а пятый присоединился к ним в Сирии. У них был только один немощный служитель, знавший по-турецки и немножко по-французски. Они имели грамоты господина *papы* к Сартаху, Мангу-хану и Бури, какие и вы дали мне, а именно просительные, чтобы те позволили им пребывать в их земле и проповедовать Слово Божие и т.д. Когда же я рассказал им, что я видел и как татары меня отослали, они направили свой путь в Тефилис, где пребывают их братья, чтобы посоветоваться, что делать. Я им надлежало разъяснил, что при помощи этих грамот они могут проехать, если пожелают, но должны запастись надлежащим терпением к перенесению трудов и хорошенько обдумать цель своего приезда, ибо, раз у них не было другого поручения, кроме как проповедь, татары станут мало заботиться о них, особенно если у них нет толмача. Что случилось с ними потом, не знаю.

Глава пятьдесят вторая **Переправа через Евфрат. Крепость Камаф.** **Возвращение в Кипр, Антиохию и Триполи**

[...] Мы проехали по равнине, на которой татары победили турецкого *султана*. Писать, как его победили, было бы слишком длинно; но один служитель моего проводника, бывший с татарами, говорил, что их было всего-навсего не больше 10 тысяч; а один кург, раб *султана*, говорил, что с *султаном* было 200 тысяч, все на лошадях. На этой равнине, на которой происходила эта война, вернее, это бегство, образовалось во время землетрясения большое озеро, и мне говорило мое сердце, что вся эта земля открыла уста свои для принятия и впредь крови сарацин. [...]

Глава пятьдесят третья **О том, как брат Вильгельм писал из Триполи к королю Людовику,** **донося ему о своем путешествии и об отправке послов к татарам**

[...] О Турции знайте, что там из десяти человек один не сарацин, а все это — армяне и греки и дети властвуют над этим краем. Именно у *султана*, побежденного татарами, была законная жена из Иверии; от этой жены у него был расслабленный сын, которого он объявил своим наследником. Другой сын у него родился от греческой наложницы, которую он потом передал одному могущественному *эмиру* (*amiraldo*); третий сын у него был от турчанки; соединившись с ним, многие турки и туркоманы пожелали убить сыновей христиан.

Как я узнал, они решили также, в случае победы, разрушить все церкви и убить всех тех, кто не пожелает сделаться сарацинами; но сын этот был побежден, и многие из его приближенных были убиты. Он обновил свое войско во второй раз, и тогда его взяли в плен, в оковах держат его и поныне. Пакастер, сын гречанки, стал заботиться о своем сводном брате, чтобы тот стал *султаном*, так как другой, которого отправили к татарам, был слабого сложения; родственники его со стороны матери Иверы, или Георгианы, вознегодовали на это. Отсюда ныне в Турции владычествует отрок, не имеющий никакой казны, немного воинов и много недругов. Сын Вастация слабого сложения и ведет войну с сыном Ассана, который также еще мальчик и угнетен рабством татар. Поэтому если бы воинство Церкви пожелало пойти к Святой Земле, то было бы очень легко или покорить все эти земли, или пройти через них. Венгерский *король* имеет, самое большее, не свыше 30 тысяч воинов. От Кельна до Константинополя только сорок дней пути на повозках, а от Константинополя не будет стольких дней пути до земли царя Армении. Некогда проходили через эти земли доблестные мужи и имели успех; однако против них стояли весьма сильные неприятели, которых ныне Бог уничтожил с лица земли. И нам не следовало подвергаться опасности моря и зависеть от милосердия корабельных служителей, а той платы, которую надлежало заплатить за перевоз, хватило бы на издержки при путешествии по суше. Уверяю вас, что если бы ваши поселяне, не говоря уже о *королях* и воинах, пожелали идти так, как идут цари татар, и довольствоваться такою же пищей, то они могли бы покорить целый мир. Мне кажется бесполезным, чтобы какой-нибудь брат ездил впредь к татарам так, как ездил я, иди так, как едут братья-проповедники; но если бы господин *papa*, который является главою всех христиан, пожелал отправить с почетом одного *епископа* и ответить на глупости татар, которые они уже трижды писали франкам (раз блаженной памяти *pape* Иннокентию Четвертому и дважды вам: раз через Давида, который вас обманул, а теперь через меня), то он мог бы сказать им все, что захочет, и даже заставить, чтобы они записали это. Именно они слушают все, что хочет сказать посол, и всегда спрашивают, не желает ли он сказать еще; но ему надлежит иметь хорошего толмача, даже многих толмачей, обильные средства и т.д.»

ИЗ «ИСТОРИИ АРХИЕПИСКОПОВ САЛОНЫ И СПЛИТА» ФОМЫ СПЛИТСКОГО

Сочинение об истории архиепископской кафедры города Сплита на Адриатическом побережье Далмации было написано в XIII в. архидиаконом (помощником епископа) местной церкви Фомой. Содержание источника охватывает историю Далмации, Хорватии и Венгрии с ранней древности до середины XIII в. Фома был современником, свидетелем и летописцем вторжения армии Монгольской империи в Центральную Европу. Фома Сплитский родился около 1200 г. в Сплите. В начале 20-х гг. XIII в. он учился в университете в Болонье. После возвращения в Сплит в 1223 г. Фома исполнял должность городского нотариуса, а в 1228 г. занял место каноника сплитского капитула. В 1230 г. он был избран архидиаконом. Умер Фома 8 мая 1268 г. в родном городе Сплите.

Хроника охватывает историю Далмации и соседних стран с начала новой эры. «История» сохранилась в нескольких списках XIII—XVII вв., старейший из которых, Сплитский (Codex Spalatensis), хранящийся в музее города Сплита, датируется концом XIII — началом XIV вв. В подавляющем большинстве списков хроники изложение доведено до 1266 г. На русский язык «История» впервые была переведена в 1876 г. А.Красовским.

Текст воспроизведен по изданию: Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. Вступ. ст., пер. и коммент. О.А.Акимовой. М., 1997. С. 104–120.

«[...]

XXXVI. О татарской напасти

На пятый год царствования Белы, сына *короля* Венгрии Андрея, и на второй год правления Гаргана губительный народ татар приблизился к землям Венгрии. А ведь тому уже было много лет, как слух об этом народе и ужас перед ним распространились по всему свету. Они прошли от восточных стран до границ рутенов, разоряя земли, которые они пересекали. Но благодаря сильному сопротивлению рутенов они не смогли продвинуться дальше; действительно, у них было множество сражений с народами рутенов и много крови было пролито с той и другой стороны, но они были далеко отогнаны рутенами. Поэтому, свернув в сторону, они с боями прошли по всем северным землям и оставались там двадцать лет, если не дольше. А потом, пополнив свои воинские соединения прежде всего за счет племен куманов и многих других покоренных ими народов, они снова повернули против рутенов. Сначала они окружили и осадили один очень большой город христиан по имени Суздаль и после долгой осады не столько силой, сколько коварством взяли его и разрушили, а самого *короля* по имени Георгий они предали смерти вместе с огромным множеством его народа. Двинувшись оттуда по направлению к Венгрии, они разоряли все на своем пути.

В то время, а именно в 1241 год от воплощения, 6 октября в воскресный день снова произошло солнечное затмение, и весь свет померк, всех объял сильный ужас, как и во время того затмения, которое произошло три года назад, о чем мы упоминали выше.

Итак, когда весть о пагубном нашествии татарского народа дошла до венгров, она была принята ими за шутку или бессмысленный вздор — то ли потому, что такие разговоры они часто слышали беспричинно, то ли оттого, что полагались на силу войска своего *королевства*. Да и расслабились они от долгого мира, отвыкли от тяжести оружия; находя удовольствие лишь в плотских радостях, они закоснели в бездействии и лени. Ведь венгерская земля, щедрая всяким добром и плодородная, давала возможность своим сынам благодаря достатку наслаждаться неумеренной роскошью. Какое же другое стремление владело молодежью, кроме как расчесывать длинные волосы, холить свою кожу, менять наружность мужчины на женское обличье? Целые дни они проводили в изысканных застольях и приятных развлечениях. С трудом они просыпались в третьем часу дня. Проводя всю свою жизнь вместе с женщинами в солнечных лесах и восхитительных лугах, они не могли представить себе грома сражений, и ежедневно они предавались не серьезным делам, а пустякам. Впрочем, более здравомыслящие, обеспокоенные роковыми вестями, опасались нападения губительного народа. Поэтому они беспокоили *короля* и вельмож многократными призывами, чтобы те приняли меры предосторожности против великого несчастья, чтобы нападение Нечестивого народа не было внезапным и чтобы он не принес беспечным людям больших страданий.

И наконец-то *король*, подталкиваемый этими призывами, выступил к границам своего *королевства*, дошел до гор, которые располагаются между Рутенией и Венгрией и далее до границ пелонов. Оттуда он объехал и осмотрел все ненадежные подступы к стране и распорядился устроить длинные заграждения, вырубив мощные леса и завалив срубленными деревьями все места, которые казались легко проходимыми. А по возвращении он распорядился собрать всех князей, всех *баронов* и вельмож своего *королевства*, и все лучшие силы венгерского войска он сосредоточил в одном месте. Прибыл и его брат *король* Коломан со всеми своими силами.

Явились и *пресулы* Венгрии, которые, не довольствуясь скромным количеством челяди сообразно церковной сдержанности, везли несметные богатства, а впереди вели большие военные отряды. Прибыли *архиепископы* Матфей Эстергомский и Хугрин Калочский, оба со своими *суффраганами*; за ними следовало великое множество *прелатов* и монахов, которые стекались к *королевскому* военному лагерю, как овцы на заклание. Тогда они начали обдумывать общий план действий, потратив немало дней на рассуждения о том, как бы разумнее встретить приближающихся татар. Но так как разные люди имели разные мнения, то они и не пожелали прийти к какому-либо единодушному решению. Одни, скованные безмерным страхом, говорили, что нужно временно отступить и не вступать с ними в бой, поскольку это — варвары, от которых нет надежды на спасение и которые завоевывают мир не из жадности власти, а из страсти к наживе. Другие по глупому легкомыслию беспечно говорили: «При виде нашей многочисленной армии они тут же обратятся в бегство». Вот так те, кому была уготовлена скорая гибель, не смогли прийти к единому решению.

И тут, пока они медлили с решением и попусту тянули время, к *королю* прискакал неожиданный гонец с верным известием о том, что неисчислимое множество татарского народа уже пересекло границы *королевства* и находится поблизости. Тогда, покинув собрание, *король* и *королевская* знать начали готовить оружие, назначать командиров соединений, созывать многочисленное войско. И, выступив от окрестностей Эстергома, они переправились через Дунай и направились в сторону Пешта, являвшегося большим поселением.

Вот так почти уже на исходе Четырехдесятицы, прямо перед Пасхой великое множество татарского войска вторглось в *королевство* Венгрия. У них было сорок тысяч воинов, вооруженных секирами, которые шли впереди войска, валя лес, прокладывая дороги и устраняя с пути все препятствия. Поэтому они преодолели завалы, сооруженные по приказу *короля*, с такой легкостью, как если бы они были возведены не из груды мощных елей и дубов, а сложены из тонких соломинок; в короткое время они были раскиданы и сожжены, так что пройти их не представляло никакого труда. Когда же они встретились с первыми жителями страны, то поначалу не выказали всей своей свирепой жестокости и, разезжая по деревьям и забирая добычу, не устраивали больших избиений. Во главе этого войска были два брата, старшего из которых звали Ват, а младшего — Кайдан. Они выслали вперед конный отряд, который, приблизившись к лагерю венгров и дразня их частыми вылазками, подстрекал к бою, желая испытать, хватит ли у венгров духа драться с ними. Что же касается венгерского *короля*, то он отдает приказ отборным воинам выйти им навстречу.

Построившись и удачно расположившись, они выступили против них в полном вооружении и строгом порядке. Но отряды татар, не дожидаясь рукопашного боя и, как у них водится, забросав врагов стрелами, поспешно бросились бежать. Тогда *король* со всем своим войском, почти по пятам преследуя бегущих, подошел к реке Тисе; переправившись через нее и уже ликуя так, будто бы вражеские полчища уже изгнаны из страны, они дошли до другой реки, которая называется Соло. А все множество татар встало лагерем за этой рекой в скрытом среди густых лесов месте, откуда венграм они были видны не полностью, а только частью. Венгры же, видя, что вражеские отряды ушли за реку, встали лагерем перед рекой. Тогда *король* распорядился поставить палатки не далеко друг от друга, а как можно теснее. Расставив таким образом повозки и щиты по кругу наподобие лагерных укреплений, все они разместились словно в очень тесном загоне, как бы прикрывая себя со всех сторон повозками и щитами. И палатки оказались нагромождены, а их веревки были настолько переплетены и перевиты, что совершенно опутали всю дорогу, так что передвигаться по лагерю стало невозможно, и все они были как будто связаны. Венгры полагали, что находятся в укрепленном месте, однако оно явилось главной причиной их поражения.

Тогда Ват, старший предводитель татарского войска, взобравшись на холм, внимательно осмотрел расположение войска венгров и, вернувшись к своим, сказал: «Друзья, мы не должны терять бодрости духа: пусть этих людей великое множество, но они не смогут вырваться из наших рук, поскольку ими управляют беспечно и бестолково. Я ведь видел, что они, как стадо без пастыря, заперты, словно в тесном загоне». И тут он приказал всем своим отрядам, построенным в их обычном порядке, в ту же ночь атаковать мост, соединявший берега реки и находившийся недалеко от лагеря венгров.

Однако один перебежчик из рутенов перешел на сторону *короля* и сказал: «Этой ночью к вам переправятся татары, поэтому будьте настороже, чтобы они внезапно и неожиданно не набросились на вас». Тогда *король* Коломан со всем своим войском выступил из лагеря; за ним последовал со своей колонной *архиепископ* Хугрин, который, конечно, и сам был мужем воинственным и смелым, всегда готовым к бою. В полночь они подошли к указанному мосту. Тут какая-то часть врагов уже перешла через него; завидев их, венгры тотчас напали на них и, мужественно сражаясь, очень многих положили, а других, прорывавшихся назад к мосту, сбросили в реку. Поставив стражу у начала моста, они в бурном ликовании вернулись к своим. Так что весьма обрадованные победным исходом, венгры уже почувствовали себя победителями и, сняв оружие, беззаботно проспали всю ночь. Татары же, поставив на своем конце моста семь осадных орудий, отогнали венгерскую стражу, кидая в нее огромные камни и пуская стрелы. Прогнав таким образом стражу, они свободно и беспрепятственно переправились через реку — одни по мосту, а другие вброд. И вот, когда совсем рассвело, взору открылось поле, наводненное великим множеством татар. Часовые же, добежав до лагеря и крича что есть мочи, с трудом смогли поднять спавших безмятежным сном. Разбуженные наконец печальной вестью, они не торопились, как того требовала минута великой опасности, схватить оружие, вскочить на коней и выступить против врагов; но, не спеша поднявшись с ложа, они норовили по своему обыкновению причесать волосы, пришить рукава, умыться и не особенно стремились ввязываться в сражение. Однако *король* Коломан, *архиепископ* Хугрин и один *магистр* воинства тамплиеров, как и подобало отважным людям, не предавались, как прочие, безмятежному сну, но всю ночь не смыкали глаз и были начеку, и как только они услышали крики, сразу же бросились из лагеря. А затем, надев на себя воинские доспехи и построившись клином, они смело бросились на вражеские ряды и какое-то время с большой храбростью бились с ними. Но так как их было ничтожно мало в сравнении с бесчисленным множеством татар, которые, словно саранча, постоянно возникали из земли, то они, потеряв многих своих товарищей, вернулись в лагерь.

И Хугрин, будучи человеком безупречной смелости и бесстрашия, возвысив голос, стал бранить *короля* за беспечность, а всех *баронов* Венгрии обвинять в праздности и косности, в том, что в столь опасной ситуации они и о своей жизни не подумали, и не позаботились о спасении всего *королевства*. В результате некоторые решились отправиться с ними, а другие, пораженные внезапным страхом, словно обезумевшие, не знали, какой стороны держаться и куда благоразумнее направиться. И так трое упомянутых предводителей не медля еще раз вышли [из лагеря] и вступили в бой с врагами. И именно Хугрин с такой отвагой устремился в самую гущу врагов, что те с громкими криками бежали, как от ударов молнии. Подобным образом и Коломан, и тамплиер со своими соратниками-

латинянами истребили много врагов. Когда тяжело раненные Коломан и *архиепископ* не могли более сдерживать напор толпы, они еле выбрались к своим. А *магистр* тамплиер погиб со всем отрядом латинян; многие из венгров тоже пали в этом бою.

И вот приблизительно во втором часу дня все многочисленное татарское полчище, словно в хороводе, окружило весь лагерь венгров. Одни, натянув луки, стали со всех сторон пускать стрелы, другие спешили поджечь лагерь по кругу. А венгры, видя, что они отовсюду окружены вражескими отрядами, лишились рассудка и благоразумия и уже совершенно не понимали ни как развернуть свои порядки, ни как поднять всех на сражение, но, оглушенные столь великим несчастьем, метались по кругу, как овцы в загоне, ищущие спасения от волчьих зубов. Враги же, рассеявшись повсюду, не переставали метать копыя и стрелы. Несчастливая толпа венгров, отчаявшись найти спасительное решение, не представляла, что делать. Никто не желал советоваться с другими, но каждый волновался только о себе, будучи не в силах заботиться об общем спасении. Они не защищались оружием от ливня стрел и копий, но, подставив спины, сплошь валились под этими ударами, как обычно падают желуди с сотрясаемого дуба. И так как всякая надежда на спасение угасла, а смерть, казалось, растекается по лагерю перед всеобщим изумленным взором, *король* и князья, бросив знамена, обращаются в бегство.

Тогда оставшиеся воины, с одной стороны, напуганные повальной смертью, а с другой — объятые ужасом перед окружившим их всепожирающим пламенем, всей душой стремились только к бегству. Но в то время как они надеются в бегстве найти спасение от великого бедствия, тут-то они и наталкиваются на другое зло, ими же устроенное и близко им знакомое. Так как подступы к лагерю из-за перепутавшихся веревок и нагроможденных палаток оказались весьма рискованно перекрыты, то при поспешном бегстве одни напирали на других, и потери от давки, устроенной своими же руками, казалось, были не меньше тех, которые учинили враги своими стрелами. Татары же, видя, что войско венгров обратилось в бегство, как бы открыли им некий проход и позволили выйти, но не нападали на них, а следовали за ними с обеих сторон, не давая сворачивать ни туда, ни сюда. А вдоль дорог валялись вещи несчастных, золотые и серебряные сосуды, багряные одеяния и дорогое оружие. Но татары в своей неслыханной жестокости, нисколько не заботясь о военной добыче, ни во что не ставя награбленное ценное добро, стремились только к уничтожению людей. И когда они увидели, что те уже измучены трудной дорогой, их руки не могут держать оружия, а их ослабевшие ноги не в состоянии бежать дальше, тогда они начали со всех сторон поражать их копыями, рубить мечами, не щадя никого, но зверски уничтожая всех. Как осенние листья, они падали направо и налево; по всему пути валялись тела несчастных, стремительным потоком лилась кровь; бедная родина, обгаренная кровью своих сынов, аела от края и до края. Тогда жалкие остатки войска, которыми еще не насытился татарский меч, были прижаты к какому-то болоту, и другой дороги для выхода не оказалось; под напором татар туда попало множество венгров и почти все они были поглощены водой и илом и погибли. Там погиб и тот прославленный муж Хугрин, там же приняли смерть *епископы* Матвей Эстергомский и Григорий Дьерский и великое множество *прелатов* и *клириков*.

О Господи Боже, почему ты обрек на столь жестокую кончину, осудил на столь ничтожное погребение облеченных церковным саном, назначенных для служения тебе? Поистине многие приговоры твои непостижимы. Несчастные страдальцы, насколько больше они могли бы помочь себе и своему народу добрыми делами и горячими молитвами, вознося их в святых храмах к твоему грозному величию, чем ночуя в лагере мирян, препоясавшись материальным оружием.

Вот так священники сделались тем же, что и народ, один отряд объединил их в сражении, и общая гибель стала для них наказанием. Тогда если кто и смог выбраться из этого омута, не имел никакой надежды избежать смерти от меча, потому что вся земля, как от саранчи, кишела вражескими полчищами, которым было чуждо всякое чувство милосердия, чтобы пощадить поверженных, пожалеть пленных, отпустить изнемогших, но которые, как дикие звери, жаждали только человеческой крови. Тогда все дороги, все тропинки были завалены трупами.

И вот миновал первый день всеобщего истребления, за которым последовали другие с еще более мрачными предвестиями. Так с наступлением вечера, когда татары были уже утомлены и отправились отдыхать, жаждущим бегства не открылось свободного прохода. Куда бы они ни сворачивали в полной темноте, они наткнулись на тела несчастных, еще дышавших или стонавших от ран, но большей частью неподвижных, спавших вечным сном, раздувшихся, как кожаные мехи. В первую ночь ужас охватывал при виде такого количества мертвых, валявшихся всюду, словно бревна или камни. Но в последующие дни ужасные картины стали привычны, и страх уступил воле к спасению. Так что иные, не отваживаясь бежать при свете дня, мазали себя кровью убитых, прятались среди трупов и таким образом находили у мертвых надежную защиту. А что мне рассказать о чудовищной жестокости, с которой каждый день они терзали города и села? Согнав толпу кротких женщин, стариков и детей, они приказывали им сесть в один ряд, и, чтобы одежды не запачкались кровью и не утомлялись палачи, они сначала стаскивали со всех одеяния, и тогда присланные палачи, поднимая каждому руку, с легкостью вонзали оружие в сердце и уничтожали всех. Более того, татарские женщины, вооруженные на мужской манер, как мужчины, отважно бросались в бой, причем с особой жестокостью они издевались над пленными женщинами. Если они замечали женщин с более привлекательными лицами, которые хоть в какой-то мере могли вызвать у них чувство ревности, они немедленно умерщвляли их ударом меча, если же они видели пригодных к рабскому труду, то отрезали им носы и с обезображенными лицами отдавали исполнять обязанности рабынь. Даже пленных детей они подзывали к себе и устраивали такую забаву: сначала они заставляли их усесться в ряд, а затем, позвав своих детей, давали каждому по увесистой дубинке и приказывали бить ими по головам несчастных малышей, а сами сидели и безжалостно наблюдали, громко смеясь и хваля того, кто был более меток и кто одним ударом мог разбить череп и убить ребенка. Куда уж дальше? У них не было никакого почтения к женщинам, любви к детям, сострадания к старости; с одинаковой жестокостью уничтожая весь род

человеческий, они казались не людьми, а демонами. Когда они подходили к обителям монахов, навстречу им, как бы выказывая должное почтение победителям, выступал собор *клириков*, облаченных в священные одежды, распевających гимны и славословия, с дарами и подношениями, чтобы вызвать их сострадание к себе. Но те, совершенно лишенные милосердия и человеколюбия, презирая религиозное послушание и насмехаясь над их благочестивой простотой, обнажали мечи и без всякой жалости рубили им головы. А затем, вламываясь в ворота, все разоряли, поджигая постройки, оскверняя церкви; они разрушали алтари, раскидывали мощи, из священных облачений делали ленты для своих наложниц и жен.

Что же до *короля* Белы, то он с Божьей помощью, едва избежав гибели, с немногими людьми ушел в Австрию. А его брат *король* Коломан направился к большому селению под названием Пешт, расположенному на противоположном берегу Дуная; в это место, прослышав о неудачном исходе войны и узнав о гибели всего войска, сбежалось великое множество венгров и людей из других, обитавших по обоим берегам Дуная народов, поскольку они возлагали надежду на массу собравшегося тут простого народа — пришлого и местного. Но *король* Коломан отговаривал тех, кто лелеял дерзновенные замыслы и считал, что они в состоянии противостоять небесному мечу. Он советовал им лучше пойти в другие места в поисках надежного укрытия для своего спасения. Но так как они не приняли спасительного совета, *король* Коломан отделился от них и ушел за реку Драву, где было место его постоянного пребывания.

А толпы простого народа с присущим им безмерным упорством стали укреплять местность, возводить вал, делать насыпь, плести ивовые щиты и в суете делать всяческие приготовления. И вот, прежде чем главные работы были выполнены наполовину, внезапно появились татары, и страх и малодушие охватили всех венгров. Тогда свирепые предводители [татар] как хищные волки, ненасытность которых разжигается неутолимым голодом и которые обычно с вожделием смотрят на овчарни, выглядывая добычу, так и эти, подчинясь звериной натуре, осматривают все селение дикими глазами, раскидывая необузданным умом, выманить ли венгров наружу или, ворвавшись к ним, одолеть в сражении мечом. В результате, став лагерем вокруг этого селения, отряды татар со всех сторон пошли на него в наступление, с ожесточением забрасывая его стрелами и меча в центр его тучи копий. Венгры, затеяв неудачный мятеж, со своей стороны пытались изо всех сил защищаться, используя *баллисты* и луки, выпуская на боевые порядки врагов огромное количество копий, бросая множество камней из камнеметных машин. Но пущенные прямо в цель смертоносные татарские стрелы разили наверняка. И не было такого панциря, щита или шлема, который не был бы пробит ударом татарской руки. И вот однажды, когда бой длился уже два или три дня и достойный жалости народ уже понес огромные потери, несчастные ослабевшими руками не оказывали никакого сопротивления, а местность не была в достаточной мере защищена, татары предприняли стремительное наступление, и в дальнейшем уже не было ни стычек, ни какого-либо противодействия. Тогда несчастных стали истязать с такой яростью и неистовством, что это не поддается описанию. Поистине вся эта зараза затопила Пешт. Именно там меч Божеского возмездия более всего обогрился кровью христиан. Так что когда туда вступили татары, что еще оставалось несчастному народу, как не сложить руки, стать на колени, подставить шею мечу? Но жестокое варварство не насытилось морем пролитой крови, страсть к убийству не иссякла. Во время резни стоял такой треск, будто множество топоров валило на землю мощные дубовые леса. К небу возносился стон и вопль рыдающих женщин, крики детей, которые все время видели своими глазами, как беспощадно распространяется смерть. Тогда не было времени ни для проведения похоронных церемоний, ни для оплакивания смерти близких, ни для совершения погребальных обрядов. Грозившее всем уничтожение заставляло каждого горестно оплакивать не других, а собственную кончину. Ведь смертоносный меч разил мужей, жен, стариков и детей. Кто смог бы описать этот печальнейший из дней? Кто в состоянии пересчитать столько погибших? Ведь в течение одного дня на небольшом клочке земли свирепая смерть поглотила больше ста тысяч человек. О, сколь же жестоки сердца поганого народа, который без всякого чувства сострадания наблюдал за тем, как воды Дуная обгагривались человеческой кровью.

После того как их жестокость, казалось, насытилась совершенными убийствами, они, вышедши из селения, подожгли его со всех сторон, и тотчас на виду у врагов его поглотило ненасытное пламя. Одна часть несчастного народа с женами и детьми бежала в обитель проповедников, полагая, что величайшая опасность не достигнет укрывшихся за толщей стен. Но стена обители несколько не защитила тех, кому было отказано в Божеской помощи. И в самом деле, когда подошли татары и всей мощью навалились на обитель, всех ожидала гибель, и в огне устроенного ими пожара самым ужасным образом было уничтожено почти десять тысяч человек вместе с обителью и всем добром. Свидетельством такой великой и страшной резни является множество непогребенных костей, которые, собранные в большие кучи, представляют для видевших их чудовищное зрелище.

Тем временем татарские полчища, опустошив всю Трансильванию и выгнав венгров из задунайских земель, расположились в тех местах, собираясь остаться там на все лето и зиму. А чтобы устроить тех, кто обитал на другой стороне Дуная, они сложили на берегу реки многие кучи из несметного количества собранных тел. А некоторые из них, насадив на копыта детей, как рыб на вертел, носили их по берегам реки. Они уже не знали ни счета, ни меры захваченной добычи. Кто сосчитал бы бесконечное множество коней и других животных, или богатств и сокровищ или несметную военную добычу, которой радовались разжившиеся ею враги? Сколько же было пленников, мужчин и женщин, юношей и девушек, которых они держали под строгой охраной, принуждая к разным рабским повинностям?

Тогда из-за столь тяжелого несчастья, свалившегося на христиан, один монах был охвачен безмерной скорбью, дивясь и томясь горячим желанием постичь причину того, почему всемогущий Бог позволил мечу язычников разорить венгерскую землю, когда там и вера католическая процветала и церковь пребывала в силе и благоденствии; и как-то ночью ему было видение и он услышал голос: «Не удивляйся, брат, и приговор Божий пусть не кажется тебе

несправедливым, потому что, хотя милосердие Божье и выдержало многие преступления этого народа, но Бог никак не смог стерпеть нечестивого распутства трех *епископов*». Но о ком именно это было сказано, мне достоверно не известно.

В это время прибыл со всей своей семьей и задержался у Загреба вернувшийся из Австрии *король* Бела. И вокруг него собрались все те, кто смог избежать татарского меча, и они оставались там все лето в ожидании исхода событий.

XXXVII. О свойствах татар

Теперь я немного расскажу о свойствах и облике этого народа по тому, как я смог узнать об этом от тех, кто с особым вниманием исследовал этот предмет.

Их страна расположена в той части света, где восток соединяется с севером, и упомянутые племена на своем родном языке называют себя монголами. Доносят, однако, что расположена она по соседству с далекой Индией и *король* их зовется Цецаркан. Когда он вел войну с одним соседним *королем*, который обесчестил и убил его сестру, то победил его и уничтожил; а его сына, бежавшего к другому *королю*, стал преследовать и, сразившись с ним, уничтожил его вместе с тем, который готовил ему убежище и помощь в своем *королевстве*. Он вторгся с оружием и в третье *королевство* и после многих сражений возвратился с победой домой. Видя, что судьба приносит ему удачу во всех войнах, он стал крайне чванливым и высокомерным. И, полагая, что в целом свете нет народа или страны, которые могли бы противиться его власти, он задумал получить от всех народов трофеи славы. Он желал доказать всему миру великую силу своей власти, доверяясь бесовским пророчествам, к которым он имел обыкновение обращаться. И потому, призвав двух своих сыновей, Бата и Кайдана, он предоставил им лучшую часть своего войска, наказав им выступить для завоевания провинций всего мира. И, таким образом, они выступили и почти за тридцать лет прошли по всем восточным и северным странам, пока не дошли до земли рутенов и не спустились наконец к Венгрии.

Название же татары не является собственным именем народа, но они зовутся так по названию какой-то реки, которая протекает в их краях; или же, как считают некоторые, «тартар» означает «множество». Но хотя и было их огромное множество, однако в упомянутом сражении, как говорят, у венгров войск было больше. Но нет в мире народа, который был бы так искусен в военном деле, который бы так же мог побеждать врагов, будь то стойкостью или военной хитростью, особенно в сражениях на открытой местности. Кроме того, они не связаны ни христианским, ни иудейским, ни сарацинским законом, а потому им неведома справедливость и не соблюдают они верности клятве. Вопреки обычаю всех народов они не принимают и не посылают посольств ни в отношении войны, ни в отношении мира. Внешним видом они вызывают ужас, у них короткие ноги, но широкая грудь, лица у них круглые, белокожие и безбородые, с изогнутыми ноздрями и узкими, широко поставленными глазами. Доспехи их представляют собой некое одеяние из кусков воловьих кож, составленных наподобие металлических пластинок, однако они непробиваемы и очень надежны. Шлемы у них и железные и кожаные, мечи — серповидные, а колчаны и луки прикреплены по-военному к поясу. Их стрелы длиннее наших на четыре пальца, с железными, костяными и роговыми сильно заостренными наконечниками. Основание стрел настолько узкое, что едва ли подходит к тетиве наших луков. Знамена у них небольшие с полосами черного и белого цвета с шерстяным помпоном наверху. Лошади у них малорослые, но сильные, легко переносящие голод и трудности, ездят они на них верхом на крестьянский манер; по скалам и камням они передвигаются без железных подков, как дикие козы. А после трехдневной непрерывной работы они довольствуются скромным кормом из соломы.

Равным образом и люди почти не заботятся о запасах еды, кормясь исключительно грабежами. К хлебу они испытывают отвращение и употребляют в пищу без разбора мясо чистых и нечистых животных и пьют кислое молоко с конской кровью. У них имеется великое множество воинов из разных покоренных ими в войнах народов, прежде всего куманов, которых они насильно заставляют сражаться. Если же они видят, что кто-либо из них немного страшится и не бросается в иступлении навстречу гибели, они немедленно отрубаят ему голову. Сами татары неохотно подвергают свою жизнь опасности, но если кого-либо из них настигнет смерть в бою, они тут же хватают его и, перенеся в укромное место, зарывают в землю, заравнивая могильный холм и утрамбовывая это место копытами лошадей, чтобы не было заметно следов погребения. Почти ни одна из быстрых рек не является для них препятствием, через которое они не могли бы переправиться верхом на лошадях. Но если они натываются на какую-либо непреодолимую водную преграду, они сразу же сплетают из прутьев корзины наподобие лембов; покрыв их сырыми кожами животных и нагрузив их снаряжением, они садятся в них и переправляются безбоязненно. Они пользуются войлочными и сделанными из кожи палатками. Лошади у них настолько хорошо приручены, что, сколько бы их у одного человека ни было, все они бегут за ним, как собаки. И как много ни собралось бы людей, они, как немые, не проронят почти ни звука, но и ходят молча и молча сражаются.

Итак, после краткого рассказа об этом вернемся к основной теме. Когда в конце концов над венгерским народом была одержана победа и слух о величайшем несчастье быстро разнесся повсюду, почти весь мир содрогнулся и все провинции охватил такой страх, что, казалось, ни одна из них не сможет избежать нечестивых рук. Говорят, сам римский император Фридрих думал не о сопротивлении, а о том, как бы ему укрыться. Тогда многие ученые люди, изучавшие древние писания, заключали, главным образом из слов Мефодия мученика, что это и есть те народы, которые должны явиться перед пришествием Антихриста. Тогда начали укреплять города и замки, волнуясь, что они хотят пройти до Рима, опустошая все на своем пути.

А *король* Бела, опасаясь, как бы татары, перейдя Дунай, полностью не разорили остальную часть *королевства*, послал в город Альбу взять мощи блаженного *короля* Стефана, а также многие церковные ценности, и переправил все это со своей женой — госпожой Марией и маленьким сыном Стефаном, тогда еще двухлетним младенцем, в приморские края, прося и наказывая сплитчанам взять все это на хранение, а королеву с сыном принять под свою верную защиту. Но госпожа королева по прибытии, подавшись на уговоры некоторых соперников сплитчан, не пожелала посетить Сплит, а забрала все *королевские* сокровища и разместила в крепости Клис. Вместе с ней пришли также многие знатные дамы, у которых татары убили их мужей. *Подеста* же Гарган и сплитские *нобили* не раз приходили к госпоже и настоятельно просили ее, смилив свой гнев, удостоить город своим пребыванием, но королева отказалась. И все же, оказывая ей многочисленные почести, они часто являлись к ее Двору с дарами и приношениями.

Тем временем *король* Коломан из мира сего блаженно переселился к Господу. Был он человеком, более склонным к благочестию и религиозности, чем к управлению государственными делами. Похоронили его в обители братьев-проповедников у Чазмы в укромном мавзолее, поскольку татары — этот нечестивейший народ — злодейскими руками оскверняли могилы христиан, прежде всего наиболее знатных, и раскидывали их кости.

XXXVIII. О бегстве венгров

По прошествии января [1242 г.] зимняя стужа лютовала более обыкновенного, и все русла рек, покрывшись от холода льдом, открыли прямой путь врагам. Тогда кровожадный вождь Кайдан с частью войска выступил в погоню за *королем*. А наступал он огромными полчищами, сметая все на своем пути. Так, спалив вначале Будалию, он подошел к Эстергому и начал всеми силами атаковать это селение и, захватив его без особого труда, поджег и всех находившихся в нем истребил мечом; добычи же ему досталось немного, так как венгры все свое имущество свезли в горное укрепление. Пройдя отсюда напрямик к городу Альбе, он сразу же сжег дотла все жилые дома предместья; осаждая город в течение нескольких дней, он постоянно штурмовал его, чтобы завладеть им, но так как место это было достаточно защищено множеством разлитых вокруг болот и обороняли его отборные отряды латинян с помощью установленных со всех сторон машин, то нечестивый предводитель, обманутый в своих надеждах, после тщетных попыток отступил. Он спешил настичь *короля*, поэтому на своем пути он не мог производить значительных опустошений, и, как от летнего града, пострадали только те места, через которые они прошли.

Но прежде чем они переправились через воды реки Дравы, *король*, предчувствуя их появление, со всей своей свитой спустился к морю, покинув стоянки в загребских землях. Тогда разные люди в поисках отдаленных убежищ рассеялись по всем приморским городам, которые казались им наиболее надежными укрытиями. *Король* же и весь цвет оставшейся части венгров прибыли в сплитские земли. В *королевской* свите состояли многие церковные *прелаты*, многочисленные вельможи и *бароны*, а количество прочего простого народа обоего пола и всякого возраста почти не поддавалось исчислению. Когда господин *король* приблизился к воротам города, весь *клир* и народ, выйдя процессией, приняли его с должным почетом и покорностью, предоставив ему столько места для размещения внутри стен, сколько он пожелал. С ним пришли следующие магнаты: *епископ* Загребский Стефан и другой Стефан — Вацкий, поставленный *архиепископом* Эстергомским; Бенедикт, *препозит* альбский, *канцлер* *королевского* двора, избранный на калочскую кафедру; Варфоломей, *епископ* Пяти церквей, и некоторые другие *епископы*. Кроме того, прибыли: Хугрин, *препозит* чазменский, *препозит* Ахилл, *препозит* Винценций, *препозит* Фома и такое множество других *прелатов*, что перечислять их мы полагаем излишним. Были также следующие первые лица *курии*: бан Дионисий, комит *курии* Владислав, *магистр*-казначей Матвей, *магистр*-конюший Орланд, Димитрий, Маврикий и много других знатных мужей, все со своими семьями и домочадцами. А *подеста* Гарган, выказывая преданность и старательность в удовлетворении *королевских* желаний, ревностно пекся о том, чтобы и граждане обнаруживали готовность в исполнении *королевских* распоряжений и чтобы *королевская* милость согревала всех граждан благосклонным вниманием и расположением.

Сплитчане сделали все, чтобы угодить *королю*, за исключением лишь того, что не смогли подготовить для него одну галею так быстро, как настоятельно требовал *король*, убегая от ярости татар. *Королевское* сердце перенесло это обстоятельство недостаточно спокойно. *Король* не пожелал оставаться в Сплите, но, отбив с женой и со всеми своими сокровищами, задержался в Трогире, полагая, что там, благодаря близости островов, он получит более надежную защиту от натиска врагов. И со всем своим двором он нашел пристанище на близлежащем острове.

XXXIX. О жестокости татар

А нечестивый предводитель, не желая ничего оставлять в целости, увлекаемый впадшим в безумие войском, кинулся вслед за *королем*. Желая лишь только *королевской* крови, он со всей яростью стремился уничтожить *короля*. Но он смог истребить немногих славян, поскольку люди прятались в горах и лесах. Он продвигался вперед, словно шел не по земле, а летел по воздуху, преодолевая непроходимые места и самые крутые горы, где никогда не проходило войско. Ведь он нетерпеливо спешил вперед, полагая настичь *короля* прежде, чем тот спустится к морю. Но после того как он узнал, что *король* уже находится в безопасности, в приморских краях, то замедлил шаг. И когда все войско подошло к воде, называемой Сирбий, он сделал здесь короткую остановку. И тут жестокий истязатель приказал собрать вместе всех пленных, которых он привел из Венгрии, — великое множество мужчин, женщин, мальчиков и девочек — и распорядился всех их согнать на одну равнину. И когда все они были согнаны, как стадо

овец, он, послав палачей, повелел всем им отрубить головы. Тогда раздались страшные крики и рыдания, и казалось, вся земля содрогнулась от вопля умирающих. Все они остались лежать на этой равнине, как валяются обычно разбросанные по полю снопы. И чтобы кому-нибудь не показалось, что эта лютая резня была совершена из жадности к добыче, они не сняли с них одежд, и все полчище смертоносного народа, разместившись в палатках, стало в соседстве с убитыми в бурном веселье пировать, водить хороводы и с громким хохотом резвиться, будто они совершили какое-то благое дело.

Снявшись отсюда, они возобновили поход по хорватским землям. И хотя они уже были рядом, сплитчанам все еще казалось это невероятным. Но когда одна их часть сошла с горы, тут-то некоторые из них внезапно появились под стенами города. Сплитчане же, поначалу не признав их и полагая, что это — хорваты, не пожелали с оружием в руках выступить против них. А венгры при виде их знамен оцепенели, и их охватил такой страх, что все они бросились к церкви и с великим трепетом приняли святое причастие, не надеясь больше увидеть света этой жизни. Некоторые плакали, кидались в объятия жен и детей, и, в горести раздирая грудь, со страшными рыданиями восклицали: «О мы несчастные, что толку было так терзать себя бегством, зачем преодолевать такие пространства, если мы не смогли избежать меча преследователей, если здесь нас ждала гибель?» Тогда бежавшие под защиту городских стен создали у всех ворот города сильную давку. Они бросали лошадей, скот, одежду и домашнюю утварь; не дожидаясь даже своих детей, гонимые страхом смерти, они бежали в более безопасные места. Сплитчане же оказывали им гостеприимство, проявляя к ним большое расположение и человеколюбие и, как могли, облегчали их участь. Но бежавших было так много, что их не вмещали дома и они оставались на улицах и дорогах. Даже благородные *матроны* лежали у церковных оград под открытым небом. Одни прятались под мрачными сводами, другие — в освобожденных от мусора проходах и гротах, третьи устраивались где только было возможно, даже в палатках.

Татары же, разя мечом всех, кого могли найти в открытом поле, не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков, ни немощных; они находили удовольствие в том, чтобы с варварской жестокостью лишить жизни даже съедаемых проказюю. Однажды один их отряд, подойдя к стенам и осмотрев с разных сторон весь город, в тот же день удалился. Сплитчане стали готовить машины и устанавливать их в нужных местах. И вот спустя несколько дней пришел Кайдан с небольшой частью своего войска, так как для всей конницы не было в достаточном количестве травы — ведь было начало марта, когда свирепствовали сильные холода. Татары, полагая, что *король* расположился в крепости Клис, начали со всех сторон штурмовать ее, пуская стрелы и меча копыя. Но поскольку это место было укреплено природой, они не смогли причинить значительного ущерба. Тогда татары, спешившись, стали ползком с помощью рук карабкаться наверх. Люди же, находившиеся в крепости, сталкивая на них огромные камни, нескольких из них убили. Еще более рассвирепев из-за этой неудачи, они, ведя рукопашный бой, подступили вплотную к высоким скалам, грабя дома и унося немалую добычу. Но когда они узнали, что *короля* там нет, то перестали осаждать крепость и, оседлав коней, поскакали к Трогиру. К Сплиту же свернули немногие из них.

И тогда граждане, находясь в замешательстве не столько от собственного страха, сколько от вида охваченных паническим ужасом венгров, задумали оставить город и со всем добром и домочадцами уйти под защиту островов. Они стали распускать пустые слухи, сочиняя разные напрасные сплетни. Одни говорили, что татары делают огромные машины и множество военных орудий, с помощью которых они попытаются разрушить города. Другие утверждали, что они насыпают кучи земли и камней с горы величиной и, оказываясь таким образом выше городов, легко ими завладевают.

Однако отряды татар вместе с нечестивым предводителем расположились на трогирском берегу. *Король*, видя, что войско татар спустилось напротив его убежища, и полагая, что ему будет небезопасно оставаться на близлежащих островах, переправил государыню со своим потомством и со всеми сокровищами на нанятые им корабли, сам же, сев на одно судно, поплыл на веслах, осматривая вражеские порядки и выжидая исхода событий. А предводитель Кайдан, исследуя все окрестности этого места, выяснял, не может ли он подойти к стенам города на конях. Но когда он узнал, что водное пространство, которое отделяет город от материка, непреодолимо из-за глубокого слоя ила, ушел отсюда и, вернувшись к своим, послал к городу гонца, сказав ему, какие слова он должен произнести. Подойдя к мосту, тот громко закричал по-славянски: «Говорит вам это господин Кайдан, начальник непобедимого войска. Не принимайте у себя виновного в чужой крови, но выдайте врагов в наши руки, чтобы не оказаться случайно подвергнутыми наказанию и не погибнуть понапрасну». Но стражи городских стен не отважились дать ответ на эти слова, поскольку *король* наказал, чтобы они не откликались ни единым словом. Тогда все их полчище, поднявшись, ушло оттуда той же дорогой, какой и пришло. Оставаясь почти весь март в пределах Хорватии и Далмации, татары вот так пять или шесть раз спускались к городам, а затем возвращались в свой лагерь.

А покинув земли Хорватии, они прошли по дукату Боснийской провинции. Уйдя оттуда, они прошли через *королевство* Сербия, которое зовется Рашкой, и подступили к приморским городам Верхней Далмации. Миновав Рагузу, которой они смогли причинить лишь незначительный ущерб, они подошли к городу Котору и, предав его огню, проследовали дальше. Дойдя до городов Свач и Дривост, они разорили их мечом, не оставив в них ни одного мочащегося к стене. Пройдя затем еще раз через всю Сербию, они пришли в Болгарию, потому что там оба предводителя, Бат и Кайдан, условились провести смотр своим военным отрядам. Итак, сойдясь там, они возвестили о заседании *куруи*. И, сделав вид, что они выказывают расположение пленным, приказали объявить устами глашатая по всему войску, что всякий, кто следовал за ними, доброволец или пленный, который пожелал бы вернуться на родину, должен знать, что по милости вождей он имеет на то полное право. Тогда огромное множество венгров, славян и других народов, преисполненные великой радостью, в назначенный день покинули войско. И когда все они двух- или

трехтысячной толпой выступили в путь, тотчас высланные боевые отряды всадников набросились на них и, изрубив всех мечами, уложили на этой самой равнине.

А *король* Бела, после того как определенно узнал от высланных лазутчиков, что нечестивый народ уже покинул *королевство*, немедленно отправился в Венгрию. Королева же с *королевским* сыном осталась в крепости Клис и пребывала там до сентября. А две ее дочери — девушки-девицы умерли, и они с почестями были похоронены в церкви блаженного Домния.

И хотя все Венгерское *королевство* было истощено ненасытным мечом варварского неистовства, последовавший сразу же губительный голод довел в конце концов несчастный народ до полного истощения. Ведь из-за угрозы татарского безумия несчастные крестьяне не могли ни засеять поля, ни подобрать плодов прежнего урожая. Так что при отсутствии съестных припасов несчастные люди падали, сраженные мечом голода. По полям и дорогам лежали бесчисленные трупы людей, и полагают, что жестокое бедствие голода принесло венгерскому народу не меньшее опустошение, чем губительная свирепость татар. А после этого словно из дьявольского логова появилось множество бешеных волков, только и жаждавших человеческой крови. Уже не тайком, а в открытую они забегали в дома и вырывали младенцев у матерей; но не только младенцев, а даже и вооруженных мужчин они раздирали своими страшными зубами, нападая на них стаями.

И так все Венгерское *королевство*, беспрестанно мучимое в течение трех лет тремя названными бедами — оружием, голодом, зверьми, по приговору Божьего суда сурово поплатилось за свои грехи.

[...]

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ «БОЛЬШОГО СОЧИНЕНИЯ» РОДЖЕРА БЭКОНА

Роджер Бэкон (1219, Илчестер — 1294, Оксфорд), английский натурфилософ, профессор Оксфордского университета, в 1240 г. начал карьеру преподавателя в Парижском университете, состоял в францисканском ордене. Роджер Бэкон является автором большого энциклопедического труда «*Большое сочинение*» («*Opus majus*»), которое было создано в 1266—1268 гг. и написано по требованию папы римского Климента IV (1265—1268).

Роджер Бэкон, человек с широким взглядом на мир, описывает географию Улуса Джучи Монгольской империи, опираясь на сведения из книг Иоанна де Плано Карпини и Вильгельма де Рубрука. Однако донесениям миссионеров Бэкон не следует буквально, а отбирает и компокует этот материал в соответствии со своей научной концепцией. Особый интерес представляет его трактовка относительно религиозной ситуации в Евразии описываемого времени.

Источник цитируется по изданию: Роджер Бэкон. Избранное. Пер. с лат. М., 2005.

«[...]

Часть IV. Математика. Раздел IV. Королларий 3.

География

[...] И далее начинаются северные земли, о которых философы, жившие на юге, знали мало, как отмечает астроном Этик в своей книге. Но он сам прошел все эти земли, переплыл северные моря и [исследовал] острова, в них расположенные. Я потому хочу следовать его [книге], но, тем не менее, приму во внимание и книги о нравах тартар, а особенно написанную братом Вильгельмом, который в лето Господне 1253 был послан *королем* Франции Людовиком, бывшим тогда в Сирии, в землю тартар, и который написал для господина *короля* книгу об этих землях и их морях.

И большое море [т.е. Черное] имеет протяженность с запада, т.е. от Константинополя, на восток в 1400 миль, а в середине сужено с обеих сторон. С южной стороны [выступающей части суши] имеется замок и порт турецкого *султана*, называемый Синополис (Синоп). А с северной стороны имеется другой замок, называемый Солдайя, и он находится в провинции, называемой ныне Кассарией, или Цессарией. Между Синополисом и Солдайей 300 миль, и это расстояние есть ширина моря между указанными выступающими частями суши. И эти замки охраняют два знаменитых порта, из которых люди северных земель переправляются в южные и наоборот. И от этих замков на запад, т.е. в сторону Константинополя, протяженность моря составляет 700 миль (причем такова же его ширина на западе), и столько же и на восток. И указанная провинция Цессария окружена морем с трех сторон. А на западе от нее лежит та часть Черного моря, где находится город Херсонес, в котором принял мученичество св. Климент. И рядом с Херсонесом находится остров, на котором стоит церковь, построенная, как говорят, руками ангелов, в которой покоится тело святого. И от Херсонеса до Солдаи расположено четыреста укрепленных городов, и почти в каждом из них жители говорят на своем собственном наречии. И там живет много готов, говорящих по-немецки.

С юга Цессария также омываема водами Черного моря, в которое восточнее [относительно Цессарии] впадает река Танаис, ширина которой в районе устья составляет 12 миль. [В месте, где Танаис впадает в Черное море], расположен города Матрика. И река Танаис образует севернее [Черного моря] некое море, имеющее протяженность 700 миль в длину и в ширину, а глубина его нигде не превышает шесть футов. И это море является теми знаменитыми Меотийскими топями, о которых говорят философы, поэты и историки. Танаис тянется от этих топей на север вплоть до Рифейских гор, находящихся на самом краю Севера. В этих горах Танаис имеет свой исток, и, проделав долгий путь по [различным] землям, впадает в вышеуказанные топи, их образуя. И пройдя через них, Танаис впадает в Черное море, как я уже сказал выше. И эта знаменитая река отделяет в этих местах Европу от Азии. А указанные

болота соседствуют со многими другими, но считаются как бы одним, и мы называем их болотами Меотии или, если использовать прилагательное, Меотийскими болотами. Итак, эти болота, которые [иногда] называют мелким морем, находятся на востоке от Цессарии и суть часть реки Танаис, которая течет через них и впадает в Черное море.

А на севере от провинции Цессария, от Танаиса на востоке вплоть до Дуная на западе, тянутся дикие пустынные земли, и для того, чтобы их пересечь всаднику на быстрой лошади с той скоростью, с какой передвигаются тартары (а они преодолевают расстояние, равное расстоянию от Парижа до Орлеана за один день), потребовалось бы два месяца. А у других людей, передвигающихся верхом в обычной манере, на это уйдет около четырех месяцев. Вся эта земля принадлежала куманам, которые назывались каптами, но тартары полностью разорили эту землю и всех половцев истребили, за исключением части, которая бежала в Венгерское *королевство* и стала его данником. Германцами [эта земля] называется Валана, а Плинием, Исидором и другими — Западной Аланией. И эта провинция на западе граничит с Дунаем, Венгрией и Польшей.

На севере от этой провинции находится Великая Русь, которая также граничит с Польшей и тянется вплоть до Танаиса, но большая ее часть на западе граничит [также] и с Левковией, землей столь же обширной, как Германия. [...]

Часть VII. Моральная философия. Раздел I

[...] И поскольку знание об Антихристе относится к христианской вере, ибо она учит о грядущем Антихристе, который будет уничтожен Христом, поэтому вера в грядущего Антихриста связана с другими положениями [христианской] веры. В силу этого одно из начал этой [т.е. моральной] науки относится к приходу Антихриста — в подтверждение того, что относится к вере Христовой. Итак, Этик говорит, что незадолго до времен Антихриста будет одно племя из рода Гога и Магога с севера, у врат Черноморских, злейшее из всех народов, которое вместе со своими злосчастными отпрысками [до того], запертыми за вратами Каспия, произведет грандиозное опустошение в мире, и встретит Антихриста, и назовет его богом богов. И Абу Машар в книге «Конъюнкций» равным образом доказывает это, утверждая, что после [установления] закона Магомета придет князь с законом гнусным и магическим, который на определенное время уничтожит все прочие законы. Но, как сказано ранее, он продержится недолго по причине грандиозности [своего] злодейства.

И, несомненно, это начало моральной науки должно быть тщательно рассмотрено. Ибо род тартар определенно пришел из тех мест, поскольку они обитали за теми вратами, между севером и востоком, запертые горами Кавказа и Каспия, и они ведут с собой народы, которые получили свое имя от этих гор, и дошли вплоть до границ Польши, Богемии и Венгрии, которые далеко на юге. Но верно также, как следует из посланий Иеронима и повествований историков, что из этих мест вышли и другие народы и наводнили юг, вплоть до Святой земли, как ныне делают тартары. И племена готов и вандалов, которые после этого вторглись в южные земли, были также с севера. А потому походы тартар не свидетельствуют в достаточной степени о наступлении времен Антихриста, но требуются и иные [знаменания], как станет ясно из последующего.

[...]

Часть VII. Моральная философия. Раздел IV. Глава I

[...] А теперь я укажу главные народности, у которых различаются [религиозные] учения, существующие ныне в мире. И это сарацины, тартары, язычники, идолопоклонники, иудеи, христиане. И большего числа основных учений нет и быть не может — вплоть до появления учения Антихриста. А составные учения формируются различными сочетаниями [элементов] всех этих [учений], или пяти, или четырех, или трех, или двух.

Но помимо указанных имеется и еще одна цель, а именно счастье в иной жизни, которую различные [люди] ищут различными способами и к которой по-разному стремятся. Ибо одни рассматривают [это счастье] как удовольствие телесное, другие — как наслаждение духовное, а третьи — как то и другое. А есть еще учения, которые сочетают это счастье с иными целями — всеми или несколькими и различным образом. Ибо хотя они стремятся к будущему счастью, многие, тем не менее, позволяют себе вожделение, другие стремятся к богатству, третьи желают почестей, четвертые — могущества и господства, пятые — славы. И я в первую очередь затрону первые три учения, чтобы было ясно, к чему они стремятся. А затем поведу речь о [необходимости] избрания учения верных, которое одно должно быть сообщено миру.

Некоторые же хотят обладать этими целями настоящей жизни, не считая, что они при этом отдаляются от будущего счастья, как бы они ни злоупотребляли временными благами и ни погружались в соблазны вожделения, как сарацины, которые, в соответствии со своим законом, имеют столько жен, сколько хотят.

А другие горят желанием повелевать, как тартары, поскольку их правитель говорит, что должен быть один господин на земле, так же, как на небе есть только один Бог, и этим господином должен быть провозглашен он сам, как ясно из письма, которое он послал *королю* Франции господину Людовику, в котором он требует от последнего дани. Об этом говорится в книге брата Вильгельма «О нравах тартар», которую он написал для вышеупомянутого *короля* Франции. И это явствует также из их деяний: уже захватив восточные царства, они не помышляют ни о каких сладостях жизни, но ведут себя, с этой точки зрения, не по-человечески: употребляют в питье молоко кобылиц, нечистую пищу и нечистым образом, что вошло у них в обычай. Это явствует из вышеназванной книги, а также из книги брата Иоанна «О жизни тартар», а также из «Космографии» философа Этика. И этот философ и те книги о

нравах тартар описывают их как нечестивейший и зловреднейший род, что явствует из математической части, где повествуется о народах и местах этого мира.

Чистыми язычниками являются те, у кого, как у пруссов и сопредельных им народов, место закона занимает обычай. Они считают, что удовольствия от богатства и славы в этой жизни имеют значение для жизни будущей, веря, что каков был человек здесь, таков он будет и там, и тем, чем он обладал здесь, он будет обладать и в будущей жизни. Поэтому они [имеют обычай] публичного сожжения мертвых вместе с драгоценными камнями, золотом, серебром, помощниками, семьей, друзьями, всеми богатствами и благами, надеясь, что те будут наслаждаться всем этим после смерти.

Равным образом и идолопоклонники надеются достичь благ будущей жизни с помощью благ этого мира, но с одним исключением — их жрецы дают обет чистоты и воздерживаются от плотских наслаждений. Это, как было сказано выше в разделе, посвященном местам мира, известно на примере стран, расположенных на северо-востоке. И все они ожидают в будущей жизни благ телесных, не помышляя о благах духовных [...].

Иудеи же стремятся как к временным, так и к вечным благам, но по-разному, поскольку мудрецы, помышлявшие о духовном, исполняя закон, стремились не только к телесным, но и к духовным благам. Однако те, кто толкует закон буквально, ожидают в иной жизни только телесных благ. Опять же они ищут временных благ не в соответствии с дозволенным и недозволенным, но сообразно с их законом, в согласии с Божественным авторитетом и правом. Ибо хотя они овладели имуществом и подчинили себе многие народы, тем не менее они сделали это по справедливости. Ибо им по праву наследования должна была достаться Земля Обетованная, ибо они происходили из рода сынов Ноя, а сыны Хама захватили эти земли не по праву, поскольку изначально они не были даны им в удел. Ибо сынам Хама были даны Египет, Африка и Эфиопия, как явствует из Писания, [трудов] святых и исторических сочинений (и это уже было затронуто прежде).

Христиане же, в соответствии со своим законом сообразуя духовное с духовным, могут обладать временным, по причине человеческой немощи, ради того чтобы практиковать духовное в этой жизни, пока не придут к вечной жизни как духовно, так и телесно. Но в той жизни они будут жить без внешних вещей, которыми человек пользуется в этой, ибо животное тело станет духовным и будет прославлен весь человек, и он будет жить с Богом и ангелами.

Итак, таковы основные религиозные учения. Первое — учение язычников, менее всего знающих о Боге. Они не имеют священнослужителей, но кто угодно по своей собственной воле может измыслить себе бога, и поклоняться ему, и принести жертвы так, как ему вздумается. Далее следуют идолопоклонники, у которых есть священнослужители и общие места для молитв; и, как у христиан, у них есть большие колокола, которыми они пользуются во время служб, а также определенные молитвы и жертвоприношения. И они полагают, что существует много богов, но никто из них не всемогущ. На третьей ступени находятся тартары, которые поклоняются и почитают единого всемогущего Бога. Но, тем не менее, они чтут огонь и домашний порог. Ведь они проносят и проводят через огонь вещи умерших, посланцев и другое, чтобы они очистились. Ибо их закон учит, что все очищается огнем. А тот, кто наступает на порог дома, осуждается на смерть. И в этих двух вещах, а также в некоторых других они являются весьма жестокими. На четвертой ступени находятся иудеи, которые должны, в соответствии со своим законом, больше знать о Боге и искренне ожидать Мессию, который есть Христос. И так поступали те, кто познал закон духовно, а именно святые *патриархи* и пророки. На пятой ступени находятся христиане, которые постигают иудейский закон духовно и добавляют к нему как завершение веру Христову. А затем придет закон Антихриста, который на время уничтожит прочие законы, разве что устоят избранные в вере христианской, пусть даже и с [большим] трудом, по причине сильнейших гонений. Итак, сообразно этому делению имеется шесть законов и шесть — сообразно предшествующему: плотское наслаждение, богатство, почести, могущество, слава, счастье будущей жизни вкупе с презрением к временным благам [...].

ОТРЫВКИ ИЗ «ВЕЛИКОПОЛЬСКОЙ ХРОНИКИ»

Историческое сочинение, которое принято называть «Великопольской хроникой», — одно из наиболее крупных произведений польской хронографии средневековья. Она представляет собой обширнейшую хронику-компиляцию, в которой не только использованы труды предшествующих авторов, но и добавлен значительный новый материал. Хроника Великой Польши не имеет в рукописях самостоятельного наименования. «Великопольской» ее назвали много столетий спустя.

Хроника содержит пролог и 164 главы, каждая имеет свой заголовок. Повествование ведется от сотворения мира до 1271 (1273) г. Значительная часть хроники отведена второй половине XIII столетия. Автор хроники неизвестен, но бесспорно то, что история Польши XIII в. написана представителем церковной среды.

При публикации источника использовано издание: «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях. Пер. Л.П.Поповой, коммент. Н.И.Щавелевой. М., 1987. С.152, 154–155, 184–185.

«[...]

Глава 67. О смерти князя Генриха Бородатого

[...] В этом же году, а именно 1238, татары опустошили и сожгли Венгрию и, захватив добычу, на следующий год вернулись по домам. [...]

Глава 71. О первых татарах, которые проникли в Польшу и Венгрию

В году 1241 Батый, татарский *хан*, со своим войском — народом многочисленным и жестоким, пройдя Русь, вознамерился вторгнуться в Венгрию. Но, прежде чем он достиг венгерских границ, он направил часть своего войска против Польши. Они в день Пепла опустошили и город и Сандомирскую землю, не пощадив ни пола, ни возраста. Затем они через Вислицу пришли в Краков, подвергнув все опустошению. Недалеко от Ополья их встретили князья [Владислав] опольский и [Болеслав] сандомирский и начали было с ними сражаться, но бежали, не имея возможности сопротивляться ни их многочисленности, ни воле Божьей. И, таким образом, упомянутая часть татарского войска, опустошив Серадз, Ленчицу и Куявию, дошла до Силезии. С ними Генрих, сын Генриха Бородатого, князь силезский, польский и краковский, со многими тысячами вооруженных [воинов] храбро встретился на поле у крепости Легница и, уповая на Божью помощь, уверенно с ними сразился. Но с соизволения Господа, который иногда допускает избиение и своих за их преступления, знаменитый вышеупомянутый князь Генрих вместе со многими тысячами несчастных людей пал на поле боя. С ним вместе пал подобным образом князь Болеслав, прозванный Щепелка. Когда Батый, татарский князь, вторгся в Венгрию, ему преградили дорогу венгерские *короли*, братья Бела и Коломан. Последние, потеряв в сражении большую часть своего войска, обратились в бегство. Так, Батый, опустошая Венгрию, жестоко убивая людей от мала до велика, не щадя ни пола, ни возраста, переправился через реку Дунай. Пробыл он в этом *королевстве* год или более, учинив жестокую резню в народе и нечестивое разорение городов. [...]

Глава 130. Каким образом татары вторично опустошили Сандомирскую землю

В упомянутом выше году перед праздником св. Андрея [во искупление] грехов христиан в Сандомирскую землю вторглись татары с пруссами, русскими, куманами и другими народами и безобразно ее разорили грабежами, поджогами и убийствами. И зная, что большое множество людей со своим имуществом прибыло в Сандомирскую крепость, окружили ее, непрерывно штурмуя. Русские же князья — Василько, брат русского *короля* Даниила, а также упомянутые сыновья — Лев и Роман, видя, что осада затягивается, задумали окружить жителей крепости обманным путем. Обеспечив безопасность, [они] сошлись с жителями крепости, убеждая их просить у татар заверений безопасности и сдать им крепость и имущество, находившееся в ней, чтобы татары даровали им жизнь. Жители крепости, предпочитая [свою] жизнь [спасению] самой крепости и имущества и надеясь сохранить жизнь так, как было сказано выше, обманутые советом указанных князей, будто бы они смогут уйти свободными, не беспокоясь о жизни и о своих женах, получили от татар и указанных князей твердое обещание [и] открыли ворота. Они оставили в крепости все имущество и безоружные вышли из нее. Увидев их, татары набросились на них, как волки на овец, проливая огромное количество крови невинных людей, так что разлившиеся потоки крови, стекая в Вислу, вызвали ее наводнение. И когда они устали в своей ярости, они остальных мужей, как стадо свиней, столкнув в реку Вислу, потопили. Молодых же женщин, красивых девушек и юношей увели с собой пленными. И погибло тогда много тысяч человек как в продолжительном плену, так и пораженные мечом. Татары же, забрав из крепости и города Сандомира имущество [людей], спалили их; и совершили они, о горе, находясь в Краковской и Сандомирской землях в течение многих дней, деяния злые и безобразные [...].»

ПОНС ДЕ ОБОН ПИСЬМО МАГИСТРА ТАМПЛИЕРОВ К ЛЮДОВИКУ СВЯТОМУ

Письмо магистра ордена тамплиеров во Франции, Понса де Обон, впервые было указано Поленом Парисом (Histoire littéraire de la France. 1847. Т. XXI. Р. 791) и напечатано затем — вместе с анонимной хроникой, в которой оно сохранилось (Chronique anonyme des rois de France), — в «Recueil des historiens des Gaules et de la France» Т. XXI). Письмо написано в начале 1242 г., так как Понс де Обон, с одной стороны, знает о смерти силезского князя Генриха II Благочестивого (уб. 9.IV.1241), а с другой — он говорит о действиях армии Монгольской империи в Центральной Европе и о приготовлениях к борьбе с ними; между тем весной 1242 г. войска Бату ушли из Венгрии.

Письмо было переведено в 1919 г. С.В.Савченко на русский язык из вышеназванного сборника французских летописей. Текст воспроизведен по изданию: Письмо магистра тамплиеров к Людовику Св. о вторжении татар в Западную Европу. Пер. С.В. Савченко // Университетские известия. Киев, 1919. № 1–4. С.2–5

«В лето от Р.Х. 1236 была Франция и все иные земли сильно напуганы вестями о татарах (Tartarins). Ибо много бежало людей из Венгрии (Hongrie) и из земель, которые лежат за Германией (Alemaigne); и не состоялось из-за этого во Франции много торговых сделок, из боязни татар (Tartarins); и послал некий брат тамплиер по имени Понс из Обона, письмо *королю* Франции; и гласило письмо так:

Моему высокому господину *королю*, милостью Божией *королю* Франции, Понс из Обона, *магистр* тамплиеров во Франции, привет, с готовностью быть в воле вашей во всем, с почтением и во славу Господа. Известия о татарах (Tartarins), как мы их слышали от братьев наших из Полонии (Poulainne), пришедших в *капитул*. Доводим до сведения вашего Высочества, что татары (Tartarins) разорили и опустошили землю, принадлежавшую Генриху, *герцогу* Полонии (Poulainne), а его самого, вместе со многими *баронами*, и шестерых из наших братьев, трех рыцарей, двух служителей и пятьсот наших людей умертвили; а трое из наших братьев, которых мы хорошо знаем, спаслись. Затем они опустошили всю Венгерскую землю и Богемскую (la terre de Hongrie et de Baigne); после чего они разделились на три отряда, из коих один находится в Венгрии (Hongrie), другой в Богемии (Baigne), а третий в Австрии (Osteriche). И разрушили они две лучших башни и три поселения, какие мы имели в Полонии (Poulainne); а всё, что мы имели в Богемии (Boopie) и Моравии (Morainne), они разрушили совершенно. И мы опасаемся, как бы то же не случилось в немецких областях. И знайте, что *король* Венгрии (Hongrie) и *король* Богемии (Boopie) и два сына *герцога* Полонии (Poulainne) и *патриарх* Аквилей (d'Aquitainne) с великим множеством людей не осмелились атаковать даже один из их трех отрядов. И знайте, что все *бароны* Германии (d'Alemaigne), и сам император, и все духовенство, и все благочестивые люди, монахи и обращенные, приняли крест; якобины и младшие братья [всюду] до самой Венгрии (Hongrie) приняли крест, чтобы идти против татар. И если случится, как нам говорили наши братья, что по соизволению Божию [все] эти будут побеждены, то до самой нашей земли не найдется никого, кто бы мог им [татарам] противостоять.

И знайте, что они не щадят никого, но убивают всех, бедных, малых и больших, за исключением красивых женщин, чтобы утолять свою страсть; а когда они удовлетворили свое желание, они их убивают, чтобы те не могли чего-либо рассказать о состоянии их войска. И если к ним посылают какого-либо гонца, его берут передовые в войске, завязывают ему глаза и ведут его к своему государю, который, по их словам, должен быть владыкой всего мира. Они не осаждают ни замков, ни укрепленных городов, но всё разрушают. Они едят всякое мясо, кроме свиного. Они не сжигают никаких деревень, кроме тех случаев, когда те обороняются против них; тогда они, в знак победы, зажигают имущество [строения?] на каком-либо высоком месте, чтобы можно было видеть издали. И если кто-нибудь из них умирает, то его сжигают; а если кто-нибудь из них взят в плен — ни за что он не станет есть, но уморит себя голодом. Они совершенно не имеют доспехов из железа и [не] заботятся о таковых, и их не удерживают; есть у них доспехи лишь из вываренной кожи.

И знайте, что наш *магистр* в Богемии (Bolame), Венгрии (Hongrie), Полонии (Poulainne), Германии (Alemagne) и Моравии (Morainne) не явился в наш *капитул*, но собирает столько, сколько может, людей, чтобы идти против них; это он сообщил нам через братьев нашего *капитула*, которых он к нам послал; и мы верим, что это правда.

Они [татары] не заботятся о том, чтобы кого-либо брать в союзники. И знайте, что войско их столь велико, — как мы узнали от наших братьев, которые спаслись от них, — что они занимают место на добрых 18 лье в длину и 12 в ширину; и они передвигаются за один день на такое расстояние, как от Парижа до города Шартра».

Научно-популярное издание

Авторы-составители: **М.С.Гатин, Л.Ф.Абзалов, А.Г.Юрченко**

ОБРАЗОВАНИЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Редактор *М.С.Гатин*

Художественный редактор *Р.Х.Хасанишин*

Художник *Р.Х.Хасанишин*

Технический редактор и компьютерная верстка *Т.В.Гредюшко*

Корректоры *Н.И.Максимова, А.Г.Хамитова*

Оригинал-макет подписан в печать 6.08.2008. Формат 70×90^{1/16}.

Усл. печ.л. 35,1 + вкл. 1,17 + форз. 0,29.

Тираж 2000 экз. Заказ С-1569.

Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул.Баумана, 19.

<http://tatkniga.ru>

e-mail: tki@tatkniga.ru

ОАО полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс».

420066. Казань, ул.Декабристов, 2.